МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2021 **№ 73**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.)

Подписной индекс 44014 в объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии

16+

ISSN 1998-8613
e-ISSN 2311-2387

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета;
Дацышен Владимир Григорьевич, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Джозефсон Пол**, PhD, проф. Колби Колледжа (г. Уотервилл, США);
Иванова Наталья Анатольевна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва);
Кирюшин Юрий Федорович, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул);
Красильников Сергей Александрович, д-р ист. наук, проф., кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., руководитель Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН;
Мерлин Од, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии);
Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, проф., директор Института этнологии и антропологии РАН (Москва);
Ермекбай Жарас Акишевич, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Рожнева Жанна Анатольевна**, кандидат исторических наук, декан факультета исторических и политических наук Томского государственного университета; **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

EDITORIAL COUNCIL OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Josephson Paul,** PhD, prof. Colby College (Waterville, USA), **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, head of the Center for the study of strategic issues in northeast Asia and the SCO of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain);
Funk Dmitry A., Dr. of History, Professor, Director, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Ermekbay Zharas A.,** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Zhanna A. Rozhneva**, Candidate of Historical Sciences, Dean of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University; **Sulyak Sergey G.**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Федосов Егор Андреевич,** канд. ист. наук, ассистент кафедры российской истории – ответственный секретарь;
Молодин Вячеслав Иванович, д-р ист. наук, проф., академик РАН, заместитель директора по научной работе Института археологии и этнографии СО РАН; **Некрылов Сергей Александрович**, д-р ист. наук, заведующий кафедры российской истории Томского государственного университета; **Румянцев Петр Петрович**, канд. ист. наук, доцент кафедры российской истории Томского государственного университета; **Рындина Ольга Михайловна**, д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, природного и культурного наследия Томского государственного университета; **Саидов Илхомжон Мухиддинович,** д-р ист. наук, профессор кафедры историографии и источниковедения Самаркандского государственного университета (Узбекистан, г. Самарканд)**; Троицкий Евгений Флорентьевич**, д-р ист. наук., проф. кафедры мировой политики Томского государственного университета; **Фурсова Елена Федоровна**, д-р ист. наук, зав. отделом этнографии Института археологии и этнографии СО РАН; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф. кафедры истории и документоведения Томского государственного университета; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, профессор кафедры российской истории Томского государственного университета; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф. кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Черная Мария Петровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета; **Чиндина Людмила Александровна**, проф. кафедры археологии и исторического краеведения Томского государственного университета

EDITORIAL BOARD OF THE "JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY. HISTORY"

Zinoviev Vasiliy P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University;
Fedosov Egor A., Executive Editor, PhD (History), lecturer of Department of Russian History; **Molodin Vyacheslav I.**, Dr. of History Professor, academician of RAS, Vice director of Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; **Nekrylov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Rumyantsev Peter P.**, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University**; Ryndina Olga M.**, Dr. of History, Professor of the Department of museology, natural and cultural heritage, Tomsk State University; **Troizkiy Eugeniy F.**, Dr. of History, Professor of the Department of World Politics, Tomsk State University; **Fursova Elena F.**, Dr. of History, head of Ethnography Department of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS**; Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Department of History and Documentary Studies, Tomsk State University; **Sherstova Lyudmila I.**, Professor of the Department of Russian History, Tomsk State University; **Saidov Ilkhomjon M.**, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historiography and Source Studies, Samarkand State University (Samarkand, Uzbekistan); **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Chernaya Maria P.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor of the Department of Archaeology and Local History, Tomsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

© Томский государственный университет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Гололобов Е.И., Красовитова Э.С. Экологические факторы урбанизации севера Западной Сибири и их влияние на развитие городского хозяйства в середине 1960-х – 1980-е гг. 5
Мостовенко М.С. От «города-сада» к «городу-аду»: проблема загрязнения воздушного бассейна города Омска в 1960–1980-е гг. 13
Наронская А.Г. Система рекрутирования советской правящей элиты: общее и специфическое 19
Нечипорук Д.М. Пространство Сибири в восприятии американских журналистов в 1920–1960-е гг. 24
Пискунов М.О. Раков Т.Н. Позднесоветские субботники: от продуктивистской утопии к ритуалам политической лояльности 31
Сосковец Л.И. Критика «приспособленческой» деятельности церкви советской пропагандой 1960–1970-х гг. 41
Чернышева Н.В., Свинцова М.Н. Рождаемость населения Волго-Вятского района в годы Великой Отечественной войны 48
Чмыхало А.Ю., Винарский П.А. Вертячийская операция Красной Армии в отечественной мемуарной литературе и архивных документах 56
Щербич С.Н., Тимофеева О.А., Карпова Э.Р. Делопроизводство в сиротских судах Тобольской губернии 67
Якуб А.В. Российское Бюро Филателии: первый опыт создания государственной филателистической организации 76

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Афоньшина А.И. Процесс принятия внешнеполитических решений в Пятой Республике при неоголлистах (Ж. Шираке и Н. Саркози) 82
Го Лицзюнь, Троицкий Е.Ф., Цзюй Чуанья. Становление центральноазиатской политики Китая (1992–2000) 87
Зарубин А.Н., Савкович Е.В. Теория международных режимов при исследовании регионального научно-технического сотрудничества РФ и КНР в 1990–2020 гг. 92
Менщикова Ю.В. Подписание Маастрихтского договора – победа Джона Мейджора и провал для Великобритании? 101
Попов Ю.П. Отношение правительства Ричарда Никсона к провозглашению и началу проведения «Новой восточной политики» ФРГ (1969–1970) 106
Цуранович А. Особая миссия России в славянском мире: реликт прошлого или злободневный вопрос? 112

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Иванова Н.П., Цыб С.В. Основные историко-хронологические проблемы древнерусского летописания: историографический обзор 120
Рогаева И.Е., Трубникова Н.В. Национальное воображаемое как историко-культурная практика памяти: образы отцов-пилигримов в риторике гражданской войны в США 133

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Evgeny L. Gololobov, Elvira S. Krasovitova. Environmental factors of urbanization in the north of Western Siberia and their impact on urban development in the mid-1960s – 1980s 5
Maksim S. Mostovenko. From the "garden city" to the "hell city": the problem of pollution of the air basin of the city Omsk in the 1960–1980s 13
Anna G. Naronskaia. The recruitment of the soviet ruling elite: general and specific 19
Dmitry M. Nechiporuk. The US press coverage of Siberia's territory and its development in the 1920s–1960s 24
Mikhail O. Piskunov, Timofey N. Rakov. Late soviet subbotniks from the productivist utopia to the rituals of political loyalty 31
Lyubov I. Soskovets. Criticism of conformist church activities by soviet propaganda in 1960s–1970s 41
Natalia V. Chernysheva, Marina N. Svintsova. Fertility rate of the population of the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic war 48
Alexander Yu. Chmykhalo, Peter A. Vinarskiy. Operation Vertyachiy of the Red Army in the national memorial literature and archival documents 56
Sofya N. Shcherbich, Olesya A. Timofeeva, Elvira R. Karpova. Proceedings of orphans' courts in Tobolsk governorate 67
Alexey V. Yakub. Russian Bureau of Philately: the first attempt of creating a state philatelic organization 76

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Alexandra I. Afonshina. The process of making foreign policy decisions in the Fifth Republic under the neo-hollists (J. Chirac and N. Sarkozy) 82
Guo Lijun, Evgeny F. Troitskiy, Ju Chuanya. Development of China's Central Asian policy (1992–2000) 87
Alexey N. Zarubin, Evgeniy V. Savkhovich. The theory of international regimes in the study of regional scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the PRC in 1990–2020s 92
Yulia V. Menshchikova. Signing of the Maastricht treaty: John Major's victory and failure for the UK? 101
Yury P. Popov. The Richard Nixon government's attitude toward the announcement and beginning of the "New eastern policy" of the FRG (1969–1970) 106
Alicja Curanović. Russia's exceptional mission in the Slavic World: a relic of the past or a present-day phenomenon? 112

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

Natalia P. Ivanova, Sergey V. Tsyb. The main historical chronological problems of ancient Russian chronicle writing: historiographical review 120
Irina E. Rogaeva, Natalia V. Trubnikova. The national imaginary as a historical and cultural practice of memory: images of the pilgrim fathers in the rhetoric of the American civil war 133

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Дашинамжилов О.Б. Всесоюзные переписи и текущий учет населения (1959–1970) как статистические источники этнодемографических исследований 140
Жамсаранова Р.Г. Родовой состав тунгусов Урульгинской степной думы 147
Загребин А.Е., Зворыгин Р.В. Стефан Кирович Кузнецов – этнограф, археолог и библиофил: томские годы 162

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Берсенев М.В., Шульмин М.П. Эмпатия как фактор безбарьерной коммуникации и развития инклюзивной культуры в вузе 168
Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И., Андреева Т.Л., Мастрюкова А.А. Организация учебного процесса в сфере внешней образовательной миграции на примере Томского государственного университета 173
Раитина М.Ю., Покровская Е.М., Зиновьева В.И. Интернационализация образования и алгоритмы академического обмена (на опыте Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) 180

РЕЦЕНЗИИ

Гильминтинов Р.Р. Рецензия: Place and nature: essays in Russian environmental history / ed. D. Moon, N.B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell : White Horse Press, 2021. 343 p. 186

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Зиновьев В.П., Литвинов А.В. Владислав Кулемзин – этнограф божьей милостью 189

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 193

PROBLEMS OF ETHNOLOGY, ANTROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Odon B. Dashinamzhilov. All union census and current population statistics (1959–1970s) as statistical resources of ethnical demographic researches 140
Raisa G. Zhamsaranova. Tribal complement of Tungus of Urul'ga steppe duma 147
Aleksei E. Zagrebin, Roman V. Zvorygin. Stefan Kirovich Kuznetsov – ethnographer, archaeologist and bibliophile: the Tomsk years 162

UNIVERSITY PRACTICES: HISTORY AND MODERNITY

Maxim V. Bersenev, Maxim P. Shulmin. Empathy as a factor of barrier-free communication and the development of an inclusive culture in a university 168
Elena Y. Kosheleva, Elena I. Samofalova, Tatiana L. Andreeva, Anastasiya A. Mastryukova. Organization of the educational process in the field of external educational migration on the example of Tomsk State University 173
Margarita Yu. Raitina, Elena M. Pokrovskaya, Valentina I. Zinoviyeva. Internationalization of education and algorithms for academic exchange (on the experience of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics) 180

REVIEW

Roman R. Gilmintinov. Review: Place and nature: essays in Russian environmental history / ed. D. Moon, N.B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell: White Horse Press, 2021. 343 p. 186

SCIENTIFIC LIFE

Vasiliy P. Zinovyev, Aleksandr V. Litvinov. Vladislav Kulemzin – ethnographer by the grace of God 189

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 193

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 908(571.1)”19”:332.14(571.1)
DOI: 10.17323/19988613/73/1

Е.И. Гололобов, Э.С. Красовитова

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ УРБАНИЗАЦИИ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СЕРЕДИНЕ 1960-х – 1980-е гг.

Результаты получены при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» и в рамках выполнения гранта РНФ № 20-68-46044 «Воображаемый антропоцен: производство и трансферы знания об окружающей среде в Западной Сибири в XX–XXI вв.»

Рассматриваются экологические проблемы урбанизации Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения. Отмечается, что загрязнение и экологическая деградация территорий Севера Западной Сибири были связаны не только с развитием и становлением нефтегазодобывающей промышленности, но и с развитием городской коммунальной инфраструктуры и проблемами в хозяйственно-бытовой сфере. Делается вывод, что в обострении экологических проблем городов большую роль сыграли социально значимые аспекты (ведомственность, отсутствие генпланов при строительстве, ориентация на выполнение производственных планов, а не на развитие социальной инфраструктуры).

Ключевые слова: урбанизация, XX в., Север Западной Сибири, экологическая история.

1960–1980-е гг. – время активного промышленного освоения Сибирского Севера в целом и Севера Западной Сибири в частности. Шла его активная модернизация на основе нового индустриального стандарта «хозяйственного освоения» региона. Индустриальный стандарт освоения территории подразумевает рациональный контроль не только над обществом, но и над природой, осуществление научной революции, расширение прикладных научных исследований, развитие промышленности, товарного сельского хозяйства, процессов урбанизации. В 1960–1970-е гг. на территории Севера Западной Сибири происходило становление и развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, что существенно изменило значение региона как в хозяйственном комплексе страны, так и в мировой экономике XX в.

Тенденции освоения Севера в XX в., использования его ресурсов были характерны не только для СССР; чтобы преодолеть «культурную отсталость», «дикость» этих территорий, их надо было преобразовать, развить промышленность, товарное сельское хозяйство, построить города и дороги. Север необходимо было колонизировать, освоить, привнести в жизнь местных народов «цивилизацию». Здесь интересы социализма и капитализма совпадали. Добыча биологических ресурсов, затем полезных ископаемых становилась главной задачей освоения северных территорий и в СССР, и в Канаде, и в США [1–4].

Стремление к господству человека над природой было общим для всех модернистских государств, особенно в таких странах, как СССР и США. Авторитарные режимы особенно увлекались идеей реализации проектов покорения природы из-за ограниченных институциональных возможностей сопротивления граждан этим проектам. В СССР идеи покорения природы получили интенсивное развитие и стали важной частью государственного дискурса освоения северных территорий. Советское государство провозгласило господство человека над природой, призвав граждан контролировать, изменять и регулировать природные процессы, справляться с хаотичной и бессмысленной природной средой [5].

Советская власть рассматривала природную среду главным образом с экономической точки зрения – как источник для добычи и производства природных ресурсов. Она подлежала контролю, регулированию и планированию с фундаментальной целью максимизации прибыли, тем более что перед СССР стояла цель – вырваться в мировые лидеры по добыче нефти. И действительно, в 1960-е гг. Советский Союз обогнал США по объему добываемой нефти, причем Север Западной Сибири давал 1 млн т нефти в сутки [6].

Для решения вышеуказанных экономических задач на Север необходимо было переместить значительные людские ресурсы. Слабая заселенность Сибирского Севера преодолевалась за счет широкомасштабной миграции трудоспособного населения из давно обжитых регионов СССР. Поэтому частью процесса модернизации, внедрения новых стандартов освоения региона стала стремительная урбанизация Севера Западной Сибири. Главной целью формирования системы расселения на Севере стало создание оптимально функционирующего народнохозяйственного комплекса, основным системообразующим признаком которого являлось наличие рациональных связей между производством и расселением.

Проектировать и строить новые города приходилось в очень сложных природно-климатических усло-

виях. Возникали проблемы, требующие научного анализа и осмысления. В 1973 г. состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция «Климат–город–человек», на которой обсуждались вопросы влияния природно-климатических условий на проектирование городов. В докладах рассматривались актуальные проблемы учета природно-климатических факторов при планировке и застройке городов, мелиорации и прогнозировании городского климата, оздоровления городской среды. Применительно к задачам градостроительства анализировались особенности климата и микроклимата городов, расположенных в различных ландшафтных зонах [7].

Основной целью советского градостроительства декларировалось создание оптимальных условий жизнедеятельности во всех без исключения поселениях при совершенствовании их территориальной организации. На Севере ввиду специфики градостроительного освоения и развития населенных мест с учетом природно-климатического комплекса должна была быть создана планировочная структура городов, обеспечивающая формирование характерного для городов региона уклада жизни и комфортной городской среды высокого качества с равноценными для всего населения условиями организации труда, быта, отдыха и творческой деятельности [8. С. 11].

Таким образом, город рассматривался как целостная система, строящаяся на основе взаимодействия искусственной и природной сред в их единстве при ведущей роли искусственной среды и регламентирующей роли природных факторов. Профессиональное сообщество признавало, что масштабы преобразования окружающей среды в городах становятся настолько значительными, что уже не могут не нарушать ход существующих экологических процессов. К основным вопросам, связанным с охраной и усовершенствованием среды города в гигиеническом аспекте, относились: охрана окружающей среды от загрязнения производственными и бытовыми отходами; защита населения от городских шумов; сохранение и восстановление природных компонентов городской среды (рассмотрение форм связи природно-ландшафтной среды, окружающей город, с искусственно созданной средой самого города); улучшение микроклимата и повышение санитарно-гигиенических качеств городской застройки (инсоляция, аэрация, тепловой режим и др.) в различных природно-климатических зонах страны [9. С. 3–4].

Таким образом, экологические факторы урбанизации Севера Западной Сибири анализировались в контексте влияния промышленного освоения региона на природную среду, обеспечения комфортных условий жизнедеятельности человека (санитарно-эпидемиологическая обстановка) и градостроительства (генпланы городов, благоустройство, коммунальная инфраструктура, бытовые и промышленные загрязнения). Влияние природно-климатических условий на формирование расселения рассматривалось в совокупности с производственной инфраструктурой и градостроительной ситуацией [10. С. 9].

Важнейшим принципом градостроительства в регионах со сложными и экстремальными условиями, в том числе в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока, стал учет в проектировании и строительстве региональных особенностей, который имел значительный экономический и социальный эффект [11. С. 62]. Это делает необходимым использование в исследовании регионального подхода. Север Западной Сибири мы рассматриваем как регион с особыми природно-климатическими условиями, которые оказывали влияние на человека; и наоборот, человек в ходе своей преобразующей деятельности изменял природу региона. Именно в 1965–1980-е гг. начались ускоренный темп урбанизации и активный прирост населения. За беспрецедентно короткие сроки Север Западной Сибири (особенного его таежная зона в пределах ХМАО) превратился в один самых урбанизированных регионов в России. Его история тесно связана с историей развития нефтегазовой промышленности, становлением Западносибирского нефтегазового комплекса, развитием инфраструктуры, в целом индустриализации. Города, поселки городского типа становились опорной базой по добыче нефти и газа. Наряду с прогрессом в области урбанизации и индустриализации все отчетливее выявлялись деградационные процессы в области экологии, так как природа Севера была крайне уязвима к антропогенному воздействию.

Рассмотренные природно-климатические факторы необходимо было учитывать в проектировании и строительстве городов на Севере Западной Сибири. Суровый климат, ветровой режим, многоводность и заболоченность территории оказывали непосредственное влияние на планировку и застройку населенных мест региона. Их игнорирование или недоучет обусловливали дискомфортность среды проживания и приводили к негативным экономическим и социальным эффектам.

Ключевая проблема, возникшая при развитии городов нефтегазодобывающих районов Западно-Сибирской равнины во второй половине XX в., специалистами определялась как оптимальная организация системы расселения в условиях неблагоприятной природной обстановки и крайне слабой освоенности территории. Своеобразие экологических проблем города на Сибирском Севере заключалось в особой и тесной связи процессов развития производительных сил с природной средой, в ее высокой «ранимости», необходимости более глубокой и комплексной разработки вопросов рационального использования, охраны и преобразования природной среды [12. С. 174, 279].

На протяжении длительного времени перечисленные природно-географические особенности региона определяли его освоение «очаговым» способом, при котором антропогенная нагрузка на окружающую среду носила локальный характер. Ситуация резко изменилась во второй половине XX в. С середины 1960-х гг. начинаются индустриальное освоение территории, активная разработка месторождений нефти и газа.

Открытие углеводородных месторождений в Сибири в 1960-е гг. и последующее создание Западносибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) не только предопределило дальнейшее индустриальное развитие региона, но и в корне изменило систему природопользования. Вовлечение новых видов природных ресурсов в хозяйственный оборот и увеличение масштабов

осваиваемых территорий значительно ухудшило экологическую обстановку. До эпохи «большой нефти» экономика региона наносила ущерб природе точечно, по отдельным элементам ландшафта, флоры и фауны. В период активного развития ЗСНГК воздействие на природную среду пошло «по всему фронту». Вода, воздух, почвы, флора, фауна, недра Севера Западной Сибири подверглись мощному антропогенному воздействию, загрязнению. Переход хозяйственной деятельности в регионе с освоения биоресурсов на добычу нефти и газа значительно усугубил экологические проблемы региона.

Город в этом процессе играл одну из ключевых ролей. Главной целью формирования системы расселения на Севере в рассматриваемый период являлось создание оптимально функционирующего народнохозяйственного комплекса, обеспечивающего прежде всего максимальную эффективность в масштабе всей страны. Поэтому основным системообразующим признаком при рассмотрении системы расселения на Севере было наличие рациональных связей между производством и расселением. Как уже отмечалось, северный город был теснейшим образом включен в производственные процессы и становился очагом активного воздействия на прилегающее пространство.

Уникальность развития Севера Западной Сибири заключается в форсированном развитии промышленности и урбанизации, аналогов которым не было в мире. Неудивительно, что Тюменскую землю называли полуторатысячекилометровой строительной площадкой [13. С. 33]. Север Западной Сибири стал территорией с «промышленным пейзажем», развитой инфраструктурой и городами со значительным для северных условий постоянным населением. В рассматриваемый период население в ХМАО увеличилось в 10,3 раза. При этом городское население в ХМАО в конце 1980-х гг. достигло 90,8%, а в ЯНАО – 56% [14. Л. 34; 15. С. 85].

Северный город был включен в производственные процессы и становился очагом активного воздействия на прилегающее пространство. Это обстоятельство вступало в противоречие с основной целью советского градостроительства – созданием оптимальных условий жизнедеятельности во всех без исключения поселениях при совершенствовании их территориальной организации. На Севере ввиду специфики градостроительного освоения и развития населенных мест с учетом природно-климатических факторов должна была создаваться планировочная структура городов, которая обеспечила бы формирование среды жизнедеятельности высокого качества с равноценными для всего населения условиями организации труда, быта, отдыха. Во многом эта специфика при строительстве северных городов, особенно на начальных этапах индустриального освоения (1960–1970-е гг.) не учитывалась. Над многими сферами жизни и производства на Севере, в том числе и над градостроительной политикой, довлел так называемый «шаблон средней полосы», т.е. строительство северных городов осуществлялось по нормам и стандартам, разработанным для умеренной климатической зоны, для давно обжитых районов.

Урбанизация стала мощным экологическим фактором, сопровождающимся преобразованием ландшафта, земельных и водных ресурсов, массовым производством отходов, поступающих в атмосферу и гидросферу. Новые и старые населенные пункты Севера Западной Сибири становились источниками промышленных и бытовых отходов, в частности роста фекальных загрязнений. Вследствие ведомственной разобщенности проблемы коммунального характера перекладывались на разные организации, что усугубляло, а не разрешало имевшиеся трудности. В связи с этим в городах региона была сложная эпидемиологическая обстановка. В середине 1960-х – 1970-х гг. фиксировался высокий уровень заболеваемости дизентерией и желудочно-кишечными инфекциями. Антисанитария в населенных пунктах, отсутствие качественной питьевой воды, проблемы с канализацией, организация некачественного питания рабочих – все это приводило к вспышкам острых желудочно-кишечных инфекционных заболеваний. Низкокачественное жилье, которое предоставлялось рабочим, тяжелые условия труда, климатический фактор становились причинами различных простудных заболеваний. Загрязненная городская среда, в которой проживал человек, становилась источником болезней [16].

Факторы окружающей среды, в первую очередь низкие температуры, негативно воздействовали на здоровье людей. К другой категории факторов влияния можно отнести производственную среду: профессиональные вредности, гигиенические условия (загазованность, освещенность, тепловой режим). К третьей группе относятся индивидуальные особенности человека: возраст, образ жизни, иммунитет, вредные привычки (курение, употребление алкоголя т.д.). Многих проблем можно было бы избежать, если бы санитарные службы осуществляли в городах и на территориях районов должный надзор за проектированием и строительством объектов жилищного, гражданского и промышленного назначения, а также проводился государственный надзор за центральным водоснабжением, канализацией, теплоснабжением, очисткой населенных пунктов, за местами общественного питания и торговли, общежитиями согласно утвержденному в 1973 г. Положению о государственном санитарном надзоре в СССР [17]. Ситуация в этой сфере начала меняться в положительную сторону лишь с середины 1970-х гг. На Севере Западной Сибири учреждения здравоохранения стали работать эффективнее, улучшались жилищно-бытовые условия, развивалась коммунальная инфраструктура (централизованные водопровод, канализация). В результате показатели по многим инфекционным заболеваниям снизились, но ситуация продолжала оставаться сложной [18. Л. 53, 55, 56; 19. Л. 28–31].

Стремительно растущее городское население ХМАО и ЯНАО необходимо было обеспечить жильем, учитывая специфику региона (защитить человека от суровых климатических воздействий), наладить коммунальные инженерные сети, создать соответствующую инфраструктуру. Город должен был быть комфортным для проживания, безопасным для здоровья человека с точ-

ки зрения экологии, чтобы стать компенсатором в экстремальных условиях. Именно эти вопросы необходимо было включать в генеральные планы строительства. Основной проблемой населения на Севере Западной Сибири стала некомфортабельность жилой среды региона, а также слабая функциональность пространства городов.

Приведем конкретные примеры. Разработка плана застройки Сургута длилась 4 года, начиная с 1964 г. Проектировался город по двум вариантам: минимальному, на 120–130 тыс. человек (город должен был развиваться на восток – от ручья Кедровка в сторону Старого Сургута и Черного мыса), и максимальному, на 250 тыс. человек (город должен был развиваться на запад – от ручья Кедровка в сторону Белого Яра). В 1968 г. было принято решение строить на восток от ручья Кедровка с использованием территории Старого города до Черной речки. Данное решение было одобрено Тюменским обкомом КПСС и облисполкомом, но проекты планировки еще рассматривались и утверждены не были [20. Л. 10, 11]. Руководство области не устраивало качество застройки города ввиду ведомственности и низкой градостроительной дисциплины. Генеральный план Сургута был утвержден решением облисполкома № 785 от 27 декабря 1968 г [Там же. Л. 30]. Таким образом Сургут практически пять лет строился без генерального плана, по сути, велась его самовольная застройка.

Межведомственные разногласия и разобщенность привели к смене проектировщика в Сургуте. Вместо Гипрогора (Государственный институт проектирования городов) был назначен новый главный проектировщик – Ленинградский научно-исследовательский институт по разработке генеральных планов и проектов застройки городов. В 1978 г. институт разработал схему территориального развития города. Сургут проектировался как центр нефтедобывающей промышленности, как базовый город, обеспечивающий вахтовую методику освоения месторождений нефти и газа Севера Тюменской области [21. С. 100]. В результате даже в 1970-е гг. строительства общественных зданий в Сургуте не планировалось [22. Л. 160; 23. Л. 12]. При этом в условиях ведомственного управления народным хозяйством финансирование жилищного и культурно-бытового строительства в городах осуществлялось преимущественно через министерства. Чаще всего эти объекты рассматривали как второстепенные, а основные средства стремились направить на развитие промышленного строительства и производства [24]. К тому же Сургут до 1970 г. не имел четко выраженного центра города.

Таким образом, главной причиной серьезных недостатков в проектировании северных городов было затянувшееся составление генеральных планов, их постоянное переделывание, перерассмотрение и переутверждение. Жилые микрорайоны, отведенные для многоэтажного строительства, начинали интенсивно застраиваться деревянными домами без надлежащих удобств или просто временными строениями, приспособленными для жилья. Многие люди в первые годы существования северных городов жили в землянках, бараках, временных строениях [25. Л. 156, 157, 160]. Подобная самовольная застройка приводила к нарушению генерального плана. Отсюда и последствия: неряшливый вид города, асимметричность застройки, отсутствие архитектурно-планировочного замысла, общегородской парковой зоны.

Многие рабочие поселки Севера Западной Сибири в 1960-е гг. вообще не имели генпланов. Даже к 1980-м гг. эта проблема не была решена: в Берёзовском районе 10 поселков не имели генпланов, в Октябрьском – 2 поселка, в Кондинском – 1, в Сургутском – 10, в Нижневартовском – 3. Генеральные планы появлялись спустя несколько лет после появления самих поселков, несмотря на то что населенные пункты имели важное промышленное значение [26. Л. 60–63; 27. Л. 63, 64, 153–155; 28. Л. 46–53].

Причины неудовлетворительного состояния планировки, застройки, инженерного оборудования и благоустройства крылись в безответственности министерств и ведомств, их местных организаций. При возведении жилых домов отсутствовал контроль со стороны местных советов депутатов трудящихся, а также со стороны городских отделов по делам строительства и архитектуры, технического надзора заказчиков и авторского надзора проектных организаций. Постоянно фиксировались многочисленные нарушения, такие как применение в жилищном строительстве домов, не пригодных для условий Севера, грубые нарушения проектов, несвоевременный завоз строительных материалов [29. Л. 121; 30. Л. 14; 31. Л. 10]. Основными проблемами были отсутствие баз домостроения и строительных материалов, генеральных планов строительства, проектов детальной планировки, проектов застройки городов, низкое качество жилья из-за поставляемых материалов, которые не соответствовали нормам [29. Л. 24; 32. Л. 196, 200]. Строительство проводилось без учета природно-климатических условий и необходимости бережного отношения к природе.

Низкое качество строительства объяснялось также выборочным освоением земель на наиболее благоприятных территориях, недостаточной плотностью застройки, отсутствием четкого зонирования территории и комплексного решения по инженерному оборудованию. Также можно отметить и другие проблемы: застройка велась не комплексно, не обеспечивался одновременный ввод в эксплуатацию объектов культурно-бытового и коммунального назначения, инженерного оборудования и благоустройства территорий. В результате создавалось тяжелое положение с обеспечением населения и промышленных предприятий водой, теплом. Организации, осуществлявшие строительство городских инженерных сооружений, были маломощными и не имели достаточного количества техники и материалов, в связи с чем строительство велось медленно и было низкого качества, выделяемые средства часто вовремя не осваивались [33. Л. 26, 119].

Эстетикой и благоустройством городов практически не занимались. Интенсивное развитие городов и районов, рост населения – все это затрудняло руководство и контроль за работой сельских и поселковых советов со стороны горисполкомов, что, разумеется,

снижало эффективность управления дальнейшим развитием районов, не способствовало повышению материально-культурного уровня населения [34. Л. 20].

Таким образом, города Севера Западной Сибири застраивались стихийно, не имея генплана, в виде разрозненных автономных поселков. Дома не соответствовали условиям Севера, застройка велась некачественно, нарушалась производственная и технологическая дисциплина. Планировка, застройка и благоустройство городов находились на низком архитектурно-планировочном и строительно-техническом уровне и в подавляющей части противоречили основным правилам советского градостроительства. Оставались нерешенными важные вопросы: поставка в города устаревших серий жилых домов; отставание инженерного обеспечения [35. Л. 220; 36. Л. 93; 37. Л. 106, 189; 38. Л. 211, 212].

Многоведомственность в проектировании городов, отсутствие должного надзора за градостроительством, отсутствие базы стройиндустрии, безответственность министерств и ведомств, местных организаций, градостроительных организаций, отсутствие утвержденных генеральных планов и единого заказчика, а также отсутствие типовых проектов, учитывающих условия градостроения на Севере – все это привело к нерациональным затратам, дискредитации элементарных основ градостроительства [39. Л. 7, 9; 40. Л. 139].

Проанализировав ситуацию, можно выделить следующие основные причины экологического неблагополучия урбанизированных территорий Севера Западной Сибири: командно-административные методы в управлении хозяйством страны и региона, экстенсивное природопользование, отсутствие эффективной системы контроля и надзора за выполнением законодательства об охране природы и соблюдением градостроительных норм, игнорирование природно-климатических условий Севера. В 1980-е гг. нарастающее экологическое неблагополучие городов уже нельзя было игнорировать. Местные власти начали принимать важные для санитарного благополучия северных городов решения, например проводились дни санитарной очистки и благоустройства. Во второй половине 1980-х гг. в архитектурно-градостроительном сообществе наметился переход от локального учета отдельных экологических факторов к системному «эколого-градостроительному проектированию», охватывающему весь сложный комплекс вопросов градостроительного освоения, охраны и улучшения окружающей среды. Вопросы экологии становились очень важными при разработке планировочной документации. Местные органы управления стали активно заниматься благоустройством и озеленением [21. С. 101].

В целом можно выделить три периода становления коммунальной инфраструктуры на территории Севера Западной Сибири в 1965–1980 гг. [41].

1-й период (1965–1972) – единичный ввод канализационных сетей, водопровода в городах и поселках, отсутствие очистных сооружений, отсутствие благоустройства. В этот период многие города строились без генплана, контроль за экологической ситуацией в регионе отсутствовал. Очистных сооружений не хватало или их просто не было.

2-й период (1972–1979) – постепенный ввод в строй очистных сооружений и инженерных сетей. В это время начались активный снос ветхого жилья и переселение людей в благоустроенное жилье. С 1976 г. в строительстве происходят изменения: стали утеплять стены домов, вести строительство с учетом климатических условий.

3-й период (1980–1989) – в строительстве происходит усиление контроля за возведением очистных сооружений. Усилился контроль за проведением природоохранных мероприятий. Принимаются важные решения для санитарного благополучия северных городов, например дни санитарной очистки и благоустройства городских территорий. Вопросы экологии стали важными при разработке документации по планировке урбанизированных территорий. Местные органы управления начали активно заниматься благоустройством и озеленением.

Таким образом, периоды становления коммунальной инфраструктуры на территории Севера Западной Сибири в 1965–1980-е гг., характеризуются постепенным вводом инженерно-технических сетей, усилением контроля за строительством, изменением градостроительной политики в сторону большего учета природно-климатического и в целом экологического фактора в проектировании и строительстве. Усиливается экологический контроль.

Для улучшения условий жизни людей требовалась новая градостроительная политика. В северных городах должны были быть иные градостроительные задачи, которые бы отражали специфику региона и отвечали экологическим, социально-экономическим, архитектурно-планировочным требованиям. Учет данных факторов и включение всех этих задач в градостроительную документацию наметились уже в 1980-е гг.

Город, городская среда должны были стать мобильными, комфортными, удобными для населения, не только быть сосредоточием развития народнохозяйственных комплексов, но и обеспечить устойчивое экологическое равновесие, благоприятные условия для труда, быта, отдыха населения и охраны природы, а также взаимодействие природного и антропогенного компонентов, где бы учитывалось, с одной стороны, влияние природных факторов на жизнедеятельность человека, а с другой – воздействие антропогенной деятельности на микроклимат города, городскую и окружающую среду. Однако на территории Севера Западной Сибири сосредоточились на максимальной добыче природных ресурсов, и это привело к пагубным экологическим последствиям.

Формирование в Западной Сибири крупного территориально-производственного комплекса по освоению месторождений нефти и газа вызвало быструю перестройку социально-экономической структуры региона. В целом урбанизация ХМАО, ЯНАО, особенно на начальных этапах (середина 1960-х – середина 1970-х гг.), не способствовала созданию комфортной городской среды. Движение к этому наметилось во второй половине 1980-х гг. В целом экологическая составляющая оставалась неблагоприятной. На протяжении всего рассматриваемого периода северный город оставался источником многих экологических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Josephson P.R. An environmental history of Russia. Cambridge : Cambridge University Press, 2013. viii , 340 p.
2. Bruno A. The Nature of Soviet Power: an Arctic Environmental History. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. 288 p.
3. Petrov A.N. Re-Tracing Development Paths: Exploring the Origins and Nature of the 20th Century's Northern Development Paradigms in Russia and Canada // Arctic Yearbook. 2018. P. 1–14.
4. Demuth B. Floating Coast: an Environmental History of the Bering Strait. New York : W.W. Norton & Company, 2019. 416 p.
5. Болотова А.А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 68–84.
6. Комогорцев И.И. Индустриальное развитие Сибири и задачи его изучения // Социально-экономическое развитие советской Сибири: исторический опыт и современность. Новосибирск : Наука, 1984. 285 с.
7. Влияние местных природно-климатических условий на проектирование городов : докл. к конф. «Климат–город–человек») / АН СССР, Геогр. о-во СССР (Моск. филиал), Гл. упр. гидрометеорол. службы при Совете Министров СССР. М. : Моск. отд-ние Гидрометиоиздата, 1974. 179 с.
8. Градостроительное освоение Красноярского Севера / под общ. ред. Т.М. Брагиной, Л.К. Панова / ЛенНИИПградостроительства. Л. : Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1983. 278 с.
9. Чистякова С.Б. Методика анализа и учета комплекса физических факторов окружающей среды в градостроительстве // Влияние местных природно-климатических условий на проектирование городов : докл. к конф. «Климат–город–человек») / АН СССР, Геогр. о-во СССР (Моск. филиал), Гл. упр. гидрометеорол. службы при Совете Министров СССР. М. : Моск. отд-ние Гидрометиоиздата, 1974. С. 3–12.
10. Мякиненков В.М., Крестьяшин С.И. Региональные особенности формирования системы населенных мест зоны Севера // Расселение, планировка и застройка городов на Севере : сб. ст. / под общ. ред. С.И. Крестьяшина. М. : ЛенНИИПградостроительства, 1979. С. 7–16.
11. Смирнов В.И. Комплексный учет ведущих природно-климатических факторов в градостроительном проектировании // Расселение, планировка и застройка городов на Севере : сб. ст. / под общ. ред. С.И. Крестьяшина. М. : ЛенНИИПградостроительства, 1979. С. 62–68.
12. Перцик Е.Н. Город в Сибири: (проблемы, опыт, поиск решений). М. : Мысль, 1980. 286 с.
13. Аганбегян А.Г. Сибирь не понаслышке. М. : Молодая гвардия, 1984. 241 с.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335.
15. Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе. М. : Наука, 1980. 336 с.
16. Красовитова Э.С. Экологическая деградация урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в 1960–1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57). С. 106–113.
17. Положение о государственном санитарном надзоре // Законодательство СССР. URL: http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data03/tex14663.htm
18. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. 2004. Оп. 1-1. Д. 47.
19. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5803.
20. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335.
21. Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6. С. 96–103.
22. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5000.
23. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5248.
24. Букин С.С. Строительство объектов социально-бытовой инфраструктуры городов Сибири: (1946–1960 гг.) // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 108–128.
25. ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176.
26. Казенное учреждение Государственный архив Югры (КУ ГАЮ). Ф. 403. Оп. 1. Д. 16.
27. КУ ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1247.
28. КУ ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1274.
29. Архивный отдел Администрации города Нижневартовска (НГА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 39.
30. КУ ГАЮ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 20.
31. НГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 41.
32. ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176.
33. ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 1389.
34. КУ ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1212.
35. КУ ГАЮ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 40.
36. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335.
37. ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176.
38. ГБУТО ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5245.
39. ГАРФ. Ф. 9527. Оп. 1. Д. 2335.
40. ГБУТО ГАТО. Ф. 1810. Оп. 3. Д. 176.
41. Красовитова Э.С. Периоды становления коммунальной инфраструктуры на территории Севера Западной Сибири в 1965–1980 гг.: экологический аспект // Россия и мир: история и современность : тез. IX всерос. конф. студентов и молодых ученых / Сургут. гос. пед. ун-т; ред. кол. З.В. Степаненкова и др. Сургут : РИО БУ «Сургут. гос. пед. ун-т», 2021. С. 25–26.

Evgeny L. Gololobov, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: gololobov.eig@yandex.ru
Elvira S. Krasovitova, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: KrasovitovaElvira@yandex.ru

ENVIRONMENTAL FACTORS OF URBANIZATION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA AND THEIR IMPACT ON URBAN DEVELOPMENT IN THE MID-1960s – 1980s

Keywords: urbanization, 20th century, North of Western Siberia, environmental history.

The article examines the environmental problems of the urbanization process in the North of Western Siberia during the period of active industrial development (1965–1980s). The city is considered as a system consisting of two subsystems: a territorial community of people and a set of material objects that make up the artificial environment of the inhabitants. Pollution and environmental degradation of the environmental territories of the North of Western Siberia were associated not only with the development and formation of the oil and gas industry, but also with the development of urban public infrastructure and problems in the domestic sphere. In general, it is possible to distinguish the following periods of formation of communal infrastructure in the North of Western Siberia in 1965–1980. 1 period (1965–1972) – single commissioning of sewerage networks, water supply in cities and towns, lack of sewage treatment facilities, lack of landscaping. During this period, many cities were built without a master plan, there was no control over the environmental situation in the region. Wastewater treatment plants were not enough or they simply did not exist. Period 2 (1972–1979) – gradual introduction of

sewage treatment plants and engineering networks into operation. In this period we started active demolition of dilapidated housing and relocation of people to comfortable housing. From 1976 the construction changed, began to insulate the walls of houses, to build in accordance with climatic conditions. In the 3rd period (1980–1989) the control of building of waste-water treatment plants was strengthened. The control of carrying out of nature protection measures was increased. Important decisions for the sanitary well-being of northern cities were made, for example, days of sanitary cleaning and improvement of urban areas. Environmental issues became very important in the development of planning documents for urbanized territories. Local governments became actively involved in landscaping and planting trees and shrubs.

The north of Western Siberia became a territory with an "industrial landscape", developed infrastructure and cities with a significant for the northern conditions permanent population. The northern city was closely included in the production processes and became a focal point of active impact on the adjacent space. The analysis of urbanization processes in the context of the industrial development of the North of Western Siberia in 1965–1980s made it possible to identify the key contradiction in the development of northern cities. The northern city's close involvement in industrial processes and their full priority bought the likelihood of the implementation of the main goal of Soviet urban planning – the creation of optimal living conditions in all settlements without exception while improving their territorial organization. In many cases, the process of urbanization was spontaneous and led to the violation of the ecological balance, which prevented cities from performing their main functions. Thus, the city has become a hotspot of active impact on the surrounding space and has itself experienced the negative environmental and social consequences of such impact. Socially significant aspects (departmentalism, lack of master plans during construction, focus on the implementation of production plans rather than on the development of social infrastructure) played a major role in the aggravation of environmental problems of cities.

REFERENCES

1. Josephson, P.R. (2013) *An Environmental History of Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Bruno, A. (2016) *The Nature of Soviet Power: an Arctic Environmental History*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Petrov, A.N. (2018) Re-Tracing Development Paths: Exploring the Origins and Nature of the 20th Century's Northern Development Paradigms in Russia and Canada. In: Heininen, L. et al. (eds) *Arctic Yearbook*. Arctic Portal. pp. 1–14.
4. Demuth, B. (2019) *Floating Coast: an Environmental History of the Bering Strait*. New York: W.W. Norton & Company.
5. Bolotova, A.A. (2006) Gosudarstvo, geologi i kolonizatsiya prirody v SSSR [State, geologists and the colonization of nature in the USSR]. *Neprikosnovennyy zapas*. 2(46). pp. 68–84.
6. Komogortsev, I.I. (1984) Industrial'noe razvitie Sibiri i zadachi ego izucheniya [Industrial development of Siberia and its study]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie sovetskoy Sibiri: istoricheskiy opyt i sovremennost'*. Novosibirsk: Nauka.
7. The USSR Academy of Sciences. (ed.) (1974) *Vliyanie mestnykh prirodno-klimaticheskikh usloviy na proektirovanie gorodov* [The influence of local natural and climatic conditions on the city design]. Moscow: Gidrometioizdat.
8. Bragin, T.M. & Panov, L.K. (eds) (1983) *Gradostroitel'noe osvoenie Krasnoyarskogo Severa* [Urban development of the Krasnoyarsk North]. Leningrad: Stroyizdat.
9. Chistyakova, S.B. (1974) Metodika analiza i ucheta kompleksa fizicheskikh faktorov okruzhayushchey sredy v gradostroitel'stve [Methodology for the analysis and accounting of a complex of physical environmental factors in urban planning]. In: The USSR Academy of Sciences. (ed.) *Vliyanie mestnykh prirodno-klimaticheskikh usloviy na proektirovanie gorodov* [Influence of local natural and climatic conditions on the city design]. Moscow: Gidrometioizdat. pp. 3–12.
10. Myakinenkov, V.M. & Krestyashin, S.I. (1979) Regional'nye osobennosti formirovaniya sistemy naselennykh mest zony Severa [Regional specificity of the formation of a system of inhabited places in the North zone]. In: Krestyashin, S.I. (ed.) *Rasselenie, planirovka i zastroyka gorodov na Severe* [Resettlement, planning and building of cities in the North]. Moscow: LenNIIPgradostroitel'stva. pp. 7–16.
11. Smirnov, V.I. (1979) Kompleksnyy uchet vedushchikh prirodno-klimaticheskikh faktorov v gradostroitel'nom proektirovanii [Comprehensive accounting of the main natural and climatic factors in urban planning]. In: Krestyashin, S.I. (ed.) *Rasselenie, planirovka i zastroyka gorodov na Severe* [Resettlement, planning and building of cities in the North]. Moscow: LenNIIPgradostroitel'stva. pp. 62–68.
12. Pertsik, E.N. (1980) *Gorod v Sibiri: (problemy, opyt, poisk resheniy)* [The City in Siberia: (Problems, Experience, Search for Solutions)]. Moscow: Mysl'.
13. Aganbegyan, A.G. (1984) *Sibir' ne ponaslyshke* [Siberia is not by hearsay]. Moscow: Molodaya gvardiya.
14. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 9527. List 1. File 2335.
15. Bandman, M.K. (ed.) (1980) *Sibir' v edinom narodnokhozyaystvennom komplekse* [Siberia in a single national economic complex]. Moscow: Nauka.
16. Krasovitova, E.S. (2018) Ekologicheskaya degradatsiya urbanizirovannykh territoriy Severa Zapadnoy Sibiri v 1960–1970-e gg. [Ecological degradation of the urbanized territories of the North of Western Siberia in the 1960s – 1970s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6(57). pp. 106–113.
17. USSR. (n.d.) *Polozhenie o gosudarstvennom sanitarnom nadzore* [Regulations on state sanitary supervision]. [Online] Available from: http://www.economics.kiev.ua/download/ZakonySSSR/ data03/tex14663.htm
18. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 2004. List 1-1. File 47.
19. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5803.
20. The State Archive of the Russian Federation. Fund 9527. List 1. File 2335.
21. Stas, I.N. (2017) Kontseptsii ozeleneniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.) [Greening concepts and environmental issues in the Soviet general plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6. pp. 96–103.
22. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5000.
23. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5248.
24. Bukin, S.S. (1987) Stroitel'stvo ob"ektov sotsial'no-bytovoy infrastruktury gorodov Sibiri: (1946–1960 gg.) [Construction of social infrastructure facilities in Siberian cities: (1946–1960)]. In: Alekseev, V.V. (ed.) *Urbanizatsiya sovetskoy Sibiri* [Urbanization of Soviet Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 108–128.
25. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 1810. List 3. File 176.
26. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 403. List 1. File 16.
27. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 1. List 1. File 1247.
28. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 1. List 1. File 1274.
29. The Archive Department of the Administration of Nizhnevartovsk (NGA). Fund 42. List 1. File 39.
30. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 403. List 1. File 20.
31. The Archive Department of the Administration of Nizhnevartovsk (NGA). Fund 42. List 1. File 41.
32. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 1810. List 3. File 176.
33. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 1810. List 3. File 1389.

34. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 1. List 1. File 1212.
35. The State Archive of Yugra (KU GAYu). Fund 403. List 1. File 40.
36. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 9527. List 1. File 2335.
37. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 1810. List 3. File 176.
38. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 814. List 1. File 5245.
39. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 9527. List 1. File 2335.
40. The State Archives of the Tyumen region (GBUTO GATO). Fund 1810. Op. 3. D. 176.
41. Krasovitova, E.S. (2021) Periody stanovleniya kommunal'noy infrastruktury na territorii Severa Zapadnoy Sibiri v 1965–1980 gg.: ekologicheskiy aspect [Periods of communal infrastructure formation in the North of Western Siberia in 1965–1980: the ecological aspect]. In: Stepanenkova, Z.V. et al. (eds.) *Rossiya i mir: istoriya i sovremennost'* [Russia and the World: History and Modernity]. Surgut: Surgut State Pedagogical University. pp. 25–26.

УДК 93/94:908:502.3/.7
DOI: 10.17323/19988613/73/2

М.С. Мостовенко

ОТ «ГОРОДА-САДА» К «ГОРОДУ-АДУ»: ПРОБЛЕМА ЗАГРЯЗНЕНИЯ ВОЗДУШНОГО БАССЕЙНА ГОРОДА ОМСКА В 1960–1980-е гг.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Рассматривается проблема загрязнения воздушного бассейна г. Омска в 1960–1980-е гг. Созданный городской администрацией, общественностью и средствами массовой информации образ «города-сада» к середине 1970-х гг. начинает постепенно исчезать. Вместе с ростом промышленного сектора и повышением концентрации вредного производства растет и уровень загрязненности атмосферы города, сводя на нет усилия по поддержанию облика «города-сада».

Ключевые слова: город-сад, экологическая история, экологическая история Сибири, антропоцен, охрана природы, загрязнение воздушного бассейна.

Принятая после XX съезда КПСС программа экономического развития Сибири во многом ускорила развитие этих территорий. Быстрые темпы роста строительства промышленных предприятий стимулировали развитие городов, но вместе с тем обострили проблемы экологической безопасности проживающего в них населения. Забота о населении выражалась в благоустройстве населенных мест, что позволяло в определенной степени сгладить негативный эффект от загрязнения атмосферы городов.

Одним из проектов, связанных с созданием и развитием сибирских городов, а также с их благоустройством, оказалась идея «города-сада». Однако здесь стоит обратить внимание на несколько моментов.

Во-первых, идея «города-сада» в период с 1920-х до конца 1950-х гг. претерпела существенные изменения. Первоначально данная концепция представляла собой самостоятельный проект городского планирования. Она была предложена Э. Говардом еще в конце XIX в. для обустройства английских городов и предполагала, что рядом с промышленным предприятием будет создана отдельная благоустроенная «зеленая зона» с индивидуальным жильем для каждого работника.

В советской практике идея строительства отдельно стоящего жилья для рабочих оказалась отвергнутой. По мнению М.Г. Мееровича, «причина отказа от идеи города-сада и почти официального запрета на применение ее социально-организационной составляющей при проектировании социалистических поселений заключается в несовместимости этой идеи с организационно-управленческой доктриной советской власти» [1. С. 160]. Подобный отказ был прежде всего связан с тем, что «в город-сад не проникает идея коммунизма, рабочий, попавший в такой рай, становится туг на ухо к революционной пропаганде» [Там же. С. 144], кроме того, наличие индивидуального дома с мелким хозяйством негативно сказывалась бы на психологии рабочих, отрывая их от коллектива. Таким образом, идея «города-сада» не была принята в советской градостроительной политике. В конечном счете ее заменили на «социалистический поселок», который был более близок к социалистическому быту. Однако в середине 1950-х гг. концепция «города-сада» возникает вновь, но уже как исключительно озеленительный проект.

Говоря об историографии рассматриваемой проблемы, связанной с взаимодействием практик благоустройства и охраной атмосферы, можно выделить несколько блоков литературы. Первая группа включает работы, связанные с исследованием особенностей концепций проектирования сибирских городов. В качестве основных работ можно выделить исследования С.С. Духанова [2–4], Л.Н. Вольской [5], Е.В. Соколовой [6], Д.А. Бурмистрова [7], которые рассматривают основные тенденции, возникшие в процессе проектирования и строительства в Западной Сибири в 1920–1950-е гг. как старых промышленных центров, так и новых

Второй блок работ представлен прежде всего трудами М.Г. Мееровича [8, 9], А.В. Жидченко [10, 11], Е.С. Котовой [12], В.Г. Залесова [13]. М.Г. Меерович детально анализирует, почему идея «города-сада» не прижилась в советской градостроительной концепции, уступив место более прагматичной и идеологически верной идее соцгородов и поселков. Исследования А.В. Жидченко, Е.С. Котовой и В.Г. Залесова направлены главным образом на изучение особенностей реализации отдельных элементов концепции «города-сада» в ландшафтном, архитектурном и культурном пространстве сибирских городов.

В третью группу были отнесены исследования, посвященные особенностями процесса озеленения г. Омска, а также месту и роли экологического дискурса в градостроительной и эколого-санитарной повестке в городских пространствах Сибири. Среди основных можно отметить работы Н.В. Гониной [14], И.Н. Стася [15, 16], Е.А. Боголюбова [17], О.А. Черемных [18], О.В. Гончаровой [19–21]. Данные исследования позволяют более детально проанализировать процесс озеле-

нения сибирских городов как способ улучшения экологической обстановки.

Выбор Омска в качестве объекта для настоящего исследования неслучаен. Образ степного города, созданный Ф.М. Достоевским в XIX столетии, продолжал во многом сохраняться таковым вплоть до середины XX в. Затем город приобрел всесоюзную славу «города-сада», вступив с социалистическое соревнование с Ленинградом по озеленению. Однако уже с начала 1970-х гг., несмотря на своего рода «зеленый статус», экологическая обстановка начинает резко ухудшаться. В связи с этим основная цель данного исследования заключается в том, чтобы проанализировать причины столь резкого изменения в облике города.

Необходимость озеленения Омска в связи особенностями его географического положения в степной зоне была очевидна еще в XIX в. Так, О.В. Гончарова приводит следующее описание города: «В санитарно-гигиеническом отношении Омск занимает одно из самых последних мест, – мостовых или шоссе в городе нет, и поэтому весной и осенью во время дождей образуется непролазная грязь, переходящая в некоторых частях города в непролазную трясину. А летом даже от небольшого ветерка поднимаются такие облака и тучи пыли, что образуют на некоторых площадях и улицах города ряды песчаных дюн, в то время невозможно пробыть на улице и часу. Зимой город страдает от буранов, в летний период в солнечную погоду – от пыли, а в ненастную – от непролазной грязи» [20. С. 37]. Необходимо отметить, что для решения подобной проблемы городскими властями было принято решение о создании городских садов. Однако в целом обстановка с озеленением продолжала оставаться сложной.

Эвакуированные во время Великой Отечественной войны предприятия заложили основу будущего промышленного потенциала города, но решение проблемы озеленения города и защиты от степных ветров попрежнему находилось на вторых ролях.

Со второй половины 1950-х гг. начинается период активного развития города. За сравнительно короткий период с 1956 по 1979 г. население увеличилось с 505 тыс. до 1 млн человек, сделав его одним из крупнейших промышленных центров Сибири. Здесь были построены такие предприятия, как Омский нефтеперерабатывающий комбинат, завод синтетического каучука, шинный завод. Создание подобных промышленных предприятий, в свою очередь, актуализировало необходимость благоустройства прилегающих пространств. Первый шаг к этому был сделан еще в 1949 г., когда на окраине города начались посадки защитной лесополосы. Однако, несмотря на принятые меры, направленные на улучшение озеленения Омска, в 1953 г. на сессии городского совета руководители исполкома подверглись жесткой критике за то, что гибнет много высаженных деревьев и кустарников, город продолжает оставаться пыльным, и вообще «озеленение Омска является самым отсталым, запущенным участком в деятельности городского и районных советов» [12. С. 35].

В конце 1950-х гг. жители Ленинграда вызвали омичей на социалистическое соревнование по озеленению, так как у обоих городов в этом смысле имелись проблемы. Кроме того, некоторые ленинградские предприятия были эвакуированы в Омск, что также способствовало укреплению связей и заимствованию опыта зеленого строительства. В мае 1959 г. прошло собрание партийного актива города, на котором отмечались определенные успехи в области зеленого строительства (создание новых скверов, рост числа выращенных цветов и создание коллективных и индивидуальных садов). Кроме того, во время своего выступления заведующий отделом сельского хозяйства городского исполкома Г.Г. Шкулов сообщил, «что коллектив рабочих и служащих управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства исполкома Ленинградского горсовета вызвал трудящихся нашего города на социалистическое соревнование по досрочному выполнению годового плана всех работ по зеленому строительству… Соревнование с ленинградцами – большая честь для нашего города. Надо, не теряя времени, во всех районах Омска принять решительные меры к тому, чтобы в течение ближайших дней выполнить весь объем озеленительных работ, намеченных на 1959 г. С этой целью следует развернуть боевое соревнование между районами, коллективами предприятий и организаций, привлечь к весенним посадкам всех жителей города» [11. С. 162]. Следует подчеркнуть, что для решения задач по озеленению были привлечены и общественные организации. Так, возникшее в 1958 г. омское отделение ВООП ставило одной из своих ключевых задач содействие озеленению и развитию цветоводства в городе. Это дало свои результаты, и уже к 1960 г. в городе насчитывалось более 200 парков.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка уже ранее присуждала городу премии за успехи по озеленению в 1956 и 1958 гг., в связи с этим Омск и прославился как «город-сад». Гордостью Омска стал парк им. 30-летия ВЛКСМ, который возник на месте ранее находившего здесь товарного парка омской железной дороги.

На первых этапах соревнования достижения омичей впечатляли. В общей сложности было высажено более 600 тыс. деревьев, 1 млн кустарников и более 13 млн цветов. Начались реконструкция и озеленение основных городских магистралей и площадей. В честь соревнования самая большая городская площадь получила название Ленинградской. Представители Омска были направлены в Ленинград, где приняли участие в работе сессии Ленинградского городского совета, посвященному дальнейшему благоустройству и озеленению города.

Поскольку озеленение города провозглашалось всенародной задачей, немалую роль в этом процессе сыграла и общественность. Одним из примеров стала выставка «Флора», которая первоначально представляла собой демонстрацию достижений цветоводства и садоводства. В разные годы «Флора» привлекала внимание озеленителей Ярославля, Тулы, Калуги, Куйбышева, Екатеринбурга, Хабаровска, Иркутска, Тюмени, Ленинграда, Москвы и др. Популярность «Флоры» с каждым годом росла, и с 1976 г. в Омске по инициативе главного агронома города В.И. Ракиеровой стали проводиться районные выставки зеленого строитель-

ства [12. С. 37]. В 1976 г. «Флора» была проведена в Куйбышевском районе города, а уже на следующий год эта практика приобретает общегородской характер. Связано это было прежде всего с тем, что «для демонстрации достижений агрономам, садоводам и цветоводам отводили самые неухоженные зоны района» [Там же]. Кроме того, организация подобного мероприятия позволяла активно привлекать общественность к решению проблем зеленого строительства, а также снизить затраты на него.

Вместе с тем следует заметить, что у подобного подхода, связанного с привлечением общественности к озеленению городских пространств, имелась и обратная сторона. Достаточно часто оказывалось, что саженцы, высаженные общественностью, не приживались, за ними никто не ухаживал, а сами зеленые насаждения конфликтовали с городскими планами по застройке и благоустройству территории [Там же. С. 38].

В целом к началу 1970-х гг. ситуация с зеленым благоустройством города изменилась в лучшую сторону. Количество зеленых насаждений увеличилось, появились крупные парки. Строительство новых кварталов предусматривало и организацию в них зеленых мест.

Однако, несмотря на развитие экологического законодательства и «зеленой зоны» города, уже середины 1970-х гг. состояние воздушного бассейна Омска начинает резко ухудшаться. В первую очередь это было связано с ростом числа промышленных предприятий и ТЭЦ в городе. По степени загрязнения воздушной среды он вошел в число экологически неблагополучных городов. Так, в справке за 1979 г., направленной в Омский облисполком, отмечалось, что «в результате осуществления мероприятий и усиления контроля за сохранением чистоты воздушного бассейна в г. Омске среднегодовые концентрации в воздухе по ряду учитываемых ингредиентов в 1978 г. снизились по сравнению с 1974 г.: пыли на 42%, сернистого газа на 56%, оксида углерода на 65%, сероводорода на 50%, фенола на 20%» [22. Л. 56]. При этом в той же справке подчеркивалось, что общий уровень загрязнения атмосферного воздуха в г. Омске по-прежнему остается предельно высоким. «В последние годы в “Обзоре состояния загрязнения атмосферного воздуха в городах и промышленных центрах Советского Союза”, выпускаемом Главной геофизической обсерваторией им. А.И. Воейкова, г. Омск регулярно входит в список городов с наибольшим загрязнением» [Там же. С. 57]. Так в период с 1970 по 1980 г. объем вредных веществ, выбрасываемых в атмосферу, увеличился с 5 тыс. т в сутки до 7,9 тыс. т. Из них только половина проходила через очистные сооружения, остальные попадали в атмосферу без всякой очистки. Уже в 1974 г. было зарегистрировано 83 выброса больших количеств вредных веществ. Предприятиями нефтехимии ежесуточно выбрасывалось в атмосферу более 850 т различных загрязнений. По данным санитарной инспекции Омска на 1974 г., «в сутки предприятиями города и автотранспортом в воздух выбрасывается более 250 тонн пыли, 1 000 тонн сернистого газа, 900 тонн углеводородов, 1 400 тонн окиси угдерода, 46 тонн двуокиси азота, 2 тонн сероводорода, 30 тонн синтетических жирных кислот, 10 тонн легколетучих продуктов битумного производства» [23. Л. 69]. «Концентрации окиси углерода растут из года в год. За последние 6 лет они увеличились в 4 раза. Загрязнение сернистым газом по сравнению с 1971 г. возросло в 2,4 раза. Концентрация двуокиси азота последние два года повышается на 17–20% в год. Увеличилась повторяемость концентраций выше ПДК серной кислоты в 1,7 раза, суммарных углеводородов в 1,5 раза, альфаметилстирола на 12%» [Там же. Л. 70].

Основными источниками загрязнения воздушного и водного бассейнов являлись предприятия нефтехимической промышленности – ПО «Омскнефтеоргсинтез», ПО «Омскшина», заводы синтетического каучука и технического углерода. На долю этих предприятий приходилось до 1/3 всех выбросов вредных веществ в атмосферу Омска. Выброс газов на предприятиях нефтехимической промышленности осуществлялся через 1 069 источников, из которых только 145 источников были оснащены пылеулавливающими устройствами. Кроме того, ПО «Омскнефтеоргсинтез» и проектный институт ВНИПИнефть, планируя наращивание производственных мощностей, не учитывали существующий уровень загрязнения атмосферы Омска и воды в р. Иртыш, который был достаточно высоким. Так, например, было дано разрешение на строительство комплекса по производству ароматических углеводородов без предварительного расчета ожидаемого загрязнения. В конечном счете это привело к тому, что к началу 1980-х гг. ситуация загрязнением атмосферного воздуха в городе достигла катастрофических масштабов. Предельно допустимые концентрации по фенолу превышали безопасный в несколько раз, а по углеводородам – в 14 раз. Кроме того, отмечался высокий уровень запыленности воздуха от сжигания на городских ТЭЦ высокозольных кузнецкого и экибастузского углей.

Все это оказывало негативное воздействие и на здоровье населения. В справке, направленной в облисполком председателем облплана А.К. Мальцевым, приводились данные по заболеваемости горожан (таблица)

Динамика заболеваемости населения г. Омска (на 10 000 населения) [22. Л. 61]

№	Нозологические формы	1976 г.	1977 г.	1978 г.
1	Рак легкого	2,8	3,2	3,5
2	Астма бронхиальная	0,8	0,8	0,9
3	Язва желудка и двенадцатиперстной кишки	2,5	2,5	3,1
4	Функциональные расстройства желудка	0,3	0,4	0,6
5	Сахарный диабет	2,8	4,1	5,1
6	Экзема и дерматиты (непрофессиональные)	62,8	56,6	66,3

Для того чтобы решить весь спектр указанных проблем, председатель областного планового комитета А.К. Мальцев отправляет в областной комитет КПСС записку с предложением о принятии следующих мер:

«1. Обеспечить промышленные и коммунально-бытовые предприятия города природным газом, что позволит снизить выбросы вредных веществ в атмосферу на 56%.

2. Ускорить развитие теплофикации города за счет строительства ТЭЦ-6 на газообразном топливе, что обеспечит улучшение состояния воздушного бассейна за счет ликвидации 700 мелких котельных.

3. Построить объездную кольцевую дорогу вокруг г. Омска, что позволит снизить поток транспорта через город.

4. Построить в г. Омске линии метрополитена, что позволит снизить загрязнение воздуха от все возрастающего автотранспорта.

5. Ходатайствовать перед Миннефтепромом СССР усилить контроль над подведомственными организациями за необходимостью соблюдения охраны воздушного бассейна и в частности в отношении ПО "Омскнефтеоргсинтез"» [22. Л. 9–10].

Однако следует отметить, что указанные предложения не были приняты во внимание и загрязнение воздушного бассейна города продолжало расти. Имеющиеся зеленые насаждения уже не справлялись с возрастающим объемом вредных веществ, а возможностей увеличить зеленую зону уже не было в силу начавшихся в середине 1980-х гг. преобразований социально-экономического характера.

В заключение можно сделать вывод о том, что идея «города-сада» как способа организации городского пространства в XX в. оказалась нежизнеспособной, но в качестве проекта по озеленению и благоустройству показала свою пригодность. Одним из примеров успешности такого подхода стала история превращения Омска в «город-сад» в середине 1950-х гг.

Вместе с тем здесь необходимо выделить несколько моментов. Во-первых, решение вопроса увеличения числа зеленых насаждений города было жизненно необходимо, поскольку он располагался на границе степной зоны. Серьезной проблемой для горожан были жаркие степные ветры летом и сильные и холодные ветры зимой. Первые попытки разрешения этой ситуации были предприняты еще в XIX в., но серьезного успеха они не имели. С промышленным развитием города во второй половине XX в. наметились позитивные тенденции в озеленении города. Значительную роль в данном процессе сыграло социалистическое соревнование с Ленинградом, положительно сказавшееся на благоустройстве Омска.

Во-вторых, следует учитывать, что, несмотря на масштабное зеленое строительство, экологическая ситуация в городе продолжала оставаться напряженной. Согласно отчетам санитарной инспекции и областного планового комитета, с середины 1970-х гг. наблюдается ухудшение экологической обстановки в городе, в особенности увеличивается загрязнение воздушного бассейна. Связано это было прежде всего с запуском в работу таких крупных предприятий, как Омский нефтеперерабатывающий завод, завод синтетического каучука и т.д. Пуск данных заводов осуществлялся с запаздыванием введения в эксплуатацию очистного и фильтрационного оборудования, что приводило к химическому загрязнению воздушного бассейна, с которым не справлялись зеленые насаждения.

В-третьих, титул Омска – «города-сада» носил в большей степени условный характер. В первую очередь это был «газетный» образ, который исчезает со страниц прессы уже к началу 1970-х гг. Кроме того, созданные зеленые насаждения необходимо было поддерживать. Если о насаждениях, высаженных городской администрацией, заботились, то ситуация с общественными садами выглядела хуже. В конечном счете город стал постепенно превращаться из «города-сада» в «город-ад».

ЛИТЕРАТУРА

1. Меерович М.Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 118–166.
2. Духанов С.С. Проектные организации Западной Сибири середины 1930 – начала 1940-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 4. С. 19–28.
3. Духанов С.С. Проблемы формирования благоприятной архитектурно-планировочной среды в городах Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2019. Т. 21. № 1. С.101–113.
4. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55.
5. Вольская Л.Н. Королев В.В. Эволюция «градоэкологического» каркаса крупного города Сибири на примере г. Новосибирска (конец XIX – начало XXI века) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 2. С. 24–33.
6. Соколова Е.В. Основные тенденции застройки и планировки малых городов среднего Прииртышья в советский период // Вестник Омского государственного аграрного университета. 2017. № 4 (28). С. 292–300.
7. Бурмистров Д.А. Градостроительная концепция «социалистических городов» как основной строительный план городов в годы индустриализации в СССР // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2019. № 3. С. 93–96.
8. Меерович М.Г. От города-сада – к соцгороду: Щегловск (Кемерово); Сталинск (Новокузнецк); Ново-Николаевск (левобережный Новосибирск) // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2015. № 1 (9). С. 117–133.
9. Меерович М.Г. Идея города-сада Э. Говарда и советские рабочие поселки-сады // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2009. № 4 (25). С. 46–51.
10. Пушкарева Н.Л., Жидченко А.В. Город-сад: советская повседневность 1960-х в социальной памяти горожан // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65, вып. 4. С. 1124–1135.
11. Жидченко А.В. Развитие идеи города-сада в городе Омске в 1950–60-е гг.: на примере соревнования Ленинград–Омск по зеленому строительству // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 159–164.
12. Котова Е.С. Город-сад: альтернативная концепция формирования городской среды // Лабиринт. 2014. № 3. С. 35–39.
13. Залесов В.Г., Воронина О.С., Кожуркова Т.Б. Город-сад в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 4. С. 22–35.
14. Гонина Н.В. Благоустройство городов и квартирный вопрос в Красноярском крае во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 2. С. 75–80.

15. Стась И.Н. Экологический дискурс в Сургуте в период рождения нового города (первая половина 1960-х годов). // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (45). С. 55–63.
16. Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 96–103.
17. Боголюбова Е.А. Природоохранная деятельность государства и общественных организаций в 1940–1960-е гг. // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 3 (56). С. 46–49.
18. Черемных О.А., Шевляков А.С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 417. С. 182–190.
19. Гончарова О.В. Озеленение как решение экологических проблем Омска в начале XIX века // Экологическое краеведение : материалы III Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / Ишимский пед. ин-т им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского гос. ун-та. 2016. С. 233–237.
20. Гончарова О.В. Озеленение Омска в XIX веке – рекреационный потенциал урбанизированной территории XX–XXI вв.: история центрального горсада Омска // Проблемы региональной экологии, экономики и географии. Астрахань, 2018. С. 36–39.
21. Гончарова О.В. Первые городские рощи Омска как фактор экологизации урбосистемы и экологической комфортности: история и эволюция // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2016. № 31. С. 93–98.
22. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-1088. Оп. 4. Д. 889.
23. ИАОО. Ф. Р-1088. Оп. 4. Д. 686.

Maksim S. Mostovenko, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: reiseleiter@mail.ru

FROM THE "GARDEN CITY" TO THE "HELL CITY": THE PROBLEM OF POLLUTION OF THE AIR BASIN OF THE CITY OMSK IN THE 1960–1980s

Keywords: garden city, environmental history, environmental history of Siberia, anthropocene, nature protection, air basin pollution.

The main goal of the proposed study is to analyze the process of turning the concept of the "garden city" from an urban planning project, to an exclusively landscaping concept and the reasons for its failure on the example of pollution of the air basin of the city of Omsk in the 1960s–1980s. It should be noted that the novelty of this work lies, first of all, in the fact that this process did not fall into the field of view of both domestic and foreign researchers. In order to achieve this goal, the following objectives were set.

Firstly, to consider the problems of the need for landscaping the city of Omsk as a way to transform urban space.

Secondly, to study the appearance of the phenomenon of the "garden city" in urban planning policy and to trace the ways of its evolution in Soviet practice.

Thirdly, to analyze this phenomenon on the example of the socialist greening competition between Omsk and Leningrad, as well as the emergence of the idea of "Omsk – the garden city".

Fourthly, to consider changing the idea of Omsk as a garden city through the prism of the industrial development of the city and the aggravation of its environmental problems.

The chosen problem of the study in turn determined the range of sources. First of all, these are reports of the city's sanitary service sent to the regional planning committee and stored in the Historical Archive of Omsk. The use of these materials allowed us to assess the degree of pollution of the city's atmosphere, after assigning it the status of a "garden city" as well as analyze proposed ways to solve the problem of pollution of the urban atmosphere. Literature was also used on the study of the application of the concept of "Garden City" in Soviet urban planning practice, especially in relation to Siberian cities. This allowed us to analyze the success of these concepts in various conditions.

The theory of modernization and the concept of environmental history were chosen as the methodological basis of the article. The modernization approach made it possible to consider the studied object of research as a process of gradual change of the urban environment under the influence of the industrial factor and its transition from the urban planning concept to landscaping. The concept of environmental history made it possible to analyze the characteristics of the perception by state structures responsible, primarily for the economic development of the territory, of emerging environmental problems.

The conclusions obtained during the study are, first of all, that Omsk, as a "garden city", was more declarative than it was in reality. Without a doubt, there were certain successful cases in the field of green construction and improvement of urban space, however, together with the growth of the industrial sector and an increase in the concentration of harmful production, the level of pollution of the city's atmosphere was also growing, negating efforts to maintain the appearance of the "garden city". Ultimately, this led to the city becoming one of the disadvantaged, from the point of view of environmentalists, by the beginning of the 1980th.

REFERENCES

1. Meerovich, M.G. (2007) Rozhdenie i smert' goroda-sada: deystvuyushchie litsa i motivy ubiystva [The birth and death of a garden city: characters and motives for the murder]. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 118–166.
2. Dukhanov, S.S. (2016) Design Organizations of Western Siberia in the Middle of the 1930s – Early 1940s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta - Journal of Construction and Architecture*. 4. pp. 19–28. (In Russian).
3. Dukhanov, S.S. (2019) Formation of favorable architectural planning environment in West Siberian cities the 1950–60s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 21(1). pp. 101–113. (In Russian).
4. Dukhanov, S.S. (2017) Problems of Western Siberia's "unfinished cities" in the 1930s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 2. pp. 38–55. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/16/4
5. Volskaya, L.N. & Korolev, V.V. (2013) Evolution of town ecoplanning structure of large Siberian city as exemplified by Novosibirsk (the end of the 19th – early 21st centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta - Journal of Construction and Architecture*. 2. pp. 24–33. (In Russian).
6. Sokolova, E.V. (2017) Osnovnye tendentsii zastroyki i planirovki malykh gorodov srednego Priirtysh'ya v sovetskiy period [The main trends in the development and planning of small towns in the middle Irtysh region in the Soviet period]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 4(28). pp. 292–300.
7. Burmistrov, D.A. (2019) Gradostroitel'naya kontseptsiya "sotsialisticheskikh gorodov" kak osnovnoy stroitel'nyy plan gorodov v gody industrializatsii v SSSR [The urban planning concept of "socialist cities" as the main construction plan of cities during the USSR industrialization]. *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. 3. pp. 93–96.
8. Meerovich, M.G. (2015) From the garden city – to socialist city Shcheglovsk (Ke-merovo); Stalinsk (Novokuznetsk); Novo-Nikolayevsk (left-bank Novosibirsk). *Biosfernaya sovmestimost': chelovek, region, tekhnologii – Biosphere Compatibility: Man, Region, Technology*. 1(9). pp. 117–133. (In Russian).

9. Meerovich, M.G. (2009) Ideya goroda-sada E. Govarda i sovetskie rabochie poselki-sady [The idea of a garden-city by E. Howard and Soviet workers' garden villages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 4(25). pp. 46–51.
10. Pushkareva, N.L. & Zhidchenko, A.V. (2020) Garden City: Everyday Life of the Sixties in the Soviet Social Memory. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya – Bulletin of St. Petersburg University. History*. 65(4). pp. 1124–1135. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.406
11. Zhidchenko, A.V. (2009) Razvitie idei goroda-sada v gorode Omske v 1950–60-e gg.: na primere sorevnovaniya Leningrad–Omsk po zelenomu stroitel'stvu [Development of the idea of a garden city in the city of Omsk in the 1950s – 1960s: a case study of the Leningrad-Omsk competition for green building]. *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya*. 15. pp. 159–164.
12. Kotova, E.S. (2014) Garden city: an alternative concept of urban environment formation. *Labirint*. 3. pp. 35–39. (In Russian).
13. Zalesov, V.G., Voronina, O.S. & Kozhurkova, T.B. (2015) Gorod-sad v Tomske. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta – Journal of Construction and Architecture*. 4. pp. 22–35.
14. Gonina, N.V. (2017) Urban Land Improvement and Housing Problem in the Krasnoyarsk Krai in the Second Half of the 1950-s – the Beginning of the 1980-s. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestia of Altai State University*. 2. pp. 75–80. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-11(2017)2-01
15. Stas, I.N. (2016) Ekologicheskiy diskurs v Surgute v period rozhdeniya novogo goroda (pervaya polovina 1960-kh godov) [Environmental discourse in Surgut during the birth of a new city (first half of the 1960s)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta - The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 4(45). pp. 55–63.
16. Stas, I.N. (2017) Kontseptsii ozeleneniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.) [Greening concepts and environmental issues in the Soviet general plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 6(51). pp. 96–103.
17. Bogolyubova, E.A. (2018) Environmental protection activities of state and public organizations in the 1940s – 1960s. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo – Herald of Omsk University. Series Law*. 3(56). pp. 46–49. (In Russian). DOI: 10.25513/1990-5173.2018.3.46-49
18. Cheremnykh. O.A. & Shevlyakov, A.S. (2017) Sanitation and public services and utilities provision in the cities of Western Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 417. pp. 182–190. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/417/26
19. Goncharova, O.V. (2016) Ozelenenie kak reshenie ekologicheskikh problem Omska v nachale XIX veka [Greening as a solution to the environmental problems of Omsk in the early 19th century]. *Ekologicheskoe kraevedenie* [Ecological Local History]. Proc. of the Third Conference. Ishim. pp. 233–237.
20. Goncharova, O.V. (2018) Ozelenenie Omska v XIX veke – rekreatsionnyy potentsial urbanizirovannoy territorii XX–XXI vv.: istoriya tsentral'nogo gorsada Omska [Greening of Omsk in the 19th century – the recreational potential of the urbanized territory of the 20th – 21st centuries: the history of the central city garden of Omsk]. In: *Problemy regional'noy ekologii, ekonomiki i geografii* [Problems of Regional Ecology, Economics and Geography]. Astrakhan: [s.n.]. pp. 36–39.
21. Goncharova, O.V. (2016) Pervye gorodskie roshchi Omska kak faktor ekologizatsii urbosistemy i ekologicheskoy komfortnosti: istoriya i evolyutsiya [The first urban groves of Omsk as a factor in the ecologization of the urban system and ecological comfort: history and evolution]. *Strategiya ustoychivogo razvitiya regionov Rossii*. 31. pp. 93–98.
22. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund R-1088. List 4. File 889.
23. The Historical Archive of Omsk Region (IAOO). Fund R-1088. List 4. File 686.

УДК 323.2+321.02
DOI: 10.17323/19988613/73/3

А.Г. Наронская

СИСТЕМА РЕКРУТИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.

Рассматриваются основные характеристики системы рекрутирования советской правящей элиты. Утверждается, что в рамках генезиса советской элиты была сформирована жесткая и единообразная система элитообразования. Замкнутый и закрытый характер рекрутирования советской элиты компенсировался наличием внутренней ротации, а также развитием системы неформальных внутриэлитных взаимодействий. Делается вывод, что особенности советской системы элитообразования определили институциональное развитие современной России.
Ключевые слова: правящая элита, номенклатура, система рекрутирования.

Попытки проанализировать советскую правящую элиту неоднократно предпринимались в отечественной политической науке (М.Н. Афанасьев, Д.В. Бадовский, Т.П. Коржихина, О.В. Крыштановская, О.Г. Мясников, Ю.Ю. Фигатнер, О.В. Хлевнюк, М.Н. Чешков и др.). Данная тема остается востребованной, и для этого есть серьезное основание: советская правящая элита заложила траекторию институционального развития современных элитных групп. Поэтому критический анализ системы элитообразования, особенностей деятельности советской элиты необходим для понимания современного российского политического процесса. Особую актуальность теме данной статьи придает столетний юбилей революции 1917 г., которая стала отправной точкой формирования советской политической элиты.

Определение основных понятий

Изучение системы рекрутирования советской правящей элиты требует решения двух теоретических вопросов: определения категории «правящая элита» и установления основных элементов системы отбора элиты.

Правящая элита – это ключевой субъект политического процесса, который имеет властные ресурсы, а также легитимное право на выработку государственной политики и принятие важнейших решений. Во многом благодаря М.С. Восленскому в научной литературе советскую правящую элиту зачастую отождествляют с номенклатурой. При этом категории «номенклатура» и «правящая элита» не являются синонимами. Номенклатура – это профессиональная управленческая группа, представители которой, как и субъекты правящей элиты, обладают наибольшими властными ресурсами и занимают ключевые руководящие должности. Номенклатура является назначаемой частью государственных служащих, в отличие от элиты, члены которой могут избираться. Советская элита существовала в рамках однопартийной системы. Власть партаппарата определила поглощение номенклатурой партийных и хозяйственных должностей, а наличие «номенклатуры выборных должностей» позволяет нам объединить понятия «советская номенклатура» и «советская правящая элита» [1. С. 25]. Перефразируя заглавие книги М. Восленского, можно выдвинуть тезис о том, что номенклатура была правящей элитой Советского Союза.

Ключевым фактором развития любой правящей элиты является система ее формирования. Система рекрутирования элиты состоит из следующих элементов:

а) механизмы рекрутирования (принципы выдвижения в состав элиты новых представителей – наследование, кровное родство, владение собственностью, профессиональная компетентность, образование, партийная принадлежность и т.д.);

б) каналы рекрутирования (пути продвижения вверх во властной иерархии: государственный аппарат; политические партии; силовые структуры; религиозные организации; органы местного самоуправления; система образования) [2. С. 100–103].

Система рекрутирования элиты не находится в статичном состоянии, она подвержена изменениям и динамике. Усиление или ослабление того или иного элемента элитообразования определяет характер политической системы в целом. Для элитогенеза особенно важно, какое место установленные формальные критерии рекрутирования политической элиты занимают в институциональном порядке, а также какую роль играют неофициальные отношения в системе рекрутирования правящей элиты. Очевидно, что даже в жесткой институциональной структуре существует пространство для неофициальных взаимоотношений между представителями элиты [3. С. 8–30]. Но в то же время доминирование неформальных механизмов элитообразования может привести к серьезным институциональным изменениям, к разрыву между нормативной системой отбора элиты и действительным способом формирования власти.

Закономерности развития системы рекрутирования советской правящей элиты

Номенклатурный принцип рекрутирования советской правящей элиты складывался с начала 1920-х гг., окончательно утвердился к концу 30-х гг. XX в. и с тех пор в течение 50 лет лишь модернизировался [1. С. 25].

Советская номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, утверждались и отзывались партийным комитетом – от райкома, горкома до ЦК КПСС. Однако это не только перечень должностей, но еще и документы, которые выступали основанием системы элитообразования, запускающей механизм воспроизводства и господства советской политической элиты. Создание номенклатурной системы полностью заместило собой политическую и социальную основу советской элиты и обеспечило становление особого, замкнутого слоя власть имущих [1. С. 25].

Остановимся на главных характеристиках системы рекрутирования советской правящей элиты.

Первое: система рекрутирования советской элиты имела преимущественно закрытый характер. При этом существовали элементы открытого отбора советской элиты, особенно на первых этапах ее формирования. Данные о социальном происхождении представителей элиты в 1920-е гг. свидетельствуют от том, что представители различных социальных слоев имели возможность попасть в состав элиты – 29,6% вышли из семей служащих неспециалистов со средним образованием, 25,4% – из семей квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, 20% – из крестьян, 12,6% – из семей работников с высшим образованием. В 1920-е гг. только 20% представителей элиты имели высшее, а 22% незаконченное высшее образование [Там же. С. 32–33]. Система рекрутирования ограничивала семейственность в советской правящей элите, так как не было институциональных механизмов наследования постов и должностей. Тем не менее развитие системы отбора советской правящей элиты – это постоянное движение в сторону все большей закрытости и однородности. Уже к концу 1930-х гг. число выходцев из семей крестьян и низкоквалифицированных рабочих возросло в 1,5% раза, в 1960-е гг. оно равнялось 70,5%, а в 1970–1980-е гг. эта цифра превысила 80% [Там же. С. 33]. Особым был и сам характер образования. В целом 60–80% состава советской элиты имели военное и партийное образование, остальные 40–20% – сельскохозяйственное, техническое и педагогическое. Таким образом, гуманитарные, юридические знания были практически полностью исключены из числа необходимых элите [Там же]. Постепенно развитие номенклатурной системы рекрутирования привело к тому, что советская элита стала достаточно однородной по социальному происхождению и уровню образования.

Закрытому характеру системы рекрутирования советской элиты способствовал *синкретизм власти и собственности.* Господство коллективной собственности, управление и распоряжение которой осуществляла советская номенклатура, определило ситуацию, когда только место в системе власти давало право получения экономических ресурсов и индивидуального богатства. Надо сказать, что отсутствие отделения власти от собственности, синкретизм власти можно отнести к социокультурной специфике России: эта особенность была свойственна России в течение столетий. Как отмечали Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов, «результат нашей великой “самодержавной революции” – от “Третьего Рима” до Соборного уложения (1517–1649) состоял в том, что в России не возникло ни гражданского общества, ни государства, ни капитализма. Здесь появилась Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и, по сути, единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект)» [4. С. 37].

Второе: механизмы рекрутирования элиты представляли собой упрощенную единообразную систему построения руководящих парторганов на всех уровнях власти. Партийность была основным принципом попадания в элиту. Данный принцип был отражен в ст. 126 Конституции СССР 1936 г. и ст. 6 Конституции СССР 1977 г. Замещение ключевых должностей во всех сферах общественной жизни осуществлялось только партийными организациями строго определенного уровня. Например, на заседаниях Политбюро ЦК КПСС происходило назначение первых, а иногда и вторых секретарей республиканских ЦК компартий, первых секретарей обкомов и горкомов крупнейших городов, союзных министров, высших военных, послов в социалистические страны и страны «большой семерки», директоров крупнейших заводов ВПК, руководителей творческих союзов, редакторов центральных партийных изданий. Секретариат ЦК КПСС утверждал заместителей министров, вторых секретарей обкомов, председателей облисполкомов и т.п. После этих высших рангов шли должности, требовавшие согласования в отделах ЦК КПСС, и далее – в обкомах, горкомах, райкомах партии и даже в первичных партийных организациях [5. С. 123–126].

Каковы же были результаты функционирования данного механизма? *Во-первых, произошло полное сращение партии и государства*. Партийный аппарат осуществлял законодательные, исполнительные и контрольные функции в стране. Законодательные полномочия Верховного Совета СССР были формальными. На практике именно партийные комитеты одновременно функционировали как законодательные и исполнительные органы власти. Построение жесткой иерархии в Секретариате ЦК, совмещение должностей в секретариате и органах исполнительной власти предопределили тот факт, что именно секретарский аппарат сконцентрировал в своих руках реальные ресурсы власти. Органичным завершением данного процесса стала зависимость самого Секретариата ЦК от собственного аппарата [Там же. С. 385–387].

Во-вторых, главным принципом рекрутирования и вертикальной мобильности элиты стала личная преданность и лояльность партийному руководству. Профессионализм и опыт претендента постепенно отошли на второй план. Система вертикальной мо-

бильности элиты представляла собой целенаправленный отбор сверху, а не соревновательное движение снизу. Подобная мобильность закономерно требовала особых качеств, таких как моральная гибкость и преданность покровителям. Вместе с тем представители советской элиты были связаны партийной этикой, дисциплиной и четкими «правилами номенклатурной игры». Данные правила достаточно жестко контролировали систему элитообразования. Однако наряду с тем, что отбор в советскую правящую элиту стимулировал попадание лояльных и покладистых людей, сохранялись возможности для талантливых, способных и компетентных представителей общества попасть в состав элиты. В результате в состав советской политической элиты входили люди разного масштаба, как профессионального, так и человеческого.

В-третьих, отсутствие четкой системы разделения властей, закрытость и однородность системы рекрутирования советской элиты компенсировались интенсивной внутренней ротацией. Представителей советской элиты достаточно часто переводили из одной сферы управления в другую. Постоянно переплетались партийные и министерские карьеры, в результате чего происходили переходы с партийной работы на министерскую и обратно. «Чистые» карьеры встречались редко и в основном у хозяйственной части элиты. Подобная карьера имела место, когда, например, человек «рос» на заводе до директора, затем переходил в министерство и дослуживался до министра. В партийных же органах такой «чистый» путь карьеры был менее распространен [6].

Существенное влияние на мобильность советской правящей элиты оказывала острая внутрипартийная борьба. Например, значительное обновление элиты в 1930–1940 гг. происходило за счет репрессий в отношении представителей высшего советского руководства. Ярко иллюстрируют данный факт статистические данные, приведенные М. Восленским в книге «Номенклатура: господствующий класс Советского Союза». «Если в 1930 г. среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий 69% были с дореволюционным партстажем, то в 1939 г. среди лиц, занимавших эти посты, 80,5% вступили в партию позднее 1924 г., т.е. после смерти Ленина. Похожие данные отражает и XVII съезд партии 1934 г., 80% делегатов которого вступили в партию до 1920 г., а уже через 5 лет половина делегатов XVIII съезда оказалась моложе 55 лет, т.е. в 1920 г. они были еще школьниками» [5. С. 99].

Отсутствие каких-либо гарантий безопасности заставило элиту сформировать каналы нисходящей мобильности, создать специальные ниши (дипломатическая работа за границей, консультативные органы при Совете Министров или Верховном Совете СССР, группы генеральных инспекторов при Министерстве обороны и т.д.) для себя и членов своих семей. Со временем таких привилегированных зон становилось все больше и больше. Они обеспечивали пожизненное членство в номенклатуре и закрепляли полученный статус за «детьми элиты». Например, некоторые образовательные учреждения постепенно стали привилегией номенклатуры. В число наиболее престижных вузов входили институты, дававшие образование экономиста-международника, дипломата, журналиста-международника (МГиМО, МГУ и некоторые другие). В результате некоторые профессии, в частности связанные с работой за рубежом, постепенно превращались в наследственные [6. С. 35–37]. Особенно наглядно данные тенденции проявились в период Л. Брежнева.

В-четвертых, неформальные отношения играли огромную роль в системе элитообразования советской элиты на всех этапах ее развития. Складывание неформальных институтов формирования советской элиты было обусловлено следующими особенностями советской системы: отсутствием альтернативных каналов попадания в советскую политическую элиту, кроме как через партийную бюрократическую иерархию; непрозрачными принципами отбора элиты; зависимостью карьеры от оценки и расположения вышестоящего начальства.

Данные факторы обеспечили распространение неформальных патрон-клиентарных связей внутри советской элиты. Несмотря на существование довольно динамичной ротации, разрушить данные связи не удавалось; более того, ротация еще больше способствовала укреплению корпоративных связей внутри элиты. Чрезвычайно интересными представляются работы О.В. Хлевнюка, в которых он исследует неформальные внутриэлитные взаимодействия. В своей книге «Сталин, НКВД и советское общество» Хлевнюк приводит пример, когда Сталин на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) обрушился с критикой на секретарей партийной организации Казахстана Мирзояна и Ярославского обкома Вайнова. «Первый, – говорил Сталин, – перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он работал, 30–40 “своих” людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже “своих” людей и расставил их тоже на ответственные посты» [7. С. 77]. Хлевнюк отмечает, что, например, такие фигуры, как П. Постышев, Б. Шеболдаев, М. Разумов – сторонники Сталина, стали жертвами репрессий не по идеологическим соображениям, а в результате отстаивания и преследования своих «командных», «клановых» интересов.

Корпоративные отношения характеризовали не только элитообразование, но и образ жизни правящей элиты. Одним из наиболее ярких проявлений скрытой сферы существования номенклатуры являлась система ее особых привилегий, блестяще описанная М. Восленским. Эта разветвленная система образовывала «параллельный мир», в котором функционировала советская элита: специальное жилье, дома; специализированные дачи и пансионаты, специальные санатории, больницы м поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах, спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; специальные автобазы и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации, специальная телефонная сеть; спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения

и аспирантура; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах, и даже специальное кладбище [5. С. 267–331]. Постепенно теневые механизмы стали пронизывать все сферы деятельности советской элиты и вытеснять формальные институты, которые более не способны были осуществлять свои функции адекватно политической, экономической и социальной реальности [8. С. 32].

В ситуации ослабления формальных институтов требовались эффективная мобильность, качественное обновление состава элиты, что шло вразрез с функционированием номенклатурного механизма. Подобные особенности развития системы рекрутирования советской элиты стали одной из причин кризиса советской политической системы. С другой стороны, именно неформальные взаимодействия советской элиты стали основой ее трансформации в российскую элиту в 1980–1990 гг. В данном случае необходимо понимать, что неформальные отношения имеют двоякое влияние на элитогенез: с одной стороны, они могут обеспечивать конкуренцию групп элиты и обеспечивать баланс социальных интересов, с другой стороны, могут деградировать до таких явлений, как коррупция, клиентелизм, и значительно ограничивать развитие институтов гражданского общества.

Опорой современной российской государственной власти, системы правящей элиты (как на федеральном уровне, так и в регионах) постепенно стали политико-финансовые группы. Эти группы – вышедшие на поверхность в конце 1980-х гг. корпоративные структуры, существовавшие в рамках прежней номенклатуры, в чьих руках были сосредоточены власть и собственность. Проведенный многими отечественными исследователями (М.Н. Афанасьев, О.В. Крыштановская и др.) теоретический и эмпирический анализ показывает, что формирование элиты современной России было порождено процессами преобразования советской номенклатуры.

Заключение

Вышесказанное дает нам возможность понять, что в рамках генезиса советской элиты была сформирована жесткая и единообразная система элитообразования. Замкнутый и закрытый характер рекрутирования советской элиты компенсировался наличием внутренней ротации, сохранением некоторых механизмов открытого отбора, а также развитием системы неформальных внутриэлитных взаимодействий. Неформальные корпоративные отношения постепенно стали ключевым источником элитогенеза и определили характер трансформации советской элиты в новую российскую элиту в 1980–1990 гг. В результате ключевыми особенностями системы рекрутирования современной российской политической элиты стали: укрепление неформальных каналов формирования элиты; ограничение конкуренции в рамках правящей элиты; снижение легитимности системы элитообразования. Таким образом, современный российский элитогенез демонстрирует воспроизводство некоторых характеристик советской системы.

Обозначенные проблемы ставят новые задачи для исследователей правящей элиты России. Во-первых, необходимо определить причины постоянного воспроизводства закрытого неформального характера элитообразования. Во-вторых, надо понять, какие институциональные изменения могут обеспечить качественное обновление правящей элиты, а также участие гражданских структур в контроле за деятельностью правящей элиты и перераспределением общественных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–33.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
3. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В.И. Добренькова. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 8–29.
4. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории. // Полис. 2001. № 4. С. 37–48.
5. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М. : Октябрь : Сов. Россия, 1991. 624 с.
6. Крыштановская О.В. Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 33–40.
7. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. : Республика, 1992. 270 с.
8. Авраамова Е.М., Дискин И.С. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 24–33.

Anna G. Naronskaia, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: naronsk.an@mail.ru

THE RECRUITMENT OF THE SOVIET RULING ELITE: GENERAL AND SPECIFIC

Keywords: ruling elite, nomenklatura, the recruitment of elites.

The aim of the research is to analyze the recruitment system of the Soviet ruling elite. The author was motivated by desire to demonstrate that Soviet nomenkaluta system has determined the institutional development of modern elites. The historical works of M. Voslensky, T. Korzhikhina, Y. Figatner, O. Khlevniuk were the theoretical basis of present article and provided the support for research questions. The author made the following conclusions about the immanent features of Soviet ruling elite. Firstly, the recruitment of the Soviet ruling elite can be defined as highly closed system. Such system based on the merger of power and property, when a position in government gave significant economic resources and individual welfare. Secondly, the recruitment of the Soviet ruling elite created a uniform system of party committees and departments at all levels of government. Thirdly, the lack of separation of powers, rigid and uniform system for selecting the Soviet ruling elite were balanced by high internal elite mobility and some mechanisms of open elite recruitment. Fourthly, informal networks played an important role in the elite recruitment system at all levels of development. Several reasons explain the growth and entrenchment of informal networks within the Soviet ruling elite: party hierarchy was the only channel of elite recruitment; promotion in this system based on non-transparent and ambiguous standards, rules and procedures; loyalty to supervisor (patron) was the key element for a successful career path. Gradually, informal institutions supplanted the formal ones.

Such transformation was one of the major causes of Soviet political system crisis. The author states that informal networks have complex and contradictory effect on ruling elite formation. Informal practices could have a positive impact on the elite genesis, they could provide a competition between groups within one ruling elite, some balance between different social interests, but at the same time they could lead to "corruption", "clientelism" and greatly impede the development of civil society institutions. The dominance of informal ties creates obstacles to main institutional changes and increases the gap between the normative forms of selecting elites and real political power. Eventually, informal practices became the key source of elite recruitment and defined the post-Soviet transformation of ruling elite in late 1980s. As the result, the main features of modern Russian elite recruitment system are as follows: the increase of informal channels and mechanisms of elite recruitment; the restriction of competition within the ruling elite; the reduction of the legitimacy of selecting elite. Thus, the modern Russian elite genesis demonstrates the reproduction of Soviet system.

REFERENCES

1. Korzhikhina, T.P. & Figatner, Yu.Yu. (1993) Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deystviya [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 25–33.
2. Gaman-Golutvina, O.V. (2000) Politicheskaya elita – opredelenie osnovnykh ponyatiy [Political elite – the definition of basic concepts]. *Polis – Polis. Political Studies*. 3. pp. 97–103.
3. Blau, P. (1994) Razlichnye tochki zreniya na sotsial'nuyu strukturu i ikh obshchiy znamenatel' [Different points of view on social structure and their common denominator]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow: Moscow State University. pp. 8–29.
4. Pivovarov, Yu.S. & Fursov, A.I. (2001) "Russkaya sistema" kak popytka ponimaniya russkoy istorii [The "Russian system" as an attempt to understand Russian history]. *Polis – Polis. Political Studies*. 4. pp. 37–48.
5. Voslenskiy, M.S. (1991) *Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature: the ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Oktyabr'; Sov. Rossiya.
6. Kryshtanovskaya, O.V. (2003) Byvshie. Tendentsii niskhodyashchey mobil'nosti rossiyskoy elity [The Former. Trends in the Downward Mobility of the Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 33–40.
7. Khlevnyuk, O.V. (1992) *1937-y: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. Moscow: Respublika.
8. Avraamova, E.M. & Diskin, I.S. (1999) Adaptatsiya naseleniya i elit (institutsional'nye predposylki) [Adaptation of the population and elites (institutional prerequisites)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 24–33.

УДК 94.470 “1920/1960”
DOI: 10.17323/19988613/73/4

Д.М. Нечипорук

ПРОСТРАНСТВО СИБИРИ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ В 1920–1960-е гг.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Исследуется восприятие пространства Сибири американскими журналистами в 1920–1960-е гг. Изучается процесс распространения в американской прессе новых образов сибирского пространства и территории, которые отличались от стереотипного восприятия Сибири как холодного тюремного края. Анализируются газетные публикации, посвященные описанию Сибири как обширного края с большим количеством полезных ископаемых.
Ключевые слова: Сибирь, пространство, освоение, американская пресса, СССР, США.

С самого начала освоения и колонизации Сибири эта обширная территория воспринималась российским государством как источник богатств, которые приносили прибыль в казну [1. P. 78]. В XVIII в. российский историк В.Н. Татищев провел европейско-азиатскую границу от р. Дон до Уральских гор, в результате чего естественная граница между Уралом и Сибирью стала границей между Европой и Азией, отделяя «Сибирь от России» [2. С. 49–50]. Восприятие Сибири как азиатского пространства, находящегося за пределами европейской России, оказало огромное влияние на восприятие края в последующем как внутри самой страны, так и за рубежом [3]. В процессе рефлексии над географическим положением Российской империи в XVIII–XIX вв., на фоне возвышения Санкт-Петербурга как столичного европейского города одновременно происходила «ориентализация» Сибири, которая стала восприниматься как далекая имперская окраина, наподобие Перу или Бразилии [4. С. 770]. Практика ссылать преступников, уголовных и политических, в Сибирь дала еще один важный образ края как тюрьмы, где заключенные, содержащиеся в жестких условиях, обречены на лишения, страдания и смерть. Этот образ получил большую популярность на Западе в конце XIX в., в особенности в англо-саксонских странах, благодаря книге американского журналиста Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка» [5]. Наконец, потребность России в развитии экономики на окраинных территориях в последней трети XIX – начале XX в. в контексте бурного роста мировой экономики побудило государство вкладываться в инфраструктурное освоение пространства Сибири, прежде всего в строительство Транссиба, которое растянулось на несколько десятилетий [6]. В начале XX в. Сибирь все больше привлекала западных инвесторов и предпринимателей [7. С. 164]. Однако впечатляющий рост экономики был прерван в результате Первой мировой войны и Гражданской войны на территории Сибири. После окончания войн Сибирь вновь стала восприниматься как далекий и отсталый край, куда новая советская власть, так же как и ранее царская, отправляет в заключение уголовников и политических врагов большевизма [8–10].

В статье будет показано, как американские журналисты, сумевшие посетить Сибирь в 1920–1950-е гг. поменяли восприятие ее образа в американской печати. Продолжая показывать Сибирь как место ссылки и заключения, журналисты все чаще писали о планах развития Сибири советской властью. Освещая процесс экономического преобразования территорий, корреспонденты рассказывали читателям о грандиозных планах индустриального развития Сибири и открытии новых месторождений полезных ископаемых. В контексте «холодной войны» и противостояния с США значение и важность Сибири начиная со второй половины 1940-х гг. было переосмыслено как формирование стратегического закрытого пространства, где Советский Союз планирует размещать новые военные предприятия и воинские части. Послевоенный изоляционизм Советского Союза от западного мира привел к тому, что часть промышленных и научных центров Сибири и Урала в послевоенное время была закрыта для иностранцев. Открытые же для посещения города и населенные пункты Сибири уже в послесталинское время становились своеобразной витриной, по которой корреспонденты судили об успехах и трудностях развития обширного края.

В самом начале 1920-х гг., когда советская власть только утвердилась в Сибири, американские журналисты писали о разрухе и деградировавшей инфраструктуре в главных сибирских городах, отмечая при этом постепенное улучшение ситуации с продовольствием и железнодорожным сообщением [11–13]. Путешествие на поезде был основным способом передвижения по Сибири, так как авиация в 1920-е гг. для сообщения между населенными пунктами еще активно не использовалась. Хотя летом 1921 г. большевики перенесли административный центр Западной Сибири из Омска в Новониколаевск, бывшая столица правительства А.В. Колчака еще долго воспринималась американскими корреспондентами как главный сибирский город [14].

В конце 1920-х гг., после частичного восстановления советской экономики от последствий Гражданской войны, в американской печати стали вновь появляться пространные статьи о природных богатствах Сибири и ее будущем процветании, совпавшие по времени с началом выполнения первой пятилетки [15–16]. Американский обозреватель «Лос-Анджелес Таймс» Гарри Карр положительно воспринял тот факт, что у власти в Советском Союзе единолично утвердился И.В. Сталин, «практический материалист», заинтересованный в привлечении высококвалифицированных зарубежных специалистов для развития советской экономики. Карр рассчитывал, что калифорнийские предприниматели и бизнесмены смогут принять участие в освоении сибирских богатств [16]. На протяжении 1930-х гг. уверенность американских журналистов в перспективах Сибири благодаря ее неисчерпаемым ресурсам продолжала укрепляться. Серия статей корреспондента Уильяма Филиппа Симмса, посетившего Сибирь в 1934 г., давала гораздо более оптимистичное представление о будущем края и развитии его промышленного потенциала по сравнению со статьями, посвященных Сибири в 1920-е гг. Симмс, посетив все главные города, расположенные на транссибирской дороге, рассказывал читателю о грандиозных планах Советского Союза «покорить Восток, потратив миллиарды рублей во время Второй пятилетки», чтобы остановить военную и экономическую экспансию Японии на Дальнем Востоке [17]. Статьи о перспективах освоения пространства Сибири дополнялись известиями в американской печати об открытии в разных местах новых месторождений металлов, нефти, мышьяка [18–19].

Вторая мировая война окончательно превратила Сибирь в важнейший индустриальный регион, в котором были размещены эвакуированные из европейской части предприятия, необходимые для производства военной продукции. Через Сибирь были налажены стратегические поставки вооружения и продовольствия. Тесное взаимодействие в рамках ленд-лиза Советского Союза с США как главным союзником по антигитлеровской коалиции породило у американцев надежды на продолжение сотрудничества и после окончания войны. Вице-президент США Г. Уоллес, посетивший Сибирь в мае–июне 1944 г., в момент, когда западные союзники открывали Второй фронт, предложил Советскому Союзу после войны начать развивать экономическое сотрудничество в Тихоокеанском регионе, который, по мнению вице-президента, охватит территорию от Миннеаполиса до Аляски в Новом Свете, а в Азии распространится на Сибирь и Китай [20–21]. Уоллесу вторил президент американской Торговой палаты Эрик Джонстон, посетивший Урал и Сибирь летом 1944 г.: «Сибирь напоминает мне мою страну, у нее блестящее будущее» [22]. Джонстона сопровождали американские журналисты, в том числе молодой корреспондент Гаррисон Солсбери, посетивший Свердловск, Магнитогорск, Омск и Новосибирск. В своих статьях Солсбери отмечал стремительный рост промышленного потенциала городов Урала и Сибири, в которых разместились эвакуированные из Европы промышленные предприятия. Журналист считал, что война помогла Новосибирску ускорить развитие и получить большое количество рабочих рук, что будет и дальше подспорьем для экономического развития города [23]. В результате радушного приема на Урале и в Сибири Солсбери оптимистично оценивал советско-американские союзнические отношения, выражая надежду от имени Торговой палаты и от себя лично, что такие визиты помогут укрепить послевоенное сотрудничество [24].

Однако радужным планам американцев по взаимовыгодному развитию Сибири не суждено было сбыться. Советско-американские отношения после окончания Второй мировой войны стали ухудшаться из-за диаметрально противоположных взглядов на вопросы послевоенного урегулирования, и очень быстро две великие державы оказались в состоянии «холодной войны». Сталин сознательно выбрал курс на жесткую изоляцию от внешнего мира, который проявился и в том, что иностранцам с 1948 г. было запрещено без специального разрешения покидать Москву. Запрет касался не только журналистов, но и дипломатов [25. P. 934–935]. Незадолго до запрета впервые за три года сотрудники американского посольства получили разрешение на посещение нескольких советских городов, включая Омск, и эта поездка состоялась поздней осенью 1948 г. [26]. В 1949–1952 гг. Сибирь превратилась в закрытую от иностранцев территорию, в которую было невозможно попасть. В 1952 г. произошел показательный случай с канадским журналистом Жераром Филионом и несколькими иностранными гостями, которые делали пересадку в омском аэропорту. Ожидая рейс около двенадцати часов, они не смогли выбраться в Омск для прогулки. Мотивы отказа сопровождающих сотрудников были непонятны для иностранцев. Журналист решил, что город – не самое приятное место для посещения, хотя причина отказа была именно в тотальном запрете для иностранцев без специального разрешения посещать города [27].

После окончания войны Сибирь в американской прессе все чаще стала восприниматься как ключевая часть Советского Союза, значение которой, как военное, так и экономическое, будет только расти [28–30]. В статьях военных экспертов, опубликованных в 1940–1950-х гг., Сибирь уже анализировалась как важнейший стратегический и военный регион, который активно развивается [31–32]. Поскольку отношения между СССР и США стали очень напряженными в начале 1950-х гг., Сибирь рассматривалась как огромная военная база и армейский плацдарм для продвижения, если бы СССР решился превратить корейскую войну в полномасштабную войну на Тихом океане [33]. Образ Сибири как мощной базы, откуда можно было бы нанести атомный удар по Америке, получил распространение в 1950–1951 гг., в самый разгар вооруженного конфликта на Корейском полуострове [34–35]. Весной 1951 г. ряд американских газет опубликовал подробную карту региона под характерным названием «Новая роль Сибири в мировой политике». Это была военная карта, где были отмечены железнодорожные пути, авиабазы, сырьевые месторождения и производства [36].

После смерти Сталина, летом 1953 г., советское правительство сняло некоторые ограничения на поездки иностранных дипломатов и корреспондентов, но значительная часть территории страны по-прежнему была недоступна для иностранцев. Не были открыты для посещения уральские города, в Сибири закрытыми оставались Иркутск, Омск, Томск, Новосибирск, Красноярск [37]. Сам список не разрешенных для посещения мест позднее корректировался, однако некоторые сибирские города остались закрытыми вплоть до распада СССР в 1991 г. Показательно, что первой американкой, воспользовавшейся возможностью относительно свободно путешествовать по европейской части страны, была дипломат Перле Места, прибывавшая в Москву незадолго до снятия ограничений. Начиная с осени 1953 г. путешествовать по Советскому Союзу начали американские журналисты, которые давно хотели увидеть страну изнутри, посетив удаленные от столицы города и области, включая азиатскую часть. Специальный корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Солсбери девять лет спустя вновь поехал в Среднюю Азию, побывав как там, где он уже был в составе делегации Торговой палаты, так и в новых местах, где, по его признанию, вообще ранее не было иностранных репортеров [38].

Возможность отправиться в путешествие по Советскому Союзу после смерти Сталина воспринималась американскими журналистами иначе, чем в довоенное время и в годы общей борьбы с нацизмом. После начала «холодной войны» американцы стали воспринимать Советский Союз как конкурента, пытаясь понять и оценить его преимущества и недостатки по сравнению с США. Корреспонденты, которые жили в конце 1940-х – начале 1950-х гг. в Москве, оказались в атмосфере подозрительности к иностранцам и особенно к американцам. Иностранные репортеры были изолированы от контактов с советскими гражданами, а главными источниками информации были официальная советская пресса и радио. Все статьи и заметки, отправлявшиеся для публикации на родине, проходили цензуру Главлита. В позднесталинскую эпоху запросы специальных корреспондентов властям на поездки по Советскому Союзу оставались без ответа, и всем без исключения журналистам могло быть в любой момент отказано в продлении советской визы. Поэтому неудивительно, что послабления для иностранцев давали шанс познакомиться со страной, а также увидеть своими глазами, как живут люди за пределами Москвы [39].

Сибирь была одним из первых регионов, куда отправлялись иностранные журналисты, чтобы открыть заново этот край для себя и читателей своих изданий. Восприятие Сибири было иным по сравнению с довоенными десятилетиями. В 1950–1960-е гг. образ далекого, угрюмого региона с мрачной историей был дополнен образом динамично развивающегося края, где живут более открытые и прямые люди по сравнению с европейской частью России. Репортаж о путешествии по Сибири сопровождался фотоиллюстрациями и наглядными картами районов или маршрута, по которому передвигались журналисты. Карта не только давала общее представление о размерах Сибири, но и делила пространство на открытое и закрытое для иностранцев. При этом список городов, открытых для посещения, вновь предварительно согласовывался с МИД и МВД [40].

Гаррисон Солсбери был первым американским корреспондентом, отправившимся в большое путешествие по Сибири в послесталинскую эпоху. В июне 1954 г. он смог посетить города Западной и Восточной Сибири Омск, Новосибирск, Якутск, Верхоянск, Оймякон, Киренск, Читу, а также побывал на Дальнем Востоке – в Хабаровске и Биробиджане. Список городов был согласован с журналистом индивидуально, поскольку Омск не входил в число городов для посещения иностранцами, а Новосибирск будет открыт для иностранцев лишь в начале 1960-х гг. Свои впечатления от увиденного и услышанного в Сибири Солсбери опубликовал в «Нью-Йорк Таймс» в виде серии статей в июне 1954 г. Необходимо иметь в виду, что все материалы проходили предварительную советскую цензуру и только потом пересылались в редакцию «Нью-Йорк Таймс». Так, Солсбери своими глазами увидел тюрьмы в Чите, Якутске и Биробиджане, но статья о системе подневольного труда в Сибири была напечатана уже после возвращения корреспондента в США. В июньской отцензурированной статье Солсбери писал, что не видел трудовые лагеря и военные части [41–42]. Неудивительно, что в США к статьям Солсбери многие газетчики и политики относились с предубеждением, не доверяя написанному. Они считали, что под давлением цензуры Солсбери вынужден был отказаться от критики советских порядков [43. P. 155–156]. Но дело было прежде всего в том, что сам журналист, несмотря на свое критическое отношение к Советскому Союзу, стремился в своих статьях взвешенно оценивать ситуацию в СССР, отмечая противоречивый характер развития страны.

Точно так же Солсбери подходил и к оценке Сибири, отмечая разнообразие условий для жизни, неравномерность освоения и большую территорию края, значительно превосходившую размеры США. Солсбери уделил особое внимание пространству Сибири, сравнивая ее с американскими географическими реалиями. Этот прием позволял лучше и понятней объяснить специфику Сибири, равно как и найти общие черты с США. По мнению Солсбери, западная часть Сибири имеет некоторое сходство с верхней частью Среднего Запада США, развитым индустриальным регионом с богатыми месторождениями железа и меди, а также лесной промышленностью. Журналист указывал, что сами жители Новосибирска называют его «сибирским Чикаго», намекая на характер развития города. Ландшафт сельской местности Западной Сибири напомнил Солсбери пограничную территорию между штатами Миннесота и Висконсин. Места для охоты и рыбалки, которые имели большое экономическое значение для Западной Сибири в середине XX в., Солсбери уподобил охотничьим угодьям в районе штатов Мэн и Мичиган [44].

История заселения и освоения Сибири была для Солсбери в чем-то аналогична продвижению пионеров на американский Запад. Отношение сибиряков к бес-

крайнему лесу было для него аналогично отношению американских пионеров к лесу на Западе во время их продвижения в начале XIX в. Путешествуя по местам, куда можно было добраться исключительно самолетом, Солсбери ловил себя на мысли, что населенные пункты вроде Киренска показались бы американским первопроходцам более понятными и родными, чем виды Нью-Йорка. Оказавшись на территории Забайкальского военного круга, Солсбери сравнил пограничное положение Читы, располагавшейся неподалеку от Монголии и Китая, с техасским Эль-Пасо, который еще в XIX в. стал важным гарнизонным пунктом на границе с Мексикой [45].

Восточную Сибирь с ее разбросанными населенными пунктами, отсутствием регулярной дорожной сети и удаленностью от Москвы Солсбери считал уникальным регионом, не похожим ни на одну часть США. Описывая разницу между Западной и Восточной Сибирью, Солсбери отмечал, что «западная часть [Сибири] выглядит как российский регион, равняющийся на столицу и интегрированный в промышленном, культурном и административном отношении с Москвой. В Восточной Сибири, субарктических районах и на Дальнем Востоке ощущаются иная атмосфера, отдаленность от Москвы и бóльшая ориентация на крупный административный центр на Востоке – Хабаровск» [46]. Другими словами, Солсбери разделял Западную и Восточную Сибирь не только географически, но и административно, подчеркивая отсутствие прочной связи с Москвой у отдаленных сибирских регионов. Журналист отмечал противоречивость и фрагментарность освоения Восточной Сибири. С одной стороны, люди продолжали жить изолированно от областных центров в небольших населенных пунктах в маленьких деревянных избах, не имея современных удобств, а с другой – Солсбери видел, что Москва «вдохнула жизнь» в областные и республиканские центры, вкладываясь в их развитие и связав удаленные села и города авиасообщением [47].

Солсбери, как и другие американские репортеры, посещавшие Сибирь в 1950-е гг., был удивлен отсутствием коммунальной инфраструктуры и асфальтированных дорог в областных и краевых городах. Лучшие дороги, по мнению репортера, были в Хабаровске, но они были проложены только в центральной части города. Журналист обратил внимание на распространенность в Сибири велосипедов и мотоциклов, которые становились все более популярными на фоне неразвитости автомобильного транспорта. Еще хуже, по мнению Солсбери, в сибирских и дальневосточных городах обстояло дело с городской инфраструктурой. Ни в одном из посещенных городов не было газоснабжения, и, как выяснил Солсбери, планов газифицировать города не было. В Якутске не было канализационной системы из-за трудностей ее прокладки в условиях вечной мерзлоты. Сельские районы Якутии и Еврейской автономной области все еще не были электрифицированы. В Биробиджане не было ни водопровода, ни канализации. В Западной Сибири Солсбери рассказали о планах решить проблему дефицита электричества, построив за ближайшие пять лет Новосибирскую ГЭС [44].

Но Солсбери не показывал Сибирь как исключительно отсталый и неразвитый регион. Несмотря на необустроенность края в целом, американский корреспондент увидел и прогресс в качестве жизни сибиряков по сравнению с военным временем, когда он впервые побывал в Сибири. В крупных городах, по его признанию, люди жили не сильно хуже, чем в Москве. Он высоко оценил качество гражданского транспорта в Сибири, особенно отметив мобильность и охват летной территории местной авиацией, которая связывала между собой населенные пункты, удаленные друг от друга на большое расстояние. При этом в дальние населенные пункты в районе р. Лены, куда авиация не летала, центральные газеты доставлялись с большим временны́м опозданием. На момент путешествия Солсбери по Сибири в городах еще не было телевещания, новости узнавали по радио, которое, к удивлению американца, привыкшего к локальному радиовещанию, передавало новости напрямую из Москвы. Солсбери практически не путешествовал по Сибири и Дальнему Востоку поездом, он совершил всего две короткие поездки на небольших участках маршрута, где не было авиасообщения. Путешествуя с комфортом, он обратил внимание на небыстрое передвижение состава от станции к станции [46]. В общей сложности Солсбери во время своей поездки проехал около 19 тыс. км, чтобы, как отмечалось в редакционной заметке «Нью-Йорк Таймс», подтвердить старое восприятие Сибири как «мрачного и жестокого края, в котором человеку приходится бороться с крайне суровой природой». В редакции газеты по-прежнему видели Сибирь как место царской ссылки в прошлом и территорию рабского труда (slave labor) в настоящем. Проигнорировав положительные отзывы Солсбери об увиденном, в газете по-прежнему считали необходимым сравнивать населенные пункты Сибири с укреплениями и городами на американском Западе XIX в., служившими точками опоры при дальнейшей экспансии или оборонительными сооружениями в пограничной местности [48].

Значительно менее продолжительное путешествие только по Западной Сибири в сентябре 1954 г. известного военного корреспондента Мэгги Хиггинс, освещавшей Корейскую войну, также фокусировалось на восприятии Сибири как отсталого края. Хиггинс сумела посетить Барнаул, где столкнулась с отсутствием крана для горячей воды в гостинице и преследованием за фотографирование видов города. Вслед за Солсбери она позитивно отозвалась о воздушных рейсах между сибирскими городами. Но, в отличие от специального корреспондента «Нью-Йорк Таймс», Хиггинс выбрала принципиально другую оптику наблюдения, просто сравнивая увиденное с американскими стандартами и не вникая в специфику местной жизни. Как результат Хиггинс показала в первую очередь отсутствие комфорта для зарубежного путешественника по пути и во время нахождения в Барнауле [49].

Начавшееся со второй половины 1950-х гг. активное освоение новых территорий в Сибири поменяло восприятие края американскими журналистами. Наряду с успешным запуском Советскими Союзом космического спутника, успехами в образовании индустри-

альное развитие Сибири олицетворяло новый образ Советского Союза, стремящегося догнать и перегнать США по экономическим показателям. Сибири отводилось важное место в этой гонке за первенство [50. С. 23, 42, 56]. Более открытая внешняя политика первого секретаря СССР Н.С. Хрущева повлияла на характер освещения иностранными журналистами внутренней политики Советского Союза, хотя зарубежные корреспонденты по-прежнему были ограничены в своих контактах и круге общения.

На фоне улучшения советско-американских отношений в 1959 г. и предстоящего визита вице-президента США Р. Никсона в СССР московский корреспондент «Нью-Йорк Таймс» Макс Франкель получил разрешение от МИД и МВД на поездку по Сибири и Дальнему Востоку с правом посещения Иркутска, Читы, Хабаровска, Биробиджана, Якутска, Олекминска. Хотя Франкель побывал в Сибири еще до открытия крупных месторождений нефти и газа, он увидел обширный край, где люди активно вовлечены в созидание новой экономики в контексте соперничества с США [51]. Вояж в азиатскую часть России был важен для Франкеля из-за возможности непосредственного общения с разными людьми, что строго контролировалось, когда он находился в Москве [52. P. 153]. Вдалеке от столицы американский журналист смог пообщаться как с местным руководством, так и с простыми людьми: авиамехаником, школьным учителем из Якутска, преподавателем физкультуры в Биробиджане, инженером, геологом. Рассказывая читателям об их интересе к внешнему миру и оптимизме относительно будущего СССР, Франкель рисовал новый образ Сибири как географически разнообразного края с большим экономическим потенциалом, который должен помочь стране обогнать США [51]. Подытоживая свои впечатления о сибиряках, Франкель писал: «русские хотят мира [с США], у них есть чувство прогресса, они одержимы технологиями и гаджетами, мечтают о комфорте, гостеприимны, осознают внутренние экономические реалии, и им интересно узнать о жизни за рубежом» [40. С. 16]. При этом сам Франкель, описывая социальный оптимизм советских людей в борьбе за новые цели Семилетнего плана (1959–1965) считал, что цель перегнать США по уровню жизни недостижима [53. P. 124].

В 1960-е гг. Сибирь привлекла к себе еще больше внимания американской прессы. Открытие алмазов в Якутии, а затем нефти и газа окончательно изменило восприятие Сибири. Американские газеты стали писать о СССР как о большой нефтегазовой сверхдержаве, которая стала претендовать на львиную долю глобального мирового рынка нефти. Неудивительно, что в 1970-х гг. основное внимание иностранных репортеров, посещавших Сибирь, было обращено на нефтяные города в Западной Сибири [54–55]. Тюменская область стала ведущим нефтегазовым центром СССР, хотя еще совсем недавно Тюмень даже не попадала на карты Сибири, публиковавшиеся время от времени в американской печати. Новосибирск благодаря строительству Академгородка превратился из отдаленного сибирского города в новый главный наукоград Сибири. С середины 1960-х гг. американские журналисты регулярно посещали Академгородок, анализируя успехи Советского Союза по созданию современной науки [56–58].

Таким образом, можно утверждать, что восприятие Сибири в XX в. в американской печати претерпело заметную эволюцию. Взгляд на Сибирь как на отсталый и мрачный регион, известный своими тюрьмами и каторгой, имел широкое хождение на страницах печати в 1920–1950-е гг. Но после Второй мировой войны отношение к Сибири постепенно эволюционировало от недоверчивого и отчужденного к сочувственному восприятию края как советского фронтира с большим экономическим потенциалом, где люди чувствуют себя чуть более свободными и непосредственными, чем в европейской части страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gutmeyr D. Borderlands Orientalism or How the Savage Lost His Nobility. The Russian Perception of the Caucasus between 1817 and 1878. Lit Verlag GmbH & Co. KG, 2017. 314 p.
2. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М. : Гос. изд-во географ. лит., 1950. 248 с.
3. Diment G., Slezkine Y. Between Heaven and Hell The Myth of Siberia in Russian Culture. St. Martin's Press, 1993. 278 p.
4. Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East In The Early Nineteenth Century // American Historical Review. 1991. Vol. 96, № 3. P. 763–794.
5. Нечипорук Д.М. Во имя нигилизма. Американское общество друзей русской свободы и русская революционная эмиграция (1890–1930 гг.). СПб. : Нестор-История, 2018. 288 с.
6. Борзунов В.Ф. Транссибирская магистраль в мировой политике великих держав. М. : МИИТ, 2001. Ч. 2. 159 с.
7. Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М. : Междунар. отношения, 1990. 164 с.
8. Salt Lake Telegram. 1919. 8 Aug. P. 8.
9. Anaconda Standard. 1920. 9 Dec. P. 14.
10. Times-Picayune. 1922. 6 Dec. P. 6.
11. Pittsburg Daily Post. 1921. 11 Jan. P. 3.
12. Wilkes Barre Record. 1922. 13 June. P. 22.
13. Dispatch. 1923. 16 Oct. P. 11.
14. Evening Sun. 1924. 11 July. P. 10.
15. Kansas City Times. 1928. 23 Apr. P. 18.
16. Times (Munster). 1928. 19 May. P. 20.
17. Knoxville News-Sentinel. 1934. 17 May. P. 3.
18. New York Times. 1931. 18 Oct. P. 50.
19. New York Times. 1940. 4 Apr. P. 9.
20. New York Times. 1944. 10 July. P. 6.
21. Уманская И.А. Поездка Генри Эдгара Уоллеса в Сибирь и на Дальний Восток // Americana : сб. ст. по истории и культуре стран Американского континента. Волгоград : ВолГУ, 2009. Вып. 10. С. 151–166.
22. New York Times. 1944. 3 July. P. 1.

23. Kenosha Evening News. 1944. 17 July. P. 3.
24. Kenosha Evening News. 1944. 12 July. P. 14.
25. Foreign Relations of the United States. Washington : Gov. print. off., 1974. Vol. IV: 1948, Eastern Europe: the Soviet Union. 1161 p.
26. New York Times. 1948. 20 Nov. P. 5.
27. Des Moines Register. 1952. 15 Dec. P. 16.
28. Times (Shreveport). 1945. 31 July. P. 4.
29. Lubbock-Avalanche Journal. 1948. 22 Aug. P. 36
30. Philadelphia Inquirer. 1948. 22 Aug. P. 2.
31. St. Louis Post Dispatch. 1948. 30 May. P. 38.
32. Knoxville News-Sentinel. 1946. 26 Nov. P. 6.
33. Arizona Republic. 1950. 17 Feb. P. 9.
34. Charlotte Observer. 1950. 15 Feb. P. 2.
35. Kokomo Tribune. 1951. 1 Nov. P. 54.
36. Times (Munster). 1951. 4 May. P. 27.
37. La Crosse Tribune. 1953. 23 June. P. 8.
38. New York Times. 1953. 6 Oct. P. 4.
39. New York Times. 1954. 2 Oct. P. 19.
40. New York Times. 1959. 30 Apr. P. 1.
41. New York Times. 1954. 27 Sep. P. 23.
42. New York Times. 1954. 24 June. P. 6.
43. Fainberg D. A Portrait of a Journalist as a Cold War Expert: Harrison Salisbury // Journalism History. 2015. Vol. 41, № 3. P. 153–164.
44. New York Times. 1954. 8 June. P. 5.
45. New York Times. 1954. 19 June. P. 5.
46. New York Times. 1954. 24 June. P. 6.
47. New York Times. 1954. 15 June. P. 7.
48. New York Times. 1954. 25 June. P. 20.
49. Oakland Tribune. 1954. 10, 13 Dec. P. 3.
50. Внеочередной XXI съезд КПСС : стенограф. отчет. М. : Госполитиздат, 1959.
51. New York Times. 1959. 27 Apr. P. 8.
52. Frankel M. The Times of My Life and My Life with the Times. Random House, 1999. 560 p.
53. Fainberg D. Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines. Johns Hopkins University Press, 2020. 376 p.
54. Berkeley Daily Gazette. 1974. 15 Apr. P. 9.
55. Rutland Daily Herald. 1978. 29 Jan. P. 36.
56. Chicago Tribune. 1967. 16 Oct. P. 8.
57. Chicago Tribune. 1967. 17 Oct. P. 8.
58. Boston Globe. 1967. 5 Nov. P. 101.

Dmitry M. Nechiporuk, Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru

THE US PRESS COVERAGE OF SIBERIA'S TERRITORY AND ITS DEVELOPMENT IN THE 1920s–1960s

Keywords: Siberia, territory, colonization, the USSR, the USA, the US press.

This article explores an evolution of perception of Siberia and its territory from the 1920s to the 1960s in the US press. The main thesis of the article is that American journalists and travelers made in a quite short span of time a remarkable change of their views on Siberia. In spite of the fact that a huge potential of Siberia was realized as early as the 1920s, the dark image of region as a cold prison area prevailed in the 1920s-1930s. The common allied interests during the Second World War changed a view on Siberia. The Americans together with the USSR expected to develop this vast region after the war as a part of the Pacific area. When Cold war started the American newspapers treated Siberia as a new important military region developing by Moscow to prevent the threats from the USA in the Pacific region.

After the death of Stalin, Soviet government removed some travel restrictions imposed on foreign diplomats and correspondents and a few of them caught an opportunity to go to Siberia. Harrison Salisbury was one of the first reporters who traveled to postwar Siberia and saw there both dark part of unequal development and the light part of progress in Siberia. He was impressed by Siberian school education, but noticed that municipal facilities were in shortage everywhere. Another correspondent of "New York Times" Max Frankel described Siberia as a land of extremes as well as a place where foreign correspondent can ask questions and receive candid answers. Frankel had a talk with various people in Siberia: aeroplane mechanic, a school teacher in Yakutia, university staff, geologist, etc. From 1960 onwards, Siberia attracted much more attention in American press than previous decades. Discovering of diamonds in Yakutia, then oil and gas in Siberia changed the role of Siberia once again. American newspapers began to write about the USSR as a big oil and gas superpower, which was eager to claim a lion's share of global world market. Western Siberia and especially Tyumen region had grown from unknown spot to prominent economic area. Novosibirsk was transformed from remote and modest Siberian town into new principal science city in Siberia. Many cities experienced extensive industrial expansion and growth, but not all of them were accessible for foreign visitors. In all, from a hostile and suspicious view on new strategic role of Siberia in the 1940s and 1950s it turned into quite sympathetic and affectionate vision of the Soviet Siberia as a progressive area in the late 1950s and the 1960s.

REFERENCES

1. Gutmeyr, D. (2017) *Borderlands Orientalism or How the Savage Lost His Nobility The Russian Perception of the Caucasus Between 1817 and 1878*. Wien: Lit Verlag GmbH & Co.
2. Tatischev, V.N. (1950) *Izbrannye trudy po geografii Rossii* [Selected Works on the Geography of Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury.
3. Diment, G. & Slezkine, Y. (1993) *Between Heaven and Hell The Myth of Siberia in Russian Culture.* New York: St. Martin's Press.
4. Bassin, M. (1991) Inventing Siberia: Visions of the Russian East In The Early Nineteenth Century. *American Historical Review*. 96(3). pp. 763–794. DOI: 10.2307/2162430
5. Nechiporuk, D.M. (2018) *Vo imya nigilizma. Amerikanskoe obshchestvo druzey russkoy svobody i russkaya revolyutsionnaya emigratsiya (1890–1930 gg.)* [In the Name of Nihilism. The American Society of Friends of Russian Freedom and the Russian Revolutionary Emigration, 1890–1930]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

6. Borzunov, V.F. (2001) *Transsibirskaya magistral' v mirovoy politike velikikh derzhav* [The Trans-Siberian Railway in Great Power World Politics]. Moscow: MIIT.
7. Dongarov, A.G. (1990) *Inostrannyy kapital v Rossii i SSSR* [Foreign Capital in Russia and the USSR]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
8. *Salt Lake Telegram*. (1919) 8th August. p. 8.
9. *Anaconda Standard*. (1920) 9th December. p. 14.
10. *Times-Picayune*. (1922) 6th December. p. 6.
11. *Pittsburg Daily Post*. (1921) 11th June. p. 3.
12. *Wilkes Barre Record*. (1922) 13th June. p. 22.
13. *Dispatch*. (1923) 16th October. p. 11.
14. *Evening Sun*. (1924) 11th July. p. 10.
15. *Kansas City Times*. (1928) 23rd April. p. 18.
16. *Times (Munster)*. (1928) 19th May. p. 20.
17. *Knoxville News-Sentinel*. (1934) 17th May. p. 3.
18. *New York Times*. (1931) 18th October. p. 50.
19. *New York Times*. (1940) 4th April. p. 9.
20. *New York Times*. (1944) 10th July. p. 6.
21. Umanskaya, I.A. (2009) Poezdka Genri Edgara Uollesa v Sibir' i na Dal'niy Vostok [Henry Edgar Wallace's trip to Siberia and the Far East]. In: Kurilla, I.I. (ed.) *Americana.* Vol. 10. pp. 151–166.
22. *New York Times*. (1944) 3rd July. p. 1.
23. *Kenosha Evening News.* (1944) 17th July. p. 3.
24. *Kenosha Evening News.* (1944) 12th July. p. 14.
25. USA. (1974) *Foreign Relations of the United States*. Washington: United States Government Printing Office.
26. *New York Times*. (1948) 20th November. p. 5.
27. *Des Moines Register.* (1952) 15th December. p. 16.
28. *Times (Shreveport).* (1945) 31st July. p. 4.
29. *Lubbock-Avalanche Journal.* (1948) 22nd August. p. 36.
30. *Philadelphia Inquirer*. (1948) 22nd August. p. 2.
31. *St. Louis Post Dispatch.* (1948) 30th May. p. 38.
32. *Knoxville News-Sentinel.* (1946) 26th November. p. 6.
33. *Arizona Republic*. (1950) 17th February. p. 9.
34. *Charlotte Observer*. (1950) 15th February. p. 2.
35. *Kokomo Tribune*. (1951) 1st November. p. 54.
36. *Times (Munster*). (1951) 4th May. p. 27.
37. *La Crosse Tribune*. (1953) 23rd June. p. 8.
38. *New York Times*. (1953) 6th October. p. 4.
39. *New York Times*. (1954) 2nd October. p. 19.
40. *New York Times*. (1959) 30th April. p. 1.
41. *New York Times*. (1954) 27th September. p. 23.
42. *New York Times*. (1954) 24th June. p. 6.
43. Fainberg, D. (2015) A Portrait of a Journalist as a Cold War Expert: Harrison Salisbury. *Journalism History*. 41(3). pp. 153–164. DOI: 10.1080/00947679.2015.12059126
44. *New York Times*. (1954) 8th June. p.5.
45. *New York Times*. (1954) 19th June. p. 5.
46. *New York Times*. (1954) 24th June. p. 6.
47. *New York Times*. (1954) 15th June. p. 7.
48. *New York Times*. (1954) 25th June. p. 20.
49. *Oakland Tribune.* (1954) 10th, 13th December. p. 3.
50. CPSU. (1959) *Vneocherednoy XXI s"ezd KPSS : stenograf. otchet* [Extraordinary the 21st Congress of the CPSU. A Verbatim Report]. Moscow: Gospolitizdat.
51. *New York Times*. (1959) 27th April. p. 8.
52. Frankel, M. (1999) *The Times of My Life and My Life with the Times*. New York: Random House.
53. Fainberg, D. (2020) *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: John Hopkins University Press.
54. *Berkeley Daily Gazette*. (1974) 15th April. p. 9.
55. *Rutland Daily Herald*. (1978) 29th January. p. 36.
56. *Chicago Tribune*. (1967) 16th October. p. 8.
57. *Chicago Tribune*. (1967) 17th October. p. 8.
58. *Boston Globe*. (1967) 5th November. p. 101.

УДК 930.85
DOI: 10.17323/19988613/73/5

М.О. Пискунов, Т.Н. Раков

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЕ СУББОТНИКИ: ОТ ПРОДУКТИВИСТСКОЙ УТОПИИ К РИТУАЛАМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири» и гранта РНФ № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956–1985)».

Статья посвящена феномену позднесоветского субботника. Возрожденные в 1969 г. после почти полувекового забвения, субботники стали весьма заметным явлением эры позднего социализма. Авторы исследуют бытование субботников и как идеологического конструкта, и как экономико-политической практики. Несмотря на то, что субботники преследовали продуктивистские цели увеличить производительность труда, достаточно быстро они перешли из регистра кампании по политическому мотивированию труда в регистр праздников политической лояльности.

Ключевые слова: субботники, политический ритуал, коммунистический праздник, коммунистический труд, микрополитика, микроистория, Советский Союз.

Введение

Наша статья посвящена феномену советского субботника. Точнее, нас интересует его позднесоветское измерение, когда этот день превращается в ритуализованный праздник труда. Писать о труде как о ритуале чрезвычайно трудно. В каком-то смысле труд – наиболее противоположная ритуалу деятельность. В самом первом приближении ритуалы, неважно, магические или политические, кажутся связанными с пространством сакрального – сверхъестественного или создаваемого на глазах социального [1]. Труд же, наоборот, предстает максимально профанной деятельностью, преобразованием материи ради низких телесных нужд. Несмотря на марксистские идеи о труде как об основной форме деятельности человека, которая порождает все остальные, в том числе символические, на символическом же уровне акт труда тщательно отделен от возвышенных форм религии, политики или искусства.

В этом отношении субботник в странах советского типа парадоксален. Это праздник, но это рабочий день на рабочем месте. Это символические действия, но одновременно они и полезная работа. Это проявление политической лояльности, но она мыслится как свободное распоряжение личностью своим свободным временем. И одновременно это действие в настоящем в память о прошлом, которое, однако, доказывает наступление ожидаемого будущего. Возможно, стоило бы назвать субботник карнавалом в духе М. Бахтина, если бы не вопиющая возвышенность таких мероприятий.

С парадоксами позднесоветского субботника мы работаем как с противоречием и, как исследователи, идем с двух концов проблемы сразу. Мы смотрим на субботник и как на труд, и как на политический ритуал и помещаем в два соответствующих контекста. Первый контекст – это контекст советского труда и политического управления им. Начиная с 1917 г. советский режим, во-первых, позиционирует себя как власть рабочих, а во-вторых, утверждает, что нет таких социальных или экономических законов, которые не смогла бы обойти или преодолеть политическая воля социалистического общества-государства.

На практике это означает постоянное вмешательство продуктивистских политических мотивов в повседневный труд миллионов советских рабочих. Идеология, классовая сознательность, работа над собой во имя повышения производительности труда стали такими же технологиями производства, как мартеновская печь, двигатель внутреннего сгорания, энергия воды или атома. Соответственно, реальность советского труда оказывается наполненнной многочисленными политическими кампаниями во имя продуктивизма, которые постоянно собирают и пересобирают советских рабочих, ИТР, руководителей и как личностей, и как коллективные общности [2]. Примерами таких кампаний являются стахановское движение, движение за ударный труд, движение за коммунистическое отношение к труду, а также многочисленные советские «методы» (наиболее известен в литературе Щекинский, но ему предшествовали десятки методов организации трудового и производственного процесса) [3]. В этот ряд можно поставить и субботники. Во-первых, советские идеологи сами соотносят субботники со стахановцами и ударниками, а во-вторых, исторически именно первый советский субботник 1919 г. открыл для коммунистических лидеров возможность экспериментировать с политической сознательностью рабочих в поисках способа повысить производительность труда.

Второй интересующий нас контекст – это идея политического ритуала. В упрощенном виде изучение политических ритуалов можно представить как сочетание двух подходов: социолога Эмиля Дюркгейма и его последователей и антропологов-постструктуралистов, прежде всего Клиффорда Гирца. Для социологов-

дюркгеймианцев с их уклоном в структурный функционализм политические ритуалы – это в основном способ воспроизводства сообщества или института, достраивания идентичности участников [4]. Для Гирца и близких ему по духу антропологов символическая сторона ритуала имеет самостоятельное значение, а происходящая (или не происходящая) по ходу ритуала история может иметь последствия и для «больших» устоявшихся социальных структур [5]. В этом отношении авторы находятся ближе к полюсу Гирца. Приуроченные к дню рождения В.И. Ленина позднесоветские субботники выступали одновременно и как политические праздники, и как юбилейные даты [6. С. 106], т.е. они воспроизводили существующие политические мифы основания Советского Союза и одновременно актуализировали вопросы продуктивизма советского труда и коммунистической перспективы с неожиданной для властей стороны.

Тезис нашей статьи состоит в том, что начиная с 1969 г. субботники были возрождены в Советском Союзе после продолжительного перерыва. Возрожденные субботники сочетали в себе одновременно две формы: форму кампании по политическому управлению трудом и форму политического ритуала. На наиболее высоком дискурсивном уровне субботник представал в первой форме и преследовал преимущественно продуктивистские задачи. Но на местах, в экономической и политической практике, решение продуктивистских задач либо имитировалось, либо подменялось праздником политической лояльности режиму и общественно полезного, но непродуктивного труда. Этот тезис мы проверяем на большом массиве источников разных видов: центральной и региональной (преимущественно сибирской) прессе, документах первичных партийных организаций фабрик и заводов, личных дневниках. Хронологические рамки работы касаются в основном периода позднего социализма и охватывают промежуток между 1969 и 1985 гг.

Субботник как идея, угасание и возрождение кампании

Термин «субботник» и связанная с ним трудовая практика появляются в советском дискурсе после статьи В.И. Ленина «Великий почин» (1919), рефлексирующей феномен добровольных рабочих суббот на московском узле Казанской железной дороги [7]. Вождь революции увидел в этой инициативе симптом переворота в культуре труда советского пролетариата, который начал по-хозяйски относиться к социалистической собственности. В начале статьи он отмечает:

«Прямо-таки гигантское значение в этом отношении имеет устройство рабочими, по их собственному почину, *коммунистических субботников* (здесь и далее курсив В.И. Ленина. – *М.П., Т.Р.*). Видимо, это только еще начало, но это начало необыкновенно большой важности. Это – начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это – победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину. Когда *эта* победа будет закреплена, тогда и только тогда новая общественная дисциплина, социалистическая дисциплина будет создана, тогда и только тогда возврат назад, к капитализму, станет невозможным, коммунизм сделается действительно непобедимым» [Там же. С. 5–6].

С точки зрения Ленина, коммунизм как формация наступит только тогда, когда прекратится отчуждение рабочего от результатов его труда, а большая часть благ будет носить не частный, а общий характер. Лишение буржуазии власти само по себе не приближает общество к коммунизму, поскольку рабочие продолжают трудиться за зарплату, сам их труд измеряется в зарплате и в этом смысле является частным благом. Несмотря на экономическое (мировым рынком) и политическое (социалистической революцией) обобществление производства, рабочий по-прежнему видит себя лишь винтиком машины и готов быть таким винтиком, пока он получает зарплату.

Поэтому маленькое изменение мотивации с частной на общую, политическую вызывает у озабоченного вопросами рациональной организации труда Ленина (еще в 1914 г. он написал заинтересованную статью о системе Тейлора) такое вдохновение. Далее он пишет: «Коммунистические субботники необыкновенно ценны как *фактическое* начало *коммунизма*, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь *первые шаги* к переходу от капитализма к коммунизму» [Там же. С. 22].

Последующие годы продемонстрировали, что Ленин переоценил степень переворота в сознании рабочих. Точнее, там, где вождь увидел первые шаги, его соратники попробовали сделать систему. В годы военного коммунизма субботники из разовой акции наиболее сознательных рабочих (железнодорожники, члены партии!) превратились в массовые многомиллионные кампании по политическому мотивированию к труду. Оценить степень их действительного энтузиазма сегодня проблематично, но ясно, что симптомом смены трудовой мотивации у среднего рабочего они так и не стали. Последовавшая за 1921 г. смена системы военного коммунизма на НЭП означала, что советский труд возвращается к традиционному капиталистическому материальному стимулированию работы. И даже сталинская революция сверху ничего не поменяла: основной формой повышения заинтересованности советских рабочих в труде на долгие годы стала сдельщина, усугубляемая бешеной индивидуальной конкуренцией стахановщины [8]. На этом фоне субботники как обязательное идеологическое мероприятие могли локально случаться, но в целом остались на обочине советской жизни. Начиная с НЭПа и до конца 1960-х гг. они были, скорее, явлением из мира ленинианы, а не труда – поводом, который дал Ленину возможность сформулировать в тексте свое понимание социального класса.

Последний тезис мы можем подтвердить частотным анализом данных архива газеты «Правда». Наше предположение состоит в том, что чем чаще тот или иной концепт встречается в центральной печати, тем

сильнее это отражает его значимость для господствующей в СССР идеологии. Пропорция результатов поиска по распознанным текстам «Правды» за 1917–1991 гг. выглядит следующим образом. Всего за советский период система находит 3 732 страницы, содержащих слово «субботник», из них на 1917–1953 гг. приходится всего 540 страниц. О субботниках «Правда» говорит преимущественно в 1920-е гг., а затем эта традиция и ее упоминания практически сходят на нет. При этом на 1969–1991 гг. приходится 2 921 упоминание субботника, из них в 1969 г. – 112, в 1970 г. – 100, в 1971 г. –99. На эти три года, судя по всему, приходится конструирование традиции субботников заново.

Субботники в прессе

Конструирование позднесоветского ритуала субботника осуществлялось во многом за счет прессы. В этом аспекте газеты брали на себя функцию двоякого идеологического медиума. С одной стороны, партийные издания, и прежде всего главная советская газета «Правда», выступали как экран партийной идеологии, отражая последние веяния и начинания. С другой стороны, они и сами добавляли ритуалу очертания, наделяя его метафорами, необходимыми для его дискурсивного поддержания.

«Правда» в 1969 г. выступала одним из главных рупоров заново создаваемого ритуала. Интересно, что с самого начала субботник оказался плотно привязан к другим советским юбилейным датам: к 50-летию первых субботников 1919 г. и столетию со дня рождения В.И. Ленина, отмечавшемуся в 1970 г. Прямо указывает на связь с первым субботником редакционная статья в номере от 29 марта 1969 г.: «Широкую и горячую поддержку находит в стране инициатива передовых коллективов Москвы и других городов, решивших ознаменовать 50-летие первых субботников проведением юбилейного коммунистического субботника» [9. 1969. 29 марта].

Статьи в день проведения субботника 12 апреля встраивали его в сложную систему советских ритуальных действий. Редакционная заметка называлась «Верность великим традициям», провозглашая преемственность между 1919 и 1969 г. и одновременно утверждая субботник как один из важных советских ритуалов. Однако статья не только содержала идеологическую тавтологию, но и предлагала новые грани понимания субботников – они оказывались частью рассуждений о научно-техническом прогрессе: «…повышение производительности труда на основе ускорения технического прогресса стало определяющим в социалистических обязательствах, принятых в честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» [Там же. 12 апр.]. Отчетные материалы в номере от 13 апреля предлагали связь между субботником и социалистическим соревнованием через визуальные образы: молодые женщины носили в этот день якобы такие же косынки, как и ударницы первых пятилеток [Там же. 13 апр.]. Интересно, что труд в день субботника не представал как труд вообще, а скорее, как труд на рабочем месте, дополнительный рабочий день. К такому выводу можно прийти, если обратить внимание на то, как в «Правде» описывается участие ученых в московском субботнике: «…ученые в день юбилейного субботника ставили опыты, вели математические расчеты, склонившись над приборами, продолжали путь к тайнам природы...» [Там же].

В следующем, 1970 г., в «Правде» продолжилось конструирование ритуала субботника. В дополнение к труду на рабочем месте пропагандируются и практики благоустройства и озеленения городов. Редакционная статья от 29 марта само название имела в духе лозунга «Украсим города и села» [Там же. 1970. 29 марта]. Авторы ее опять-таки увязывали субботники со значимыми юбилеями (столетием Ленина), однако спустя год после возрождения субботников зазвучала и критика их проведения: «…картина, о которой сообщает в редакцию москвич Н. Волохов: “Соберемся на субботник, расчистим территорию, а какие-нибудь организации завтра же ее захламят. Обидно становится...”» [Там же].

Труд на рабочем месте в день субботника также должен был обрести зримые метафоры, чтобы поддерживать воспроизводство ритуала. С этого размышления начал свою статью писатель Евгений Пермяк: «В зрительной памяти поколений со словами “Великий почин” возникают не только чеканные строки знаменитой ленинской брошюры, но и запечатленный кистью художника живой облик Ильича – участника первого всероссийского коммунистического субботника» [Там же. 12 апр.]. Задачей Пермяка было создать новый визуальный образ фабричного труда на субботнике. Репортаж с завода им. Ильича в Москве эту задачу решил и запустил новый пропагандистский образ – «праздник в рабочей спецовке». Так называлась сама статья Пермяка, хотя он и оговаривался, что позаимствовал этот образ из материала заводской многотиражки.

Редакционная статья в том же номере задавала способы восприятия и описания субботника: это день эмоционального подъема, связанного с трудом на благо Родины: «…самым ярким, самым волнующим был на нашем общем празднике радостный коллективный труд – труд бескорыстный и самоотверженный, который принес каждому чувство патриотической гордости, большое личное удовлетворение» [Там же]. Однако субботник не только про чувство, но и про рациональный расчет, который предполагал экономию материалов для проведения дополнительного трудового дня, повторялась мысль о проведении его прежде всего на рабочем месте. Те, кто не работал на предприятиях, трудились на благоустройстве и озеленении городов. Эмоциональный подъем, связь с образом В.И. Ленина, труд на рабочем месте или на благоустройстве так и закрепятся как главные способы репрезентации субботника на страницах «Правды».

В 1971 и 1972 гг. репрезентации субботников закрепляются. В 1971 г. субботник актуализируется связкой с очередным партийным съездом, которую провозглашает редакционная статья от 17 апреля: «Делом отвечая на решения XXIV съезда КПСС, каждый советский человек стремится внести свой достой-

ный вклад в осуществление грандиозных предначертаний партии, в выполнение планов пятилетки». В то же время к 1971 г. ритуал еще не до конца стал рутиной, о чем свидетельствует и критика организации субботников из той же статьи: «Нужно позаботиться о снабжении участников субботника материалами и инструментами, о правильной расстановке сил… всюду необходимо создать условия для того, чтобы каждый мог трудиться с наивысшей эффективностью, с наибольшей отдачей творческих сил» [9. 1971. 17 апр.]. В приведенной цитате критика не была озвучена прямо, но, как нам кажется, фразы вроде «нужно позаботиться» предполагали, что в предыдущие годы для должного проведения субботника было сделано далеко не все.

В репортаже 1972 г. о субботнике уже происходит некоторое повторение известных ранее приемов описания праздника – метафоры «праздник в рабочей спецовке», репортажа из депо Москва-Сортировочная. Редакционная статья накануне субботника, в номере от 15 апреля, больше посвящена проблеме отношения к труду и воспитания трудовой молодежи и затрагивает субботник лишь в двух последних абзацах, да и то лишь затем, чтобы утвердить то, что в субботнике примут участие многие советские граждане. В 1973 г. материалы «Правды» свидетельствуют о рутинизации ритуала – исчезают пропагандистские призывы, закрепляется рубрика «Позывные субботника», репортажи о его проведении занимают прочное место на 1-й и 2-й страницах соответствующих номеров. Это символическое размещение в пространстве «Правды» продлится до самого конца существования КПСС. Можно заметить лишь небольшие новации в нарративах о субботнике. Так, в 1980 г., в связи с культом Л.И. Брежнева, цитата из его речи опережает отсылку к Ленину в материале про подготовку к субботнику [Там же. 1980. 19 апр.].

Региональные издания в целом следовали примеру «Правды» в деле пропаганды субботника как нового ритуала. Для анализа репрезентаций субботников нами выбрана новосибирская городская газета «Вечерний Новосибирск».

В 1969 г. «Вечерний Новосибирск» вслед за «Правдой» также ведет агитационную кампанию за субботник, охватившую все апрельские номера издания. Под эти нужды отводится первая страница газеты. Праздник подается в связке не только с субботником 1919 г., но и как продолжение социалистических соревнований, ударного труда пятилеток. Помимо труда на предприятиях сразу же возникает и мотив благоустройства города [10. 1969. 5 апр.], причем оно распространялось не только улицы и дворы, предприятия также занимались уборкой собственных территорий, направляя на это зачастую комсомольцев [Там же]. В отличие от «Правды» новосибирское издание в отчетных материалах о субботнике не публиковало сведений о благоустройстве, но размещало фотографии уборок улиц [Там же. 12 апр.].

Рутинизация ритуала субботника отчетливо намечается в материалах «Вечернего Новосибирска» за 1973–1974 гг. Редакция заимствует у «Правды» рубрику «Позывные красной субботы», под шапкой которой выходят сообщения о подготовке тех или иных коллективов города к празднику. Примечательна одна из таких заметок в газете за 10 апреля 1974 г., которая словно «разоблачает» то, что субботник обрастает рутиной. В тексте за авторством О. Юшиной, рассказывающем о подготовке к субботнику на заводе электроагрегатов, есть примечательный фрагмент: «Я даже могу предсказать, как будет выглядеть предприятие нынче. У проходной завода встречает рабочих оркестр, по радио звучат слова поздравления. Короткий митинг, и все расходятся по рабочим местам» [Там же. 1974. 10 апр.]. Способность «предсказывать» ход субботника, на наш взгляд, отражает то, что ритуал окончательно устоялся и приобрел воспроизводимые год от года формы. Данные формы репрезентации ритуала, установившись к 1974 г., просуществуют в «Вечернем Новосибирске» вплоть до Перестройки.

Изучение материалов газеты «За науку в Сибири» (с 1982 г. – «Наука в Сибири») дает возможность проследить, как функционировал нарратив о ритуале субботника в непартийных СМИ. В интересующий нас период эта газета была органом Президиума Сибирского отделения АН СССР и его профсоюзной организации.

Редакция издания далеко не сразу восприняла возрождение субботника в 1969 г. как новый важный политический ритуал. Центральные и сибирские партийные издания довольно согласованно «готовили» свою аудиторию к проведению субботника в апреле 1969 г., в то время как страницы «За науку в Сибири» не отражают внимания Сибирского отделения АН СССР к этому событию. Лишь в сам день проведения субботника на последней странице газеты выходит краткая заметка о его проведении в новосибирском Академгородке. В дополнение к публикации на последней странице, на которой обычно размещались материалы о спортивных соревнованиях и театральных премьерах, в заметке говорилось об уборке снега на территории городка и об участии в этом видных академиков. Подкреплением тексту служила фотография академика А.А. Трофимука, расчищающего снег [11. 1969. 23 апр.]. Интересно, что она оказалась единственной иллюстрирующей субботники фотографией за весь рассматриваемый промежуток времени.

Данная заметка открывает первый период публикаций о субботниках, который можно выделить в «За науку в Сибири». С 1969 по 1973 г. газета будет уделять крайне мало внимания этому ритуалу. Так, в 1970 г. и вовсе не будет статей и заметок о субботниках. Видимо, столетний юбилей В.И. Ленина оказался для редакции газеты более важным мероприятием, поскольку все апрельские номера посвящены вкладу ученых Сибирского отделения в чествование этой даты.

В 1971 и 1972 гг. издание выпускает одну заметку до проведения субботника и отчетную публикацию о проведении самого мероприятия. Подавляющая часть заметки за 1971 год, агитировавшей принимать участие в субботнике, была посвящена его истории и возрождению этого ритуала в 1969 г. [Там же. 1971. 14 апр.]. Вероятно, перед нами отражение того, что субботник

для ученых и жителей Академгородка пока что был не до конца понятным ритуалом, и редакция издания так доносила смысл субботника. Отчет же о состоявшемся празднике был весьма лапидарен и в самых общих словах обозначил количество денег, заработанных 17 апреля и перечисленных в фонд пятилетки, а также то, что молодежь Академгородка занималась на субботнике благоустройством района [11. 1971. 21 апр.]. В 1972 г., также за несколько дней до субботника, выходит краткая агитационная заметка [Там же. 1972. 12 апр.], а затем и отчет [Там же. 19 апр.], которые риторически очень схожи с публикациями 1971 г.

В следующем, 1973 г., происходит резкий слом в изображении субботников на страницах «За науку в Сибири». Теперь все номера конца марта – апреля будут посвящены пропаганде субботников, публикациям директивных заметок о том, как коллективы различных институтов и предприятий, расположенных в городке, будут активно участвовать в «дне коммунистического труда». Про субботник в городке газета выпустит материал, как и в предыдущие годы, за несколько дней до его проведения [Там же. 1973. 18 апр.]. Однако подача материалов в этом выпуске существенно изменилась по сравнению с прошлыми годами: заметок про подготовку к субботнику было несколько, они разместились как на первой, так и на второй странице, была опубликована заметка «У истоков коммунистического труда», рассказывающая об истории первых субботников в Сибири.

Отчет о субботнике 1973 г. также более масштабен по сравнению с предыдущими. Интересно, что заметки затрагивали три аспекта субботника: в целом в городке, среди ученых и среди рабочих. В первой из них освещались общее количество участников, количество перечисленных в фонд пятилетки средств, предпринятые пропагандистские меры по организации праздника. В этой же заметке подчеркивались работы по благоустройству и озеленению городка: «…посажены несколько сотен деревьев» [Там же. 26 апр.]. Завершалась заметка общей оценкой прошедшего субботника, постулировавшей его как удачно проведенный ритуал, включавший в себя такие важные аспекты, как «творчество, соревнование, эмоциональный подъем, высокая сознательность».

Заметка о субботнике в научных институтах была менее пафосной. В ней кратко были обрисованы мероприятия в разных учреждениях, причем особо подчеркивалось, что ученые работали на своих местах и продолжали в субботу свои исследования [Там же. 26 апр.]. По сути, в применении к науке субботник оказывался дополнительным рабочим днем, не предполагающим какого-то особого эмоционального настроя, активно вовлекающего в ритуал. Заметка же про субботники на предприятиях городка содержала отсылки к важности ритуала: описывался митинг на одном из заводов, в ходе которого рабочие якобы «взяли на себя повышенные социалистические обязательства». Такая клишированная фраза служила способом встроить субботник на этом конкретном новосибирском заводе в ряд других по стране, сделать его узнаваемым для любого читателя газеты.

Период наиболее активного освещения подготовки к субботнику и его проведения сохраняется на страницах «За науку в Сибири» до 1979 г. В 1977 г. добавляется еще один аспект – освещение проведения субботников не только в Новосибирске, но и в других городах отделения: Иркутске, Томске, Красноярске, Улан-Удэ, Якутске [Там же. 1977. 21 апр.]. Что касается способов построения нарратива о субботниках, то он оставался прежним: ученые трудятся в этот день на своем рабочем месте; как и в других советских газетах, отмечается благоустройство и озеленение территории Академгородка. Например, в отчетной публикации за 1975 г. упоминалось о закладке рощи ветеранов [Там же. 1975. 24 апр.]. Удачно высвечивается риторика о ритуале субботника в следующем фрагменте из публикации за 1979 г.: «Для одних это будет день очередных экспериментов, запуска опытных установок, отладки новых приборов, день теоретических семинаров и диспутов, для других – день благоустройства, наведения чистоты, для третьих – день шефской помощи в совхозах и пригородных хозяйствах, на заводах и в производственных объединениях» [Там же. 1979. 12 апр.].

С 1980 г. намечается тенденция к снижению пропагандистских публикаций до субботника. Отчетный материал 1980 г. и вовсе был «изгнан» на шестую страницу соответствующего номера [Там же. 1980. 19 апр.]. Вероятнее всего, это было связано со 110-летием В.И. Ленина, и повторилась ситуация десятилетней давности, когда более значимый юбилей потеснил ритуал субботника. В 1981 г. выходят лишь одна заметка до субботника и отчет о нем. В 1982 и 1983 гг. идеологическая кампания подготовки к субботнику отражается на страницах «Науки в Сибири» чуть интенсивнее. Однако количество и сам размер материалов падают – это совсем небольшие заметки. В 1983 г. отчет о субботнике начинает стабильно занимать вторую страницу номера, продолжается практика репортажей из всех значимых центров Сибирского отделения.

Субботники в пропагандистских материалах

Хотя субботник и возродился в 1969 г., форма этого ритуала не требовала кардинального переизобретения. Вероятно, именно с этим связан тот факт, что субботники не породили вокруг себя массы партийной литературы вроде рекомендаций по проведению или описанию правильных субботников. Все, что нам удалось выявить в национальных библиотеках, – это несколько брошюр общества «Знание» и региональных партийных организаций, выпущенных в Москве, Оренбурге и Ростове-на-Дону [12–15]. Интересно, что время их появления, вероятно, совпадает с периодом становления ритуала субботника, его рефлексивного восприятия, которое затем сменилось рутинным воспроизведением устоявшихся форм. Так, 3 из 4 брошюр вышли в одно время, в 1973 г. Этот год, видимо, был рубежным: формы ритуала сложились, но еще не успели стать повторяемыми от года к году.

Если обратиться к содержанию вышеупомянутых произведений, то, вне зависимости от географии выпуска брошюр, они демонстрируют потрясающее едино-

образие сюжетов. В каждой из них в начале воспроизводится предыстория современных субботников: инициатива рабочих депо Москва-Сортировочная в 1919 г., реакция В.И. Ленина на нее, добавляются сведения про 1920 г. Дальше история не продолжается, и весь период примерно с 1921 по 1969 г. по части субботников остается «пустым». Авторы брошюр не поясняют, что происходило с ритуалом в это время и в чем была необходимость его возрождения именно в 1969 г., ограничиваясь лишь воспроизведением общего сюжета о том, что оно было приурочено к 50-летию первого.

Несмотря на относительное разнообразие мест издания брошюр, они отличаются довольно высоким «москвоцентризмом» – значительное число страниц в них отведено описаниям субботников в Москве и достижениям московских предприятий. Все перечисленные издания отличает продуктивистский дух. Что касается местных сюжетов, то авторы перечисляют проведение субботников на значимых заводах регионов (Ростсельмаш в Ростове или Гайский металлургический в Оренбурге), объемы полученных средств и напирают на то, что субботники проводятся на сэкономленном заранее сырье. Благоустройство, если и встречается, то лишь совсем мельком, буквально парой строчек.

Такой продуктивистский фокус, помимо всего прочего, может объясняться тем, что, скорее всего, данные брошюры были предназначены прежде всего для партийных организаторов на фабриках и заводах, для тех, кто должен был разъяснять смысл мероприятия рабочим. Достижения субботника в данном разрезе выступали исключительно как дополнительно произведенные материалы, исчисляемые в рублях, сбереженные ресурсы, отремонтированные транспортные средства. Энтузиазм коммунистического труда оставался либо в истории, либо лишь компонентом идеологии, мало инкорпорированным в повседневную практику труда, которая основывалась на вполне конкретных механизмах экономии и поднятии производительности.

Все брошюры несколько неожиданно завершаются темой социалистического соревнования, которое объявляется логическим и историческим продолжением первых субботников. С точки зрения авторов, коллективы советских рабочих должны не просто провести субботник в качестве дня сознательного труда, но и соревноваться друг с другом за то, чтобы провести этот день наиболее эффективным образом. Согласно О. Голечковой и О. Чагадаевой [16. P. 150], этот тезис в конечном счете восходит к работе 1959 г. московских историков Ю. Кукушкина и Д. Шелестова о субботниках периода Гражданской войны [17]. Кукушкин и Шелестов первыми создали каноничную формулу о том, что субботники – это наиболее ранняя форма социалистического соревнования, впоследствии сменившаяся стахановским и ударническим движениями.

Субботники на производстве

Разобрав идеологическую репрезентацию субботников в прессе и пропагандистских материалах, мы решили посмотреть, как субботники осуществлялись на реально функционирующем производстве. Если рассматривать субботники в одном ряду с ударничеством или стахановским движением, т.е. как кампанию по политическому управлению трудом, то сердцем такой кампании должен был быть завод или шахта. Отслеживать субботники на производстве мы решили через крупные, но периферийные региональные предприятия, т.е. такие, которые были бы важны для экономики, но не играли параллельно значимую символическую роль (такие как московский ЗиЛ, Кировский завод в Ленинграде или свердловский Уралмаш).

Мы отобрали три завода в Тюмени: Судостроительный завод, Камвольно-суконный комбинат, Станкостроительный завод, – и проектную организацию «Главтюменьгеология». Все эти предприятия считались крупными, численность их работников превышала тысячу человек, а региональный аспект должен был делать их особенно восприимчивыми к кампаниям по идеологической мотивации к труду. 1960–1980-е годы в Тюменской области – это время открытия и освоения «большой нефти», стремительного роста и усложнения экономики обслуживающей данный процесс Тюмени [18]. Соответственно, происходили привлечение сотен тысяч новых рабочих, инженеров и ученых на новые рабочие места на Севере и их последующие миграции по региону. Поэтому тюменский труд не закреплен, предприятия оставались новыми, их трудовые коллективы окончательно не сложились как воспроизводящиеся институты (в том виде, в каком они существовали на отмеченных выше флагманах советской индустрии). А для руководителей таких предприятий, предположительно, было важно использовать любые политические средства для мотивации своих рабочих к труду.

Мы обратились к документам первичных производственных организаций КПСС на указанных предприятиях в 1969–1971 гг. [19–22], надеясь отследить по ним имплементацию субботников в производство и те формы, которые приняла эта кампания. Авторы исходили из очевидного соображения, что в советский период партийные организации на предприятиях – это один из институтов управления производственным процессом и связывания его с общим политическим контекстом функционирования предприятий. Соответственно, проведение субботников как экономической практики, имеющей всесоюзное политическое значение, естественным образом оказывалось именно партийной вотчиной и должно было отражаться в партийных документах. Результат, однако, оказался половинчатым.

Во-первых, сразу выяснилось, что в партийных документах Судостроительного завода и Главтюменьгеологии субботники за указанные три года вообще не упоминаются. Насчет последней этот факт можно объяснить ее зонтичным характером, так как Главтюменьгеология была организацией, ответственной за разведку нефти и газа на тюменском Севере и координировала работу десятков поисковых отрядов. Ее штаб находился в Тюмени, а многочисленная разъединенная по множеству малых групп рабочая сила была дисперсно разбросана по тундре, лесам и болотам Западной Сибири. Невозможность собрать «рядовых» этой армии нефтяников в каком-то одном ограниченном месте

делала физически невозможной и централизованный субботник, а на «генералов» тюменского штаба, в основном статусных геологов, возможно, работал их статус.

Кроме того, Главтюменьгеология в это время – сверхпроизводительная организация, которая ежегодно на порядок перевыполняла планы по разведке природных ресурсов, открывая новые и новые месторождения. Вероятно, это позволяло ей игнорировать часть идеологических кампаний. Титулованных геологов из этой организации часто привлекали к символическому присутствию в советских избирательных кампаниях разного уровня, а вот следов субботников в организации за три интересующих нас года мы так и не нашли.

Отсутствие упоминаний о субботниках на Судостроительном заводе – загадка, ключ к которой у нас отсутствует. Зато о заводских субботниках свидетельствуют партийные документы Суконно-камвольного и Станкостроительного заводов Тюмени. На этих предприятиях субботники органично встраиваются в весеннюю идеологическую кампанию, начинающуюся с дня рождения Ленина (22 апреля) и заканчивающуюся днем Победы (9 мая). Субботники, проводящиеся в субботу, предшествующую 22 апреля, таким образом, становятся нижней границей этой кампании. И на Суконно-камвольном, и на Станкостроительном заводе для нее создаются общие планы мероприятий, начинающихся с субботника, продолжающихся днем рождения вождя, достигающих пика 1 мая и торжественно завершающихся 9 мая. Эти мероприятия курируются комиссиями во главе с руководителями заводов – директорами, секретарями партийных организаций, председателями профсоюзных комитетов, т.е. лидерами советского «треугольника» управления промышленностью на местах (о системе «треугольника» см.: [23]).

Идеологическая значимость субботника несомненна. Более сложным вопросом является экономическое измерение субботников. И на Суконно-камвольном, и на Станкостроительном заводе Тюмени предшествующие 22 апреля субботы посвящены вспомогательной деятельности – очистке территории, уборке цехов, возможно озеленению примыкающих к заводам городских пространств. Нигде не идет речь о работе по профилю, производству продукции. Максимум, что нам удалось найти в контексте производительности труда, – это проведение на Суконно-камвольном комбинате ударной декады между 12 и 22 апреля, т.е. установки на повышенные трудовые обязательства в обычные рабочие дни, предшествующие дню рождения Ленина [21. Д. 5. Л. 34].

Исключительно вспомогательный труд во время субботника на рассмотренных промышленных предприятиях – это серьезная проблема для идеи подобного мероприятия. С одной стороны, субботники должны были репрезентировать будущий самоотверженный коммунистический труд, а с другой – они должны были давать стране блага, которые можно было бы пустить на общественно значимые нужды. Так, по итогам субботника 1969 г. все заработанные советскими рабочими в этот день средства были пущены на строительство научного городка Сибирского отделения ВАСХНИЛ и большого научно-исследовательского онкологического центра в Москве. По итогам субботника 1971 г. в столице был построен гигантский кардиологический центр. Проблема вспомогательного труда вроде очистки и уборки территорий в том, что он не дает продукции, которую можно было бы затем оценить в деньгах и говорить о какой-то экономии и перенаправлении средств.

Отсутствие измеримых экономических показателей субботников на рассмотренных предприятиях кроме прочего ставит под сомнение возможность соотнести субботники с кампаниями ударного труда или стахановским движением периода сталинизма, т.е. с идеологическими кампаниями, преследующими экономические задачи через политическую мобилизацию труда. На каких-то предприятиях субботники, очевидно, принимали такую продуктивистскую форму, – о них упоминают пресса и идеологическая литература. Но существовали и предприятия (случайно мы попали на них), на которых субботники остались чистой идеологической формой, политическим ритуалом или формой чего-то еще, пока нами не определенного.

Субботники в дневниках

От попытки проникнуть в микроисторию субботников через партийные документы промышленных предприятий мы обратились к источникам личного происхождения. В электронном корпусе дневников «Прожито» (https://prozhito.org) по ключевому слову «субботник» было обнаружено 162 упоминания о субботниках в 29 дневниках, описывающих события между 1969 и 1985 гг. Эти дневники, разумеется, не отображают все советское общество, так как их авторы – это в основном интеллигенция, люди, профессионально работающие с письменным словом, – писатели, журналисты, политики, ученые, военные, учителя. Не будучи репрезентативным источником по отношению ко всему обществу, эти дневники тем не менее дают хороший срез по разным группам интеллигенции и описывают многообразие случаев и форм, которые принимали субботники у людей разных профессий.

Это многообразие авторы организовали в пять основных форм упоминаний о субботниках: повседневная работа по профессии, обычный рабочий день, но без зарплаты; работа по уборке или очистке пространств, погрузке вещей, даже стройка чего-либо; работа по озеленению территорий; работа в помощь сельскому хозяйству, на поле или в овощебазах; иное – либо из записи невозможно понять, о каком именно труде идет речь, либо он является единичным по отношению к остальным группам. Часть упоминаний не касалась ленинских субботников в апреле, а относилась к локальным субботникам в другое время или к так и не установившейся в 1970-е гг. традиции осенних субботников, приуроченных к революционному 7 ноября. Эти субботники мы исключили из анализа. Кроме того, один и тот же автор мог описывать не только свою активность во время субботника, но и своих родственников, коллег или друзей. Каждое такое указание мы считали отдельно. Окончательное

соотношение упоминаний о субботниках выглядит следующим образом: 8 субботников прошли на рабочих местах в обычном рабочем ритме, 35 субботников заключались в очистке и уборке территорий, 10 раз авторы дневников занимались озеленением, 5 субботников были проведены на сельскохозяйственных работах, наконец, 10 случаев попали в категорию «иное».

Главное, что нам дает эта информация, – возможность примерно оценить удельный вес «продуктивных» субботников, к которым относится труд из первой и, вероятно, четвертой категорий, ко всем остальным: 13 к 65. Эта пропорция подтверждает подозрение, возникшее у нас из выборочного анализа субботников на тюменских промышленных предприятиях: вовлекавший сотни миллионов рабочих «праздник в рабочей спецовке», несмотря на официальные декларации, являлся продуктивистским лишь в небольшой степени.

Откуда в действительности брались средства, «заработанные» на субботниках и направленные затем на народные стройки, можно только предполагать. У нас есть два соображения. Во-первых, отмечаемая в идеологических сборниках идея о том, что фабрики и заводы работают в субботник на «сэкономленные» в прочие рабочие дни ресурсах. Это важнейшее обстоятельство, позволяющее промышленности выпускать продукцию в «красную субботу». Люди могут работать на энтузиазме, машины – нет. Им нужен уголь, нужна сталь, нужно электричество. Чтобы предприятия своевременно и достаточно их получили, работал гигантский механизм Госснаба. Его нельзя обеспечить энтузиазмом. Но если неофициально обязать предприятия откладывать часть оперативных ресурсов для обеспечения дополнительного рабочего дня в году, то машины будут работать и в нерабочий день. А для заводов с непрерывным циклом производства «красная суббота» и вовсе ничем не отличается от любого другого рабочего дня. В сущности, субботник превращается для предприятий в своего рода «налог» размером в один день работы.

Форму налога «красная суббота» могла принимать не только для фабрик и заводов. Один из авторов изученных нами дневников, писатель Марк Поповский, отмечает, как московский партком Союза писателей к субботнику 1972 г. вывесил объявление: «Писатель может отработать субботник 15 апреля, внеся в кассу свой однодневный заработок» [24]. По словам Поповского, писатели сдавали в кассу Союза по 15 рублей каждый. То есть предполагалось, что если человек не находится на продуктивном рабочем месте, то его коммунистическое отношение к труду вполне можно заменить денежным пожертвованием.

Тем не менее нельзя сказать, что субботники – только имитация труда на благо сообщества или форма налога на труд рабочих. Эти моменты присутствуют в данных специфических кампаниях и действительно позволяют соотносить их со стахановским движением или движением за ударный труд, пусть и не в таком радужном виде, в каком это представлялось партийным пропагандистам. Но была и другая часть субботника, представленная иными, непродуктивными, но объективно полезными формами труда – уборкой территорий, расчисткой пространств и озеленением. Кроме того, отношение самих советских рабочих к субботникам нельзя назвать однозначным. Изучая дневники, мы в том числе фиксировали отношение авторов к субботникам. Из 29 авторов неприязнь к «красным субботам» демонстрируют 8 человек, еще 7 их активно поддерживают, а остальные 14 индифферентны, смотря на субботники как на своего рода политический жизненный фон.

Эту диалектику между продуктивистскими устремлениями руководителей и политической повседневностью значительной части советских граждан отлично иллюстрирует одна из дневниковых записей Александра Щагина. Щагин работал народным судьей в Ленинграде, и в записи от 20 апреля 1974 г. он так описал появление на субботнике одной своей коллеги: «Восемнадцатилетняя девушка-секретарь судебного заседания Оля, с которой я работаю, находилась в отпуске, но и она пришла на коммунистический субботник. Но кто ее заставил приходить? Какая сила? Может, боязнь администрации или еще что? Меня как секретаря партийной организации этот вопрос интересовал и, выбрав подходящий момент, я спросил ее об этом: “Оля, почему ты пришла на коммунистический субботник, ведь ты же в отпуске?” – “Александр Сергеевич, разве я могла бы усидеть дома, когда все люди страны на коммунистическом субботнике!” – ответила Оля, удивленно посмотрев на меня» [25].

С точки зрения Щагина, коммуниста и руководителя, находящийся в отпуске работник не обязан приходить на субботник. В общем контексте дневника появление Ольги описано, скорее, как примечательное свидетельство действительного энтузиазма масс по отношению к субботнику. Но в самом удивлении Александра по этому поводу сквозит, что для него «красные субботы» – не столько про свободный труд (и свободное распоряжение этим трудом) на благо сообщества, сколько про неофициальные обязательства рабочего по отношению к трудовому коллективу. В свою очередь, Ольга демонстрирует свою мотивацию не как трудовую, а как проявление политической лояльности, верности сообществу. Подобное противоречие между содержательным отношением к позднесоветскому дискурсу со стороны активистов и руководителей Коммунистической партии (и одновременно, как ни странно, диссидентов!) и восприятие этого дискурса как политического фона рядовыми гражданами отмечал еще А. Юрчак [26. С. 212–223].

Заключение

Сказанное снова выводит нас на основное напряжение данной статьи между субботниками как кампанией по политическому управлению трудом и как политическим ритуалом. Можно сказать, что своих основных, экономических целей субботники не достигали, вырождаясь в еще один ритуал проявления лояльности политическому режиму. Возрожденные субботники первоначально были направлены главным образом на советских граждан трудоспособного возраста, которые должны были на своих рабочих местах

обеспечить стране один день бесплатного труда. Но именно в таком качестве субботники в реальности никогда не касались большинства советских трудящихся.

Точно сказать – почему, мы не можем, можем лишь предположить, что по большей части дело было в институциональной сложности советской экономики 1960–1970-х гг., к которой оказалась трудно применима форма труда из 1919 г. Рожденный в горниле Гражданской войны с ее вырождающейся экономикой и преобладанием ручного труда в промышленности, субботник плохо сочетался с высокоразвитой индустриальной экономикой нефти, пластмасс и электроэнергии 1969 г.

Подчеркнем, что субботник плохо сочетался с экономикой именно как праздник продуктивизма, которым его сделала советская пропаганда 1970-х гг. На практике доминирующими формами труда в коммунистический субботник становились разные виды общественно полезной, но не продуктивной ручной работы: расчистка территорий, уборка, озеленение пространств, перетаскивание небольших грузов и оборудования. Эти формы труда предназначались для периферийных групп советского народа, не имеющих постоянного рабочего места, – школьников, студентов, пенсионеров, – но постепенно перетекли и в заводские цеха. Промышленности оказывалось проще осуществлять ручную очистку территорий, чем самостоятельно обеспечивать сложный производственный процесс.

При этом, вероятно, у большей части советских граждан ленинский субботник и необходимость дополнительного (пусть и укороченного) рабочего дня не вызывали политического протеста или отторжения, а достаточно гармонично встраивались в весеннюю череду советских праздников политической лояльности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геннеп А. Обряды перехода: система изучения обрядов. М. : Вост. лит., 1999. 198 с.
2. Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1988. 526 p.
3. Cucu A.S. Planning labour: Time and the foundations of industrial socialism in Romania. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2019. 266 p.
4. Lukes S. Political Ritual and Social Integration // Sociology. 1975. Vol. 9, № 3. P. 289–308.
5. Geertz C. Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology. London : Fontana, 1993. 244 p.
6. Мусихин Г.И. Блеск и нищета политических ритуалов // Полития. 2015. № 2. С. 98–109.
7. Ленин В.И. Великий почин // Полное собрание сочинение. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 39. С. 1–22.
8. Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialisation: the formation of modern Soviet production relations, 1928–1941. London : Pluto Press, 1987. 338 p.
9. Газета «Правда» : полный электронный архив (1912–2014) // ИВИС : информационные услуги. URL: http://www.ivis.ru/products/retrospective.htm (дата обращения: 20.07.2021).
10. Вечерний Новосибирск : ежедневная общественно-политическая газета. Новосибирск.
11. За науку в Сибири : орган Президиума Сибирского отделения АН СССР и его профсоюзной организации.
12. Бедненко В.М. Субботники – зримые ростки коммунистического труда. Ростов н/Д, 1972. 27 с.
13. Петровская В.Л. Коммунистические субботники – фактическое начало коммунизма. Оренбург, 1973. 28 с.
14. Сидоров Б.Ф., Хрусталев В.А. Красная суббота: ленинские традиции великого почина в действии. М. : Моск. рабочий, 1973. 32 с.
15. Субботник – праздник коммунистического труда : (методические материалы в помощь докладчикам, лекторам). Оренбург, 1976. 21 с.
16. Golechkova O., Chagadaeva O. Subbotniks: from the great to the meaningless (the evolution of the soviet labor phenomenon) // Labor history. 2021. Vol. 62, is. 2. P. 148–165.
17. Кукушкин Ю.С., Шелестов Д.К. Первые коммунистические субботники. М. : Моск. рабочий, 1959. 72 с.
18. Гаврилова Н.Ю., Карпов В.П. Социальное освоение нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–80е годы) // Отечественная история. 2003. № 2. С. 111–118.
19. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П296 (ППО Судостроительного завода). Оп. 1. Д. 8–13.
20. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П260 (ППО Станкостроительного завода). Оп. 1. Д. 8, 10, 12.
21. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 173 (ППО Камвольно-суконного комбината). Оп. 1. Д. 4–10.
22. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1724 (ППО Главтюменьгеология). Оп. 1. Д. 20–23.
23. Ульянова С.Б. Формирование «Треугольника» на советских предприятиях в первой половине 1920-х гг. // Новейшая история России. 2013. № 2. С. 169–184
24. Поповский М.А. Дневник. 1972. 5 апр. URL: http://edvig-arhiv.narod.ru/photoalbum3.html (дата обращения: 15.08. 2021).
25. Щагин А.С. Дела и Судьбы : (дневник народного судьи) : запись от 20 апреля 1974 г. URL: https://prozhito.org/note/674477 (дата обращения: 15.08. 2021).
26. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

Mikhail O. Piskunov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru
Timofey N. Rakov, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: timofey.rakov@gmail.com

LATE SOVIET SUBBOTNIKS FROM THE PRODUCTIVIST UTOPIA TO THE RITUALS OF POLITICAL LOYALTY

Keywords: subbotniks, political ritual, communist holiday, communist labor, micropolitics, microhistory, Soviet Union.

The article examines the phenomenon of Late Soviet Subbotniks. The purpose of the article is to examine such a combination of the practice of political control over labor and the ritual of expressing political loyalty to the Soviet state in the late Soviet Subbotniks, actually revived in 1969. The authors of the article propose to analyze this problem on a diverse corpus of historical sources, including propaganda materials dedicated to the Subbotniks, publications in the party and Soviet press about Subbotniks, documents of the primary party organizations of Tyumen enterprises and diary entries of contemporaries reflecting the conduct of Subbotniks and its perception by the participants. A wide body of materials allowed the authors to come to the following conclusions. The revival of the Subbotniks in 1969 pursued the goal of introducing another instrument to raise labor productivity and increase its efficiency. We can say that Subbotniks did not achieve their main economic goals, degenerating into another ritual of displaying loyalty to the political regime. The revived Subbotniks were initially aimed mainly at Soviet citizens of working age, who were supposed to provide the country with one day of free labor in their places. But it was precisely in this capacity that Subbotniks never actually touched the majority of Soviet workers.

Exactly why we cannot say, we can only assume that for the most part, the matter turned out to be in the institutional complexity of the Soviet economy of the 1960s-70s, to which the form of labor from 1919 turned out to be difficult to apply. Born in the crucible of the Civil War with its degenerating economy and the predominance of manual labor in industry, the Subbotniks did not fit well in the highly developed industrial coal and electricity economy of 1919.

Let us emphasize that the Subbotniks was badly combined with the economy precisely as a holiday of productivity, which Soviet propaganda of the 1970s made it to. In practice, different types of socially useful, but not productive, manual work became the dominant forms of labor during the communist Subbotniks: clearing territories, planting green spaces, and dragging small loads and equipment. These forms of labor were intended for peripheral groups of the Soviet citizens who did not have a permanent job – schoolchildren, students, pensioners – but gradually spilled over into the factory workshops. It turned out to be easier for the industry to carry out manual cleaning of territories than to independently provide for a complex production process.

At the same time, it is likely that for most Soviet citizens Lenin's Subbotniks and the need for an additional (albeit shortened) working day did not cause political protest or rejection, but rather harmoniously fit into the spring series of Soviet holidays of political loyalty.

REFERENCES

1. Gennep, A. (1999) *Obryady perekhoda: sistema izucheniya obryadov* [Rites of passage: a system for the study of rituals]. Moscow: Vost. lit.
2. Siegelbaum, L. (1988) *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* [Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941]. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
3. Cucu, A.S. (2019) *Planning labour: Time and the foundations of industrial socialism in Romania*. New York; Oxford: Berghahn Books.
4. Lukes, S. (1975) Political Ritual and Social Integration. *Sociology*. 9(3). pp. 289–308.
5. Geertz, C. (1993) *Local Knowledge: Further Essays in Interpretive Anthropology*. London: Fontana.
6. Musikhin, G.I. (2015) "The Splendors and Miseries" of Political Rituals. *Politiya – The Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics Politeia*. 2. pp. 98–109. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2015-77-2-98-109
7. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochinenie* [Complete Works]. 5th ed. Vol. 39. Moscow: Politizdat. pp. 1–22.
8. Filtzer, D. (1987) *Soviet Workers and Stalinist Industrialisation: the formation of modern Soviet production relations, 1928–1941*. London: Pluto Press.
9. Ivis.ru. (n.d.) *Gazeta "Pravda": polnyy elektronnyy arkhiv (1912–2014)* [Newspaper "Pravda": the complete electronic archive (1912–2014)]. [Online] Available from: http://www.ivis.ru/products/retrospective.htm (Accessed: 20th July 2021).
10. *Vecherniy Novosibirsk*. Novosibirsk.
11. *Za nauku v Sibiri*. (n.d.) Published by the Presidium of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and its trade union organization.
12. Bednenko, V.M. (1972) *Subbotniki – zrimye rostki kommunisticheskogo truda* [Subbotniks as visible sprouts of communist labor]. Rostov on Don: [s.n.].
13. Petrovskaya, V.L. (1973) *Kommunisticheskie subbotniki – fakticheskoe nachalo kommunizma* [Communist subbotniks are the actual beginning of Communism]. Orenburg: [s.n.].
14. Sidorov, B.F. & Khrustalev, V.A. (1973) *Krasnaya subbota: leninskie traditsii velikogo pochina v deystvii* [Red Saturday: Lenin's Great Initiative Traditions in Action]. Moscow: Mosk. Rabochiy.
15. Anon. (1976) *Subbotnik – prazdnik kommunisticheskogo truda : (metodicheskie materialy v pomoshch' dokladchikam, lektoram)* [Subbotnik – a holiday of communist labor: (methodological materials to help speakers, lecturers)]. Orenburg: [s.n.].
16. Golechkova, O. & Chagadaeva, O. (2021) Subbotniks: from the great to the meaningless (the evolution of the soviet labor phenomenon). *Labor History*. 62(2). pp. 148–165. DOI: 10.1080/0023656X.2021.1877264
17. Kukushkin, Yu.S. & Shelestov, D.K. (1959) *Pervye kommunisticheskie subbotniki* [The first communist subbotniks]. Moscow: Mosk. Rabochiy.
18. Gavrilova, N.Yu. & Karpov, V.P. (2003) Sotsial'noe osvoenie neftegazodobyvayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1960–80e gody) [Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia (1960–80s)]. *Otechestvennaya istoriya*. 2. pp. 111–118.
19. The State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Region. Fund P296 (PPO Sudostroitel'nogo zavoda). List 1. File 8–13.
20. The State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Region. Fund P260 (PPO Stankostroitel'nogo zavoda). List 1. File 8, 10, 12.
21. The State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Region. Fund 173 (PPO Kamvol'no-sukonnogo kombinata). List 1. File 4–10.
22. The State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Region. Fund 1724 (PPO Glavtyumen'geologiya). List 1. File 20–23.
23. Ulyanova, S.B. (2013) The Forming of "treugolnik" at Soviet enterprises in the first half of 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 169–184
24. Popovskiy, M.A. (1972.) *Dnevnik* [Diary]. 5th April. [Online] Available from: http://edvig-arhiv.narod.ru/photoalbum3.html (Accessed: 15th August 2021).
25. Shchagin, A.S. (1974) *Dela i Sud'by: (dnevnik narodnogo sud'i)* [Deeds and Fates: (Diary of the People's Judge)]. 20th April. [Online] Available from: https://prozhito.org/note/674477 (Accessed: 15.08. 2021).
26. Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it ended. The last Soviet generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

УДК 94(470)322.2
DOI: 10.17323/19988613/73/6

Л.И. Сосковец

КРИТИКА «ПРИСПОСОБЛЕНЧЕСКОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКВИ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДОЙ 1960–1970-х гг.

На основе опубликованных и не включенных ранее в научный оборот архивных документов анализируются основные направления критики религии и церкви, осуществлявшейся советской пропагандой в 1960–1970-е гг., выясняются цели и аргументы этой критики, показаны ее содержание, приемы и формы. Раскрывается, что понималось под «приспособленческой» деятельностью церкви. Показано, какой критике подвергались изменения в некоторых православных обрядах, проповеднической деятельности, подходах церкви к вопросам ее взаимоотношений с наукой, позиция по вопросам борьбы за мир, воспитания человека, участия верующих в общественной жизни.

Ключевые слова: религия, церковь, пропаганда, приспособленчество, верующие.

Целью представленной статьи является детальный анализ основных направлений критики религии и церкви в СССР, которую активно осуществляли все институты идеологического воспитания и антирелигиозной пропаганды в 1960–1970-е гг., выяснение целей и аргументов этой критики, ее содержания, приемов и форм. В основу публикации легли архивные неопубликованные документы, главным из которых стала многостраничная справка «О приспособленческих тенденциях в религиозной идеологии современной Русской православной церкви», составленная для отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР в ноябре 1962 г.

В арсенале борьбы советского государства и коммунистической (большевистской) партии против религии и религиозных организаций агитация и пропаганда всегда занимали ключевые места. А поскольку они велись еще с дореволюционных времен, партия накопила богатый опыт оппонирования религиозной идеологии, ее институтам и носителям. С первых лет советской власти возможности для этого стали обширными. Религиозный агитпроп стал разнообразным по средствам и формам, многочисленным по исполнителям. Религия, церкви и духовенство всех конфессий критиковались и разоблачались в печатной и устной пропаганде, с помощью газет и других печатных средств, радио, кино, наглядной агитации.

Содержательно критика тоже была разнообразной, ибо ни одно положение религиозных учений не оставалось без опровержения. История религиозных организаций также была питательной почвой для постоянных нападок и разоблачений. Уже в 1920–1930-е гг. выработался устойчивый антирелигиозный дискурс. Что касается содержания самой пропаганды, то целый ряд ее основных положений оставался неизменным (это касалось прежде всего критики религиозных учений), некоторые трансформировались или становились реже употребляемыми (оценка исторической роли церкви). Так, если в первые десятилетия советской власти пропаганда постоянно напоминала, что церковь была верной помощницей самодержавия и эксплуататорских классов, к которым ее тоже относили, вела активную борьбу с советской властью, мечтала о реставрации старых порядков, была союзником белогвардейцев, кулаков и прочих врагов советского строя, то во второй половине советского периода этот мотив стал не столь актуален, хотя и не исчез совсем.

В условиях продвижения в деле строительства коммунизма партии требовалось найти новые разоблачительные аргументы. Подчеркивая, что создание нового строя лишает религию и религиозные организации социальных корней, что научно-технический прогресс наносит сокрушительный удар по религиозной идеологии, советская пропаганда признавала, что церковь все еще остается сильной организацией, тем более что религиозные деятели «активно ищут новые формы привлечения людей на богослужения, применяют изощренные методы обработки верующих, особенно женщин, молодежи и детей, меняют содержание церковной проповеди, приспосабливают религиозную идеологию к современности» [1. Л. 229].

Попытки церкви найди новые способы удержания и привлечения паствы пропаганда частично объясняла неизбежным и растущим процессом секуляризации, который имел место не только в советском, но и в других обществах. В печати любили приводить цитаты из зарубежных изданий, высказывания их политиков и религиозных деятелей о кризисе веры в различных сегментах западного общества, особенно среди молодежи, о росте равнодушия к религиозным вопросам, об утверждении материализма [Там же. Л. 230].

Еще более впечатляюще выглядели результаты секуляризации в советском обществе, что с особым удовлетворением отмечалось в антирелигиозной пропаганде. В газетных публикациях, в лекциях охотно приводились примеры того, как расстраивались и били тревогу по этому поводу религиозные деятели в СССР. Снабжали пропагандистов такими фактами соответствующие партийные структуры, отвечавшие за идеологическую работу. Они, в свою очередь, черпали материалы от советов по делам религии и их уполномоченных, чьим достоянием становилась практически

вся внутрицерковная документация, включая переписку церковнослужителей со своим руководством и друг с другом. Например, в одной из справок отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС приводились следующие примеры сетования на упадок веры. Один епархиальный деятель отмечал, что «устойчивость церковного организма ослабела, и теперь духовная смертность членов церкви ежегодно возрастает» [1. Л. 230]. В другом документе клирик жаловался: «Тлетворное и душегубное атеистическое учение берет в полон верующих православных христиан и отрезает их пути к спасению» [Там же].

Религиозные авторы и спикеры довольно объективно оценивали ситуацию с общим кризисом веры в стране, отдавали отчет, что для большинства даже оставшихся в лоне церкви все церковные «благословения превращаются только в привычный обряд без смысла и содержания» [2. С. 8].

Понятно, что реалии, в которых оказались религия, церкви и верующие в советском государстве, требовали от религиозных организаций поиска того, как существовать и поддерживать веру в новых социально-экономических, политических и культурных условиях. Отсюда неизбежны были элементы модернизации, новаций, чтобы адаптироваться к окружающей среде [3].

Вот эти-то поиски и вызывали особое неприятие государственного атеизма и его распространителей, становились со второй половины XX в. едва ли не главным поводом и объектом антирелигиозной критики, преимущественно в форме насмешек и ерничества.

Самым простым и очевидным проявлением такого осмеяния было то, что любые попытки религиозных организаций несколько осовременить способы поддержания религии и веры в советской пропаганде обозначались исключительно термином «приспособление» в самой уничижительной коннотации этого слова. На разоблачение такого приспособления отводился в указанное время большой объем устной и письменной пропаганды. В партийно-пропагандистских материалах подчеркивалось, что приспособленчество – характерная черта религиозной идеологии, которая была ей присуща всегда, что она уходит своими корнями вглубь веков. «Так и в наши дни, хотя религия и осталась по-прежнему реакционной, проповедующей иррационализм и мистику, но она довольно тонко и изощренно пытается приспособить к духу времени свои политические и философские оценки, пытается подладиться к настроениям масс верующих» [1. Л. 231], – утверждалось в партийном документе. Более того, как в нем подчеркивалось, приспособленчество церкви вошло во все поры ее жизни, о необходимости приспосабливаться пишут наиболее видные богословы, а служители культа всюду ищут новые пути приспособиться к современности, чтобы укрепить свое влияние среди известной части населения [Там же].

В каких проявлениях деятельности церквей во второй половине XX в. видели советские атеисты приспособленческую тактику?

Прежде всего под огонь их критики попадала обрядовая сторона. Именно здесь, как считалось, очевидно проявлялась попытка идти навстречу современным верующим. В качества примера приводились изменения в обрядах крещения, отпевания и исповеди. В первом случае традиционное и многовековое погружение новорожденного в купель заменилось простым окроплением ребенка «святой водой», а то и просто было достаточно помочить ему лобик. Пропагандисты ерничали, мол, гигиенично и родители довольны, да и повода не дают для претензий по антисанитарии в купелях. И действительно, еще в 1940–1950-е гг. нередки были случаи, когда церкви и священнослужители обвинялись в том, что церковные купели – это рассадники антисанитарии и очаги распространения всякой заразы. Так, в одном из выступлений лектор Тюменского областного отделения общества по распространению знаний И.Д. рассказал слушателям нелепую новость, что, дескать, в купели Тюменской церкви врачи обнаружили миллионы микробов туберкулеза, сифилиса, тифа и других болезней, что даже кролик, которого искупали в ней, погиб [4. С. 190].

Подвергалось критике и упрощение церковью процедуры отпевания умершего. Если раньше отпевать можно было только над гробом умершего, то теперь в практику повсеместно вошло так называемое заочное отпевание, для которого было достаточно устной или письменной просьбы родственников погребаемого и, как едко добавляли критики церкви, «телеграммы с денежным переводом» [1. Л. 232].

Столь же просто стало выглядеть таинство исповеди, которая из индивидуальной трансформировалась в коллективную. Это делалось якобы для того, чтобы верующие не тратили много времени на ее исполнение. Представляется, что новый вариант процедуры исповеди был вынужденной мерой (как и другие изменения в обрядах). Церкви действительно шли навстречу верующим, но не для того, чтобы просто сберечь их время, а чтобы сберечь их от преследования по месту работы, ибо имена исповедовавшихся (да и участников других обрядов) попадали по разным каналам в идеологические и правоохранительные органы, в трудовые коллективы, где с ними начинали проводить агрессивную воспитательную работу.

Советская пропаганда не ограничивалась критикой приспособления церкви только за изменение обрядов. Наибольшее ее неприятие вызывало то, что главной тенденцией деятельности церкви стала попытка осовременить понимание отдельных положений религиозной идеологии. Считалось, что идеологическое приспособленчество (самое коварное из всех) шло по многим направлениям и становилось все более изощренным. Как отмечалось в антирелигиозных материалах, современные богословы усиленно работали над доказательством того, почему церковь должна отдавать дань духу времени, заверяли общество, что религия и церковь не мешают строительству социализма / коммунизма, что религиозная идеология и мораль не противоречат коммунистической морали, что церковь, по сути, является помощником государства в деле воспитания людей. Партийные органы полагали, что остро необходимо заниматься критикой религиозной (особенно православной) идеологии с позиции материалистической науки. Признавалось, что на этом направле-

нии антирелигиозной пропаганды и воспитания есть определенные проблемы. В партийных документах с сожалением отмечалось, что «научная мысль пока еще не берет в качестве объекта своего исследования идеологию православной церкви, что в стране нет ни одного научного труда, в котором бы критиковалась приспособленческая тенденция современной церкви, а в выпускаемой литературе “церковь берется такой, какой она была в прошлом веке”» [1. Л. 233]. Подчеркивалось, что такая критика уже не актуальна и позволяет церкви утверждать, что она давно изменилась. Критику идеологии церкви следовало вести более аргументировано и наступательно, а для этого усилий одних пропагандистов было недостаточно.

Для того чтобы исправить ситуацию с недостатком квалифицированных кадров профессиональных антирелигиозников, в 1960-е гг. были предприняты определенные меры. Был создан специализированный Институт научного атеизма при Академии общественных наук как базовый центр подготовки кадров высшей квалификации в области научной критики религии и церкви. Стали создаваться кафедры научного атеизма в университетах страны, в программу обучения в вузах вводился курс «Основы научного атеизма». Его читали и в вечерних университетах марксизма-ленинизма. Но по-прежнему основную силу критиков религии составляли пропагандистские кадры: учителя, преподаватели, журналисты, партийные и советские работники, другие активисты борьбы за дело атеистического воспитания. Именно для этого состава антирелигиозников в идеологических отделах партийных органов, включая ЦК КПСС, составлялись методические пособия, рекомендации, разного рода справки и брошюры, призванные помочь активистам решительнее вести разоблачение религии и церкви.

Для более убедительного опровержения религии в Институте научного атеизма были созданы отдельные проблемные группы по критике современной религиозной идеологии, группа, специализировавшаяся на изучении особенностей борьбы науки и религии в современных условиях, группа, которая была призвана «разоблачать утверждение, что нравственность и прогресс общества обеспечиваются благодаря религии, а падение нравов связано с распространением атеизма [5. Л. 2–3].

Партийные идеологические органы предлагали список вопросов, по которым следовало вести научную критику современной на тот момент религиозной идеологии. В первую очередь необходимо было разбивать утверждения служителей культа о тождестве идей коммунизма и религии. В партийных документах подчеркивалось, что такое сходство пытаются найти и обосновать как зарубежные богословы, так и религиозные деятели разных конфессий в СССР, в том числе и православные. Широко распространялись ими утверждения о том, что идеи Маркса и Христа тождественны, что те и другие имеют одну конечную цель – обеспечить мир и всеобщее благо. Разными являлись лишь пути подхода к достижению целей построения общества, основанного на принципах коллективизма. Понятно, что все это оценивалось как самое неприкрытое приспособленчество, которое нужно разоблачить. Оно (приспособленчество такого рода) особенно активизировалось после принятия Программы КПСС 1961 г., когда служители культа «всячески, где это возможно» стремились показать, что программа отвечает идеям Христа. Эту мысль представители церкви подчеркивали везде и повсюду: в проповедях, беседах, даже в отчетах епархиальным управлениям. Такие идеи были особенно недопустимы с точки зрения профессиональных борцов с религией. Они видели в этом спекулирование служителями культа на самых высоких чувствах советских людей, стремление использовать «в своих целях любовь советских людей к своей родине, любовь к труду, желания мира» [1. Л. 235]. Как заявлял П.К. Курочкин, заместитель директора Института научного атеизма, «если политическая лояльность духовенства является разумной ее позицией, то попытки осенить коммунизм крестным знаменем должны быть решительно разоблачены» [6. Л. 6].

Вторым объектом для критики и разоблачения религиозного идеологического приспособленчества была «богословская экскурсия в историю и попытка теоретически обосновать, что церковь не мешала строить социализм вчера, не помешает строить коммунизм и завтра», и доказать, что «строителями социализма и коммунизма являются не только неверующие члены общества, но и верующие» [1. Л. 236]. Как отмечалось в одном из многочисленных партийных документов, «рассуждения о том, будто религия может принести пользу коммунистическому строительству, совершенно несостоятельны. На самом деле религиозная идеология является антинаучной, реакционной идеологией и служит помехой коммунистическому строительству» [7. Л. 45]. Властей раздражала практика православной церкви и некоторых других религиозных объединений отмечать «содержательным словом» праздники советского народа, юбилеи советских вождей, вспоминать в проповедях советских героев и др.

Особое же негодование у атеистических пропагандистов вызывали любые попытки показать, что современная церковь отнюдь не является врагом науки. Дело в том, что именно наука, ее достижения всегда были основным базисом для доказательства атеистами несостоятельности религиозного вероучения и мировоззрения. Антитеза «религия–наука» была доминантной в критике религии во все времена. В советской пропаганде считались кощунственными все попытки как-то оправдать сложную историю отношения церкви к науке и тем более доказать, что религия никак не воспрепятствует научным открытиям [8. С. 4]. В партийных документах постоянно подчеркивалось, что «в современных условиях борьба с религией должна рассматриваться как идеологическая борьба научного, материалистического мировоззрения против антинаучного религиозного мировоззрения» [9]. Пропагандистам предлагалось разоблачать религиозный (стало быть, антинаучный) взгляд на мир через популярные разъяснения наиболее важных проблем и явлений в жизни природы и общества, таких как строение Вселенной, происхождение жизни и человека, достижений в области астрономии, биологии, физики, под-

утверждавших правильность материалистических взглядов на развитие природы и общества.

«Наука, ее достижения, полеты в космос нанесли за последние годы сокрушительные удары по религии, ее догмам. Церковь, ее руководители видят, что каждое открытие науки просвещает даже самых темных и отсталых людей. Наука подрывает у людей веру в бога. Все это церковь учитывает, спешно перестраивает свою тактику, меняет свои оценки достижений науки» [1. Л. 238]. Совет по делам РПЦ приводил на этот счет слова Патриарха Алексия из Рождественского послания пастве за 1961 г.: «Все земные блага, открытия и достижения, которыми так богат мир земной, – ведь все это, независимо от того, признаем мы или не хотим признать, действие этой Божественной силы и любви к людям» [Там же].

Чтобы не допустить распространения таких идей, Совет «рекомендовал» патриархии изменить данный текст. Также по настоянию Совета не увидела свет и статья известного православного богослова, преподавателя Ленинградской духовной академии А. Шишкина «Причины современного неверия», подготовленная им для Журнала Московской патриархии. Тем не менее, с огорчением констатировали в Совете, само духовенство на местах «довольно быстро сообразило, что с наукой спорить трудно, и ее как можно быстрее надо брать на свое вооружение». Религиозные служители в своих проповедях разъясняли верующим, что завоевание космоса – это от Бога, другие научные достижения – промысел Божий. Именно Бог дает человеку разум, с помощью которого человек делает открытия и другие свершения.

Конечно, советские пропагандисты не могли смириться с такими подходами. В 1960-е гг. уполномоченные Совета внимательно следили за тем, чтобы священники не вмешивались в общественную и культурную жизнь общества и не брались за интерпретацию открытий науки, а занимались исключительно «своим» делом – молитвами, служениями.

Для того чтобы пресечь «вольные упражнения духовенства с наукой», партийные органы требовали устанавливать более строгий контроль за содержанием проповедей со стороны партийно-советских активистов, а деятелей науки призывали активнее выступать со статьями, книгами, лекциями, в которых разоблачение религиозных взглядов и приспособленчества церкви осуществлялось бы «квалифицированно, без шума, но доказательно» [Там же. Л. 242]. В это время публикации газет на подобные темы имели, как правило, броские названия, что не могло не привлекать внимание читателей. Основными их темами были: «Наука и религия о жизни и смерти»; «Наука и религия о развитии общества»; «Религиозные пророчества и научные предвидения»; «Наука и религия о происхождении жизни на Земле» и др. В материалах авторов, писавших на эти темы, подчеркивалась коренная противоположность в подходах к объяснению наиболее важных вопросов мироздания со стороны науки и религии: научные знания опирались на факты, на научный эксперимент, в то время как религия – только на веру в библейские и другие предания.

Еще одной темой, которая раздражала советскую атеистическую пропаганду и рассматривалась ею как приспособленчество церкви к современности, были вопросы морали, нравственности, отношения к труду. Казалось бы, эти темы всегда были «епархией» церкви, но и в этом случае в атеистической литературе настаивали, что церковь просто спекулирует на данных сюжетах. Призывы церковников к верующим хорошо трудиться, избавляться от пороков, быть миролюбивым рассматривались как «неудачные попытки» вписаться в общую программу воспитания советских людей, причем, как считалось, «идеологическая диверсия церковников по вопросам морали, отношения к труду обычно проводится довольно тонко, убеждая верующих и неверующих укрепиться в мысли, что в этом-то вопросе современная церковь уж точно содействует строительству социализма / коммунизма» [Там же. Л. 243]. В пропагандистских высказываниях звучала озабоченность, что на такую уловку нередко попадаются даже советские и хозяйственные работники, критиковались случаи (кои, действительно, были нередки), когда хозяйственные руководители даже специально обращались к священникам, чтобы те призвали прихожан активнее поучаствовать в той или иной хозяйственной кампании [10. Л. 20].

Еще одним моментом в деятельности РПЦ и других религиозных объединений в СССР, который рассматривался пропагандистской системой исключительно как проявление приспособленчества, была их позиция по вопросам борьбы за мир [11]. Она тоже оценивалась как лицемерная и совершенно неискренняя. И совсем неприемлем был тезис церкви: «Мир – последование Христу». Однако в критической позиции советской пропаганды по данному вопросу были внутренние противоречия. С одной стороны, активная миротворческая деятельность религиозных организаций СССР, их сотрудничество в этом вопросе с аналогичными зарубежными конфессиями были «полезны для нас» [1. Л. 241], поскольку позволяли разоблачать агрессора, сплачивать прогрессивных религиозных деятелей вокруг идей мира. В этом направлении государство даже поощряло деятельность церквей из СССР. Но, с другой стороны, ему не хотелось, чтобы они имели позитивный имидж, поэтому оно призывало разоблачать попытки церкви использовать миролюбивую пропаганду в своих «корыстных» интересах, подчеркивало, что ее приспособленчество по вопросам войны и мира не менее зловредно и опасно, чем приспособленчество по другим вопросам. Спекуляции по вопросам борьбы за мир следует всемерно разоблачать, пояснять, что борьба советского народа за мир не имеет ничего общего с призывами мира, с которыми выступает «наше духовенство» [Там же. Л. 245].

Атеистические деятели подчеркивали, что идеологическое приспособленчество религии, утонченная проповедь ее догм, прикрытых духом современности, пронизывает теперь всю жизнь церквей не только в СССР, но и за рубежом, что церковь использует в своих целях и интересах любое значимое событие в жизни страны, будь то празднование 8 марта, полет в космос и др.

Власть с неприязнью отмечала, что богословы русской церкви тщательно и детально разрабатывают теорию и практику церковно-православного проповедничества. Над этим работали лучшие умы церкви и ее руководители разных рангов. Из Патриархии и епархий на места регулярно высылалась соответствующая методическая литература по проведению, тематике и содержанию проповедей. В ней особое внимание обращалось на эмоциональность, доходчивость проповедей. Руководство церкви добивалось, чтобы все священники, особенно настоятели церквей, регулярно выступали с проповедью. А высшие иерархи сами должны были подавать пример проповеднической деятельности. Так, крупнейший деятель Русской православной церкви этого периода митрополит Никодим (Ротов) только за два года (1964–1965) совершил 205 служб, а в Журнале Московской Патриархии были опубликованы 22 его проповеди, которые брались священниками на местах в качестве основы своих выступлений перед верующими [12. С. 47].

Ответственные за антирелигиозную работу в стране отмечали, что приспособленчество церкви к общественным реалиям проявлялось не только в модернизации содержания проповедей, религиозной литературы, но и в изменении форм и методов ведения религиозной пропаганды, осовременивании ее направленности, стиля, языка. Религиозные проповедники стали учитывать состав, уровень образованности аудитории, с которой им приходилось работать. В антирелигиозных методичках приводился пример классификации верующих по ряду существенных черт, которые проповедник должен был учитывать в своей работе. Условно выделялось шесть групп верующих: 1) рационалисты-созерцатели (размышляют о Боге, о смысле бытия); 2) подвижники – люди, которые активно борются со своей греховной природой; 3) добротворители – люди добра, милосердия, благотворительности; 4) обрядоверы и изуверы – люди невысокого духовного развития, упрямого ума и фанатичного сердца; 5) мистики; 6) разного рода юродствующие и фарисействующие [1. Л. 249]. Это была традиционная для церкви классификация проповедной аудитории. Ее использовали и в рассматриваемое время, но священнослужителям настоятельно рекомендовалось при анализе аудитории слушателей и читателей религиозного слова учитывать и изменения в составе верующих в условиях общего понижения веры в Бога. По психологии и «уровню молитвенного сближения с Богом» современная церковь делила людей на четыре группы, или четыре психологических типа. К первому типу относили тех людей, для которых Бог из сферы чувств переместился в сферу общих представлений. Они не столько живут Богом, сколько размышляют о нем. Они не видят особой необходимости быть членами церкви. Они чужды идей как греховности, так и спасения, они практически порвали с церковью. С такими людьми пастыри чаще всего сталкивались при крещении, отпевании умерших, при этом они лишь отдавали некую дань религиозной традиции.

Второй тип людей сохранил еще некоторый навык молитвенности и религиозности, но не дома и в повседневной жизни, а в храме при богослужении, церковном пении и проповеди. Эта группа количественно несущественная по сравнению с первой.

В третью группу (третий тип) церковь включала пожилых женщин, которые в своих семьях почти утратили былое влияние на религиозное воспитание, поэтому дома они религиозно малоактивны. В храме же они оживляются, находят отклики на молитвенные призывы, уходят из него умиротворенными и обновленныи.

Наконец, еще одна группа – это молодежь. Ее в храмах очень мало, а если и приходят молодые, то не переживают здесь особых эмоций, не чувствуют святости места и действия. Богослужений они не понимают, а все происходящее в церкви воспринимают как очередное зрелище. Но для некоторых неоднократное присутствие на нем может выливаться в более серьезный интерес к церкви и Богу [Там же. Л. 251].

Все эти нюансы богословы советовали учитывать в проповеднической и иной деятельности, а также давали более детальные рекомендации, как использовать знание психологических особенностей членов аудитории для эффектизации проповеднической деятельности. Вот именно такая методическая работа церкви вызывала недовольство атеистической власти, а ее естественное стремление хорошо выполнять свою работу, сделать проповеди современными подвергалось критике, осмеянию и считалось ничем иным, как приспособленчеством. Современность проповеди в понимании теоретиков и практиков церкви означала отражение в ней морально-нравственных недугов современного общества и предложение верующим бороться с ними. Правящая партия не нуждалась ни в каких «соработниках» в деле перевоспитания людей, считая это своей монополией. Отсюда понятны пропагандистские нападки на церковь, помимо имманентного неприятия коммунистическими идеологами всего церковного и религиозного.

Как писалось в одном документе, «приспособленчество религиозной идеологии, утонченная проповедь православия, попытка церковников отождествлять коммунизм и христианство является одной из частей вредоносной деятельности церкви» [Там же. Л. 254]. Вместе с тем в 1960–1970-е гг. церкви продолжали предъявлять и более серьезные претензии, нежели просто за ее стремление приспособиться. «В то же время нельзя забывать, что некоторая часть духовенства кое-где пытается делать злобные клеветнические выпады против коммунистического воспитания, наступательного характера научно-атеистической пропаганды» [Там же]. Такого рода случаи предлагалось решительно пресекать, а способы, формы и методы приспособленчества изучать и разоблачать.

Эти проблемы обсуждались и в научном сообществе советских философов, социологов и представителей научного атеизма. Например, на расширенном заседании Ученого совета Института научного атеизма в 1966 г. было отмечено, что «в целом научно-исследовательская деятельность по разработке проблем атеизма и практики атеистического воспитания… еще отстает от современных задач борьбы с религиоз-

ной идеологией и формированием научного мировоззрения у всех членов советского общества» [13. Л. 27–28]. К числу недостатков в этой работе были отнесены: общий, неконкретный характер исследований; дубляж тем; повернутость тематики исследований в прошлое при недостатке внимания к современной ситуации; недостаток разработок форм и методов борьбы с влиянием религиозной идеологии на сознание советского человека и др. [Там же].

Тем не менее следует отметить, что в рассматриваемые годы в ученом сообществе, работавшем в рамках научного атеизма, тема новаций церкви в обрядовой и теоретической сферах жизнедеятельности довольно активно развивалась. При этом советские философы, в отличие от партийно-пропагандистских кадров, использовали для обозначения новаторских идей и действий церкви термин «модернизация», что более соответствовало намерениям богословов и религиозных проповедников [14–16]. Специалисты изучали различные аспекты модернизации современного русского православия, включая политическую переориентацию церкви, изменения социально-нравственных основ православия, новации в богослужебной практике. Но и в научных трудах звучал основной посыл тогдашней антирелигиозной пропаганды: модернизация некоторых аспектов жизнедеятельности церкви – это не естественный процесс, а вынужденная мера, вызванная исключительно желанием церкви приспособиться.

Понятно, что такого рода научные труды содержали исключительно критический анализ модернизированной идеологии и деятельности церковно-богословских кругов. Конечно, не в столь развязной манере, как в пропагандистских брошюрах и иных материалах, но и в трудах, относившихся по советскому научному рубрикатору к научно-атеистическим, церковь обвинялась в бесплодных для нее попытках приспособить дух, букву и дело православия к современным условиям советского общества, подчеркивалась обреченность стремлений разработать концепцию «гуманизированной» религии, способную органически «вписаться» в мировоззрение советского человека [17].

Таким образом, ведущей тенденцией в антирелигиозной пропаганде в СССР в 1960–1970-е гг. стало стремление ее организаторов и исполнителей разоблачать любые начинания религиозных организаций по модернизации обрядовой, проповеднической, богослужебной сторон своей жизнедеятельности как хитроумный, но исторически неперспективный способ продлить существование религии и церкви в социалистическом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. О приспособленческих тенденциях в религиозной идеологии современной русской православной церкви : справка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС от 20.11.1962 // Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1942.
2. Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1962. № 5. С. 8.
3. Никодим (Ротов), митрополит. О задачах современного богословия // ЖМП. 1968. № 12. С. 63–69.
4. Сосковец Л.И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 189–199.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4. Д. 1.
6. Стенограмма заседания научно-атеистической конференции Института научного атеизма «Критика идеологии современного православия», ноябрь 1964 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 15.
7. Материалы к лекции на семинарах секретарей райкомов партии // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10.
8. Суворов Л. Наука и религия несовместимы // Правда. 1960. № 48.
9. О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения : постановление ЦК КПСС от 07.07.1954 // О религии и церкви : сб. высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и советского государства. М. : Политиздат, 1981. С. 78.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 10.
11. Никодим (Ротов), митрополит. Сотрудничество крещенных и нехристиан в совместном служении благу человечества // Богословские труды. М. : Изд. Моск. патриархии, 1973. Сб. 10. С. 56–59.
12. ЖМП. 1979. № 4. С. 36–48.
13. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 1.
14. Гордиенко Н.С. Элементы модернизма в православном вероучении // Вопросы научного атеизма. М. : Мысль, 1966. Вып. 2. С. 166–197.
15. Краснопольская Л.Н. Критика попыток модернизации православного учения о человеке : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1971. 21 с.
16. Гордиенко Н.С., Курочкин П.К. Особенности модернизации современного русского православия. М. : Знание,1978. 64 с.
17. Курочкина П.К. Эволюция современного русского православия. М. : Мысль, 1971. 273 с.

Lyubov I. Soskovets, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: ivitca56@mail.ru

CRITICISM OF CONFORMIST CHURCH ACTIVITIES BY SOVIET PROPAGANDA IN 1960s–1970s

Keywords: religion, church, propaganda, conformism, believers.

The purpose of this article is to perform a detailed analysis of the main directions of criticism of religion and church in the USSR, which was actively carried out by all institutions of ideological education and anti-religious propaganda in the 1960s-1970s. Moreover, the author tries to clarify the goals and arguments of this criticism, its content, methods and forms. The article is based on the documents from archives that had not previously been covered in scientific community. The main research methods were general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, systems approach, etc.) and general historical approaches (historical-genetic, comparative, problem-chronological, typological, etc.).

The author shows that the main trend of the anti-religious propaganda of this period was the criticism of the modernization efforts of church, aimed at the modernization of some elements of worship, ritual and theoretical doctrines. This activity of religious organizations was interpreted exclusively as opportunism, the main purpose of which was the desire to preserve religion and church in a socialist society. The paper studies the way how church was criticized for such modernization activities as changes in child rites, funeral service and confession, which became more available to believers. The statements of religious preachers about the identity of some ideals of communism and the teachings of Christ (these statements provoked particular indignation among Soviet propagandists) that believers are the same creators of socialism, like unbelieving Soviet citizens were also conformist. The calls of church to honest work and the adherence to moral norms and stances were considered doubtful. The attempts of the church to prove that the modern church and religion did not

interfere with the development of science were rejected with indignation. The position of church on the struggle for peace was assessed as not entirely sincere and was explained by its desire to form a positive image. In addition, the authorities also criticized the organization of the preaching activity of the church, its attempts to make preaches interesting, relevant and affecting not only the purely spiritual, but also the public interests and needs of believers to take into account the presence of people of various religious degrees and the specific features of the modern church audience during its preparation and organization. The author concludes that the Soviet anti-religious propaganda in 1960-1970s did not accept the attempts of church to fit into social processes, to modernize some aspects of its activities, to become an institution that contributes to the development of society. These efforts were considered not sincere and unsuccessful.

REFERENCES

1. CPSU. (1962) *O prisposoblencheskikh tendentsiyakh v religioznoy ideologii sovremennoy russkoy pravoslavnoy tserkvi : spravka otdela propagandy i agitatsii TsK KPSS ot 20.11.1962* [About opportunistic tendencies in the religious ideology of the modern Russian Orthodox Church: reference from the propaganda and agitation department of the Central Committee of the CPSU dated 20.11.1962]. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 6991. 1-1942. List 1. File 1942.
2. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii (ZhMP)*. (1962) 5. p. 8.
3. Rotov, N. (1968) O zadachakh sovremennogo bogosloviya [On the tasks of modern theology]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii (ZhMP)*. 12. pp. 63–69.
4. Soskovets, L.I. (2005) Phenomenon of the Soviet antireligious propagandas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 288. pp. 189–199. (In Russian).
5. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 606. List 4. File 1.
6. Institute of Scientific Atheism. (1964) *Stenogramma zasedaniya nauchno-ateisticheskoy konferentsii Instituta nauchnogo ateizma «Kritika ideologii sovremennogo pravoslaviya», noyabr' 1964 g.* [Proceedings of the meeting of the scientific-atheist conference of Institute of Scientific Atheism "Criticism of the ideology of modern Orthodoxy". November, 1964]. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 606. List 4. File 15.
7. CPSU. (n.d.) *Materialy k lektsii na seminarakh sekretarey raykomov partii* [Materials of the lectures at the seminars of the secretaries of district party committees]. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 10.
8. Suvorov, L. (1960) Nauka i religiya nesovmestimy [Science and religion are incompatible]. *Pravda*. 48.
9. CPSU. (1981) O krupnykh nedostatkakh v nauchno-ateisticheskoy propagande i merakh ee uluchsheniya : postanovlenie TsK KPSS ot 07.07.1954 [On major shortcomings in scientific atheist propaganda and measures to improve it: Resolution of the Central Committee of the CPSU of July 7, 1954]. In: Zalesski, A.M. et al. (eds) *O religii i tserkvi : sb. vyskazyvaniy klassikov marksizma-leninizma, dokumentov KPSS i sovetskogo gosudarstva* [On religion and church. A collection of statements by the classics of Marxism-Leninism, documents of the CPSU and the Soviet state]. Moscow: Politizdat.
10. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 132. File 10.
11. Rotov, N. (1973) Sotrudnichestvo kreshchennykh i nekhristian v sovmestnom sluzhenii blagu chelovechestva [Cooperation between baptized people and non-Christians in joint service to the good of mankind]. *Bogoslovskie trudy*. 10. pp. 56–59.
12. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii (ZhMP)*. (1979) 4. pp. 36–48.
13. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 606. List 4. File 1
14. Gordienko, N.S. (1966) Elementy modernizma v pravoslavnom verouchenii [Elements of modernism in the Orthodox faith]. *Voprosy nauchnogo ateizma*. 2. pp. 166–197.
15. Krasnopolskaya, L.N. (1971) *Kritika popytok modernizatsii pravoslavnogo ucheniya o cheloveke* [Criticism of attempts to modernize the Orthodox teaching about man]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Moscow.
16. Gordienko, N.S. & Kurochkin, P.K. (1978) *Osobennosti modernizatsii sovremennogo russkogo pravoslaviya* [Features of modernization of modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Znanie.
17. Kurochkin, P.K. (1971) *Evolyutsiya sovremennogo russkogo pravoslaviya* [Evolution of modern Russian Orthodoxy]. Moscow: Mysl'.

УДК 947 (970.342)"1941-1945"
DOI: 10.17323/19988613/73/7

Н.В. Чернышева, М.Н. Свинцова

РОЖДАЕМОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проанализированы изменения в структуре рождаемости населения Волго-Вятского района в годы Великой Отечественной войны. Наибольшее падение уровня рождаемости приходится на 1942 г. Изменения претерпели и иные характеристики рождаемости (сезонность, рождаемость по типу поселения и др.). По расчетам исследователей, дефицит рождаемости составил по Волго-Вятскому району за годы войны 701,9 тыс. чел.
Ключевые слова: рождаемость, младенческая смертность, автономные республики и области Волго-Вятского района, Великая Отечественная война.

Демографические последствия войны определяются комплексом взаимосвязанных показателей, характеризующих воздействие войны на численность населения, его возрастно-половой состав, здоровье, элементы его естественного движения. К ним относятся рождаемость, смертность, брачность и разводимость. Одним из следствий длительных войн является снижение рождаемости. Без анализа рождаемости невозможно определить истинные масштабы потрясшей нашу страну демографической катастрофы.

В исторической демографии термин «рождаемость» означает массовый социальный процесс деторождения, который подчиняется действию конкретно-исторических закономерностей. Для измерения рождаемости используется множество показателей, однако отсутствие приемлемых данных о половозрастном составе населения вынуждает обращаться к простому, но далеко не самому точному показателю – общему коэффициенту рождаемости. Он представляет собой отношение абсолютного числа рождений к среднегодовому населению на 1 тыс. чел. и обозначается значком ‰ – промилле.

Согласно общепринятой шкале, показатель рождаемости менее 20‰ считается низким, 20–30‰ – средним, 30–40‰ – высоким, более 40‰ – очень высоким. Однако необходимо согласиться с В.А. Исуповым, что ввиду необычной в годы Великой Отечественной войны демографической ситуации в СССР нужно использовать дополнительную категорию – очень низкая рождаемость – показатель менее 10‰ [1. С. 5].

Великая Отечественная война знаменовала собой перерастание российского демографического кризиса в самую настоящую трагедию. Ее признаки обнаруживаются в негативной трансформации всех параметров естественного движения населения, но особенно отчетливо – в невиданном ранее сокращении рождаемости [Там же. С. 8]. Война внесла изменения практически во все характеристики рождаемости.

По мнению В.В. Алексеева и В.А. Исупова, изменение рождаемости обусловлено воздействием различных факторов и причин. Факторы представляют собой совокупность социально-экономических условий (занятость женщин, уровень благосостояния, развитие системы здравоохранения и т.д.), причины – промежуточные звенья факторов (возраст вступления в брак, внутрисемейное регулирование рождаемости и др.) [2. С. 96; 3. С. 177–178]. Однако выделение в качестве факторов только социально-экономических условий, на наш взгляд, дает одностороннее видение проблемы. На показатели рождаемости оказывают воздействие все сферы человеческой жизнедеятельности, а также личные (субъективные) причины. Наиболее рациональным является выделение структурных (или чисто демографических) и неструктурных факторов рождаемости [4. С. 61; 5. С. 113].

Первая группа факторов стала закономерным результатом развернувшейся в стране демографической модернизации, ядро которой составлял демографический переход. Форсированное индустриальное развитие России и связанная с ним урбанизация, изменение образа жизни населения, втягивание женщин в производство, их стремление к образованию, интенсивные миграции приводили к кардинальным сдвигам в репродуктивном поведении людей. Сокращение рождаемости было неизбежной платой за вступление Советского Союза в «клуб» индустриальных стран. Семья, прежде всего городская, постепенно переходила к контролю над рождаемостью [1. С. 6].

На воспроизводство населения России огромное влияние оказала вторая группа факторов явно недемографического характера. Наиболее полно эти экзогенные воздействия прослеживаются в показателях брачности. В 1940 г. число зарегистрированных в РСФСР браков по отношению к 1939 г. заметно сократилось, а количество разводов несколько увеличилось. Особенно низкие показатели брачности были характерны для сельской местности: в 1940 г. на тысячу человек населения зарегистрировано всего 4 брака. В республиках и областях Волго-Вятского района ситуация была схожей.

Причиной столь резкого снижения брачности стали события военно-политического характера: принятие Верховным Советом СССР 1 сентября 1939 г. закона «О всеобщей воинской обязанности», а также начавшаяся советско-финская война. Отток мужчин в армию способствовал временному или окончательному разрыву семейных отношений, а также снижению количества заключаемых браков.

Немаловажную роль сыграл и психологический фактор. Население страны было информировано о начавшейся в Европе войне, которая постепенно приобретала характер мировой. Тяжелые боевые действия на советско-финском фронте заставляли супругов временно переносить рождение детей на перспективу мирного времени.

Определяющей тенденцией рождаемости населения СССР в период, непосредственно предшествующий Великой Отечественной войне, было снижение ее уровня.

С принятием в 1936 г. ЦИК и СНК СССР постановления «О запрещении абортов» коэффициент рождаемости по СССР в 1937 г. повысился (в 1936 г. – 33% против 39% в 1937 г.), однако это явление было временным. Начиная со следующего года показатели постепенно снижались [6. С. 280].

Несмотря на действующее постановление о запрещении абортов под угрозой уголовного наказания (в Уголовный кодекс была введена ст. 140, предусматривающая при установлении вины лишение свободы), количество подпольных абортов с каждым годом возрастало. Женщинам легче было избавиться от ребенка, чем прокормить его в тяжелых условиях. В Марийской АССР в 1939 г. 842 аборта были начаты вне лечебных учреждений, по 22 случаям дела были переданы на рассмотрение в прокуратуру [7. Л. 189]. В Кировской области в 1940 г. было зарегистрировано 3 799 подпольных абортов [8. Л. 85]. В целом по РСФСР в 1940 г. было возбуждено свыше 20 тыс. дел по факту криминальных абортов. Незаконные аборты осуществлялись неквалифицированными кадрами, часто в антисанитарных условиях с большим риском для здоровья женщин. Следствием таких абортов было массовое вторичное бесплодие согласившихся на них женщин, а в некоторых случаях – смерть.

Довоенные показатели рождаемости в Волго-Вятском районе оставались на уровне высоких и очень высоких. В Марийской и Чувашской автономиях Волго-Вятского района уровень рождаемости был выше общероссийского показателя (1939 г. – 38,4‰, 1940 г. – 33,7‰) [1. С. 6]. В Мордовской автономии – на уровне общероссийского. Самая высокая рождаемость отмечалась в Марийской АССР (43,1 и 39,3‰ в 1939 и 1940 г. соответственно). Меньше рождалось детей в Горьковской области (36,4 и 31,1‰) (табл. 1).

В сельской местности рождаемость была выше, чем в городской. Резкое снижение уровня рождаемости в городской местности отмечалось в Кировской области (с 38,2‰ в 1939 г. до 22,8‰ в 1940 г.).

Таблица 1

Коэффициенты рождаемости населения Волго-Вятского района в 1939–1940 гг., ‰

Регионы	1939 г.			1940 г.		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Горьковская обл.	36,4	36,0	36,6	31,1	29,1	32,2
Кировская обл.	38,2	38,2	38,2	33,0	22,8	35,6
Марийская АССР	43,1	39,0	43,8	39,3	38,1	39,5
Мордовская АССР	38,3	30,1	39,0	33,4	30,7	33,6
Чувашская АССР	42,3	34,1	43,5	36,3	30,7	30,2

Подсчитано по: 9. С. 24; 10. Л. 70–72 об., 86–88 об., 227–229 об., 231–233 об., 256–258 об.; 11. Л. 125, 132–133; 12. Л. 32, 41, 54–54; 13. Л. 3–3 об.; 14. С. 26.

Таблица 2

Динамика рождаемости населения РСФСР и Волго-Вятского района РСФСР в 1941–1945 гг. (данные по РСФСР без территорий, подвергшихся оккупации), ‰

Годы	Число родившихся на 1000 человек населения					
	РСФСР	Горьковская обл.	Кировская обл.	Марийская АССР	Мордовская АССР	Чувашская АССР
1941	33,3	30,6	34,5	34,7	32,0	32,2
1942	20,2	19,1	26,0	27,4	20,3	26,8
1943	9,9	11,4	9,8	11,4	10,4	15,0
1944	10,5	14,3	10,4	11,6	11,4	13,9
1945	10,8	15,7	13,4	14,4	13,4	14,0
1945 г. в % к 1941 г.	32,4	42,9	38,8	32,7	31,5	35,8

Подсчитано по: 12. Л. 53–54, 101; 15. Л. 29; 16. Л. 47; 17. Л. 6; 18. Л. 4; 19. Л. 4 об.; 20. Л. 4; 21. Л. 3 об.; 22. Л. 2; 23. Л. 1–1 об.; 24. Л. 2–43 об.; 25. Л. 79; 26. С. 100; 27. Л. 122; 28. Л. 3, 6, 24; 29. Л. 116, 123, 172; 30. Л. 20; 31. Л. 75, 161, 164, 179; 32. Л. 2; 33. Л. 59, 167, 170, 185; 34. Л. 3, 91; 35. Л. 88, 91, 228, 231; 36. Л. 40, 53; 37. Л. 91, 94, 237, 240; 38. Л. 1.

Необходимо учитывать тот факт, что все показатели рождаемости отражают ситуацию девятимесячной давности. Война вынудила супругов отложить запланированное рождение детей. Тенденция к сокращению наметилась весной 1942 г., когда на свет стали появляться младенцы, зачатые уже после начала Великой Отечественной войны. Особенно резкое падение рождаемости произошло в апреле 1942 г. – тогда родились дети, зачатые примерно в августе 1941 г.; причем общий коэффициент рождаемости понизился по сравнению с мартом того же года на 28,5% [1. С. 8] (табл. 2).

Война внесла существенные изменения и в географию рождаемости, выделив по существенному признаку тыловые районы и районы, подвергшиеся оккупации. Средний уровень рождаемости в Приморском крае за 1941–1943 гг. сократился более чем в 2 раза, но тем не менее в 1943 г. составил 24,4‰, в 1944 г. – 28,7‰. Низкий уровень установился к 1943 г. на Урале – 11,6‰, в Сибири – 12,5‰, Коми АССР – 16,7‰, Якутии – 17,0‰. Очень низкая рождаемость поразила главным образом центральные районы РСФСР с преимущественно русским населением, где воинские мо-

билизации проводились в особенно крупных масштабах. Например, в 1943 г. в Московской, Ивановской, Вологодской и Ярославской областях коэффициент рождаемости не превышал 8‰, в Рязанской области он составил 7,7‰, в Тамбовской – 9,4‰ [1. С. 10].

Во всех автономных республиках и областях Волго-Вятского района коэффициент рождаемости в 1941 г. оставался высоким. Ниже показателей по РСФСР коэффициент рождаемости наблюдается в Мордовской и Чувашской АССР, а также в Горьковской области.

Резкое снижение рождаемости во всех республиках и областях Волго-Вятского района фиксируется с апреля 1942 г. По сравнению с мартом 1942 г. рождаемость снизилась на 1/5, а в некоторых регионах – на 1/4 (Горьковская область – 25,9%). В Горьковской области и Мордовской АССР коэффициент рождаемости был ниже или на уровне общероссийского.

Самый низкий уровень рождаемости в тыловых районах РСФСР был установлен в 1943 г., когда ее коэффициент не превышал 9,9‰ [39. Л. 125]. В Кировской области рождаемость сохранялась на общереспубликанском уровне (9,8‰) и была самой низкой среди автономных республик и областей Волго-Вятского района. Именно в Кировской области в 1943–1944 гг. уровень рождаемости находился на очень низком уровне. В автономных республиках и Горьковской области уровень рождаемости оставался низким. В 1945 г. рождаемость действительно выросла, но не во всех регионах (Горьковская обл.), а в некоторых (Чувашская АССР) совсем незначительно. Это произошло в результате постепенного выравнивания половозрастных диспропорций и так называемой компенсаторной волны рождаемости.

В 1945 г. уровень рождаемости по-прежнему оставался низким во всех регионах Волго-Вятского района. В целом в 1945 г. по сравнению с 1941 г. уровень рождаемости в РСФСР сократился более чем на треть и составил 32,4‰. Наибольшее сокращение на изучаемой территории наблюдалось в Горьковской области (42,9%) и Кировской области (38,8%) [12. Л. 32; 14. С. 26; 17. Л. 6; 23. Л. 1–1 об.; 24. Л. 2–43; 36. Л. 40; 37. Л. 91, 94; 40. Л. 1; 41. Л. 173–210; 42. Л. 201].

Еще одной характеристикой рождаемости является многоплодность. Доля многоплодных родов за годы войны существенно не снизилась, за исключением переходного 1942 г., когда отмечалось снижение доли многоплодных рождений (от 0,6% в Марийской АССР до 1,3% в Кировской обл.) [18. Л. 4; 43. Л. 99–99 об.]. Это связано с действием биологического закона популяции, регулирующего ее численность. Таким способом природа пыталась решить проблему депопуляции и восстановить привычное для этой агломерации количество рождающихся детей. В среднем в годы войны референтные значения доли многоплодных рождений в Волго-Вятской районе составляли 1,0–1,2%. Среди многоплодных рождений значительно преобладали двойни. И если до войны по Волго-Вятскому району в год отмечалось в среднем 11 случаев рождения тройни, то в 1941–1945 гг. рождение тройни – единичный случай (1943 г. 1–2 родов; 1945 г. – менее чем 1 роды). К сожалению, имеющиеся формы статистической отчетности не позволяют выявить смертность младенцев при многоплодных родах.

Война повлияла и на сезонность рождений. Демографы установили, что в мирный период высокий уровень рождаемости зимой сменяется его понижением летом, ближе к осени рождаемость увеличивается, чтобы потом уменьшиться. И если в 1941–1942 гг. сезонные колебания числа рождений заметны, то начиная с 1943 г. они значительно нивелируются, принимая плавный характер [10. Л. 256; 33. Л. 185]. В качестве примера приведем сведения о рождаемости в Чувашской АССР в 1939 и 1943 гг. (рис. 1).

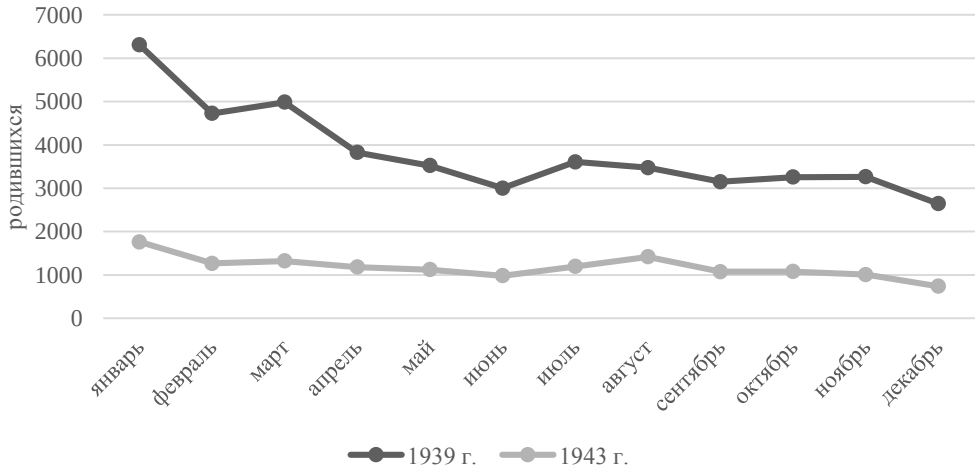

Рис. 1. Сравнительные показатели сезонности рождаемости в Чувашской АССР в 1939 и 1943 гг.

Снижение рождаемости в городах было ощутимее, чем в сельской местности, однако и восстановительные процессы проходили быстрее. Сельская местность же долгое время не могла достичь довоенного уровня рождаемости, что является свидетельством глубокого кризиса.

На протяжении всей войны доля родившихся в сельской местности преобладала над городской местностью Волго-Вятского района. Исключением была лишь Горьковская область, где в 1945 г. в городской и сельской местности родилось практически одинаковое количество детей (50,4% и 49,6%). Стоит также отме-

тить, что больше половины рождений в городской местности приходилось на г. Горький (56%).

Существовали и различия в изменениях уровня рождаемости по типу поселения. Если в Горьковской области, Марийской, Мордовской и Чувашской автономных республиках наблюдалось снижение количества рождений в городах в 1942 г., а затем снижение рождаемости в сельской местности, то в Кировской области происходит резкое снижение рождаемости в сельской местности (доля рождений в городах увеличивается) (табл. 3).

Начиная с 1943 г. уровень рождаемости в городах устойчиво превышал аналогичные показатели в сельской местности. В некоторых крупных промышленных центрах она даже превышала средний уровень по стране. Так, в 1943 г. общий коэффициент рождаемости в Куйбышеве составлял 20‰, Новосибирске и Магнитогорске – 19‰, Кемерове и Сталинске – свыше 17‰, Горьком – 13‰ [1. С. 9].

Соотношение родившихся детей по полу сохранялось. Мальчиков рождалось по-прежнему больше, чем девочек, однако преобладание среди мертворожденных детей мужского пола частично компенсировало эту разницу.

Типичной в этом отношении является Кировская область, где доля родившихся мальчиков на протяжении войны составляла 50–52%. Доля мертворожденных мальчиков в 1941–1945 гг. составляла 56–62% [8. Л. 56–56 об.; 17. Л. 7; 18. Л. 5; 20. Л. 5–5 об.; 44. Л. 5–5 об.; 52. Л. 100]. В 1941 г. отмечается наибольшее число мертворождений (2% от всех родов). Однако уже в 1942 г. этот показатель составил 1,3% и был ниже довоенных показателей (1,7%). В 1945 г. число мертворождений сократилось по сравнению с 1941 г. в 3,3 раза.

Также стоит отметить, что в Кировской области фиксируется самая высокая в Волго-Вятском районе смертность детей во время родов.

Таблица 3

Коэффициенты рождаемости населения Волго-Вятского района по типу поселений в 1939–1945 гг., ‰

Годы	Горьковская обл.		Кировская обл.		Марийская АССР		Мордовская АССР		Чувашская АССР	
	город	село	город	село	город	село	город	село	город	село
1939	36,0	36,6	38,2	38,2	39,0	43,8	30,1	39,0	34,1	43,5
1940	29,1	32,2	22,8	35,6	38,1	39,5	30,7	33,6	30,7	30,2
1941	31,7	30,0	25,9	36,9	36,2	34,4	34,4	31,8	32,3	33,3
1942	17,9	19,7	31,9	24,4	21,8	28,5	21,4	20,2	19,8	29,4
1943	11,7	11,2	9,1	10,1	13,3	11,0	14,3	10,1	12,7	15,6
1944	15,2	13,5	9,9	10,5	12,3	11,4	14,2	11,1	10,2	15,0
1945	17,8	14,0	15,1	12,8	15,5	14,0	13,1	13,4	11,3	14,9

Подсчитано по: 8. Л. 2 об.; 10. Л. 70–72 об., 86–88 об., 227–229 об.; 256–258 об.; 11. Л. 125, 132–133; 12. Л. 32, 41, 53–54, 101; 14. С. 26; 17. Л. 6; 18. Л. 4; 20. Л. 4; 21. Л. 3 об.; 22. Л. 2; 23. Л. 10–10 об.; 24. Л. 2–43; 25. Л. 79; 44. Л. 41 об.; 45. Л. 100–100 об.; 46. Л. 3–3 об.; 47. Л. 259–290; 48. Л. 26–26 об.; 49. Л. 1–21; 50. Л. 56–87.

В Марийской АССР в 1941–1943 гг. рождалось больше девочек, чем мальчиков, однако среди мертворожденных все же преобладали мальчики (53,8–60,0%). Мертворожденных детей насчитывалось 1,9 и 1,2% в 1941–1942 гг. С 1943 г. по республике наблюдалось снижение доли мертворождений до 0,5% [42. Л. 210; 43. Л. 101 об.; 53. Л. 68–68 об.].

Однако в случае успешных родов младенцам надо было еще прожить первый год жизни. Высокий уровень младенческой смертности в предвоенные годы в автономных республиках и областях Волго-Вятского района приобрел характер катастрофы в 1942 г. (по статистике, умирал каждый третий-четвертый младенец). В Горьковской области коэффициент младенческой смертности в 1942 г. составил 320,9‰, в Кировской области – 303,7‰, в Мордовской АССР – 234,4‰ (самый низкий по Волго-Вятскому району) [17. Л. 7 об.; 18. Л. 5 об.; 27. Л. 122; 28. Л. 6; 31. Л. 75, 164]. Высокий уровень младенческой смертности в Волго-Вятском районе стабилизировался в 1943 г. Исключением являлась лишь Кировская область, где эти процессы носили затяжной характер. Среди причин детской смертности преобладали дистрофия, общая слабость, туберкулез, острые инфекционные заболевания (брюшной и сыпной тиф, дизентерия).

В ситуации резкого спада рождаемости перед государством стояли две главные задачи: во-первых, не допустить дальнейшего падения рождаемости в стране и попытаться стабилизировать ее, пусть даже на низком уровне; во-вторых, оказать необходимую помощь беременным женщинам, матерям и детям. Уже в 1941 г. государство предпринимает ряд неоднозначных мер поддержки семей с детьми (вводится налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан) [54].

Осенью 1941 г. в городах и рабочих поселках страны была введена карточная система снабжения. Были выделены 4 категории населения, в том числе дети в возрасте до 12 лет. Однако продовольственные карточки не могли «обеспечить нормального развития ребенка и не создавали условия для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности» [26. С. 93]. Детские учреждения создавали собственные подсобные хозяйства. Осенью 1942 г. была восстановлена участковая система обслуживания детей в городских консультациях и детских поликлиниках с полным медицинским обслуживанием на дому и обеспечением новорожденных патронажем.

В 1942–1943 гг. в ряде городов СССР (Новосибирск, Казань, Горький, Киров и др.) открылись молочные кухни. В 1943 г. юридически была установлена процедура усыновления [55]. На страницах местных газет публиковались статьи просветительского и агитационного характера о борьбе с инфекционными заболеваниями, необходимости оказания помощи детям и семьям с детьми [56. С. 2; 57. С. 2; 58. С. 4; 59. С. 4; 60. С. 1; 61. С. 2].

Материальную и юридическую основу для дальнейшего развития охраны материнства и детства заложил указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» (увеличивались родовые отпуска; с четырех месяцев беременности запрещалось привлекать женщин к сверхурочным работам, а в период кормления – к ночным сменам; многодетным матерям предоставлялись льготы для получения мест в яслях и детских садах; определялись правила получения пособий многодетным и одиноким матерям и льготы для матерей, представленных к награждению медалями и орденами) [62. С. 78–79].

Защита материнства и детства в годы войны как система определенных мероприятий основывалась на двух главных принципах: сочетании государственных и общественных форм помощи; тесном переплетении демографической и социальной политики. И если в первые годы войны эти меры носили несистемный характер, имели форму срочной помощи, то с 1944 г. их можно определить как комплекс мер, рассчитанных на длительный период. Стремясь поддержать институт семьи, государство использовало материальные (выплата пособий, пенсий, предоставление льгот и пр.) и нематериальные формы (закрепление фактических брачных отношений, введение государственных наград и т.д.).

Дефицит рождаемости – достаточно сложная для определения категория; разнообразие и интенсивность демографических процессов затрудняли учет некоторых показателей, по части из них статистика вообще не велась. Историки и демографы для определения дефицита рождаемости чаще всего прибегают к методике, разработанной Б.Ц. Урланисом, предложившим использовать в качестве среднестатистического количества рождений данные первого года войны. Таким способом был рассчитан дефицит рождений для некоторых российских регионов в период Великой Отечественной войны: для Сибири приблизительно 1,0 млн человек, для Урала – 1,2 млн, для Якутии – 23 тыс.

Дефицит рождений в 1939–1945 гг. в целом по РСФСР, по расчетам О.М. Вербицкой, составил 6 млн человек: для сельского населения – примерно 4 млн, для городского – около 2 млн человек (без оккупированных территорий). При этом В.А. Исупов отмечает, что «вызывает возражение использование в качестве “эталона” определение дефицита рождений 1940 г., что методически неточно – уже тогда рождаемость была пониженной… Очевидно, что сопоставительным эталоном должен быть относительно “благополучный” 1939 г., или, как это делает С.И. Сивцева, средний показатель рождаемости за 1936–1938 гг. Но в любом случае реальный дефицит рождений в РСФСР в годы Второй мировой войны значительно превышает указанную выше цифру и, возможно, приближается к 7,5–8 млн нерожденных детей. Это дает основание утверждать, что наряду со смертностью дефицит рождений стал в те годы важнейшим компонентом обрушившейся на Россию демографической катастрофы» [1. С. 17].

Стоит также оговорить, что для изучаемых территориальных образований, определяя дефицит рождаемости, исследователи столкнулись с рядом проблем, связанных с изменениями административно-территориального устройства регионов до войны и в период Великой Отечественной войны.

Во-первых, в декабре 1936 г. ликвидируются Горьковский край и Кировский край, что не позволяет использовать среднестатистический показатель за 1936–1938 гг. в качестве отправной точки в методике расчета.

Во-вторых, накануне войны Кировская область приросла новыми территориями (3 района).

В-третьих, в 1943 и 1944 гг. произошли существенные изменения в составе Горьковской области (г. Горький выделен в город республиканского подчинения, 9 районов переданы в состав других регионов).

Исходя из указанных обстоятельств, исследователи считают возможным для расчета среднестатистического количества рождений использовать данные первого года войны (объединив сведения по г. Горькому и Горьковской области за 1944 и 1945 гг. и учитывая отсутствие сведений по 9 переданным районам). Следовательно, дефицит рождаемости в автономных республиках и областях Волго-Вятского района в годы Великой Отечественной войны составил 701,9 тыс. человек, в том числе в Горьковской области – 289,2 тыс., в Кировской области – 194,5 тыс., в Марийской АССР – 49,5 тыс., в Мордовской АССР – 92,9 тыс., в Чувашской АССР – 75,8 тыс. человек [31. Л. 75; 33. Л. 88, 91; 37. Л. 91, 94; 42. Л. 201].

Таким образом, сложившуюся в годы Великой Отечественной войны демографическую ситуацию можно охарактеризовать как демографическую катастрофу. Особенно пострадали регионы Центральной России с преимущественно русским населением. К ним относились Горьковская и Кировская области, а также Мордовская АССР. Однако население Марийской и Чувашской АССР тоже испытывало существенные трудности. Все они, объединенные в Волго-Вятский район, за годы войны недосчитались около 700 тыс. детских жизней, определяемых как косвенные потери. На рождаемость в 1941–1945 гг. оказали влияние структурные и неструктурные факторы. С весны 1942 г. в автономных республиках и областях Волго-Вятского района отмечается резкое падение уровня рождаемости (особенно в городской местности), достигшее своего минимума в 1943 г. (кроме Чувашской АССР, где минимальный коэффициент рождаемости приходился на 1944 г.). Характерная для рождаемости как демографического процесса так называемая «сезонность» рождений фактически отсутствует. Ситуация усугублялась сверхвысокими показателями младенческой смертности. Данную ситуацию удалось стабилизировать в 1943 г. В таких условиях государство принимает комплекс демографических и социальных мер, направленных на помощь беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, детям, которые лишь отчасти можно считать успешно реализованными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исупов В.А. Рождаемость населения России в 1939–1945 гг. // Российская история. 2015. № 1. С. 3–18.
2. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск : Наука, 1986. 232 с.
3. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : историко-демографические очерки. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
4. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
5. Урланис Б. Проблемы динамики населения СССР. М. : Наука, 1974. 335 с.
6. Советская повседневность и массовое сознание 1939–1945 гг. / сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М. : РОССПЭН, 2003. 470 с.
7. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р-692. Оп. 1. Д. 122.
8. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2975.
9. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. М. : Наука, 1992. 256 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-374. Оп. 23. Д. 443.
11. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 18.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф-1562. Оп. 20. Д. 241.
13. ЦГАКО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7.
14. 200 лет Вятской губернии. 60 лет Кировской области : стат. сб. / ред. кол.: В.А. Зырин и др. Киров : Вятка, 1996. 448 с.
15. Государственный исторический архив Чувашской республики (ГИА ЧР). Ф. Р-872. Оп. 17. Д. 12.
16. ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 17. Д. 26.
17. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 464.
18. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 860.
19. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 863.
20. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1226.
21. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1227.
22. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1275.
23. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1683.
24. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1697.
25. ЦГАКО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 17.
26. Население России в XX веке : исторические очерки : в 2 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. М. : РОССПЭН, 2002. Т. 2: 1940–1959 гг. 456 с.
27. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 251.
28. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 252.
29. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 323.
30. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 324.
31. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 341.
32. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 405.
33. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 418.
34. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 479.
35. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 501.
36. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 564.
37. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 577.
38. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 646.
39. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 329. Д. 1451.
40. РГАЭ. Ф-1562. Оп. 20. Д. 626.
41. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 335.
42. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 74.
43. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 158.
44. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 2. Д. 1273.
45. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 5. Д. 1.
46. ЦГАКО. Ф. П-1291. Оп. 1. Д. 7.
47. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 338.
48. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 198.
49. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 339.
50. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 345.
51. Всесоюзная перепрись населения 1939 г. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php
52. ЦГАКО. Ф. Р-2344. Оп. 1. Д. 2280.
53. ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 11. Д. 212.
54. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР : указ Президиума Верховного Совета СССР // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг. : в 2 т. / сост. Ф.И. Калинычев, М.И. Юмашев, А.В. Калитеевская. М. : Известия, 1968. Т. 2. С. 304–305.
55. Об усыновлении : указ ПВС СССР от 08.09.1943 // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг. : в 2 т. / сост. Ф.И. Калинычев, М.И. Юмашев, А.В. Калитеевская. М. : Известия, 1968. Т. 2. С. 409.
56. Сыпной тиф и борьба с ним // Марийская Правда. 1941. 9 дек. № 290.
57. Не забывать об эпидемиях // Красная Чувашия. 1941. 29 дек. № 309.
58. Забота об эвакуированных детях // Марийская Правда. 1942. 8 янв. № 6.
59. Эвакуированным детям // Кировская Правда. 1942. 12 апр. № 87.
60. Множить заботу о семьях // Кировская Правда. 1944. 21 янв. № 15.
61. Забота о здоровье детей // Красная Чувашия. 1944. 16 мая. № 96.
62. Важнейшие законы и постановления советского государства за время Великой Отечественной войны. М. : Военное изд-во НКО СССР, 1946. 116 с.

Chernysheva Natalia V., Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: natiche84@mail.ru

Svintsova Marina N., Financial University under the Government of the Russian Federation. (Moscow. Russian Federation). E-mail: MNSvintsova@fa.ru

FERTILITY RATE OF THE POPULATION OF THE VOLGA-VYATKA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Keywords: fertility, infant mortality, autonomous soviet socialist republics and oblasts Volga-Vyatka district, Great Patriotic war.

The article is devoted to the birth rate of the population, one of the most important demographic processes. The purpose of the research is to analyze the main characteristics of the birth rate of the population of the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic War and determine its trends.

The sourse base of the research is a wide range of published and unpublished works. The authors use works of leading specialists in the history of the population of the USSR during the Great Patriotic War and historical demography in general (V.V. Alekseev, B.Ts. Urlanis, Yu.A. Polyakov, V.A. Isupov, G.E. Kornilov, V.B. Zhiromskaya and others). Statistical collections, results of the All-Union Census of the USSR in 1939, unpublished reports, summaries and other forms of statistical reports of the central (Russian State Archive of Economics, State Archive of the Russian Federation) and regional archives (Central State Archive of the Kirov Region, State Archive of the Republic of Mari Al, State Historical Archive of the Republic of Chuvashia) allowed to analyze the main characteristics of the birth rate and present demographic indicators.

According to the concept of "fertility" and the selected criteria for assessing its level, researchers calculated demographic coefficients and analyzed the current demographic situation. Chernysheva N.V., Svintsova M.N. point out that structural (purely demographic) and non-structural factors influenced fertility rate. A sharp drop in the birth rate in the Volga-Vyatka region had been taking place since April 1942. The lowest point was in 1943 (9.8 ‰ in the Kirov region). The amount of multiple births did not significantly decrease. The gender ratio of born children remained (more boys were born than girls), but infant mortality among boys was higher. The war influenced the seasonality of births, leveling this indicator in all autonomous republics and regions of the Volga-Vyatka region since 1943. Changes in the birth rate were also observed according to the type of settlement: a sharp decline in urban areas along with rapid recovery processes in 1944–1945. The demographic situation was aggravated by a high level of infant mortality (in 1942 every third to fourth infant died).

In such conditions, it was important to prevent a further drop in the birth rate and to help pregnant women, mothers and children. Analyzing measures of demographic and social policy, researchers state their unsystematic nature. Only since 1944 we can talk about a set of long time measures (rights of women and mothers in a situation of social risk (pregnant women, single mothers, mothers with many children), pay and benefits). Using the calculation method of B.Ts. Urlanis, the authors determined that the birth deficit was 7019000 people in the republics and regions of the Volga-Vyatka region during the Great Patriotic War.

REFERENCES

1. Isupov, V. A. (2015) Rozhdaemost' naseleniya Rossii v 1939–1945 gg. [The birth rate of the population of Russia in 1939–1945]. *Rossiyskaya istoriya.* 1. pp. 3–18.
2. Alekseev, V.V. & Isupov, V.A. (1986*) Naselenie Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The population of Siberia during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka.
3. Isupov, V.A. (2000) *Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoy polovine XX veka : istoriko-demograficheskie ocherki* [Demographic disasters and crises in Russia in the first half of the 20th century: historical and demographic essays]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
4. Kornilov, G.E. (1990) *Ural'skaya derevnya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [The Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Sverdlovsk: Ural State University.
5. Urlanis B. (1974) *Problemy dinamiki naseleniya SSSR* [Problems of the USSR Population Dynamics]. Moscow: Nauka.
6. Livshin, A.Ya. & Orlov, I.B. (eds) (2003) *Sovetskaya povsednevnost' i massovoe soznanie 1939–1945 gg.*[Soviet everyday life and mass consciousness 1939–1945]. Moscow: ROSSPEN.
7. The State Archive of the Republic of Mari El. Fund R-692. List 1. File 122.
8. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 1. File 2975.
9. Polyakov, Yu.A. (ed.) (1992) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g. Osnovnye itogi* [All-Union population census of 1939. Main results]. Moscow: Nauka.
10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 23. File 443.
11. The State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund A-374. List 11. File 18.
12. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 241.
13. The Central State Archive of Kirov Region. Fund P-1291. List 1. File 7.
14. Zyrin, V.A. et al. (eds) (1996) *200 let Vyatskoy gubernii. 60 let Kirovskoy oblasti* [200 years of Vyatka province. 60 years of Kirov region]. Kirov: GIPP Vyatka.
15. The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Fund R-872. List 17. File 12.
16. The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Fund R-872. List 17. File 26.
17. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 464.
18. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 860.
19. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 863.
20. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1226.
21. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1227.
22. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1275.
23. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1683.
24. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1697.
25. The Central State Archive of Kirov Region. Fund P-1291. List 1. File 17.
26. Polyakov, Yu.A. (ed.) (2002) *Naselenie Rossii v XX veke : istoricheskie ocherki* [The population of Russia in the 20th century]. Vol. 2. Moscow: ROSSPEN.
27. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 251.
28. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 252.
29. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 323.
30. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 324.
31. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 341.
32. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 405.
33. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 418.
34. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 479.
35. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 501.
36. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 564.
37. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 577.

38. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 646.
39. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 1451.
40. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 626.
41. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 335.
42. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 74.
43. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 158.
44. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 2. File 1273.
45. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 5. File 1.
46. The Central State Archive of Kirov Region. Fund P-1291. List 1. File 7.
47. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 338.
48. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 198.
49. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 339.
50. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 345.
51. USSR. (n.d.) *Vsesoyuznaya perepris' naseleniya 1939 g. Chislennost' nalichnogo naseleniya SSSR po soyuznym respublikam, krayam, oblastyam i avtonomnym respublikam* [All-Union population census of 1939. The population of the USSR in the Union republics, territories, regions and autonomous republics]. [Online] Available from: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php.
52. The Central State Archive of Kirov Region. Fund R-2344. List 1. File 2280.
53. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund A-374. List 11. File 212.
54. The Supreme Soviet of the USSR. (1968a) O naloge na kholostyakov, odinokikh i bezdetnykh grazhdan SSSR: ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On the tax on bachelors, single and childless citizens of the USSR"]. In: Kalinychev, F.I., Yumashev, M.I. & Kaliteevskaya, A.V. (eds) *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938–1967 gg.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Council of the USSR. 1938–1967]. Vol. 2. Moscow: Izvestia. pp. 304–305.
55. The Supreme Soviet of the USSR. (1968b) Ob usynovlenii : ukaz PVS SSSR ot 08.09.1943 [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR "On Adoption" of September 8, 1943]. In: Kalinychev, F.I., Yumashev, M.I. & Kaliteevskaya, A.V. (eds) *Sbornik zakonov SSSR i ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938–1967 gg.* [Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Council of the USSR. 1938–1967]. Vol. 2. Moscow: Izvestia. p. 409.
56. *Mariyskaya Pravda*. (1941) Sypnoy tif i bor'ba s nim [Typhus fever and the fight against it]. 9th December.
57. *Krasnaya Chuvashiya*. (1941) Ne zabyvat' ob epidemiyakh [Do not forget about epidemics]. 29th December.
58. *Mariyskaya Pravda*. (1942) Zabota ob evakuirovannykh detyakh [Care for evacuated children]. 8th January.
59. *Kirovskaya Pravda*. (1942) Evakuirovannym detyam [Evacuated children]. 12th April.
60. *Kirovskaya Pravda*. (1944) Mnozhit' zabotu o sem'yakh [To increase care for families]. 21st January.
61. *Krasnaya Chuvashia*. (1944) Zabota o zdorov'e detey [Caring for the health of children]. 16th May.
62. USSR. (1946) *Vazhneyshie zakony i postanovleniya sovetskogo gosudarstva za vremya Velikoy Otechestvennoy voyny* [The most important laws and regulations of the Soviet state during the Great Patriotic War]. Moscow: Voennoe izd-vo NKO SSSR.

УДК 94(47).084.8
DOI: 10.17323/19988613/73/8

А.Ю. Чмыхало, П.А. Винарский

ВЕРТЯЧИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Исследование посвящено источниковедческому анализу материалов о Вертячийской операции, проводившейся с 22 по 30 ноября 1942 г. силами 24-й армии Донского фронта в рамках более масштабной операции «Уран» – контрнаступления войск Красной Армии и окружения группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом. Источниковедческий анализ материалов о данной операции позволил выявить проблемные аспекты в документальной основе исторического описания событий данной операции и перспективные направления ее изучения для устранения «белых пятен» в объективной картине событий заключительного этапа Сталинградской битвы.

Ключевые слова: Вертячийская операция, Сталинградская битва, Донской фронт, 24-я армия.

Минуло уже более 70 лет со времени окончания Великой Отечественной войны, однако можно достаточно смело утверждать, что далеко не все события тех далеких дней получили должное освещение в отечественной и зарубежной исторической литературе. Казалось бы, Сталинградская битва – одно из тех событий в истории Второй мировой войны, которое получило исчерпывающее освещение не только в многочисленной отечественной и зарубежной исторической литературе, но и в мемуарах участников событий. Однако и здесь мы можем встретить отдельные эпизоды, описание которых носит противоречивый, проблемный характер. Во многом это вызвано тем, что далеко не все события Сталинградского сражения, даже на его заключительном этапе – в период проведения контрнаступления советских войск, окружения и ликвидации окруженной группировки войск 6-й и 4-й танковой армий вермахта, имели для Красной Армии позитивный характер. Одним из таких важных событий было проведение силами 24-й армии Донского фронта Вертячийской операции с 22 по 30 ноября 1942 г. (данное название было использовано для описания наступления войск 24-й Армии Донского фронта на хутор Вертячий в Журнале боевых действий 24-й армии [1]). Данная операция была составной частью операции «Уран» по окружению и ликвидации немецких войск под Сталинградом. Целью ее осуществления было ударом войск 24-й армии в направлении хутора Вертячий прорвать оборону противника, захватить переправы через р. Дон в данном районе и расчленить Сталинградскую группировку войск вермахта от Задонской группировки войск. Достижение поставленной цели должно было способствовать успешной реализации всей операции «Уран» по разгрому немецких войск под Сталинградом. Операция хоть и была завершена со взятием хутора Вертячий, однако не была достигнута одна важная ее составляющая – немецкие войска не были расчленены. Войска вермахта, оборонявшиеся на этом участке фронта, сумели не только нанести крупные потери наступавшим частям 24-й армии, но и осуществить планомерный отвод всей Задонской группировки в районы западнее Сталинграда, тем самым предопределив весь последующий ход событий Сталинградской битвы.

Можно полагать, что недостаточно удачные действия войск 24-й армии Донского фронта и, как следствие, весьма трагический характер развития событий, сопровождавших проведение данной операции, сыграли свою роль в том, что подробности Вертячийской операции не получили должного освещения в отечественных исторических исследованиях, а также в мемуарах, особенно активно издававшихся в советский период. Также и отдельной работы, которая была бы посвящена истории проведения Вертячийской операции, в отечественной историографии Великой Отечественной войны не было написано.

В фундаментальных работах советского и постсоветского периода данной операции отведено совершенно незначительное место. В частности, в работе А.М. Самсонова «Сталинградская битва» рассматриваемая здесь операция вообще не выделяется, а действиям 24-й армии в районе хутора Вертячий посвящено всего несколько строк [2]. В коллективном издании об истории 24-й армии (позднее преобразованной в 4-ю гвардейскую) «От волжских степей до австрийских Альп: боевой путь 4-й гвардейской армии» Вертячийской операции посвящено неполных 7 страниц [3. С. 11–18]. Причем события тех дней представлены в характерном для советского периода стиле – с акцентом на рассмотрении роли партийных органов в действиях Красной Армии и полным отсутствием какого-либо анализа (тем более критического) хода и итогов операции.

В постсоветский период одно из наиболее фундаментальных исследований о Сталинградской битве – это работа А.В. Исаева «Сталинград. За Волгой для нас земли нет» [4]. В ней была предпринята попытка критического анализа наступления 24-й армии. Однако поскольку оно не было основным предметом внимания исследователя, то повествование свелось к рассмотрению действий 16-го танкового корпуса, приданного 24-й армии при проведении данной операции

и указанию на наиболее крупные ошибки командования армии. В частности, автор полагает, что «одной из основных причин неудач 24-й армии было неверное определение начертания переднего края противника. Соответственно, артиллерийская подготовка была проведена по позициям, которые занимались боевым охранением, а не основными силами обороняющихся немецких частей» [4. С. 321].

Среди мемуарной литературы, в которой в той или иной мере рассматриваются события Вертячийской операции, можно упомянуть работы ряда командиров, занимавших на момент проведения операции руководящие должности в составе 24-й армии, а также вышестоящего руководства: Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (осенью 1942 г. – представитель Ставки ВГК на Сталинградском направлении) [5], начальника Генштаба Маршала Советского Союза А.М. Василевского [6], командующего Донским фронтом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского [7], заместителя командующего 24-й армией генерала А.В. Горбатова [8], командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова [9], командира 214-й стрелковой дивизии генерала Н.И. Бирюкова [10]. Кроме того, в своих мемуарах события Вертячийской операции затронул и бывший командующий 65-й армией генерал П.И. Батов (части 65-й армии в ходе проведения Вертячийской операции были правым соседом войск 24-й армии) [11].

Однако самой многочисленной группой источников, которая стала доступна большинству современных исследователей войны относительно недавно, являются документы объединений, соединений, частей и подразделений Красной Армии, размещенные на интернет-портале «Память народа». Среди них боевые донесения, оперсводки, боевые приказы и распоряжения, отчеты о боевых действиях, журналы боевых действий, директивы и указания, приказы, доклады и рапорты, разведывательные бюллетени и донесения, планы операций, карты, схемы, справки частей и подразделений 24-й армии и других частей и соединений Донского фронта.

В последние годы широкому кругу исследователей стали доступны многочисленные источники, освещающие события Сталинградской битвы не только со стороны Красной Армии, но и со стороны войск вермахта. В настоящий момент исследователи могут ознакомиться с документами 76-й пехотной дивизии VIII армейского корпуса и 384-й пехотной дивизии XI армейского корпуса вермахта (основные части вермахта, противостоящие войскам Красной Армии в ходе Вертячийской операции), а также с документами 6-й армии вермахта за период проведения указанной операции [12].

Цель настоящего исследования состоит в осуществлении источниковедческого анализа материалов о Вертячийской операции войск 24-й армии, выявлении проблемных аспектов и перспективных направлений изучения исторических источников о Вертячийской операции для устранения «белых пятен» в объективной картине событий заключительного этапа Сталинградской битвы.

Вертячийская операция 22–30 ноября 1942 г. в мемуарах советских военачальников

Мемуарная литература всегда представляет определенные сложности для исследователей, стремящихся к воссозданию объективной картины происходивших событий. Однако в период существования СССР мемуары советских военачальников редко выходили за рамки официальной трактовки тех или иных эпизодов исторического прошлого страны, что обусловливало непротиворечивый, взаимодополняющий характер описаний событий прошлого. Тем удивительнее то обстоятельство, что в отношении описания Вертячийской операции, осуществленной силами 24-й армии Донского фронта в период с 22 по 30 ноября 1942 г. мы встречаем не просто различные интерпретации и оценки, но и принципиально разные подходы к реконструкции исторического прошлого, представленного в них. В частности, если в воспоминаниях К.К. Рокоссовского, Г.К. Жукова, А.М. Василевского, П.И. Батова речь ведется от лица автора «по памяти», без ссылок на архивные документы, то в работах военачальников менее высокого ранга – Н.И. Бирюкова и В.С. Архипова – текст изобилует отсылками к фондам ЦАМО.

Кроме того, в данном случае достаточно сложно не только сравнивать, но и корректно дополнять картины событий, создаваемые военачальниками высшего ранга, описаниями военачальников нижестоящего уровня – дивизионного, бригадного. Причина этого в том, что для высшего командования военные действия в первую очередь разворачивались через призму карт, схем, делопроизводственную документацию. Чем ниже уровень управления войсками, чем меньше масштаб охватываемых в документах событий, тем меньше были необходимость и возможности в документировании событий. В этих условиях возрастает ценность воспоминаний тех участников войны, чьи действия не нашли своего полноценного отражения в сохраненных документах. В связи с этим можно только сожалеть о том, что в мемуарной литературе в отношении описания событий Вертячийской операции имеет место существенный пробел. Речь идет о воспоминаниях заместителя командующего 24-й армией генерала А.В. Горбатова «Годы и войны». Удивительно, но о данной операции в них не упоминается совсем [8].

По всей видимости, трагический характер хода наступательной операции, с одной стороны, а также стремление разделить итоговый успех освобождения хутора Вертячий, с другой стороны, способствовали тому, что мало кто хотел взять на себя ответственность за формирование замысла и организацию неудачно развивавшегося наступления, но вместе с тем многие желали получить свою долю лавров за окончательный успех. Данное обстоятельство оказало влияние на стремление выяснить причины произошедшего, но вместе с тем порождало и значительные противоречия в изложении событий, имеющие место в мемуарной литературе, желание переложить ответственность за неудачу на других.

С подобной ситуацией мы сталкиваемся уже на уровне описания замысла и подготовки Вертячийской операции, содержащегося в представленных работах.

Так, воспоминания командующего Донским фронтом, будущего Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского относительно замысла наступательной операции 24-й армии в направлении хутора Вертячий сводятся к нескольким основным тезисам:

1) войска армии, располагая имеющимися силами и средствами, не могли рассчитывать на достижение ощутимого успеха, поскольку противник был сильный, маневроспособный и занимал весьма выгодный рубеж, оборудованный еще нашими частями;

2) задача войскам Донского фронта была сформулирована Ставкой, которая обязала фронт именно так использовать армию;

3) противник и местность были хорошо изучены войсками фронта;

4) возложенная на 24-ю армию задача состояла в том, чтобы наступать в междуречье, примыкая своим правым флангом к Дону. Прорвав оборону противника, армия должна была продвинуться на Вертячий, чтобы воспрепятствовать отходу на восточный берег реки вражеских войск, действовавших против 65-й и 21-й армий;

5) однако задача армии при тех средствах, которые были выделены, была невыполнимой;

6) расчет был на то, что своими наступательными действиями 24-я скует значительные силы противника, лишив его возможности подкреплять свои войска на главном направлении [7. С. 150].

Таким образом ответственность за формирование плана К.К. Рокоссовский возложил на Ставку. Но находит ли подтверждение эта позиция в воспоминаниях представителей Ставки, координировавших действия фронтов в ходе проведения контрнаступления под Сталинградом, – Г.К. Жукова и А.М. Василевского?

В своих воспоминаниях Г.К. Жуков, выполнявший на момент проведения операции функции представителя Ставки ВГК, подтверждает некоторую часть тезисов К.К. Рокоссовского и также указывает, что разработка плана всей операции по осуществлению контрнаступления войск Красной Армии под Сталинградом является заслугой Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба. Ставка поставила задачу силам 24-й армии наступать из района Качалинской вдоль левого берега Дона на юг в общем направлении на Вертячий с целью отсечения войск противника, действовавших в малой излучине Дона, от его группировки в районе Сталинграда [5. С. 99–101].

А.М. Василевский в мемуарах «Дело всей жизни» не приводит каких-либо фактов, которые могли бы позволить поставить под сомнение авторство Ставки в разработке замысла и плана контрнаступления под Сталинградом, однако никаких подробностей операции 24-й армии не приводится, за исключением того, что он, как и Г.К. Жуков, 4 ноября 1942 г. принимал участие в совещании руководящего состава Донского фронта, на котором рассматривались вопросы предстоящего наступления [6. С. 224–227]. Ни Г.К. Жуков, ни А.М. Василевский не приводят подробности проводившегося совещания, однако у нас в распоряжении имеются свидетельства еще одного автора, присутствовавшего на нем, – командующего 65-й армией Донского фронта П.И. Батова.

Воспоминания П.И. Батова позволяют несколько иначе взглянуть на замысел наступления 24-й армии в направлении хутора Вертячий: во-первых, он утверждает, что участок, избранный для прорыва в полосе 24-й армии (высота 56,8), – это был вопрос из области фронтового планирования [11. С. 173–174], а значит, и командование фронтом, зная об эффективной обороне немцев, построенной на этом участке, могло изменить направление главного удара армии; во-вторых, П.И. Батов утверждает, что командование 65-й армией старалось найти наиболее правильное решение, а позже, в ходе операции, вносило необходимые коррективы [Там же. С. 174]. Исходя из этого, можно полагать, что командование 24-й армией и Донского фронта могло принять другое решение вместо осуществления лобового удара по обороне противника или изменить его направление после неудачного начала наступления.

Почему же командование 24-й армией не пошло на то, чтобы изменить план наступления или скорректировать направление удара уже в ходе неудачно разворачивавшейся операции? Возможный ответ предложил Н.И. Бирюков (в ноябре 1942 г. командир 214-й стрелковой дивизии 24-й армии). В своих воспоминаниях он описывает ситуацию своего знакомства с замыслом Вертячийской операции, произошедшего 7 ноября 1942 г. Из них следует, что командарм 24-й генерал И.В. Галанин был убежден в необходимости проведения наступления на хутор Вертячий посредством лобового удара в направлении высоты 56,8. Альтернативные варианты проведения наступления он не желал рассматривать, поскольку полагал, что взятие указанной высоты приведет к краху всей системы обороны немцев на данном участке [10. С. 113–114].

Таким образом, подводя итог анализу текстов мемуаров, направленному на выяснение автора замысла и плана Вертячийской операции, можно констатировать, что данный вопрос остается до конца не проясненным. В конце 1960-х – начале 1970-х гг., когда были опубликованы воспоминания К.К. Рокоссовского, П.И. Батова и Н.И. Бирюкова, оппонировать им было некому, поскольку бывшего командарма 24-й И.В. Галанина уже не было в живых (умер в 1958 г.), а бывший заместитель командарма А.В. Горбатов не принял участия в дискуссии по данному вопросу.

Относительно хода и итогов операции позиция авторов мемуаров не менее противоречива и также оказалась предметом заочной дискуссии. Достаточно отличные друг от друга позиции представлены в воспоминаниях К.К. Рокоссовского, П.И. Батова, Н.И. Бирюкова, а также командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова, в которых содержатся некоторые подробности проведения операции. Воспоминания К.К. Рокоссовского по этому поводу, как и в случае с замыслом операции, весьма немногословны и сводятся к следующим тезисам:

1) наступление 24-й армии с целью отрезать отход на восточный берег Дона соединений противника, атакованных 65-й и 21-й армиями, не увенчалось успехом, как и предполагал автор воспоминаний;

2) автор сожалеет, что силы и средства, которыми была подкреплена 24-я армия, не были переданы войскам, успешно продвигавшимся вперед,

3) 24-я армия в какой-то степени содействовала общей операции, сковывая и отвлекая на себя значительные силы врага;

4) вину за неудачу наступления нельзя относить только на счет командарма Галанина, хотя он допустил некоторые ошибки;

5) причина неудачи – недостаток у армии сил, чтобы преодолеть крепкую оборону противника,

6) войска 24-й армии смогли оттянуть в район наступления непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий;

7) автор, скорее, удовлетворен неудачей 24-й армии, поскольку если бы маневр удался, то получился бы слоеный пирог – окружение в окружении, что потребовало бы привлечения почти всех войск фронта. По всей видимости, удовлетворительным решением штаб фронта не располагал, поскольку «план этот так и повис в воздухе» [7. С. 152–155].

С другой стороны, мы имеем воспоминания П.И Батова и Н.И. Бирюкова. В описании событий наступления их содержание в значительной степени согласуется друг с другом даже в некоторых мелких деталях. По всей видимости, в воссоздании событий Вертячийской операции П.И. Батов использовал воспоминания Н.И. Бирюкова – своего бывшего подчиненного (в январе–феврале 1943 г. 214-я стрелковая дивизия входила в оперативное подчинение 65-й армии), хоть прямо на них и не ссылается. При этом позиция П.И. Батова несколько отличалась от описания, представленного К.К. Рокоссовским. В частности, он указывал на следующее:

1) расчет командарма 24-й на то, что артиллерия РВГК (семь артиллерийских полков усиления и четыре полка гвардейских минометов) задавит немцев на высоте 56,8, не оправдался. После мощной артподготовки атакующая дивизия осталась всего с 40 стволами, из которых 10 были заняты контрбатарейной борьбой. В итоге 214-я стрелковая дивизия два дня вела безуспешные бои;

2) Галанин обвинил левофланговые дивизии 65-й армии в бездействии, которое ставило 24-ю армию в тяжелое положение. К.К. Рокоссовский вмешался в спор, отчитал Галанина за неправдивость, но при этом не изменил решения о проведении лобового удара;

3) именно Галанин, дав волю нервам, утром 24 ноября ввел в бой 16-й танковый корпус, направив его на прорыв обороны противника через боевые порядки 214-й дивизии. При этом командир танкового корпуса генерал А.Г. Маслов и сам командарм ограничились приказом – сделать проходы для танков в минных полях. Ни один из офицеров корпуса не был на местности, вопросы взаимодействия со стрелковой дивизией отработаны не были. В итоге несколько танков подорвалось, другие прошли вперед и погибли под огнем противотанковых пушек врага. Корпус был выведен из боя;

4) 24-я армия не прошла на Вертячий. Переправы также оставались еще некоторое время в руках противника [11. С. 214–215].

Как уже было сказано, по всей видимости, П.И. Батов опирался на воспоминания Н.И. Бирюкова, практически один в один воспроизводя некоторые эпизоды Вертячийской операции, однако в позиции последнего имеется ряд дополнительных обстоятельств. Кратко отметим некоторые из них: фронт наступления 214-й сд составлял немногим более 2 км, справа наступала 120-я сд полковника Джахуа, слева 49-я сд генерала А.Н. Черникова. Наступление дивизии поддерживали: один гаубичный и один легкий артполк, один тяжелый гвардейский минометный полк и два дивизиона гвардейского минометного полка, рота огнеметов. Всего около 42 стволов на километр фронта; в начале наступления 22 ноября 1942 г. под прикрытием артподготовки саперы проделали проходы в проволочных заграждениях и минных полях у подножия высоты 56,8; после залпа «катюш» 214-я сд перешла в наступление и захватила траншеи переднего края обороны 76-й пехотной дивизии немцев. Вскоре выяснилось, что в результате артподготовки огневая система обороны немцев не была подавлена. Существенное препятствие представляла артиллерия соседней 384-й пехотной дивизии немцев, ведущей огонь с правого берега р. Дон; соседи справа и слева успеха не имели. Н.И. Бирюков обвиняет командира 120-й сд полковника Джахуа в бездействии, однако к вечеру 22 ноября высота 56,8 все же взята; в ночь на 23 ноября 1942 г. части 214-й сд в результате контратаки 76-й и 384-й пд немцев оставляют высоту 56,8; в ночь на 23 ноября 1942 г. командование Донским фронтом решает ввести в действие 16-й танковый корпус с рубежа, занятого накануне 214-й сд, дивизионному инженеру вновь отдан приказ о необходимости проделать проходы в минных полях (почему-то это потребовалось делать повторно, хотя в начале наступления их уже должны были проделать); утром 23 ноября 1942 г. танкисты 16-го тк открывают артиллерийский огонь и развертываются в боевые порядки для наступления, но раньше назначенного рубежа, в результате этого под обстрел попадают части 214-й сд; командир 16-го тк генерал А.Г. Маслов отказался увязывать взаимодействие с командиром 214-й сд, что привело к тому, что танки корпуса, игнорируя отмеченные проходы, напарываются на минное поле и теряют несколько боевых машин.

В итоге наступление 16-го тк не внесло существенных изменений в обстановку, как и ввод в сражение 24 ноября 1942 г. 84-й стрелковой дивизии; немцы усиливали оборону 76-й пехотной дивизии, перебросив на этот участок подразделения 176-го транспортного отряда, 176-го саперного батальона и пр.; 26 ноября в наступление в направлении хутора Вертячий вводятся части 233-й стрелковой дивизии при поддержке еще одного тяжелого гвардейского минометного полка, двух дивизионов минометного полка и двух гвардейских тяжелых танковых полков, однако оборона немцев перед фронтом 24-й армии рухнула только тогда, когда 27 ноября им в тыл вышли войска 65-й армии; сравнение результатов разведки и аэрофотоснимков немецкой обороны после взятия высот перед хутором Вертячий показало их высокую достоверность, но, как указывает Н.И. Бирюков в заключение

своего повествования о деталях наступления, им почему-то не было веры в штабе армии; 29 ноября 1942 г. войска 65-й и 24-й армий ворвались в хутор Вертячий [10. С. 119–141].

Воспоминания еще одного участника тех боев – бывшего командира 109-й танковой бригады 16-го танкового корпуса В.С. Архипова – с одной стороны, несколько ограничены по времени, поскольку корпус вступил в сражение только утром 23 ноября 1942 г., а 26 ноября 1942 г. воевал уже в качестве батальона сводной бригады, созданной из танков, оставшихся после больших потерь предыдущих дней. Кроме того, многие вопросы стратегического, оперативного и даже тактического уровня, связанные с проведением Вертячийской операции ему не могли быть ведомы в силу должного положения. С другой стороны, воспоминания В.С. Архипова позволяют несколько по-иному взглянуть на ход операции в силу того, что он представляет танкистов 16-го танкового корпуса, т.е. тех, кого некоторые из указанных выше авторов прямо обвиняли в неудачах первых дней проведения наступления.

Основные отличительные особенности позиции В.С. Архипова в представлении событий Вертячийской операции состоят в том, что, по его утверждению, в танковом корпусе знали, что в соответствии с планом они должны будут принять участие в наступлении в полосе 24-й армии, однако не имели сведений ни о конкретном времени, ни о месте, где это произойдет. Боевой приказ от командования корпусом поступил только в 2 часа ночи 23 ноября 1942 г., когда уже не было времени провести даже беглую рекогносцировку местности. В воспоминаниях В.С. Архипова мы находим и объяснение некоторой самонадеянности танкистов при преодолении минных полей, о которой упоминал Н.И. Бирюков. Она была обусловлена наличием на вооружении 109-й танковой бригады минных тралов, позволявших сходу преодолевать минные поля и проволочные заграждения. Именно поэтому уже в самом начале ввода бригады в сражение она смогла преодолеть оборону немцев, но вынуждена была вернуться, поскольку пехота 214-й сд залегла и не поддержала танковую атаку.

24 ноября 1942 г. 109-я танковая бригада смогла прорваться к хутору Вертячему, о чем было доложено командованию 16-м танковым корпусом. Этот факт, как утверждает В.С. Архипов, смог непосредственно подтвердить начальник штаба Донского фронта генерал М.С. Малинин, который вместе с сопровождающими его лицами на трех легковых машинах также проехал к хутору (при этом пехотинцам 120-й и 214-й стрелковых дивизий, между порядками которых наступала бригада, почему-то этого сделать не удалось). Не сумев закрепиться на окраинах Вертячего, вечером 24 ноября 1942 г. бригада получает приказ вернуться на исходные позиции в районе Паньшино. В итоге генерал Галанин на заседании Военного Совета армии раскритиковал действия 16-го танкового корпуса, но присутствовавший на заседании М.С. Малинин заявил, что 109-я танковая бригада – единственная часть, которая выполнила боевую задачу. В подтверждение своих слов В.С. Архипов приводит ссылки не только на архивные документы, но и на наградные документы, в которых указано, что бойцы и командиры 109-й танковой бригады были награждены именно за прорыв к хутору Вертячий [9. С. 161–169].

Подводя предварительный итог сказанному, можно указать, что обзор содержания мемуаров указанных выше военачальников порождает множество вопросов и противоречий, а именно:

1. Не представляется возможным четко установить авторство наступления 24-й армии в направлении хутора Вертячий посредством атаки вдоль левого берега Дона;

2. Если командование 24-й армией и Донским фронтом располагало достаточно полной информацией о противнике и инженерном оборудовании их позиций, то почему не предприняло никаких усилий к тому, чтобы изменить направление главного улара?

3. Преждевременный ввод в сражение 16-го танкового корпуса – это решение генерала Галанина или командования фронтом?

4. На ком лежит основная ответственность за неудачу наступления – на генерале Галанине, на командире 16-го тк Маслове, на командире 49-й стрелковой дивизии генерале А.Н. Черникове и 120-й стрелковой дивизии полковнике Джахуа, на войсках 65-й армии или на стрелковых частях 24-й армии, которые не смогли поддержать наступление танков 16-го танкового корпуса?

5. Ввввод в сражение 16-го тк не внес существенных изменений в обстановку или его части единственные, кто выполнил боевую задачу, прорвавшись к хутору Вертячий?

6. Основная причина неудачи – недостаток у армии сил, чтобы преодолеть крепкую оборону противника, или их введение по частям позволяло немцам последовательно уничтожать те части, которые находились на острие наступления?

7. Войска 24-й армии смогли оттянуть в район наступления непосредственно из-под Сталинграда несколько дивизий или только 384-ю пехотную дивизию немцев, которая была переброшена с противоположного направления – с правого берега Дона – ввиду необходимости сокращения фронта?

8. Какова роль артиллерии в неуспехе наступления 24 армии?

9. Какова цена, заплаченная за неудачно проведенную операцию и пр.

Анализ мемуарной литературы ярко продемонстрировал одну из специфических черт данного вида исторических источников, которая состоит в том, что применительно к освещению конфликтных ситуаций, неудач, поражений мы, как правило, сталкиваемся с многочисленными противоречиями, которые не могут быть разрешены без привлечения дополнительных источников. Способны ли архивные документы, которые появились в распоряжении современного поколения историков, устранить хотя бы некоторые из них? Для ответа на этот вопрос рассмотрим комплекс документов объединений, соединений, частей и подразделений Красной Армии, принимавших непосредственное участие в Вертячийской операции, размещенный на интернет-портале «Память народа».

Состав комплекса архивных документов частей и соединений Красной Армии по истории военных операций периода Великой Отечественной войны: краткая характеристика

Обращаясь к анализу документов частей и соединений Красной Армии, датируемых второй половиной 1942 г., в первую очередь необходимо сформировать представление о том комплексе документов, который создавался в ходе текущего делопроизводства в частях и соединениях РККА в тот период. Данное основание позволит нам оценить масштабы и полноту комплекса документов, который содержится в архивных учреждениях России и может быть доступен для ознакомления современным исследователям. Перечень основных нормативных актов, определявших порядок ведения делопроизводства в Красной Армии, был введен в действие в 1939 г. и применялся в течение всей войны. Среди данных документов можно выделить следующие:

1) Перечень дел и материалов со сроками архивного хранения для центральных управлений НКО СССР, введен в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0111 от 3 июня 1939 г.;

2) Перечень дел и материалов со сроками архивного хранения для управлений и отделов округа (армии), введен в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0112 от 3 июня 1939 г.;

3) Наставление по секретному делопроизводству в РККА, введено в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 0150 от 4 сентября 1939 г.;

4) Наставление по несекретному делопроизводству в РККА, введено в действие приказом Народного комиссара обороны Союза ССР № 170 от 4 сентября 1939 г.;

5) приказ НКО и НКВД СССР 1940 г. № 61/193 от 19 марта 1940 г. «О сроках и порядке сдачи архивных дел воинскими частями, учреждениями и заведениями РККА в государственные архивы системы НКВД СССР».

В соответствии с этими нормативными актами в делопроизводстве подразделений, частей, учреждений и других структур РККА использовались различные виды документов. Казалось бы, учитывая высокую степень централизации и регламентации практически всех сфер деятельности Красной Армии, аналогичного положения вещей можно было бы ожидать и в области делопроизводства и хранения документов, однако здесь мы встречаем несколько иную картину. В частности, Отдел архивов Наркомата обороны Союза ССР (с 29 июля 1940 г. – в составе Управления Делами НКО СССР) согласно Положению о данном отделе хранил только военно-архивные документы Реввоенсовета, Народного комиссариата по военным и морским делам, Народного комиссара обороны, а также их отделов и центральных управлений. В центральном и окружном аппарате организовывались объединенные архивы (один архив для центральных управлений и по одному – на аппарат округа, армии). При войсковых частях, соединениях, учреждениях и заведениях также организовывались самостоятельные архивы. Архивные документы со сроком хранения свыше 10 лет по истечении 10-летнего хранения в архиве части, соединения, учреждения, заведения или в объединенном архиве округа (армии), в объединенном архиве центральных управлений НКО СССР должны были передаваться на дальнейшее хранение в архивы системы ГАУ НКВД СССР в следующем порядке:

а) архивы войсковых частей, военно-учебных заведений, военных трибуналов, штабов соединений, штабов военных округов (армий), центрального аппарата НКО СССР и прочих структур передавались на дальнейшее хранение в Центральный архив Красной Армии;

б) архивы складов, мастерских, предприятий, госпиталей, Домов Красной Армии, местных органов военного управления и прочих учреждений передавались на дальнейшее хранение в военные отделы ближайших республиканских или краевых (областных) архивов системы ГАУ НКВД СССР.

Архивные документы войсковых частей, выступавших в поход, должны были сдаваться в архивы местных органов военного управления, а последние обязаны были сдать эти документы в Центральный архив Красной Армии [13].

Очевидно, что в условиях военных потрясений данная система формирования и хранения архивных документов о боевой деятельности РККА давала сбои. Поскольку документы легче было сдать в Отдел архивов НКО СССР, то согласно Приказу НКО № 0331 от 30 августа 1941 г. войсковые части, соединения, учреждения и заведения Красной Армии в целях разгрузки от излишней документации должны были архивный материал сдавать в г. Бузулук, где находилось хранилище Отдела архивов НКО СССР [14].

Вскоре выяснилось, что документы сдаются в неупорядоченном виде, среди сдаваемого материала много откровенной макулатуры, не имеющей исторического значения. По этому поводу был издан приказ «Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения» № 0174 от 5 марта 1942 г. В нем, в частности, указывалось, какие документы должны направляться на хранение в первую очередь, а именно: журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, рисующие замысел, ход и результаты проведенных боев и операций, документы, свидетельствующие о деятельности отдельных родов войск и служб, материалы с оценкой деятельности и численности неприятельских войск, карты и схемы, отображающие динамику боевых действий частей и соединений, документы о геройстве и мужестве как отдельных лиц, так частей и соединений и прочие материалы, отображающие развитие и боевую деятельность частей и соединений Красной Армии [15].

В напряженных условиях оборонительных и наступательных операций 1942–1943 гг. вопросу сохранности архивных документов хоть и уделялось определенное внимание, но далеко не всегда требования приказов были реализуемы на уровне частей и подразделений Красной Армии. Именно поэтому на уровне фронтов и соединений издавались специальные приказы о необходимости вести журналы боевых действий. К пробле-

ме устранения недостатков в сохранении документов на уровне армии в целом вновь обратились в 1944 г., когда был издан приказ заместителя наркома обороны «О сохранении военно-исторических документов Отечественной войны и своевременной сдаче их историко-архивному отделу НКО» № 0290 от 30 августа 1944 г. Данный приказ обязал штабы частей, соединений и прочих структур своевременно и согласно требованиям приказа НКО № 170 1939 г. сдавать архивные документы на хранение в историко-архивный отдел НКО [16]. Этот приказ обеспечил сохранение большого массива документов, а также составление новых документов, которые по тем или иным причинам не были выпущены вовремя.

Таким образом, анализ развития нормативной основы, которой руководствовались в частях, соединениях Красной Армии в довоенный период и в период войны в области делопроизводства и архивного дела, показывает, что документальные материалы по истории тех или иных операций, осуществленных частями и соединениями Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, могут включать в себя четко очерченный круг основных форм документов, а именно: журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, карты и схемы.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос о комплексе документов, касающихся учета потерь и погребения личного состава Красной Армии. По этому поводу 15 марта 1941 г. был издан Приказ НКО № 138 «О персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время». Согласно данному приказу учет персональных потерь должен был вестись на всех уровнях организации Красной Армии, начиная с командиров отделений, взводов, рот, штабов батальонов и полков, по формам 1, 1а, 1б, 2. Учетные документы нижестоящих подразделений обобщались в учетных документах вышестоящих подразделений.

Начиная с дивизионного уровня, документы, связанные с персональным учетом потерь и погребением, уже не обобщались, а непосредственно передавались в Управление по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии. В штабе дивизии (бригады), корпуса по результатам персонального учета потерь личного состава полков (отдельных частей) дивизии должны были составляться именные списки по форме 2а безвозвратных потерь (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести и взятые в плен) за все части, в том числе и за тыловые учреждения, входящие в состав дивизии (бригады), которые следовало высылать три раза в месяц – к 1-му, 10-му и 20-му числу каждого месяца – в Управление по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии. При этом штаб корпуса представлял именные списки потерь только за управление корпуса, корпусные части, тыловые и лечебные учреждения, непосредственно подчиненные корпусу.

В штабе армии (фронта) персональный учет потерь личного состава предусматривал составление к 1-му, 10-му и 20-му числу каждого месяца и представление в Управление по укомплектованию войск Генштаба Красной Армии именного списка безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава по форме 2 только за личный состав штаба армии (фронта), частей и учреждений армейского управления, за тыловые и санитарные учреждения, непосредственно подчиненные армии, фронту.

Лечебные учреждения должны были составлять по форме 3 списки военнослужащих, умерших от ран в лечебном учреждении, а также умерших в пути при эвакуации, и представлять их в соответствующие штабы один раз в 5 дней. Лечебные учреждения, расположенные в тыловых округах, представляли аналогичные по форме списки в санитарный отдел округа и далее – в Управление по укомплектованию войск.

И последний уровень учета – это учет в районном (городском) военном комиссариате. Здесь учетные документы велись на основании полученных извещений от войсковых частей на убитых, умерших от ран, пропавших без вести военнослужащих, которые оставлялись в комиссариате для учета, а родственникам военнослужащего выдавалось извещение от райвоенкомата (форма 4).

По результатам проведения процедуры погребения погибших или умерших от ран в штабе дивизии должна была составляться книга погребения по форме 6 и высылаться в Управление по укомплектованию войск [17].

Таким образом, в отношении персонального учета потерь в архивных фондах, содержащих документы частей и соединений Красной Армии, должно содержаться как минимум четыре основных формы учетных документов – форма 2а, форма 3, форма 6 и учетная форма персональных потерь райвоенкоматов.

Архивные документы частей и соединений Красной Армии как источник по истории военных операций периода Великой Отечественной войны: краткая характеристика

Как было установлено выше, основными формами архивных документов, содержащих информацию об операциях, осуществленных войсками Красной Армии в годы Великой Отечественной войны являются журналы военных действий, боевые приказы, оперативные и разведывательные сводки, итоговые доклады, карты и схемы. Рассмотрим их более подробно.

Назначение и содержание всех обозначенных форм документов, создаваемых в частях и соединениях Красной Армии в ходе проведения Сталинградской битвы, определялось Наставлением по полевой службе штабов Красной Армии, утвержденным 17 марта 1942 г. [18. С. 19]. В соответствии с ним журнал боевых действий – это боевой документ, который предназначается для нужд самого штаба и содержит оперативно-отчетный материал. В тексте Наставления по полевой службе штабов содержание журнала четко не определялось, поэтому вышестоящие штабы издавали специальные приказы, регламентировавшие содержание журнала для штабов частей и соединений Красной Армии. Один из образцов подобного рода приказов содержится в тексте журнала боевых действий 84-й стрелковой дивизии [19]. В ходе оборонительных и наступатель-

ных боев, отступления, больших потерь среди работников штаба во многих частях и соединениях в течение 1942–1943 гг. журналы боевых действий велись далеко не всегда регулярно, что оказало влияние на полноту комплектности данной формы документов по частям и соединениям Красной Армии. Журнал включал в себя три основные колонки: дата событий; задача соединений (частей) и перечень событий в боевой деятельности войск; наименование и номер документов. В журнале подлежали обязательному ежедневному освещению следующие вопросы: противник (все имеющиеся сведения о противнике); войска армии, дивизии (общая характеристика боевых действий всего соединения / части за сутки, описание боевой деятельности подчиненных частей; наиболее выдающиеся подвиги отдельных бойцов, командиров и политработников), при этом армии должны освещать боевую деятельность до полков, дивизии – до батальонов); танковые соединения; кавалерийские соединения; ВВС; потери и трофеи за стуки; приказы и приказания вышестоящего командования и штаба; переговоры по прямому проводу, телеграфу, телефону с вышестоящим командованием и штабом; доклады, отчеты, донесения вышестоящему командованию, штабу; приказы и приказания подчиненным соединениям / частям, подразделениям; переговоры по прямому проводу, телеграфу, телефону с командованием, штабами подчиненных соединений и частей; войсковой тыл; связь, управление войсками (работа штаба, выезды на передовую командармов, комкоров, комдивов; места расположения КП); соседи; погода, дороги.

Таким образом, в содержание данной формы документа включались все основные сведения о деятельности войск за период боевых действий, что позволяло избавить штабы от необходимости хранить иные формы документов (приказы по отдельным вопросам, донесения, переписку и пр.) после истечения срока их хранения.

Содержание таких форм документов, как боевой приказ, оперативная и разведывательная сводка, а также порядок работы с картами и схемами также были определены в тексте Наставления по полевой службе штабов Красной Армии [18. С. 19–28, 31–32]. Совокупность данных документов могла позволить составить достаточно полное представление о действиях войск в ходе ведения военных действий, проведения тех или иных операций. В частности, боевой приказ должен был содержать характеристику группировки и войск противника, задачи соединений и частей в ходе проведения боев, а также задачи соседей, частей всех родов войск, находящихся в подчинении. Оперативная сводка предназначалась для того, чтобы дать полное и достоверное представление о произошедших изменениях в обстановке или в ходе боя, о положении своих войск и противника, о потерях и трофеях и пр. Разведывательная сводка – это документ, в котором должны были содержаться исчерпывающие сведения о противнике. Карты и схемы – документы, основное назначение которых состояло в том, чтобы дать представление об обстановке в целом.

Не упоминается в тексте Наставления о такой форме, как итоговый доклад, однако в массиве документов частей и соединений Красной Армии, хранящихся в фондах ЦАМО, такие документы имеются.

Обзор содержания выделенных в приказе «Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения» № 0174 от 5 марта 1942 г. форм документов позволяет сделать вывод, что их содержание фиксировало значительный объем событий, которые происходили в ходе военных действий как со стороны Красной Армии, так и на стороне противника. Однако нельзя не отметить и того, что все обозначенные выше документы создавались в недрах штабов полков, бригад, дивизий и выше и, соответственно, в первую очередь отражали точку зрения командования высокого ранга и штабных работников на события войны. Кроме того, основное их предназначение заключалось в реализации управленческой функции командования и штаба, а не в описании исторической картины событий войны.

Архивные документы частей, соединений и объединений Красной Армии как источник по истории Вертячийской операции

Основная масса архивных документов командования и штаба Донского фронта, командования и штаба 24-й армии за период с октября 1942 г. по февраль 1943 г., размещенных на интернет-портале «Память народа», которые потенциально имеют отношение к планированию и осуществлению Вертячийской операции, сосредоточены в ЦАМО в фонде 206 [20]. Однако на портале представлены документы с большими изъятиями номеров дел. Из 213 порядковых номеров дел описи 262 представлено всего 123 дела, 90 дел отсутствуют.

Основной перечень видов документов, входящих в состав фонда 206 и принадлежащих авторству командования и штаба Донского фронта, включает в себя: планы работы партийного бюро штаба фронта, боевые распоряжения штаба, частные боевые приказы, распоряжения управления тыла фронта, разведсводки штаба фронта, боевые распоряжения штаба АВТУ, справки о наличии танков в строю в танковых частях, боевые донесения штаба фронта, оперативные сводки штаба ОГ ГМЧ фронта, оперативные сводки штаба фронта, журналы боевых действий, оперативные карты, сводки о трофеях и потерях, нанесенных противнику войсками фронта, план-схемы операций, оперативное ориентирование штаба фронта, боевые характеристики на дивизии, входившие в состав фронта, в частности доклад о действиях 16-го танкового корпуса и 49-й стрелковой дивизии, принимавших участие в Вертячийской операции [Там же].

Основной перечень видов документов, входящих в состав фонда 206 и принадлежащих авторству командования и штаба 24-й армии, включает в себя: боевые приказы штаба армии, оперативные сводки штаба армии, боевые донесения штаба армии, карточки учета численного и боевого состава боевых частей армии [Там же]. Кроме того, документы 24-й армии сосредоточены в фонде 320 [1]. Из них наибольшую значимость для описания событий Вертячийской операции

представляют приказы по 24-й армии и журнал боевых действий. Ценность данных документов для реконструкции хода Вертячийской операции различна. Среди документов указанных фондов в первую очередь можно выделить журналы боевых действий фронта и 24-й армии за октябрь–ноябрь 1942 г. (т.е. за период подготовки и проведения Вертячийской операции). В них не только содержится описание событий за все дни проведения операции, но и имеются ссылки на исходные документы командования и штаба фронта и 24-й армии.

Анализ содержания журналов боевых действий показывает, что в представленных на портале документах Донского фронта и 24-й армии имеются значительные изъятия, которые не позволяют в полной мере разрешить те вопросы и противоречия, которые были обнаружены в текстах мемуаров советских военачальников относительно тех или иных эпизодов осуществления Вертячийской операции. В частности, в составе представленных фондов отсутствуют дела, содержащие боевые приказы командования фронта и армии, отсутствует ряд боевых распоряжений командования фронтом, план-схема Вертячийской операции, разведывательные сводки штаба 24-й армии, которые могли бы позволить более четко ответить на ряд выявленных выше противоречий. Кроме того, в документах 24-й армии содержится боевой приказ № 026/оп от 10 ноября 1942 г. [20. Д. 9], в тексте которого имеется рукописная заметка о том, что подлинник данного приказа содержится в деле «Вертячийская операция 24-й армии». Однако данного дела среди представленных на портале документов в указанных выше фондах нами не обнаружено. Вместе с тем наличие текстов журналов боевых действий Донского фронта и 24-й армии, боевых приказов 24-й армии позволяют уточнить и дополнить картину наступления войск армии на хутор Вертячий, представленную в мемуарах советских военачальников.

Что касается вопроса об авторстве Вертячийской операции, то среди представленных на портале документов нами не обнаружено документа, который бы однозначно указывал автора замысла данной операции. Вместе с тем в журнале боевых действий Донского фронта за 23 ноября 1942 г. [Там же. Д. 79. С. 66] нами обнаружено указание на то, что задача по овладению хутором Вертячий была поставлена перед 24-й армией в соответствии с приказанием командующего фронтом согласно директиве Генерального штаба Красной Армии (текст данных документов должен содержаться в боевом распоряжении № 00147/оп, однако среди представленных на портале боевых распоряжений командования Донским фронтом данное распоряжение отсутствует [Там же. Д. 2]). Кроме того, после неудачи первого дня наступления командование фронтом не только не попыталось внести какие-либо изменения в направление удара, но выпустило боевое распоряжение № 20899, в котором «Командующий фронтом поставил Командарму 24, не считаясь ни с какими жертвами, овладеть Вертячий и Песковатка, не допустив переправы противника через р. Дон на восток» [Там же. Д. 79. С. 66]. В период с 23 по 27 ноября 1942 г. в соответствии с этим распоряжением командование 24-й армией стало последовательно вводить в бой в направлении главного удара армии на хутор Вертячий следующие части:

1) 23 ноября 1942 г. – 16-й танковый корпус,
2) 24 ноября 1942 г. – 84-ю стрелковую дивизию,
3) 27 ноября 1942 г. – 233-ю стрелковую дивизию и 8-й и 9-й гвардейские танковые полки.

Также последовательно в ходе наступательных боев эти части, неся гигантские потери в живой силе и технике, фактически за 1–2 дня боев утрачивали свою боеспособность [1. Д. 10. С. 25–43], но так и не выполнили задачу по недопущению отхода немецких войск через р. Дон. Всего за период с 20 по 30 ноября 1942 г. части 24-й армии (в основном части, наступавшие на хутор Вертячий) потеряли убитыми, ранеными, заболевшими и пропавшими без вести 13 256 человек [Там же. С. 87] из общего состава частей и подразделений 24-й армии, принимавших участие в операции, в количестве 60 848 человек (без учета численности войск 16-го тк) [Там же. С. 82].

При этом в ходе Вертячийской операции войскам 24-й армии противостояли 76-я пехотная дивизия и часть сил 384-й пехотной дивизии немцев, которые согласно «Справке в группу армий о боевом и численном составе дивизий», содержащейся в Журнале боевых действий 6-й армии вермахта за 13 ноября 1942 г., имели на довольствии в составе 76-й пехотной дивизии 8 023 человека, в том числе хиви – 4 988 человек, и в составе 384-й пехотной дивизии 8 821 человека, в том числе хиви – 1 765 человек [12], т.е. всего 16 844 человека, из них хиви – 6 753. В ходе Вертячийской операции данные дивизии хоть и понесли существенные потери (которые невозможно с достаточной долей точности проследить по данным журналов боевых действий 6-й армии, 76-й и 384-й пехотных дивизий), однако не утратили боеспособности и продолжали сопротивление вплоть до капитуляции 6-й армии.

В связи с этим очевидно, почему позднее, воссоздавая картину боев, советские военачальники не желали брать на себя ответственность за столь неудачно проведенную операцию, перекладывая вину друг на друга. Также очевидна ошибочность позиции командования фронтом, которое упорно, на протяжении нескольких дней, разрозненно вводило в бой все новые и новые части, которые последовательно уничтожались немцами, но так и не смогли выполнить задачу, пока к хутору Вертячий с запада не подошли части 65-й армии, вынудив немцев к отступлению.

Формат статьи не позволяет дать ответы на все обозначенные выше вопросы и противоречия в описании событий Вертячийской операции в мемуарной литературе. Однако необходимо отметить, что в архивных фондах мы встречаем ряд документов, содержащих некоторые попытки проанализировать причины ее неудачного проведения. В частности, подобного рода описания содержатся в текстах журналов боевых действий 24-й армии [20. Д. 9. С. 21–53], 84-й стрелковой дивизии [19. Д. 2] и др.

Значительный интерес представляет документ под названием «Действия 49-й сд в наступательной опера-

ции 24 А в районе Вертячий» [20. Д. 116. С. 40], который был представлен офицером Генштаба Красной Армии капитаном Тимофеевым 31 декабря 1942 г. в штаб 66-й армии. В нем был дан анализ ошибок, допущенных при подготовке и проведении наступления на хутор Вертячий командованием 49-й стрелковой дивизией, а также командованием частей и подразделений, входивших в ее состав. Главный вывод сводился к констатации ряда причин тактического характера, по которым войска оказались не готовы к ведению наступления:

1) отсутствовала тщательная и непрерывная разведка противника и его переднего края. Вследствие этого начертание переднего края было определено неверно;

2) поскольку действительное начертание переднего края противника было определено неверно, то неверно выбрали рубеж перехода в атаку, а артиллерия не смогла обработать своим огнем передний край обороны противника;

3) войска оказались неподготовленными к наступлению, поскольку ни одно занятие не было проведено;

4) не было обеспечено взаимодействие артиллерии и пехоты и др.

Вместе с тем подобного рода аналитические документы практически не содержат анализа и оценки действий командования более высокого звена – армейского и фронтового – в ходе подготовки и проведения Вертячийской операции. Данная задача достаточно трудно разрешима не только по причине малочисленности аналитических документов в составе архивных фондов, но и в силу наличия достаточно значительных пробелов в составе документов, которые были выявлены в ходе изучения документального фонда командования и штаба Донского фронта, представленного на интернет-портале «Память народа». Например, из документов, содержащихся в фонде 206, опись 262, который содержит 213 номеров дел (по порядку) не опубликовано (или отсутствует?) 90 дел. Практически полностью отсутствуют документы артиллерийских частей и командования артиллерией 24-й армии и Донского фронта, которые бы позволили оценить роль данного рода войск в фактическом провале Вертячийской операции. Также сложно оценить степень осведомленности командования Красной Армией о войсках противника, занимавших оборону на подступах к Вертячему накануне наступления. В фондах имеются лишь немногочисленные и разрозненные разведсводки; аналитические материалы о составе и численности войск противника накануне и в ходе операции отсутствуют.

Таким образом, исчерпывающие ответы на целый ряд поставленных в данной работе вопросов в настоящее время пока не могут быть представлены. Авторы могут лишь надеяться, что дальнейшая работа по раскрытию и публикации документов на интернет-портале будет способствовать решению указанных вопросов.

В заключение настоящего исследования авторы полагают необходимым констатировать, что современная ситуация в области изучения истории Великой Отечественной войны, связанная с расширением доступа историков к значительному массиву документов того периода, с одной стороны, открывает новые уникальные возможности для изучения малоизвестных событий войны, позволяя выявить проблемные аспекты в имеющихся подходах к их интерпретации. Применительно к событиям, связанным с подготовкой и проведением Вертячийской операции, были выявлены многочисленные противоречия в ее описании, содержащиеся в мемуарной литературе. Установлено, что многие аспекты операции могут быть реконструированы на основе представленных на интернет-портале документов. С другой стороны, исследование показало, что ряд поставленных вопросов пока невозможно исчерпывающим образом разрешить без проведения дальнейшей работы по открытию доступа к более широкому перечню документов о событиях Великой Отечественной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 320. Оп. 4522. Д. 1–12.
2. Самсонов А.М. Сталинградская битва. М. : Наука, 1989. 627 с.
3. Воронцов Т.Ф., Бирюков Н.И., Смекалов А.Ф., Шинкарев И.И. От волжских степей до австрийских Альп: боевой путь 4-й гвардейской армии. М. : Воениздат, 1971. 256 с.
4. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М. : Яуза ; Эксмо, 2008. 448 с.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Т. 1. 415 с.
6. Василевский А.М. Дело всей жизни. М. : Политиздат, 1978. 552 с.
7. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М. : Воениздат, 1969. 384 с.
8. Горбатов А.В. Годы и войны. М. : Воениздат, 1989. 366 с.
9. Архипов В.С. Время танковых атак. М. : Яуза ; Эксмо, 2009. 352 с.
10. Бирюков Н.И. На огненных рубежах: 214-я Кременчугско-Александрийская стрелковая дивизия. Уфа : Башкнигоиздат, 1969. 187 с.
11. Батов П.И. В походах и боях. М. : Воениздат, 1974. 528 с.
12. Журнал боевых действий 6-й армии. 13 ноября // Nordriegelstellungen 1942. Немецкие дивизии в Сталинградской битве. URL: https://nordrigel.livejournal.com/?skip=80&tag=aok.6 (дата обращения: 15.09.2018).
13. Центральному архиву Министерства обороны РФ – 70 лет! URL: http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/719-----70-.pdf (дата обращения: 13.09.2018).
14. Об отборе и сдаче на хранение архивных дел и материалов войсковых частей, соединений, учреждений и заведений Красной Армии : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0331 от 30.08.1941. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/03.html (дата обращения: 14.09.2018).
15. Об устранении недостатков в отборе и сдаче архивных материалов для хранения : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 0174 от 05.03.1942. URL: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/09 html (дата обращения: 14.09.2018).
16. О сохранении военно-исторических документов Отечественной войны и своевременной сдаче их историко-архивному отделу НКО : приказ заместителя Народного комиссара обороны № 0290 от 30.08.1944. URL: http://militera.lib.ru/ docs/da/ nko_ 1943-1945/11.html (дата обращения: 14.09.2018).

17. О персональном учете потерь и погребении личного состава Красной Армии в военное время : приказ Народного комиссара обороны Союза ССР № 138 от 15.03.1941. URL: http://soldat.ru/files/4/6/15/294/ (дата обращения: 14.09.2018).
18. Наставление по полевой службе штабов Красной Армии. М. : Воениздат НКО СССР, 1942. 256 с. URL: http://scansbooks.ru/catalog/polevaiaslujba.html (дата обращения: 14.09.2018).
19. ЦАМО. Ф. 6363. Оп. 87570с. Д. 2.
20. ЦАМО. Ф. 206. Оп. 262. Д. 1–213.

Alexander Yu. Chmykhalo, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sanichtom@inbox.ru
Peter A. Vinarskiy, Seversky Cadet Corps (Seversk, Russian Federation). E-mail: oip71@mail.ru

OPERATION VERTYACHIY OF THE RED ARMY IN THE NATIONAL MEMORIAL LITERATURE AND ARCHIVAL DOCUMENTS

Keywords: battle of Stalingrad, Don Front, the 24th army.

This research is devoted to the study of a major historical event during the Great Patriotic War, the description of which in the historical literature and archival documents is contradictory and problematic – this is the offensive of the 24 army of the Don Front in the direction of the Vertyachy Khutor, carried out from 22 to 30 November 1942. This offensive was part of a larger-scale operation "Uranus" – a counter-offensive by the Red Army troops to encircle the German fascist forces at Stalingrad.

The purpose of the research is to analyze the materials talking about the offensive of the troops of the 24th army in the direction of the Vertyachy Khutor, to identify problematic aspects in the description of the events of this operation and to outline promising areas of their study. In the course of realizing this goal, a set of tasks was solved: a comparative historical analysis of the content of memoir literature and archival documents, which dealt with the events of the attack on the Vertyachy Khutor, was carried out.

The main sources of the research:

firstly, the numerous memoir literature, in which the events of the Vertyachy operation are considered to one degree or another: the memoirs of the commander of the Don Front, Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky "Soldier's duty", memoirs of the deputy commander of the 24th army, General A.V. Gorbatov "Years and Wars", memoirs of the commander of the 109th tank brigade of the 16th tank corps V.S. Arkhipov "Time of tank attacks", memoirs of the commander of the 214th rifle division, General N.I. Biryukov "On the lines of fire: the 214th Kremenchug-Alexandria Rifle Division", "In campaigns and battles" of the former commander of the 65th Army, General P.I. Batov;

secondly, documents of the Red Army formations, units and subdivisions posted on the Internet portal "Memory of the People" (URL: https://pamyat-naroda.ru/), namely, operational reports, combat orders, combat reports, combat logs, directives and instructions, reconnaissance bulletins and reports, plans of operations, maps, diagrams, information from units and subunits of the 24th Army and other units, and formations of the Don Front.

As a result of the following research, the number of problematic aspects was identified in historical description of the events of this operation. Many of these aspects cannot be resolved without open access to a wider list of data on the events of the Second World War.

REFERENCES

1. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 320. List 4522. File 1–12.
2. Samsonov, A.M. (1989) *Stalingradskaya bitva* [The Battle of Stalingrad]. Moscow: Nauka.
3. Vorontsov, T.F., Biryukov, N.I., Smekalov, A.F. & Shinkarev, I.I. (1971) *Ot volzhskikh stepey do avstriyskikh Al'p: boevoy put' 4-y gvardeyskoy armii* [From the Volga steppes to the Austrian Alps: The combat path of the 4th Guards Army]. Moscow: Voenizdat.
4. Isaev, A.V. (2008) *Stalingrad. Za Volgoy dlya nas zemli net* [Stalingrad. There is no land for us beyond the Volga]. Moscow: Yauza; Eksmo.
5. Zhukov, G.K. (2002) *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. Vol. 1. Moscow: OLMA-PRESS.
6. Vasilevskiy, A.M. (1978) *Delo vsey zhizni* [Life's Work]. Moscow: Politizdat.
7. Rokossovskiy, K.K. (1969) *Soldatskiy dolg* [Soldier's Duty]. Moscow: Voenizdat.
8. Gorbatov, A.V. (1989) *Gody i voyny* [Years and wars]. Moscow: Voenizdat.
9. Arkhipov, V.S. (2009) *Vremya tankovykh atak* [Time for tank attacks]. Moscow: Yauza; Eksmo.
10. Biryukov, N.I. (1969) *Na ognennykh rubezhakh: 214-ya Kremenchugsko-Aleksandriyskaya strelkovaya diviziya* [On the fiery lines: 214th Kremenchug-Alexandria Rifle Division]. Ufa: Bashknigoizdat.
11. Batov, P.I. (1974) *V pokhodakh i boyakh* [In campaigns and battles]. Moscow: Voenizdat.
12. Open History Project. (n.d.) Zhurnal boevykh deystviy 6-y armii. 13 noyabrya [Journal of combat operations of the 6th army. November 13]. In: *Nordriegelstellungen 1942. Nemetskie divizii v Stalingradskoy bitve* [Nordriegelstellungen 1942. German Divisions in the Battle of Stalingrad]. [Online] Available from: https://nordrigel.livejournal.com/?skip=80&tag=aok.6 (Accessed: 15th September 2018).
13. Anon. (n.d.) *Tsentral'nomu arkhivu Ministerstva oborony RF – 70 let!* [The Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation is 70 years old!]. [Online] Available from: http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/719-----70-.pdf (Accessed: 13th September 2018).
14. USSR. (1941) *Ob otbore i sdache na khranenie arkhivnykh del i materialov voyskovykh chastey, soedineniy, uchrezhdeniy i zavedeniy Krasnoy Armii: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuza SSR № 0331 ot 30.08.1941* [On the selection and deposit of archival files and materials of military units, formations, institutions and institutions of the Red Army: Order No. 0331 of the People's Commissar of Defense of the USSR dated 08/30/1941]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/03.html (Accessed: 14th September 2018).
15. USSR. (1942) *Ob ustranenii nedostatkov v otbore i sdache arkhivnykh materialov dlya khraneniya: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuza SSR № 0174 ot 05.03.1942* [On elimination of shortcomings in the selection and delivery of archival materials for storage: Order No. 0174 of the People's Commissar of Defense of the USSR dated March 5, 1942]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1941-1942/09 html (Accessed: 14th September 2018).
16. USSR. (1944) *O sokhranenii voenno-istoricheskikh dokumentov Otechestvennoy voyny i svoevremennoy sdache ikh istoriko-arkhivnomu otdelu NKO: prikaz zamestitelya Narodnogo komissara oborony № 0290 ot 30.08.1944* [On the preservation of military-historical documents of the Patriotic War and their timely submission to the historical-archival department of the NCO: Order No. 0290 of the Deputy People's Commissar of Defense of August 30, 1944]. [Online] Available from: http://militera.lib.ru/ docs/da/ nko_ 1943-1945/11.html (Accessed: 14th September 2018).
17. USSR. (1941) *O personal'nom uchete poter' i pogrebenii lichnogo sostava Krasnoy Armii v voennoe vremya: prikaz Narodnogo komissara oborony Soyuza SSR № 138 ot 15.03.1941* [On the personal registration of losses and burial of the personnel of the Red Army in wartime: Order No. 138 of the People's Commissar of Defense of the USSR of March 15, 1941]. [Online] Available from: http://soldat.ru/files/4/6/15/294/ (Accessed: 14th September 2018).
18. USSR. (1942) *Nastavlenie po polevoy sluzhbe shtabov Krasnoy Armii* [Manual on the Field Service of the Headquarters of the Red Army]. Moscow: Voenizdat NKO SSSR. [Online] Available from: http://scansbooks.ru/catalog/ polevaiaslujba.html (Accessed: 14th September 2018).
19. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 6363. List 87570s. File 2.
20. The Central Archive of the Ministry of Defense (TsAMO). Fund 206. List 262. File 1–213.

УДК 930.22
DOI: 10.17323/19988613/73/9

С.Н. Щербич, О.А. Тимофеева, Э.Р. Карпова

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО В СИРОТСКИХ СУДАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Рассматривается делопроизводство в сиротских судах Тобольской губернии. Приведены примеры оформления документов: заявлений об установлении опеки над малолетними детьми, отказов опекунов от возложенных на них обязанностей, запросов на установление попечительства и выдачи наследства, отношений в другие учреждения, справок из церкви, оценочных ведомостей, выписей из метрических книг, объявлений и торговых листов о продаже имений, отчетов опекунов по управлению имением, расходно-приходных книг по опеке, рапортов опекунов в сиротский суд, описей недвижимого имущества. На основании этих документов восстановлен алгоритм процедур установления опеки, ее снятия, назначения попечительства, продажи имений.
Ключевые слова: сиротский суд, делопроизводство, Тобольская губерния, опекун, попечитель.

Деятельность сиротских судов с момента их появления находится в кругу исследовательских интересов многих ученых. Возможно выделить несколько аспектов деятельности сиротских судов, которые подвергаются всестороннему анализу со стороны научного сообщества: во-первых, правовая регламентация деятельности данной институции [1, 2]; во-вторых, деятельность сиротских судов и их взаимодействие с органами местного управления [3–5]; в-третьих, документальные комплексы, зафиксировавшие особенности их деятельности [6]. Определенный опыт осмысления деятельности данного социального института накоплен в современной историографии, но остается еще много аспектов, которые требуют дальнейшего изучения, и одним из них является организация делопроизводства. В данном случае предлагается рассмотреть этот вопрос на примере сиротских судов Тобольской губернии. В фокусе нашего исследования находятся два взаимосвязанных элемента любой управленческой структуры: люди и документальные комплексы, создаваемые ими. В качестве субъектов отношений выступают, с одной стороны, служащие сиротских судов, а с другой – опекуны.

В Учреждении для управления губерний 1775 г. было сказано, что городовой сиротский суд создавался для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот и его действия распространялись на тот город или уезд, в котором он учреждался [7. Ст. 293]. В связи с этим основным в деятельности суда являлись организация попечения и его документальное сопровождение. В состав сиротского суда входили председатель в лице городского головы и члены, избираемые частными собраниями купеческого, мещанского и ремесленного сословий сроком на три года, а также делопроизводитель.

Причиной заведения в сиротском суде дела могло являться прошение вдовы, уведомление городского головы, ближних родственников малолетнего, свидетельство посторонних лиц и приходского священника, повеление Наместнического правления губернии, палат, Губернского магистрата или же сообщение другого суда. В прошении, посылаемом в сиротский суд, по центру верхнего поля указывалась дата его составления, затем место отправления в дательном падеже, например: «В Тюменский сиротский суд» и имя отправителя в родительном падеже «тюменского мещанина Алексея Иванова Шахова». После этого следовало наименование вида документа «заявление» [8. Л. 310]. В тексте прошения могла указываться причина. Если основанием являлось оставшееся после умершего мещанина или купца имение, то подробно описывалось его местонахождение и наличие наследников.

После получения судом прошения в конце страницы, на свободном от текста месте, или на обороте листа председатель или кандидат председателя писал свою резолюцию, указав сведения, которые необходимо было собрать. Внизу страницы проставлялась дата исполнения.

Сиротский суд для сбора полной информации по делу отправлял запросы в другие учреждения, которые оформлялись отношениями. Формуляр этого документа выглядел следующим образом: в левой верхней части листа указывалось наименование учреждения «Тюменский городовой сиротский суд», а справа – получатель «В Тюменское окружное полицейское управление», «Причту Градо-Тюменской Спасской церкви». Затем под наименованием учреждения проставлялись дата оформления документа, его регистрационный номер и место составления. Отношения подписывали председатель сиротского суда и делопроизводитель [9. Л. 8].

Запрошенные сведения могли быть присланы отдельным документом или же оформлены на оборотной стороне того же отношения. Так, например, справка из церкви содержала в себе информацию о церкви, части метрической книги, годе составления и номере статьи записи. Если сведения содержались в первой части – «О родившихся», – то записывался их пол, родители, число и месяц рождения и крещения [8. Л. 105].

Вместо справки могла присылаться выпись из метрической книги, в названии которой указывался номер части, ее название и год. Так, при использовании третьей части – «Об умерших» – выписывались порядковый номер записи, пол, месяц и день смерти и погребения, звание, имя и возраст умершего, причина смерти. Помимо этого, указывали лиц, проводивших исповедь и приобщение, и информацию о месте погребения. Выпись из первой части – «О родившихся» – содержала порядковый номер записи, пол и имена родителей, имя новорожденного с указанием даты рождения и крещения. Также записывали лиц, совершивших таинство крещения, и свидетелей записи [9. Л. 9].

Помимо вышеприведенных документов, из городской управы запрашивался посемейный список, составленный на определенный год. Данный список составлялся в табличной форме, в 1-й и 2-й графах которого записывалось порядковый номер записи о семействе и номер по ревизской сказке, в 3-й – звания и имена лиц мужского пола. Информация о возрасте заносилась в графы 4–6. При этом в столбце 4 указывался возраст, записанный в ревизской сказке, в 5 – лета к 1 января того года, в котором составлен посемейный список, а в 6 – дата рождения по метрике. В графе 7 проставлялась отметка о прибыли и убыли лиц мужского пола после составления списка, а в 8 – отметка о поступивших по призыву на действительную службу ко времени составления посемейного списка и в течение предшествующих шести лет, с указанием года призыва. Лица женского пола, являющиеся членами семейства, записывались в графе 9 [8. Л. 98].

Установление же опеки над имениями совершеннолетних жителей производилось мещанским собранием и оформлялось приговором, в котором записывались дата его проведения, причина созыва и принятое решение. Данный документ подписывали все присутствующие мещане [Там же].

Назначенный опекуном горожанин мог отказаться от возложенных обязанностей, но для этого у него должны были быть уважительные причины. К ним относились болезнь, растрата собственного состояния или же нехватка времени в связи с занятостью из-за другой деятельности. Отказ в назначении оформлялся заявлением, в котором прописывались причины. В верхней части листа указывались получатель и отправитель [10. Л. 5].

При установлении опеки над совершеннолетними горожанами вследствие сумасшествия, глухоты, немоты или расточительного образа жизни сиротским судам необходимо было опубликовать информацию в Сенатских объявлениях по образцу, представленному в Собрании узаконений и распоряжений Правительства от 16 декабря 1889 г. № 140. Обязательным было указание учредителя опеки, причины, основания ее установления и лица, находящегося под присмотром [Там же. Л. 7].

Имущество малолетнего, переданного под опеку, подлежало оценке, которая оформлялась документом «Частная оценочная ведомость оценочной комиссии». Текст ведомости был представлен в анкетной форме, в ней содержались заранее напечатанные вопросы, на которые необходимо было ответить оценщикам. Помимо этого, часть информации заполнялась в табличной форме «Ежегодные расходы и доходы», в графах которой указывались предметы дохода и расхода, их оценка серебром и примечание. В конце документа записывалась общая оценка имущества по стоимости и по доходности. Подписывали ведомость член оценочной комиссии и опекун [Там же. Л. 49].

После проведения процедуры оценки имущества опекуну выдавалось наставление, примерная форма которого была приведена в «Учреждении для управления губерний». Текст данного документа представлял собой выписку статей из свода законов Российской империи. При этом содержание документа могло быть различным. Во-первых, могла использоваться форма, включавшая статьи по таким пунктам, как возраст и права несовершеннолетних, обязанности опекунов по попечению, управлению имуществом малолетнего и по их тяжбам и искам [8. Л. 115]. Во-вторых, текст наставления мог ограничиваться двумя пунктами: «О попечении малолетних», «На управление имуществом малолетних» [7. Ст. 305].

Опекуны были обязаны ежегодно сдавать отчеты и шнуровые книги, которые вместе с рапортом отправляли в сиротский суд. Отчет представлял собой таблицу, в графах которой указывались статьи по приходу или расходу и их сумма серебром в рублях и копейках. В наименовании документа записывались опекун, являющийся составителем, предмет его опеки и год составления отчета [Там же. Ст. 209].

Что касается оформления шнуровых книг, то по центру верхнего поля указывалось наименование документа с обозначением опеки и даты ее начала, например: «Книга на записку прихода и расхода сумм по опеке умершего Ялуторовского мещанина Михаила Александрова Первухина». Текст оформлялся в табличной форме, состоящей из 4 граф. В них указывались месяц и число внесения записи, относилась ли она к приходу или расходу и сумма. Книгу подписывал опекун [11. Л. 20].

При оформлении опекунами этих документов нередко встречались ошибки, неточности, поэтому Тобольское губернское правление присылало в сиротские суды разъяснения. Например, рекомендовалось группировать в отчетах статьи прихода и расхода по предметам. Если опека была установлена над имениями с наследниками, то следовало дать пояснения по поводу места их проживания и средств для содержания. Часты были нарекания по оформлению шнуровых книг, в частности отмечалось отступление от присылаемой, не заполнялась графа, предназначенная для указания даты внесения записи. Помимо этого, для нумерации статей прихода и расхода оформлялась одна графа. Что касается содержания книги, то все записи должны были содержать расписки квартирантов и других лиц об уплате денег, записанных в таблицу с приложением документов (квитанции, расписки). В случае непредставления указанных бумаг опекун обязан был предоставить объяснения [12. Л. 25].

На основании предоставленных опекунами отчетов в сиротском суде составлялся сводный отчет о состоя-

нии опек, который отправлялся в Губернский магистрат. Если по каким-либо причинам опекуны не представляли отчеты, то сиротским судам предоставлялось право командировать своих членов в квартиры опекунов для проверки капитала и имущества, вверенных им в управление, и их состояния сохранности. Вместе с тем в обязанность командированных чиновников входили установление новых сроков для представления отчетов на ревизию и оказание помощи в правильном их составлении. Если сроки нарушались во второй раз, то опекунам назначался штраф в пользу казны.

Требования к оформлению отчетов содержались и в указах Тобольского Губернского правления от 29 декабря 1887 г. и 13 мая 1888 г. Так, в первом из них говорилось о том, что в начале отчетов по опекам необходимо было помещать сведения о дате начала опеки, лицах, в ней состоящих, и наследниках, их возрасте и кто управляет опекой [13. Л. 170]. Второй же указ был издан в связи с тем, что сиротские суды не представляли в срок реестры о домах в опеке или отправляли неполные реестры, без отметок. В связи с этим суды получили новую форму ведомости, в которую необходимо было вносить следующие данные: ФИО лица, давшего обязательства, вопрос, срок, адресат, размер долга, место предъявления иска, а также действия опеки [9. Л. 9].

Опекун в процессе управления имением мог прийти к выводу о необходимости его продажи или внесения под залог для уплаты долгов или же по другим причинам. Он подавал рапорт в сиротский суд, который затем отправлялся в Гражданскую палату с приложением мнения опекунского учреждения, в Губернское правление и далее в Правительствующий Сенат, который и принимал решение по этому вопросу. После этого опекуны могли продать имение под контролем сиротского суда по вольной цене в пользу малолетнего. В рапорте опекуна записывались выставляемое на продажу имущество, его оценка и причина продажи. После основного текста проставлялись дата составления рапорта и подпись опекуна или же, при его неграмотности, другого лица. В последнем случае указывалось: «За неграмотного по его личной просьбе расписался» [14. С. 50–51].

При наличии в имуществе вещей, подверженных тлению и приводящих к убытку в результате последующего хранения, опекуну необходимо было разрешение Правительствующего Сената с приложением особых реестров с оценкой для проведения торгов. При этом разрешалась продажа движимого имения, подверженного тлению и порче [9. Л. 14]. При этом все строения, находящиеся на продаваемом участке земли, включались в опись строениям с указанием их владельца и местоположения. В наименовании документа записывалась дата его составления. Текст описи оформлялся в виде таблицы, состоящей из 3 граф. В них записывались наименование строения, их оценка в рублях и копейках и отметки оценщика, представляющие собой запись суммы в словесной форме. При этом общая оценка давалась после перечисления строений. Опись подписывалась опекуном, городским оценщиком и присутствующими членами сиротского суда [8. Л. 205].

После получения из Сената разрешения на продажу имения сиротский суд доводил до сведения городских жителей эту информацию посредством объявлений, включающих сведения об основании для проведения публичных торгов, имя прежнего владельца имущества, его адрес и описание. После этого указывалась сумма оценки имения по описи, произведенной присяжными оценщиками, с которой начинался торг. Заинтересованные в покупке лица могли обратиться к опекуну, чье имя указывалось в объявлении. В конце текста проставлялись дата его составления, а также подписи председателя сиротского суда и делопроизводителя [Там же. Л. 12].

В день проведения назначенных торгов составлялся торговый лист на продажу имения. Наименование документа записывалось по центру верхнего поля листа с указанием прежнего владельца имущества, его местоположения и даты проведения торгов. Сведения заносились в следующие графы таблицы: наименование строений, оценка в рублях и копейках, кому продано имущество и сумма продажи. После таблицы указывались лицо, производившее продажу, и присутствующие лица, которыми являлись председатель и члены сиротского суда. В случае, если торги не состоялись, записывались дата их проведения и следующая фраза: «За неявкою покупателей торги не состоялись». Также после указания присутствующих лиц назначалась новая дата в виде резолюции сиротского суда, которую подписывали председатель, члены и делопроизводитель [Там же. Л. 25].

При достижении 17-летнего возраста малолетний мог отправить запрос для установления попечительства. Для этого в сиротский суд подавалось заявление, в котором он просил снять опеку и установить попечительство с указанием выбранного им попечителя. При этом несовершеннолетний мог также затребовать выдачу унаследованных денег. После этого избранное в попечители лицо должно было подписаться в согласии на назначение. При указании же отправителя указывались его имя и место проживания с обозначением фамилии владельца дома [Там же].

О числе опек сиротские суды отчитывались перед Тобольским губернским правлением, предоставляя общую ведомость о состоянии опек. Сведения, заносимые в таблицу, содержали информацию о числе опек в отчетном году и количестве дел к началу нового года, а также вновь открытых и прекращенных из-за достижения опекаемыми лицами возраста или по другим причинам. Отдельно записывалось число опек, остающихся в ведении сиротского суда по малолетству, безумию, сумасшествию и глухонемоте от рождения. В дополнение к этому указывались ценность имущества, состоящего в опекунском управлении, общий валовый доход, расход на содержании наследников и управление имением, количество полученных и отправленных отчетов сиротским судом [15. Л. 36].

Сиротские суды обязаны были предоставлять отчетные документы также губернскому прокурору. К ним относилась ведомость о неисполнении решений, состоящая из трех частей. В первую часть включались

сведения об общем числе неисполненных решений к началу отчетного года. Вторая часть содержала информацию о том, когда они должны были быть исполнены (с установленными сроками более 15 и 10 лет) и остались не приведенными в исполнение за последние восемь лет. В третью часть вносились данные об учреждениях и лицах, по вине которых исполнение решения было приостановлено. К ним могли относиться министерства, генерал-губернатор и начальник губернии, губернские правления, управы благочинные, палаты казенных и государственных имуществ, судебные места 1-й и 2-й степени, другие места ведомства министерства юстиции, городовая и окружная полиция.

Анализ материалов делопроизводства сиротских судов Тобольской губернии позволяет реконструировать этапы их деятельности от назначения опеки до ее снятия, документационное сопровождение данных процедур, действия опекунов и попечителей. Кроме того, эти документы фиксируют правоприменительную практику относительно детей-сирот и вдов. В области делопроизводства сиротских судов четкого соблюдения правил не прослеживается при наличии простых унифицированных форм документации. Основной причиной являлось малограмотность опекунов и их доверенных лиц, что неизбежно приводило к ошибкам в оформлении как первичных документов, так отчетов сиротских судов Тобольской губернии.

ОБРАЗЦЫ ДОКУМЕНТОВ

18 января
В Тюменский Сиротский Суд,
Тюменского мещанина,
Алексея Иванова Шахова,

Заявление.

По смерти Тюменского мещанина Андрея Петрова Нагибина, умершего тому назад около 10 лет, остается пустопорожнее с места земли, состоящее в 3 уч. г. Тюмени за рекою Турою по Набережной улице, выходя со двора тюменского мещанина Степана Степанова Коколникова, а с левого тюменского мещанина Васютина.

Наследниками к означенному пустопорожнему месту земли считаются малолетние дети тобольского мещанина Дмитрия Павлова Хмельницкого, а именно: девица Марья 12 лет и сын Алексей 6 лет, рожденные от родной внучки Нагибина, почему и представляется необходимым учредить над означенным местом земли опеки, потому более увольнение, что означенное место земли может приносить значительный доход, ибо оное до сего времени находилось в арендном содержании тюменского мещанина Петра Львова Рогожникова под окладом лесных материалов по условию, которому срок ныне окончился.

О чем заявляя Сиротскому Суду покорнейше прошу учредить над малолетними наследниками – детьми умерших Хмельницких, проживающими у Тюменского мещанина Николая Шахова, а опеку с назначением в оную опекуном для воспитания сирот.

Января 18 дня 1890 г.

Алексей Шахов

Предварительно учрежденной опеке затребовать сведения об имении умершего мещанина Андрея Нагибина, а равно и о семействе из Тюменской арендной Управы и о семействе Хмельницкого из Тобольской Городской Управы.

Кандидат Председателя *Я. Рогожникова*

Исп. 22 января №№ 89 и 90

ТЮМЕНСКИЙ
ГОРОДСКОЙ
СИРОТСКИЙ СУД
Августа 7 дня 1912 г.
№ 473
г. Тюмень

Причту Градо-Тюменской Спасской церкви

Сиротский Суд просит Причту прислать ему метрические справки о смерти и погребении Ишимского мещанина, умершего около 2 месяцев, Федора Евстафьева Темченкова и о рождении и крещении детей его: Любовь 13 лет и Александры 6 лет для приложения к делу опеки.

Председатель
Делопроизводитель

9 марта

В метрической книге Градо-Тюменской Спасской церкви за тысяча восемьсот девяностый год (1890) год, в первой части о родившихся, в статье под № 12 мужского пола значится так: родился пятнадцатого (15), а крещен двадцать второго (22) февраля Павел, законный. Мать. Владимирской губернии Ковровская мещанская вдова Александра Павлова Колесова, православная.

В том удостоверяем своим подписью с приложением церковной печати 1890 года 8 марта.

Псалмописец Николай Смольнов

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, ОБ УМЕРШИХ за 1912 год

Счет о умерших		Месяц и день		Звание, имя, отчество и фамилия умершего	Лета умершего		Отчего умер	Кто исповедовал и приобщал	Кто совершал погребение и где погребен
мужского	женского	смерти	погребения		мужского	женского			
52		июнь 22	24	Федор Михалов Темченко, Ишимский мещанин	56		От старости	Священник Георгий Волков	Священник Георгий Волков с дьяконом Александром Комаровым

С подлинным верно
Протоирей Андрей Грамматин
1912 г. Августа 10 дня
№ 478 дьякон Александр Комаров

Получено 12 Октября
В Ялуторовский Городовой Сиротский Суд
Секретаря оного Ивана Иванова Бурдакова
Заявление

На предъявленный мне приговор мещанского общества о выборе опекуном к имуществу чиновника Страуфмана имею честь заявить Сиротскому Суду, что при многосложных обязанностях по должностям Секретаря Городско Думы, Сиротского Суда и Управы, торгового депутата и Словесного Судьи, выбор меня еще и опекуном считаю не совсем честным при том мне успевать иметь попечение об особе малолетнею и управлять его имуществам положительно не имею времени, а потому покорнейше прошу Сиротский Суд выбор меня опекуном отменить предложив мещанскому обществу не найдет ли оно возможным опекуном назначить кого-либо из соседей чиновника Страуфмана.
Октября 31 дня 1887
Городской староста Н. Бурдаков

Бессарабская дворянская опека. По указу Правительствующего Сената от 20 февраля 1890 г. учреждена опека по расточительности над имуществом дворянина Александра Иванова Дульского.
С-Петербург. дворянская опека. По Высочайшему повелению, распубликованному в Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1890 г. №16, ст.48, учреждена опека над личностью и имуществом вдовы генерал-лейтенанта Марии Семеновой Акитовой.

ЧАСТНАЯ ОЦЕНОЧНАЯ ВЕДОМОСТЬ ОЦЕНОЧНОЙ КОМИССИИ
г. Тюмени

№ участка *4, за рекой Турой*
По улице
Принадлежит *Нагибину, Андрею Петровичу*
Все недвижимое имущество сего владельца занимает по улице *26/19* сажен ___ аршин по переулку *22* сажен ___ аршин
Всего в нем квадратных сажен *486*
Постройки *1, Дом одноэтажный 20 р*
2, Флигель двухэтажный 30 р
3, Надворные службы 10 р
60 р
Употребление пустопорожней земли
Общая сумма оценки По стоимости *Шестьдесят рублей*
По доходности *Пятьдесят один руб., десят коп.*

Ежегодные расходы и доходы

Предметы дохода и расхода	Серебром		Примечание
	Руб.	Коп.	

ОЦЕНКА

На основании *132 ст.* наставления, имение № *254* оценивается следующим образом
По стоимости в 60 р.
По доходности, считая таковую 10 % в 51 р.
Подлинную подписал Член Комиссии Д. Рыжиков

Эта оценочная ведомость мне предъявлена *21 января 1885 г. оценкою остаюсь доволен доверенный Нагибина, мещанин Дмитриц Павлов Хмельницкий на подлинной своей рукою подписана*

С подлинным верно: И.д. секретаря
Сверял: Письмоводитель

Отчет
Чмутина о управлении опекой Колмагорова
За 1863 год

№	Прихода	Приходу	Серебром Руб.	Коп.
1		Личного капиталу	60	12
		Недвижимые имения	351	29
		Движимые имения на	14	41
		В 1863 г. в приходе		
		Приобретено опекуном процентов на капитал	4	20
		Объяснение: наследница Татьяна по знании веры своем признается занятием тому случаю, что в течении года необходимо ремонта дома		

Опекун Григорий Чмутин

Книга на записку прихода и расхода сумм по опеке
умершего Ялуторовского мещанина Михаила Александрова Первухина

Началась 12 июля 1901 года

№№ статей	Месяц и число	Приход / Расход	Сумма р	к
		При учреждении опеки	234	80
		в оную поступило	3	
		Недвижимого имения		
		Движимого		
		Итого	237	80
	Июля	К тому поступило вновь:		
1	18	Поступили на приход деньги, внесенные мещанином Александром Васильевым Первухиным за овен, принадлежащий умершему Михаилу Первухину, приобретенный совместно с отцом всего в двадцать один руб.		
		Последовало в расход:		
		Уплачено Агенту Русского страхового общества Бурдакову за застрахование дома опеки всего семь руб. сорок коп.		
	Август	/Предвар. Свидет. №480919/	7	40
1	15			

Опекун Первухин

29 Апреля 913 г.

В Тюменский Сиротский Суд

В Т. Городскую управу 3 мая
№226-227 ст. X т.

Опекунши над имуществом умершей Марии Екимовны Темченковой Лукерии Екимовны Комаровой
Рапорт

Осталось имущество по смерти Темченоковой дом с подворными пристройками которое оценено членами Сиротского суда в 100 руб. в виду всего, строение пришло в ветхость и может со временем сгнить до возраста наследников в виду этого покорнейше просит Сиротский Суд назначить торги и продать все имущество и деньги вложить в банк на сирот Темченковой. 25 апреля 1913 года

Чем и подписуюсь – а за неграмотную по ее личной просьбе расписался
Константин Яковлев Комаров

Опись

Строениям умершего ишимского мещанина Федора Евстафьевича Темченко, состоящим на городской земле в 3 уч. г. Тюмени по 2-й Кузнечной улице под № 11-м
Составлена 24 марта 1913 года.

Наименование строения	Оценка р	к	Отметка оценщика
1 Дом деревянного строения одноэтажный, крытый деревом, в нем три жилых помещения, 1 печь и камин, кругом семь окон, три двери, при нем тесовое крыльцо	25		Двадцать пять рублей
2 Флигель деревянный, крытый деревом, в нем два жилых помещения, 1 печь, кругом 2 окна, 2 двери	15		Пятнадцать рублей
3 Амбар из теса	5		Пять рублей
4 Погреб	2		Два рубля
Ворота двухстворчатые с калиткой и пять звеньев заплотов из теса	3		Три рубля
Итого	50		

Опись производила опекунша Лукерья Екимовна Комарова неграмотная за нее расписался мещанин Федор Мащиков

Оценку налагал Городской оценщик Коршунов

Присутствовал:
Член Сиротского Суда
Находился понятый Федор Александров Дрогалин

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Тюменский Сиротский Суд объявляет, что на основании 1166 ст. X т. I ч. Зак. Гражд. и с разрешения Губернского Начальства, Судом назначены в присутствии своем на 15е число ноября н. г. публичные торг с переторжною чрез три дня на продажу состоящего на опекунском управлении недвижимого имения умершего крестьянина Тюменского округа Троицкой волости Петра Федотова Заводского находящегося в 3-м участке города Тюмени за Тюменкой и заключающегося в деревянном одноэтажном доме со службами и местом земли, которое значится по описи длинною по лицу и в задах по 7 саж. 1 арш. и поперечнику с обеих сторон по 7 саж. 2 арш.

Имение это при описи оценено присяжным оценщиком в 75 руб. с каковой цены и начнется торг.

Желающие осмотреть имение в натуре, за указанием такого могут обращаться к опекуну тюменскому мещанину Ивану Астафьеву Зырянову. Октября 8 дня 1890 г.

Председатель А. Багаев
Делопроизводитель И. Бесединых

Торговый лист

на продажу принадлежащих умершим Федору Евстафьевичу и Марии Темченковых строений, состоящих на городской земле в 3 уч. г. Тюмени по 2-й Кузнечной улице под № 11-м, на сколе, как движимость. Составлен 19 июня 1913 года.

Наименование строения	Оценка р	к	Кому продано имущество	Сумма р	к
1 Дом деревянного строения одноэтажный, крытый деревом, в нем три жилых помещения, 1 печь и камин, кругом семь окон, три двери, при нем тесовое крыльцо	25		Нестеров Андрей Дмитриевич	156	
2 Флигель деревянный, крытый деревом, в нем два жилых помещения, 1 печь, кругом 2 окна, 2 двери	15				
3 Амбар из теса	5				
Итого	45		На сумму	156	

Продажу производил Городской Аукционщик Д. Колмаков

Присутствовали:
Председатель Шетунов
Члены М. Петухов
Мих. Чукомин
Коравин

28 июня 1917
В Тюменский Сиротский Суд
Мещанской дочери гор. Ишима, Любови
Федоровой Темченко, живущей в Тюмени
по 2 кузнечной ул., в доме Комарова № 15

Заявление

В виду достижения мною 18 летнего возраста, покорнейше прошу Сиротский Суд опеку над имением и личностью моею снять и учредить попечительство, избрав попечительницею мою родную тетку Лукерью Екимовну Комарову. Независимо сего выдать мне наследственную часть денег, сколько причтется с процентами.

28 июня 1917 Любовь Федорова Темченко

На выбор меня попечительницею и на выдачу сироте денег препятствий не встречаю.
Лукерья Комарова неграмотную расписалась Мария Орловская.

ЛИТЕРАТУРА

1. Думенко О.Е. Сиротские суды в законодательстве Российской империи // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2010. № 3. С. 106–115.
2. Киприянова Н.В. Деятельность сиротского суда г. Владимира в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2010. № 1. С. 32–41.
3. Дамешек Л.М., Плотникова М.М. Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 114–120.
4. Короткова Ю.А. Особенности функционирования системы провинциальных судебных органов первой инстанции в начале XIX в. в Российской империи // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 3 (28). С. 153–156.
5. Короткова Ю.А. Социальная деятельность судебных учреждений России в 18 веке (сиротские суды Владимирской губернии) // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 59–62.
6. Думенко О.Е. Документы сиротских судов в справочниках региональных государственных архивов // Отечественные архивы. 2012. № 3. С. 30–34.
7. Учреждение для управления Губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. Т. XX. № 14392.
8. Государственный архив Тюменской области (ГБУТО ГАТО). Ф. И.32. Оп. 1. Д. 30.
9. ГБУТО ГАТО. Ф. И.32. Оп. 1. Д. 33.
10. ГБУТО ГАТО. Ф. И.188. Оп. 1. Д. 23.
11. ГБУТО ГАТО. Ф. И.32. Оп. 1. Д. 24.
12. ГБУТО ГАТО. Ф. И.188. Оп. 1. Д. 48.
13. ГБУТО ГАТО. Ф. И.188. Оп. 1. Д. 20.
14. Гуляев П.Н. Об опеках, учреждаемых на основании узаконений над имениями дворян и градских жителей, по случаю малолетства и вдовства, объявления от наследников имений споров, по залогам в банковых заведениях, казенным недоимкам, безумию и сумасшествию владельцев, расточительству и накоплению долгов, жестоким поступкам господ над крестьянами своими, и по лишению дворянства и разжалованию в рядовые // Универсальная коллекция. СПб. : Издатель Фариков, 1831. URL: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003559304#?page=59 (дата обращения: 20.05.2017).
15. ГБУТО ГАТО. Ф. И.32. Оп. 1. Д. 35.

Sofya N. Shcherbich, Tyumen State University **(**Tyumen, Russian Federation). E-mail: sofia-sh@mail.ru
Olesya A. Timofeeva, State Archive of the Tyumen Region **(**Tyumen, Russian Federation). E-mail: timofeewaolesya@yandex.ru
Elvira R. Karpova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: elle-d@mail.ru

PROCEEDINGS OF ORPHANS' COURTS IN TOBOLSK GOVERNORATE

Keywords: Orphans' Court, proceedings, Tobolsk Governorate, guardian, trustee.

One of the traditional institutions for ensuring the rights of citizens guaranteed by the state in the protection of their interests is the institution of custody and guardianship, which arose as a form of accommodating orphans left without parental care. A special agency, the Orphans' Court, established by Catherine II, was in charge of this issue. Its main tasks were to maintain, bring up, educate and protect these children. This article examines the mechanism of interaction of the court administration with guardians and trustees through the prism of written documents, which are treated as historical sources while studying the institution of custody and guardianship of the Russian Empire. The focus of the research is on the documentation templates, the requirements for their layout in accordance with the procedure for obtaining, withdrawing custody of orphans and when placing estates for sale. There are two levels of regulation: legislative, which determines the principles for organizing the activities of the Orphans' Courts and regulates the order of filing cases; local, writing down the rules of document flow in decrees and circulars of local authorities. The paperwork performed by guardians and their trustees required constant monitoring by the court, in view of the numerous inconsistencies associated with limited knowledge of the basics of document management. The main reason was the illiteracy of the guardians and their proxies, which inevitably led to errors in the execution of both primary documents and the preparation of reporting documentation. These circumstances inevitably led to distortion of information and confusion in the paperwork of the Orphans' Courts of the Tobolsk Governorate.

The article gives examples of filled-in documents: applications for the establishment of custody of small children, refusals of guardians from the duties assigned to them, requests to place under guardianship and to come into inheritance, cover letters to other institutions, official documents of the church, valuation sheets, excerpts from parish register, announcements and lists of estates for sale, estate management reports of trustees, guardianship account books, reports of guardians to the Orphans' Court, inventories of real estate. Based on these documents, the algorithm of procedures for obtaining custody, its withdrawal, appointment of guardianship, sale of estates in the Tyumen and Yalutorovsk urban Orphans' Courts of the Tobolsk Governorate in the 19th and early 20th centuries was restored.

REFERENCES

1. Dumenko, O.E. (2010) Sirotskie sudy v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii [Orphan courts in the legislation of the Russian Empire]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya – Herald of Tver State University. Series: History.* 3. pp. 106–115.
2. Kipriyanova, N.V. (2010) Activity of orphaned court of Vladimir in the end of the 18th – first half 19th century. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences.* 1. pp. 32–41. (In Russian).
3. Dameshek, L.M. & Plotnikova, M.M. (2015) Local government models in Eastern Siberia (late 18th – early 19th centuries) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 394. pp. 114–120. (In Russian).
4. Korotkova, Yu.A. (2013) Peculiarities of functioning of the system of provincial judicial authorities of the first instance at the beginning of the 19th century in the Russian Empire. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo institute – Bulletin of Vladimir Law Institute.* 3(28). pp. 153–156. (In Russian).
5. Korotkova, Yu.A. (2014) Social activities of judicial institutions of Russia in the 18th century (Orphan courts of the Vladimir Province). *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian Legislation*. 3. pp. 59–62. (In Russian).
6. Dumenko, O.E. (2012) Dokumenty sirotskikh sudov v spravochnikakh regional'nykh gosudarstvennykh arkhivov [Documents of Orphan Courts in Directories of Regional State Archives]. *Otechestvennye arkhivy*. 3. pp. 30–34.
7. Russia. (1775) Uchrezhdenie dlya upravleniya Guberniy Vserossiyskoy Imperii ot 7 noyabrya 1775 g. [Institution for the management of the Provinces of the All-Russian Empire from November 7, 1775]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Col. 1. Vol. XX. № 14392.
8. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I. 32. List 1. File 30.
9. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I. 32. List 1. File 33.
10. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I.188. List 1. File 23.
11. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I. 32. List 1. File 24.
12. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I.188. List 1. File 48.
13. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I.188. List 1. File 20.
14. Gulyaev, P.N. (1831) *Ob opekakh, uchrezhdaemykh na osnovanii uzakoneniy nad imeniyami dvoryan i gradskikh zhiteley, po sluchayu maloletstva i vdovstva, ob"yavleniya ot naslednikov imeniy sporov, po zalogam v bankovykh zavedeniyakh, kazennym nedoimkam, bezumiyu i sumasshestviyu vladel'tsev, rastochitel'stvu i nakopleniyu dolgov, zhestokim postupkam gospod nad krest'yanami svoimi, i po lisheniyu dvoryanstva i razzhalovaniyu v ryadovye* [On trusteeships established on the basis of legalizations over the estates of noblemen and city residents, on the occasion of childhood and widowhood, announcements from the heirs of estates of disputes, on pledges in banking institutions, state arrears, insanity and madness of owners, waste and accumulation of debts, cruel acts of masters over peasants by their own, and by deprivation of the nobility and reduction to the rank]. St. Petersburg: Izdatel' Farikov. [Online] Available from: http://dlib.rsl.ru/viewer/01003559304#?page=59 (Accessed: 20th May 2017).
15. The State Archives of Tyumen Region (GBUTO GATO). Fund I. 32. List 1. File 35.

УДК 930
DOI: 10.17323/19988613/73/10

А.В. Якуб

РОССИЙСКОЕ БЮРО ФИЛАТЕЛИИ: ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИЛАТЕЛИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00153.

На основе анализа официальных и ведомственных источников определяются место и роль первой государственной филателистической организации – Российского Бюро Филателии. Выявляются значение и роль этой организации в ситуации «двоевластия», возникшей после создания альтернативной государственной Организации Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей. Определяются причины поражения Российского Бюро Филателии в борьбе за господство в государственном сегменте филателистического движения Советской России первой половины 1920-х гг.

Ключевые слова: Народный Комиссариат почт и телеграфов, Российское Бюро Филателии, филателия, государственные и общественные организации.

В первые годы после Октябрьской революции и установления советской власти в филателистическом движении России каких-либо кардинальных изменений не происходило, ибо в списках революционных преобразований филателия пока еще не значилась. Тем не менее к началу 1921 г. идея создания государственной организации в области филателии, которая бы не только регулировала, а главным образом контролировала развитие филателии в стране и связи коллекционеров с заграницей, становится все более востребованной. Одним из ключевых вопросов во внешней политике РСФСР после окончания Гражданской войны оставался вопрос о сохранении или смягчении монополии внешней торговли, ставшей основой внешнеэкономической деятельности советского государства практически сразу же после победы Октябрьской революции [1]. Особенно актуальным он стал в связи с переходом к новой экономической политике, с одной стороны, и необходимостью пополнения золотовалютных запасов страны – с другой. Дополнительным стимулом для запуска в жизнь проекта огосударствления филателии стал голод, охвативший значительную часть губерний страны в конце 1920 – начале 1921 г. и заставивший советское руководство изыскивать новые способы получения дополнительных финансовых ресурсов, в том числе и в виде иностранной валюты.

В этой ситуации оказалось, что столь далекое, на первый взгляд, от большой экономической политики занятие, как филателия, могло превратиться в весьма существенный дополнительный источник доходов, поступавших из-за рубежа. Это объяснялось возрастающим спросом на российские филателистические материалы со стороны как отдельных зарубежных коллекционеров, так и солидных марочных фирм и торговцев. В итоге перед советскими государственными органами в условиях новой экономической политики встал выбор: отпустить филателистическую торговлю в свободное плавание или поставить ее под жесткий государственный контроль.

Эта дилемма уже в начале 1921 г. столкнула между собой два потенциальных варианта развития государственной филателии в РСФСР. Собственно, инициатором создания специальной государственной организации в области филателии стал Ф.Г. Чучин, который в то время был председателем Чрезвычайной Комиссии по ликвидации неграмотности Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей, одновременно являясь председателем экспертной комиссии при Наркомате внешней торговли (НКВТ) и начальником отдела художественных ценностей.[2–6]. Его инициатива опиралась на факт появления 7 февраля 1921 г. постановления СНК РСФСР «О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли». Согласно постановлению, при НКВТ создавались специальные экспертные комиссии, на которые возлагались отбор, классификация, оценка и учет художественных и антикварно-исторических предметов, а также предметов роскоши, которые могли быть реализованы за рубежом [7].

В июле 1921 г. он, опираясь на поддержку Н.К. Крупской, обратился в СНК РСФСР с предложением создать соответствующую государственную структуру, отвечавшую за реализацию марочных запасов за рубежом. Первоначально планировалось, что такая организация будет создана при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности Комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей. Ф.Г. Чучин сумел заинтересовать В.И. Ленина, который предложил рассмотреть его проект на Малом Совнаркоме. Основу этого проекта составлял принцип монополии внешней торговли, который должен был быть распространен в том числе на филателию. Однако из-за отъезда Ф.Г. Чучина в командировку дальнейшее продвижение проекта было приостановлено. Помешала Ф.Г. Чучину и командировка Л.Б. Красина, который как представитель НКВТ должен был дать соответствующее согласование предлагаемому проекту [8. С. 349–350]. Более того, В. Кулаков высказывает предположение, что препоны проекту Ф.Г. Чучина в недрах

бюрократической системы чинились намеренно, причем по инициативе ряда чиновников Народного комиссариата почт и телеграфов (НКПиТ), которые были связаны с нелегальной, в том числе зарубежной, торговлей марками [8. С. 349–350].

Тем не менее Ф.Г. Чучин не сдался и продолжал искать своему проекту высоких покровителей. Эту роль взял на себя председатель ВЦИК РСФСР М.И. Калинин, который с 18 июля 1921 г. возглавил созданную Центральную Комиссию помощи голодающим (ЦК Помгол), одной из задач которой было изыскание средств (государственных, общественных и собранных за границей) для борьбы с разразившимся в стране голодом [9].

Однако инициатива в борьбе за огосударствление филателии пока сохранялась за противниками Ф.Г. Чучина. Результатом противостояния стало появление второго проекта по созданию государственной организации в области филателии. Инициатором этого проекта выступило руководство Народного комиссариата почт и телеграфов. 26 сентября 1921 г. на заседании СНК РСФСР был рассмотрен проект постановления Совнаркома об образовании бюро филателии при НКПиТ. Итогом обсуждения было принятие соответствующего постановления СНК РСФСР, в котором предписывалось: «…1) предоставить исключительное право и вменить в обязанность Наркомпочтелю руководить всей филателистической (по собиранию знаков почтовой оплаты) работой в РСФСР и регулировать таковую работу РСФСР с другими государствами, исключая торговлю; 2) для проведения вышеуказанных заданий образовать при Наркомпочтеле Российское бюро филателии; 3) для успешного выполнения работы в области филателии Наркомпочтель, в лице Российского бюро филателии, производит изъятие всего филателистического материала от всех ведомств, классифицирует таковой, передает его соответствующим ведомствам и следит за сохранением и развитием интересов государства во всех случаях филателистической жизни страны; 4) вся филателистическая работа при Народном Комиссариате почт и телеграфов производится без увеличения его штатов» [10].

На следующий день, 27 сентября 1921 г., появляется соответствующий приказ наркома почт и телеграфов В.С. Довгалевского, согласно которому в структуре Наркомпочтеля под его личным контролем создавалось Российское Бюро Филателии (РБФ). В состав РБФ вошли А.В. Зискинд в качестве председателя, а также А.Г. Хальфан и К.Д. Юферов в качестве членов РБФ. Работа руководителя и членов РБФ осуществлялась на общественных началах, как дополнительная нагрузка, а вся техническая работа осуществлялась силами НКПиТ по представлению председателя Бюро и с личного утверждения наркома [11].

Статус РБФ оказался весьма противоречивым. С одной стороны, Бюро было непосредственно подотчетно НКПиТ, однако не имело самостоятельного выхода на внешний рынок. Монопольное право ведения всех зарубежных торговых операций принадлежало исключительно Наркомату внешней торговли, которому РБФ должно было передавать весь накопленный коллекционный материал для последующей его реализации на зарубежных филателистических рынках. Однако и руководство РБФ (А. Зискинд), и члены Бюро свои прямые обязанности выполняли халатно и, наоборот, прикрываясь лозунгом пополнения Государственной коллекции, беззастенчиво стали использовать открывавшиеся возможности для пополнения своих коллекций и открытой спекуляции вразрез с принципом монополии внешней торговли [12]. Неоднократные требования со стороны НКВТ о передаче ему филателистических запасов фактически руководством РБФ игнорировались.

В сложившуюся ситуацию попытался вмешаться СНК, который 30 декабря 1921 г. специальным постановлением предоставил теперь Народному комиссариату внешней торговли исключительное право на образование государственного экспортного фонда по филателии для торговли с заграницей (п. 1). НКПиТ и все другие ведомства должны были содействовать составлению государственного экспортного фонда по филателии, для чего в Российское Бюро Филателии вводился представитель Народного комиссариата внешней торговли (п. 2). Все междуведомственные комиссии, существовавшие при НКВТ, должны были осуществлять отбор соответствующих экземпляров почтовых марок музейного характера для дальнейшей передачи их по назначению. Соответственно, в состав экспертных комиссий НКВТ вводились представители НКПиТ (п. 3). Все вырученные от реализации экспортного фонда по филателии средства должны были поступать в казну (п. 4) [13].

НКВТ потребовал от РБФ передать ему все имеющиеся филателистические запасы, однако руководство последнего проигнорировало это требование и продолжило свои незаконные торговые операции по сбыту знаков почтовой оплаты за рубежом, используя каналы иностранных дипломатических миссий, расположенных в столице.

Для того чтобы, наконец, выправить положение, в начале 1922 г. было проведено междуведомственное совещание заинтересованных наркоматов, итогом которого было официальное запрещение РБФ осуществлять какие-либо зарубежные операции, для чего была издана специальная инструкция о ввозе и вывозе знаков почтовой оплаты в пределы и из РСФСР, утвержденная наркомами внешней торговли и почт и телеграфов.

Это решение подкреплялось постановлением Совета Труда и Обороны от 13 февраля 1922 г. об образовании экспортного фонда, которое обязало все наркоматы, владеющие экспортными товарами, передать их в экспортный фонд НКВТ (п. 1). Всем наркоматам, владеющим соответствующими экспортными товарами, было предписано в двухмесячный срок предоставить НКВТ точные сведения о количестве имеющихся у них экспортных товаров (п. 3) [14].

Одновременно с деятельностью РБФ в начале 1922 г. получил свое продолжение представленный Ф.Г. Чучиным проект создания альтернативной государственной организации в области филателии. В марте того же года было принято решение о создании Организации

Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей (ОУМП). Ее руководителем был назначен Ф.Г. Чучин. В отечественной филателии, по оценке В. Кулакова, установилось «двоевластие» [8. С. 353].

Ситуация дополнялась тем, что руководство РБФ первоначально имело возможность оказывать определенное влияние на эмиссионную политику НКПиТ и поэтому использовало любые возможности для подготовки и введения в почтовый оборот новых советских марок, часть которых, по оценке современников, носила ярко выраженный спекулятивный характер. Против подобных действий активно возражали представитель Наркомата по внешней торговле в РБФ, Уполномоченный ЦК Помгол по марочным пожертвованиям и даже Наркомат иностранных дел, которые считали, что подобные действия руководства РБФ наносят существенный вред торговому авторитету РСФСР за границей [15]. К таким выпускам относились сделанные в результате ввода новых почтовых тарифов в феврале 1922 г. надпечатки на марках РСФСР, а также на так называемых «революционных марках» (меч, разрубающий цепь), введенных в почтовый оборот в 1918 г., о чем НКПиТ официально уведомил все почтово-телеграфные учреждения РСФСР [16].

Вслед за этим Ф.Г. Чучин предпринимает ряд шагов, направленных на ослабление РБФ. Неожиданно деятельность РБФ решила проверить Рабоче-крестьянская инспекция, которая, проведя обстоятельную ревизию, констатировала злоупотребления и бесхозяйственность в деятельности РБФ. По итогам ревизии РКИ А.В. Зискинд был снят с поста председателя РБФ, а его место занял член коллегии НКВТ А.В. Мусатов. Вслед за этим летом 1922 г. последовали следственные мероприятия, на основании которых ряд чиновников НКПиТ, в том числе руководство РБФ, были арестованы [8. С. 354–355; 17].

Однако сама организация была сохранена, хотя ее дальнейшая роль в развитии филателистического движения будет постепенно снижаться, поскольку все функции по организации филателистического движения и осуществления монополии внешней торговли в области филателии в сентябре 1922 г. на основании постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О филателии» были переданы новой государственной организации, созданной при ЦК Помгол при ВЦИК РСФСР и получившей название Организация Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей [18. С. 4–5; 19].

После появления данного постановления «двоевластие» в государственной филателии начинает стремительное движение к завершению. Практически все ключевые моменты в организации государственной филателии начинают сосредоточиваться в руках Организации Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей, создание которой означало освобождение филателии от ведомственной опеки и открывало возможности для регулирования государственной филателии, минуя промежуточные структуры в виде наркоматов [20. С. 1–2]. Ф.Г. Чучин писал: «С этого времени наши задачи значительно расширились; масштаб работы увеличился; характер деятельности стал сложнее и глубже; наши цели несколько видоизменились и более конкретизировались, приобретя характер обязательного для всех граждан и учреждений закона» [Там же. С. 3].

Ситуация «двоевластия» повлияла и на развитие общественной филателии в Советской России. Среди отечественных филателистов начинается период шатания. Часть из них, преимущественно филателисты с дореволюционным стажем, входившие в филателистические организации дореволюционной и ранней послереволюционной России, тяготели к РБФ. Другая часть была склонна поддержать Организацию Уполномоченного, хотя она и пугала их своей активной деятельностью в области проведения марочной монополии во внешней торговле [21. С. 14].

В этой ситуации руководство РБФ попыталось взять под контроль начавшийся процесс возрождения общественных организаций в области коллекционирования знаков почтовой оплаты в стране. Еще в начале 1921 г. была создана Комиссия по организации Всероссийского Общества Филателистов (ВОФ) во главе с В.Х. Репманом, однако потребовалось почти два года (с начала 1921 г. по апрель 1923 г.) для того, чтобы данная цель была достигнута. В. Кулаков выделяет два этапа в работе Комиссии. На первом этапе (начало 1921 г. до середины 1922 г.) Комиссия открыто ориентировалась на РБФ, на втором этапе (середина 1922 г. – апрель 1923 г.) внутри Комиссии зарождаются разногласия, связанные с появлением Организации Уполномоченного и снижением авторитета РБФ [8. С. 356–357].

Основная схватка развернулась вокруг проекта Устава ВОФ. В июне 1922 г. в Москве Комиссия провела общее собрание филателистов Москвы, которым руководило РБФ. Было принято решение о создании Всероссийского Общества Филателистов, а проект Устава новой организации разрабатывался под влиянием РБФ. Однако этот вариант Устава содержал пункт, ставший ключевым для принципиальных разногласий между двумя государственными структурами в области филателии – РБФ и Организации Уполномоченного. Речь шла о возможности вхождения в члены общества торговцев-филателистов. Такое расширительное толкование членства в общественной организации шло вразрез с принципами государственной политики в области филателии, заложенными в постановлении 21 сентября 1922 г. о филателии в РСФСР. Один из твердых сторонников позиции Ф.Г. Чучина, выступавшего против подобной трактовки членства в Обществе, Л. Эйхфус, определяя основные задачи филателии в СССР, прямо указывал, что ключевой задачей должно было стать «очищение филателии от нездорового наносного спекулятивного элемента личной наживы коллекционеров-коммерсантов, филателистов-торговцев, спекулянтов-чиновников, фальсификаторов-мародеров и просто разных проходимцев-невежд» [22. С. 35].

Ф.Г. Чучин приложил все усилия для того, чтобы добиться исключения из Устава создаваемой общественной организации этого пункта. В итоге Административный отдел НКВД, отвечавший в том числе

за регистрацию уставов общественных организаций, принял решение об отклонении данного варианта с целью исключения спорного пункта [23. С. 30]. Второй вариант нового Устава ВОФ был утвержден уже после фактической даты рождения этой общественной организации (28 апреля 1923 г.) – в сентябре 1923 г., а его окончательная редакция была утверждена Административным отделом Центрального административного управления НКВД 29 января 1924 г. [24]. Это стало победой не только Ф.Г. Чучина, но и окончательной победой новой линии руководства страны в сфере контроля не только над государственной, но и над общественной филателией.

Тем не менее РБФ продолжало выполнять функции государственного органа, ответственного за сбор знаков почтовой оплаты. Однако его компетенция оставалась теперь сугубо ведомственной и не выходила за рамки инструкций, создаваемых в недрах Наркомпочтеля. Так, в 1922 г. на страницах официального издания НКПиТ появляется обращение руководства недавно созданного РБФ ко всем почтовым работникам на местах организовать сбор многочисленных знаков почтовой оплаты с местными надпечатками, а также марок, имеющих дефекты печати, и отправку их непосредственно в Бюро. Целью подобной инициативы провозглашалась заинтересованность РБФ в пополнении государственной коллекции знаков почтовой оплаты [25–27].

Позднее, в 1923 г., появляется циркуляр НКПиТ, согласно которому все недоставленные адресатам почтовые отправления подлежали вскрытию, и изъятые из них знаки почтовой оплаты должны были отправляться в РБФ. Но в данном случае РБФ лишь выполняло функцию посредника, поскольку в дальнейшем все эти запасы должны были поступать в Организацию Уполномоченного по марочным пожертвованиям в России и за границей, которая теперь монопольно владела правом на их реализацию за рубежом [28]. Такая процедура взаимодействия между двумя государственными организациями была подтверждена циркуляром НКПиТ от 18 января 1924 г. № 32/58, который регулировал ситуацию не только в области консолидации коллекционного бонного материала, но и филателистической продукции [29].

Однако судьба РБФ уже была предрешена. Осенью 1924 г. НКПиТ официально внес на рассмотрение в СНК СССР проект постановления о ликвидации Российского Бюро Филателии и о передаче его функций Организации Уполномоченного по филателии и бонам в СССР [30]. Было принято положительное решение, и новым постановлением СНК СССР РБФ было упразднено. Окончательную точку в судьбе РБФ поставил приказ Наркома почт и телеграфов И.Н. Смирнова от 11/12 ноября 1924 г., согласно которому Российское Бюро Филателии было ликвидировано, а сотрудники НКПиТ, занятые в деятельности бюро, освобождены от возложенных на них обязанностей [31].

Таким образом, «двоевластие» в сфере государственной филателии прекратило свое существование. Поражение Российского Бюро Филателии в борьбе за контроль над государственной филателией было фактически предопределено изначально вследствие ряда причин: во-первых, позиции руководства самого РБФ, главная цель деятельности которого сводилась к коммерциализации филателии в личных целях с нарушением принципов монополии внешней торговли, установленной государством, и даже прямой контрабанде с зарубежными контрагентами; во-вторых, поиска союзников в своей деятельности, в том числе и в общественной филателии, среди представителей старого филателистического сообщества, для которых эталоном филателистической деятельности оставалась забота о пополнении своих индивидуальных коллекций знаков почтовой оплаты; в-третьих, активной позиции, занятой руководством альтернативной государственной организации, чья деятельность все больше и больше соответствовала политико-воспитательной и идеологической роли, которая отводилась филателистическому движению в Советской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.И. Ленин о советской внешней политике. М. : Политиздат, 1979. 311 с.
2. Стальбаум Б. Ленин. Дети. Филателия // Советский коллекционер. М. : Связь, 1970. № 8. С. 3–22.
3. Александров М. Федор Григорьевич Чучин // Филателия СССР. 1977. № 10. С. 32.
4. Сладков Л. Комиссар филателии // Филателия СССР. 1977. № 11. С. 11–13.
5. Армеев Р. Взгляд сквозь годы // Филателия СССР. 1982. № 10. С. 3–4.
6. Duck Павлов П. Товарищ Анатолий // Филателия. 2019. № 2. С. 18–19.
7. О составлении государственного фонда ценностей для внешней торговли // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1921. 14 фев. № 10. Ст. 69. С. 75.
8. Кулаков В. История филателии в России и СССР (начало 1850-х – конец 1930-х гг.) // Коллекционер. М. : Союз филателистов России, 2013. Вып. 48–50. С. 302–486.
9. О Центральной комиссии помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1921. 27 сент. № 55. Ст. 342. С. 444.
10. Действия и распоряжения Правительства. Постановления СНК. II // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1921. 1 нояб. № 35-36. С. 1.
11. Приказы и циркулярные распоряжения НКПиТ. 27 сентября 1921 г. № 1284 // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1921. 1 нояб. № 35-36. С. 8.
12. Шедлинг М. Государственная филателистическая коллекция РСФСР // Советский филателист. 1922. № 1. С. 8.
13. О государственном экспортном фонде по филателии : декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. 6 фев. № 2. Отд. первый. Ст. 30. С. 20.
14. Об образовании экспортного фонда : постановление Совета Труда и Обороны // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. 1922. 3 апр. № 17. Отд. первый. Ст. 169. С. 258.
15. Раевский Б. Почтовые марки РСФСР – Briefmarken Sowietrusslands // Советский филателист. 1922. № 2. С. 4–5.
16. По вопросу о выпуске в обращение знаков почтовой оплаты в пользу голодающих, 30 декабря 1921 г. № 34/10609 // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1921. 31 дек. № 47-48. С. 7.

17. Чучин Ф.Г. Филателия и монополия – Philatelie und Monopolie // Советский филателист. 1922. № 1. С. 4–5.
18. Чучин Ф. Итоги и перспективы // Советский филателист. 1923. № 1-2. С. 1–6.
19. Якуб А.В. Государство и филателия в Советской России начала 1920-х гг.: нормативно-правовая база // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 75–78.
20. Чучин Ф. Наша годовщина // Советский филателист. 1923. № 9-10. С. 1–6.
21. Розов Б. Взгляд назад (к юбилею ВОФ) // Советский филателист. 1924. № 5 (21). С. 12–14.
22. Эйхфус Л. О задачах филателии в СССР // Советский филателист. 1923. № 1-2. С. 35–36.
23. Филателистическая хроника. Общество филателистов в Москве // Советский филателист. 1922. № 3-4. С. 30.
24. Устав Всероссийского Общества Филателистов : утв. Народным комиссариатом внутренних дел 29.01.1924 и зарегистрированный в Административном Отделе Центрального Административного Управления НКВД того же числа за № 43. М. : Изд. Уполномоченного по филателии и бонам в СССР, 1924. 41 с.
25. Ко всем работникам ведомства // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1922. 15 фев. № 5. С. 12.
26. Ко всем работникам ведомства // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1922. 8 апр. № 9. С. 11.
27. Объявление // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1922. 21 апр. № 11. С. 12.
28. Марки с нерозданной корреспонденцией – в ЦК Последгол // Советский филателист. 1923. № 5-6. С. 46.
29. Официальный отдел. Пересылка по почте бон и дензнаков // Советский филателист. 1924. № 4 (20). С. 28.
30. Филателистическая хроника. Ликвидация РБФ // Советский филателист. 1924. № 9 (25). С. 25.
31. Приказы Наркома почт и телеграфов и его заместителей. 11/12 ноября 1924 г. № 6/418 // Бюллетень Народного Комиссариата почт и телеграфов. 1924. 20 нояб. № 46. С. 1.

Alexey V. Yakub, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: avy59@mail.ru

RUSSIAN BUREAU OF PHILATELY: THE FIRST ATTEMPT OF CREATING A STATE PHILATELIC ORGANIZATION

Keywords: People's Commissariat of Posts and Telegraphs, Russian Bureau of Philately, philately, state and public organizations.

The article examines the history of the formation of the philatelic movement in the RSFSR/USSR in the 1920s, the specificity of which was manifested in the fact that the search for ways to consolidate the community of collectors was based on different, even diametrically opposed approaches. By the beginning of 1921, the idea of creating a state organization in the field of philately, which would not only regulate, but mainly control the development of philately in the country and the relations of collectors with foreign countries, was becoming more and more popular. An additional incentive to launch the project of nationalization of philately was the famine that engulfed a significant part of the country's provinces in late 1920 – early 1921 and forced the Soviet leadership to find new ways to obtain additional financial resources, including in the form of foreign currency. In the country, a desperate contention broke out between two ideas about what state philately should be. The key point in this contention remained the question of either absolute recognition of the monopoly of foreign trade in the field of philately, or its actual denial. Initially, the second approach became the predominant line in the process of forming state policy in this area, which to a certain extent fit into some general easing in the conditions of the new economic policy. Created in 1921 in the structure of the People's Commissariat of Posts and Telegraphs, the Russian Bureau of Philately, although it was a state organization, but both in terms of the composition of the leadership and the goals that these people set for themselves, actually turned into a screen for a direct violation of the state monopoly policy in the field of philately. In turn, the Organization of the Commissioner for Post-stamp Donations in Russia and Abroad, which appeared in 1922, was a bright antipode of the RBF. Its activities were based solely on the principle of the monopoly of foreign trade in the field of philately, and the management chose the tactic of relying on the so-called "ideological collectors". As a result, in the Soviet philately in 1922–1924 there was a kind of "dual power", which ended with the victory of the line of the Organization of the Commissioner. The defeat of the Russian Bureau of Philately in the struggle for control of the state philately was, in fact, predetermined initially due to a number of reasons. First, the position of the leadership of the RBF itself, where the main goal of its activities was to commercialize philately for personal purposes, in violation of the principles of the monopoly of foreign trade established by the state, and even direct smuggling activities with foreign counterparties. Secondly, the search for allies in their activities, including in public philately, among the representatives of the old philatelic community. Third, the active position taken by the leadership of an alternative state organization, whose activities increasingly corresponded to the political, educational and ideological role assigned to the philatelic movement in Soviet Russia.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1979) *O sovetskoy vneshney politike* [On Soviet foreign policy.] Moscow: Politizdat.
2. Stalbaum, B. (1970) Lenin. Deti. Filateliya [Lenin. Children. Philately]. *Sovetskiy kollektsioner*. 8. pp. 3–22.
3. Aleksandrov, M. (1977) Fedor Grigor'evich Chuchin [F.G. Chuchin]. *Filateliya SSSR*. 10. p. 32.
4. Sladkov, L. (1977) Komissar filatelii [Commissioner of philately]. *Filateliya SSSR*. 11. pp. 11–13.
5. Armeev, R. (1982) Vzglyad skvoz' gody [Look through the years]. *Filateliya SSSR*. 10. pp. 3–4.
6. Pavlov, P. (2019) Tovarishch Anatoliy [Comrade Anatoliy]. *Filateliya*. 2. pp. 18–19.
7. The Workers' and Peasants' Government (1921a) O sostavlenii gosudarstvennogo fonda tsennostey dlya vneshney torgovli [Article 69. On the formation of the State Fund of Values for Foreign Trade]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Collection of Law and Orders of the Workers 'and Peasants' Government]. Art 69. 14th February. p. 75.
8. Kulakov, V. (2013) Istoriya filatelii v Rossii i SSSR (nachalo 1850-kh – konets 1930-kh gg.) [The history of philately in Russia and the USSR (the early1850s – late 1930s]. *Kollektsioner*. 48–50. pp. 302–486.
9. The Workers' and Peasants' Government. (1921b) O Tsentral'noy komissii pomoshchi golodayushchim pri Vserossiyskom Tsentral'nom Ispolnitel'nom Komitete [On the Central Commission for Famine Relief under the All-Russian Central Executive Committee]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Collection of Law and Orders of the Workers 'and Peasants' Government]. Art. 55. 27th September. p. 444.
10. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1921a) Deystviya i rasporyazheniya Pravitel'stva. Postanovleniya SNK. II [Actions and orders of the Government. Resolutions of SNK. II]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 1st November. p. 1.
11. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1921b) Prikazy i tsirkulyarnye rasporyazheniya NKPiT [Orders and circular orders of NKPiT]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 27th September. p. 8.
12. Shedling, M. (1922) Gosudarstvennaya filatelisticheskaya kollektsiya RSFSR [State philatelic collection of the RSFSR]. *Sovetskiy filatelist*. 1. p. 8.
13. The Workers' and Peasants' Government. (1922a) O gosudarstvennom eksportnom fonde po filatelii: dekret Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR. On the State Export Fund for Philately]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Collection of Law and Orders of the Workers 'and Peasants' Government]. 6th February. Art. 30. p. 20.

14. The Workers' and Peasants' Government. (1922b) Ob obrazovanii eksportnogo fonda: postanovlenie Soveta Truda i Oborony [Resolution of the Council of Labor and Defense. On the formation of the Export Fund]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva* [Collection of Law and Orders of the Workers 'and Peasants' Government]. 3rd April. Art 169. p. 258.
15. Raevskiy, B. (1922) Pochtovye marki RSFSR – Briefmarken Sowietrusslands [Postage stamps of the RSFSR – Briefmarken Sowietrusslands]. *Sovetskiy filatelist*. 2. pp. 4–5.
16. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1921c) Po voprosu o vypuske v obrashchenie znakov pochtovoy oplaty v pol'zu golodayushchikh, 30 dekabrya 1921 g. № 34/10609 [On the issue of issuing postage stamps in favor of the starving. December 30, 1921, No. 34/10609]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 47–48. p. 7.
17. Chuchin, F.G. (1922) Filateliya i monopoliya [Philately and monopoly]. *Sovetskiy filatelist*. 1. pp. 4–5.
18. Chuchin, F. (1923) Itogi i perspektivy [Results and prospects]. *Sovetskiy filatelist*. 1-2. pp. 1–6.
19. Yakub, A.V. (2020) State and philately in Soviet Russia in the early 1920s: legal framework. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University. Journal of History*. 66. pp. 75–78. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/66/9
20. Chuchin, F. (1923) Nasha godovshchina [Our anniversary]. *Sovetskiy filatelist*. 9-10. pp. 1–6.
21. Rozov, B. (1924) Vzglyad nazad (k yubileyu VOF) [Looking back. (To the anniversary of the WSF]. *Sovetskiy filatelist*. 5(21). pp. 12–14.
22. Eykhfus, L. (1923) O zadachakh filatelii v SSSR [On the tasks of philately in the USSR]. *Sovetskiy filatelist*. 1–2. pp. 35–36.
23. The Society of Philatelists in Moscow. (1922) Filatelisticheskaya khronika. Obshchestvo filatelistov v Moskve [The Philatelic chronicle. The Society of Philatelists in Moscow]. *Sovetskiy filatelist*. 3-4. p. 30.
24. The All-Russian Society of Philatelists. (1924) *Ustav Vserossiyskogo Obshchestva Filatelistov : utv. Narodnym komissariatom vnutrennikh del 29.01.1924 i zaregistrirovannyy v Administrativnom Otdele Tsentral'nogo Administrativnogo Upravleniya NKVD togo zhe chisla za № 43* [The Charter of the All-Russian Society of Philatelists, approved by the People's Commissariat of Internal Affairs on January 29, 1924, registered in the Administrative Department of the Central Administrative Department of the NKVD on the same date as No. 43]. Moscow: Izd. Upolnomochennogo po filatelii i bonam v SSSR.
25. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1922a) Ko vsem rabotnikam vedomstva [To all employees of the department]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 5. p. 12.
26. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1922b) Ko vsem rabotnikam vedomstva [To all employees of the department]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 9. p. 11.
27. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1922c) Ob"yavlenie [Announcement]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 11. p. 12.
28. Anon. (1923) Marki s nerozdannoy korrespondentsiey – v TsK Posledgol [Stamps with unsold correspondence – in the Central Committee of the Posledgol]. *Sovetskiy filatelist*. 5-6. p. 46.
29. Anon. (1924) Ofitsial'nyy otdel. Peresylka po pochte bon i denznakov [Official Department. Forwarding by post bon and denznakov]. *Sovetskiy filatelist*. 4(20). p. 28.
30. Anon. (1924) Filatelisticheskaya khronika. Likvidatsiya RBF [The Philatelic chronicle. Liquidation of the RBF]. *Sovetskiy filatelist*. 9(25). p. 25.
31. The People's Commissariat of Posts and Telegraphs. (1924) Prikazy Narkoma pocht i telegrafov i ego zamestiteley. 11/12 noyabrya 1924 g. № 6/418 [Orders of the People's Commissar of Posts and Telegraphs and his deputies. November 11/12, 1924, No. 6/418]. *Byulleten' Narodnogo Komissariata pocht i telegrafov*. 46. p. 1.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 327
DOI: 10.17323/19988613/73/11

А.И. Афоньшина

ПРОЦЕСС ПРИНЯТИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ПЯТОЙ РЕСПУБЛИКЕ ПРИ НЕОГОЛЛИСТАХ (Ж. ШИРАКЕ И Н. САРКОЗИ)

Рассматривается процесс принятия внешнеполитических решений во время президентства Жака Ширака и Николя Саркози, а именно: включенные в процедуру институты, роль президента в процессе принятия внешнеполитических решений. Автор ссылается на период становления Пятой республики, на Конституцию 1958 г., принятую при основателе голлизма – Шарле де Голле. Таким образом, можно проанализировать эволюцию в развитии институтов, участвующих в данном процессе, а также понять, почему в современной Франции президент остается ключевой фигурой в выработке внешнеполитического курса страны.
Ключевые слова: неоголлисты, Жак Ширак, Николя Саркози, процесс принятия внешнеполитических решений, внешняя политика Франции.

Как и в любой стране, процесс принятия внешнеполитических решений во Франции имеет свои особенности, вытекающие из государственного устройства. В Пятой республике одной из ключевых фигур, принимающих решения, касающиеся внешней политики, является президент. Именно с ним у граждан ассоциируются все внешнеполитические решения, именно президент является той фигурой, которая олицетворяет собой преемственность политического курса и определяет основную концепцию внешней политики на ближайшие пять лет (или семь лет до реформы 2000 г. [1]), учитывая тот факт, что в течение одного или двух президентских сроков министр иностранных дел может меняться несколько раз.

Итак, согласно Конституции Пятой республики, президент является гарантом национальной независимости, целостности территории, соблюдения международных договоров [2. Ст. 5], он аккредитует послов и чрезвычайных посланников в иностранных государствах [Там же. Ст. 14]. Однако, согласно ст. 20 Конституции, правительство определяет и проводит политику нации, а парламент должен утвердить объявление войны и ратифицировать некоторые договоры [Там же. Ст. 20]. Следует заметить, что правоприменительная практика трактует ст. 5 Конституции в пользу расширения полномочий президента. Так как президент является гарантом Конституции и национальной независимости страны, начиная с 1959 г. (т.е. с момента вступления в должность Шарля де Голля) сфера внешней политики является преимущественно президентской (domaine réservé par excellence). С данной идей выступил Жак Шабан-Делмас, президент Национальной Ассамблеи, 15 ноября 1959 г. во время конгресса партии «Союз в поддержку новой республики», заявив, что сфера ответственности президента – это Алжир, иностранные дела и политика обороны, остальные же сферы остались открытыми [3].

Следует заметить, что в той политической ситуации (война в Алжире, кризис в отношениях НАТО и Франции, необходимость франко-германского сближения) Франции был необходим сильный лидер, которого и олицетворял собой Шарль де Голль. Именно поэтому не было особых возражений по поводу интерпретации Основного закона страны, даже если такая позиция вступала в конфликт с ст. 20 Конституции. Хотя Джордж Помпиду, бывший в то время премьер-министром, считал, что не может быть никакой преимущественно президентской сферы ответственности, став президентом, он так же, как и де Голль, принимал основные решения по внешней политике [4. P. 85].

Значительные изменения произошли лишь к 90-м гг. XX в., во время очередного «сожительства» (cohabitation – ситуация, когда премьер-министр и президент относятся к разным партиям). Еще будучи премьер-министром при президенте Ф. Миттеране, Жак Ширак желал контролировать и внешнюю политику. В итоге была выработана следующая схема: сфера президентской ответственности – оборона, разоружение, франко-германские отношения, сфера ответственности правительства – Африка и Ближний Восток, ООН, внешнеэкономические связи, а также сфера общей ответственности – военные операции и основные решения, касающиеся ЕЭС [5. P. 75]. Во время первого президентского срока Жака Ширака ему также пришлось столкнуться с проблемой правительства «сожительства». С 1997 по 2002 г. министр иностранных дел Юбер Ведрин в правительстве Лионеля Жоспена занимался вопросами франко-британского сотрудничества (встреча на высшем уровне в Сан-Мало, 1998 г.), выступал против однополярного мира, возглавляемого США, стараясь находить баланс интересов между премьер-министром и президентом.

Лишь в 2008 г., во время грандиозной конституционной реформы, премьер-министр Франсуа Фийон за-

явил, что больше не существует преимущественно президентской сферы ответственности, считая, что парламент также является актором дипломатии Франции. Согласно новым поправкам контроль законодательной ветви власти над исполнительной усиливается. Отныне в случае развертывания французского контингента за границей законодательная власть должна быть проинформирована исполнительной в течение трех дней с момента начала операции. Если миссия длится более четырех месяцев, парламент должен одобрить их пребывание сверх данного срока. А Счетная палата, в свою очередь, имеет право следить за расходами Елисейского дворца, что также ограничивает полномочия президента. Кроме этого, новые поправки в Конституцию позволяют президенту ежегодно выступать перед парламентом, «объяснять принимаемые меры и представлять отчет о результатах» [6]. В обновленной Конституции нашли отражение и противоречия на международной арене – согласно новым поправкам в стране может проводиться референдум, касающийся принятия новых членов в Европейский союз, либо проводиться голосование обеих палат парламента, собравшихся на Конгресс [7]. Без сомнения, конституционная реформа модифицирует значительное количество статей, касающихся президента, однако она не изменяет самого содержания президентской власти. Несомненно, основные идеи, заложенные генералом де Голлем, все еще очень сильны в стране: президент – ключевая фигура, принимающая основные решения по вопросам внешней политики.

Безусловно, президент обладает целым рядом советников, штат которых значительно расширился с 1960-х гг. Огромную роль в принятии решений играет Кабинет президента (Le cabinet du président de la République française), возглавляемый Генеральным секретарем, который играет значительную политическую роль, принимая различных политических деятелей и подготавливая решения президента. Генеральный секретарь является первым советником главы государства. Вопросами внешней политики занимается дипломатический советник президента, или шерпа, как его часто называют, который возглавляет дипломатический корпус администрации, куда могут входить технические советники или советники по регионам. Чаще всего это человек с опытом дипломатической работы или же видный исследователь международных отношений. Так, Ж. Ширак в течение 12 лет в Елисейском дворце сменил трех дипломатических советников, все трое были карьерными дипломатами. Жан-Давид Левит был также дипломатическим советником Николя Саркози в течение всех пяти лет президентства и занимал видную позицию на международной арене [8], подготавливая все встречи «большой восьмерки», «большой двадцатки», консультируя президента по международной повестке дня.

Что же касается законодательной ветви власти, здесь можно отметить, что французский парламент остается достаточно пассивным в вопросах внешней политики, и парламентский контроль внешнеполитических инициатив исполнительной власти весьма ограничен. Согласно Конституции «объявление войны разрешается парламентом» [2. Ст. 35], однако даже после поправок 2008 г. это затрагивает лишь операции, длящиеся более четырех месяцев. Если рассматривать ст. 53 Конституции, то можно заметить, что большинство международных договоров могут вступить в силу только после ратификации, однако если говорить о военных договорах, то они чаще всего не представляются на рассмотрение парламенту [2. Ст. 53]. В любом случае при обсуждении международных договоров парламентарии не имеют права внести поправки или изменения в договор, и чаще всего ратификация происходит по принципу контроля, «исходя из опыта» (contrôle a posteriori). В общем, несмотря на то что и в Национальной Ассамблее, и в Сенате существуют комиссии по международным делам, куда входят депутаты со значительным опытом работы, парламент не участвует в определении основных приоритетов внешней политики – этим занимается правительство. Значительные дебаты могут происходить лишь касательно внешнеполитических деклараций министра иностранных дел или премьер-министра, но они не предполагают дальнейшего голосования. Так, в 1997 г. министр иностранных дел Юбер Ведрин спровоцировал горячее обсуждение европейской политики Франции в Сенате в преддверии Люксембургского саммита, который предполагал обсуждение дальнейшего расширения Европейского союза [9, 10]. Однако такие события случаются довольно редко, и, к сожалению, парламент не принимает значительного участия в вопросах выработки внешней политики.

Более того, в современной Франции в последнее время для ратификации европейских договоров президент часто обращается непосредственно к народу, объявляя референдум. Так, еще в 1972 г. Дж. Помпиду обратился к народу для одобрения расширения ЕЭС с шести до девяти членов, в 1992 г. Ф. Миттеран вынес на референдум вопрос о ратификации Маастрихтского договора, а в 2005 г. Жак Ширак планировал ратифицировать Европейскую Конституцию с помощью референдума. Если первые два референдума прошли достаточно удачно, то референдум в 2005 г. показал общее отношение французов к процессу европейской интеграции и к фигуре президента, который живо выступал за одобрение данного проекта [11]. Данная тенденция ратификации европейских договоров народным референдумом свидетельствует о важной роли, которая отводится европейскому направлению во внешней политике Франции.

Безусловно, одним из главных институтов, занимающихся вопросами внешней политики, является министерство иностранных дел. Однако со времен генерала де Голля данное министерство подвергается постоянным реформам. В итоге вместо усиления роли министерства, призванного заниматься отношениями Франции с внешним миром, видно, наоборот, уменьшение его роли в процессе выстраивания основных векторов внешней политики государства и, как следствие, усиление роли президента в международных отношениях, персонализация внешней политики, автономизация других институтов, которые также хотят

иметь внешние контакты, а также появление новых акторов международных отношений, таких как неправительственные организации, транснациональные компании и т.д., – все это значительно ослабляет первенство министерства иностранных дел в вопросах внешней политики [12. P. 37]. Что же касается министров иностранных дел при Жаке Шираке и Николя Саркози, то прежде всего следует отметить достаточно частую смену министров, что может иметь как положительные последствия – новый взгляд на решение внешнеполитических проблем, так и отрицательные, такие как возможное непостоянство внешнеполитического курса. Однако тут следует отметить, что все-таки исторически основные направления определяет президент, а министр иностранных дел в основном является их исполнителем. Так, в самом начале президентства Жака Ширака министром иностранных дел был назначен Эрве де Шаретт, бывший до этого министром жилищного строительства. Он не был карьерным дипломатом, однако за два года его нахождения на Кэ д'Орсе он отличился своей работой на Ближнем Востоке, во время операции Израиля «Гроздья гнева» против отрядов «Хезболлы» в Ливане, закончившейся соглашением о прекращении огня, в составлении и подписании которого участвовала Франция, что было воспринято как восстановление утраченных позиций в регионе [13]. Следующий министр иностранных дел – Юбер Ведрин – в течение пяти лет был министром при правительстве «сожительства», до этого был дипломатическим советником при президенте Ф. Миттеране. Юбер Ведрин старался находить компромисс между голлистом-президентом и социалистом-премьер-министром в вопросах ведения внешней политики, что ему хорошо удавалось благодаря опыту в качестве дипломатического советника [14]. В течение второго президентского срока Жака Ширака на посту министра иностранных дел сначала был давний сторонник президента, карьерный дипломат, государственный секретарь Елисейского дворца (глава президентской администрации) Доминик де Вильпен, который был известен своей активной позицией, совершал много зарубежных поездок. Во время кризиса в Ираке Доминик де Вильпен выступил с жесткой критикой американской интервенции в Ирак [15], считая проводимую Джорджем Бушем младшим политику «войны против терроризма» неэффективной и выступая за более мягкое решение вопросов борьбы с этой международной проблемой. Также благодаря министру в 2003 г. были подписаны соглашения Клебер, завершившие очередную гражданскую войну в Кот-д'Ивуаре, что еще раз подтвердило роль Франции в Тропической Африке [16]. Однако в 2004 г. Доминик де Вильпен был назначен министром внутренних дел, и ему на смену пришел Мишель Барнье, который, хоть и обладал значительным опытом в международных делах, не был такой выдающейся фигурой, как его предшественник. В его задачу входили оживление диалога с Соединенными Штатами, решение вопросов европейского направления французской внешней политики и задачи длительного развития [17]. На посту министра иностранных дел он также отличился тем, что успешно провел переговоры по освобождению французских журналистов, захваченных террористами в Ираке. Последним министром иностранных дел при Жаке Шираке стал Филипп Дуст-Блази, бывший до этого министром культуры и министром здравоохранения. Именно из-за отсутствия внешнеполитического опыта его часто обвиняли в некомпетентности [18], и это стало причиной отсутствия значимых и успешных политических инициатив на посту министра иностранных дел.

Николя Саркози также менял министров иностранных дел в ходе своего президентского срока. С 2007 по 2010 г. в качестве министра иностранных дел выступал Бернард Кушнер, которому удалось стать достаточно заметной фигурой в вопросах внешней политики даже при Николя Саркози, которого называли «гиперпрезидентом». Кушнер активно участвовал в переговорах по иранскому досье, первым из французских официальных лиц совершил поездку в Ирак с момента американской интервенции в страну. Однако Кушнер не вошел в новое правительство Франсуа Фийона, и на посту министра иностранных дел его сменила Мишель Аллио-Мари, ставшая первой женщиной – министром иностранных дел. Ее пребывание на посту нельзя назвать успешным, так как именно в это время начались события в Тунисе, давшие начало событиям Арабской весны, на которые министерство иностранных дел Франции не смогло вовремя среагировать. В итоге министром иностранных дел был назначен Ален Жюппе, имевший значительный опыт государственного управления и обозначивший четкую позицию Франции по вопросу кризиса в арабских странах. Париж выступил с предложением международному сообществу касательно интервенции в Ливию, охваченную гражданской войной, для защиты мирного населения [19]. Также он выступал с резким осуждением действий Башара Асада в Сирии и предложением представить его международному трибуналу [20].

Если в целом характеризовать роль министра иностранных дел, то нельзя однозначно сказать, что это только вспомогательная фигура по отношению к президенту. В данном случае многое зависит от личности министра, однако, как можно заметить из списка министров с 1995 по 2012 г., главы министерства достаточно часто менялись, что не позволило им определять не только долгосрочные, но и среднесрочные стратегии развития внешней политики. В итоге основные ориентиры определял президент, они озвучиваются на ежегодных конференциях перед послами, участие в которых принимает и министр иностранных дел. В случае, когда президент и премьер-министр являются представителями различных партий, министр иностранных дел вынужден находить баланс интересов внутри собственной страны, а не только вести переговоры на международной арене, что значительно осложняет его работу. Так, например, происходило во время длительного «сожительства» Ж. Ширака и правительства Л. Жоспена, который также хотел заниматься внешнеполитическими делами.

Еще один орган, влияющий на принятие решений в Пятой республике, появился при Николя Саркози. В 2008 г. президент создал Совет обороны и нацио-

нальной безопасности Франции, заменивший Совет по внутренней безопасности и Совет по обороне. Одним из инициаторов проекта стал Пьер Лелуш, депутат от партии Н. Саркози «Союз за народное движение» [21]. Еще начиная с момента вступления в должность Николя Саркози желал создать орган, который бы походил на американский. Однако его французский аналог не рассматривал вопросы внутренней политики, так как туда входили эксперты из министерства иностранных дел, министерства обороны, секретариата по обороне и национальной безопасности. Главой данного Совета стал дипломатический советник Н. Саркози Жан-Давид Левит [22]. Предполагалось, что Совет должен представлять свой анализ актуальных событий на международной арене президенту и премьер-министру для принятия последними окончательных решений по конкретным вопросам.

Характеризуя процесс принятия внешнеполитических решений во Франции, можно отметить, что исторически в Пятой республике данный процесс был сконцентрирован вокруг президента. Ему отводится центральная роль как гаранту Конституции, представителю государства на международной арене. Несмотря на то, что такое понятие, как «президентская сфера деятельности», достаточно спорно и вызывает сомнения как у французских экспертов, так и у политиков, нельзя отрицать, что президент играет ключевую роль в выработке решений по основным внешнеполитическим вопросам, формулировке основных направлений внешней политики. Таким образом, курс Франции в данной сфере во многом зависит от видения президента. Даже в случае «сожительства» основные направления, такие как европейское, например, негласно включаются в сферу ответственности президента. Именно поэтому важную роль в процессе принятия решений играли дипломатические советники, члены созданного при Н. Саркози Совета обороны и национальной безопасности Франции, выражавшие свое мнение по основным проблемам и влиявшие на решения, принимаемые главой государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Президенту Франции скостили срок с семи до пяти лет. URL: https://www.kommersant.ru/doc/158898 (дата обращения: 24.06.2018).
2. Конституция Французской Республики от 04.10.1958 (с изм., внесенными Конституционным законом № 60-525 от 04.06.1960, Законом № 62-1292 от 06.11.1962, Конституционными законами № 63-1327 от 30.12.1963, № 74-904 от 29.10.1974, № 76-527 от 18.06.1976, № 92-554 от 25.06.1992, № 93-952 от 27.07.1993, № 93-1256 от 25.11.1993, № 95-880 от 4.08.1995) URL: http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/france.htm#00.03.00.00.00.00.00.00.00 (дата обращения: 24.06.2018).
3. Vaïsse M. Le domaine réservé L'apport des archives présidentielles de Charles de Gaulle. URL: https://books.openedition.org/pan/356?lang=fr (accessed: 24.06.2018).
4. Lavroff D., Duprat J.-P. La conduite de la politique étrangère de la France sous la Ve République. Presses Univ. de Bordeaux, 1997. 155 p.
5. Vaïsse M. La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958. Paris : Fayard, 2009. 650 p.
6. Французский парламент одобрил конституционную реформу Николя Саркози. URL: http://lenta.ru/news/2008/07/21/france. (дата обращения: 27.04.2017).
7. Lemarié A. Révision constitutionnelle : Sarkozy face à la dissidence de ses députés. URL: http://www.lemonde.fr/politique/article/2016/02/09/revision-constitutionnelle-m-sarkozy-defend-le-oui-devant-les-deputes-lr_4861855_823448.html#ORDHLSzazxBcateE.99 (accessed: 27.04.2017).
8. Lesnes C. Jean-David Levitte, "Diplomator" à l'Elysée. URL: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/06/06/jean-david-levitte-diplomator-a-l-elysee_919608_3224.html (accessed: 24.06.2018).
9. Séance à Senat du 10 décembre 1997. URL: https://www.senat.fr/seances/s199712/s19971210/s19971210_mono.html (accessed: 24.06.2018).
10. Communiqué à la presse du 11 décembre 1997 m. Hubert Vedrine evoque devant les senateurs la situation au proche-orient et les enjeux du conseil europeen de Luxembourg. URL: https://www.senat.fr/presse/cp1112.html (accessed: 24.06.2018).
11. Крук Ю.Н. Конституция Европейского союза: история подготовки и причины провала ее ратификации // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 2. URL: http://evolutio.info/content/view/1550/232. (дата обращения: 27.04.2017).
12. Cohen S. La monarchie nucléaire : les coulisses de la politique étrangère sous la Ve République. Paris : Hachette, 1986. 271 p.
13. de Charette P. 58 ans, giscardien, ministre des Affaires étrangères de Chirac, et le don de durer sans briller. Un étranger au quai. URL: http://www.liberation.fr/portrait/1997/03/20/herve-de-charette-58-ans-giscardien-ministre-des-affaires-etrangeres-de-chirac-et-le-don-de-durer-sa_199330 (accessed: 24.06.2018).
14. Chirac : morceaux choisis des "Mémoires" d'un président // Le Monde. 2011. 08.06. URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2011/06/08/chirac-morceaux-choisis-des-memoires-d-un-president_1533302_823448.html (accessed: 24.06.2018).
15. Discours prononcé à l'ONU lors de la crise irakienne. 2003. 14.02. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Discours_prononc%C3%A9_%C3%A0_l%27ONU_lors_de_la_crise_irakienne_-_14_f%C3%A9vrier_2003 (accessed: 24.06.2018).
16. Yahmed M. Accords de Linas-Marcoussis: la vraie histoire du 'oui' de Gbagbo à Chirac // Jeune Afrique. 2003. 4 mars. URL: http://www.jeuneafrique.com/132087/politique/accords-de-linas-marcoussis-la-vraie-histoire-du-oui-de-gbagbo-chirac/ (accessed: 24.06.2018).
17. Discours de M. Jacques CHIRAC, Président de la République, à l'occasion de la clôture de la XIIeme conférence des ambassadeurs. URL: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/aout/discours_de_cloture_de_la_xiieme_conference_des_ambassadeurs.22084.html (accessed: 24.06.2018).
18. Douste-Blazy R. "Mister Bluff" au Quai d'Orsay // le Monde. 2006. 27.04. URL: https://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2006/04/27/philippe-douste-blazy-pratique-l-art-consomme-de-la-desinvolture_766167_3208.html (accessed: 24.06.2018).
19. Barluet A. Le pari gagné de Nicolas Sarkozy en Libye// le Figaro. 2011. 22.08. URL: http://www.lefigaro.fr/international/2011/08/22/01003-20110822ARTFIG00550-le-pari-gagnede-nicolas-sarkozyen-libye.php (accessed: 24.06.2018).
20. Les jours du régime syrien "sont comptés", affirme Juppé. URL: http://www.liberation.fr/planete/2011/11/28/les-jours-du-regime-syrien-sont-comptes-affirme-juppe_777844 (accessed: 24.06.2018).
21. Servenay D. Mission Bauer: comment gérer les crises depuis l'Elysée. URL: https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20070904.RUE1586/mission-bauer-comment-gerer-les-crises-depuis-l-elysee.html (accessed: 24.06.2018).
22. La diplomatie sera désormais directement gérée à l'Elysée. URL: http://archive.li/tG4i#selection-1507.0-1507.57 (accessed: 24.06.2018).

Alexandra I. Afonshina, N.I. Lobachevsky State University – National Research University (Nizhni Novgorod. Russian Federation). E-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

THE PROCESS OF MAKING FOREIGN POLICY DECISIONS IN THE FIFTH REPUBLIC UNDER THE NEO-HOLLISTS (J. CHIRAC AND N. SARKOZY)

Keywords: neo-Hollists, Jacques Chirac, Nicolas Sarkozy, the process of making foreign policy decisions, French foreign policy.

In the article the author looks upon the process of adopting decisions of external policy in France during the presidency of Jacques Chirac and Nicolas Sarkozy. It's necessary to note that the main institutions participating in the process and their roles were formed during the presidency of the founder of the gaullist movement that the presidents also adjust themselves to. According to the tradition of decision-making the president plays a vital role in the process although the Constitution doesn't directly speak about this role of the Head of State and also includes the Prime minister and the Gouvernment, the legislative. In the provisions of the 5th article of the French Constitution according to which the president is the guarantor of the national soveriegnity and unity of the state. The external policy is "mainly presidential ("par excellence" in French). During the decades and due to several "cohabitations" (the situation when the president and the prime minister are from different political parties) the Prime minister also started to play a significant role in the process making decisions on some of the foreign policy issues. For example, during the first presidential mandate of Jacques Chirac the president had for 5 years a "cohabitation" government and the Prime minister L. Jospen also participated in the process of adopting decisions of external policy. Besides, as a result of a Constitutional reform of 2008 adopted by N. Sarkozy, the legislative power gained more power in the process of controling the executive. Nevertheless, the president still plays the key role in the process elaborating the main vectors of the development of external policy of the country relying on the advisers in the Cabinet of the President, in the Ministry of Foreign Affairs. The minister of Foreign Affairs mostly is concerned with the executing the adopted decisions and trying to find the balance between the position of the President and the Prime minister rarely being independent.

A distinctive feature of the research is the fact that it was based mostly on foreign sources such as the constitution of the Fifth republic, the reserch of eminent French historians of international relations and foreign policy of France treating the question (Vaïsse M., Cohen S.). There were also analysed the statements of Jacques Chirac, the Minister of Foreign Affairs H. Vedrine. Moreover, the research is based on the materials of the French media (le Monde, le Figaro) that covers the external policy events and presents the expert's analysis.

REFERENCES

1. Kommersant.ru. (2000) *Prezidentu Frantsii skostili srok s semi do pyati let* [The French President was reduced from seven to five years]. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/158898 (Accessed: 24th June 2018).
2. The Constitution of the French Republic of 04.10.1958 (as amended by Constitutional Law No. 60-525 of June 4, 1960; Law No. 62-1292 dated November 6, 1962; Constitutional Laws No. 63-1327 dated December 30, 1963; No. 74-904 dated October 29, 1974; No. 76-527 dated June 18, 1976; No. 92-554 dated june 25, 1992; No. 93-952 dated July 27, 1993; No. 93-1256 dated November 25, 1993; No. 95-880 dated August 4, 1995). [Online] Available from: http://lawers-ssu.narod.ru/ subjects / constzs / france.htm # 00.03.00.00.00.00.00.00.00 (Accessed: 24th June 2018).
3. Vaïsse, M. (n.d.) *Le domaine réservé L'apport des archives présidentielles de Charles de Gaulle*. [Online] Available from: https://books.openedition.org/pan/356?lang=fr (Accessed: 24th June 2018).
4. Lavroff, D. & Duprat, J.-P. (2009) *La conduite de la politique étrangère de la France sous la Ve République*. Presses Univ. de Bordeaux.
5. Vaïsse, M. (2009) *La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958*. Paris: Fayard.
6. Lenta.ru. (2008) *Frantsuzskiy parlament odobril konstitutsionnuyu reformu Nikolya Sarkozi* [The French parliament approved the constitutional reform of Nicolas Sarkozy]. [Online] Available from: http://lenta.ru/news/2008/07/21/france. (Accessed: 27th April 2017).
7. Lemarié, A. (2016) *Révision constitutionnelle: Sarkozy face à la dissidence de ses députés*. [Online] Available from: http://www.lemonde.fr/politique/article/2016/02/09/revision-constitutionnelle-m-sarkozy-defend-le-oui-devant-les-deputes-lr_4861855_823448.html#ORDHLSzazxBcateE.99 (Accessed: 27th April 2017).
8. Lesnes, C. (2007) *Jean-David Levitte, "Diplomator" à l'Elysée*. [Online] Available from: https://www.lemonde.fr/societe/article/2007/06/06/jean-david-levitte-diplomator-a-l-elysee_919608_3224.html (Accessed: 24th June 2018).
9. France. (1997) *Séance à Senat du 10 décembre 1997*. [Online] Available from: https://www.senat.fr/seances/s199712/s19971210/s19971210_mono.html (Accessed: 24th June 2018).
10. France. (n.d.) *Communiqué à la presse du 11 décembre 1997 m. Hubert Vedrine evoque devant les senateurs la situation au proche-orient et les enjeux du conseil europeen de Luxembourg*. [Online] Available from: https://www.senat.fr/presse/cp1112.html (Accessed: 24th June 2018).
11. Kruk, Yu.N. (2009) Konstitutsiya Evropeyskogo soyuza: istoriya podgotovki i prichiny provala ee ratifikatsii [The Constitution of the European Union: the history of preparation and the reasons for the failure of its ratification]. *Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnosheniy*. 2. [Online] Available from: http://evolutio.info/content/view/1550/232. (Accessed: 27th April 2017).
12. Cohen, S. (1986) *La monarchie nucléaire: les coulisses de la politique étrangère sous la Ve République*. Paris: Hachette.
13. France. (1997) *de Charette P. 58 ans, giscardien, ministre des Affaires étrangères de Chirac, et le don de durer sans briller. Un étranger au quai*. [Online] Available from: http://www.liberation.fr/portrait/1997/03/20/herve-de-charette-58-ans-giscardien-ministre-des-affaires-etrangeres-de-chirac-et-le-don-de-durer-sa_199330 (Accessed: 24th June 2018).
14. *Le Monde*. (2011) Chirac: morceaux choisis des "Mémoires" d'un president. 8th June. [Online] Available from: https://www.lemonde.fr/politique/article/2011/06/08/chirac-morceaux-choisis-des-memoires-d-un-president_1533302_823448.html (Accessed: 24th June 2018).
15. Wikipedia. (2003) *Discours prononcé à l'ONU lors de la crise irakienne*. 14th February. [Online] Available from: https://fr.wikisource.org/wiki/Discours_prononc%C3%A9_%C3%A0_l%27ONU_lors_de_la_crise_irakienne_-_14_f%C3%A9vrier_2003 (Accessed: 24th June 2018).
16. Yahmed, M. (2003) Accords de Linas-Marcoussis: la vraie histoire du 'oui' de Gbagbo à Chirac. *Jeune Afrique*. 4th March. [Online] Available from: http://www.jeuneafrique.com/132087/politique/accords-de-linas-marcoussis-la-vraie-histoire-du-oui-de-gbagbo-chirac/ (Accessed: 24th June 2018).
17. Jacqueschirac-asso.fr. (n.d.) *Discours de M. Jacques CHIRAC, Président de la République, à l'occasion de la clôture de la XIIeme conférence des ambassadeurs*. [Online] Available from: http://www.jacqueschirac-asso.fr/archives-elysee.fr/elysee/elysee.fr/francais/interventions/discours_et_declarations/2004/aout/discours_de_cloture_de_la_xiieme_conference_des_ambassadeurs.22084.html (Accessed: 24th June 2018).
18. Douste-Blazy, R. (2006) "Mister Bluff" au Quai d'Orsay. *Le Monde*. 27th April. [Online] Available from: https://www.lemonde.fr/a-la-une/article/2006/04/27/philippe-douste-blazy-pratique-l-art-consomme-de-la-desinvolture_766167_3208.html (Accessed: 24th June 2018).
19. Barluet, A. (2011) Le pari gagné de Nicolas Sarkozy en Libye. *Le Figaro*. 22nd August. [Online] Available from: http://www.lefigaro.fr/international/2011/08/22/01003-20110822ARTFIG00550-le-pari-gagnede-nicolas-sarkozyen-libye.php (Accessed: 24th June 2018).
20. Liberation.fr. (2011) *Les jours du régime syrien "sont comptés", affirme Juppé*. [Online] Available from: http://www.liberation.fr/planete/2011/11/28/les-jours-du-regime-syrien-sont-comptes-affirme-juppe_777844 (Accessed: 24th June 2018).
21. Servenay, D. (2007) *Mission Bauer: comment gérer les crises depuis l'Elysée*. [Online] Available from: https://www.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20070904.RUE1586/mission-bauer-comment-gerer-les-crises-depuis-l-elysee.html (Accessed: 24th June 2018).
22. France. (n.d.) *La diplomatie sera désormais directement gérée à l'Elysée*. [Online] Available from: http://archive.li/tG4i#selection-1507.0-1507.57 (Accessed: 24th June 2018).

УДК 327
DOI: 10.17323/19988613/73/12

Го Лицзюнь, Е.Ф. Троицкий, Цзюй Чуанья

СТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ (1992–2000)

Рассматриваются основные этапы и тенденции становления политики Китая в постсоветской Центральной Азии в 1990-е гг. в контексте общей эволюции китайской внешней политики. Выделены два периода формирования и реализации центральноазиатской политики КНР, характеризующихся соответственно признанием российского лидерства в Центральной Азии и курсом на создание условий для совместного с Россией лидерства в регионе.

Ключевые слова: внешняя политика КНР, Центральная Азия, «Шанхайская пятерка», пограничное урегулирование, китайско-казахстанские отношения, российско-китайские отношения.

В последние годы выдвинутая китайским руководством инициатива «Один пояс, один путь» стала центральной темой научных и экспертно-аналитических публикаций, посвященных политике КНР в Центральной Азии. Однако малоизученными остаются истоки центральноазиатской политики Китая, а также деятельность китайской дипломатии в регионе в 1990-е гг., заложившая основу для своеобразного «большого сачка» – превращения КНР в 2000–2010-е гг. в одного из ключевых внешнеполитических партнеров для каждой из пяти стран Центральной Азии. Цель настоящей статьи – вывить основные этапы и тенденции становления политики КНР в Центральной Азии в контексте общей эволюции внешней политики Пекина.

В 1990-е гг. китайская внешняя политика стремилась прежде всего к обеспечению стабильной внешней среды, позволяющей сконцентрировать усилия на экономических реформах [1. P. 49]. Пекин успешно комбинировал во внешней политике две линии: поддержание и постепенное усиление статуса великой державы и подчеркнутый отказ от притязаний на лидерство, будь то в глобальном масштабе или в сопредельных регионах. Центральноазиатский вектор внешней политики рассматривался китайским руководством сквозь призму обеспечения безопасности западных рубежей страны, в рамках концепции «стратегического тыла» [2. P. 152]: ситуация в Центральной Азии не должна была отвлекать Пекин от решения задач на приоритетном для Китая восточноазиатском направлении.

При установлении дипломатических отношений со странами региона Китай заявлял, что в отношении центральноазиатских государств будет проводиться политика «поддержания дружественных отношений с соседями». В 1992–1993 гг. лидеры всех стран Центральной Азии посетили Китай. В апреле 1994 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн нанес официальные визиты в Казахстан, Киргизию, Туркменистан и Узбекистан. Глава китайского правительства сделал акцент на том, что КНР не стремится к созданию в регионе «сферы экономического или политического влияния» [3. P. 41].

Первоочередной задачей китайской политики в регионе стало завершение процесса урегулирования пограничных вопросов с сопредельными странами Центральной Азии, начавшегося с конца 1980-х гг. в ходе советско-китайских переговоров. В первой половине 1992 г. Китай подписал с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном коммюнике, в которых было отмечено признание результатов, достигнутых в рамках советско-китайского диалога, и выражена готовность продолжить решение пограничных проблем [4. P. 556]. Для переговоров с Китаем Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном была сформирована совместная делегация. В апреле 1994 г. Китай и Казахстан заключили соглашение о делимитации границы. В июле 1996 г. последовало подписание китайско-киргизского соглашения о границе [Ibid. P. 559, 567].

В ходе переговоров о пограничном урегулировании стороны вышли на согласование режима военной безопасности в приграничной зоне. В апреле 1996 г. в Шанхае председатель КНР и президенты России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы [5]. В апреле 1997 г. в Москве между Китаем, с одной стороны, и Россией и граничащими с КНР странами Центральной Азии, с другой стороны, было заключено соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Китайским руководством российское военное присутствие и политическое влияние в регионе воспринимались как фундаментальный фактор поддержания стабильности в Центральной Азии. Хотя официальная китайская оценка политики царской России и Советского Союза по отношению к народам Центральной Азии являлась крайне негативной [6. С. 312–317], Китай предпочитал российское лидерство в Центральной Азии усилению регионального влияния США и Турции. Так, Пекин был согласен с тем, что проблематикой межтаджикского конфликта должно заниматься Содружество Независимых Государств, положительно оценивая ключевую роль России в таджикском урегулировании [7. P. 427].

Торгово-экономическое взаимодействие между Китаем и центральноазиатскими государствами осуществлялось в основном через приграничную торговлю Синьцзяна с Казахстаном и Киргизией. В 1992 г. китайское руководство взяло курс на стремительное наращивание масштабов приграничной торговли. Летом 1992 г. Госсовет КНР утвердил стратегию либера-

лизации торговли Синьцзяна со странами Центральной Азии. Началось быстрое развертывание приграничной транспортной и торговой инфраструктуры.

По ориентировочным оценкам, уже в 1993 г. китайско-казахстанский товарооборот боле чем десятикратно превосходил уровень 1990 г. [9. P. 180–181]. В конце 1993 г. Казахстан ввел более строгие меры контроля над качеством китайского импорта, после чего темпы роста торговли снизились. По данным официальной китайской статистики, за 1992–1996 гг. объем торговли между Китаем и странами региона увеличился на 67%, причем более половины товарооборота приходилось на Казахстан [10. P. 421].

Первая половина 1990-х гг. стала временем интенсивного развития транспортных коммуникаций, связывающих Китай и страны региона. В сентябре 1990 г. был открыт переход Алашанькоу–Дружба, соединивший советскую и китайскую железные дороги. С 1992 г. между Китаем и Казахстаном было запущено регулярное железнодорожное сообщение. На межгосударственном уровне был выдвинут проект соединения автомагистрали Алматы–Бишкек с Каракорумским шоссе, связывающим Китай и Пакистан. В 1996 г. Китай, Киргизия и Узбекистан подписали соглашение о строительстве автомобильной дороги Андижан–Кашгар [4. P. 464–477].

Во второй половине 1990-х гг. китайским руководством был запущен процесс постепенного пересмотра политики в Центральной Азии, ставший отражением изменения стратегических установок КНР и эволюции региональной системы международных отношений. Было выдвинуто положение о Китае как об «ответственной великой державе», призванной нести часть ответственности за международную безопасность [1. P. 49]. Внешнеполитический курс КНР стал отличаться большей инициативностью. Китай начал принимать полноформатное участие в многосторонних структурах обеспечения безопасности в Азии. Успехи китайской экономики прошли проверку на прочность во время азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.

Хотя Центральная Азия по-прежнему воспринималась в Пекине как стратегический тыл, Китай приступил к планомерному наращиванию участия в поддержании региональной стабильности и безопасности. Китайское руководство пришло к выводу, что страны Центральной Азии становятся более уязвимыми для угроз со стороны военизированных исламских группировок, а способность России оказывать им действенную поддержку имеет тенденцию к снижению. Соответственно, Пекин начал замещать политику признания регионального лидерства России курсом на формирование условий для осуществления совместного российско-китайского «кураторства» над Центральной Азией. Дополнительным стимулом к более активной политике КНР в регионе стало расширение влияния США в Центральной Азии. В 1999 г. вследствие агрессии НАТО против Югославии в Китае прошла дискуссия о трендах мирового развития, результатом которой стали отказ от тезиса об относительном упадке державы-гегемона и признание необходимости более активной политики в соседних регионах и сотрудничества с Россией в сферах совпадающих интересов [11. P. 28]. Инструментами обновленной политики КНР в регионе стали формирование многосторонних структур взаимодействия в сфере безопасности и расширение двустороннего военно-политического взаимодействия со странами региона.

В 1997 г. Китай инициировал трансформацию механизма переговоров по пограничным проблемам в пятисторонний форум координации позиций стран-участниц по широкому кругу вопросов политики, региональной безопасности и экономики, названный «Шанхайской пятеркой». Летом 1998 г. на встрече в Алматы главы государств «Шанхайской пятерки» приняли заявление, в котором были обозначены ключевые аспекты многостороннего сотрудничества. Была выражена готовность к совместной борьбе с терроризмом и трансграничной преступностью, обозначено намерение развивать торгово-экономическое сотрудничество и проводить модернизацию транспортной и трубопроводной инфраструктуры. «Шанхайская пятерка» осуждала «национальный сепаратизм, этническую нетерпимость и религиозный экстремизм» и заявляла, что стороны не потерпят использования своих территорий для «организации деятельности, наносящей ущерб государственному суверенитету, безопасности и общественному порядку какого-либо из пяти государств» [12]. Были выражены солидарность центральноазиатских стран-участниц с позициями России и Китая по ряду международных проблем и приверженность «Шанхайской пятерки» концепции многополярного мира, ставшей идейно-политическим фундаментом геополитического сближения России и Китая.

Эти положения красной нитью прошли через итоговое заявление следующего саммита «Шанхайской пятерки», прошедшего в Бишкеке в августе 1999 г. Бишкекская встреча совпала с началом вторжения исламистских банд в Баткенскую область Киргизии, что подчеркнуло актуальность формирования под эгидой «пятерки» структуры, занимающейся организацией взаимодействия сторон в борьбе с терроризмом. С декабря 1999 г. началось проведение встреч руководителей правоохранительных органов «Шанхайской пятерки» («Бишкекской группы»). В марте 2000 г. состоялась первая встреча министров обороны пяти стран, в июле 2000 г. – первая встреча министров иностранных дел.

В июле 2000 г. Китай инициировал принятие главами государств «Шанхайской пятерки» решения о ее трансформации в полноценную международную организацию, в которой предусматривалось проведение регулярных совещаний глав правительств, министров обороны, иностранных дел, руководителей правоохранительных, пограничных, таможенных органов, специальных служб, а также создание Совета национальных координаторов и Региональной антитеррористической структуры [13]. Показательным стало присутствие на саммите 2000 г. – пока в качестве наблюдателя – президента Узбекистана.

Во второй половине 1990-х гг. Китай приступил к налаживанию и расширению военно-политического сотрудничества с Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном. С 1995 г. начался обмен военными делегациями между Китаем и Казахстаном. В 2000 г. Китай вы-

делил средства на оказание помощи обмундированием и снаряжением казахстанской армии. После баткенских событий материальная помощь была выделена киргизской армии [4. P. 184–194]. В 1999 г., во время визита президента Узбекистана И.А. Каримова в Китай, стороны договорились о развитии военного и военно-технического сотрудничества и присоединении Узбекистана к «шанхайскому процессу». Летом 2000 г. Китай и Узбекистан заключили соглашение о военно-техническом сотрудничестве, предусматривающее, в частности, поставки китайского оружия и боеприпасов Узбекистану [14].

Во второй половине 1990-х гг. фактором, влияющим на политику КНР в Центральной Азии, стала возрастающая потребность Китая в импорте нефти. В 1997–2000 гг. объем китайского импорта нефти увеличился с 35 до 70 млн т в год, а ее доля во внутреннем потреблении возросла до трети [2. P. 144]. В 1997 г. Китай и Казахстан подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве в нефтегазовой сфере. Китайская национальная нефтяная компания (КННК) купила у правительства Казахстана контрольные пакеты акций компаний «Актобемунайгаз» и «Узеньмунайгаз» с правами на разработку месторождений Жанажол и Кенкияк в Актюбинской области и Узеньского месторождения в Мангистауской области Казахстана. КННК и министерство энергетики и природных ресурсов Казахстана зафиксировали намерение проложить в будущем нефтепроводы из Западного Казахстана в Западный Китай и от Узеньского месторождения чрез Туркменистан и Иран к Персидскому заливу. Предусматривалось, что объем инвестиций КННК в нефтяные проекты в Казахстане составит 9,5 млрд долл. [15]. Экспорт нефти из Казахстана в Китай по железной дороге начался уже в 1997 г.

В конце 1990-х гг. в поле интересов Китая попали нефтегазовые ресурсы Туркменистана. В 1998 г. Пекин выделил Ашхабаду кредит на приобретение китайского оборудования для ремонта нефтяных скважин. Китайская нефтяная инженерно-строительная корпорация заключила с Туркменистаном соглашение о восстановлении простаивающих скважин [4. P. 435–437]. Летом 2000 г. Китай и Туркменистан заключили соглашение о разработке технико-экономического обоснования газопровода Туркменистан–Китай. Осуществление этого проекта должно было быть увязано со сроками строительства газопровода, связывающего Синьцзян с восточными провинциями Китая [16].

Во второй половине 1990-х гг. товарооборот между Китаем и Казахстаном продолжал быстро возрастать, увеличившись за 1997–2000 гг. почти в три раза. Торговля КНР с другими центральноазиатскими государствами характеризовалась небольшими объемами и неровной динамикой. В 2000 г. в общем объеме товарооборота КНР со странами Центральной Азии, составлявшем 1,8 млрд долл., на Казахстан приходилось около 86%, тогда как на Киргизию и Узбекистан соответственно 10 и 3% [17]. Три четверти торговли Китая со странами Центральной Азии обеспечивал Синьцзян.

Важнейшим направлением центральноазиатской политики КНР оставалось расширение транспортного сообщения с государствами региона, являвшееся продолжением масштабных проектов развития автомобильной и железнодорожной инфраструктуры Синьцзяна. В 1997 г. Китай, Киргизия и Узбекистан подписали меморандум о строительстве железной дороги Андижан–Ош–Кашгар, выходящей к Южно-Синьцзянской железной дороге. В 2000 г. началось строительство автомагистрали Ош–Кашгар [18. P. 206–208]. В 1999 г. соглашение об автомобильном сообщении было подписано с Таджикистаном. Китай обязался содействовать таджикской стороне в строительстве автодороги Куляб–перевал Кульма, которая открыла бы Таджикистану выход к Каракорумскому шоссе [4. P. 402–403].

Таким образом, к концу первого десятилетия независимости центральноазиатских стран присутствие Китая в регионе приобрело общерегиональный масштаб и охватило сферы безопасности, добычи и экспорта энергоресурсов, транспорта и торгово-экономического взаимодействия. Усилилось влияние Китая в Центральной Азии, прочно поддерживаемое его экономическими достижениями, военной силой и международным авторитетом.

Обозначившимся преобразованием «Шанхайской пятерки» в международную организацию были созданы основа для системного участия Китая в поддержании региональной безопасности и стабильности и механизм координации политики Москвы и Пекина в Центральной Азии. На новый уровень вышло политическое и военно-политическое взаимодействие Китая с Казахстаном и Узбекистаном. Принятие Госсоветом КНР в начале 2000 г. плана «Большого освоения Запада», предполагавшего масштабные инвестиции в ускоренное развитие западных районов страны [19. С. 101–102], обещало беспрецедентные возможности расширения торговли Китая с центральноазиатскими государствами и умножения китайских инвестиций в регионе.

Однако укрепление позиций КНР в регионе сталкивалось и с рядом проблем. Центральная Азия попрежнему воспринималась руководством Китая как второстепенное направление внешней политики. Наполнение структур новорожденной Шанхайской организации сотрудничества реальным содержанием, реализация начинаний в сферах транспорта и энергетики требовали времени и немалых ресурсов. Тем не менее общим итогом политики КНР в регионе в 1990-е гг. стало формирование условий и механизмов совместного российско-китайского лидерства в Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zhang Yunling, Tang Shiping. China's Regional Strategy // Power Shift: China and Asia's New Dynamics. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 48–68.
2. Huasheng Zhao. Central Asia in China's Diplomacy // Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing. Armonk, NY : M.E. Sharpe, 2007. P. 137–212.

3. Guangcheng Xing. China and Central Asia: Towards a New Relationship // Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum. New York : St. Martin's Press, 1998. P. 32–49.
4. Kellner Th. L'Occident de la Chine. Pekin et la nouvelle Asie centrale (1991–2001). Paris : PUF, 2008.
5. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. Шанхай, 26 апреля 1996 г. // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. М. : МГИМО(У) МИД России, РАМИ, ИНО-Центр, 2002. Т. 4: Документы. С. 476–484.
6. Воскресенский А.Д., Лузянин С.Г. Политика Китая в Центральной Азии // Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России. М. : МГИМО(У) МИД России, ИНО-Центр, Логос, 2003. С. 301–332.
7. Ong R. China's Security Interests in Central Asia // Central Asian Survey. 2005. № 4. P. 425–439.
8. Коммерсант. 1994. 30 апр.
9. Qingjian Liu. Sino-Central Asian Trade and Economic Relations: Progress, Problems and Prospects // Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum. New York : St. Martin's Press, 1998. P. 179–200.
10. Swanstrom N., Norling N., Zhang Li. China // The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia. Washington, DC : Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2007. P. 383–422
11. Shambaugh D. Return to the Middle Kingdom? China an Asia in the Early Twenty-First Century // Power Shift: China and Asia's New Dynamics. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 23–47.
12. Совместное заявление участников Алматинской встречи – Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. Алматы, 3 июля 1998 г. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17061
13. Душанбинская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан. 5 июля 2000 г. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17530
14. Коммерсант. 2000. 31 авг.
15. Панорама (Алматы). 1997. 26 сент.
16. Joint Statement between the People's Republic of China and Turkmenistan, July 6, 2000 // Russia and Eurasia Documents Annual. 2000. Gulf Breeze, FL : Academic International Press, 2001. Vol. 2. P. 262–263.
17. International Monetary Fund. Direction of Trade Statistics Yearbook. Washington, DC : IMF, 2002.
18. Garver J. China's Influence in Central and South Asia: Is It Increasing? // Power Shift: China and Asia's New Dynamics. Berkeley, CA : University of California Press, 2005. P. 205–228.
19. Савкович Е.В. Экономическая политика Китая в постсоветской Центральной Азии (1992–2012 гг.) Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012.

Guo Lijun, Sun Yat-sen University (Zhuhai city, Guangdong Province, China). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn
Evgeny F. Troitskiy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). Томск, E-mail: eft@rambler.ru
Ju Chuanya, Sun Yat-sen University (Zhuhai city, Guangdong Province, China). E-mail: 450076784@qq.com

DEVELOPMENT OF CHINA'S CENTRAL ASIAN POLICY (1992–2000)

Keywords: China's foreign policy, Central Asia, the "Shanghai Five", border settlement, Chinese-Kazakh relations, Chinese-Russian relations.

The paper aims at discerning major trends and periods of the development of China's policy in Central Asia within the context of the general tendencies of Chinese foreign policy's evolution. Relying on official documents, statistics, and research literature, the authors analyze the whole complex of PRC's relations with Central Asian states, which allows tracing substantial changes in Beijing's approach to the policy in the region often concealed behind the statements on foreign policy continuity.

In the first half of the 1990s the fundamental goal of Chinese diplomacy consisted in providing the "stable and peaceful" external environment allowing for the concentration of efforts on the continuation of economic reforms. Central Asia was important for Beijing primarily in the context of securing the country's Western borders. The Chinese leadership saw the region as the "strategic rear". The developments in Central Asia were to be kept within the limits that would allow Beijing to concentrate the necessary resources on the foreign policy priorities, the South-East and the North-East Asia. The development of economic links with the Central Asian countries and the potential role of Kazakhstan as oil exporter were of secondary importance. The Chinese leadership saw the Russian military and political leadership in Central Asia as a necessary condition of maintaining regional stability. China acknowledged that the preservation of Russian leadership in Central Asia was an alternative preferable to the growth of US and Turkish influence or the spreading of radical Islam in the region.

In the second half of the 1990s the objectives and instruments of China's policy in Central Asia came under substantial, although gradual, revision. The tenets of China's foreign policy were expanded to include the thesis about China as a "responsible great power" ready to carry its share of the burden to provide international security.

China began to expand its participation in maintaining stability in Central Asia that became the focus of its policy in the region. Facing Russia's diminishing capacity to live up to its military, political and economic commitments in Central Asia, Beijing started to substitute the policy of creating fertile ground for a joint Chinese – Russian leadership in Central Asia for the policy of recognizing Russian regional leadership.

The authors conclude that by the end of the decade China's presence in Central Asia became region-wide and comprehensive, encompassing the areas of security, oil and gas production and transportation, transport communications and trade. China's influence in the region expanded. Under the "Shanghai Five" mechanism, both a framework of China's involvement in maintaining regional stability and an instrument of coordinating Russian and Chinese policies in Central Asia were established.

REFERENCES

1. Zhang Yunling & Tang Shiping. (2005) China's Regional Strategy. In: Shambaugh, D. et al. (eds) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 48–68.
2. Huasheng Zhao. (2007) Central Asia in China's Diplomacy. In: Rumer, E., Trenin, D. & Huasheng Zhao. *Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing*. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe. pp. 137–212.
3. Guangcheng Xing. (1998) China and Central Asia: Towards a New Relationship. In: Azizian, R. & Zhang, Y. (eds) *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York: St. Martin's Press. pp. 32–49.
4. Kellner, Th. (2008) *L'Occident de la Chine. Pekin et la nouvelle Asie centrale (1991–2001)*. Paris: PUF.
5. Russia. (2002) Soglashenie mezhdu Rossiyskoy Federatsiey, Respublikoy Kazakhstan, Kirgizskoy Respublikoy, Respublikoy Tadzhikistan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy ob ukreplenii doveriya v voennoy oblasti v rayone granitsy. Shankhay, 26 aprelya 1996 g. [Agreement between the Russian Federation, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Tajikistan and the People's Republic of China on Confidence Building

in the Military Field in the Border Area. Shanghai, April 26, 1996]. In: Torkunov, A.V. (ed.) *Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoy Rossii* [Foreign Policy and Security of Contemporary Russia]. Vol. 4. Moscow: MGIMO(U) MID Rossii, RAMI, INO-Tsentr. pp. 476–484.
6. Voskresenskiy, A.D. & Luzyanin, S.G. (2003) Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii [China's Policy in Central Asia]. In: Narinskiy, M.M. & Malgin, A.V. *Yuzhnyy flang SNG. Tsentral'naya Aziya – Kaspiy – Kavkaz: vozmozhnosti i vyzovy dlya Rossii* [CIS Southern Flank. Central Asia – Caspian – the Caucasus: opportunities and challenges for Russia]. Moscow: MGIMO, INO-Center, Logos. pp. 301–332.
7. Ong, R. (2005) China's Security Interests in Central Asia. *Central Asian Survey*. 4. pp. 425–439.
8. *Kommersant*. (1994) 30th April.
9. Qingjian Liu. (1998) Sino-Central Asian Trade and Economic Relations: Progress, Problems and Prospects. In: Azizian, R. & Zhang, Y. (eds) *Ethnic Challenges beyond Borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum*. New York: St. Martin's Press. pp. 179–200.
10. Swanstrom, N., Norling, N. & Zhang, Li. (2007) China. In: Starr, S.F. (ed.) *The New Silk Roads: Transport and Trade in Greater Central Asia*. Wash., D.C.: Central Asia – Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. pp. 383–422.
11. Shambaugh, D. (2005) Return to the Middle Kingdom? China an Asia in the Early Twenty-First Century. In: Shambaugh, D. (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 23–47.
12. Conventions. Ru. (1998) *Sovmestnoe zayavlenie uchastnikov Almatinskoy vstrechi – Respubliki Kazakhstan, Kitayskoy Narodnoy Respubliki, Kyrgyzskoy Respubliki, Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhikistan. Almaty, 3 iyulya 1998 g.* [Joint Statement of Participants of the Almaty Meeting – the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. Almaty, July 3, 1998]. [Online] Available from: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=17061
13. Kyrgyzstan. (2000) *Dushanbinskaya deklaratsiya glav gosudarstv Respubliki Kazakhstan, Kitayskoy Narodnoy Respubliki, Kyrgyzskoy Respubliki, Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tadzhikistan. 5 iyulya 2000 g.* [The Dushanbe Declaration of Heads of State of the Republic of Kazakhstan, the People's Republic of China, the Kyrgyz Republic, the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. July 5, 2000]. [Online] Available from: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/17530
14. *Kommersant*. (2000) 31st August.
15. *Panorama (Almaty)*. (1997) 26th September.
16. China & Turkmenistan. (2001) Joint Statement between the People's Republic of China and Turkmenistan, July 6, 2000. *Russia and Eurasia Documents Annual*. 2. Gulf Breeze, Fla.: Academic International Press. pp. 262–263.
17. International Monetary Fund. (2002) *Direction of Trade Statistics Yearbook*. Wash., D.C.: IMF.
18. Garver, J. (2005) China's Influence in Central and South Asia: Is It Increasing? In: Shambaugh, D. (ed.) *Power Shift: China and Asia's New Dynamics*. Berkeley, CA: University of California Press. pp. 205–228.
19. Savkovich, E.V. (2012) *China's Economic Policy in the Post-Soviet Central Asia (1992–2012)*. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 94.41.99
DOI: 10.17323/19988613/73/13

А.Н. Зарубин, Е.В. Савкович

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЖИМОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В 1990–2020 гг.

Рассматривается научно-техническое сотрудничество России и Китая на региональном уровне. Это одна из наименее разработанных тем для исследователей как в России, так и в Китае. В ряде случаев стороны ограничивались подписанием меморандумов, а реальное взаимодействие происходило на уровень ниже, где в большинстве случаев и останавливалось. Китаю в период 1990–2020 гг. были нужны импортные технологии. С Россией было налажено взаимодействие на всех уровнях, вплоть до личного, когда конкретного автора приглашали для работы в КНР, не считаясь международными режимами научного сотрудничества.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, региональная политика, научно-техническое сотрудничество, международный режим.

Глобальная конкуренция за рынки сбыта становится все более жесткой и форсированной. В то же время ресурсы экстенсивного развития у большинства развитых государств исчерпаны [1]. В этих условиях крайне актуальной становится проблема интенсификации инновационного развития как ключевого фактора сохранения и повышения конкурентноспособности государства, причем актуален он как для Российской Федерации, так и для ближайшего партнера – Китайской Народной Республики. Приоритетными задачами для обоих государств остаются модернизация всех основных общественных институтов и повсеместное внедрение высоких технологий в производство [2]. Решение этих двух задач является единственно возможным способом реализации актуального инновационного развития государства. Несомненно, это решение не представляется возможным без международного взаимодействия в сфере науки и технологий.

Актуальность данного исследования определяется тем, что Россия и Китай решают одинаковые задачи в сфере технологий, взаимодействуя при этом друг с другом настолько тесно, что их кооперация распространяется от межправительственного уровня глубоко внутрь государственного устройства – в регионы, отдельные организации и даже на отдельных ученых, создавая при этом проблему общегосударственного контроля над этим взаимодействием [3]. При этом следует учитывать, что при решении указанных выше задач путем двустороннего взаимодействия государства преследуют совершенно разные цели и применяют диаметрально противоположные методы, что не всегда приводит к позитивным последствиям для обеих сторон.

За последние 20 лет наука и техника в Китае получили интенсивное развитие. На конец 2002 г. во всей стране 3,2 млн человек занимались исследовательской работой, в том числе 2,2 млн ученых и инженеров. В 2002 г. в Китае вложенные денежные средства для научно-технической деятельности составили 293,8 млрд юаней, среди них средства на исследования и освоения – 128,8 млрд юаней, а в 1949 г. эта цифра была только 56 млн юаней [4]. С 1978 г. китайское правительство стало сильно увеличивать капиталовложения в науку и технику, в этом году бюджетные ассигнования на развитие науки и техники составили 5,29 млрд юаней, в 1995 г. – 30,23 млрд юаней, а в 2002 г. уже достигли 81,6 млрд юаней. Китайские предприятия тоже увеличивали научно-технические капиталовложения. В 1991 г. вложенные предприятиями средства для науки в целом составляли 12,2 млрд юаней, а в 2000 г. резко увеличились до 167,7 млрд юаней, т.е. в 12 раз больше, чем в 1991 г. К февралю 2018 г. Китай установил сотрудничество в научно-технической сфере со 158 государствами, а также достиг определенного прорыва в рамках научного обмена с внутренними специальными районами Сянганом и Аомынем [5].

Вышеописанное явилось результатом активной политики КНР в сфере науки, которая началась во время председательства Цзян Цземина и была форсирована с приходом на должность генерального секретаря КПК Си Цзинпина. Цель этой политики – вывести Китай в мировые лидеры научно-технического прогресса, создать конкурентноспособную научную среду, широкий внутренний рынок технологических достижений, сделать все сферы общества высокотехнологичными, чтобы обеспечить все более растущие потребности каждого общественного института [6].

Для достижения этой цели правительство КНР предприняло ряд масштабных мер: университеты Китая стали массово создавать программы по обмену студентами с ведущими университетами Европы и США, представители научного сообщества КНР начали получать членство в различных международных организациях и многосторонних механизмах в научно-технической области (к 2018 г. количество этих организаций уже превысило 200), инвестиции в научные проекты были увеличены в несколько десятков раз. Когда председателем Си была объявлена реализация программы «Один пояс – один путь», вопросам научно-технического сотрудничества уделялось очень большое внимание на каждом проводимом форуме, равно как и на саммитах G20 и БРИКС [7].

В результате указанных мер к концу второго десятилетия XXI в. практически каждая сфера науки и техники получила в Китае колоссальный импульс развития. Переняв опыт западных стран, Китай сделал все научное и техническое производство жестко централизованным – по всей стране один за другим начали расти научные парки, технические кластеры с самыми разными направлениями исследований и производств. Объединялись подобные зоны на основе уже имеющейся инфраструктуры в регионе или населенном пункте. Например, крупнейшие авиакластеры появились в городах, в которых по разным историческим причинам имелось набольшее количество аэродромов разного назначения, таких как Тяньцзин и Чэнду [4]. Множились филиалы главной научно-производственной площадки КНР – бизнес-парки TusPark научного парка университета Цинхуа, которые стали флагманами привлечения иностранных инвестиций в перспективные и наиболее востребованные научные проекты, а также задавали векторы инвестирования Китаем в научные проекты в других странах, в первую очередь там, где наука не получает достаточного финансирования из государственных бюджетов [6].

Российские, европейские, американские и китайские исследователи за прошедшее десятилетие издали огромное количество научных работ разного уровня, в которых проводили анализ стратегического технологического сотрудничества и конкуренции РФ и Китая. Российские исследования, в которых затрагивались вопросы технологического сотрудничества РФ и КНР, представлены работами таких ученых, как С.Н. Гончаров, А. Шлындов, Э.В. Кириченко, А.Л. Верченко, В.Б. Кашин, В.И. Сырямкин, Е.В. Ваганова, В.В. Перская, В.Е. Петровский. Авторство обращающих на себя внимание в аспекте данной темы работ исследователей из КНР представлено следующими именами: Янь Бо, Цуй Чжэн, Чэн Гуаньсинь, Ши Чуньян, Ван Цзин, Гао Цзисян и др.

Однако, несмотря на достаточно глубокую разработанность исследуемой тематики, научная оценка всегда давалась исключительно наивысшим уровням взаимодействия – межгосударственному и межотраслевому, на которых результаты двустороннего сотрудничества можно, скорее, характеризовать как положительные. Более же глубокие аспекты проблемы, а именно региональный и межведомственный уровни взаимодействия, научной оценки в ранее проведенных исследованиях не получили. То есть комплексного исследования, в качестве центрального объекта которого выступало бы российско-китайское технологическое сотрудничество на уровне департаментов науки регионов РФ и Китая, университетов, НИИ, научно-производственных площадок, промышленных предприятий и пр., на данный момент не проводилось. В то же время именно на этих уровнях происходят процессы, которые в наименьшей степени контролируются со стороны органов власти.

В некоторых случаях исследования сосредоточены на региональном опыте сотрудничества России и КНР, однако задачами таких исследований являются в первую очередь анализ изменения количественных характеристик двусторонней научно-экономической деятельности на уровне регионов. При этом, констатируя количественное увеличение показателей такой деятельности, ни одно из исследований не делает акцента на отсутствии фактического качественного роста региональной науки за счет сотрудничества с китайской стороной и никак не объясняет сложившийся в данных отношениях исторический парадокс. Китайские публикации вообще обходят стороной все проблемные для России вопросы регионального научно-технического сотрудничества с КНР, а выводы их работ сосредоточены на необходимости всестороннего углубления научной интеграции КНР именно с отдельными регионами России [8].

Исторически сложилось, что российское (советское) государство в силу географического и политического соседства сыграло ключевую роль в технологическом становлении нового коммунистического Китая. Особенность советско-китайского технологического сотрудничества 1950–1960-х гг. заключается в том, что реализовывалось оно только на государственном уровне, исключая региональный, отраслевой, а также проходило практически в одностороннем порядке [9]. За все время советско-китайского сотрудничества было подписано всего пять крупных соглашений: об обучении граждан КНР в вузах СССР, о помощи в развитии исследований по ядерной физике, о технической помощи и научно-техническом сотрудничестве, о строительстве и реконструкции промышленных объектов в Китае о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях [10]. Из названий данных документов видно, что фактически советская сторона безвозмездно создавала ту технологическую базу современного китайского государства, которая сегодня способствует вхождению КНР в число наиболее технологически развитых государств. Причем эта база касается не только технологий гражданского назначения, но и военных технологий стратегического уровня, в частности атомного оружия [5].

С окончанием существования Советского Союза трансформируется и формат технологического сотрудничества Китая уже с Российской Федерацией. Несмотря на сохранение приоритета в этой сфере за Правительством РФ, Академией наук и государственными корпорациями, оно за несколько лет расширилось от межгосударственного уровня до межотраслевых и межрегиональных контактов. По сравнению с советским периодом в разы выросло количество двусторонних соглашений и контрактов в самых различных сферах. В последние годы российско-китайское сотрудничество в сфере науки и технологий стало крайне разносторонним и многоплановым [11]. За прошедшие 30 лет с момента образования Российской Федерации две страны реализовывали инвестиционные проекты в сферах инноваций, высоких технологий, промышленного производства и др., проводили российско-китайские перекрестные годы и постоянный академический обмен специалистами [5].

Глобальным стимулирующим фактором научно-технологического сотрудничества России и Китая является не общая, но одинаковая конфронтация с санк-

циями западных стран и с так называемыми «торговыми войнами». Данный исторический период наличия «общего врага» или как минимум его образа в политической и экономической сферах служит в первую очередь сосредоточению совместных усилий по развитию всестороннего сотрудничества в сфере науки и технологий, а также, что более важно, обеспечению технологического суверенитета двух государств.

В частности, КНР, опираясь на российский опыт противодействия санкционному давлению, нивелировала целую серию скоординированных попыток администрации Дональда Трампа посредством ограничений в сфере торговли сорвать китайскую стратегию развития промышленности Made in China 2025 (MIC2025) [12]. Цель данной стратегии заключается в приоритетном развитии производств с высокой добавочной стоимостью в сферах высоких технологий: производстве комплектующих авиационных и космических аппаратов, энергетической сфере, обрабатывающей промышленности, коммуникационных технологиях, сфере искусственного интеллекта, а также систем управления тяжелой техникой, – с последующим выходом на внутренний рынок в соотношении до 40% от всех производимых товаров в КНР к 2020 г. и до 70% к 2025 г.

Проблемы, стоящие перед Российской Федерацией на современном историческом этапе, схожи, и после торговой войны Китая и США российская экономика уже может опираться и на китайский опыт, а также расширять перспективы взаимодополняющего развития инвестиционно-технологических отношений с Китаем. Актуальным вновь становится вопрос «модернизационных альянсов», реализация которых будет стимулировать ускоренное развитие научно ориентированных отраслей промышленности и экономики, связанных с новыми технологиями. При этом уникальность данного процесса будет заключаться в том, что проходить он будет в обход санкций западных стран, в первую очередь США, в прямой или косвенной конфронтации с которыми настоящее время находятся все общественные институты двух государств.

Однако с теоретической точки зрения при реализации данного процесса возникает проблема взаимоисключения открытости двустороннего сотрудничества в сфере науки и технологий, с одной стороны, и стремления защитить права на интеллектуальную собственность, а также ограничить доступ к технологиям, которые в будущем могут дать стратегическое преимущество, – с другой. Такая двойственность подхода к историческому сближению двух государств рождает определенную историческую дихотомию, которая является теоретическим обоснованием постановки проблемы баланса и границ в первоначально свободном и открытом технологическом сотрудничестве. Для решения данной проблемы перспектив и будущего двустороннего научного взаимодействия применима теория международных режимов, которая не так давно получила свое распространение в среде политических исследований [13].

В качестве основной характеристики понятия «международный режим» главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН В.Е. Петровский приводит совокупность четко выраженных либо предполагаемых законов, принципов, норм и правил, служащих реализации единой для участников режима парадигмы в той или иной области двустороннего (многостороннего) взаимодействия государств друг с другом [Там же]. Установление подобных условных режимов ведет не только к централизованной работе в русле единых решений, но и к появлению своего рода духа взаимодоверия, в котором стороны реализуют свои собственные цели по защите и продвижению национальных интересов, в то же время учитывая цели и интересы сопредельного по режиму государства. Сотрудничество государств друг с другом в рамках международного режима подразумевает достаточно строгие стандарты взаимодействия, обеспечивающие участникам возможность дать объективную и точную оценку действий и будущих намерений государства-партнера. Активный исследователь теории международных режимов доцент Волгоградского государственного университета А.А. Шанин в качестве одного из показателей негласного установления подобных режимов выделяет проведение дискуссионных клубов, которые стимулируют равный обмен информацией, тем самым поддерживая предсказуемость взаимных действий, а следовательно, и доверие друг к другу [14].

Основным показателем актуальности и жизнеспособности международного режима является тесная взаимозависимость принципов, законов, стандартов и норм в той сфере, в которой взаимодействуют государства-участники. В частности, взаимная зависимость указывает на то, являются ли изменения правил функционирования режима его фактической отменой или же только внутренней перестройкой. Объединяющей чертой правил, норм, порядка реализации принятых решений является их рекомендательный характер для участников режима. Эти правила не подразумевают обязательного исполнения по принципу иерархической системы права [Там же].

В современном мире наблюдается явный перевес так называемых «негативных» международных режимов, основными принципами которых являются рестриктивность, санкционность и различного рода взаимные ограничения. Однако несмотря на это, все большую актуальность именно в последние несколько лет приобретают «позитивные» международные режимы, чья внутренняя модель имеет базисом именно взаимоприемлемые и взаимовыгодные информационные, научные и технологические обмены, обеспечивающие двустороннее сотрудничество на прочной основе [Там же].

В рамки такого рода режима в силу влияния внешних негативных режимов вошли современные двусторонние отношения России и Китая последних пяти лет. Они стали характеризоваться политическим доверием крайне высокого уровня. И, соответственно, политические элиты обеих стран планировали преобразование этого политического доверия во взаимодоверительное сотрудничество в сфере технологий и инноваций. С точки зрения форм и алгоритмов этого сотрудничества каждая сторона преследовала свои цели его реализации. Российская сторона болезненно нуждалась в источниках финансирования своих научных и высо-

котехнологичных проектов, которые в большом количестве находились в нереализованном либо замороженном состоянии в различных научно-исследовательских организациях, университетах и на производственных площадках. В то же время в КНР существовал политико-экономический запрос на получение технологий, которые станут базисом конкурентного преимущества, а в перспективе – превосходства над технологиями западных стран в таких ключевых областях, как военно-техническое оснащение, атомная энергетика, космос, авиастроительство, двигателестроение, логистика. Этот запрос потенциально мог быть удовлетворен за счет тесного двустороннего сотрудничества с Россией [15].

Какой же результат имеют обе стороны от этого потенциально крайне перспективного симбиоза? Как уже было сказано выше, в двусторонних отношениях он реализуется не только на правительственном уровне, но и на нескольких уровнях ниже, включая сотрудничество между отдельными организациями. Проанализируем каждый из этих уровней.

Вначале рассмотрим наиболее успешные с точки зрения результатов уровни взаимодействия – межправительственный и межотраслевой. Здесь в первую очередь можно отметить соглашение между Российской Академией наук и Академией наук Китая об организации непосредственного научно-технического сотрудничества между их научными учреждениями, а также соглашение между Министерством образования и науки РФ и Министерством образования КНР, заключенные еще в начале 90-х гг. XX в. [16]. Данное взаимодействие фактически реализуется на региональном и межотраслевом уровнях, которые будут рассмотрены ниже.

Помимо подразделений, непосредственно подчиненных правительствам двух стран, существует немалое количество государственных компаний или компаний с государственным участием (преимущественно в случае с КНР), которые каждая в своей сфере реализуют глобальные проекты, носящие стратегический характер. Среди российских государственных компаний, особо активно осуществляющих технологические проекты с КНР, Российская корпорация нанотехнологий РОСНАНО [17], ОАО «Техснабэкспорт», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», Государственная корпорация по содействию разработке, производству высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» (включая ОАО «Рособоронэкспорт) [18].

Взаимное сотрудничество в сфере науки и технологий на межгосударственном уровне реализуется в установленные сроки, с получением всех ожидаемых результатов, широко освещается в государственных СМИ [Там же], демонстрирует пример показательного, беспроблемного взаимодействия, полностью укладывающегося в рамки российско-китайского международного режима. Многие из этих проектов находятся на контроле у глав двух государств, и ими же презентуются на международных саммитах, форумах, дискуссионных клубах [19]. При появлении внезапно возникающих проблемных вопросов подключаются все необходимые правительственные ресурсы, поскольку данный уровень взаимодействия подразумевает сохранение и поддержание как внутренней репутации государственных институтов и организаций, так и внешней репутации всего государства на международной арене [Там же]. Данный факт налагает на всех вовлеченных в это взаимодействие лиц определенную ответственность, которая в совокупности является сильным стимулирующим фактором, не позволяющим каждому отдельному кейсу войти в положение несоответствия законам функционирования международного режима.

В качестве дополнения к механизму межправительственного научно-технического сотрудничества широкое развитие получило также межрегиональное сотрудничество. На региональном уровне российско-китайская кооперация в сфере науки и технологий представлена тесным сотрудничеством различных научно-образовательных и научно-производственных учреждений РФ с китайскими компаниями, научными организациями и руководствами провинций. Учитывая, что в последние 20 лет в Российской Федерации наблюдается сильное укрепление федеральной власти, необходимо принять во внимание тот факт, что даже при наличии всей полноты исполнительной власти в регионах, они все же, как правило, проводят свою политику в русле общегосударственной. Логично предположить, что результатом являются определенные общие требования «поведения» для всех организаций и учреждений, финансируемых из государственного и регионального бюджетов, в особенности для тех, кто взаимодействует с организациями дальнего зарубежья. Это приводит к выводу о том, что и на региональном уровне, и на уровне отдельных организаций международный режим, в рамках которого проходит научное и технологическое сотрудничество между Россией и Китаем, должен соблюдаться, поскольку его принципиальное нарушение даже единичной организацией создает прецедент, ставящий под угрозу существование данного международного режима как такового.

В качестве примера регионального сотрудничества с Китаем рассмотрим регион, который, во-первых, ориентирован на научное и инновационное развитие, а во-вторых, имеет уже почти 25-летнюю историю сотрудничества в сфере науки и техники с Китайской Народной Республикой, – Томскую область. Очевидно, что центральным субъектом сотрудничества является региональный центр – город Томск. В городе расположены 6 крупных университетов, 2 из которых (включая старейший университет в Сибири) получили статус Национальных исследовательских, Томский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (ТНЦ СО РАН), особая экономическая зона технико-внедренческого типа, большое количество научно-исследовательских институтов и т.д. [20]

Поскольку Томск географически является одним из ближайших наукоградов к Китаю, компании, связанные с технологиями, уже в конце 1990-х гг. начали проявлять к региону интерес. Сотрудники Томского политехнического университета, Института физики прочности и материаловедения, Томского государственного университета ежегодно представляют свои

проекты научных и технологических разработок для делегаций организаций из Китая, заинтересованных в научном инвестировании. В то же время работа томских ученых в Китае на временной (по обмену) или постоянной основе на протяжении последних двух десятилетий является устоявшейся практикой. Исторически сложилось, что наиболее тесные отношения у научных и производственных организаций Томска сложились с административным центром провинции Ляонин – городом Шэньян [21].

Шэньян – административный центр провинции Ляонин, крупный производственный узел, где развито многоотраслевое машиностроение, чёрная и цветная металлургия, химическая, лёгкая и пищевая промышленности, имеется 113 научно-технологических центров, отделение Китайской академии наук, ежегодно проходят международные научно-технические выставки [20]. Шэньян является одним из передовых центров разработок новых технологий, научных изысканий и привлечения инвестиций в научную сферу, в Шэньяне действует один из крупнейших бизнес-парков TusPark. Этот город лучше других развил научное сотрудничество с регионами Сибири, в 1992 г. Шэньян и Иркутск стали городами-побратимами, во многом за счtт реализации совместных проектов в области науки и техники [22]. В Новосибирске действуют две совместные лаборатории, ведутся постоянные обмены аспирантами и учеными, именно с Шэньянским отделением Китайской академии наук работают делегации Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделения РАН.

Томские контакты с Шэньяном как партнером по сотрудничеству в научной сфере были одними из первых в регионе. С определенной периодичностью российские ученые ТНЦ СО РАН, университетов и некоторых НИИ уезжают из Томска в Шэньян по линии научного обмена, некоторые из них получают выгодные условия для постоянной работы и остаются в Китае. Еще чаще осуществляется обмен научными делегациями между двумя городами в целях переговоров по научно-техническому сотрудничеству, участия в совместных научных выставках и т.д. [23]

Очевидно, что за 20 лет такого тесного сотрудничества в качестве результата можно было бы увидеть ряд совместно реализованных научных проектов. Однако ни одного совместного проекта в сфере науки и технологий официально реализовано не было ни с одной научной организацией Томска. Несмотря на то, что на презентациях проектов, которыми занимались томские ученые, были много раз представлены научные разработки в тех областях, в которых были крайне заинтересованы инвесторы из КНР [24], дальше стадии переговоров процесс сотрудничества не пошел, и ни один проект не получил финансирования с китайской стороны.

Помимо вышеописанного парадокса, в 2020 г. произошло событие, которое ставит под сомнение изначальные намерения китайской стороны развивать открытое и взаимовыгодное сотрудничество в сфере науки и технологий. 30 сентября по подозрению в государственной измене, а именно – за передачу китайской стороне сведений, составляющих государственную тайну (о разработках, связанных с альтернативными источниками питания), был арестован сотрудник Института физики прочности и материаловедения СО РАН А.А. Луканин [25]. Данное событие стало вторым делом о государственной измене в пользу КНР за четыре месяца после ареста и предъявления таких же обвинений президенту Арктической академии наук В.Б. Митько [26]. Согласно биографической информации А.А. Луканин был приглашен на работу именно в политехнический университет Шэньяна [25].

Суммируя факты отсутствия реализованных на официальном уровне научно-технических проектов между Томском и Шэньяном при непрекращающихся более 20 лет тесных контактах в этой сфере, а также потенциальный прецедент государственной измены в пользу КНР со стороны томского ученого через университет Шэньяна, можно предположить, что цели поддержания китайской стороной научных контактов заключаются не в поиске путей установления сотрудничества в сфере науки, но в поиске альтернативных путей получения засекреченных технологий. При этом взаимные обмены делегациями и участие в научных выставках являются не чем иным, как предлогом продолжения контактов. Это предположение подтверждается и тем, что многие члены делегаций, приезжающих в регион из Шэньяна, состоят в дружеских отношениях с некоторыми учеными, ранее работавшими в Китае [27], а предоставление томским ученым информации о работе в Шэньяне и первоначальные личные переговоры вне официального протокола могли происходить только в период работы в рамках приемов научных делегаций или же участия в научных выставках.

При анализе возможных последствий подобных действий, а именно предложений работы в Китае ученым – инициаторам научных проектов вместо инвестирования в эти проекты на территории РФ, очевидна односторонняя выгода китайской стороны. Ее представители получают перспективные российские технологии, при этом экономят большое количество финансовых ресурсов. По этой причине – наличия мотивационной составляющей – предположения о подобных намерениях китайской стороны получают сильную аргументационную базу. А, это в свою очередь, указывает на то, что нельзя отрицать их, основываясь только на принципах добрососедства и взаимной выгоды, характерных для двустороннего международного режима.

В пользу таких предположений говорит факт большого количества рабочих соглашений, заключенных между бывшими научными работниками из России и научно-техническими компаниями в Китае [28]. Несмотря на то, что данные кейсы отличаются от прецедента А.А. Луканина отсутствием в рабочем процессе сведений, составляющих государственную тайну РФ, они напрямую связаны с потенциально инновационными технологиями двойного назначения. В некоторых случаях для заключения такого соглашения ученый регистрирует общество с ограниченной ответственностью, которое в последующем выступает в качестве стороны-исполнителя контракта, а именно осуществ-

ляет производство перспективных российских технологий на территории КНР. При этом ученый фактически сам выполняет все технологические работы для китайской стороны, равно как и осуществляет продажу своей интеллектуальной собственности, поскольку требования представителей КНР в большинстве случаев включают в себя передачу им технологий производства.

В качестве примеров таких соглашений можно привести следующие:

1. Соглашение 2019 г. между компанией Sun Hawk (Henan) Aviation Industry Co., Ltd. и ООО «Центр Инновационных Технологий "Туполев"» о производстве и реализации на территории КНР беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) нового типа, сконструированных по технологии В.С. Туполева, применяемых для решения сельскохозяйственных, картографических и военных целей. Китайской стороне предоставлялось исключительное право контролировать процесс производства и сбыта БПЛА.

2. Сублицензионный договор 2016 г. о предоставлении права использования секрета производства (ноу-хау) между ООО «ЯмалАэроТранс» и компанией CCAC-AVIC о передаче китайской стороне технологий производства аэросаней-амфибии, сконструированных по технологии В.С. Туполева, а также исключительного права использования ноу-хау для производства и сбыта на территории КНР указанного изделия. Аэросани-амфибия – летательный аппарат нового типа, предназначенный для перевозки людей и грузов по снегу, льду, водным поверхностям.

3. Договор 2013 г. между Туполевым Валерием Станиславовичем и отделением Китайской Государственной Авиационной Корпорации (AVIC) в г. Хэйхэ об оказании технологических услуг по производству на территории КНР вездеходов на колесах сверхнизкого давления.

4. Контракт 2015 г. между Компанией Аварийно-спасательных технологий Чжонмин и ООО «Авиационно-технической компанией "Туполев"» о производстве и реализации на территории КНР малых гидросамолетов-амфибий, кораблей на подводных крыльях, экранопланов, произведенных по технологии В.С. Туполева.

5. Контракт 2019 г. между Компанией Аварийно-спасательных технологий Фушунь-фуюнь и Туполевым Валерием Станиславовичем о производстве и реализации на территории КНР аэролодки на воздушной подушке КВ-300, произведенной по технологии В.С. Туполева.

6. Контракт 2018 г. между Авиационной компанией Sun Hawk и Туполевым Валерием Станиславовичем о производстве и реализации на территории КНР автожиров транспортного, спасательного и разведывательного назначения, произведенных по технологии В.С. Туполева.

7. Трехстороннее соглашение 2020 г. между ООО «Центр Инновационных Технологий "Туполев"» ПАО «Научно-производственное предприятие «Аэросила» и отделением Китайской Государственной Авиационной Корпорации (AVIC) в провинции Сычуань об организации производства на базе авиакластера города Чэнду усовершенствованных вспомогательных силовых установок для крупных самолетов.

Из указанных выше примеров видно, что научно-техническое сотрудничество между РФ и КНР ведется не только на региональном уровне или уровне научных организаций, но и на индивидуальном уровне самими учеными, перспективные научные разработки которых на протяжении как минимум 10 лет реализуются в Китае. Уровень личностного сотрудничества в сфере высоких технологий является уникальным для КНР именно в контексте двусторонних отношений с Россией, поскольку подобных примеров в научно-техническом сотрудничестве с другими государствами у КНР не имеется [29].

Оценивая выгодополучение данного уровня сотрудничества для российской и китайской сторон, очевидно, что все непосредственные его участники являются выгодоприобретателями. Однако в контексте межгосударственного уровня двусторонних отношений в сфере науки и технологий единственным бенефициаром является КНР, в то время как российской науке и российской экономике, как федеральной, так и региональной, наносится ощутимый урон. Помимо этого, в отдельных случаях определенный ущерб наносится и безопасности государства, поскольку отсутствие государственного контроля за оборотом перспективных технологий на уровне отдельных индивидов приводит к прецедентам попыток передачи китайской стороне научных разработок, сведения о которых являются государственной тайной РФ.

Исходя из данной оценки, можно сделать вывод о том, что личностный уровень двустороннего сотрудничества в сфере технологий является, скорее, негативным фактором для межгосударственного взаимодействия. Также, как видно из приведенных примеров взаимодействия двух сторон, на этом уровне происходит деградация принципов и норм двустороннего международного режима. В перспективе развития отношений на этом уровне дальнейшее существование режима в целом может быть поставлено под угрозу.

История российско-китайских отношений уже проходила через крах сложившегося двустороннего международного режима в последнем десятилетии правления Мао Цзэдуна. Последствия этого краха характеризовались охлаждением отношений, территориальными претензиями КНР к СССР и в конечном итоге – вооруженным конфликтом на границе двух государств, в котором потери советской стороны насчитывали несколько тысяч человек. Примечательно, что сам международный режим в сфере научно-технического сотрудничества, продлившийся с 1949 г. до середины 1960-х гг., как уже отмечалось ранее, был основан на одностороннем получении выгоды китайской стороной, что схоже с исторической ситуацией, сложившейся во втором десятилетии XXI в. Принципиальное отличие заключается в том, что в рамках международного режима 50–60-х гг. XX в. этот дисбаланс происходил по инициативе советской стороны на межгосударственном уровне с целью удержания сильного государства в статусе союзника по советскому блоку. В нынешнее же время двусторонний международный

режим предполагает взаимное выгодоприобретение путем обмена имеющимися ресурсами, а именно технологиями с российской стороны, инвестициями – с китайской.

Наличие в рамках режима научно-технического сотрудничества теневого коммерческого сектора, пусть и на самом низком уровне взаимодействия, неизбежно приводит к нарушению основных правил и норм режима – взаимной открытости и взаимного доверия. Крах режима может создать цепную реакцию и привести к ухудшению двусторонних отношений между государствами в целом, что, как показывает история, способно спровоцировать негативные последствия для обоих государств. При этом подавляющее большинство китайских исследователей игнорируют данный растущий дисбаланс в двусторонних отношениях и всецело нацелены на научное обоснование дальнейшего форсирования активной научно-технической интеграции КНР не только на межгосударственном, но и на межрегиональном уровне [30]. По совокупности описанных выше фактов можно сделать вывод, что в противоположность официальным политическим заявлениям, которые китайская сторона делает в большом количестве на различных площадках, фактически ее заинтересованность во взаимовыгодном развитии науки и создании инновационных технологий нивелируется ее собственными интересами как в сфере экономики, так и в сфере безопасности.

Тем не менее потенциал сотрудничества в сфере технологий между Россией и Китаем все еще очень велик. Российские фундаментальные научные исследования создают прочную основу для инновационного развития в самых различных сферах [Там же]. Китайский обширный рынок и огромные возможности по трансферу научных достижений вкупе с многолетним опытом создания особых зон по промышленному освоению высоких технологий являются прочным фундаментом, на котором Россия и Китай могут продолжать объединение своих преимуществ для укрепления научно-технического сотрудничества и существующего двустороннего режима в целом [8]. Однако реализация этого потенциала возможна только при том условии, что все уровни технологического сотрудничества между Россией и Китаем, от межгосударственного до межличностного, будут находиться под постоянным и стабильным контролем со стороны государственных институтов. Учитывая влияние высоких технологий и на ситуацию в экономике государства, и на его инновационное развитие, и на степень государственной безопасности, очевидной становится большая степень влияния рассматриваемой сферы на двусторонние отношения двух государств в целом.

Как показывают результаты проведенного исследования, в случае недостаточного государственного контроля на любом уровне двусторонних научно-технических отношений появляется почва для развития теневой коммерции, которая, в свою очередь, даже на низшем уровне научно-технических отношений создает дисбаланс межгосударственного взаимодействия в пользу одной из сторон. Чем сильнее этот дисбаланс, тем больше появляется предпосылок для нивелирования нынешнего потенциала двусторонних отношений России и Китая в сфере науки и технологий, а также разрушения сложившегося международного режима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горский М. Модели инновационного развития: SSI и DDI. 2013. 17.12. URL: https://polit.ru/article/2013/12/17/ps_innov_1/ (дата обращения: 09.11.2020).
2. Цуй Чжэн. Механизмы и модели российско-китайского научно-технического сотрудничества // Материалы XVI междунар. конф. молодых ученых гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 5–13.
3. Цуй Чжэн. Соразвитие и научно-техническое сотрудничество Дальнего Востока России и Северо-Восточного региона Китая // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. № 4. С. 319–322.
4. Научно-технический прогресс в Китае // Посольство КНР в Республике Беларусь. URL: http://by.china-embassy.org/rus/zgxx/kj/t221080.htm (дата обращения: 10.11.2020).
5. Цуй Чжэн. Российско-китайское и советско-китайское научно-техническое сотрудничество: становление и развитие // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 5. С. 16–22.
6. Леонов С.Н., Домнич Е.Л. Государственная инновационная политика пореформенного Китая: содержание, периодизация, масштабы. URL: http://www.khstu.ru/vestnik/ articles/407.pdf (дата обращения: 10.11.2020).
7. Цуй Чжэн. Научно-техническое сотрудничество РФ и КНР в контексте инновационного развития стран БРИКС : автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2015. 32 с.
8. Чэн Гуаньсинь. Предложения для содействия китайско-российскому научно-техническому сотрудничеству в новый период // Научно-техническая информатика. 2010. № 23. С. 5.
9. От дружественного союза Китая и СССР до китайско-российского партнерства стратегического взаимодействия. URL: http://russian.china.org.cn/ international/ar- chive/china-russian/txt/2009-04/08/content_17571995.htm (дата обращения: 12.11.2020).
10. Установление дипломатических отношений между КНР и СССР. URL: http://russian.people.com.cn/31857/97676/97802/6740909.html (дата обращения: 12.11.2020).
11. Россия и Китай расширяют сотрудничество по всем направлениям. URL: http://annews.ru/news/detail.php?ID=48364 (дата обращения: 24.11.2020).
12. Перская В.В. «Сделано в Китае 2025»: китайский опыт обеспечения задач национального развития // Азия и Африка сегодня. 2020. № 7. С. 19 – 25.
13. Петровский В.Е. Российско-китайское сотрудничество в сфере науки, техники и инноваций: международный контекст, теория, алгоритмы и институты : тез. докл. на заседании Координационного совета по изучению инновационного развития Китая и российско-китайского сотрудничества Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. 2020. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/2020/04032020/Tez_Petrovsky.pdf (дата обращения: 12.11.2020).
14. Шанин А.А. Международный политический режим как элемент современной «Планетарной политической системы» // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 408–411.
15. Ши Чуньян. Исследования и предложения по укреплению российско-китайского научно-технического сотрудничества в новый путинский период // Внешняя экономика и торговля. 2010. № 10. С. 44–45.

16. Действующие международные соглашения о научно-техническом сотрудничестве. URL: http://mon. gov.ru/files/materials/6668/msnts.pd (дата обращения: 15.11.2020).
17. Россия займется развитием нанотехнологий совместно с Китаем. URL: http://science.compulenta.ru/377763/ (дата обращения: 17.11.2020).
18. Россия и Китай расширяют сотрудничество по всем направлениям. URL: http://annews.ru/news/detail.php?ID=48364 (дата обращения: 17.11.2020).
19. Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/58 (дата обращения: 17.11.2020).
20. Путеводитель для инвестора по Томской области. 2017. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/58 (дата обращения: 22.11.2020).
21. Сырямкин В.И., Янь Бо, Ваганова Е.В. Опыт регионального сотрудничества с Китаем на примере взаимодействия ассоциации сибирских и дальневосточных городов и северо-восточных провинций Китая // Проблемы учета и финансов. 2011. № 3. С. 49–58.
22. Иркутская область – провинция Ляонин. Побратимские связи дают Иркутской области огромные преимущества и шанс участвовать в реконструкции промышленности Северо-Востока Китая. URL: http://www. pribaikal.ru/oblents/article/3336.html (дата обращения: 22.11.2020).
23. Зона внедрения. Томская наука прочно прописалась в северо-восточном Китае. URL: http://www.tomskinest.ru/bulletin.php?command=details& mapD=950&item D=250 (дата обращения: 22.11.2020).
24. Протоколы совместных переговоров руководства бизнес-парка TusPark научного парка университета Цинхуа (филиал города Шэньян) с руководителями и научными сотрудниками Института оптики атмосферы Томского научного центра Сибирского отделения Российской Академии Наук. Томск, 2018. 2 с.
25. Источник: суд Томска арестовал ученого Луканина по делу о госизмене в пользу Китая // ТАСС. 2020. 3 окт. URL: https://tass.ru/proisshestviya/9618095 (дата обращения: 25.11.2020).
26. Президента Арктической академии наук обвинили в госизмене в пользу Китая // Интерфакс. 2020. 15 июня. URL: https://www.interfax.ru/russia/713117 (дата обращения: 25.11.2020).
27. Интервью с главой делегации бизнес-парка TusPark научного парка университета Цинхуа (филиал города Шэньян), Мао Шоу, 05.06.2018 // Личный архив автора.
28. Соглашение между компанией Sun Hawk (Henan) Aviation Industry Co., Ltd. и ООО «Центр Инновационных Технологий “Туполев”» о производстве и реализации на территории КНР беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) нового типа, сконструированных по технологии Туполева В.С., применяемых для решения сельскохозяйственных, картографических и военных задач. Рязань, 2019. 3 с.
29. Цуй Чжэн. Российско-китайское научно-техническое сотрудничество и проблемы интеллектуальной собственности // Инновации и инвестиции. 2013. № 7. С. 165–169.
30. Вань Цзин. Краткий анализ о взаимообусловленных факторах китайско-российского научно-технического сотрудничества // Этнографический вестник Хэйлунцзян. 2001. № 2. С. 115.

Alexey N. Zarubin, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: zarkaman@mail.ru
Evgeniy V. Savkhovich, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: savkovic@sibmail.com

THE THEORY OF INTERNATIONAL REGIMES IN THE STUDY OF REGIONAL SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PRC IN 1990–2020s

Keywords: Russian-Chinese relations, regional policy, scientific and technical cooperation, international regime.

The article analyzes the current state of scientific and technical cooperation between China and Russia, including at the regional level. As an example of regional cooperation with China, a particular Russian region – Tomsk region was examined in this regard. First of all, this region, is focused on scientific and innovative development, and secondly, it has almost 25-year history of cooperation in the field of science and technology with the People’s Republic of China.

It is obvious to assume that over 20 years of close cooperation, it would be possible to see a number of jointly implemented scientific projects as a result of such cooperation. However, not a single joint project in the field of science and technology has been officially implemented with any scientific organization in the city of Tomsk. In addition to this paradox, in 2020 an employee of the Institute of Strength Physics and Materials Science of the SB RAS, Lukanin A.A., was arrested on suspicion of transferring information constituting a state secret to the Chinese side (about the developments related to alternative power sources). Summing up the lack of scientific and technical projects implemented at the official level between Tomsk and Shenyang, along with the continuation of close contacts in this area that have not ceased for more than 20 years, and the precedent of high treason in favor of the PRC, it can be assumed that the goal of maintaining these contacts by the Chinese side is not finding the ways of establishing cooperation in the field of science, but the search for alternative ways of obtaining classified technologies.

These assumptions are supported by the fact of a large number of agreements concluded between former scientists from Russia and scientific and technical companies in China. Such agreements relate to potentially innovative dual-use technologies. At the same time, the scientists themselves perform all the technological work for the Chinese side, as well as sell their intellectual property, since the requirements of the Chinese side in most cases include the transfer of technologies production to them. In the context of the interstate level of bilateral scientific relations, the PRC is the only beneficiary of regional scientific and technical cooperation, while significant damage is inflicted on Russian science and the Russian economy, both federal and regional. In addition, in some cases, certain damage is caused to the security of the state, since the lack of state control over the circulation of promising technologies at the level of individual scientists leads to precedents of classified technology transfer to China.

The presence of “grey” commercial sector within the framework of the scientific and technical cooperation regime (albeit at the lowest level of interaction) inevitably leads to a violation of the basic rules and norms of the regime, namely – mutual openness and mutual trust. As the results of the study show, in the case of insufficient state control at any level of bilateral scientific and technical relations, there is a basis for the development of “grey” commerce, which even at the lowest level of scientific and technical relations creates an imbalance in interstate interaction in favor of one of the participants. The stronger this imbalance, the more preconditions appear for extinguishing the current potential of bilateral relations between Russia and China in the field of science and technology, as well as for destroying the existing international regime.

REFERENCES

1. Gorskiy, M. (2013) *Modeli innovatsionnogo razvitiya: SSI i DDI* [Models of innovative development: SSI and DDI]. 17th December. [Online] Available from: https://polit.ru/article/2013/12/17/ps_innov_1/ (Accessed: 9th November 2020).
2. Cui Zheng. (2014) Mekhanizmy i modeli rossiysko-kitayskogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [Mechanisms and models of Russian-Chinese scientific and technical cooperation]. *Proc. of the 16th International Conference*. Moscow. pp. 5–13.

3. Cui Zheng. (2013) Sorazvitie i nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Dal'nego Vostoka Rossii i Severo-Vostochnogo regiona Kitaya [Development and scientific and technical cooperation of the Far East of Russia and the North-East region of China]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 4. pp. 319–322.
4. Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Belarus. (n.d.) *Nauchno-tekhnicheskiy progress v Kitae* [Scientific and technical progress in China]. [Online] Available from: http://by.china-embassy.org/rus/zgxx/kj/t221080.htm (Accessed: 10th November 2020).
5. Cui Zheng. (2013) Russian-Chinese and Soviet-Chinese scientific and technical cooperation: development and evolution. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki – Scientific Review. Series 2: Human Science.* 5. pp. 16–22. (In Russian).
6. Leonov, S.N. & Domnich, E.L. (n.d.) *Gosudarstvennaya innovatsionnaya politika poreformennogo Kitaya: soderzhanie, periodizatsiya, masshtaby* [State innovation policy of post-reform China: content, periodization, scale]. [Online] Available from: http://www.khstu.ru/vestnik/ articles/407.pdf (Accessed: 10th November 2020).
7. Cui Zheng. (2015) *Nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo RF i KNR v kontekste innovatsionnogo razvitiya stran BRIKS* [Scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the PRC in the context of the innovative development of the BRICS countries]. Abstract of Politology Cand. Diss. Moscow.
8. Cheng Guanxin. (2010) Predlozheniya dlya sodeystviya kitaysko-rossiyskomu nauchno-tekhnicheskomu sotrudnichestvu v novyy period [Proposals for promoting the Chinese-Russian scientific and technical cooperation in the new period]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatika*. 23. p. 5.
9. Russian.china.org.cn. (2009) *Ot druzhestvennogo soyuza Kitaya i SSSR do kitaysko-rossiyskogo partnerstva strategicheskogo vzaimo*deystviya [From the friendly alliance of China and the USSR to the Sino-Russian partnership of strategic interaction]. [Online] Available from: http://russian.china.org.cn/ international/ar- chive/china-russian/txt/2009-04/08/content_17571995.htm (Accessed: 12th November 2020).
10. Russian.people.com.cn. (n.d.) *Ustanovlenie diplomaticheskikh otnosheniy mezhdu KNR i SSSR* [Establishment of diplomatic relations between the PRC and the USSR]. [Online] Available from: http://russian.people.com.cn/31857/97676/97802/6740909.html (Accessed: 12th November 2020).
11. Annews.ru. (n.d.) *Rossiya i Kitay rasshiryayut sotrudnichestvo po vsem napravleniyam* [Russia and China are expanding cooperation in all areas]. [Online] Available from: http://annews.ru/news/detail.php?ID=48364 (Accessed: 24th November 2020).
12. Perskaya, V.V. (2020) "Made in China 2025": chinese experience in achieving national development goals. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 7. pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.31857/S032150750010100-2
13. Petrovskiy, V.E. (2020) *Rossiysko-kitayskoe sotrudnichestvo v sfere nauki, tekhniki i innovatsiy: mezhdunarodnyy kontekst, teoriya, algoritmy i instituty : tez. dokl. na zasedanii Koordinatsionnogo soveta po izucheniyu innovatsionnogo razvitiya Kitaya i rossiysko-kitayskogo sotrudnichestva Otdeleniya global'nykh problem i mezhdunarodnykh otnosheniy RAN* [Russian-Chinese cooperation in science, technology and innovation: international context, theory, algorithms and institutions: abstracts. report at a meeting of the Coordinating Council for the Study of China's Innovative Development and Russian-Chinese Cooperation of the Department of Global Problems and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. [Online] Available from: https://www.imemo.ru/files/File/ru/events/ 2020/04032020/Tez_Petrovsky.pdf (Accessed: 12th November 2020).
14. Shanin, A.A. (2008) Mezhdunarodnyy politicheskiy rezhim kak element sovremennoy "Planetarnoy politicheskoy sistemy" [International political regime as an element of the modern "Planetary political system"]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava – Actual Problems of Russian Law*. 4. pp. 408–411.
15. Shi Chunyan. (2010) Issledovaniya i predlozheniya po ukrepleniyu rossiysko-kitayskogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v novyy putinskiy period [Research and Proposals for Strengthening Russian-Chinese Scientific and Technical Cooperation in the New Putin Period]. *Vneshnyaya ekonomika i torgovlya*. 10. pp. 44–45.
16. Russia. (n.d.) *Deystvuyushchie mezhdunarodnye soglasheniya o nauchno-tekhnicheskom sotrudnichestve* [Current international agreements on scientific and technical cooperation]. [Online] Available from: http://mon. gov.ru/files/materials/6668/msnts.pd (Accessed: 15th November 2020).
17. Russia. (n.d.) *Rossiya zaymetsya razvitiem nanotekhnologiy sovmestno s Kitaem* [Russia to engage in the development of nanotechnology together with China]. [Online] Available from: http://science.compulenta.ru/377763/ (Accessed: 17th November 2020).
18. Annews.ru. (n.d.) *Rossiya i Kitay rasshiryayut sotrudnichestvo po vsem napravleniyam* [Russia and China are expanding cooperation in all areas]. [Online] Available from: http://annews.ru/news/detail.php?ID=48364 (Accessed: 17th November 2020).
19. Kremlin.ru. (n.d.) *Sovmestnoe Rossiysko-Kitayskoe zayavlenie ob itogakh vstrechi na vysshem urovne v Moskve* [Joint Russian-Chinese statement on the results of the summit in Moscow]. [Online] Available from: http://news.kremlin.ru/ref_notes/58 (Accessed: 17th November 2020).
20. Kremlin.ru. (2017) *Putevoditel' dlya investora po Tomskoy oblasti. 2017* [Investor's guide to the Tomsk region. 2017]. [Online] Available from: http://news.kremlin.ru/ref_notes/58 (Accessed: 22.11.2020).
21. Syryamkin, V.I., Yan Bo & Vaganova, E.V. (2011) Interregional cooperation with China experience as exemplified by interaction of association of Siberian and Far Eastern cities and North-East provinces of China. *Problemy ucheta i finansov*. 3. pp. 49–58. (In Russian).
22. Pribaikal.ru. (n.d.) *Irkutskaya oblast' – provintsiya Lyaonin. Pobratimskie svyazi dayut Irkutskoy oblasti ogromnye preimushchestva i shans uchastvovat' v rekonstruktsii promyshlennosti Severo-Vostoka Kitaya* [Irkutsk region – Liaoning province. Sister-city relations give Irkutsk region huge advantages and a chance to participate in the reconstruction of industry in Northeast China]. [Online] Available from: http://www. pribaikal.ru/oblents/article/3336.html (Accessed: 22nd November 2020).
23. Tomskinest.ru. (n.d.) *Zona vnedreniya. Tomskaya nauka prochno propisalas' v severo-vostochnom Kitae* [Zone of implementation. Tomsk science is firmly established in northeastern China]. [Online] Available from: http://www.tomskinest.ru/bulletin.php?command=details& mapD=950&item D=250 (Accessed: 22nd November 2020).
24. Russian Academy of Sciences. (2018) *Protokoly sovmestnykh peregovorov rukovodstva biznes-parka TusPark nauchnogo parka universiteta Tsinkhua (filial goroda Shen'yan) s rukovoditelyami i nauchnymi sotrudnikami Instituta optiki atmosfery Tomskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk* [Protocols of joint negotiations between the management of TusPark Business Park of Tsinghua University Science Park (Shenyang City Branch) with the leaders and researchers of the Institute of Atmospheric Optics of the Tomsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. Tomsk: SB RAS.
25. TASS. (2020) *Istochnik: sud Tomska arestoval uchenogo Lukanina po delu o gosizmene v pol'zu Kitaya* [Source: Tomsk court arrested scientist Lukanin for the case of treason in favor of China]. 3rd October. [Online] Available from: https://tass.ru/proisshestviya/9618095 (Accessed: 25th November 2020).
26. Interfaks. (2020) *Prezidenta Arkticheskoy akademii nauk obvinili v gosizmene v pol'zu Kitaya* [The President of the Arctic Academy of Sciences was accused of treason in favor of China]. 15th June. [Online] Available from: https://www.interfax.ru/russia/713117 (Accessed: 25th November 2020).
27. Mao Shou. (2018) *Interv'yu s glavoy delegatsii biznes-parka TusPark nauchnogo parka universiteta Tsinkhua (filial goroda Shen'yan), Mao Shou, 05.06.2018* [Interview with the head of the delegation of the TusPark business park of the Tsinghua University Science Park (branch of the city of Shenyang), Mao Shou, June 5, 2018]. From the author's personal archive.
28. Russia, China. (2019) *Soglashenie mezhdu kompaniey Sun Hawk (Henan) Aviation Industry Co., Ltd. i OOO Tsentr Innovatsionnykh Tekhnologiy "Tupolev" o proizvodstve i realizatsii na territorii KNR bespilotnykh letatel'nykh apparatov (BPLA) novogo tipa, skonstruirovannykh po tekhnologii Tupoleva V.S., primenyaemykh dlya resheniya sel'skokhozyaystvennykh, kartograficheskikh i voennykh zadach* [Agreement between Sun Hawk (Henan) Aviation Industry Co., Ltd. and LLC Center for Innovative Technologies "Tupolev" on the production and sale on the territory of the PRC of unmanned aerial vehicles (UAVs) of a new type, designed according to the technology of Tupolev V.S., used to solve agricultural, cartographic and military problems]. Ryazan: [s.n.].
29. Cui Zheng. (2013) Rossiysko-kitayskoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo i problemy intellektual'noy sobstvennosti [Russian-Chinese scientific and technical cooperation and problems of intellectual property]. *Innovatsii i investitsii*. 7. pp. 165–169.
30. Wan Jing. (2001) Kratkiy analiz o vzaimoobuslovlennykh faktorakh kitaysko-rossiyskogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva [A brief analysis of the interdependent factors of the Chinese-Russian scientific and technical cooperation]. *Etnograficheskiy vestnik Kheyluntszyan*. 2. pp. 115.

УДК 321, 321.8, 327, 327.7, 329
DOI: 10.17323/19988613/73/14

Ю.В. Менщикова

ПОДПИСАНИЕ МААСТРИХТСКОГО ДОГОВОРА – ПОБЕДА ДЖОНА МЕЙДЖОРА И ПРОВАЛ ДЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ?

Статья посвящена пониманию значения Маастрихтского договора для Великобритании с точки зрения бывшего премьер-министра Соединенного Королевства Дж. Мейджора и с позиции британских граждан. Показано, что на момент заключения договора и в наши дни взгляды политика и граждан имеют кардинальное различие – Дж. Мейджор оценивает документ положительно, в то время как большинство жителей Соединенного Королевства относятся к нему негативно. Определены причины такой поляризации мнений: Маастрихтский договор для Дж. Мейджора – возможность для Великобритании быть глобальным лидирующим игроком, для британцев – причина растущего потока мигрантов и угроза национальной идентичности.
Ключевые слова: Маастрихтский договор, ЕС, Джон Мейджор.

23 июня 2016 г. граждане Соединенного Королевства проголосовали за то, чтобы покинуть Европейский Союз. Выход Великобритании из ЕС получил название Брексит (Brexit). Он был завершен 31 января 2020 г.

Выход из Союза уже отставной британский политик Джон Мейджор назвал худшим внешнеполитическим решением [1]. Дж. Мейджор был премьер-министром Великобритании от Консервативной партии с 1990 по 1997 г. Он возглавил правительство после продолжительного премьерства Маргарет Тэтчер, ранее оказавшей ему протекцию при продвижении на лидирующие позиции. Однако затем поддержка перешла в оппозицию. Их взгляды на внешнюю политику имели кардинальное расхождение: в качестве главного партнера на мировой арене М. Тэтчер видела США, Дж. Мейджор, напротив, ориентировался на тесное сотрудничество с Европой.

Именно в период премьерства Дж. Мейджора произошло эпохальное событие в истории наднациональной интеграции. 7 февраля 1992 г. был заключен Маастрихтский договор о создании Европейского Союза. По мнению Дж. Мейджора, соглашение стало успехом как для Великобритании, так и для Европы в целом [2. С. 101]. Однако после продолжительного членства страны в ЕС большинство жителей Соединенного Королевства выразили желание покинуть сообщество. Более 50% британцев не видели выгод от участия в Союзе для своей страны и не чувствовали свою принадлежность к ЕС. Иначе говоря, Брексит поставил вопрос о сущности идентичности ЕС для жителей Соединенного Королевства.

Суть идентичности заключается в конструировании «воображаемых сообществ». Ее главные задачи – служить границей, отделяющей одно сообщество от другого, и быть консолидирующей идеей для сплочения членов этих групп [3. С. 13]. Европейская идентичность – это целенаправленно формируемое Европейским союзом чувство принадлежности жителей отдельных стран ЕС к объединению, которое является одним из ключевых условий существования самого Евросоюза. Это чувство призвано сплотить европейцев в рамках ЕС. При этом главными консолидирующими факторами в большей степени выступают культура, история и экономика.

Согласно данным мирового исследовательского агентства Pew Research Center, подрыв национальной идентичности граждане Великобритании считают одной из ключевых причин выхода их государства из Европейского Союза. Большинство взрослых британцев (люди в возрасте от 34 лет) полагают, что родиться в своей стране и иметь в ней семейное происхождение очень важно для того, чтобы по-настоящему чувствовать свое национальное самосознание [4]. Таким образом, для граждан Великобритании значение национальной идентичности выше европейской.

Вместе с тем определенно существует связь между Соединенным Королевством и континентальной Европой, в частности, по мнению Дж. Мейджора, в области истории и торговли [5]. Однако при этом отставной политик указывал на долговечность национальных интересов, национальной самобытности и национальной гордости, которые скрыты в политических и экономических структурах, а также в культуре и языке [6].

Тори четко понимал, что у британских граждан есть опасения потерять национальную самоидентификацию. В этой связи его позиция в отношении ЕС заключалась в следующем: национальные интересы не должны быть сметены риторикой о единстве. Он полагал, что сообщество должно было показать: эти страхи являются призраками. Для этого Союз должен был признать национальную самобытность жителей входящих в него стран [6].

Однако Маастрихтский договор предполагал экономическое и политическое объединение европейских стран в одну наднациональную структуру. Документ вводил правовой порядок, определяющий основы функционирования ЕС. Это были три опоры Европейского Союза: европейские сообщества; общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ); полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам. Первая опора состояла из трех международных организаций с общими органами управления – Европейского экономического сообщества (ЕЭС), Европейского

сообщества по атомной энергии (ЕВРАТОМ) и Европейского объединения угля и стали. Цель ЕЭС заключалась в дальнейшей экономической интеграции, включая создание общего рынка.

Формой организации валютных отношений внутри ЕЭС была Европейская валютная система (ЕВС), которая действовала с 1979 по 1999 г. Ее основу составляли немецкая марка, германская политика низкой инфляции и устойчивых обменных курсов. Вхождение фунта стерлингов в ЕВС означало бы присоединение к политике низкой инфляции, но прочно привязывало бы фунт к марке. М. Тэтчер, например, полагала, что такая привязка станет ущемлением финансового суверенитета страны.

Н. Лоусон, канцлер казначейства Великобритании в 1983–1989 гг., утверждал: если фунт будет оставаться вне механизма обменных курсов, британское правительство будет играть незначительную роль в формировании европейской экономической и индустриальной политики. Н. Лоусон покинул кабинет в октябре 1989 г., на его место был назначен Дж. Мейджор [7. С. 297].

Присоединение к ЕВС могло привести к сокращению инфляции и снижению процентных ставок, что было необходимо для стабилизации британской экономики. Улучшение экономической ситуации в стране могло положительно отразиться на рейтингах М. Тэтчер накануне всеобщих выборов. В октябре 1990 г. фунт стерлингов частично вошел в Европейскую валютную систему – он был присоединен к механизму обменных курсов. Однако это не помогло М. Тэтчер одержать победу на выборах. В ноябре произошла ее отставка. Новым премьер-министром был избран Дж. Мейджор.

В декабре 1990 г. начала работу конференция по созданию Экономического и валютного союза (ЭВС), на которой обсуждался вопрос о единой европейской валюте. Было решено, что ее введение станет возможным, если восемь стран будут к этому готовы, а отдельные государства, в первую очередь Великобритания, смогут не вводить единую валюту, пока не захотят этого. Дж. Мейджор согласился с этим условием [Там же. С. 298].

Участием в переговорах о деятельности ЭВС, после продолжительной и серьезной антиевропейской риторики М. Тэтчер, вектор британской политики был направлен в сторону Евросоюза. Это было определенным достижением Дж. Мейджора на посту нового главы правительства и предваряло вступление Британии в ЕС.

Однако на момент заключения Маастрихтского договора позиция Великобритании в лице Дж. Мейджора в отношении интеграции заключалась в следующем: «Никакого федерализма. Никакого обязательства перейти на единую валюту. Никакой Социальной Хартии. Никакого верховенства Сообщества в вопросах внешней и внутренней политики» [8. С. 155].

На отказ от введения в Соединенном Королевстве общей валюты также повлияли события лета 1992 г. Государства Западной Европы оказались в разных фазах экономического цикла. Это привело к кризису внутри Европейской валютной системы. Британский фунт был девальвирован, и правительство Великобритании заявило о выходе из ЕВС. Соединенное Королевство воспользовалось возможностью управления обменным курсом фунта и повысило процентные ставки. Этим государство спасло свое экономическое положение [7. С. 301]. Кризис показал, что механизм обменных куров не гарантирует стабильности национальных валют, а Великобритания окончательно оказалась от введения общей денежной единицы.

Единая валюта – одна из основ существования Европейского Союза, которая также является элементом общеевропейской идентичности. В Великобритании вопрос о ее введении всегда стоял наиболее остро. С одной стороны, он отражал стремление Соединенного Королевства играть ключевую роль в европейских экономических делах, что требовало присоединения к общей денежной единице. С другой стороны, демонстрировал неготовность островного государства подвергать угрозе национальные интересы. Отказ от введения единой валюты показал, что страна была не готова к экономической интеграции в том формате, на который рассчитывал Союз. Великобритания обладала сильной экономической независимостью, которой не могла пожертвовать ради объединения.

Тем не менее Дж. Мейджор оставался сторонником активного участия страны в европейской интеграции. Среди своих наиболее ярких достижений на посту премьер-министра сам политик считал переговоры вокруг подписания Маастрихтского договора в декабре 1991 г., в ходе которых, по его мнению, удалось сломить сопротивление партнеров по Евросоюзу и заключить договор, отвечавший британским интересам [8. С. 155]. Значение Маастрихтского договора для Великобритании Дж. Мейджор видел в более активном участии Лондона в процессе принятия решений в Европе [Там же]. Политик поддерживал создание единого европейского рынка. Спустя 12 лет после подписания документа Дж. Мейджор назвал Европейский Союз самой большой и богатой зоной свободной торговли в истории [9].

Подписание Маастрихтского договора совпало с экономическим подъемом в Соединенном Королевстве. Он начался осенью 1992 г. и был одним из наиболее динамичных и самых продолжительных за весь послевоенный период. Уровень и качество жизни британцев росли. По темпам роста ВВП на душу населения Великобритания стала опережать другие крупные европейские страны. С 1991 по 2004 г. этот показатель в Великобритании увеличился на 32%. За тот же период во Франции он возрос всего на 19%, в Италии — на 17%, Германии — на 15% [7. С. 248].

У подъема британской экономики было несколько причин. Во-первых, британский бизнес больше, чем бизнес ведущих государств зоны евро, вовлечен в международное производство. Во-вторых, Великобритания осуществляла активную хозяйственную деятельность за пределами континентальной Европы. В-третьих, важную роль сыграла синхронизация производства страны с быстрорастущей экономикой США. Кроме того, Лондон является мировым, а в Европе – крупнейшим финансовым центром. Деятельность британских банков и специализированных кредитно-финансовых институтов в большей мере, чем аналогичных учре-

ждений других стран, ориентирована на обслуживание международных экономических отношений, кредитование внешней торговли. В столице Великобритании расположены крупнейшие фондовые и товарные площадки мира [7. С. 246]. Отказ от участия в зоне евро, в свою очередь, сохранил за Великобританией национальную валюту и возможность осуществлять самостоятельную кредитно-денежную политику.

Все это отличало положение островного государства от других европейских стран. Британия желала оставаться глобальным игроком со своей валютой. ЕС в этом случае выступал наилучшим средством продвижения британских политических и коммерческих интересов на мировой арене, на которой главными конкурентами являются США и государства Азиатско-Тихоокеанского региона [10].

Дж. Мейджор стремился проводить европейскую политику с учетом мнения граждан. Например, осенью 1992 г. большинство жителей Великобритании, 58%, высказывались против единой валюты, заменяющей к 1999 г. все национальные валюты государств – членов ЕС [11]. Также 71% британцев говорили о том, что не чувствуют себя европейцами, предпочитая национальную идентичность [12]. Однако такой вариант оказался несовместим с политическим курсом Европейского союза, который требовал и требует от своих участников европейской самоидентификации и единой экономической системы.

Действительно ли тогда Маастрихтский договор соответствовал интересам Великобритании? Взгляды Дж. Мейджора и британских граждан разошлись. Еще осенью 1992 г. триумфальный для Дж. Мейджора договор одобряли лишь 38% британцев, остальные высказывались против него [11].

Европейская интеграция в начале 1990-х гг. сопровождалась благоприятной экономической ситуацией в Соединенном Королевстве и смягчением политического курса, который произошел с приходом Дж. Мейджора. Вероятно, по этой причине действия политика в отношении Европы не встретили активного сопротивления со стороны граждан.

Сегодня большинство британцев положительно оценивают выход из Евросоюза [13]. В мае 2019 г. жителям Соединенного Королевства задали вопрос: если бы вы могли выбрать одного британского премьер-министра последних тридцати лет, который будет вести переговоры по Brexit, кто бы это был? Большинство опрошенных, 44%, ответили, что это М. Тэтчер. Дж. Мейджор получил поддержку лишь 4% опрошенных [14]. Показательно, что среди голосовавших были преимущественно люди старше 50 лет, т.е. те, кто застал время подписания Маастрихтского договора. Следовательно, сегодня, возвращаясь в события начала 1990-х гг., большая часть британцев поддерживает антиевропейский курс М. Тэтчер.

С исторической ретроспективы политический курс Дж. Мейджора не оправдался. Его представления о «Единой Европе» не совпали со взглядами британцев, которые определили судьбу Великобритании в ЕС, проголосовав за выход из объединения. Главной причиной Брексита стал страх британцев перед растущим потоком мигрантов, что, по их мнению, является следствием членства их страны в Евросоюзе. С этой точки зрения Маастрихтский договор обернулся провалом для Великобритании, поскольку негативные последствия участия Соединенного Королевства в ЕС были определяющими аргументами в процессе принятия решения о дальнейшем участии страны в Союзе.

Великобритания вернет себе полный контроль над миграцией. Однако ее сокращение может быть незначительным. Мигранты вносят положительный вклад в развитие британской экономики. Уровень их пособий и льгот не превышает прибыли, которую они вносят в бюджет страны [15. С. 50]. При этом среда иммигрантов неоднородна по своему составу. Это не только люди с низкой квалификацией и беженцы, но и студенты, а также те, кто занят в инновационных секторах экономики [Там же]. Кроме того, активный приток иностранцев в Великобританию начался задолго до официального оформления Европейского Союза. Еще после окончания Второй мировой войны Британия, нуждаясь в рабочих руках для восстановления экономики, стала привлекать выходцев из своих колоний. Британский Акт о гражданстве 1948 г. гарантировал иммигрантам из Содружества и колоний право селиться, голосовать и пользоваться всеми услугами, предоставляемыми гражданам Великобритании, в том числе получать паспорт [Там же. С. 52]. В 1973 г., после присоединения Соединенного Королевства к Европейскому сообществу, приток мигрантов усилился, так как интеграция давала свободу передвижения.

Выход Соединенного Королевства из Евросоюза нанесет стране серьезный экономический ущерб. Между островным государством и ЕС, главным торговым партнером Великобритании, изменится формат отношений. Многие годы доля Евросоюза (с учетом внутрирегиональной торговли) составляла и составляет около 40% международной торговли товарами [16. С. 103]. Вероятно, прибыль от доступа к Европейскому единому рынку сильно сократится, так как будут введены новые торговые пошлины и другие барьеры.

Актуален тезис Дж. Мейджора, озвученный им в 1993 г., о том, что изоляция от Европейского сообщества нанесет огромный ущерб британскому бизнесу, торговле, перспективам роста и трудоустройства [17]. Действительно, членство в ЕС делало британскую экономику сильнее. Союз оказывал поддержку бизнесу Великобритании, обеспечивал низкие цены для потребителей и создавал рабочие места. Возможно, продолжение диалога и поиск компромиссов с Брюсселем позволили бы Лондону и в будущем извлекать пользу от партнерства. Однако реальность такова, что Евросоюз не может функционировать по тем правилам, которые приемлемы для Великобритании. Углубление интеграции и укрепление европейской идентичности вызывали несогласие у Соединенного Королевства, в конце концов обусловив его выход из объединения.

Стоит ожидать нового формата отношений Британии и Европейского союза. Однако каким он станет, теперь будет определять Брюссель. Островное государство потеряет часть своего влияния, оказавшись за границами ЕС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sir John Major's Message to Vote for Final Say Rally – 6 December 2019 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/2015-2/sir-john-majors-message-to-vote-for-final-say-rally-6-december-2019/ (accessed: 11.02.2020).
2. Порецкова Е.А. Великобритания и Маастрихтский договор 1992 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2012. № 2. С. 101–103.
3. Алтухова С.А. Проблемы британской идентичности в современной российской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55), ч. I. С. 13–16.
4. Joshi O., Evans J. British attitudes on national identity and religious minorities not unique in EU // Pew Research Center. 2020. URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/19/british-attitudes-on-national-identity-and-religious-minorities-not-unique-in-eu/ (accessed: 16.03.2020).
5. Mr Major's Speech on Enterprise Europe and the Social Chapter – 4 February 1997 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-speech-on-enterprise-europe-and-the-social-chapter-4-february-1997/ (accessed: 11.02.2020).
6. Mr Major's "Europe and the World Speech" – 7 September 1992 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-europe-and-the-world-speech-7-september-1992/ (accessed: 11.02.2020).
7. Великобритания : эпоха реформ / А.А. Громыко [и др.] ; под ред. А.А. Громыко. М. : Весь Мир, 2007. 536 с.
8. Капитонова Н.К. Последний британский премьер-консерватор XX века: по страницам его мемуаров // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 150–162.
9. Mr Major's Article on Europe – 15 October 2004 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/uncategorized/mr-majors-article-on-europe-15-october-2004/ (accessed: 14.02.2020).
10. Mr Major's Article on the European Union – 25 September 1993 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-article-on-the-european-union-25-september-1993/ (accessed: 11.02.2020).
11. Eurobarometer 38. Public Opinion in the European on the European community. December 1992. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb38/eb38_en.htm (accessed: 18.11.2019).
12. Eurobarometer 37. Public Opinion in the European on the European community. June 1992. URL: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb37/eb37_en.htm (accessed: 22.11.2019).
13. Do you feel at all different since the UK left the European Union? Thatcher // YouGov. 2018. URL: https://yougov.co.uk/topics/politics/explore/issue/Brexit/topics/politics/survey-results/daily/2020/02/03/66818/2 (accessed: 17.03.2020).
14. If you could choose one British Prime Minister from the last thirty years to be leading Brexit negotiations, who would it be? // YouGov. 2018. URL: https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2019/05/20/62e84/2 (accessed: 17.03.2020).
15. Хахалкина Е.В. Иммиграционная политика Д. Кэмерона (2010–2015 гг.) // Современная Европа. 2015. № 4 (64). С. 47–58.
16. Родионова И.А., Умерова И.А. Позиции стран-членов ЕС в мировой и внутрирегиональной торговле // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 41. С. 103–108.
17. Mr Major's Comments on Maastricht – 19 February 1993 // Sir John Major KG CH, Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997. 2020. URL: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-comments-on-maastricht-19-february-1993/ (accessed: 11.02.2020).

Yulia V. Menshchikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: menshchikova.yu@mail.ru

SIGNING OF THE MAASTRICHT TREATY: JOHN MAJOR'S VICTORY AND FAILURE FOR THE UK?

Keywords: Maastricht Treaty, European Union, John Major.

In the present article the reasons for the different visions of the significance of the Maastricht treaty for Great Britain put forward by J. Major, the former Prime Minister of the United Kingdom, and British citizens are highlighted. The Treaty on the European Union was concluded on February 7, 1992 – during the Tory premiership. The point is that at the time of signing the agreement and today the politician's position and the citizens' one differ radically; J. Major assesses the document positively, while most residents of the United Kingdom have a negative attitude to it. The purpose of the research was to determine the causes of such a polarization of opinion.

The main sources to be applied are speeches, comments, articles by J. Major published on his official website "Sir John Major KG CH Prime Minister of Great Britain and Northern Ireland 1990–1997" and data from the Eurobarometer, i.e. public opinion polls regularly conducted on behalf of the European Commission. Furthermore, the data of the world research agency Pew Research Center as well as of the global public opinion and data company YouGov have been used.

The article focuses on the issue of national identity, since it matters a lot to British citizens and plays an important role in the formation of the British attitude towards continental Europe. Fear of loss of national self-identification has determined the negative nature of the majority of British judgments about the significance of the Maastricht Treaty for their country. John Major sought to conduct foreign policy taking into account citizens' interests. However, at the same time, the Tory was determined to closely collaborate with "United Europe" as it was necessary to strengthen the country's position in the world due to the dominance of the USA and countries in the Asia-Pacific region.

It is also presented interpretation of the essence of the Maastricht Treaty. It was based on the economic and political unification of European countries into one supranational structure. Currency integration was one of the main tasks of the association. The single currency for all EU countries is one of the foundations of the EU, which is also an element of pan-European identity. Great Britain refused to introduce the euro. The UK had strong economic independence, and its citizens had a heightened sense of national identity, which the state couldn't sacrifice for the unification.

In addition, the research covers the migration aspect of the incorporation of Great Britain into the European Union, since, according to the majority of the British public, an increasing number of migrants is a consequence of the participation of the United Kingdom in the European Union as well as it has a negative impact on the situation inside the country.

Ultimately, on the basis of the data analysis, including the politician's speeches, statistics and opinion polls, it has been concluded that, in Major's opinion, the Maastricht Treaty was an opportunity for the UK to be a global player, whereas the British perceive the agreement as the main cause of a growing number of migrants as well as a threat to national identity.

REFERENCES

1. Major, J. (2020a) *Sir John Major's Message to Vote for Final Say Rally. 6th December 2019*. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/2015-2/sir-john-majors-message-to-vote-for-final-say-rally-6-december-2019/ (Accessed: 11th February 2020).
2. Poretskova, E.A. (2012) Great Britain and the Maastricht Treaty on European Union (1992). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2. pp. 101–103. (In Russian).
3. Altukhova, S.A. (2015) Problems of the British Identity in the Modern Russian Historiography. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 5-1(55). pp. 13–16. (In Russian).
4. Joshi, O. & Evans, J. (2020) *British attitudes on national identity and religious minorities not unique in EU*. [Online] Available from: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/02/19/british-attitudes-on-national-identity-and-religious-minorities-not-unique-in-eu/ (Accessed: 16th March 2020).
5. Major, J. (2020b) *Mr Major's Speech on Enterprise Europe and the Social Chapter. 4th February 1997*. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-speech-on-enterprise-europe-and-the-social-chapter-4-february-1997/ (Accessed: 11th February 2020).
6. Major, J. (2020c) *Mr Major's "Europe and the World Speech" – 7 September 1992*. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-europe-and-the-world-speech-7-september-1992/ (Accessed: 11th February 2020).
7. Gromyko, A.A. (ed.) (2007) *Velikobritaniya: epokha reform* [Great Britain: the era of reforms]. Moscow: Ves' Mir.
8. Kapitonova, N.K. (2009) John Major: the last British prime minister-conservative in the 20th century. Based on his memoirs. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 4. pp. 150–162. (In Russian).
9. Major, J. (2020d) *Mr Major's Article on Europe. 15th October 2004*. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/uncategorized/mr-majors-article-on-europe-15-october-2004/ (Accessed: 14th February 2020).
10. Major, J. (2020e) *Mr Major's Article on the European Union*. 25th September 1993. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-article-on-the-european-union-25-september-1993/ (Accessed: 11th February 2020).
11. European Union. (1992a) *Eurobarometer 38. Public Opinion in the European on the European community. December 1992*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb38/eb38_en.htm (Accessed: 18th November 2019).
12. European Union. (1992b) *Eurobarometer 37. Public Opinion in the European on the European community. June 1992*. [Online] Available from: https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb37/eb37_en.htm (Accessed: 22nd November 2019).
13. YouGov. (2018a) *Do you feel at all different since the UK left the European Union? Thatcher*. [Online] Available from: https://yougov.co.uk/topics/politics/explore/issue/Brexit/topics/politics/survey-results/daily/2020/02/03/66818/2 (Accessed: 17th March 2020).
14. YouGov. (2018b) *If you could choose one British Prime Minister from the last thirty years to be leading Brexit negotiations, who would it be?* [Online] Available from: https://yougov.co.uk/topics/politics/survey-results/daily/2019/05/20/62e84/2 (Accessed: 17th March 2020).
15. Khakhalkina, E.V. (2015) UK Immigration Policy (from 2010–2015). *Sovremennaya Evropa – Contemporary Europe*. 4(64). pp. 47–58. (In Russian).
16. Rodionova, I.A. & Umerova, I.A. (2009) Position of EU member states in world and intraregional trade. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika – Regional Economics: Theory and Practice*. 41. pp. 103–108. (In Russian).
17. Major, J. (2020f) *Mr Major's Comments on Maastricht. 19th February 1993*. [Online] Available from: http://www.johnmajorarchive.org.uk/1990-1997/mr-majors-comments-on-maastricht-19-february-1993/ (Accessed: 11th February 2020).

УДК 94 (73)
DOI: 10.17323/19988613/73/15

Ю.П. Попов

ОТНОШЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РИЧАРДА НИКСОНА К ПРОВОЗГЛАШЕНИЮ И НАЧАЛУ ПРОВЕДЕНИЯ «НОВОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ» ФРГ (1969–1970)

Исследуется отношение правительства Р. Никсона к провозглашению и началу реализации «новой восточной политики», проводимой правительством федерального канцлера ФРГ В. Брандта. Автор полагает, что причина американо-германских противоречий лежит в разнице понимания политики разрядки в Европе, а также в проведении ФРГ более независимой от США политики в отношении стран Организации Варшавского договора. Выявлено, что с самого начала администрация Р. Никсона негативно оценивала «новую восточную политику». Отношение к данной политике менялось, но довольно непоследовательно. При этом в публичном дискурсе заявлялось о полном одобрении «новой восточной политики».

Ключевые слова: «новая восточная политика», американо-германские отношения, политика «разрядки», В. Брандт, Р. Никсон.

С момента основания и до сегодняшнего дня ФРГ является основным союзником США в различных сферах. Однако на протяжении многих лет отношения данных государств переживали разные состояния. Одним из противоречивых периодов в истории американо-германских отношений является «новая восточная политика» (Ostpolitik), реализованная правительством ФРГ в 1970-е гг. и неразрывно связанная с именем федерального канцлера ФРГ В. Брандта.

В период с 1970 г. по 1974 г. ФРГ подписала ряд договоров со странами Организации Варшавского договора (ОВД) – СССР, ГДР, ПНР, ЧССР, которые позволили стабилизировать обстановку в Европе. В связи с большим значением данных договоров и попыткой ФРГ проводить независимую внешнюю политику США не могли оставаться в стороне. Правительство США столкнулось с необходимостью тщательно анализировать каждый шаг ФРГ в сторону сближения со странами социалистического блока. Американской администрации и правящим кругам было необходимо наладить взаимопонимание с правительством В. Брандта и выработать определенный подход к «новой восточной политике» ФРГ: адекватно воспринять и интерпретировать данную политику с учетом своих собственных интересов.

Политика В. Брандта вызывала неоднозначную реакцию у первых лиц США, она не вписывалась в концепцию разрядки международной напряженности, какой ее видела администрация Р. Никсона. Американская концепция разрядки имела в основе комплекс причин, и все они были непосредственно связаны с войной во Вьетнаме. Война вызывала негативную реакцию в обществе и порождала повсеместные массовые протесты в США. Затраты на войну оказались существенными, что отражалось на бюджете страны и приводило к негативным последствиям для американской экономики.

С другой стороны, интеллектуальная и политическая элита страны понимала, что война во Вьетнаме проиграна, а политика «сдерживания» в отношении социалистического блока, осуществлявшаяся предыдущими президентами США, не работает. В тех условиях внешнеполитического «хаоса» [1. P. 18], в которых оказались США, команда президента Р. Никсона предприняла попытку сформулировать новый подход к международной политике посредством переговоров, а не демонстрации военной мощи. При этом подход не отвергал концепцию «сдерживания» полностью, а лишь предполагал изменение внешнеполитической стратегии США, отвечающей сложностям и требованиям новой эпохи. Основной принцип модели был сформулирован советником президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером. По мнению политика, таким принципом являлся баланс сил в мире. Несомненно, этого придерживался и Р. Никсон. В своем выступлении он утверждал: «Я думаю, что мир будет более безопасным, если у нас будут сильные, здоровые Соединенные Штаты, Европа, Советский Союз, Китай, Япония, каждый из которых будет уравновешивать друг друга, а не противостоять друг другу, у нас будет равный баланс» [2. P. 708].

Путь к разрядке правительство Р. Никсона видело в проведении двусторонних переговорах между США и СССР. Американские политики с настороженностью воспринимали самостоятельные шаги стран Западной Европы в сторону сближения с СССР, особенно политику В. Брандта. В правительстве США не было единого мнения в понимании и интерпретации «новой восточной политики». В данной статье будет проведен анализ отношения правительства Р. Никсона к провозглашению и началу проведения «новой восточной политики» ФРГ от прихода к власти правительства В. Брандта 21 октября 1969 г. до подписания Московского договора 12 августа 1970 г. Московский договор является первым значительным актом «новой восточной политики» и знаменует окончание ее первого этапа. Именно на этом временном отрезке окончательно сформировалось отношение правительства Р. Никсона к «новой восточной политике».

Исследование отношения США к «новой восточной политике» на первоначальном этапе важно для понимания пересмотра американской версии разрядки

международной напряженности и причин включения фактора «новой восточной политики» в политику США. Основные выводы исследования могут быть полезны для анализа современных германо-американских отношений, не чуждых противоречиям и выработке компромиссов.

В отечественной литературе феномен «новой восточной политики» хорошо изучен [3–4]. Однако отсутствуют работы, посвященные отношению к данной политике Соединенных Штатов на различных этапах ее реализации. Анализ американского отношения проводился на основе документов, опубликованных в серии «Внешняя политика США», в которой отдельный том посвящен отношениям с ФРГ. Помимо этого, использовались мемуары первых лиц США и ФРГ: Г. Киссинджера, В. Брандта, Э. Бара.

Еще будучи бургомистром Западного Берлина (1957–1966), В. Брандт стал свидетелем Берлинского кризиса и строительства Берлинской стены. Это окончательно убедило его в непродуктивности доктрины Хальштейна, ключевым моментом которой являлось непризнание ГДР, и внешнеполитического курса К. Аденауэра [5. P. 1–4]. Став в 1966 г. министром иностранных дел ФРГ, В. Брандт на совете НАТО в 1966 г. выступил по вопросу реформы альянса, подчеркивая при этом важную роль ФРГ. Брандт писал: «Я заявил, что Федеративная Республика твердо решила участвовать в разработке политики, направленной на достижение разрядки без ущерба для безопасности. Нам часто предлагалось внести собственный вклад в устранение напряженности» [6. С. 181].

По мнению В. Брандта, единая задача для Восточной и Западной Европы заключалась в стремлении к нормализации отношений, открытости и сотрудничеству, сохранению мира и порядка в Европе. В долгосрочной перспективе В. Брандт надеялся решить «германский вопрос», а именно создать единую демократическую Германию [7. P. 3–4]. По его мнению, единая Германия должна была стать основным звеном в процессе европейской интеграции и явить собой «естественное» следствие процесса разрядки [8. С. 118]. Однако в первую очередь целью В. Брандта и его доверенного лица Э. Бара являлось расширение контактов и нормализация отношений со странами ОВД.

В то же время Брандт подчеркивал важность союзнических отношений с США и другими странами Западной Европы [9. S. 30–31]. «В западном единстве, – констатировал Брандт, – мы видели хорошую предпосылку для постепенного развития общеевропейского сотрудничества. К этому я добавил: с европейской точки зрения, не следует относиться с недоверием, а тем более враждебно, к американо-советскому диалогу» [6. С. 483].

Таким образом, под «новой восточной политикой» понимается стратегия, подразумевающая определенную краткосрочную и долгосрочную перспективу решения задач внешней политики ФРГ. Краткосрочная перспектива выражалась в налаживании взаимоотношений со странами – участницами ОВД. В долгосрочной перспективе данная стратегия подразумевала разрядку международной напряженности и окончательное решение «германского вопроса».

Новая политика ФРГ сразу же вызвала опасения у администрации Белого дома. 20 октября 1969 г. советник президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджер указал, что немцы могут внести большие разногласия между союзниками по Североатлантическому альянсу, что они преследуют при этом сугубо свои интересы и тем самым играют на руку СССР. Реакция, которой была встречена «новая восточная политика», была преимущественно негативной [10. P. 103–105].

Г. Киссинджер также опасался, что «новая восточная политика» несет в себе прежде всего не просто желание объединения Германии, но и в целом волну нового национализма. Это обозначит в своих мемуарах и В. Брандт: «Впрочем, понятие “восточная политика” несло на себе бремя стольких предрассудков, что нужно было быть чертовски осмотрительным во избежание недоразумений» [6. С. 160]. При этом Брандт подчеркивал, что если не опасения национализма, дух которого витал после Второй мировой войны, то страх появлялся перед Советским Союзом. В таком случае восприятие «новой восточной политики» перерастало в «дремучий антикоммунизм, ставший частью ранней западногерманской государственной доктрины» [Там же].

Хорошо понимая опасения американцев, правительство В. Брандта прилагало все усилия для того, чтобы донести суть «новой восточной политики» до правительства Р. Никсона и заверить его в том, что данная политика не нанесет вреда ни отношениям внутри НАТО, ни советско-американским отношениям. В меморандумах конца октября – начала ноября 1969 г. отчетливо наблюдается дружелюбность и уважение Бонна к администрации президента [11, 12]. Тогда В. Брандт еще раз подчеркивает основное условие «новой восточной политики» – поддержка США и НАТО. ФРГ, говорил Брандт, не пойдет на переговоры с ОВД без помощи союзников. Он доказывал, что ФРГ не будет вести диалог с позиции «моста» Восток–Запад, а будет действовать как основной европейский союзник США. Аналогичную позицию на переговорах с американцами подчеркивал и Э. Бар [Ibid.].

Несмотря на усилия правительства Брандта, восприятие политики Бонна оставалось по-прежнему негативным. По мнению посла США в ФРГ К. Раша, такая политика, с одной стороны, не противоречила политике США, а с другой – имела сомнительную перспективу и могла внести раскол в НАТО [13]. В письме к помощнику государственного секретаря по европейским делам М. Хилленбранду Раш еще раз осторожно оценивает «новую восточную политику». Самое главное, по мнению посла, – сохранять вид, что у США есть единая точка зрения относительно политики ФРГ, без каких-либо жалоб и претензий к немецкой стороне. Необходимость единой точки зрения объясняется сложностью внешнеполитического курса США. Первым лицам Соединенных Штатов было выгодно демонстрировать Москве единство в обсуждении вопросов подобного рода. Отсутствие единой позиции явно демонстрировало противоречия, а значит, и слабость Североатлантического альянса [14].

Г. Киссинджер в меморандуме президенту США Р. Никсону дает следующие рекомендации. Прежде всего, по мнению Киссинджера, важно не давать четкого одобрения правительству ФРГ и дождаться реакции СССР. Помимо этого, для лучшего понимания новой политики ФРГ необходимо обратиться к консультациям с правительствами Великобритании и Франции [15]. В конечном счете Г. Киссинджер рекомендует выказать В. Брандту содействие относительно его политики, но пока точно не формулировать основные предложения в данном направлении [16].

В начале декабря 1969 г. государственный секретарь США У. Роджерс совершил поездку по Европе и провел встречу с представителями Великобритании, Франции и ФРГ. Это было сделано отчасти и для того, чтобы оценить реакцию европейских союзников, а также еще раз оценить те положения, которые выдвигали первые лица ФРГ. 10 декабря на брифинге Совета по национальной безопасности США Роджерс резюмировал, что не видит в политике ФРГ отклонений от общего курса НАТО. Госсекретарь поспешил заверить представителей ФРГ в полном взаимопонимании и одобрении «новой восточной политики» [17].

Таким образом, период октября–декабря 1969 г. характеризовался, скорее, отрицательным восприятием и негативной интерпретацией «новой восточной политики». Так или иначе, у администрации США не было единой точки зрения на политику ФРГ. Во внешнеполитическом дискурсе в контексте американо-германских отношений представители США показывали своим коллегам из ФРГ позитивное отношение к «новой восточной политике».

Следующий период интерпретации политики ФРГ – январь–март 1970 г. В это время отмечается противоречивая оценка «новой восточной политики», особенно личности помощника по особым делам канцлера ФРГ Э. Бара и его роли в «новой восточной политике». По мнению Г. Киссинджера, Бар продавливал своим авторитетом остальные немецкие структуры и торопился заключить договор с СССР [18].

С другой стороны, политика ФРГ негативно оценивалась заместителем главы американской миссии в Германии Фессенденом. По мнению Фессендена, отсутствие американо-германских консультаций накануне встреч между представителями ФРГ, с одной стороны, и представителями СССР и ГДР – с другой, было слабым звеном «новой восточной политики» [19].

В февральском меморандуме Г. Киссинджера отражались как одобрение действий ФРГ, так и критика «восточной политики» Бонна. Прежде всего, считал Киссинджер, данная политика при ее непоследовательном и неумелом применении может создать как международный кризис в целом, так и внутриполитический кризис в ФРГ в частности [20]. Однако Киссинджер так или иначе рекомендовал предоставить ФРГ «свободу действий» [21]. В меморандумах, составленных в марте, Киссинджер обращает внимание на связь «новой восточной политики» с внутригерманскими проблемами. С этим также связаны опасения Киссинджера относительно «новой восточной политики» [22, 23].

Можно предположить, что у США отсутствовали достаточные рычаги давления на ФРГ. Данное предположение подтверждает меморандум Киссинджера Никсону, в котором отмечается, что США должны выработать «правила игры» с правительством ФРГ и преобразовать договоренности в единую позицию Запада на переговорах с СССР [24]. В целом Г. Киссинджер как сторонник Realpolitik осознавал те проблемы, которые поднимала «новая восточная политика», и необходимость их урегулирования.

Следующий период оценки «новой восточной политики» США приходится на апрель 1970 г., когда происходили встречи В. Брандта и Э. Бара с президентом США Р. Никсоном. Основные меморандумы, составленные Г. Киссинджером, содержат определенные рекомендации относительно официальной оценки «новой восточной политики». Важная особенность этих меморандумов – позитивное восприятие политики Бонна, но с некоторыми оговорками. Во-первых, вмешательство во внутренние дела Германии не входило в интересы США. Следовательно, и проведение политики ФРГ, если она напрямую не касалась интересов Вашингтона, не подлежало одобрению или осуждению. Во-вторых, если мероприятия относились непосредственно к интересам США, то они должны были стать предметом подробных консультаций [25–27].

Период июня и июля 1970 г. снова характеризуется негативной интерпретацией «новой восточной политики». Помимо политического раскола и критики в отношении правительства в самой ФРГ, которая вызывала особое беспокойство в Вашингтоне, важно отметить несколько моментов. Первый связан с меморандумом представителя США в НАТО Р. Эллсвортом. В нем содержится последовательная и обоснованная критика «новой восточной политики» и показано ее отрицательное влияние на политику США [28.]. Второй момент связан с разговором между госсекретарем У. Роджерсом и Г. Киссинджером, в котором политика Бонна обозначается как «торг» [29]. При этом, по мнению Киссинджера, переговоры ФРГ и СССР оказались провальными, Бонн получил только проблемы, ФРГ оказалась связанной определенными обязательствами перед ГДР и СССР. Однако «новая восточная политика» была одобрена в ходе официальной встречи Р. Никсона с министром иностранных дел ФРГ В. Шеелем [30]. Таким образом, меморандумы этого периода отражают негативное отношение руководства США к «новой восточной политике». В то же время наблюдается официальное одобрение данной политики в общении с представителями ФРГ.

Таким образом, динамика первоначального отношения правительства Р. Никсона к «новой восточной политике» характеризуется наличием нескольких этапов: октябрь–декабрь 1969 г. – негативная оценка политики Бонна, связанная с опасениями возможного раскола в НАТО и роста национализма в ФРГ; январь–март 1970 г. – неоднозначная оценка, выражавшаяся как в негативных замечаниях (усугубление кризисной ситуации в Европе и внутриполитический кризис в ФРГ), так и в осознании необходимости решения тех проблем, которые поднимала «новая восточная полити-

ка»; апрель 1970 г. – встречи высших лиц США и ФРГ характеризовались положительной оценкой «новой восточной политики» на официальном уровне; июнь–июль 1970 г. – политика Бонна снова получила резкую критику в администрации президента по причине интенсивности переговоров между представителями ФРГ и СССР.

Таким образом, «новая восточная политика» на начальном этапе была воспринята по большей части негативно. Она характеризовалась как слишком быстрая и непоследовательная, способствующая расколу не только в НАТО, но и внутри самой ФРГ.

Это можно объяснить расхождением концепций разрядки двух государств. США разрядка виделась непосредственно в советско-американском диалоге, при этом роль союзников была вторичной. ФРГ же видела центральным элементом разрядки «новую восточную политику», без которой не мыслилось улучшение сложной внешнеполитической ситуации на европейском континенте, связанной с разделом Германии и германо-германскими отношениями. При анализе меморандумов становится понятно, что США игнорировали основную проблему ФРГ, отраженную в перспективах «новой восточной политики», – желание правительства В. Брандта прийти к объединению двух германских государств.

Наблюдается непоследовательность кабинета Р. Никсона: первые лица США, особенно Г. Киссинджер, публично заявляли о поддержке политики Брандта и его кабинета, в то время как в частном порядке выражали значительные опасения и резкую критику в адрес данной политики. «Новая восточная политика» уже на первоначальном этапе отличалась своей независимостью. Таким образом, в общем контексте внешнеполитического курса США данная политика иллюстрирует кризисный период в американо-германских отношениях. Сформировано первоначальное отношение, которым будет далее руководствоваться администрация США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Litwak R. Détente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1969–1976. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 244 p.
2. Kissinger H. Diplomacy. New York : Simon and Schuster, 1995. 912 p.
3. Филитов А.М. СССР и «новая восточная политика» ФРГ // Вестник МГИМО–Университета. 2017. № 3 (54). С. 123–140.
4. Липкин М.А., Филитов А.М. Развитие новых форм сотрудничества в эру разрядки: советско-западногерманские отношения в конце 1960-х – начале 1970-х гг. // История : электронный научно-образовательный журнал. 2015. № 35. URL: https://history.jes.su/s207987840000989-6-1/ (дата обращения: 01.05.2021).
5. Ostpolitik, 1969–1974: European and Global Responses. Washington, DC : Cambridge University Press, 2009. 322 p.
6. Брандт В. Воспоминания. М. : Новости, 1991. 528 с.
7. Raus R. Willy Brandt's Ostpolitik and European Integration // Centre Virtuel de la Connaissance sur l'Europe. 2005. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/7/12/076ebcb2-853c-488a-8a68-4432a35028c9/publishable_en.pdf (accessed: 01.05.2021).
8. Кузнецова Е.С. Вилли Брандт и проблема примирения ФРГ со странами Восточной Европы в 1970-е годы // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 114–124.
9. Bahr E. Understanding for Germany: in Remembering Willy Brandt, Egon Bahr, Henry Kissinger und die deutsch-amerikanischen Beziehungen., Berlin, 2003. 59 S. (Schriftenreihe der Bundeskanzler-Willy-Brant-Stiftung; 10).
10. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972. Washington, DC: Government Printing Office (GPO), 2007. Vol. XL: Germany and Berlin. 1142 p.
11. Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, October 29, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 109–111.
12. Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, November 5, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 111–113.
13. Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, November 7, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 114–117.
14. Letter from the Ambassador to Germany to the Assistant Secretary of State for European Affairs. Bonn, November 17, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 119–122.
15. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, November 17, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 118–119.
16. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, November 19, 1969 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 122–124.
17. Editorial Note // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 126–127.
18. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, January 28, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 139–140.
19. Letter from the Deputy Chief of Mission in Germany to the Assistant Secretary of State for European Affairs. Bonn, January 29, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 140–141.
20. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, February 16, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 150–153.
21. Letter from the Assistant Secretary of State for European Affairs to the Deputy Chief of Mission in Germany. Washington, February 7, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 150–153.
22. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, March 10, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 169–172.
23. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, March 10, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 172–175.
24. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington. February 24, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 158–159.
25. Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs. Washington, April 7, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 158–159.
26. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to Secretary of State Rogers. Washington, April 8, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 207–208.
27. Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon1 Washington, April 9, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 208–214.

28. Memorandum from the Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization to the President's Assistant for National Security Affairs. Undated // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 270–273.
29. Transcript of Telephone Conversation Between Secretary of State Rogers and the President's Assistant for National Security Affairs. Washington, July 16, 1970, 5:40 p.m. // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 276–278.
30. Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, July 17, 1970 // FRUS. 1969–1972. Vol. XL: Germany and Berlin. P. 278–282.

Yury P. Popov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jasonic.popov@gmail.com

THE RICHARD NIXON GOVERNMENT'S ATTITUDE TOWARD THE ANNOUNCEMENT AND BEGINNING OF THE "NEW EASTERN POLICY" OF THE FRG (1969–1970)

Keywords: "new eastern policy", US-German relations, the policy of détente, W. Brandt, R. Nixon.

The purpose of the article is to analyze the attitude of the Richard Nixon's administration toward the announcement and beginning of the "new eastern policy" of the Federal Republic of Germany at the initial stage of its realization. One of the controversial periods of American-German relations is the realization of the "new eastern policy" of the Federal Republic of Germany. The initial stage includes the period from the coming to power of the government of the Federal Chancellor Willy Brandt on 21 October 1969 until the signing of the Moscow Treaty on 12 August 1970.

The author has analyzed memorandums, telegrams, correspondence, and records of negotiations published in the collection "Foreign Relations of the United States", especially the volume devoted to the policy toward the Federal Republic of Germany. The author also has analyzed the memoirs of the Richard Nixon's National Security Adviser Henry Kissinger, the memoirs of the Federal Chancellor of the Federal Republic of Germany Willy Brandt, and the memoirs of the Federal Minister for Special Assignments Egon Bahr. In Russian historiography, the phenomenon of the "new eastern policy" was investigated mainly in the context of the Soviet-German relations. This article pays attention to the attitude of the United States administration towards the "new eastern policy" in the context of American-German relations.

The analysis of the documents has revealed that the attitude of the United States government toward the "new eastern policy' of the FRG was constantly changing. The first perception and attitude toward the "new eastern policy" can be divided into four stages. The article provides assessment of each stage.

The author concludes that the United States has reacted ambiguously to the promulgation of this policy. The American version of detente did not imply the problems raised by the "new eastern policy". Thus, at the initial stage, the "new eastern policy" was perceived mostly negatively. United States officials had judged the policy of the FRG as rash, inconsistent and controversial. At the same time, the attitude of Richard Nixon's cabinet toward this policy was also inconsistent. Nevertheless, the top officials of the United States had declared their official support of the policy of the FRG. On the contrary, they sharply criticized the "new eastern policy" privately.

This research contributes to understanding how the American version of détente was reconsidered and the factor of the "new eastern policy" was incorporated in the foreign policy of the United States of America.

REFERENCES

1. Litwak, R. (1986) *Détente and the Nixon Doctrine: American Foreign Policy and the Pursuit of Stability, 1969–1976*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Kissinger, H. (1995) *Diplomacy*. New York: Simon and Schuster.
3. Filitov, A.M. (2017) The USSR and FRG's "New Ostpolitik". *Vestnik MGIMO–Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 3(54). pp. 123–140. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-123-140
4. Lipkin, M.A. & Filitov, A.M. (2015) Razvitie novykh form sotrudnichestva v eru razryadki: sovetsko-zapadnogermanskie otnosheniya v kontse 1960-kh – nachale 1970-kh gg. [The development of new forms of cooperation in the era of detente: Soviet-West German Relations in the late 1960s – early 1970s]. *Istoriya*. 35. [Online] Available from: https://history.jes.su/s207987840000989-6-1/ (Accessed: 1st May 2021).
5. Fink, C. & Schaefer, B. (eds) (2009) *Ostpolitik, 1969–1974: European and Global Responses*. Washington, DC: Cambridge University Press.
6. Brandt, W. (1991) Vospominaniya [Memories]. Translated from German. Moscow: Novosti.
7. Raus, R. (2005) *Willy Brandt's Ostpolitik and European Integration.* [Online] Available from: https://www.cvce.eu/content/publication/2004/7/12/076ebcb2-853c-488a-8a68-4432a35028c9/publishable_en.pdf (Accessed: 1st May 2021).
8. Kuznetsova, E.S. (2012) Villi Brandt i problema primireniya FRG so stranami Vostochnoy Evropy v 1970-e gody [Willie Brandt and the Problem of Reconciliation between the Federal Republic of Germany and the Countries of Eastern Europe in the 1970s]. *"Belye pyatna" rossiyskoy i mirovoy istorii*. 1. pp. 114–124.
9. Bahr, E. (2003) *Understanding for Germany: in Remembering Willy Brandt, Egon Bahr, Henry Kissinger und die deutsch-amerikanischen Beziehungen*. Berlin: Bundeskanzler-Willy-Brant-Stiftung.
10. USA. (2007) *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. Washington, DC: Government Printing Office.
11. USA. (1969a) Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, October 29, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 109–111.
12. USA. (1969b) Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, November 5, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 111–113.
13. USA. (1969c) Telegram from the Embassy in Germany to the Department of State. Bonn, November 7, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 114–117.
14. USA. (1969d) Letter from the Ambassador to Germany to the Assistant Secretary of State for European Affairs. Bonn, November 17, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 119–122.
15. USA. (1969e) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, November 17, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 118–119.
16. USA. (1969f) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, November 19, 1969. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 122–124.
17. USA. (1969–1972) Editorial Note. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 126–127.
18. USA. (1970a) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, January 28, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 139–140.
19. USA. (1970b) Letter from the Deputy Chief of Mission in Germany to the Assistant Secretary of State for European Affairs. Bonn, January 29, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 140–141.
20. USA. (1970c) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, February 16, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 150–153.

21. USA. (1970d) Letter from the Assistant Secretary of State for European Affairs to the Deputy Chief of Mission in Germany. Washington, February 7, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 150–153.
22. USA. (1970e) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, March 10, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 169–172.
23. USA. (1970f) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, March 10, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 172–175.
24. USA. (1970g) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington. February 24, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 158–159.
25. USA. (1970h) Memorandum from Helmut Sonnenfeldt of the National Security Council Staff to the President's Assistant for National Security Affairs. Washington, April 7, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 158–159.
26. USA. (1970i) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to Secretary of State Rogers. Washington, April 8, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 207–208.
27. USA. (1970j) Memorandum from the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon1 Washington, April 9, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 208–214.
28. USA. (n.d.) Memorandum from the Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization to the President's Assistant for National Security Affairs. Undated. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 270–273.
29. USA. (1970k) Transcript of Telephone Conversation Between Secretary of State Rogers and the President's Assistant for National Security Affairs. Washington, July 16, 1970, 5:40 p.m. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 276–278.
30. USA. (1972) Memorandum From the President's Assistant for National Security Affairs to President Nixon. Washington, July 17, 1970. In: *Foreign Relations of the United States (FRUS). 1969–1972*. Vol. XL. pp. 278–282.

УДК 327
DOI: 10.17323/19988613/73/16

А. Цуранович

ОСОБАЯ МИССИЯ РОССИИ В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: РЕЛИКТ ПРОШЛОГО ИЛИ ЗЛОБОДНЕВНЫЙ ВОПРОС?

Исследование проведено по проекту SONATA, № 2015/19/D/HS5/03149, профинансированного Национальным Центром Исследований, Польша. Часть исследования проведена на стипендию программы Фулбрайта в Центре Дэвиса, Гарвардский Университет.

Поставлен вопрос: присутствуют ли во внешней политике постсоветской России отсылки к ее особой миссии по отношению к славянам. Анализ содержания официального дискурса российской внешней политики в 2000–2018 гг. позволяет заявить, что мессианский нарратив не является сегодня основным, однако существует на краю риторики государственных институтов. Кроме того, в рамках реконструированных миссий, приписываемых России сегодня ее дипломатами, историческая роль покровителя славян уступила место «особой ответственности» по отношению к исповедующим православие или, шире, к христианам.
Ключевые слова: миссия, мессианство, славяне, нарратив, внешняя политика РФ.

В множестве научных публикаций, посвященных России, мессианизм представлен как характерная черта российской политической культуры и неотъемлемый элемент активности этого государства на международной арене. Одним из часто используемых примеров особой миссии России в ее внешней политике являются отношения со славянскими народами. Искупление славян было важным постулатом российской мессианской традиции XIX в. После Второй мировой войны сохранился лозунг славянского братства в советском дискурсе, ибо он вписался в декларации о единстве и солидарности социалистического лагеря. Учитывая значимость традиции мессианских мотивов, касающихся славян, она является хорошей почвой для исследования присутствия мессианских мотивов в современной российской внешней политике. Стоит задуматься над вопросом: присутствует ли во внешней политике постсоветской России отсылка к ее особой миссии по отношению к славянам?

Данная работа ставит перед собой две цели: во-первых, предлагает новую концептуализацию миссии, которая позволяет идентифицировать мессианские мотивы в официальном дискурсе о внешней политике, который формируется в высоко формализованном и, что важно в случае мессианской традиции, секулярном языке; во-вторых, представляет результаты анализа (*content analysis*) богатого эмпирического материала, которые позволяют утверждать, что в современном российском мессианском нарративе славяне потеряли свою позицию в пользу исповедующих православие.

Поставленные цели разделяют статью на две части. В первой, теоретического характера, показан панорамный взгляд на существующие в науке интерпретации явления мессианизма. Кроме того, подвергнута критическому анализу концепция Калеви Холсти, касающаяся «исключительного типа внешней политики», а также предложена авторская трактовка мессианства. Во второй части представлены результаты анализа официального дискурса внешней политики, касающиеся мессианских мотивов в отношении славян. Под официальным дискурсом следует понимать дискурс, сформированный представителями государственных институтов. Поэтому материалом для исследования стали устные и письменные выступления создателей внешней политики Российской Федерации, в том числе президента, премьер-министра, министра иностранных дел, министра обороны, постоянных представителей России в международных организациях (ООН, Совет по правам человека ООН, ЮНЕСКО, G8, G20, НАТО, Совет Европы, Содружество Независимых Государств, БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества и Организация исламского сотрудничества). Организации подобраны так, чтобы дать представление об отношениях России с Западом и не-западными государствами. Кроме того, в качестве дополнительного источника информации проанализированы избранные стенограммы Государственной Думы и Совета Безопасности Российской Федерации. Для подборки репрезентативных материалов для официального дискурса использовались поисковики на сайтах государственных учреждений (в том числе mid.ru, kremlin.ru). Применено два способа селекции материала: через ключевые слова (итого 56 слов) и виды выступлений (все интервью, статьи и праздничные речи, например послания Федеральному Собранию, выступления в честь годовщины Победы в Великой Отечественной войне, новогодние обращения к народу).

Вместе с поддерживающей меня исследовательской группой (в ее состав вошли Катажина Берштанска, Ирмина Оловска-Шиманска, Пётр Шимански, Гжегож Шимановски) мы проанализировали около 25 тысяч текстов за период 2000–2018 гг.

Мессианизм: способы трактовки феномена

Существует множество подходов к мессианизму. Он рассматривается как тип религиозного утопическо-

го сознания [1, 2], как идея или идеология [3, 4], миф или мифологема [5]. К тому же мессианизм может быть интерпретирован как феномен, связанный с империализмом [6, 7], фактор в процессе самоидентификации этносов и наций [8] или как проявление «реактивной современности» [9, 10]. Несмотря на это разнообразие подходов и контекстов, можно определить «ядро» мессианизма. Основная предпосылка мессианизма, которая имеет важное значение для ее политического измерения, такова: у Провидения есть план, по которому развивается История, и в этом плане особая роль (миссия) принадлежит избранному (индивидуальному или коллективному).

Мессианизм изначально сформировался как религиозное явление, которое в конечном итоге принесло плоды и в политической сфере. Одной из наиболее сложных проблем является разделение религиозного и политического мессианства. Согласно таким исследователям, как Анджей Валицки и Гульельмо Гуарилья, подлинный («аутентичный») мессианизм должен иметь религиозное измерение и быть сотериологическим явлением [1. С. 11–13; 11]. В противном случае это не мессианизм, а метафорический мессианизм, который должен быть записан как «мессианство» [1. С. 11–13].

Другие ученые, пытающиеся различать «религиозное» и «политическое», придумали разные ярлыки для различных случаев слияния политики с мессианизмом. Например, израильский историк Якуб Тальмон писал о «политическом мессианизме» [12]. Он понимал мессианизм как идеалистическую структуру, которая влияет на политическое мышление. Тальмон подчеркнул роль мессианского понимания истории как линейного целенаправленного процесса, который в конечном итоге привел бы к созданию идеально упорядоченного общества на Земле. По мнению Тальмона, политический мессианизм обозначил все основные течения европейской политической мысли в конце XVIII – первой половине XIX в. (1789–1848) [12].

Другой способ связать мессианизм с политикой – проследить его роль в процессе самоидентификации народов. Этот феномен обычно обозначается как «национальный мессианизм» и фокусируется на смысле миссии. В поисках истоков этого конкретного проявления мессианизма ученые, например Валицки, Данкан, указывают на влияние идей немецкого романтизма [1; 3. С. 10–11; 13]. Романтические интеллектуалы популяризировали убеждение, что каждая нация играет особую роль в истории человеческого рода. Нация, чтобы процветать, должна точно понимать и выполнять свою истинную судьбу. Подчеркивая связь между чувством национальной миссии и убежденностью в уникальном национальном призвании, Брендан Хамфри предложил термин «мессианская исключительность» [14].

В научных работах, посвященных мессианизму и процессу самоидентификации, должное место занимает миссия в политике империй. Для многих исследователей, например Рейнхольда Нибура, Дидье Шодета, Флорана Парментье и Бенуа Пелопидаса, настоящая империя – это та, которая имеет универсальное призвание [6, 15]. Это не размер территории или населения, даже не успешное расширение, а чувство универсальной миссии, которое превращает региональную гегемонию в империю. Американский историк Дэвид Роули убедительно утверждал, что чувство миссии является неотъемлемым компонентом имперской идентичности [16]. Империя должна иметь миссию по двум причинам: во-первых, это помогает легитимизировать расширение, во-вторых, что, на мой взгляд, более важно, обеспечивает многонациональное и многорелигиозное общество чувством общей цели. Следовательно, миссия функционирует как метакатегория, порождающая чувство близости. Универсальное призвание облегчает, с одной стороны, включение и ассимиляцию новых этнических и религиозных групп. С другой стороны, самая густонаселенная нация, так называемая империя-строитель, часто усваивает чувство миссии и превращает ее в важный компонент собственной идентичности.

Говоря о религиозном и политическом мессианизме, важно упомянуть о дифференциации, укорененной в русской традиции, т.е. дихотомии: мессианизм (от «мессии») – миссионизм (от «миссии»). Владимир Сторчак определяет эти два явления следующим образом: «Мессианизм… одна из форм религиозного сознания… предполагает идею богоизбранности и исключительности, превосходства по отношению к другим народам… Другая категория – “миссионизм” – навязывает имперскую сущность и направленность государственной политики» [2. С. 3–4]. Более того, Сторчак приписывает им разное влияние на политику. По мнению российского политолога, мессианизм облегчает изоляционистские тенденции в политике, а миссионерство усиливает экспансионизм. Эту мысль повторяет также Кирстен Р. Бувенг [17].

Вышеупомянутые способы связывания мессианства с политикой можно упорядочить, учитывая функции мессианизма в политическом контексте. В случае «политического мессианства» мессианский компонент является идейно-когнитивной структурой. В случае «национального мессианизма» – это часть идентичности и инструмент имперской политики. Часто рассматривается и третий случай. Некоторые ученые, например Ричард Нед Лебоу или Айсе Зараколь, интерпретируют появление мессианства в политике как явление, связанное с современностью [9, 18]. В этом контексте мессианизм является реакцией на внешнее давление, испытываемое государствами, которые считаются отсталыми и которым тяжело догнать развитые страны. Эти «отсталые» государства ссылаются на свою уникальную миссию, чтобы компенсировать материальные недостатки. Смысл миссии, следовательно, является частью феномена реактивной современности.

Исключительный вид внешней политики Холсти

Как мы видим, ученые осознают значение мессианизма для понимания политики. Однако они подходят к нему под разными углами. Чаще всего для анализа политики мессианизм интерпретируется либо как политические идеи, либо как инструменты. Канадский политолог финского происхождения Калеви Холсти представил новую перспективу: он предложил думать

о мессианской политике как об отдельном типе внешней политики [19]. Он назвал его «исключительным» (*exceptionalist*). Холсти не предоставляет читателям синтетического абстрактного определения, но описывает это явление, перечисляя пять его «существенных» (*essential*) особенностей. Во-первых, страны, которые выступают с исключительной внешней политикой, претендуют на выполнение освободительной миссии ради других наций (*liberating mission*). Во-вторых, такие государства убеждены в том, что они имеют право действовать вне широко признанных ограничений (правил, норм). В-третьих, такие государства часто воспринимают себя как невинных жертв. В-четвертых, у этих государств склонность к видению мира враждебным. В-пятых, такие государства (как правительства, так и общества) развивают потребность во внешних врагах.

Холсти объясняет, что исключительный тип внешней политики не обязательно должен показывать все пять функций одновременно [19. P. 384]. Он подчеркивает, что исключительная внешняя политика имеет мессианское измерение, и таким образом подтверждает, что мессианизм является составляющим исключительности. Холсти утверждает, что «концепция мессианской роли не предсказывает какого-либо конкретного внешнеполитического поведения. Можно поощрять ценности и институты с помощью целого ряда средств – от стремления к совершенствованию внутренних институтов с надеждой на то, что другие будут подражать… к более активным формам, таким как “поучение” других, менее удачливых, через различные программы» [Ibid. P. 388]. Свои концептуальные предположения Холсти основывает на историческом анализе внешней политики трех государств: США, Франции и СССР, – и приходит к выводу, что «…во всех трех рассмотренных… случаях исключительность была рождена культурами, которые охватывали восприятие национального превосходства и которые были связаны с патерналистскими и идеалистическими принуждениями, чтобы принести собственные дары всему человечеству и переделать мир по-своему» [Ibid. P. 402]. Таким образом, по мнению Холсти, исключительная внешняя политика является проявлением идентичности государства (его чувства собственной исключительности), сформированной под воздействием прежде всего внутренних факторов.

Критическая верификация: миссия вместо исключительности

Попытка Калеви предложить концепцию мессианского фактора определенно является шагом в правильном направлении. Нам нужна концептуальная основа для расследования мессианства в рамках внешней политики. Однако, по-моему, концепция Калеви слишком широка и слишком ориентирована на американский случай. Я предлагаю другой способ анализа мессианизма во внешней политике. Прежде всего, следует сосредоточиться на ключевом компоненте мессианизма, который наиболее важен для внешней политики. Этот компонент – чувство миссии – императив действовать, изменять или сохранять мировой порядок. Вопрос о миссии государства – это вопрос о роли этого конкретного государства на международной арене. Миссия – проекция идентичности данного государства в международной среде. Следовательно, миссия должна занимать центральное место в концептуализации мессианского фактора во внешней политике.

Я определяю миссию как убеждение, что определенная община (государство / нация) является исключительной и что эта исключительность проявляется в ее особой судьбе. Я различаю три характерных, но взаимосвязанных, черты «миссии»: убежденность в особой судьбе, чувство морального превосходства, убеждение в том, что деятельность государства мотивируется не только собственным национальным интересом, но и высшей причиной, важной для более широкого (регионального, глобального и т.д.) сообщества. Первые два компонента миссии выражают исключительность «миссииносца» (т.е. субъекта, избранного для совершения миссии), в то время как третий компонент относится к универсальному характеру призвания. Здесь я должна объяснить читателям, как моя миссия из трех компонентов соотносится с пятью особенностями, которые придумал Холсти для исключительной внешней политики.

Фактически пять пунктов Холсти охвачены компонентами миссии, которые я предлагаю. Более того, я считаю, что моя концепция имеет некоторые серьезные преимущества. Миссия – ключевая категория, которую я использую, – более широкая, но в то же время более точная и, следовательно, позволяет включать в себя различные типы мессианских задач, а не просто освобождение других наций. Государство может претендовать на выполнение миссии, посвященной сопротивлению изменениям, например сохранение истинной цивилизационной идентичности. Акцент Холсти на чувстве невинности более точно выражается в предлагаемом мной чувстве морального превосходства. Государство может быть не совсем невиновным, но все же может достоверно заявлять, что оно более справедливое, чем другие. Холсти утверждает, что исключительная внешняя политика – это самопризнанное право страны действовать без ограничений. Однако я полагаю, что это излишне сужает рамки возможных выражений мессианской исключительности. Страна может считаться исключительной, поскольку она всегда придерживается правил. Еще одна особенность, названная Холсти, – чувство жертвенности – не является или по крайней мере больше не является составной частью исключительной внешней политики. Страны могут претендовать на особую миссию, которую можно выполнить также без самопожертвования. Самопожертвование – это возможный, но радикальный сценарий. То, что делает мессианское заявление заслуживающим доверия или легитимным, заключается в аргументе, что страна преследует свою миссию не только ради собственных интересов, но и ради более широкого сообщества. Мы можем найти эту логику в статье Сергея Лаврова, где он писал, что главная сила – это та, которая, преследуя свои национальные интересы, способствует благополучию всех народов [20].

Два пункта, которые названы Холсти, но не выражены в моей концепции миссии (враждебная среда и внешние враги), являются, на мой взгляд, не автономными отличительными чертами внешней политики, а, скорее, обстоятельствами, которые обеспечивают благодатную почву для мессианского нарратива. Речь идет о снижении безопасности, в том числе и в онтологическом аспекте. Холсти прав в том, что видит связь между чувством угрозы и чувством миссии, но ошибается в том, что представляет это как особенности исключительной политики. Я бы сказала, что пониженная онтологическая безопасность (Холсти не использует это понятие) является одним из факторов, которые могут вызвать мессианское повествование во внешней политике. Более того, вопреки Холсти, я бы не стала рассматривать внутреннюю среду как первозданный источник чувства национальной исключительности, который, в свою очередь, питает исключительную внешнюю политику. Будучи составной частью идентичности государства, мессианская исключительность формируется динамикой между микро (агент) и макро (международная структура) уровнями.

Мессианские мотивы в современном официальном дискурсе российской внешней политики: главные наблюдения

Среди 25 тысяч проанализированных текстов только 3–4% имели мессианские мотивы. Под мессианскими мотивами следует понимать непосредственные отсылки к миссии или к одному из ее трех компонентов (особое предназначение, моральное превосходство, универсализм). Уже эти данные показывают, что упоминание миссии (т.е. мессианский нарратив) не является центральным компонентом официального дискурса по внешней политике. Это важное наблюдение, которое ставит под сомнение обоснованность тезисов о ренессансе политического мессианизма в России, особенно после 2014 г. [21]. В то же время присутствие мессианских мотивов на краю официального дискурса интригует, потому что ставит под вопрос заявления создателей российской внешней политики. Владимир Путин, Дмитрий Медведев и Сергей Лавров неоднократно подчеркивали, что руководство чувством миссии во внешней политики было проявлением нерациональности и одной из причин упадка СССР. Президент Медведев утверждал: «…брать на себя решающую роль в геополитике. А вот тот, кто стремится брать на себя такую роль, пусть за весь мир и отвечает, отвечает за то, почему войны начинаются, почему мигранты по Европе сотнями тысяч разъезжают. Мы к этому не стремимся, мы этим комплексом переболели в советские времена и уж точно не пытаемся регулировать весь мир» [22]. В подобном тоне высказался и Сергей Лавров: «Россия является наследницей Советского Союза и в этом своем качестве и как продолжатель традиции досоветской эпохи развития нашего государства отчетливо сознает контрпродуктивность мессианства, попыток навязывания другим народам собственных моделей развития и ценностей» [23]. Также, согласно Владимиру Путину, «…сегодняшняя Россия не собирается делать ни того, что было в царские времена, ни тем более того, что было в советское время. Я не считаю, что мы должны брать на себя какие-то миссионерские функции, я думаю, что это было бы вредно для России» [24].

Следовательно, мессианизм как архаический и вредный был отброшен после 1991 г. российскими политическими элитами, которые одновременно критикуют Запад за его мессианский жар. В оценке Владимира Путина: «Наши западные партнеры во главе с Соединёнными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что правы могут быть всегда только они» [25].

Как тогда можно объяснить присутствие мессианских мотивов в официальном дискурсе, вопреки сознательному усилию элит к отбрасыванию этой части российской политической традиции? Проанализированный материал позволяет утверждать, что существование отсылок к миссии является результатом восприятия миссии как атрибута великой державы. Государство, стремящееся к наивысшим позициям в международной иерархии, не должно довольствоваться только развитием торговли или модернизацией военного потенциала. Оно также должно стремиться к реализации неких высших идей. Исполнение особой миссии является одним из критериев статуса (*status markers*) великой державы. Эту интерпретацию можно заметить в речи Сергея Лаврова, который ссылается на Ивана Ильина: «Русский философ Иван Ильин, размышляя о роли России в мире в качестве великой державы, подчеркивал, что “великодержавие определяется не размером территории и не числом жителей, но способностью народа и его правительства брать на себя бремя великих международных задач и творчески справляться с этими задачами. Великая держава есть та, которая, утверждая свое бытие, свой интерес… вносит творческую, устрояющую, правовую идею во весь сонм народов, во весь “концерт” народов и держав”. С этим трудно не согласиться» [20].

Восприятие миссии как атрибута державы начинается с рубежа XVIII и XIX вв., когда европейские империи оправдывали свою экспансию и доминацию, ссылаясь на особую миссию [26, 27]. Следовательно, можно посмотреть на современные отсылки к миссии в российском дискурсе как на некий нарративный навык, возникший в далеком имперском прошлом [28]. Империи уже не существует, но способ описывания мира и деятельности государства на международной арене остался – не по причине «извечной склонности» россиян к миссии и мессианству, но, собственно, силой инерции сформированой когнитивной рутины. Анализ собранного материала показывает, что о миссии России ее дипломаты часто говорят в конкретных контекстах, таких как победа во Второй мировой войне [29], деятельность Российской Империи в Средней Азии, Сибири и на Дальнем Востоке [30] или Россия как православная цивилизация [31].

Мессианский нарратив функционирует как специфический навык, что, однако, не означает, что его структура не была подвергнута изменениям. Наоборот, изменения были необходимы, чтобы этот нарратив смог быть адаптирован к реалиям постсоветского дискурса. Я бы указала три существенные разницы между современными отсылками к миссии и российской мессианской традиции. Во-первых, без сомнений, современный нарратив имеет светский характер. Религиозные коннотации случайны. Во-вторых, главным исполнителем миссии (или миссионосцем) является государство, что подтверждает функционирование миссии как атрибута собственно этого субъекта. Народ или Церковь появляются редко и исключительно в качестве актеров, поддерживающих государство в реализации его миссии. Наконец, в-третьих, современный нарратив не связывает миссию с необходимостью самопожертвования. Жертвование собственными интересами для идеи является только одним из возможных сценариев. Если государство, реализуя свою внешнюю политику, руководствуется не только собственной пользой, но и принимает во внимание нужды других участников международных отношений, этого достаточно, чтобы признать деятельность такого государства соответствующей духу миссии. Эта новая трактовка универсализма (одного из компонентов миссии) является следствием постсоветской травмы. Мессианская нерациональность политики СССР воспринимается нынешними элитами как одна из причин его упадка, но также как повод обнищания самой России, которая в течение нескольких десятков лет должна была делить свое благосостояние с другими республиками внутри Советского Союза и с другими братскими народами Варшавского договора и пролетариатом вне Европы. Большинство россиян все же привержены представлениям о России как о ведущей державе. В 2018 г. 88% респондентов считали сохранение статуса великой державы абсолютным приоритетом [32]. В то же время под влиянием «советского урока» 70% респондентов не готовы «затянуть пояса» во имя реализации высших идеалов во внешней политике [33]. Совмещение миссии как атрибута государства с нежеланием самопожертвования позволяет, собственно, новая трактовка универсализма, который не требует жертв.

Эволюция мессианских мотивов на примере миссии России по отношению к славянским народам

Исследователи российского мессианизма часто указывают на его истоки в XVI в., ассоциируя их с идеей Москвы как Третьего Рима [2]. Тем не менее бурные дискуссии на тему миссии России в мире вела прежде всего интеллигенция в XIX и начале XX в. Достаточно вспомнить работы Федора Достоевского и Николая Данилевского, чтобы показать, что судьба славян была одним из важнейших мотивов тех дебатов [1–3, 34]. Анализируя значение идентичности России для ее внешней политики, Андрей Цыганков ввел понятие «культурных союзников» – т.е. группы, защиту которой в данный исторический период российское государство считало моральной целью своей активности на международной арене [35. P. 20–30]. В контексте мессианского нарратива культурные союзники – это объект миссии, т.е. те, кого Россия должна спасти. Стоит подчеркнуть, что категория «культурные союзники» определяет связь между типами миссии, приписываемыми России, и процессом ее самоидентификации. Определение «культурных союзников» зависит от динамики дискурса на тему идентичности России. Если был подчеркнут православный компонент идентичности, объектом миссии становились православные. Когда акцентировано славянство, следовало спасать славян. В последнем веке существования империи Романовых категории «православные» и «славяне» часто выступали вместе, особенно в контексте деятельности России на Балканах. В свою очередь, в Советском Союзе роль культурных союзников приняли социалистические государства и мировой пролетариат [Ibid. P. 34]. Согласно Цыганкову, после 1991 г. роль «культурных союзников» выпала русскому миру, понимаемому, прежде всего, как российская диаспора [Ibid].

Анализ материала указывает, однако, что дело обстоит сложнее. В официальном дискурсе удалось идентифицировать 15 мессианских ролей (миссий), которые создатели российской внешней политики приписывают сейчас своей стране. Стоит подчеркнуть, что подавляющее большинство – 13 из этих ролей – совпадает с традицией российского мессианизма. Например, Россия призвана к роли «гаранта мирового равновесия», «щита», «хранителя справедливости» или «моста между цивилизациями». Новой миссией является роль «создателя русского мира», подчеркивающая значение России как основателя, защитника и гаранта существования русского мира. Русский мир не исчерпывает, однако, категории «культурных союзников». Среди мессианских ролей также появляются ссылки на особое призвание России как «покровителя единокровных». Именно эта миссия соответствует традиционной роли России как защитницы славянских народов или православия. «Единокровные» – это государства / народы, с которыми Россия в данный период ощущает общность идентичности. Значит, это эквивалент «культурных союзников». Важно отметить, что отношение России к «единокровным» является асимметричным и выражает патернализм. «Единокровные» не являются партнерами, но объектом заботы и ухода со стороны России, которая сама признает себя покровителем. Сегодня «покровительство единокровных» связанно со славянской / православной идентичностью России, в то время как «создатель русского мира» подчеркивает важность отношений с российской диаспорой для самоопределения современной России.

По сравнению с другими четырнадцатью ролями «покровитель единокровных» является миссией, упоминаемой редко. Исследуя собранный материал, мы подвергали тщательному анализу содержание (*content analysis*) 210 текстов – с наиболее полной мессианской аргументацией. Среди них «покровитель единокровных» упоминается 14 раз. Более того, среди этих 14 случаев в качестве «единокровных» 11 раз были упомянуты православные или просто христиане, а один раз – мусульмане, когда оратор отнесся к России как части

исламского мира. Славянские «единокровные» появились всего в четырех текстах. Два из них касаются политики Российской империи на Балканах [36], что показывает функционирование мессианского нарратива как некоего навыка – ритуального описывания деятельности России на международной арене в категориях миссии в конкретных контекстах.

Примером, в котором можно найти отголоски особой миссии России в отношении к славянам, является изменение записи в Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе от 2008 г. утверждается: «Россия открыта для дальнейшего расширения прагматичного, взаимоуважительного сотрудничества с государствами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы с учетом реальной готовности к этому каждого из них». А в документах 2013 и 2016 гг. этот отрывок зщвучит так: «Развивать межгосударственные культурные и гуманитарные связи славянских народов» [37, 38]. Это изменение вместо нейтрального географического критерия (Центральная, Восточная Европа, Юго-Восточная Европа) ввело критерий культурной близости в духе миссии «единокровных», или «культурных союзников».

Современная трактовка миссии «покровителя единокровных» показывает, что главным критерием указания «единокровных» является не этничность, а вероисповедание. Отсюда ключевыми «культурными союзниками» России и объектом ее миссии в начале XXI в. являются не славяне, и даже не «русский мир», а православные или просто христиане. Актуальность этого наблюдения подтверждает официальный дискурс о деятельности России в Сирии [39, 40]. Это не означает, что Россия в своей международной активности игнорирует славянские государства. Они по-прежнему являются для нее партнерами, однако понимание отношения России касательно славян в категориях особой миссии, кажется, уходит в прошлое.

Выводы

Анализ богатого эмпирического материала периода 2000–2018 гг. позволяет сделать вывод, что мессианский нарратив не играет сейчас доминирующей роли в официальном дискурсе о внешней политике Российской Федерации. Он сохраняется на краю главного течения как своего рода нарративный навык, причем сохраняется силой инерции когнитивных привычек, сформировавшихся еще во времена Российской империи. Ритуальный характер упоминания миссии в избранных контекстах (в частности, Вторая мировая Война, православная цивилизация) не означает, однако, что этот нарратив совсем лишен адаптивной способности. По сравнению с российской мессианской традицией, сформированной в XIX и начале XX в., сегодня среди прочего явно выражены секуляризация того же нарратива и центральная позиция государства как попечителя миссии. Важным изменением, связанным с опытом распада СССР, является новая трактовка универсализма (одного из компонентов миссии), который уже не требует самопожертвования. Особая миссия России по отношению к славянским народам – некогда главный постулат мессианской традиции, сегодня утратила центральное значение. В начале XXI в. «культурными союзниками» Российской Федерации являются в первую очередь исповедующие православие или вообще христиане, а не славяне. Религия, а не этничность стала критерием определения «единокровных» в мессианском нарративе в официальном дискурсе внешней политики постсоветской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego. Warszawa : PIW, 1968. 315 s.
2. Сторчак В.М. Феномен российского мессианизма в общественно-политической и философской мысли России. Москва : РАГС, 2005. 249 с.
3. Duncan P. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After. London ; New York : Routledge, 2002. 252 p.
4. Wawrzynowicz. A. Spór o mesjanizm. Rozwój Idei. Warszawa : Fundacja Augusta Hrabiego Cieszkowskiego, 2015. T. I. 502 s.
5. Баталов Э.Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 384 с.
6. Niebuhr R. The Structure of Nations and Empires. New York : Charles Scribner's Sons, 1959. 306 p.
7. Паин Э.А. Имперский национализм (возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 54–71.
8. Smith A.D. Kulturowe podstawy narodów. Kraków : WUJ, 2008. C. 60–68.
9. Lebow R.N. A Cultural Theory of International Relations, Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 376 p.
10. Травин Д. «Особый путь» России. От Достоевского до Кончаловского. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2018. 224 с.
11. Guariglia G. Il messianismo russo. Roma : Studium, 1956. 186 p.
12. Talmon J. Political Messianism. The Romantic Phase. London : Secker&Warburg, 1960. 607 p.
13. Berlin I. The Roots of Romanticism. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2001. 171 p.
14. Humphreys B. Russian Exceptionalism: a Comparative Perspective // Politics in Central Europe. 2016. Vol. 12, № 1. P. 9–20.
15. Chaudet D., Parmentier F., Peolopidas B. When Empire Meets Nationalism: power Politics in the US and Russia. Surrey : Ashgate Publishing, 2009, 215 p.
16. Rowley D.G. «Redeemer Empire»: Russian Millenarism // American Historical Review. 1999. Vol. 104, № 5. C. 1582–1602.
17. Bouveng K.R. The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and Statecraft : Durham Theses. Durham University, 2010. 322 p.
18. Zarakol A. After Defeat. How the East Learned to Live with The West, Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 291 p.
19. Holsti K.J. Exceptionalism in American foreign Policy: Is it exceptional? // European Journal of International Relations. 2010. Vol. 17, № 3. C. 381–404.
20. Лавров С. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. 3 марта. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017
21. Herpen M.H. Van, Putin's Propagnada Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham et al. : Rowman & Littlefield, 2016. 336 p.
22. Интервью Дмитрия Медведева немецкой газете «Хандельсблатт» // Правительство России. URL: http://government.ru/news/21765/
23. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на встрече с коллективом Дипломатической академии МИД России, Москва // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2189906#sel=20:1:9lp,20:52:oai;16:40:yhp,16:95:jef;17:22:yUe,17:47:gcg;17:48:HTh,17:131:ief;18:42:Caf,18:85:ila;21:16:0Xh,21:79:ADi;23:1:0jf,23:15:Wea;23:16:Dna,23:31:geS;26:1:9hk,26:27:ecX;26:29:hWT,26:45:kej

24. Встреча с участниками международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24537
25. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20603
26. Pagden A. Lords of All the World : ideologies of empire in Spain, Britain and France. New Haven ; London : Yale University Press, 1995. 244 p.
27. Kumar K. The Making of English National Identity. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 382 p.
28. Hopf T. The logic of habit in International Relation // European Journal of International Relations. 2010. Vol. 16, № 4. С. 539–561.
29. Медведев Д.А. Выступление на приеме в честь 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/31
30. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931
31. Путин В.В. Беседа с журналистами во время поездки на Большой Соловецкий остров // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21314
32. Национальная идентичность и гордость. URL: https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/
33. Петухов В., Бараш Р. Русские и «русский мир»: исторический контекст и современное прочтение // POLIS. Политические исследования. 2014. № 6. С. 83–101.
34. Саркисянц М. Россия и мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. 181 с.
35. Tsygankov A.P. Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations. Cambridge : Cambridge University Press 2014. 330 p.
36. Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Седьмой созыв Заседание. № 94 (1642) от 24.01.2018: текст стенограммы заседания. URL: http://cir.duma.gov.ru/docs/duma/302/2796926?QueryID=7220271&HighlightQuery=7220271
37. Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785
38. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // Президент России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41451
39. Встреча с главами христианских церквей Ближнего Востока // Президент России. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61937
40. Путин заявил, что Россия делает все для поддержки христиан Ближнего Востока. URL: https://ria.ru/20191030/1560416663.html

Curanović Alicja, Faculty of Political Science and International Studies, University of Warsaw (Warsaw, Poland). E-mail: a.curanovic@uw.edu.pl

RUSSIA'S EXCEPTIONAL MISSION IN THE SLAVIC WORLD: A RELIC OF THE PAST OR A PRESENT-DAY PHENOMENON?

Keywords: mission, messianism, Slavic nations, narrative, foreign policy of the Russian Federation.

The article seeks to answer a question whether messianic motives are still present in the foreign policy of the Russian Federation. I define mission as a conviction that a certain community (state/nation) is exceptional and that this exceptionality manifests itself in its special destiny. I discern three distinctive, but interconnected features of "mission": (1) the conviction of having a special destiny, (2) a sense of moral superiority, (3) the conviction that the state's activity is motivated not only by its own particular interest but also by the 'common cause'. By messianic motives I understand direct references to Russia's mission or to one of its three components.

While analysing contemporary messianic narrative the spotlight is put on Russia's exceptional role in the Slavic world which was one of the main components of the tradition of Russian messianism in the 19th and 20th centuries. Back than Slavic nations were considered Russia's kin or as Andrei Tsygankov puts it – "cultural allies". A "cultural ally" is a group whose protection Russia understood in a given historical period as the moral goal of its foreign policy. Hence determining "cultural allies" depended each time on Russia's self-identification process. For instance Russia defined as "orthodox civilisation" was destined to save adherends of Eastern Orthodox Church.

As for the method, together with my research team I conducted content analysis of the documents representative for the official discourse, i.e. discourse produced by the state institutions. We have read public statements, articles, interviews etc. delivered by the creator of the Russian foreign policy, i.e. by the president, prime minister, minister of foreign affairs, ministry of national defence as well as regular diplomats and permanent representatives of Russia in the selected international organisations. All in all, we have read 25 000 texts.

The analysis of the empirical material allows to conclude that the mission narrative is not a dominant one of the official foreign policy discourse but rather it lingers on its margins. It has grown into a peculiar narrative habit shaped in the times of the Russian Empire. Within this narrative references to Russia's exception role in the Slavic world are rare. In the beginning of the 21st century it's Slavic nations and not even russkiy mir but adherents of Orthodoxy or simply Christians who appear in today's discourse as Russia's "cultural allies".

REFERENCES

1. Walicki, A. (1968) *Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego*. Warszawa: PIW.
2. Storchak, V.M. (2005) *Fenomen rossiyskogo messianizma v obshchestvenno-politicheskoy i filosofskoy mysli Rossii* [The phenomenon of Russian messianism in the Russian socio-political and philosophical thought]. Moscow: RAGS.
3. Duncan, P. (2002) *Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After*. London; New York: Routledg.
4. Wawrzynowicz, A. (2015) *Spór o mesjanizm. Rozwój Idei*. Vol. 1. Warszawa: Fundacja Augusta Hrabiego Cieszkowskiego.
5. Batalov, E.Ya. (2009) *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [The Russian Idea and the American Dream]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Niebuhr, R. (1959) *The Structure of Nations and Empires*. New York: Charles Scribner's Son.
7. Pain, E.A. (2015) Imperial nationalism: emergence, evolution and political prospects in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* – Social Sciences and Contemporary World. 2. pp. 54–71. (In Russian).
8. Smith, A.D. (2008) *Kulturowe podstawy narodów*. Kraków: WUJ. pp. 60–68.
9. Lebow, R.N. (2009) *A Cultural Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Travin, D. (2018) *"Osobyy put'" Rossii. Ot Dostoevskogo do Konchalovskogo* ["A special way" of Russia. From Dostoevsky to Konchalovsky]. St. Petersburg: European Univserity in St. Petersburg.
11. Guariglia, G. (1956) *Il messianismo russo*. Roma: Studium.
12. Talmon, J. (1960) *Political Messianism. The Romantic Phase*. London: Secker&Warburg.
13. Berlin, I. (2001) *The Roots of Romanticism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
14. Humphreys, B. (2016) Russian Exceptionalism: a Comparative Perspective. *Politics in Central Europe*. 12(1). pp. 9–20. DOI: 10.1515/pce-2016-0001
15. Chaudet, D., Parmentier, F. & Peolopidas, B. (2009) *When Empire Meets Nationalism: power Politics in the US and Russia*. Surrey: Ashgate Publishing.

16. Rowley, D.G. (1999) "Redeemer Empire": Russian Millenarism. *American Historical Review*. 104(5). pp. 1582–1602. DOI: 10.1086/ahr/104.5.1582
17. Bouveng, K.R. (2010) *The Role of Messianism in Contemporary Russian Identity and Statecraft: Durham Theses*. Durham Universit.
18. Zarakol, A. (2010) *After Defeat. How the East Learned to Live with The West*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Holsti, K.J. (2010) Exceptionalism in American foreign Policy: Is it exceptional? *European Journal of International Relations*. 17(3). pp. 381–404. DOI: 10.1177/1354066110377674
20. Lavrov, S. (2016) Istoricheskaya perspektiva vneshney politiki Rossii [Historical perspective of Russian foreign policy]. *Rossiya v global'noy politike*. 3rd March. [Online] Available from: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017
21. Van Herpen, M.H. (2016) *Putin's Propagnada Machine. Soft Power and Russian Foreign Policy*. Lanham et al.: Rowman & Littlefield.
22. Medvedev, D. (2016) *Interv'yu Dmitriya Medvedeva nemetskoy gazete "Khandel'sblatt"* [Dmitry Medvedev's interview with the German newspaper "Handelsblatt"]. [Online] Available from: http://government.ru/news/21765/
23. Lavrov, S.V. (2016) *Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na vstreche s kollektivom Diplomaticheskoy akademii MID Rossii, Moskva* [Speech by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrova at a meeting with the staff of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow]. [Online] Available from: http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2189906#sel=20:1:9lp,20:52:oai;16:40:yhp,16:95:jef;17:22:yUe,17:47:gcg;17:48:HTh,17:131:ief;18:42:Caf,18:85:ila;21:16:0Xh,21:79:ADi;23:1:0jf,23:15:Wea;23:16:Dna,23:31:geS;26:1:9hk,26:27:ecX;26:29:hWT,26:45:kej
24. Kremlin.ru. (n.d.) *Vstrecha s uchastnikami mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Meeting with the participants of the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/ transcripts/24537
25. Kremlin.ru. (n.d.) *Obrashchenie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [Address of the President of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/20603
26. Pagden, A. (1995) *Lords of All the World: ideologies of empire in Spain, Britain and France*. New Haven; London: Yale University Press.
27. Kumar, K. (2003) *The Making of English National Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
28. Hopf, T. (2010) The logic of habit in International Relation. *European Journal of International Relations*. 16(4). pp. 539–561. DOI: 10.1177/1354066110363502
29. Medvedev, D.A. (2008) *Vystuplenie na prieme v chest' 63-y godovshchiny Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Speech at a reception in honor of the 63rd anniversary of Victory in the Great Patriotic War]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/31
30. Putin, V.V. (n.d.) *Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiyskoy Federatsii* [Message to the Federal Assembly of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/ transcripts/22931
31. Putin, V.V. (n.d.) *Beseda s zhurnalistami vo vremya poezdki na Bol'shoy Solovetskiy ostrov* [Conversation with journalists during a trip to Bolshoi Solovetsky Island]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/ president/transcripts/21314
32. Levada.ru. (2019) *Natsional'naya identichnost' i gordost'* [National identity and pride]. [Online] Available from: https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/
33. Petukhov, V. & Barash, R. (2014) The Russians and the "Russian World": the historical context and the contemporary interpretation. *POLIS. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 83–101. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2014.06.07
34. Sarkisyants, M. (2005) *Rossiya i messianizm. K "russkoy idée" N.A. Berdyaeva* [Russia and messianism. Towards N.A. Berdyaev's "Russian idea"]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
35. Tsygankov, A.P. (2014) *Russia and the West from Alexander to Putin. Honor in International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
36. The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2018) *Sed'moy sozyv Zasedanie. № 94 (1642) ot 24.01.2018: tekst stenogrammy zasedaniya* [Seventh convocation Meeting. No. 94 (1642) dated January 24, 2018: verbatic records]. [Online] Available from: http://cir.duma.gov.ru/docs/duma/302/2796926?QueryID=7220271&HighlightQuery=7220271
37. Russia. (2008) *Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [The concept of foreign policy of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/acts/news/785
38. Russia. (2016.) *Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii* [On the approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/acts/bank/41451
39. Russia. (2019) *Vstrecha s glavami khristianskikh tserkvey Blizhnego Vostoka* [Meeting with the heads of Christian churches in the Middle East]. [Online] Available from: http://kremlin.ru/events/president/news/61937
40. Ria.ru. (2019) *Putin zayavil, chto Rossiya delaet vse dlya podderzhki khristian Blizhnego Vostoka* [Putin said that Russia is doing everything to support the Christians in the Middle East]. [Online] Available from: https://ria.ru/20191030/1560416663.html

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОВ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930.24 (075.8)
DOI: 10.17323/19988613/73/17

Н.П. Иванова, С.В. Цыб

ОСНОВНЫЕ ИСТОРИКО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–19–50210.

Впервые в отечественной историографии выявлены основные историко-хронологические проблемы, с которыми столкнулись исследователи древнерусского летописания: количество времяисчистительных систем (стилей и эр); структура древнерусского пасхального года и истоки пасхальных систем; нестабильность весеннего новогодия; время и место реформы календарного стиля; происхождение месяцесловных обозначений; использование относительных датировок.

Ключевые слова: историографический обзор, историко-хронологические проблемы, методологические подходы, реконструкция дат, древнерусское летописание.

Древнерусское времяисчисление – сложное и разнообразное явление, которое, несмотря на почти трехсотлетнюю историю изучения, продолжает оставаться предметом диспутов ученых и любителей хронологии. Одним из самых богатых источников, отразивших практическое применение различных способов счета времени, является древнерусское летописание. Именно благодаря ему историкам удалось открыть имена средневековых знатоков хронологии (Кирик Новгородец), установить их обширные познания в математике, астрономии, космологии и различных времяисчислительных системах. Изучая древнерусские летописи, ученые постоянно сталкивались с датами, которые требовалось перевести на современную систему счета времени. Поначалу это казалось легко, но со временем историки стали замечать, что одни и те же события в разных летописях датируются по-разному. Возникла необходимость объяснения такого рода несоответствий, причину которых со временем стали трактовать как вероятность использования разных времяисчислительных систем. Постепенно исследователям удалось выявить основные времяисчислительные системы (эры летоисчисления, календарные стили, месяцесловные и пасхальные даты), применяемые летописцами, и проблемы, связанные с их интерпретацией.

Научно-исследовательской целью статьи является аналитический критический обзор теоретических и методологических подходов к решению основных историко-хронологических проблем, отразившихся в древнерусском летописании на протяжении всего периода его исследования (XVIII – начало XXI в.). Для достижения поставленной цели необходимо решить рад взаимосвязанных задач: выявить основной круг научных публикаций, посвященных решению хронологических проблем древнерусского летописания; определить круг историко-хронологических проблем, с которыми столкнулись исследователи древнерусского летописания; установить теоретические и методологические подходы, применяемые историками к решению этих проблем; разработать периодизацию изучения хронологии древнерусского летописания; установить перспективы и основные направления развития историко-хронологического знания.

Основными источниками для данной обзорной статьи являются историографические источники (научные и научно-популярные сочинения ученых и любителей русской хронологии XVIII – начала XXI в.), начиная с работ В.Н. Татищева, который первым обратил внимание на существование как минимум двух календарных стилей на Руси (мартовского и сентябрьского), и заканчивая работами последних десятилетий (Р.А. Симонов, С.В. Цыб, Н.П. Иванова, А.А. Романова, О.В. Лосева и др.), в той или иной степени затрагивающие все перечисленные выше проблемы и предлагающие свои варианты решения.

На разных этапах развития историко-хронологического знания в России предпринимались отдельные попытки осмысления историографии древнерусской хронологии.

Так, в XIX в. исследователь В.И. Штейнгейль осуществил первую классификации трудов по хронологии Древней Руси, выбрав в качестве критерия их «предназначение» [1. С. V–XI]. П.В. Хавский в своих сочинениях, произведя обзор «летоисчисления русских», делал ссылки на основные сочинения по хронологии, начиная с работ В.Н. Татищева (1768) и заканчивая работами конца 40-х гг. XIX в. Обзор во многом носил претензионный характер, поскольку автор оценивал качество работ, исходя из собственных предпочтений и совпадения мнения автора публикации с суждения-

ми самого П.В. Хавского, при этом в его сочинениях явно прослеживается тенденция к «саморекламе» и восхвалению собственных исследований [2, 3]. Тем не менее уже в этих публикациях предпринята попытка выявления основных хронологических проблем, таких как структура дохристианского времяисчисления, время введения на Руси христианского «церковного Русского счисления», «забытое первое хронологическое сочинения в России» Кирика Новгородского, время введения в России сентябрьского и январского стилей. Кроме того, П.В. Хавский осветил основные хронологические дискуссии середины XIX в., связанные с датами основания Москвы, образования древнерусского государства и, конечно, соотношением сентябрьского и мартовского стилей, их старшинства относительно друг друга. Вслед за П.В. Хавским в конце XIX в. очередной обзор историографии хронологии предпринял В.С. Иконников, который отметил неудовлетворительное состояние развития исторической хронологии на том этапе ее развития, при этом подчеркнув важность для ее становления хронологических дискуссий середины XIX в. [4]. Н.Н. Глубоковский сделал более короткий в хронологическом плане историографический обзор (конец 1860 – начало 1890 г.), но и ему удалось поднять важные на тот период проблемы русской хронологии: назревшая необходимость перехода на григорианский календарь и связанная с этим реформа пасхального цикла [5].

Более чем на полвека проблемы осмысления развития хронологического знания древнерусской истории ушли из поля зрения исследователей. Вновь к ним вернулся в 1944 г. известный советский историк Л.В. Черепнин, который занялся написанием учебника по русской хронологии, поэтому обзор историографии не являлся его основной целью. Однако ему удалось выделить новые направления развития хронологии за период конца XIX – начала XX в., в частности вклад в различные аспекты ее развития таких исследователей, как Н.В. Степанов, А.А. Шахматов и Д.И. Прозоровский [6].

С.М. Каштанов в 1960-х гг. вслед за Л.В. Черепниным зафиксировал новый этап в развитии хронологии Древней Руси на рубеже XIX–XX вв., а также подчеркнул междисциплинарный характер исследований данного периода (на стыке математики, астрономии и истории) [7, 8].

Следующим этапом осмысления историографии хронологии стала статья В.А. Кондратьева, А.А. Новосельского в журнале «Вопросы архивоведения» (1962), в которой они предприняли попытку анализа ее развития в период с 1917 по 1934 г. Они отметили, что в указанный период не только продолжает развиваться критический взгляд на датировки древнерусской истории, но и разрабатываются новые методы хронологических исследований [9].

Б.М. Свердлов в 1973 г. проанализировал историю развития древнерусской хронологии, начиная с дореволюционной и заканчивая современным ему периодом. Из новшеств, которые ему удалось выделить, можно отметить оценку им вклада в развитие хронологии трудов, помимо уже ранее упомянутых, Н.В. Степанова и Д.И. Прозоровского, Д.О. Святского, Н.Г. Бережкова, А.Г. Кузьмина и Б.А Рыбакова, а также авторов научно-популярных работ и учебных пособий (С.И. Селешников, А.В. Буткевич, М.С. Зеликсон, Е.И. Каменцева и др.) [10].

И.Н. Данилевский конкретизировал нерешенные проблемы дохристианского времяисчисления на Руси, отметив среди них следующие: проблему типа дохристианского русского календаря (лунный, лунно-солнечный) и установления системы вставки эмболисмического месяца; соотношение месяцев дохристианского и юлианского календарей; стиль дохристианского календаря (он был весенний, но когда начинался год?); время его бытования на Руси (существовал ли он параллельно с юлианским и когда вышел из обихода); наконец, возможные разновидности летоисчисления до принятия Русью христианства. Из новых проблем, связанных с христианским времяисчислением, И.Н. Данилевский выделяет вопрос о происхождении ультрамартовского, сентябрьского и мартовского стилей: «история вытеснения мартовских новогодий сентябрьскими». Исследователем поднимается и еще одна важная нерешенная проблема – восстановление истории применения космических эр в русском летописании (разных вариантов эр от Сотворения Мира (далее – СМ)) [11. С. 63–68].

В.К. Кузаков в рамках обзора историографии истории науки в России X–XVII вв. делает небольшой обзор работ по древнерусской хронологии, подчеркнув необходимость использования междисциплинарного подхода (на стыке истории, математики и астрономии) [12. С. 72–77]. В конце XX – начале XX в. отдельные историографические обзоры древнерусской хронологии предпринимались авторами данной статьи [13. С. 3–8; 14. С. 5–13; 15. С. 122–160], Е.Л. Наеком [16], Т.В. Кайгородовой [17, 18]. Однако они ограничивались чаще всего серединой – третьей четвертью XX в. Комплексного осмысления развития научного историко-хронологического знания на всем протяжении его истории до сих пор не предпринято.

Научная новизна данной работы заключается в попытке обобщить и критически оценить весь опыт отечественной историографии в решении накопленных историко-хронологических проблем. Основное внимание уделяется изменению теоретических и методологических подходов к выявленным вопросам.

В статье впервые в отечественной историографии выявлен основной круг историко-хронологических проблем, с которыми столкнулись исследователи древнерусского летописания: количество календарных стилей и эр от Сотворения Мира, отразившихся в русском летописании, время и место реформы календарного стиля на Руси; структура древнерусского пасхального года и истоки пасхальных систем, применявшихся на Руси; несоответствие месяцесловных показаний в разных летописях; нестабильность весеннего новогодия; совмещение разных времяисчистительных систем как в рамках одного летописного памятника, так и в разных; относительная хронология, отразившаяся в русском летописании (периоды правления, природные и общественные катаклизмы, времена года и пр.).

Статья построена по проблемно-хронологическому принципу: исследование построено на поэтапном анализе работ исследователей, начиная с впервые обративших внимание на одну из вышеперечисленных проблем и до современности, с выявления изменений в источниковой базе и методологических подходах.

Основным методом исследования является историографический анализ, позволяющий не только выявить степень изученности основных проблем хронологии древнерусского летописания, но и установить этапность появления и попыток решения указанных хронологических проблем, выявить наименее исследованные аспекты этих проблем, а также изменения методологических подходов к их изучению. Историко-генетический метод позволил выявить причинно-следственную взаимосвязь между введением в научный оборот новых древнерусских источников, разработкой и внедрением новых методов и подходов к их изучению и изменением взглядов ученых на сущность, структуру и историю развития времяисчислительных систем Древней Руси.

Вопрос о типе и структуре дохристианского календаря у восточных славян является важной историко-хронологической проблемой, однако мы не будем его затрагивать в рамках данной статьи, так как языческие формы времяисчисления практически не нашли отражения в древнерусском летописании. Отметим только, что основные аспекты данной проблемы были отражены в публикации И.Н. Данилевского [11. С. 62–64].

Использование разных календарных стилей и связанной с ними календарной реформы

Первой проблемой, связанной с времяисчислительными системами в летописании, на которую обратили внимание исследователи, стала история развития представлений о древнерусских календарных стилях. Ретроспекция определила суть научных построений. В церковной практике XVIII–XIX вв. применялись богослужебные книги как с мартовским, так и с сентябрьским календарным началом, поэтому был сделан вывод о древнем происхождении обоих стилей. Поскольку официальным церковным в то время был второй из них (еще помнились времена календарной реформы Петра I, реформировавшего сентябрьский календарь), то он-то и был признан более молодым в сравнении с мартовским стилем. В.Н. Татищев представил такую версию: «Начало же года у нас сперва счислялось от весны… По принятии веры христовой церковный год счисляли с марта от перваго… В 1342 [году] при митрополите Феогносте… на соборе в Москве решено и положено как церковный, так и гражданский год начинать сентевриа от перваго числа» [19. С. 126]. Никаких фактических оснований эта версия не имела, и поэтому мы уверенно можем добавить ее к перечню татищевских «размышлений» (домыслов), появившихся в ходе личной авторской интерпретации информации источников [20. С. 249–287]. Тем не менее ближайший его последователь, историк князь М.М. Щербатов, принял эту версию, сопроводив свой выбор такими ловами: «Хотя я в имеющихся у меня летописцах сего собора и точного положения не нахожу, да и он госп[один] Татищев не упоминает откудова сие взял; однако в самом деле вижу, что оное [т.е. сентябрьское] счисление около сего времени началось» [21. С. 393, прим.].

Окончательную устойчивость это мнение приобрело после появления «Истории государства Российского». Придворный историограф отверг дату 1342 г., как не имеющую никаких оснований, взамен изложил рассказ о том, как в преддверии ожидаемого Конца Света в 1492 г. (7000-й год от Сотворения Мира) на русской земле прекратились пасхальные расчеты. Для того чтобы возродить эту традицию, митрополит Феогност провел церковный собор, на котором была принята не только новая Пасхалия, но и решение о переходе с мартовского календарного счисления на сентябрьское. Удивительно, что Н.М. Карамзин в примечаниях к своей «Истории…», где он обычно обосновывал все свои сведения, в данном случае не сослался ни на какой источник [22. С. 8–9, 222–223]. Действительно, в некоторых поздних летописях [23. С. 200] и в предисловиях к Пасхалии на восьмую тысячу лет [24. С. 795–801] упоминается собор 1492 г. Однако все эти источники, которые, кстати, были неизвестны Н.М. Карамзину, связывают собор только с утверждением новой Пасхалии и ни слова не говорят о какой-либо календарной реформе. С тех пор вопрос о реформе календарных стилей на Руси и была ли такая реформа вообще так и остался не разрешенным. Тот же П.В. Хавский считал, что сентябрьское новогодие появилось в новгородском летописании после покорения Новгорода Иваном III под влиянием официального московского летописания [25. С. 12–13]. Однако летописи демонстрируют нам примеры того, что сентябрьский стиль применялся на Руси задолго до 1492 г., а мартовские датировки встречаются в летописании и после XV столетия.

Во второй половине XIX в. известный любитель хронологии московский чиновник П.В. Хавский, дискутируя со всем научным и журналистским сообществом, старался убедить всех в том, что мартовский календарный стиль не отставал шестью месяцами от сентябрьского, как это всегда считалось, а опережал его на такой же срок [26; 27. С. 89–108]. Недостаток научных знаний не позволил ему доказать правильность своего мнения, но это сделал в начале XX в. Н.В. Степанов, вместе с тем доказавший одновременное применение в Древней Руси как опережающего на шесть месяцев сентябрьское весеннего новогодия (ультрамартовский стиль), так и такого же начала года, но отстающего от сентября на 6-месячный срок (мартовский стиль) [28]. При этом Н.В. Степанов, правда, остался на уровне карамзинского вывода об этапной смене календарных стилей в русском времяисчислении, что повлияло, в частности, и на фундаментальные исследовательские разработки Н.Г. Бережкова в 60-е гг. XX в.

Продолжателем концепции Н.В. Степанова стал советский историк Н.Г. Бережков, который, проанализировав показания трех летописных сводов (Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой летописей), пришел к выводу, что в XII–XIV в. на Руси

в основном преобладали мартовский и ультрамартовский стили. Сентябрьский стиль встречался редко [29, 30]. Однако он так и не ответил на вопрос, откуда истоки мартовских стилей на Руси. Впрочем, ответ на этот вопрос не получен до сих пор.

Позже одним из авторов данной статьи было доказано «параллельное» употребление в древнерусских текстах всех трех календарных стилей (ультрамартовского, сентябрьского и мартовского), а также обосновано предположение наличия еще двух (постмартовского, отстающего на год от мартовского счисления, и «асийского», начинающего за год от дня осеннего равноденствия 22 сентября) [14. С. 197–228]. Мнение С.В. Цыба не всеми признано, однако подтверждение существования стилей, отличных от ультрамартовского, мартовского (можно «говорить о датировании сообщений на единицу ниже мартовского года»), находится также в работах Н.Г. Гришиной, но исследовательница чаще всего принимает их за ошибочные [31; 32], хотя тут, возможно, нужно поискать закономерности. В целом можно утверждать, что XXI в. утвердилось мнение о многообразии календарных стилей на Руси, нашедших отражение в летописной традиции, однако вопросы их происхождения по-прежнему остаются неразрешенными.

С весенними календарными стилями связана еще одна важная хронологическая проблема, а именно: какого числа юлианского года отмечалось новогодие. Если с сентябрьским стилем все ясно, во всех богослужебных книгах оно связано с 1 сентября, днем Семиона Столпника, хотя выше мы уже писали о версии с «асийским» стилем, то с весенними новогодиями все не так очевидно. Н.В. Степанов первым выдвинул гипотезу о существовании подвижных circa-матровских новогодий как для ультрамартовского, так и для мартовского стиля. При этом он предположил два варианта новогодий:

1) при раннем наступлении весны, по его мнению, новый год наступал в первую неделю Великого поста; или еще один вариант раннего: оно относилось ко второй неделе поста или к полнолунию пред постом;

2) при позднем окончании зимы новогодие приходилось на Вербное воскресенье [33. С. 44–74; 34. С. 1–71; 35. С. 33–39].

Как видно, исследователь предположил, что на наступление нового года влияли погодные условия (окончание зимы, начало весны). При этом истоки подобного новогодия Н.В. Степанов видел в лунной календарной системе, применявшейся в дохристианский период. Один из авторов данной статьи отверг доводы Н.В. Степанова, выдвинув другую гипотезу и обосновав ее на ряде примеров. Так, подвижное весеннее новогодие («великопостное») приходилось на понедельник или воскресенье первой (Федоровой) седмицы Великого поста, а истоки этой системы восходят не к лунной, а к лунно-солнечной системе языческого древнерусского календаря, которая была умело приспособлена к лунно-солнечному пасхальному календарю [14. С. 219–224]. Еще одну гипотезу о «плавающей» дате начала года (март – начало апреля) обосновывали в своих работах Д.О. Святский и А.В. Журавель [36, 37].

Эры от Сотворения Мира, отразившиеся в русском летописании

Второй, не менее сложной и важной проблемой, которая возникла перед исследователями уже на ранних этапах изучения древнерусского летописания, является сюжет о формировании знаний о древнерусских эрах летосчисления. Исследовательской мысли пришлось долгие годы пробиваться сквозь господствующее мнение о применении древнерусскими писателями единственной системы учета лет – так называемой константинопольской эры летосчисления, разделявшей интервалом в 5509 / 5508 лет два важнейших события Священной истории – Сотворение Мира и Рождество Христово (Р.Х.). Мнение об исключительности этой системы имело вроде бы веские основания: именно в такой, а не в какой иной величине, представляла в XVI–XX вв. и представляет ныне этот интервал православная церковно-историческая наука и богослужебная практика. В соответствии с такой арифметической схемой осуществлялся перевод древнерусских датировок на нашу эру (эру от Р.Х.) и первыми поколениями российских историков, по таким же правилам проводится редукция часто и в наши дни. Все уже ставшие привычными для нас даты российской истории IX–XV столетий, воспринимаемые как безусловно достоверные, хрестоматийные и незыблемые, вычислены по константинопольской эре. Это мнение стало настолько устойчивым, что нашло отражение на страницах энциклопедических изданий, в которых указывается, что «попытки обнаружить в древнерусских памятниках следы датирования по каким-либо другим эрам пока недостаточно убедительны» [38. С. 453].

Тем не менее уже в середине XIX в. появилось мнение об употреблении в древнерусской письменности наряду с константинопольской эрой и другого интервала – 5500 лет до Р.Х. [39. С. 5–6]. П.А. Хавский называл ее «александрийской» [3], а позже эту эру стали называть антиохийской [40]. Б.А. Рыбаков, видимо вслед за П.В. Хавским тоже называл ее «александрийской эрой» [41. С. 163–165, 169–188]. Ее существование подтверждали М.Н. Тихомиров, А.Г. Кузьмин, О.М. Рапов. С.В. Цыб, Е.Г. Водолазкин [14. С. 188–191; 42–45; 46. С. 80–81, 92–93]. В XX в. список древнерусских эр пополнился византийско-болгарской эрой (5504 / 5505 лет от СМ до Р.Х.) [14. С. 184–188; 43. С. 70–72; 44. С. 253–257, 261–263, 294–295; 47; 48] и александрийской эрой (5492 / 5493 года от СМ до Р.Х.) [43. С. 70–72; 44. С. 253–257, 261–263, 294–295]. Наконец, совсем недавно был обоснован вывод о датировании некоторых летописных известий годами эры в 5511 лет (условное название «древнерусская эра») [14. С. 191–195].

Нежелание большинства историков пересматривать в связи с этими открытиями привычную «константинопольскую шкалу» древнерусской хронологии привело к распространенному, правда, нигде не высказанному официально утверждению, что все «новые» эры применялись только в богослужебной письменности и не употреблялись при датировании повседневных событий, хотя многочисленные конкретные примеры

их употребление в хроникальных и художественно-публицистических источниках подтверждают многообразие способов счета лет в Древней Руси.

Разночтения месяцесловных показаний в летописях

Еще одной важной хорологической проблемой стало выявление разночтений месяцесловных показаний (святочных дат) в разных летописях и в связи с этим разночтений в датировке исторических событий. В XVIII – начале XIX в. первыми использовать современные им месяцесловы для реконструкции некоторых исторических дат, в том числе и летописных, стали ростовский митрополит Димитрий (1651–1709; мирское имя – Даниил Туптало), историки В.Н. Татищев и М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин, И.-Ф. Круг [19. С. 126, 128; 49. С. 98; 50. С. 521, прим. 23; 51. С. 233–234; 52. S. VI], позже, во второй половине XIX в., эту традицию продолжили М.П. Погодин, А.А. Куник. Однако эти исследователи или не отмечали, что месяцесловная отсылка в летописи может не совпадать с современным им церковным календарем, или относили это к «ошибке» летописца.

С середины XIX в. началось параллельное течение, связанное с изучением самих месяцесловов (исследование отдельных памятников, составление сводных месяцесловов), при этом ученые в основном обращали внимание на разночтения в святцах разных времен, влияние западных церковных календарей (присутствие «латинствующих» памятей в русских святцах), однако причин этому пока не было выявлено. К.И. Невоструев выделил несколько причин появления разночтений в месяцесловах разных эпох, среди которых выделим наиболее важную, которая в дальнейшем окажет влияние на формирование выводов о составе месяцесловов использованных летописцами. Он первым обратил внимание, что имена некоторых святых, которые в современных ему календарях не отмечены, можно было найти только в Прологах и Четьих-Минеях, самых полных из списков святых [53. С. 536, 539, 540]. Именно такого рода «проложные» памяти были обнаружены одним из авторов этой статьи в Синодальном списке Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) [54. С. 43–44]. Продолжая поиск разночтений в месяцесловах и объяснение причин этого, исследователи рубежа XIX–XX вв. обращали внимание на влияние церковных Уставов (Константинопольский, студийский и Иерусалимский) на состав святцев. Первым это сделал архиепископ Сергий (Спасский) [55. С. 178]. Вслед за ним развитие этой идеи продолжили А. Петров и И.Д. Мансветов [56. С. 537–541; 57. С. 5]. Эта идея также нашла подтверждение при изучении «летописных месяцесловов» [54. С. 44–45].

В.В. Болотов выдвинул еще одну версию появления разночтений в месяцесловах, которая заключалась в том, что паломники привозили на Русь из своих странствий «книги устарелые». Пришельцам дарили или продавали такие книги, в которых не было практической надобности» [58. С. 196–197]. Этим, кстати, можно объяснить не только появление в русских источниках «архаичных» памятей святым, но и использование русскими таких же «архаичных» времяисчислительных систем. Первым, кто обратил внимание историков на то, что при реконструкции и редукции месяцесловных дат нельзя использовать современные церковные календари, стал Н.В. Степанов [34. С. 24]. Таким образом, в XX в. наметилось изменение подхода к изучению месяцесловных показаний в летописях. Н.В. Степанов первым наметил тот путь, по которому должны были пойти историки, а именно тщательнейшим образом изучить историю формирования и развития месяцесловов в России и, зная ее, попытаться выяснить, какими же именно святцами мог пользоваться тот или иной летописец. В истории изучения святцев только на рубеже XX–XXI вв. наметились новые подходы. Прорыв в этом вопросе был сделан исследовательницей О.В. Лосевой, которая первой начинает «поиск принципиальных сходств» в месяцесловах разных эпох и территорий, что позволило ей обнаружить «родственные рукописи при существовании колоссального числа второстепенных разночтений между списками», а также выявлять «культурно-исторические слои» и «стратиграфию» месяцесловов [59–62].

Не оставляли своих попыток реконструкции летописных святочных дат с разной степенью успешности и историки, в том числе и авторы данной статьи [13. С. 63, 117–118; 14. С. 201–209; 30. С. 45, 46; 63. С. 333; 64. С. 209–211]. Наиболее полными реконструкциями в этом плане являются работы одного из авторов данной статьи, которая попыталась в своих работах обобщить весь предыдущий накопленный опыт и объединить в одном исследовании подходы исследователей месяцесловов и летописных месяцесловных обозначений. Для этого была разработана методика анализа и сравнения месяцесловных показаний в летописях, создана база данных «Православные календари XI–XXI вв.», позволяющая сопоставлять месяцесловы разных эпох и осуществлять быстрый поиск конкретного святого и дней его поминовения в святцах, произведен сравнительный анализ всех месяцесловных показаний в Новгородской первой летописи, что позволило в некоторых случаях определить точную дату события, в других – установить происхождение месяцесловной отсылки, в третьих – устранить противоречия в датировках разных летописей [54; 65–68]. Более подробно историю изучения использования месяцесловов в летописях можно найти в статьях Н.П. Ивановой [69, 70].

Изменение структуры древнерусского пасхального года и истоки пасхальных систем, применявшихся на Руси

Другой важной проблемой было изучение изменения структуры древнерусского пасхального года и истоков пасхальных систем, применявшихся на Руси. Древнерусские пасхальные времяисчислительные системы, а теперь мы понимаем, что их было несколько и они менялись со временем, являются тем стержнем, вокруг которого выстраивались все другие формы учета времени (календарные стили, седмичный счет дней

в неделе и др.). Прежде чем прийти к выводу о существовании различных пасхалий в разные эпохи, прежде чем исследователям удалось выявить структуру древнерусского пасхального (передвижного) года, история их изучения прошла длинный путь от представлений в XIX в. о единовременном и неизменном установлении правил пасхальных расчетов (решением Первого Вселенского Собора в 325 г.) до осознания в XX–XXI вв. того, что способы расчета Пасхи менялись на Руси, и в связи с этим менялись способы подсчета дней семидневке-неделе, а так же структура самого пасхального календаря. Отметим наиболее важные этапы в истории изучения русской пасхалии.

Первые попытки изучения Пасхалии (правила расчета Пасхи) относятся к XVIII в., когда исследователями применялись современные пасхальные таблицы для реконструкций древних дат [19. С. 125, 128; 71. С. 150–151], но сами они не анализировались. Более подробно этот этап развития пасхально-хронологических научных знаний изложен в статье С.В. Цыба [72]. В XIX в., как и в предыдущий период, превалировало мнение о «неизменности» древнерусской Пасхалии на протяжении всего периода ее существования [73. С. 960; 74. С. 1, 15]. В начале XX в. Н.В. Степанов, опираясь на изученное им «Учение о числах» Кирика Новгородца, первым доказал, что древнерусская Пасхалия (XI–XII вв.) изначально имела оригинальные хронологические элементы (Основания – возраст Луны на 1 января; Круги Солнца, отсчитывающиеся русскими от 1 октября – антиохийский вариант 28-летнего цикла; индекта; для пасхальных расчетов применялся сентябрьский константинопольский год и пр.), а также эволюцию древнерусской Пасхалии и выделение нескольких этапов в ее истории [28. С. 7–9; 75. С. 139]. В XX – начале XXI в. происходило уточнение этапов сложения русской пасхальной системы, однако ее реконструкция основывалась не на летописных данных, а на изучении различного рода источников (богослужебные книги, эпиграфические источники – граффити, другие календарно-хронологические источники, в том числе Учение о числах Кирика). Помимо вышеназванных оригинальных хронологических элементов, применявшихся Кириком, не позднее первых десятилетий XIII в., по утверждению А.А. Медынцевой [76. С. 254], на Руси появились графические «руки Иоанна Богослова»; по мнению Р.А. Симонова, они существовали уже в XI–XII вв. [77; 78; 79. С. 133]. Не ранее XIV в. в русской Пасхалии появилось понятие Вруцелето [13. С. 70, 120; 14. С. 231–249; 28. С. 3–4; 75. С. 138–139; 80. С. 300]. Не ранее XIII в., по мнению одного из авторов данной статьи, на Руси появился трехтабличный комплекс «Вечного календаря», восходящий к болгарским пасхальным таблицам IX–X вв., причем он мог существовать одновременно с кириковскими формами расчета Пасхи [14. С. 248]. На изменение системы расчета Пасхи на Руси повлияло использование мартовского календарного стиля [14. С. 215, 231–249].

Существенный вклад в разработку пасхальной тематики внесли работы А.А. Романовой, расширившей круг календарно-хронологических источников XV–XVII вв., внесшей вклад в дальнейшую разработку периодизации Пасхалии [81, 82]. Она отмечала, что основным видом календарного текста становятся для XV в. рядовые пасхалии, для XVI в. – сборник «Миротворный круг» и комплексы из небольших статей, в XVII в. – обширные комплексы статей, представленные сборниками «Рука богословия» [81. С. 15]. Требует дополнительного осмысления и анализа мысль Е.Г. Водолазкина о том, что «не исключено, что именно пасхалия легла в основу погодных записей русского летописания», как «идеи единства мира и всего в нем происходящего» [46. С. 95]. Интересный обзор сочинений, посвященных пасхальной тематике, представлен в монографии Т.В. Кайгородовой, С.В. Цыба [17. С. 21–27].

Не менее, а, быть может, более значимой является проблема выявления структуры древнерусского пасхального (передвижного) года и календарно-недельного счета. Календарное (юлианское) расписание пасхального года имело огромное богослужебное значение, кроме того, именно оно определяло порядок счета недель и юлианских чисел в исторической письменности, в том числе в летописании. Первым попытку реконструкции древнерусского пасхального года предпринял Н.В. Степанов [33. С. 22–32; 34. С. 26–37]. В ходе изучения этой темы было выявлено несколько проблем: определение начального момента пасхального года – «неделя о Мытаре и Фарисее» [14. С. 253–254; 83. С. 64; 84. С. 91–92]; каким образом велся счет дней в семидневке – первый способ (понедельник–воскресенье), второй – седмица-седмерица (воскресенье–суббота) [14. С. 252–268; 85. С. 139; 86. С. 262; 87. С. 154; 88. С. 161]; когда происходила «ломка» в недельном расписании передвижного календаря (со счета понедельник–воскресенье на счет воскресенье–суббота). Н.В. Степанов предположил, что такая «ломка» происходила в Крестопоклонное воскресенье, эта версия была подтверждена одним из авторов данной статьи на материалах Новгородской первой летописи [33. С. 27–29; 84. С. 95–96], но существует и более устоявшееся мнение, что «ломка» расписания происходила от Пасхи [14. С. 262]. С.В. Цыб, автор данной статьи, доказывал существование нескольких вариантов послепасхального счета недель: «седмичный», «вознесенский», «пентикостный» [14. С. 264–268]. В настоящее время историко-хронологическая наука разработала несколько достаточно подробных реконструкций пасхального недельного счета, которые отличаются друг от друга лишь деталями [14. С. 231– 249; 89. С. 96–118; 90. С. 247–300]. Можно констатировать, что представления о структуре Пасхалии и календарно-недельного счета в Древней Руси эволюционировали от мнения об их неизменности и статичности к их многообразию и изменчивости.

Совмещение разных времяисчистительных систем как в рамках одного летописного памятника, так и в разных

Важным приобретением историко-хронологической науки стало обогащение ее арсенала достижениями сравнительно-текстологической филологии второй

половины XIX – начала XX в. Совсем не случайно выдающийся исследователь древнерусского летописания А.А. Шахматов едва ли не первым показал пример взаимно полезного совмещения хронологических и лингвистических исследований [91, 92]. В дальнейшем представление о сложносоставном характере текстов древнерусских источников позволило исследователям устанавливать совмещение различных времяисчислительных систем не только на страницах какого-то одного литературного памятника, но и в границах более мелких комплексов, например таких, как отдельные летописные статьи [33–35]. В последнее время даже предпринимаются попытки объяснения подобного рода совмещений (на примере чередований ультрамартовских и мартовских датировок в новгородской и северо-восточной летописной традиции и связывая их со сменой руководителей епархий и даже хронологическими предпочтениями князей) [93, 94].

Относительная хронология, отразившаяся в русском летописании

Что касается относительной хронологии, отразившейся в древнерусском летописании, и ее изучения, то этой теме уделялось меньше всего внимания исследователей. Среди проблем, связанных с относительной хронологией, можно обозначить следующие: выявление и анализ относительных хронологических элементов, заимствованных из иностранных источников (Хронограф по великому изложению, включая его различные редакции, Хроника Иоанна Малалы и др.), например упоминание правлений византийских императоров [95]; анализ росписей (перечней) и периодов правления русских князей [96]; поиск и анализ «скрытых (хронологических. – *Н.И. С.Ц.*) библеизмов» (гипотеза об аллюзии на тексты Священного Писания) [97]; природные и общественные катаклизмы, например обрушение церквей, землетрясения, наводнения и пр., как начальные точки отсчета каких-то периодов; указания на время года как хронологический ориентир [13. С. 9] и др. Изучение этих относительных дат может раскрыть перед исследователями не только источники составления летописей, но и способы заимствования русскими летописцами различных способов счета времени.

Заключение

В результате проведенного анализа авторы приходят к следующим промежуточным выводам. Эволюция российской научной хронологии происходила за счет изменения представлений о предмете исследования. Первым поколениям исследователей хронологии древнерусское времяисчисление виделось достаточно простым набором элементов (одна эра летосчисления, один календарный стиль, одна схема расчета Пасхи и т.д.). Соответственно, и редукция старинных дат предполагала получение только одного варианта, считавшегося предельно точным. Однако обнаружение в источниках многочисленных случаев асинхронных дат одних и тех же событий заставляло исследователей постепенно отказываться от «моногенизма» в описании старинного учета времени и переходить на позиции полиметрической его оценки. Уверенность в безраздельном господстве в Древней Руси константинопольской эры летосчисления к настоящему моменту меняется в сторону признания одновременного использования древнерусскими хронистами нескольких летосчислительных систем, голословное утверждение В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина о последовательной смене мартовского календарного стиля сентябрьским сейчас уступило место уверенному признанию параллельного употребления в датировании событий X–XV вв. как минимум трех вариантов календарного начала юлианских лет, пасхально-математическая схема Кирика, долгое время считавшаяся единственной и универсальной для русской земли, оказалась только одной из множества конкретных разновидностей пасхалистки.

Расширить границы предмета исследования позволяли не только археографические открытия, но совершенствование методики историко-хронологического исследования показаний источников. К методам определения календарных стилей и эр по очередности следования дат и по календарно-математической согласованности их отдельных элементов, знакомых еще историкам XVIII в., позже добавились перекрестно-сравнительный и астрометрический методы, метод анализа несинхронных дат, технология баз данных и пр. [98–101]. Разрабатываются и совершенствуются методики изучения источников, послуживших основой для датирования в летописях [61, 62, 100]. Все эти методы способствуют и достижению перспективной цели исторической хронологии, ушедшей далеко вперед от упрощенной редукционистской задачи: с максимальной полнотой и детализацией реконструировать древние системы учета времени, отразившиеся на страницах древнерусских письменных источников.

Таким образом, решение вышеперечисленных проблем в разные периоды зависело не только от введения в научный оборот источников и расширения представлений о предмете исследования, но и от развития историко-хронологического знания (взаимосвязь с отдельными направлениями исторической науки, в частности с источниковедением, и другими науками (математика, астрономия др.), разработка и совершенствование методики), от изменения теоретико-методологических подходов самой отечественной исторической науки.

Развитие историко-хронологического научного знания в России прошло несколько этапов:

– XVIII – середина XIX в. – превалировало представление о незыблемости, неизменности (статичности) хронологических элементов, заимствованных Русью из Византии вместе с принятием христианства, а также их однотипности (константинопольская эра, только сентябрьский или мартовский календарный стиль);

– середина XIX в. – начало XX в. – первые попытки доказать существование разнообразия времяисчислительных систем Древней Руси, в том числе наличия оригинальных древнерусских разработок (ультрамартовский стиль, криамартовское новогодие, пасхальные элементы);

– начало XX – конец XX в. – доказано существование нескольких времяисчислительных систем в русском летописании (стили, эры, пасхальные элементы и др.);

– конец XX в. – начало XXI в. – разработаны новые методы работы с историко-хронологическими данными, окончательно утвердилось представление о многообразии хронологических систем, применявшихся в Средние века в России.

Несмотря на отдельные попытки разрешения, задача о необходимости выявления, системного описания и анализа всех древнерусских способов учета времени, поставленная С.М. Соловьевым, получившая дальнейшее развитие в трудах Н.В. Степанова, так и осталась до конца не разрешенной. Причины этого кроются не только в недостаточном развитии историко-хронологического знания, но и в большой трудоемкости процесса, требующего работы целого научного коллектива или школы, поскольку решение каждой из перечисленных проблем строится из следующих составляющих:

– выявление и тщательное источниковедческое изучение круга источников первого порядка (археологические и этнографические данные, богослужебные книги и т.д.), которые являются причиной появления того или иного хронологического элемента в источниках второго порядка (дают примеры практического применения хронологических навыков в историко-публицистических сочинениях, летописях и др.);

– продолжение источниковедческих разработок источников второго порядка и соотнесение результатов со знаниями, полученными в ходе историко-хронологических исследований;

– привлечение данных других наук (математики, астрономии, digital history), позволяющих уточнять сведения исторической хронологии и применять новые методологические подходы и методики;

– разработка и использование новых методов и методик собственно историко-хронологического знания.

Таким образом, историографический аналитический обзор позволил сформулировать задачи дальнейшего развития научно-хронологического знания в России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ИОРЯС ИАН – Известия отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
СДЯ – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.
ТОДРЛ – Труды отдела древнерусской литературы.
ЧОИДР – Чтения в императорском Московском обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штейнгейль В.И. Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля. СПб., 1819. [8], XIV, [4], 370 с.
2. Хавский П.В. Хронологические таблицы, сравнивающие юлианский календарь с григорианским. М., 1849.
3. Хавский П.В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности // ЖМНП. 1849. Ч. 62, № 6, отд. 2. С. 164–224.
4. Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1.
5. Н.Г. [Глубоковский Н.Н.] Православная пасхалия и общедоступные пособия и руководства по хронологии // Христианское чтение. 1892. Ч. 1, № 3/4. С. 399–420.
6. Черенин Л.В. Русская хронология. М., 1944.
7. Каштанов С. М. Хронология // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2. С. 668.
8. Каштанов С. М. Хронология // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 627–628.
9. Кондратьев В.А., Новосельский А.А. О развитии вспомогательных исторических дисциплин // Вопросы архивоведения. № 4. 1962. С. 31.
10. Свердлов М.Б. Изучение древнерусской хронологии в русской и советской историографии // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Т. 5. С. 61–71.
11. Данилевский И.Н. Нерешенные вопросы хронологии русского летописания // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1984. Т. 15. С. 62–71.
12. Кузаков В.К. Отечественная историография истории науки в России X–XVII вв. М., 1991. 369 с.
13. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». Барнаул, 1995. 147 с.
14. Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011. 319 с.
15. Иванова Н.П., Цыб С.В. Историческая хронология: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. 215 с. URL: https://urait.ru/bcode/476689 (дата обращения: 04.05.2021).
16. Наек Е.Л. Отечественная хронология конца XVIII в. – 1991 г.: историографический опыт : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. М., 2010. 24 с.
17. Кайгородова Т.В., Цыб С.В. Историческая хронология в России в XVIII – начале XX века. Барнаул, 2011. 128 с.
18. Кайгородова Т.В. Научное историко-хронологическое знание в России в XVIII – начале XX века : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Барнаул, 2012. 23 с.
19. Татищев В.Н. История российская. М. ; Л., 1962. Т. 1.
20. Толочко А.П. «История российская» Василия Татищева: источники и известия. М. ; Киев, 2015.
21. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. III.
22. Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1842. Т. 6.
23. ПСРЛ. М., 1965. Т. 30.
24. Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. 6.
25. Хавский П.В. Сентября 1 число или Древнее московское летопровождение. М., 1850.
26. Хавский П.В. Хронологические таблицы : в 3 кн. М., 1848.
27. Курсакова Е.Н., Цыб С.В. Петр Васильевич Хавский – законовед и исследователь русской истории и хронологии. Барнаул, 2014.
28. Степанов Н.В. Календарно-хронологический справочник : пособие при решении летописных задач на время // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260).
29. Бережков Н.Г. О хронологии русских летописей по XIV в. включительно // Исторические записки. 1947. Т. 23.
30. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
31. Гришина Н.Г. Хронология Рогожского летописца за IX – начало XIV вв. // Мир истории. 2002. № 8, 9.

32. Гришина Н.Г. Хронология Рогожского летописца за IX – начало XIV вв. // Мир истории. 2003. № 2, 3.
33. Степанов Н.В. Единицы счета времени (до XIII века) по Лаврентьевской и 1-й Новгородской летописям // ЧОИДР. 1909. Кн. 4 (231). С. 1–74.
34. Степанов Н.В. Календарно-хронологические факторы Ипатьевской летописи до XIII века // ИОРЯС ИАН. 1915. Т. 20, кн. 2. С. 1–87.
35. Степанов Н.В. К вопросу о календаре Лаврентьевской летописи // ЧОИДР. 1910. Кн. 4 (235). С. 1–87.
36. Святский Д.О. Астрономия Древней Руси. М. 2007. (оригинал: Святский Д.О. Астрономические явления в Русский летописях с научно-критической точки зрения. Петроград, 1915).
37. Журавель А.В. Когда на Руси начинался новый год? // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы. М., 2001. С. 109–112.
38. Назаренко А.В., Кузенков П.В. Летосчисление // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. М., 2014.
39. Дубенский Д.Н. О некоторых годах Несторовой летописи // Временник Общества истории и древностей российских. 1855. Кн. 21.
40. Зыков Э.Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники // ТОДРЛ. 1969. Т. XXIV. С. 48–53.
41. Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963.
42. Тихомиров М.Н. Начало русской земли // Вопросы истории. 1962. № 9.
43. Кузьмин А.Г. Русский летописи как источник по истории Древней Руси. М., 1969.
44. Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
45. Рапов О.М. О датировке народных восстаний на Руси XI века в Повести временных лет // История СССР. 1979. № 2.
46. Вололазкин Е.Г. Хронология русской хронографии. Часть 1 // ТОДРЛ. 2001. Т. 52. С. 79–97.
47. Златарский В.Н. Болгарское летосчисление // ИОРЯС ИАН. 1912. Т. 17, кн. 2.
48. Гартман А.В., Цыб С.В. Хронология первых русско-монгольских сражений // Palaeoslavica. 2009. Vol. XVII, №. 1. P. 1–27.
49. Димитрий [Туптало Д.С.]. Роспись митрополитов киевских с кратким летописанием Московский любопытный месяцеслов на 1776 год. [М.], 1775.
50. Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. СПб., 1771. Т. II.
51. Карамзин Н.М. История государства российского. М., 1991. Т. 2.
52. Krug Ph. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantischen Chronologie, mit bezonderer Rücksicht auf die früher Geschichte Russlands. St-Peterburg, 1810.
53. Невоструев К.И. Исследование о Евангелии, писанном для Новгородского князя Мстислава Владимировича в начале XII века, в сличении с Остромировым списком, Галичским и двумя другими XII и одним XIII века // Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М., 1997.
54. Иванова Н.П. Месяцеслов Синодального списка Новгородской первой летописи // Проблемы источниковедения / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2006. Вып. 1 (12). С. 41–49.
55. Сергий, архиеп. (Спасский). Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901 (репринт: М., 1997). Т. 1.
56. Петров А. Чествование святых славянских апостолов Кирилла и Мефодия в древнерусской церкви (по служебным минеям и месяцесловам до 1682 г.). // Христианские чтения. СПб., 1893. Вып. 3.
57. Мансветов И.Д. Полный месяцеслов Востока. Разбор сочинения архим. Сергия «Полный месяцеслов Востока». СПб., 1878.
58. Болотов В.В. Следы древних месяцесловов поместных церквей // Христианское чтение. 1893. Вып. 1.
59. Лосева О.В. Месяцеслов Архангельского Евангелия 1092 г. // Архангельскому Евангелию 1092 года – 900 лет. М., 1995. С. 46–54.
60. Лосева О.В. Месяцесловы Древнерусских Евангелий XI–XII веков : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. М., 1998.
61. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001.
62. Лосева О.В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII – первой трети XV веков. М., 2009.
63. Цыб С.В. Хронология домонгольской Руси. Барнаул, 2003. Ч. 1: Киевский период.
64. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
65. Иванова Н.П. Источниковедческое исследование месяцесловных показаний в летописях : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. Барнаул, 2002. 21 с.
66. Иванова Н.П. Святочное датирование в Повести временных лет // Древняя Русь: вопросы медеевистики. 2008. Вып. 3 (33). С. 30–32.
67. Иванова Н.П. Анализ месяцесловных датировок исторических событий (по материалам Новгородской первой летописи) // Palaeoslavica. 2009. Vol. XVII, №. 2. P. 1–45.
68. Иванова Н.П. Месяцеслов Новгородской первой летописи. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 122 с.
69. Иванова Н.П. История изучения месяцесловов и их значение в исследованиях по древнерусской хронологии (XVII – начало XX вв.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/1 (68/1). С. 108–114.
70. Иванова Н.П. История изучения месяцесловов и их использования в исследованиях по древнерусской хронологии в XX – начале XXI в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/3 (68). С. 85–90.
71. Летописец иже во святых отца нашего Дмитрия митрополита чудотворца. М., 1799. Ч. 1.
72. Цыб С.В. Русская церковно-пасхальная книжность XVIII–XIX вв. и «Учение о числах» Кирика // Букинистическая торговля и история книги. М., 1996. Вып. 5. С. 19–29.
73. Погодин М.П. Древнерусская история до монгольского ига. М., 1872. Т. 2.
74. Ундольский В.М. Альманах, индиктион, круг миротворный // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. СПб., 1850. Кн. 1.
75. Степанов Н.[В.] Заметка о хронологической статье Кирика (XII век) // ИОРЯС ИАН. СПб., 1910. Т. 15, кн. 3. С. 129–150.
76. Медынцева А.А. Эпиграфические находки из Старой Рязани // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 254.
77. Симонов Р.А. «Учение» Кирика Новгородца и календарно-пасхальные граффити // Труды VI международного конгресса славянской археологии. М., 1999. С. 142–153.
78. Симонов Р.А. 2000-летие христианства в свете древнейшей русской календарной символики // Гербовед. 2000. № 1 (39). С. 18–31.
79. Мильков В.В. Симонов Р.А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / Памятники древнерусской мысли : исследования и тексты. М., 2011. Вып. VII.
80. Лебедев Д.А. Предисловие редактора // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260). С. 299–300.
81. Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.09. СПб., 1997.
82. Романова А.А. Древнерусские календарно-хронологические источники XV–XVII вв. СПб., 2002.
83. Иванова Н.П., Цыб С.В. Пасхальные хронологические элементы в новгородском летописании: предварительный анализ // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/2 (88). С. 62–66.
84. Иванова Н.П. Структура древнерусского пасхального (подвижного) календаря (по материалам базы данных «Хронология новгородского летописания IX–XV вв.») // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 91–100.
85. Истрин В.М. Книги временьныя и образныя Георгия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе: текст, исследования и словарь. Петроград, 1920. Т. 1: Текст.
86. СДЯ. М., 1988. Т. 1.
87. Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжноси Древней Руси. СПб., 1994.
88. Хавский П.В. Неделя и седмица // Северная пчела. 1846. 21 февр., № 41. С. 161.

89. Симонов Р.А. Научное творчество Кирика Новгородца // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород, 2012. Ч. 1.
90. Симонов Р.А. Кирик Новгородец – русский ученый XII века в отечественной книжной культуре. М., 2013.
91. Шахматов А.А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» // ЖМНП. Ч. CCCX. 1897. С. 217–222.
92. Шахматов А.А. Хронология древнейших русских летописных сводов // ЖМНП. 1897. Ч. CCCX. С. 463–482.
93. Гимон Т.В. Новгородское летописание первой четверти XIII в.: хронология и процесс пополнения летописи // Средневековая Русь. 2006. № 6. С. 80–118.
94. Гимон Т.В. Мартовский и ультрамартовский стили в Северо-восточной Руси и Новгороде в начале XIII в. // Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание : материалы междунар. науч. конф. (XVI чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова). Н. Новгород, 2020. С. 150–155.
95. Вололазкин Е.Г. Хронология русской хронографии. Часть 1 // ТОДРЛ. 1996. Т. 49. С. 22–35.
96. Гимон Т.В. Летописные даты похода Владимира Ярославича на Византию и счет годами правления Ярослава Мудрого // История : электронный научно-образовательный журнал. 2019. № 9 (83). URL: https://history.jes.su/s207987840007257-1-1/
97. Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
98. Цыб С.В. Методика историко-хронологического исследования (на примере древнерусской хронологии) // Источник, метод, компьютер. Барнаул, 1996. С. 23–46.
99. Иванова Н.П., Цыб С.В. Методика историко-хронологического исследования: по материалам новгородских летописей // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/1 (88). С. 121–127.
100. Иванова Н.П., Иванов Д.Н. Метод информационной обработки календарей-месяцесловов // Известия Алтайского государственного университета. 2000. № 4 (18). С. 11–15.
101. Иванова Н.П. Использование технологии баз данных в изучении хронологии новгородского летописания // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4/1 (84). С. 101–105.

Natalia P. Ivanova, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ivanovanp@gmail.com
Sergey V. Tsyb, Altai State University, Altai branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tsyb.ru@mail.ru

THE MAIN HISTORICAL CHRONOLOGICAL PROBLEMS OF ANCIENT RUSSIAN CHRONICLE WRITING: HISTORIOGRAPHICAL REVIEW

Keywords: methodological approaches, date reconstruction, Old Russian annals, historical and chronological problems, historiographic review.

The purpose of the article is a critical review of theoretical and methodological approaches to solving the main historical chronological problems reflected in Ancient Russian chronology throughout its research period (18th – early 21st century). The main sources for the review article are historiographical ones (scientifical literature and non-fiction works by scholars and Russian chronology enthusiasts of 18th – early 21st century). The research novelty comprises the attempt to compile and evaluate critically the whole experience of Russian historiography concerning the accumulated historical chronological problems. The article is focused at evolution of the theoretical and methodological approaches to the issues identified.

The main method of the research is historiographical analysis which makes it possible to identify the progress of the study of the main chronology problems of Ancient Russian chronicles as well as to determine the staging of emergence and attempts to solve the mentioned chronological problems. The method also allows to determine the least investigated aspects of the problems and the evolution of methodological approaches to their study. Historical genetic method allowed the authors to reveal cause-effect relationships between the introduction of new Ancient Russian sources, development and implementation of new methods and approaches to their study, and evolution of scholars' view on the essence, structure, and the history of Ancient Russian time measurement systems development.

The article is the first in Russian historiography to determine the main bulk of historical chronological problems which researchers of Ancient Russian chronicles have faced: combination of different time measurement systems met in one chronicle as well as in different ones; the amount of calendar styles and eras from the creation of the world reflected in Russian chronicles; the structure of Ancient Russian Easter year and the sources of Easter systems applied in Rus; the discrepancy of menologium data in different chronicles; the instability of Spring New Year; time and place of the calendar style reform in Rus.

The solution of the above-mentioned problems in different periods depended not only on the sources introduction in the scientific circulation and improved understanding of the subject but also on the development of historical chronological knowledge (the relationship with separate areas of history, in particular, source criticism as well as with other sciences (mathematics, astromony etc); development and improvement of methodology), on the evolution of theoretical methodological approaches of Russian historical science itself. The historiographical analytical review made it possible to set the objectives of the further development of scientific chronological knowledge in Russia.

REFERENCES

1. Steingeil, V.I. (1819) *Opyt polnogo issledovaniya nachal i pravil khronologicheskogo i mesyatseslovnogo schisleniya starogo i novogo stilya* [The experience of a complete study of the principles and rules of chronological and month reckoning of the old and new styles]. St. Petersburg: V Med. Tip.
2. Khavskiy, P.V. (1849a) *Khronologicheskie tablitsy, sravnivayushchie yulianskiy kalendar' s grigorianskim* [Chronological tables comparing the Julian calendar with the Gregorian one]. Moscow: [s.n.].
3. Khavskiy, P.V. (1849b) Vzglyad na khronologiyu evreyskuyu, khristianskuyu voobshche i russkuyu v osobennosti [A look at the chronology of the Jewish, Christian in general and Russian in particular]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 62(6). pp. 164–224.
4. Ikonnikov, B.C. (1891) *Opyt russkoy istoriografii* [Experience of Russian historiography]. Vol. 1(1). Kiev: St. Vladimir Imperial University.
5. N.G. [Glubokovskiy, N.N.] (1892) Pravoslavnaya paskhaliya i obshchedostupnye posobiya i rukovodstva po khronologii [Orthodox Easter and public manuals on chronology]. *Khristianskoe chtenie*. 1(3/4). pp. 399–420.
6. Cherenin, L.V. (1944) *Russkaya khronologiya* [Russian chronology]. Moscow: [s.n.].
7. Kashtanov, S. M. (1960) Khronologiya [Chronology]. In: Nechkina, M.V. et al. (eds) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
8. Kashtanov, S.M. (1963) Khronologiya [Chronology]. In: In: Nechkina, M.V. et al. (eds) *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR* [Essays on the History of Historical Science in the USSR]. Vol. 3. Moscow: USSR AS. pp. 627–628.
9. Kondratiev, V.A. & Novoselskiy, A.A. (1962) O razvitii vspomogatel'nykh istoricheskikh distsiplin [On the development of auxiliary historical disciplines]. *Voprosy arkhivovedeniya*. 4. p. 31.

10. Sverdlov, M.B. (1973) Izuchenie drevnerusskoy khronologii v russkoy i sovetskoy istoriografii [Study of Old Russian chronology in Russian and Soviet historiography]. In: Valk, S.N. (ed.) *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Vol. 5. Leningrad: USSR AS. pp. 61–71.
11. Danilevskiy, I.N. (1984) Nereshennye voprosy khronologii russkogo letopisaniya [Unsolved issues of chronology of Russian annals]. In: Nosov, N.E. (ed.) *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary Historical Disciplines]. Vol. 15. Leningrad: USSR AS. pp. 62–71.
12. Kuzakov, V.K. (1991) *Otechestvennaya istoriografiya istorii nauki v Rossii X–XVII vv.* [Russian historiography of the history of science in Russia in the 10th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Tsyb, S.V. (1995) *Drevnerusskoe vremyaischislenie v "Povesti vremennykh let"* [Old Russian time reckoning in the "Tale of Bygone Years"]. Barnaul: Altai State University.
14. Tsyb, S.V. (2011) *Drevnerusskoe vremyaischislenie v "Povesti vremennykh let"* [Old Russian time reckoning in the "Tale of Bygone Years"]. 2nd ed. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
15. Ivanova, N.P. & Tsyb, S.V. (2021) *Istoricheskaya khronologiya* [Historical Chronology]. 2nd ed. Moscow: [s.n.]. [Online] Available from: https://urait.ru/bcode/476689 (Accessed: 04.05.2021).
16. Naek, E.L. (2010) *Otechestvennaya khronologiya kontsa XVIII v. – 1991 g.: istoriograficheskiy opyt* [Russian chronology in the late 18th century – 1991: Historiographic experience]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
17. Kaygorodova, T.V. & Tsyb, S.V. (2011) *Istoricheskaya khronologiya v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Historical chronology in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: Altai State University.
18. Kaygorodova, T.V. (2012) *Nauchnoe istoriko-khronologicheskoe znanie v Rossii v XVIII – nachale XX veka* [Scientific historical and chronological knowledge in Russia in the 18th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
19. Tatishchev, V.N. (1962) *Istoriya rossiyskaya* [Russian History]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: [s.n.].
20. Tolochko, A.P. (2015) *"Istoriya rossiyskaya" Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiy* ["Russian history" by Vasily Tatishchev: sources and news]. Moscow; Kiev: NLO.
21. Shcherbatov, M.M. (1774) *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian history from ancient times]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
22. Karamzin, N.M. (1842) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 6. St. Petersburg: I. Ainerling.
23. Tikhomirov, M.N. (ed.) (1965) *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 30. Moscow: Nauka.
24. Pavlov, A.S. et al. (1880) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
25. Khavskiy, P.V. (1850) *Sentyabrya 1 chislo ili Drevnee moskovskoe letoprovozhdenie* [September 1st number or Ancient Moscow flight tracking]. Moscow: [s.n.].
26. Khavskiy, P.V. (1848) *Khronologicheskie tablitsy* [Chronological tables]. Moscow: [s.n.].
27. Kursakova, E.N. & Tsyb, S.V. (2014) *Petr Vasil'evich Khavskiy – zakonoved i issledovatel' russkoy istorii i khronologii* [Petr Vasilievich Khavsky is a lawyer and researcher of Russian history and chronology]. Barnaul: Altai State University.
28. Stepanov, N.V. (1917) Kalendarno-khronologicheskiy spravochnik: posobie pri reshenii letopisnykh zadach na vremya [Calendar-chronological reference book: a guide for solving time chronicle problems]. *ChOIDR*. 1(260).
29. Berezhkov, N.G. (1947) O khronologii russkikh letopisey po XIV v. vklyuchitel'no [On the chronology of Russian chronicles in the 14th century inclusive]. *Istoricheskie zapiski*. 23.
30. Berezhkov, N.G. (1963) *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of Russian Annals]. Moscow: [s.n.].
31. Grishina, N.G. (2002) Khronologiya Rogozhskogo letopistsa za IX – nachalo XIV vv. [Chronology of the Rogozhsky chronicler for the 9th – early 14th centuries]. *Mir istorii*. 8, 9.
32. Grishina, N.G. (2003) Khronologiya Rogozhskogo letopistsa za IX – nachalo XIV vv. [Chronology of the Rogozhsky chronicler for the 9th – early 14th centuries]. *Mir istorii*. 2, 3.
33. Stepanov, N.V. (1909) Edinitsy scheta vremeni (do XIII veka) po Lavrent'evskoy i 1-y Novgorodskoy letopisyam [Time units (up to the 13th century) according to the Laurentian and 1st Novgorod annals]. *ChOIDR*. 4(231). pp. 1–74.
34. Stepanov, N.V. (1915) Kalendarno-khronologicheskie faktory Ipat'evskoy letopisi do XIII veka [Calendar-chronological factors of the Ipatiev Chronicle up to the 13th century]. *IORYaS IAN*. 20(2). pp. 1–87.
35. Stepanov, N.V. (1910) K voprosu o kalendare Lavrent'evskoy letopisi [On the question of the calendar of the Laurentian Chronicle]. *ChOIDR*. 4(235). pp. 1–87.
36. Svyatskiy, D.O. (1915) *Astronomiya Drevney Rusi* [Astronomy of Old Rus]. Moscow: Russkaya panorama.
37. Zhuravel, A.V. (2001) Kogda na Rusi nachinalsya novyy god? [When did the new year begin in Russia?]. In: *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny: spetsial'nye funktsii i gumanitarnye perspektivy* [Auxilliary Historical Disciplines: Special Functions and Humanitarian Perspectives]. Moscow: [s.n.]. pp. 109–112.
38. Nazarenko, A.V. & Kuzenkov, P.V. (2014) Letoschislenie [Chronicle]. In: Melnikova, E.A. & Petrukhin, V.Ya. (eds) *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Russia in the medieval world: encyclopedia]. Moscow: Ladomir.
39. Dubenskiy, D.N. (1855) O nekotorykh godakh Nestorovoy letopisi [On some years of the Nestorov Chronicle]. *Vremennik Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh*. 21.
40. Zykov, E.G. (1969) Izvestiya o Bolgarii v Povesti vremennykh let i ikh istochniki [News about Bulgaria in the "Tale of Bygone Years" and their sources]. *TODRL*. 24. pp. 48–53.
41. Rybakov, B.A. (1963) *Drevnyaya Rus': skazaniya, byliny, letopisi* [Ancient Russia: legends, epics, chronicles]. Moscow: Akademicheskiy proekt.
42. Tikhomirov, M.N. (1962) Nachalo russkoy zemli [The beginning of the Russian land]. *Voprosy istorii*. 9.
43. Kuzmin, A.G. (1969) *Russkiy letopisi kak istochnik po istorii Drevney Rusi* [Russian Chronicle as a Source for the History of Old Rus]. Ryazan: Ryazan State Pedagogical Institute.
44. Kuzmin, A.G. (1977) *Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya* [The initial stages of the Old Rus annals]. Moscow: Moscow State University.
45. Rapov, O.M. (1979) O datirovke narodnykh vosstaniy na Rusi XI veka v Povesti vremennykh let [On the dating of popular uprisings in Russia in the 11th century in the "Tale of Bygone Years"]. *Istoriya SSSR*. 2. pp. 137–150.
46. Vodolazkin, E.G. (2001) Khronologiya russkoy khronografii. Chast' 1 [Chronology of Russian chronography. Part 1]. *TODRL*. 52. pp. 79–97.
47. Zlatarskiy, V.N. (1912) Bolgarskoe letoschislenie [Bulgarian chronology]. *IORYaS IAN*. 17(2).
48. Gartman, A.V. & Tsyb, S.V. (2009) Khronologiya pervykh russko-mongol'skikh srazheniy [Chronology of the first Russian-Mongol battles]. *Palaeoslavica*. 17(1). pp. 1–27.
49. Dimitriy [Tuptalo, D.S.]. (1775) *Rospis' mitropolitov kievskikh s kratkim letopisaniem Moskovskiy lyubopytnyy mesyatseslov na 1776 god* [Painting of the Metropolitans of Kiev with a brief chronicle Moscow curious month for 1776]. Moscow: [s.n.].
50. Shcherbatov, M.M. (1771) *Istoriya Rossiyskaya ot drevneyshikh vremen* [Russian history from ancient times]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
51. Karamzin, N.M. (1991) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of Russian State]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
52. Krug, Ph. (1810) *Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantischen Chronologie, mit bezonderer Rücksicht auf die früher Geschichte Russlands*. St-Peterburg: [s.n.].
53. Nevostruev, K.I. (1997) Issledovanie o Evangelii, pisannom dlya Novgorodskogo knyazya Mstislava Vladimirovicha v nachale XII veka, v slichenii s Ostromirovym spiskom, Galichskim i dvumya drugimi XII i odnim XIII veka [A study about the Gospel, written for the Novgorod prince Mstislav

Vladimirovich in the early 12th century, compared with with the Ostromir list, Galich and two other of the 12th and one of the 13th century]. In: Lisovoy, N.N. et al. *Mstislavovo Evangelie XII veka. Issledovaniya* [Mstislav's Gospel of the 12thI century. Studies]. Moscow: Skriptoriy.
54. Ivanova, N.P. (2006) Mesyatseslov Sinodal'nogo spiska Novgorodskoy pervoy letopisi [Menology of the Synodal List of the Novgorod First Chronicle]. *Problemy istochnikovedeniya.* 1(12). pp. 41–49.
55. Spasskiy, S. (1901) *Polnyy mesyatseslov Vostoka* [Full menology of the East]. 2nd ed. Vol. 1. Vladimir: Pravoslavnaya Entsiklopediya.
56. Petrov, A. (1893) Chestvovanie svyatykh slavyanskikh apostolov Kirilla i Mefodiya v drevnerusskoy tserkvi (po sluzhebnym mineyam i mesyatseslovam do 1682 g.) [Celebration of the holy Slavic apostles Cyril and Methodius in the Old Russian Church (according to the service menaea and menology until 1682)]. *Khristianskie chteniya*. 3.
57. Mansvetov, I.D. (1878) *Polnyy mesyatseslov Vostoka. Razbor sochineniya arkhim. Sergiya "Polnyy mesyatseslov Vostoka"* [Full menology of the East. Analysis of the composition of archim. Sergius "Full Menology of the East"]. St. Petersburg: [s.n.] .
58. Bolotov, V.V. (1893) Sledy drevnikh mesyatseslovov pomestnykh tserkvey [Traces of the ancient chants of local churches]. *Khristianskoe chtenie*. 1.
59. Loseva, O.V. (1995) Mesyatseslov Arkhangel'skogo Evangeliya 1092 g. [Menology of the Archangel Gospel of 1092]. In: *Arkhangel'skomu Evangeliyu 1092 goda – 900 let* [The Archangel Gospel of 1092 is 900 years old]. Moscow: [s.n.]. pp. 46–54.
60. Loseva, O.V. (1998) *Mesyatseslovy Drevnerusskikh Evangeliy XI–XII vekov* [Menology of the Old Russian Gospels of the 11th – 12th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
61. Loseva, O.V. (2001) *Russkie mesyatseslovy XI–XIV vekov* [Russian menologies of the 11th – 14th centuries]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
62. Loseva, O.V. (2009) *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII – pervoy treti XV vekov* [Lives of Russian Saints as part of the Old Russian Prologues of the 12th – first third of the 15th centuries]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
63. Tsyb, S.V. (2003) *Khronologiya domongol'skoy Rusi* [Chronology of pre-Mongol Rus]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University.
64. Litvina, A.F. & Uspenskiy, F.B. (2006) *Vybor imeni u russkikh knyazey v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki* [The choice of a name among Russian princes in the 10th – 16th centuries. Dynastic history through the prism of anthroponymy]. Moscow: Indrik.
65. Ivanova, N.P. (2002) *Istochnikovedcheskoe issledovanie mesyatseslovnykh pokazaniy v letopisyakh* [Source study of menology indications in the annals]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
66. Ivanova, N.P. (2008) Svyatochnoe datirovanie v Povesti vremennykh let [Yule dating in the Tale of Bygone Years]. *Drevnyaya Rus': voprosy medeevistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages.* 3(33). pp. 30–32.
67. Ivanova, N.P. (2009) Analiz mesyatseslovnykh datirovok istoricheskikh sobytiy (po materialam Novgorodskoy pervoy letopisi) [Analysis of menology dating of historical events (based on the materials of the Novgorod first chronicle)]. *Palaeoslavica*. 17(2). pp. 1–45.
68. Ivanova, N.P. (2013) *Mesyatseslov Novgorodskoy pervoy letopisi* [Menology of the Novgorod First Chronicle]. Barnaul: Altai State University.
69. Ivanova, N.P. (2010a) Istoriya izucheniya mesyatseslovov i ikh znachenie v issledovaniyakh po drevnerusskoy khronologii (XVII – nachalo XX vv.) [The history of the study of menology and their significance in research on Old Russian chronology (the 17th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4/1(68/1). pp. 108–114.
70. Ivanova, N.P. (2010b) Istoriya izucheniya mesyatseslovov i ikh ispol'zovaniya v issledovaniyakh po drevnerusskoy khronologii v XX – nachale XXI v.) [History of the study of menology and their use in research on Old Russian chronology in the 20th – early 21st century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4/3(68). pp. 85–90.
71. Anon. (1799) *Letopisets izhe vo svyatykh ottsa nashego Dmitriya mitropolita chudotvortsa.* Vol. 1. Moscow: [s.n.].
72. Tsyb, S.V. (1996) Russkaya tserkovno-paskhal'naya knizhnost' XVIII–XIX vv. i "Uchenie o chislakh" Kirika [Russian Church-Easter Book Literature of the 18th – 19th centuries and "The doctrine of numbers" by Kirik]. In: Govorov, A.A. (ed.) *Bukinisticheskaya torgovlya i istoriya knigi* [Second-hand book trade and the history of the book]. Vol. 5. Mosocw: Moscow State University of Printing Arts. pp. 19–29.
73. Pogodin, M.P. (1872) *Drevnerusskaya istoriya do mongol'skogo iga* [Old Russian history before the Mongol yoke]. Vol. 2. Moscow: Sinod. typ.
74. Undolskiy, V.M. (1850) Al'manakh, indiktion, krug mirotvornyy [Almanac, indiction, a world-making circle]. In: Kalachov, N.V. (ed.) *Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii* [The Archive of Historical and Legal Information about Russia]. Vol. 1. St. Petersburg: A. Semen.
75. Stepanov, N.[V.] () Zametka o khronologicheskoy stat'e Kirika (XII vek) [A note on the chronological article of Kirik (12th century)]. *IORYaS IAN*. 15(3). pp. 129–150.
76. Medyntseva, A.A. (1988) Epigraficheskie nakhodki iz Staroy Ryazani [Epigraphic finds from Old Ryazan]. In: Timoshchuk, B.A. (ed.) *Drevnosti slavyan i Rusi* [Antiquities of the Slavs and Rus]. Moscow: Nauka. pp. 254.
77. Simonov, R.A. (1999) "Uchenie" Kirika Novgorodtsa i kalendarno-paskhal'nye graffiti ["Teachings" by Kirik Novgorodets and Easter calendar graffiti]. In: Sedov, V.V. (ed.) *Trudy VI mezhdunarodnogo kongressa slavyanskoy arkheologii* [Proceedings of the 6th International Congress of Slavic Archeology]. Moscow: RAS. pp. 142–153.
78. Simonov, R.A. (2000) 2000-letie khristianstva v svete drevneyshey russkoy kalendarnoy simvoliki [2000th anniversary of Christianity in the light of the most ancient Russian calendar symbolism]. *Gerboved*. 1(39). pp. 18–31.
79. Milkov, V.V. & Simonov, R.A. (2011) *Kirik Novgorodets: uchenyy i myslitel'* [Kirik Novgorodets: Scientist and Thinker]. Moscow: Krug.
80. Lebedev, D.A. (1917) Predislovie redaktora [Editorial]. *ChOIDR*. 1(260). pp. 299–300.
81. Romanova, A.A. (1997) *Drevnerusskie kalendarno-khronologicheskie istochniki XV–XVII vv.* [Old Russian calendar-chronological sources of the 15th – 17th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
82. Romanova, A.A. (2002) *Drevnerusskie kalendarno-khronologicheskie istochniki XV–XVII vv.* [Old Russian calendar-chronological sources of the 15th – 17th centuries]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin.
83. Ivanova, N.P. & Tsyb, S.V. (2015) Easter Chronological Elements in the Novgorod Chronicle: Preliminary Analysis. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4/2(88). pp. 62–66. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-10
84. Ivanova, N.P. (2017) The structure of the Old Russian Easter (flexible) calendar (based on the database "Chronology of the Novgorod Chronicles of the 9th-15th Centuries"). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 91–100. (In Russian). /DOI: 10.17223/15617793/418/12
85. Istrin, V.M. (1920) *Knigi vremen'nyya i obraznyya Georgiya mnikha: Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanskom perevode: tekst, issledovaniya i slovar'* [Books of the time and imagery of George the Monk: The Chronicle of George Amartol in the ancient Slavic translation: text, research, and dictionary]. Vol. 1. Petrograd: Russian State Academic Typography.
86. Avanesov, R.I. (ed.) (1988) *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [The Dictionary of the Old Russian Language]. Vol. 1. Moscow: Ryusskiy yazyk.
87. Bobrov, A.G. (1994) *Apokrificheskoe "Skazanie Afroditiana" v literature i knizhnosi Drevney Rusi* [Apocryphal "Legend of Aphrodite" in the literature and books of Ancient Russia]. St. Petersburg: [s.n.].
88. Khavskiy, P.V. (1846) Nedelya i sedmitsa [Week and sedmitsa]. *Severnaya pchela*. 21st February. p. 161.
89. Simonov, R.A. (2012) Nauchnoe tvorchestvo Kirika Novgorodtsa [Scientific work of Kirik Novgorodets]. In: Milkov, V.V. (ed.) *Kirik Novgorodets i drevnerusskaya kul'tura* [Kirik Novgorod and ancient Russian culture]. Velikiy Novgorod: [s.n.].
90. Simonov, R.A. (2013) *Kirik Novgorodets – russkiy uchenyy XII veka v otechestvennoy knizhnoy kul'ture* [Kirik Novgorodets is a 12th century Russian scientist in the Russian book culture]. Moscow: Nauka.
91. Shakhmatov, A.A. (1897a) Iskhodnaya tochka letoschisleniya "Povesti vremennykh let" [The starting point of the chronology of the "Tale of Bygone Years"]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCX. pp. 217–222.
92. Shakhmatov, A.A. (1897b) Khronologiya drevneyshikh russkikh letopisnykh svodov [Chronology of the oldest Russian annalistic corpuses]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. CCCX. pp. 463–482.

93. Gimon, T.V. (2006) Novgorodskoe letopisanie pervoy chetverti XIII v.: khronologiya i protsess popolneniya letopisi [Novgorod chronicle of the first quarter of the 13th century: chronology and process of replenishment of the chronicle]. *Srednevekovaya Rus'*. 6. pp. 80–118.
94. Gimon, T.V. (2020) Martovskiy i ul'tramartovskiy stili v Severo-vostochnoy Rusi i Novgorode v nachale XIII v. [March and Ultramarch styles in North-Eastern Russia and Novgorod in the early the 13th century]. *Prostranstva istoriy i istorii prostranstv: metamorfozy vospriyatiya, prisvoenie, sozidanie* [Spaces of stories and history of spaces: metamorphoses of perception, appropriation, creation]. Proc. of the International Conference. Nizhny Novgorod. pp. 150–155.
95. Vodolazkin, E.G. (1996) Khronologiya russkoy khronografii. Chast' 1 [Chronology of Russian chronography. Part 1]. *TODRL*. 49. pp. 22–35.
96. Gimon, T.V. (2019) Letopisnye daty pokhoda Vladimira Yaroslavicha na Vizantiyu i schet godami pravleniya Yaroslava Mudrogo [Chronicle dates of Vladimir Yaroslavich's campaign against Byzantium and the account of the years of Yaroslav the Wise's reign]. *Istoriya*. 9(83). [Online] Available from: https://history.jes.su/s207987840007257-1-1/
97. Danilevskiy, I.N. (2004) *Povest' vremennykh let. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov* [The Tale of Bygone Years. Hermeneutic Foundations of the Study of Chronicle Texts]. Moscow: Aspekt Press.
98. Tsyb, S.V. (1996) Metodika istoriko-khronologicheskogo issledovaniya (na primere drevnerusskoy khronologii) [Methodology of historical and chronological research (on the example of Old Russian chronology)]. In: Vladimirov, V.N. & Tsyb, S.V. (eds) *Istochnik, metod, komp'yuter* [Source, Method, Computer]. Barnaul, 1996. S. 23–46.
99. Ivanova, N.P. & Tsyb, S.V. (2015) Methodology of Historical and Chronological Study (Based on the Novgorod Chronicles). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4/1(88). pp. 121–127. (In Russian). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.1-19
100. Ivanova, N.P. & Ivanov, D.N. (2000) Metod informatsionnoy obrabotki kalendarey-mesyatseslovov [Method of information processing of calendars-menologies]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4(18). pp. 11–15.
101. Ivanova, N.P. (2014) Ispol'zovanie tekhnologii baz dannykh v izuchenii khronologii novgorodskogo letopisaniya [The use of database technology in the study of the chronology of the Novgorod chronicle]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4/1(84). pp. 101–105.

УДК 930.1
DOI: 10.17323/19988613/73/18

И.Е. Рогаева, Н.В. Трубникова

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА ПАМЯТИ: ОБРАЗЫ ОТЦОВ-ПИЛИГРИМОВ В РИТОРИКЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В США

Представлен профиль современной рефлексии о взаимосвязи истории и памяти. Показаны основные теоретические ракурсы memory studies, направленные на проблему формирования и трансформации коллективных представлений о прошлом. В качестве примера конкретно-исторического исследования, выполненного при помощи подходов memory studies, рассмотрен «кейс» памяти о первых колонистах Новой Англии – отцах-пилигримах – в публичном дискурсе США периода Гражданской войны между Севером и Югом 1861–1865 гг.
Ключевые слова: мемориальные исследования, коллективная память, Гражданская война в США, отцы-пилигримы.

Одним из наиболее востребованных и плодотворных гуманитарных подходов современности являются мемориальные исследования (memory studies). Это направление имеет глубоко междисциплинарную основу, поскольку сосредоточено на изучении повседневной памяти отдельных общественных групп и индивидов, пространства политики памяти, ностальгии и травм прошлого и, шире, – современных медийных воздействий на динамику конфигураций памяти, всегда связанных с процессами индивидуальной и коллективной самоидентификации. Целями предлагаемой статьи являются, с одной стороны, определение основной теоретической рамки современной рефлексии, проясняющей связь истории и памяти, а с другой – применение этих теоретических подходов в практике конкретно-исторического исследования, в данном случае – на примере «кейса» памяти об отцах-пилигримах в публичной риторике эпохи Гражданской войны в США.

Одним из центральных вопросов memory studies остается выявление взаимосвязи в групповых представлениях о пережитом опыте индивидуального и коллективного начал. Современные гуманитарные науки не имеют ясного представления о том, как именно формируется феномен коллективной памяти и уместна ли здесь в принципе аналогия с памятью отдельного человека, чье восприятие прошлого базируется на личных переживаниях. Коллективные виды памяти апеллируют к свидетельствам прошлого, как и профессиональная историческая наука, которая к тому же имеет куда более надежные методы сохранения и изучения источников. Зачем тогда «множить сущности» и вводить само понятие коллективной памяти? «Конвенциональная» основа современных memory studies образована изысканиями М. Альбвакса, датируемыми еще 1920-ми гг.: индивидуальные воспоминания структурированы рамкой общего социального опыта и базируются на несущей конструкции определенных концептуальных ориентиров (иногда имеющих четкие корреляты во времени), широко превосходящие формат личного опыта [1]. Тем самым память сообщает индивидам не только содержательное, но и ценностно-нормативное измерение, которое влияет на те решения, которые мы принимаем в настоящем.

Современный исследователь Р. Пул преломляет этот вывод сквозь призму рассуждений о социальной ответственности и обязательствах, канализируемых коллективной памятью. Именно в памяти осмысляются последствия совершенных некогда поступков и наступает ответственность потомков за деяния прошлого или как минимум необходимость принимать в расчет совершенное в прошлом, чтобы жить в настоящем, производить перевод «ответственности за прошлое в волю для действий в настоящем». К рассудочным операциям следует добавить и аффекты эмоциональной памяти, которая поддерживает палитру человеческих чувств и дает нам моральные обязательства и ощущение перспективы [2. P. 153–154].

Р. Пул отмечает нерациональный и ангажированный уклад коллективной памяти: она претендует на истину, но всегда испытывает определенные политические принуждения, непрерывно меняется и переформатируется, формируя перспективы будущего. Память отличается от истории тем, что интегрирует воспоминания «от первого лица» в виде основы групповой идентичности, а не рациональных представлений о прошлом вообще, часто опирается на «белые пятна» истории, фиксирует, подобно памяти индивидуальной, лишь наиболее драматичные провалы или триумфы, из которых следует исходить в настоящем: «Из-за того, что я делал или не делал определенные вещи в прошлом, теперь я обязан действовать определенным образом» [Ibid. P. 158].

Автор полемизирует с концепцией памяти французского историка П. Нора, опровергая его представление о том, что коллективная память – это связь с «вечно настоящим». Восстановление события в памяти – точка «попадания в историю» – является, скорее, моментом разрыва с настоящим: пока есть живая память, событие не уходит до конца в прошлое. Однако проект национальной истории в версии «Мест памяти» больше апеллирует к памяти, чем собственно к истории, Более того, у П. Нора память-нация – последний момент единения истории и памяти, который

слишком драматизируется, превращая память в некий ностальгический миф. Знаменитую «битву немецких историков» и проблему релятивизации преступлений нацизма, поднятую Э. Нольте, автор предлагает рассматривать не в контексте исторической науки, а в контексте памяти: исследователь фашизма стремился нормализовать национальную идентичность немцев и облегчить им «груз вины» и ответственности за содеянное предками. Проблема состоит в том, что память формирует нравственную повестку для общества, история лишь выравнивает ее перекосы, рационализирует. Приняв на себя груз коллективной памяти, историк Нольте нарушил свой «контракт истины», предписывающий принцип научной объективности.

Таким образом, коллективная память – это способ принимать и соблюдать взятые на себя долговременные обязательства со стороны общностей и институтов, отдельных групп. Оправдание прошлого – это оправдание существования самих этих групп. Человек выбирает быть частью общей памяти, потому что в ином случае он не может быть частью общего опыта и общей жизни [2. P. 161–163].

Другой аспект современных теоретических размышлений о коллективной памяти восходит к публикациям Я. и А. Ассман, исследующих ее культурные аспекты [3, 4]. Культурное понимание памяти рассматривает ее не как бережно передаваемую реликвию, но, скорее, как объект непрерывной трансформации, испытывающий на себе многослойные противоречивые воздействия информационной среды современности. Если можно представить коллективную память как в потенциале безграничный архив данных, то любая ее актуальная конфигурация является избирательной, полюса забвения или возвышения каких-либо событий в ней относительны и подчиняются современным конъюнктурным воздействиям. Память становится коллективной в процессе совместного использования, у нее есть ресурсы актуализации, каналы передачи и культурные формы, в которых события прошлого наделяются смыслами. В данном ракурсе оживает популярная дихотомия памяти и мифа как двух разных форм олицетворения исторического опыта. Э. Ригни в недавней статье рассматривает современные культурные практики памяти, которые, в отличие от мифа, помогают «переопределить социальные рамки и налаживать связи между ранее не связанными воображаемыми сообществами» [5. P. 240].

В своих рассуждениях о специфике «практики памяти» автор отталкивается от книги Э. Смита «Миф и память о Нации» [6], исходным тезисом которой является аксиома о том, что любую логику национального политогенеза предваряет память об общем происхождении, исключающая всех остальных. Но этот вариант является непригодным для полиэтничных наций, следовательно, нужно превзойти этот устоявшийся мифологизированный канон, для того чтобы дать надежду всем беженцам и отверженным на счастливую жизнь в обществе. Если понятие мифа у Смита является семантически совершенно ясным (под мифом он имеет в виду глубоко укорененные нарративы идентичности, которые, как некие вневременные истины, можно использовать снова и снова в любой ситуации), то «память» остается непроясненной.

Э. Ригни рассматривает задачи исследований памяти, скорее, сквозь призму подходов Ассман, где реконструируется роль публичных нарративов в формировании понимания прошлого, а также значение медиасферы для передачи и распространения этих нарративов, способных приобретать сторонников и оказывать сильное эмоциональное воздействие.

В качестве культурной практики память интересна именно с точки зрения создания смысла или «вспоминания» произошедшего, зачастую превосходя силу воздействия национальных мифов. «Память – это активный принцип, с помощью которого мифы не просто воспроизводятся, но и медленно реконфигурируются. Память – особенно память о последних событиях – может работать против силы, которую приобрели мифы в течение гораздо более длительных периодов времени. Различие между мифом и памятью часто коррелирует с разницей во временном масштабе (мифы глубоко укоренены во времени, а память относится к более недавнему прошлому), но решающее различие здесь заключается в пластичности» [5. P. 242–243].

Автор подчеркивает непрерывность изменения коллективной памяти, невзирая на архетипы, чаще всего – под воздействием травмирующего события. Драматическое воздействие на культурные и когнитивные формы трансмиссии смыслов обеспечивает искажение в запоминании. Запоминаемость не является чертой самих событий, это часть способности людей облекать их в приемлемую и переносимую форму, специфичную для каждого поколения. Некоторые события запоминаются лучше потому, что легче запечатлеваются в существующей системе мировоззрения.

Таким образом, память формируется не воздействием отдельных медиаресурсов – она живет в постоянном повторении, но подвергается постоянным повседневным изменением. Антагонизм соперничающих версий прошлого также является структурным признаком процесса созидания памяти. Флуктуацию различных волн памяти ярко выражают столь же изменчивые практики коммеморации. Э. Смит в упомянутой книге писал о ключевых моделях этнической идентичности, характерных для Западной Европы. До Первой мировой войны характерной чертой исторических юбилеев был акцент на прославлении триумфа, победы, личного героизма. После Первой мировой установилась «политика сожаления», вдохновляемая эмоциями жертвенности, трагизма и траура. Вторая мировая война лишь усиливает эту тенденцию: наша история по-прежнему концентрируется «там, где больно»: скульптурный монументализм замещается эстетикой минимализма, на место памятникам приходят мемориалы. Язык поминовения павших постепенно приобретает транснациональный характер. Одни культурные фильтры постепенно вытесняются другими, стало быть, именно в практиках коммеморации мы можем вычленить основные черты мемориальной культуры того или иного периода [Ibid. P. 244–245].

Другим важным акцентом современных мемориальных исследований является изучение неразрывной

связи процессов памяти и забвения во всем диапазоне проявлений коллективной амнезии: от простых «фигур умолчания» до активного уничтожения архивных свидетельств. Важно также отслеживать поворотные моменты памяти, когда доминирующие ранее нарративы подвергаются сомнению и воскрешаются ранее забытые, альтернативные трактовки событий. Иногда в отношении не столь удаленного прошлого развертываются настоящие «войны памяти» или, напротив, нарождающимся дискурсам памяти противостоит безразличие большинства: так, по мнению Э. Ригни, тема европейского колониализма по сей день является своеобразной «афазией памяти» – неспособностью понять структурный, а отнюдь не случайный, характер связи колониального насилия и его современного наследия. Неспособность помнить – это, по сути, неспособность представить другие сценарии, кроме укоренившихся мифов. Специфическим образом в эпоху «политики сожаления» измененный дискурс о Холокосте как системном явлении помог формированию постколониального дискурса, интегрирующего самые географически рассредоточенные «участки страдания». Впервые в истории памяти начал подниматься и вопрос о роли колониальных солдат в мировых войнах. Возрастающее количество свидетельств и разнородных публикаций мемориальной направленности постепенно меняют сложившуюся конфигурацию памяти и доминирующие исторические нарративы [5. P. 246–248].

Под воздействием дрейфа памяти происходит и трансформация юридических оснований коллективной памяти. За последние 30 лет Евросоюз в целом и ряд европейских стран по отдельности отмечены принятием серии мемориальных законов, регламентирующих связи прошлого и настоящего. Понятие до конца не устоялось, одни из них имеют чисто символическое значение, другие имеют юридическую силу наказания за «неуважение» в отношении определенных исторических умозаключений и даже предполагают возмещение ущерба жертвам преступлений в широком (от нескольких десятилетий до столетий) временном диапазоне [7. P. 17–18].

Таким образом, по словам Э. Ригни, коллективная память помогает «натурализации воображаемого родства через рассказывание историй» [5. P. 248]. Мемориальные исследования способствуют пониманию структурных основ современных национальных и транснациональных форматов общественного сознания, складывающихся не только и не столько на основе устойчивых исторических мифов, но, в еще большей степени, благодаря динамичным трансформациям коллективной памяти.

Для историка потенциал исследований памяти заключается не только в возможности анализа исторических репрезентаций современников, но и в потенциале исследования своего рода «мемориальных срезов», которые характеризуют в ретроспективе, с позиции исследователя, знающего исторические исходы, устойчивые представления о прошлом, эффекты которого для национальной памяти уже состоялись. Ниже с позиций мемориальных исследований представлен опыт анализа уже состоявшейся историко-культурной практики использования образов отцов-пилигримов в публичных дискурсах эпохи Гражданской войны в США.

Гражданская война 1861–1865 гг. стала для Соединенных Штатов Америки не только самым кровопролитным столкновением в истории – этот конфликт явился кульминацией противостояния двух общественных укладов, сосуществовавших на территории государства с момента возникновения на ней первых европейских поселений. Конфликт Севера и Юга, начавшийся со споров о рабстве, представлял собой борьбу двух регионов за гегемонию: экономическую, политическую, а также идеологическую. Борьба за лояльность жителей разделенного государства выразилась в том числе и в борьбе за память нации. В раскаленной атмосфере межсекционной вражды решающим средством в формировании общественного мнения стали не факты национальной истории, а их интерпретация в угоду интересам противоборствующих сторон. Громкие фразы и стереотипы, транслируемые стремительно развивавшейся прессой, не только актуализировали память о прошлом, но и способствовали ее трансформации для легитимации настоящего.

Гражданская война в США началась 12 апреля 1861 г., но пропагандистские кампании Севера и Юга стартовали более чем на десятилетие раньше. Дебаты о статусе рабства в США «взорвали» общественный дискурс страны после завершения американо-мексиканской войны в 1848 г., когда к государству были присоединены колоссальные территории на западе, и достигли своего пика в 1850 г. с принятием закона о беглых рабах. Северные штаты были издавна известны антирабовладельческими настроениями. В борьбе за влияние на приобретенных территориях и распространение на них «истинно американского» образа жизни сообщество Севера искало опору в прошлом, обратившись к своим первым шагам на этом континенте. Отцы-пилигримы, основавшие в XVII в. первое устойчивое поселение в Новой Англии, выступили в качестве символических предков северян. Их прибытие в Новый Свет в 1620 г. было провозглашено точкой отсчета американской истории, задавшей импульс к дальнейшему демократическому развитию государства. В повествовании о пионерах Нового Плимута жители Новой Англии традиционно укореняли свою идентичность, определяя эту группу колонистов как первых «истинных американцев», а себя – как их потомков и наследников.

Как известно, отцы-пилигримы представляли собой общину религиозных и политических беженцев из Старого Света, которые прибыли в Северную Америку в 1620 г. на корабле «Мэйфлауэр» в поисках свободы для своих убеждений и дали начало колонии Новый Плимут. Аболиционисты взывали к образам новоанглийских пионеров, видя в их убеждениях основу будущей идеологии гражданской свободы. По мере усиления межсекционных противоречий церковнослужители Севера все более явно демонстрировали антирабовладельческую риторику. В частности, историк Э.У. Абрамс приводит слова преподобного Р.Б. Холла, прозвучавшие в 1854 г. на торжестве в память об отцах-

пилигримах. Холл в своей проповеди призывал к борьбе против южного рабства, чтобы «…искоренить из доброго наследия, которое даровали нам наши отцы, это гноящееся зло» [8. P. 195]. Для протестантских деноминаций Новой Англии обращение к образам плимутских патриархов было традиционным способом сплотить паству. Подхваченные прессой слова проповедников стали орудием в борьбе за контроль над национальным воображением.

Американский исследователь А. Гудхард в работе о начальном этапе Гражданской войны [9] на примере риторики молодежного аболиционистского движения Wide Awakes показал тот же определяющий аспект коллективной памяти, который отметил Р. Пул – ее ангажированность потребностями настоящего. Несмотря на то, что не существовало свидетельств о том, что основатели Нового Плимута когда-либо хоть как-то выражали свое отношение к рабовладению и работорговле, в число призывов, звучавших на митингах и маршах Wide Awakes, вошел лозунг «Пилигримы не создавали империю для рабства» [Ibid. P. 52]. Отсутствие сведений о взглядах пионеров Новой Англии на вопрос о рабстве не помешало тем, кто называл себя их потомками, использовать отсылки к авторитету колонистов для оправдания своих убеждений или для порицания предполагаемого зла.

В то же время, по мнению сторонников национального консенсуса, фанатичная пропаганда аболиционистов лишь вредила благополучию США, ставя под угрозу союз северных и южных штатов. Перевернув доводы противников рабства, они отстаивали идею необходимости сохранения Союза через обращение ко все той же истории пионеров Новой Англии. Как отмечал политик, сенатор и госсекретарь Д. Вэбстер [10], именно эти суровые, истово верующие протестанты из прошлого могли послужить эталоном умеренности и согласия в настоящем. В речи, произнесенной сенатором по случаю фестиваля пилигримов в Нью-Йорке в 1850 г., он напомнил собравшимся о том, что первые колонисты Новой Англии дали обязательство соблюдать Мэйфлауэрский договор – документ, не только определивший основы существования Плимутского поселения, но и считавшийся предтечей Конституции США. Таким образом, клятва предков наложила на их потомков ответственность за сохранение целостности наследия пилигримов.

Действительно, как отмечает историк Д.У. Смит до сецессии Юга для американцев «…за исключением нескольких идеалистов, сострадательный интерес к чернокожим был недостаточным стимулом для того, чтобы рисковать жизнями белых на поле битвы; но даже те жители Севера, которые высмеивали аболиционизм, отождествляли права и процветание белой расы с “северными институтами”» [11. P. 26]. Призыв Вэбстера сохранить Союз и не отрывать «…одно американское сердце от другого» [10. P. 527] был эффективен до провозглашения независимости Конфедерацией южных штатов. Факт отделения части прежде единого государства поставил под угрозу само существование Севера и его идеалов: свободного труда, прав человека, демократии, коммунализма, прогресса. На пороге Гражданской войны образы отцов-пилигримов стали олицетворением «исконных американских ценностей» и опорой политической пропаганды Союза против Конфедерации.

Буря, вызванная отделением южных штатов, вылилась в волну ненависти со стороны северян. А. Гутхарт приводит цитату из письма преподавателя Хайрем колледжа Б. Хинстейла, адресованного его учителю – Д.А. Гарфилду, который позднее стал двадцатым президентом США. Письмо датировано февралем 1861 г. – временем сецессии Юга. Хинсдейл писал, что у истоков Америки, с одной стороны, были добродетельные и стремящиеся к равенству пуритане, основавшие Плимут на севере, а с другой – надменные, деспотичные кавалеры, основавшие Джеймстаун на юге: «…мы не пришли к соглашению вначале, мы не смогли найти общий язык позднее, и, я не думаю, что мы сможем прийти к нему когда-либо еще» [9. P. 113]. Эту же идею разделяет туже упоминаемая выше Э.У. Абрамс, резюмируя, что с началом боевых действий единственной идеей, с которой могли бы согласиться обе враждующие стороны, было утверждение, о том, что «…Север и Юг оставались объединенными под ложным предлогом на протяжении 80 лет» [8. P. 235].

Пропаганда Союза стала примером искажения смыслов в процессе воспоминания, описанного Э. Ригни. Апеллируя к концепциям патриотизма и защиты оказавшейся в опасности родины, северная пропаганда черпала вдохновение в легенде об отцах-пилигримах. Культовые элементы этого мифа были привлечены на защиту идеологии Севера. Одним из них был корабль «Мэйфлауэр», на борту которого странники пересекли Атлантику на пути в Новый Свет. Образ «Мэйфлауэра» – хрупкого цветка свободы – тиражировался печатными изданиями Союза, которые помещали его даже на почтовые конверты. Конверты, украшенные патриотическими изображениями, использовались практически в каждой из войн, которые вели США с тех пор, как в 1853 г. был выдан патент на первый из них [12. P. 223]. Однако в контексте Гражданской войны образ «Мэйфлауэр» был прочитан еще одним, чрезвычайно любопытным образом. Н. Хоторн – один из первых мастеров американской литературы, автор знаменитого романа «Алая буква», в котором писатель отобразил нравственный облик пуритан середины XVII в., – в своей колонке на станицах газеты The Atlantic затронул проблему, которая дала Союзу сильнейший аргумент для борьбы с Конфедерацией. «Существует историческое обстоятельство, известное немногим, которое связывает детей пуритан с вирджинскими африканцами необычным образом, – писал Хоторн. – Они наши братья как прямые потомки Мэйфлауэр. В своем первом путешествии утроба этого корабля была обречена доставить пилигримов к Плимутской скале, а во втором – породить рабов на южных землях. Чудовищное рождение, но с ним у нас есть инстинктивное чувство родства, и потому мы испытываем непреодолимое желание их спасти, даже ценой собственной крови и разорения» [13]. В действительности история Хоторна – о том, что первых поселенцев Плимута и первых рабов Вирджинии яко-

бы доставил в Северную Америку один и тот же корабль, – была лишь историческим анекдотом. Идея о близости двух противоположностей – черного и белого начал Америки – должна была послужить метафорой сочувствия, вдохновлявшей на развитие борьбы с рабством. Однако даже мысль о том, что северяне, возможно, имеют больше общего с порабощенными чернокожими Юга, нежели с их владельцами, подрывала идею о национальном примирении в обозримом будущем.

Материальным воплощением тех идей, «за которые стояли отцы-пилигримы», стала Плимутская скала – легендарное место высадки пионеров Новой Англии, политическая икона республиканцев. Плимутская скала – это некогда гигантский валун, след движения древнего ледника. Малая его часть (менее 5% от первоначального размера) заключена в своеобразную гробницу на набережной Нового Плимута [14. С. 159]. Поэтический образ скалы фигурировал в песнях военных лет, призванный вдохновить идеей твердости и несгибаемости перед лицом обстоятельств сынов пилигримов, «…чье дело живет и никогда не умрет» [15], или, ощетинившись пушками, грозил смертью предателям Союза с агитационных плакатов. Тесно связанным с образом Плимутской скалы был ежегодный День предков, выступавший в качестве главной цитадели пилигримов, с которой транслировались идеи в защиту институтов Союза. На Севере торжество в честь основателей Плимута по своей значимости было сопоставимо с 4 июля – Днем независимости. Торжества в честь Дня предков предоставляли широкие возможности для публичных выступлений, в которых через апелляции к авторитету колонистов политики проводили свои идеи, вновь и вновь подчеркивая значимость наследия пилигримов для республики. Речи, лившиеся с трибуны Дня предков, в годы национального конфликта были проникнуты горячими и воинственными заявлениями, публикуемыми на страницах еженедельных газет. Российский историк Т.В. Алентьева сообщает о том, что нью-йоркская пресса в 1850–1860-е гг. главенствовала в масштабе всей страны. The New York Times, ежедневный тираж которой составлял 35 тыс. экз. [16], размещала заметки о поминовении пилигримов, в подробностях публикуя речи, звучавшие на празднестве.

В 1861 г. The New York Times разместила речь, в которой президент Общества Новой Англии У. Эвартс выражал убежденность в том, что «…пламя войны было зажжено духом пилигримов», чья «добродетель и сила служат опорой для их потомков и на благо всего человечества» [17]. В статье 1863 г. звучали слова преподобного Хичкока: «…8 миллионов человек на этом континенте выросли из потомков первых пилигримов», отличительная черта которых – «…бояться Бога и не знать другого страха» [18]. Но, пожалуй, одним из самых ярких и горячих выступлений, размещенных в The New York Times, стала речь преподобного Т.Л. Кайлера, пастора пресвитерианской церкви Бруклина, произнесенная в 1864 г. [19]. В ней Кайлер обращал внимание публики на пропасть между двумя конкурирующими общественными укладами, названными им «системой Плимутской скалы» и «системой Джеймстауна». Первая представлена свободным трудом, бесплатными школами Севера, его колледжами, промышленностью, церквями и «…тысячей миссионеров, посланных по всему миру». Второй системой управляет олигархия рабовладельцев, и представить себя она могла лишь южным деспотизмом и неоплачиваемым трудом 4 миллионов рабов. Кайлер сообщал собравшимся, что наследие пилигримов не только не забыто – они сами мистическим образом воплотились в героях Гражданской войны: так, дух воинственного пилигрима М. Стэндиша отозвался в генерале Гранте, а плимутский старейшина У. Брюстер мог бы в годы войны работать в Христианской комиссии – гуманитарной организации Союза. Призывая на помощь образы из легенды об отцах-пилигримах, Кайлер искусно продемонстрировал слушателям моральный упадок предателей-южан, «...оставивших великолепную старую Вирджинию в руинах».

В то же время, по мере накопления усталости от конфликта, происходила постепенная смена акцентов и интонаций в дискурсе пилигримов, что выразилось в запуске процесса трансформации коммеморативной практики, связанной с основателями Нового Плимута. На страницах широко распространенных дамских журналов к середине Гражданской войны возник символ нации, стремящейся к умиротворению и утешению, торжество, признанное напомнить воюющим сторонам о семейных ценностях, – День Благодарения. Это событие, базирующееся на легенде о взаимном согласии между переселенцами из Старого Света и индейцами, которые разделили с ними пищу и помогли выжить в их первую американскую зиму, понималось как особое, исключительно американское торжество. Оно было нацелено, с одной стороны, на укрепление социальных связей, а с другой – стало отражением протестантской культуры Севера, внушая идеи простого домашнего быта, трудолюбия, кооперации, взаимовыручки. Этим День благодарения противопоставлялся стереотипному представлению о жизни южных плантаторов: праздных, пресыщенных, изнеженных руками рабов. В 1863 г. президент США Авраам Линкольн провозгласил первый общенациональный День благодарения. С завершением войны этот обычай закрепился.

После победы Союза в Гражданской войне «дух пилигримов» распространился на всю территорию государства. Основатели Нового Плимута повсеместно утвердились в качестве истинных предков воссоединившейся нации. Провозглашение Авраамом Линкольном Дня Благодарения как национального праздника помогло ускорить и закрепить процесс распространения легенды о новоанглийских корнях нации от океана до океана. Миф о пилигримах вошел в когорту символов американского патриотизма, а региональная идентичность Новой Англии как ядра Севера США была экстраполирована на все пространство национального воображаемого, постепенно вытеснив из него «рыцарскую» культуру довоенного Юга.

Таким образом, опыт изучения репрезентаций отцов-пилигримов в период Гражданской войны в США как один из «срезов» коллективной памяти демонстрирует аналитические возможности, открывающиеся

историку при использовании теоретических подходов, которые сложились в области мемориальных исследований к настоящему времени. Инструменты memory studies, примененные в пространстве конкретно-исторического исследования, показывают пластичность воспоминаний под влиянием актуальных запросов современности. Гражданская война стала для США травмирующим событием, запустившим процесс трансформации представлений о пионерах Нового Плимута в национальном воображаемом. Реконфигурация памяти о «первых истинных американцах» в драматичный период истории Соединенных Штатов проявилась в публичном дискурсе в двух аспектах: как инструмент легитимации аболиционистской позиции Союза и как проводник его ценностей в символическое пространство воображаемого побежденной Конфедерации. Дальнейшее изучение отдельных «эпизодов» историко-культурных практик памяти способно расширить наше понимание процессов, ведущих к отбору воспоминаний и их закреплению в сфере коллективных представлений о прошлом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое изд-во, 2007. 348 с.
2. Pool R. Memory, history and the claims of the past // Memory Studies. 2008. Vol. 1 (2). P. 149–166.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // Nations and Nationalism. 2018. Vol. 24 (2). P. 240–257.
6. Smith A.D. Myths and Memories of the Nation. Oxford : Oxford University Press, 1999. 298 p.
7. Ledou S. Introduction. Normer le passé au présent. Généalogie des lois mémorielles européennes // Parlement[s], Revue d'histoire politique. 2020. № 3. P. 11–20.
8. Abrams A.U. The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin. Boulder, CO : Westview Press, 1999. 400 p.
9. Goodheart A. 1861: The Civil War awakening. New York : Vintage Books, 2012. 481 p.
10. Webster D. Pilgrim Festival at New York in 1850 // The Works of Daniel Webster. Boston : C.C. Little and J. Brown, 1851. Vol. II. P. 517–529.
11. Smith G.W. Union Propaganda in the American Civil War // The Social Studies. 1944. Vol. 35, № 1. P. 26.
12. Fabre M. Popular Civil War Propaganda: the Case of Patriotic Covers // Journal of American Culture. Vol. 3, is. 2. P. 223–237.
13. Hawthorne N. Chiefly about War Matters. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1862/07/chiefly-about-war-matters/306159/ (accessed: 11.10.2020).
14. Рогаева И.Е. Отыскать «прошлое как настоящее»: место отцов-пилигримов в памяти американской нации // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 157–163.
15. The rock of liberty. URL: https://www.loc.gov/resource/amss.sb40479b/?st=text (accessed: 15.10.2020).
16. Алентьева Т.В. Общественное мнение северян в отношении сецессии Юга в зеркале прессы Нью-Йорка. URL: http://america-xix.org.ru/library/alentieva-secession/ (дата обращения: 27.10.2020).
17. Addresses by W. M. Evarts // New York Times. 1861. Dec. 24. P. 8. URL: https://www.nytimes.com/1861/12/24/archives/the-sons-oe-newengland-anniversary-dinner-at-the-astor-house-a.html?searchResultPosition=6 (accessed: 27.10.2020).
18. Anniversary of the Landing of the Pilgrims. Speech by Rev. Dr. Hitchcock // The New York Times. 1863. Dec. 23. P. 8. URL: https://www.nytimes.com/1863/12/23/archives/annual-newengland-dinner-anniversary-of-the-landing-of-the-pilgrims.html?searchResultPosition=3 (accessed: 27.10.2020).
19. Cuyler T.L. God's Justice and Humanity against the Rebel Confederacy // The New York Times. 1864. 8 Nov. 27. P. 3. URL: https://www.nytimes.com/1864/11/27/archives/rev-tl-cuylers-discourse-gods-justice-and-humanity-against-the.html?searchResultPosition=10 (accessed: 27.10.2020).

Irina E. Rogaeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina_rogaeva@mail.ru
Natalia V. Trubnikova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

THE NATIONAL IMAGINARY AS A HISTORICAL AND CULTURAL PRACTICE OF MEMORY: IMAGES OF THE PILGRIM FATHERS IN THE RHETORIC OF THE AMERICAN CIVIL WAR

Keywords: memory studies, collective memory, American Civil War, Pilgrim Fathers.

This article examines the theoretical and specific historical problems of modern memory studies. The aim of the work is, on the one hand, to determine the main theoretical framework of modern reflection that clarifies the relationship between history and memory. On the other hand, it is centered on the implementation of memory studies approaches on the example of the case of the memory of the Pilgrim Fathers in the USA public discourse during the Civil War. The study was carried out on the basis of an analysis of two groups of sources. The first group is represented by the scientific works of historians published in 2000-2010 and devoted to the theoretical aspects of modern memory studies. The second group consists of sources from the period of the American Civil War and includes press reports, sermons and speeches of politicians.

The authors analyze the content of the historiographic discussions of the 2000-2010s and come to the conclusion that modern research on memory is focused on several key aspects. The first of them centered on identifying individual and collective practices in the representations of the past. Shared social experience serves as a conceptual “frame” for individual memories. This “frame” includes not only the informational, but also the normative values dimension of memory. The next perspective of memory studies is concentrated on the study of the cultural aspects of collective memory. The special characteristics of this direction are the study of memory as a continuously transforming phenomenon, which is in close relationship with the media. Another direction in memory studies is the problem of the connection between memory and oblivion, which are also reflected through memory “fluctuations”: “turning points”, “wars” and even “aphasia”.

The authors demonstrate the experience of applying modern approaches to memory studies on the example of studying the representations of the founders of the first colonial settlement in the North of the United States, known as the Pilgrim Fathers, in the rhetoric of the American Civil War in the second half of the 19th century. The authors note that on the one hand, appeals to the authority of the “symbolic ancestors” were intended to strengthen the loyalty of the northern community to the ideals of the Union. On the other hand, the images of the Pilgrims should serve as a conductor of the cultural traditions of the North in the ideological battle with the South.

Summing up, the authors believe that the experience of retrospective study of the established historical and cultural practices in the format of a case of memory can expand the prevailing vision of the formation of collective representations of the past.

REFERENCES

1. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Translated from French by S. Zenkin. Moscow: Novoe izd-vo.
2. Pool, R. (2008) Memory, history and the claims of the past. *Memory Studies*. 1(2). pp. 149–166.
3. Assman, Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Rigney, A. (2018) Remembrance as remaking: memories of the nation revisited. *Nations and Nationalism*. 24(2). pp. 240–257. DOI: 10.1111/nana.12388
6. Smith, A.D. (1999) *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
7. Ledou, S. (2020) Introduction. Normer le passé au présent. Généalogie des lois mémorielles européennes. *Parlement[s], Revue d'histoire politique*. 3. pp. 11–20.
8. Abrams, A.U. (1999) *The Pilgrims and Pocahontas. Rival myth of American origin*. Boulder, CO: Westview Press.
9. Goodheart, A. (2012) *1861: The Civil War awakening*. New York: Vintage Books.
10. Webster, D. (1851) *The Works of Daniel Webster*. Vol. 2. Boston: C.C. Little and J. Brown. pp. 517–529.
11. Smith, G.W. (1944) Union Propaganda in the American Civil War. *The Social Studies*. 35(1). pp. 26.
12. Fabre, M. (1980) Popular Civil War Propaganda: the Case of Patriotic Covers. *Journal of American Culture*. 3(2). pp. 223–237. DOI: 10.1111/j.1542-734X.1980.0302_223.x
13. Hawthorne, N. (1862) *Chiefly about War Matters*. [Online] Available from: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1862/07/chiefly-about-war-matters/306159/ (Accessed: 11th October 2020).
14. Rogaeva, I.E. (2020) Find "the past as the present": the place of the pilgrim fathers in the memory of the American nation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 157–163. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/66/19
15. USA. (n.d.) *The rock of liberty*. [Online] Available from: https://www.loc.gov/resource/amss.sb40479b/?st=text (Accessed: 15th October 2020).
16. Alentieva, T.V. (n.d.) *Obshchestvennoe mnenie severyan v otnoshenii setsessii Yuga v zerkale pressy N'yu-Yorka* [Public opinion of northerners regarding the secession of the South in the mirror of the New York press]. [Online] Available from: http://america-xix.org.ru/library/alentieva-secession/ (Accessed: 27th October 2020).
17. Evarts, W.M. (1861) Addresses by W. M. Evarts. *New York Times*. 24th December. p. 8. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/1861/12/24/archives/the-sons-oe-newengland-anniversary-dinner-at-the-astor-house-a.html?searchResultPosition=6 (Accessed: 27th October 2020).
18. Dr. Hitchcock. (1863) Anniversary of the Landing of the Pilgrims. Speech by Rev. Dr. Hitchcock. *The New York Times*. 23rd December. p. 8. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/1863/12/23/archives/annual-newengland-dinner-anniversary-of-the-landing-of-the-pilgrims.html?searchResultPosition=3 (Accessed: 27th October 2020).
19. Cuyler, T.L. (1864) God's Justice and Humanity against the Rebel Confederacy. *The New York Times*. 8th November. p. 3. [Online] Available from: https://www.nytimes.com/1864/11/27/archives/rev-tl-cuylers-discourse-gods-justice-and-humanity-against-the.html?searchResultPosition=10 (Accessed: 27th October 2020).

\

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 93/94
DOI: 10.17323/19988613/73/19

О.Б. Дашинамжилов

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ И ТЕКУЩИЙ УЧЕТ НАСЕЛЕНИЯ (1959–1970) КАК СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматриваются источники, на которые могут лечь в основу исследования демографических процессов у разных национальностей, проживавших на территории Советского Союза. Выявлены основные таблицы и формы Всесоюзных переписей и текущего учета населения, представляющие наибольший интерес при изучении этнических аспектов рождаемости, смертности, миграций и демографического перехода. Выявлены места хранения источниковых материалов, характер и содержание сборников, выпускаемых центральными и региональными управлениями статистики.
Ключевые слова: этнодемография, статистический источник, воспроизводство, миграция.

Этническая демография является еще сравнительно молодым направлением научных исследований. Интерес к изучению этнодемографических процессов усилился в 1970-е гг., когда стали очевидными различия в воспроизводстве и миграции населения автономных и особенно союзных республик СССР. Были проведены социологические обследования и опубликованы труды, в которых специально или в общесоюзном контексте анализировались динамика численности, уровень рождаемости крупных национальностей страны [1, 2].

Вместе с тем в статьях и монографиях демографов традиционно практически не уделялось внимания статистическим источникам, на основе которых выполнялись их работы. В советское время эта информация предоставлялась управлениями статистики по специальным запросам учреждений и организаций для ограниченного использования, запрещалась ее передача третьим лицам. На сегодняшний день часть материалов уже передана в распоряжение государственных архивов, доступ к ним существенно расширен.

До второй половины 1980-х гг. демографическая статистика рассматривалась обзорно, с объяснением общих принципов сбора, обработки, классификации и публикации данных и описанием становления статистических органов учета населения [3–5]. Углубленное изучение демографической статистики началось в перестроечный период. В трудах историков в основном рассматривались довоенные переписи населения, особенно проведенная в 1937 г., результаты которой были засекречены.

Определенный вклад в изучение проблемы внес сборник научных трудов, подготовленный в Институте истории СО РАН [6]. Сравнительно недавно вышла крупная коллективная работа, посвященная переписям населения в России [7]. Однако вопросам этнодемографической статистики в них почти не уделено внимания, она по-прежнему недостаточно известна исследователям. Вместе с тем интерес к проблемам этнодемографии продолжает расти не только у демографов, но и у историков, этнографов и социологов. Именно поэтому появилась необходимость в классификации и характеристике источников, на основе которых можно осуществить анализ этнических аспектов рождаемости, смертности и миграции.

Итак, детальный анализ демографических процессов у одной или нескольких национальностей требует привлечения достаточно широкого круга статистических сведений. В советское время государственные органы старались собрать всю информацию, которая количественно отражала процессы, идущие в обществе. Затем она обрабатывалась, распределялась в соответствии со специальными программами, а после публиковалась как для служебного, так и для общего пользования. Главную роль среди демографических источников традиционно играли Всесоюзные переписи населения. Они проводились, чтобы получить точные данные о численности, размещении и составе населения по полу, возрасту, семейному состоянию, родному языку, образованию, занятиям, отраслям народного хозяйства, видам производства, источникам средств существования, общественным группам и т.д. [8. С. 3]

За рассматриваемый период переписи проводились два раза – в 1959 и 1970 гг. Предлагаемые населению вопросы в основном были похожими и разрабатывались по близким по содержанию программам. Тем не менее следует учитывать, что начиная с 1970 г. часть вопросов стала задаваться выборочно (25%). Ответы переписных листов обрабатывались и распределялись по тематическим таблицам, общее количество которых было разным: в 1959 г. – 36, в 1970 г. – 66.

Всесоюзные переписи населения. Численность и состав населения

Вопрос о национальной принадлежности являлся одним из главных в опросных листах. Она определялась самими опрашиваемыми, у детей устанавливалась

родителями. В тех семьях, где этническая принадлежность отца и матери была разной и они сами испытывали затруднения в определении национальности детей, предпочтение отдавалось национальности матери. Количество народов, по которым собиралась статистическая информация, было разным: в 1959 г. – 128, в 1970 г. – 122. Иногда в своих ответах опрашиваемые указывали не общепринятые, а местные самоназвания. Для этого при помощи ученых создавались специальные словари, в которых уточнялось, к какому народу их следует относить. Например, некоторые представители коми могли обозначать себя как зыряне, ижемцы, мордва – как эрзя, мокша, якуты – как саха и т.д.

Для этнодемографических исследований главной являлась таблица, в которой указывалась численность каждой национальности. Эти данные разрабатывались не только по СССР в целом, но также по каждой союзной и автономной республике, области, автономному округу, городу и даже административному району. Таблицы являлись унифицированными, однако количество национальностей, попадавших в разработку, было разным. В переписи 1959 г. по Советскому Союзу в целом и союзным республикам статистика являлась максимально подробной, указывались даже те народы, которые имели в СССР единственного представителя. Иначе обстояло дело на областном уровне, где количество отображаемых этносов было гораздо меньшим (табл. 1). В основном это были титульные национальности союзных и автономных республик и областей, народности Севера. Указывались также крупнейшие этносы, не имеющие собственных автономных образований или проживающие преимущественно за границей (например, немцы, финны, китайцы, греки, поляки и др.).

Таблица 1

Число национальностей по регионам Сибири, указанных в таблице 3,4 согласно итогам Всесоюзной переписи 1959 г.

Регион	Число национальностей	Регион	Число национальностей
Алтайский край	32	Омская область	34
Бурятская АССР	27	Томская область	31
Иркутская область	32	Тувинская АО	18
Кемеровская область	32	Тюменская область	28
Красноярский край	36	Читинская область	32
Новосибирская область	34	РСФСР в целом	119

Как уже говорилось выше, этнический состав населения анализировался также по каждому городу и району, однако число народов в таблицах было еще меньшим, обычно не более 12–14. Так, например, по Томску и Чите было указано 10 национальностей, Омску – 12, Барнаулу – 8. На всех уровнях административных образований (республика, область, район) численность каждой национальности показывалась не только по всему населению, но также по городским поселениям и сельской местности и отдельно по мужчинам и женщинам. Насколько нам известно, такие данные по поселкам городского типа и селам еще не составлялись. Всесоюзная перепись 1959 г. сильно отличается от следующих после нее порядком нумерации таблиц. Таблица национального состава имела дробное обозначение – 3,4. Кроме нее подобную нумерацию имела таблица возрастного состава населения – 2,5.

Обычно, если задачи работы ограничены описанием динамики численности какого-либо народа или национального состава населения в межпереписные периоды, то таких сведений вполне достаточно. Однако при детальном анализе этнодемографических процессов, например динамики среднего возраста, воспроизводства населения (рождаемость и смертность), миграции, необходимы другие данные. В этой связи материалы о возрастном составе этноса, которые заполнялись в таблице под номером 5д, становятся важнейшим источником. В них информация представлялась по однолетним возрастам (до 1 года вплоть до 19 лет), начиная с 20 лет – по пятилетним когортам (20–24, 25–29 и до 100 лет и более), как по всему населению, так и с распределением по полу.

Эта статистика во всех Всесоюзных переписях собиралась только по крупным административным образованиям – союзным, автономным республикам и округам, областям, краям; районный уровень уже не включался. В разработку попадало обычно не более 10 этносов, включая титульные, наиболее крупные национальности и народы Севера. Так, например, в Кемеровской области – русские, украинцы, татары, немцы, чуваши, мордва, белорусы, шорцы, евреи [9. Л. 15–19], в Бурятской АССР – буряты, русские, украинцы, татары, евреи, немцы, белорусы [10. С. 1–7]. На основе таких данных можно рассчитать средний возраст населения, выявить тенденции в его старении, проанализировав долю лиц трудоспособного возраста, молодежи и пенсионеров. В сочетании с материалами текущего учета можно получить показатели суммарного коэффициента рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, что особенно важно при анализе специфики демографического перехода. Интересно, что в Тюменской, Томской и Читинской областях нам попадались материалы с распределением национальностей по возрасту и уровню образования по некоторым поселкам городского типа (табл. 17–18д). В этой связи удивление вызывает тот факт, что в табл. 3,4 национальный состав пгт не указывался.

В целях интерпретации показателей рождаемости и смертности, определения этапа демографической модернизации необходимо использовать статистику о доле горожан в населении, его социальной и образовательной структуре. Информация о распределении населения по городским поселениям и сельской местности содержится в табл. 3,4. На ее основе можно выявить характер урбанизационных процессов. Деление по общественным группам и отраслям народного хозяйства (промышленности, строительству, лесному хозяйству и т.д.) поможет косвенно определить, если так

можно выразиться, степень «модернизированности» этноса, его вовлеченность в процессы индустриализации. При этом в разработку попадали только некоторые этносы. Например, в Томской области – русские, украинцы, белорусы, евреи, татары, ханты и селькупы [11. Л. 1–5]. Эти сведения представлены в таблице под номером 13.

Такие материалы особенно важны при исследовании демографического перехода титульных национальностей союзных, автономных республик, областей и округов. Так, в 1959 г. в Алтайском крае среди русских доля рабочих и служащих достигла 74,2%, тогда как колхозники составили 25,7% (прочие – 0,1%), в то время как у алтайцев рабочими и служащими были только 44,7% занятого населения, а колхозниками – 55,1% (прочие – 0,2%) [12]. Это косвенно свидетельствует о том, что социальная структура алтайцев соответствовала «традиционному», хотя и переходному типу, а это, в свою очередь, являлось фактором сохранения высокой рождаемости. Подобное распределение по общественным группам можно обнаружить у многих народов Советского Союза и РСФСР, например чувашей, башкир, бурят, якутов, удмуртов, национальностей Северного Кавказа. Что касается образовательного уровня, то его можно узнать из табл. 6д. В ней указана как общая численность лиц, имеющих разные образовательные уровни (высшее, среднее и т.д.), так и их распределение по возрастным группам, начиная с девяти лет и вплоть до 70 и старше. В основном такая детализированная информация при изучении воспроизводства не нужна, достаточно общих показателей.

В табл. 15д указывалось количество семей, дифференцированных по размерам. Сведения к ней на областном уровне также собирались выборочно. Например, в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе в разработку попало семь этносов (русские, украинцы, белорусы, евреи, татары, буряты, эвенки) [13. С. 1–2]. Что интересно, ранжирование семей производилось также по десятилетним возрастным когортам (учитывался возраст глав семей), начиная с группы до 20 лет и вплоть до 60 лет и старше. На основе такой информации можно, например, вычислить средний размер семьи. Недостатком данной таблицы является то, что в ней учитывалась национальность только главы семьи, тогда как другие ее представители могли иметь иную этническую принадлежность.

Всесоюзная перепись 1970 г. заметно отличалась от предыдущей в отношении объема материалов. Нумерация таблиц также претерпела определенные перемены. К тем из них, что были сформированы на основе данных сплошного обследования, присваивалась буква «С», выборочного – «В». Прежде всего увеличился список национальностей, которые попадали в разработку на республиканском (АССР), областном и краевом уровнях (табл. 7с). Он стал очень подробным и в этом смысле уже не отличался от общесоюзного и союзно-республиканского уровней. Стали учитываться все без исключения этносы, даже если они насчитывали в своем составе только одного представителя. Впервые такая же подробная разработка национального состава стала осуществляться в отношении крупных городов (свыше 100 тыс. чел), а также административных центров автономных областей и округов, даже если численность их населения была меньше. Например, в Кемеровской области такая информация была получена в отношении Кемерово, Новокузнецка, Прокопьевска, Ленинска-Кузнецкого, Киселевска, Белово и Анжеро-Судженска; в Красноярском крае – Красноярска, Норильска и Абакана.

Изменения коснулись и низшего административного звена – районов. В отличие от переписи 1959 г. в таблицах появились материалы о всех поселках городского типа и даже некоторых крупных селах. На районном уровне количество разрабатываемых национальностей осталось прежним и лишь слегка варьировало в зависимости от региона. Возрастной состав национальностей стал указываться в табл. 31с, образовательный уровень – в табл. 33с; деление по общественным группам – в табл. 34в. Способ презентации данных в них претерпел некоторые изменения. Следует отметить, что распределение по общественным группам стало производиться на основе материалов, собранных выборочным методом.

Использование выборочного метода увеличило и разнообразило материал по рассматриваемой проблеме. Например, известный интерес может вызвать табл. 36вб с данными о распределении семей по типам, числу детей и национальностям. В отличие от формы 15д Всесоюзной переписи 1959 г. в ней учитывались только мононациональные семьи. Традиционным ее недостатком является то, что на региональном уровне разработка велась по крупным народам. Например, в Томской области это русские, украинцы, белорусы, татары и немцы. На основе такой информации можно косвенно оценить тенденции в рождаемости, проанализировав число детей в семьях. Так, среди русских доля бездетных семей составила 22,8%, с одним ребенком – 35,9%, с двумя – 26,6%, с тремя – 9,6%, с четырьмя – 3,2%, с пятью и более – 1,9%. У немцев доля бездетных семей (18,8%) и с одним ребенком (25,7%) была меньше, а многодетных – больше (двухдетных – 28,0%, трехдетных – 14,7%, четырехдетных – 7,4%, пятидетных и более – 5,4%). Опираясь на данные этой таблицы, можно выявить долю сложных и простых семей, что важно при исследовании этапов демографического развития народа. В ней информация представлена также по городским поселениям и сельской местности. Средний размер семей разных национальностей указывался в табл. 38в, но, в отличие от переписи 1959 г., уже без возрастной дифференциации их глав.

Ассимиляция

Изучение ассимиляции имеет важное значение, так как она оказывала серьезное влияние на численность национальностей и – опосредованно – на воспроизводство населения. Существует несколько таблиц, на основе которых можно дать оценку этому процессу. Известно, что программы переписи предусматривали сбор сведений о родном языке, причем он иногда не совпадал с национальностью опрашиваемого человека. Там, где удельный вес людей, признавших язык друго-

го народа родным, был высоким, ассимиляция шла интенсивнее.

Эту информацию можно извлечь там же, где находятся данные о национальном составе населения: во Всесоюзной переписи 1959 г. – табл. 3,4; в переписи 1970 г. – табл. 7с. Например, в 1959 г. в Туве доля тувинцев, признавших русский язык в качестве родного, составила 0,7%, в 1970 г. – 0,8%, т.е. ассимиляция шла очень медленно. Среди хакасов Хакасской автономной области она шла активнее – соответственно 4,7% и 11,2% (табл. 2). В 1970 г. эта информация стала разрабатываться по отдельным поколениям (табл. 32с). Таким образом, можно точнее определить временные тенденции языковых предпочтений этносов.

Таблица 2

Распределение хакасов Хакасской автономной области по возрасту и родному языку в 1970 г.*

Возраст	Численность населения	В том числе с русским родным языком	Доля, %
Всего	54 750	6 155	11,2
7–19	19 037	2 766	14,5
20–29	5 270	610	11,6
30–39	7 401	652	8,8
40–49	5 456	487	8,9
50–59	3 659	232	6,3
старше 60 лет	4 904	272	5,5

* Распределение населения основных национальностей по полу, возрасту, языку, образованию и состоянию в браке по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. по Хакасской автономной области (табл. 32с). М., 1971 (ДСП). С. 65.

Исходя из данных табл. 2, можно сделать вывод, что процессы языковой ассимиляции сильнее затронули младшие возрастные группы, среди которых доля признавших родным русский язык была наибольшей. При этом в городах, особенно крупных, этот процесс шел активнее, чем в сельской местности. Так, например, в Абакане в 1970 г. доля хакасов, признавших русский язык в качестве родного, достигла 20,5% [14. С. 9]. Аналогичные процессы шли у других национальностей, например среди бурят.

Важным показателем является количество людей, проживавших в однонациональных семьях. Эта информация находится там же, где и данные о средней величине семьи, – в табл. 38в. На ее основе можно опосредованно определить долю многонациональных семей: чем больше удельный вес лиц, проживающих в этнически однородных семьях в составе населения в целом, тем менее интенсивно идут ассимиляционные процессы.

После того как на центральном уровне были получены все необходимые показатели, таблицы с данными передавались в распоряжение региональных государственных органов, республиканские и областные управления статистики получали все итоги по подотчетным территориям. Дальнейшая судьба этих материалов складывалась по-разному. В одних регионах статуправления со временем отдавали свои материалы в государственные архивы, но таких случаи были очень редки. Распространенной практикой являлась передача некоторой части переписных сведений. В двух архивах – Иркутской и Кемеровской областей – таблиц Всесоюзных переписей не оказалось вообще. Изредка скудность материалов можно объяснить тем, что при смене адреса пребывания архива часть статистических источников могла быть утеряна или приведена в негодное состояние.

В этой связи необходимо обратиться к данным, которые управления статистики публиковали в специальных статистических сборниках для служебного пользования (ДСП). Они издавались как на республиканском (РСФСР), так и областном уровнях (см., напр.: [15, 16]). Однако для них, в отличие от переписных таблиц, унифицированных форм презентации данных не существовало, поэтому региональные сборники сильно отличаются друг от друга по содержанию и структуре представленной информации.

Часть материалов переписей была опубликована официально: в 1959 г. – в 16 томах, в 1970 г. – в 7 томах. В той или иной степени в них содержатся многие статистические сведения, которые есть в переписных таблицах, но в очень сжатой и обобщенной форме, распределенные по укрупненным признакам. Например, национальный состав и языковые предпочтения населения районов и городов областей (краев и АССР) можно узнать в основном из переписных таблиц. Возрастной состав национальностей публиковался только в закрытых (ДСП) сборниках и по крупным возрастным когортам, что значительно снижало их познавательную ценность. Определенным их преимуществом является то, что содержащиеся в них сведения иногда сопровождались аналогичными данными предыдущих переписей. Сборники для служебного пользования можно найти в некоторых областных библиотеках или библиотеках научных организаций, но чаще всего они хранятся в ведомственных архивах. Что касается официально изданных многотомников для общего пользования, то, как правило, они есть в фондах областных библиотек.

Текущий учет населения

Всесоюзные переписи дают информацию в заданный момент времени, создавая некий одномоментный, застывший «снимок» населения. Для изучения рождаемости, смертности и миграций необходимы источники текущего статистического учета. Последний основан на данных регистрации актов гражданского состояния, которые учитывают факты браков и разводов, рождений и смертей. Все нижеперечисленные формы разрабатывались только на республиканском и областном уровнях, некоторые также и по крупным городам. Для нас представляет интерес информация, которая соби-

ралась на основе соответствующих свидетельств (например, о рождении, смерти), где указывались национальная принадлежность родителей ребенка, национальность умерших. Следует иметь в виду, что данные текущего учета представляют ценность в основном в сочетании с переписными материалами, так как без них невозможно рассчитать необходимые для этнодемографических исследований демографические показатели.

Для расчетов суммарных коэффициентов рождаемости необходима форма № 2 текущего учета населения, в которой представлена информация о возрасте матери, дифференцированная по пятилетним когортам и национальности. В каждой союзной или автономной республике в обязательном порядке разрабатывались данные по русским и титульным этносам, в краях и областях РСФСР – по русским. В дополнение к этому республиканские и областные управления статистики могли добавлять несколько других народов, общее число которых обычно не превышало пяти-шести. Эти сведения собирались ежегодно по всему городскому и сельскому населению, однако с точки зрения демографии особенно важны годы, примыкающие к переписям (1958/1959, 1969/1970), так как только тогда собиралась статистика возрастного состава этносов.

В форме № 4-г представлена информация об умерших по полу, пятилетним возрастным когортам и национальности. Эти данные тоже разрабатывались по всему населению, городским поселениям и сельской местности и тем же национальностям, что и форма № 2. На их основе можно рассчитать возрастные коэффициенты смертности и ожидаемую продолжительность жизни. Значение этого показателя определяется тем, что согласно существующим теориям демографический переход начинается со снижения смертности, а сокращение рождаемости начинается позже.

Наконец, в форме № 3 представлена общая статистика количества рождений и смертей. По семи народам – русским, украинцам, белорусам, казахам, армянам, татарам и евреям – собирались данные во всех областях и республиках; в союзных и автономных республиках – также по титульным народам. К вышеперечисленным разрешалось добавлять еще две-три национальности. Этническая принадлежность новорожденного определялась по его матери. На основе данных этой формы при необходимости можно получить простые показатели – общие коэффициенты рождаемости или смертности.

Итак, три вышеназванные формы позволяют выявить особенности воспроизводства населения разных народов на территории Советского Союза.

На основе статистики текущего учета возможно также дать оценку ассимиляционным процессам. В уже упомянутой форме № 3 в отдельном столбце указывалось количество детей, у которых отец был другой национальности. Чем выше была их доля, тем активнее шла ассимиляция. Поясним это на конкретном примере. Согласно нашим расчетам, в 1959–1970 гг. из всех рожденных бурятскими женщинами БАССР детей только у 0,7% отец относился к другой национальности, т.е. ассимиляция шла медленно. В 1970–1979 гг. она ускорилась, так как их удельный вес увеличился до 2,3%. Опираясь на данные этой таблицы, можно обнаружить, что в городах ассимиляция шла быстрее, в сельских поселениях – медленнее.

Кроме небольшого числа национальностей, попадавших в разработку, существуют другие ограничения в использовании формы № 3. Дело в том, что эта статистика была более или менее точной для титульных народов союзных и автономных республик, областей и округов. Поэтому использовать, например, данные о казахах или татарах, проживавших в Ленинградской или Московской области, для анализа их ассимиляции не совсем корректно. В этих регионах она шла гораздо быстрее, потому что эти области не были районами их преимущественного расселения.

В 1970 г. областные управления статистики собрали данные о браках по национальности вступивших в брак (форма 7-в). Эта форма интересна тем, что в ней показано не только общее количество заключенных браков, но и национальная принадлежность супруга (супруги). В обязательном порядке эти данные разрабатывались по русским, украинцам и белорусам. В ряде областей была получена информация о других этносах. Например, в Тюменской области – по хантам, ненцам, манси, селькупам [17. Л. 117]. Статистика по Читинской области показала, что из 313 браков, заключенных мужчиной-бурятом, в 295 случаях супругой была бурятка, в 17 – русская, в одном – украинка. У русских мужчин из 9 970 заключенных браков супругой в 9 589 случаях была русская, 128 – украинка, 44 – белоруска и только в 13 случаях – бурятка [18. Л. 120]. Это косвенно подтверждает, что ассимиляция бурят тогда шла очень медленно.

Еще одной важной проблемой этнодемографии является исследование миграций, однако статистическая база ее изучения довольно узкая. Анализируя этот вопрос, ученые, используя данные переписей, обычно рассматривают темпы изменения численности этноса в регионе (области, республике, районе или городе) и сравнивают их со скоростью роста населения в целом. Или могут сравнить размеры повышения / сокращения численности народа в районах преимущественного расселения и в других регионах, в которые происходит переселение его представителей.

Статистика непосредственно национального состава миграционных потоков впервые появилась только с конца 1960-х гг. и представлена в форме №5. При этом следует иметь в виду, что ее информативная ценность является невысокой сразу по нескольким причинам. Во-первых, учет национального состава мигрантов производился только по городам и поселкам городского типа (без сельской местности). Во-вторых, по нашим данным, материалы этой формы собирались далеко не каждый год (1968–1970, 1975, 1980). В-третьих, в 1968 г., когда впервые появилась эта таблица, круг разрабатываемых областей, республик (АССР) и краев был очень ограниченным – всего 24 по всему СССР, в 1969 г. их стало больше – 35, но все равно территориальный охват статистическим учетом оставался небольшим. Насколько нам известно, в Западной Сибири в 1968 г. в число таких регионов попала только Кемеровская область [19], в 1969 г. – Алтайский край и Но-

восибирская область [20]. В-четвертых, далеко не все народы попадали в разработку. Анализировались в основном титульные национальности союзных и автономных республик, областей и округов, народности Севера. В каждый последующий год число выбранных этносов уменьшалось. Следует также иметь в виду, что в форме № 5 учитывался лишь валовой объем миграций, т.е. общее количество прибывших и выбывших с подразделением потоков на городские поселения и сельскую местность. Статистика территориальных направлений движения населения не разрабатывалась. В итоге познавательная ценность данной формы оказалась невелика, выявить на ее основе количественные показатели и динамику пространственных перемещений народов, районы выхода мигрантов затруднительно. Тем не менее ее материалы обладают некоторой познавательной ценностью, особенно при сравнительном анализе миграций титульных и нетитульных этносов национально-территориальных образований.

Итак, в ситуации дефицита источников для определения объемов миграций можно использовать традиционные статистические методы. Если известна численность национальности в годы переписей, а также его естественный прирост (форма № 3 текущего учета) за время, которое их разделяет, то можно рассчитать и механический прирост населения. Например, в 1959–1969 гг. естественный прирост бурят в Бурятской АССР составил 36,0 тыс. чел., в то время как их численность в республике увеличилась в межпереписной период на 42,8 тыс. чел., из чего следует, что механический прирост составил 6,8 тыс. чел.

Здесь необходимо понимать, что данный метод можно применить лишь в тех редких случаях, когда процессы ассимиляции еще недостаточно сильны. Даже в вышеназванном примере положительное сальдо миграции, по нашему мнению, было больше – примерно 8,0 тыс. чел. Если число смешанных браков уже велико, то количество детей, национальная принадлежность которых ко времени получения паспорта может измениться, тоже возрастает, а это, в свою очередь, искажает показатели рождений, естественного прироста, а следовательно, и механического. Кроме того, как уже говорилось выше, число народов, по которым к форме № 3 собиралась статистика рождений и смертей, была невелика.

Гораздо менее точным методом является использование данных текущего учета о всей миграции (форма № 1). С наибольшим эффектом его можно использовать в регионах, где одна национальность занимает очень высокую долю в населении (не менее 70–80%). При этом следует помнить, что статистика пространственных перемещений по сельской местности появилась только в 1960 г., а до этого собиралась лишь по городским поселениям. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что определить точные количественные размеры миграций национальностей весьма непросто.

В отличие от данных Всесоюзных переписей, статистику текущего учета населения за рассматриваемый период можно найти практически только в государственных архивах. Во всяком случае лишь в Кемеровской области нам удалось обнаружить частично опубликованные в сборниках ДСП данные форм № 2 и 3 [21. С. 43–45]. При этом они относились не к изучаемому времени, а ко второй половине 1980-х гг., т.е. уже к эпохе открытости и гласности. Интересно, что сведения о числе родившихся коренной национальности по автономным округам содержались в общероссийских (ДСП) изданиях, выпущенных в 1967–1970 гг.

Итак, в работе описаны все основные статистические источники этнодемографических исследований 1959–1970 гг. Мы не стали упоминать некоторые второстепенные формы, а также таблицы миграции населения, сформированные по выборочным материалам переписи 1970 г., так как считаем, что их можно использовать с оговорками. В целом существующие статистические источники позволяют провести полноценное демографическое исследование, включающее анализ рождаемости, смертности, воспроизводства и миграции в основном только по титульным народам союзных, автономных республик и областей и некоторым самым крупным национальностям. Что касается небольших по численному составу этносов, то здесь необходимо использовать комплекс разных источников, в том числе собранных с применением методов социологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарская Г.А. Рождаемость в СССР (этнодемографический аспект). М. : Статистика, 1977. 128 с.
2. Сколько детей будет в советской семье (результаты обследования). М. : Статистика, 1977. 104 с.
3. Киселева Г.П., Кваша А.Я. О чем рассказывают переписи населения. М. : Финансы и статистика, 1983. 103 с.
4. Мерков А.М. Демографическая статистика (статистика населения) : краткое пособие для врачей. М. : Медиздат, 1959. 188 с.
5. Проблемы демографической статистики : сб. ст. М. : Наука, 1966. 354 с.
6. Демографическая история России и регионов : сб. науч. тр. Новосибирск : Апельсин, 2016. Вып. I: Проблемы источников. 304 с.
7. История переписей населения в России. М. : Голден-Би, 2013. 428 с.
8. Всесоюзная перепись населения 1959 года. М. : Политиздат, 1958. 51 с.
9. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2994.
10. Пол и возраст всего населения и состоящих в браке по отдельным национальностям (Абхазская АССР – Бурятская АССР). М., 1961.
11. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1085. Оп. 3. Д. 463.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-718. Оп. 28. Д. 20.
13. Текущий архив Усть-Ордынского бурятского округа. Таблица 15д: Распределение семей по их размерам и по национальности и возрасту глав семей.
14. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным Всесоюзной переписи населения 1970 года : по г. Абакану Хакасской автономной области Красноярского края. М., 1971.
15. Национальный состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). М., 1975. 200 с.
16. Характеристика национального состава населения Новосибирской области (по данным сплошной и выборочной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. 80 с.
17. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 1112. Оп. 4. Д. 143.

18. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.-1645. Оп. 5. Д. 570.20.
19. Государственный архив Кемеровский области (ГАКО). Ф. Р.-304. Оп. 1. Д. 102.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 8668.
21. Численность, естественное движение и миграция населения : стат. сб. Кемерово, 1987.

Odon B. Dashinamzhilov, Institute of History Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: Odon@bk.ru

ALL UNION CENSUS AND CURRENT POPULATION STATISTICS (1959–1970s) AS STATISTICAL RESOURCES OF ETHNICAL DEMOGRAPHIC RESEARCHES

Keywords: ethnical demography, statistical resources, reproduction, migration.

The main purpose of the paper is a description, analysis and classification of materials of All Union Census and current population statistics as resources of ethnical demographic researches. Demographic statistics has been reviewed briefly; practically lack of attention has been paid to the problems of resources that are a basis for the research of reproduction and migration of nationalities. Therefore, results of the paper can attract high scientific interest among ethnologists, demographers and historians that have already been working or are going to work on this problem. Statistical materials that were extracted from central and regional state archives are resources of the paper. It is a complex of systematized tables of All Union Census by 1959 and 1970-s and forms of current statistics where information about number, ages, and social composition of nationalities, information about their birth, mortality, assimilation and areal movements are indicated.

During the work it is revealed that All Union Census offer rich factual material that is a basis for definition of a national composition of population not only at the republican, regional level but also in districts, urban settlements and several big villages. In addition, at the regional level fewer details are found. Besides, Census 1970 is different from the previous (1959) that offers more detailed statistical information about regions including big cities (100,0 thousand of population and higher). The most valuable materials are tables that have data about age, educational and social composition of nationalities that help to calculate reproduction rates. Materials of All Union Census offer important information about processes of assimilation that is primarily data about the native language and a number of single-nationality families. More attention is paid to analysis of current statistics, the main forms are considered that are a basis for calculating data about birth rates and mortality. Those that contain information about a number of births, deaths, migration of population, and also assimilation are revealed. It is represented that total fertility rates can be calculated on a basis of the data from the form #2 that contain statistics about a number of births according to age groups and nationalities, and life expectancy according to the data from a form # 4-г. Assimilation processes can be considered with a support on the forms #3, # 7-в where a number of children whose father is of a different nationality and a number of international marriages are indicated. Particular practical examples of these data application are offered.

As a result of the paper the authors come to a conclusion that existed statistical resources help to realize a detailed demographic research, define specific features of demographic transition primarily among major nationalities. It is necessary to apply a complex of resources including sociological methods in relation to numerally less ethnical groups.

REFERENCES

1. Bondarskaya, G.A. (1977) *Rozhdaemost' v SSSR (etnodemograficheskiy aspekt)* [Fertility in the USSR (ethno-demographic aspect)]. Moscow: Statistika.
2. Belova, V.A. et al. (1977) *Skol'ko detey budet v sovetskoy sem'e (rezul'taty obsledovaniya)* [How Many Children Will Be in a Soviet Family: Survey Results]. Moscow: Statistika.
3. Kiseleva, G.P. & Kvasha, A.Ya. (1983) *O chem rasskazyvayut perepisi naseleniya* [What the population censuses tell about]. Moscow: Finansy i statistika.
4. Merkov, A.M. (1959) *Demograficheskaya statistika (statistika naseleniya)* [Demographic statistics (population statistics)]. Moscow: Medizdat.
5. USSR. (1966) *Problemy demograficheskoy statistiki* [Problems of demographic statistics]. Moscow: Nauka.
6. Isupov, V.A. (ed.) (2016) *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov* [Demographic history of Russia and regions]. Vol. 1. Novosibirsk: Apel'sin.
7. Eliseeva, I., Dmitriev, A., Gessen, V., Cherepenina, N. & Zbarskaya, I. (2013) *Istoriya perepisey naseleniya v Rossii* [History of population censuses in Russia]. Moscow: Golden-Bi.
8. USSR. (1958) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1959 goda* [All-Union Population Census of 1959]. Moscow: Politizdat.
9. The Russian State Archives of Economics (RGAE). Fund 1562. List 336. File 2994.
10. USSR. (1961) *Pol i vozrast vsego naseleniya i sostoyashchikh v brake po otdel'nym natsional'nostyam (Abkhazskaya ASSR – Buryatskaya ASSR)* [Gender and age of the entire population and those who are married for certain nationalities (Abkhaz ASSR – Buryat ASSR)]. Moscow: [s.n.].
11. The State Archives of the Tomsk Region (GATO). Fund R-1085. List 3. File. 463.
12. The State Archives of the Altai Territory (GAAK). Fund R-718. List 28. File 20.
13. The Current Archive of the Ust-Orda Buryat District. Table 15e: Distribution of families by their size and by nationality and age of heads of families.
14. USSR. (1971) *Raspredelenie naseleniya po polu, vozrastu, natsional'nosti, yazyku, obrazovaniyu, sostoyaniyu v brake i istochniku sredstv sushchestvovaniya po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1970 goda : po g. Abakanu Khakasskoy avtonomnoy oblasti Krasnoyarskogo kraya* [Population distribution by sex, age, nationality, language, education, marital status and source of livelihood according to the 1970 All-Union Population Census: in the city of Abakan, Khakass Autonomous Region, Krasnoyarsk Territory]. Moscow: [s.n.].
15. USSR. (1975) *Natsional'nyy sostav naseleniya RSFSR (po dannym Vsesoyuznoy perepisi naseleniya na 15 yanvarya 1970 g.)* [National composition of the population of the RSFSR (according to the All-Union population census as of January 15, 1970)]. Moscow: [s.n.].
16. USSR. (1973) *Kharakteristika natsional'nogo sostava naseleniya Novosibirskoy oblasti (po dannym sploshnoy i vyborochnoy perepisi naseleniya na 15 yanvarya 1970 g.)* [Characteristics of the national composition of the population of Novosibirsk region (according to the data of the continuous and selective population census on January 15, 1970)]. Novosibirsk: [s.n.].
17. The State Archives of the Tyumen Region (GATyumO). Fund 1112. List 4. File 143.
18. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund-1645. List 5. File 570.20.
19. The State Archives of Kemerovo Region (GAKO). Fund R.-304. List 1. File 102.
20. The State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund 11. List 3. File 8668.
21. USSR Statistics Committee. (1987) *Chislennost', estestvennoe dvizhenie i migratsiya naseleniya* [Number, natural movement and migration of the population]. Kemerovo: [s.n.].

УДК 94(5)/908
DOI: 10.17323/19988613/73/20

Р.Г. Жамсаранова

РОДОВОЙ СОСТАВ ТУНГУСОВ УРУЛЬГИНСКОЙ СТЕПНОЙ ДУМЫ

Рассматривается этноязыковая принадлежность Урульгинской степной думы под началом князя Гантимура. С опорой на ряд архивных документов Государственного архива Забайкальского края описана история Урульгинской думы. Посредством приведенных впервые некоторых документов Урульгинской степной думы предпринята попытка определения численно-родового состава тунгусского населения Нерчинского уезда. Анализ документальных фактов позволяет утверждать о этноязыковой неоднородности и сложности родового состава тунгусов Нерчинского уезда. Представлено примерное число родовых сообществ тунгусов Урульгинской думы по разным годам и ревизиям.

Ключевые слова: Урульгинская степная дума, тунгусы Гантимура, бродячие тунгусы, кочевые и оседлые тунгусы, число родов тунгусов.

Изучение документов Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), особенно дел тех фондов, которые содержат разного рода информацию о тунгусах Урульгинской степной думы, позволяет определить число родовых сообществ нерчинских тунгусов. В данной статье затронуто несколько аспектов тунгусского населения Нерчинского уезда по документам ГАЗК. Первым вопросом является предварительное определение прошлой этноязыковой принадлежности нерчинских тунгусов. Тунгусы Нерчинска представляют собой неизученное явление и с позиций истории, и с точки зрения антропологии и, естественно, языка. Поэтому введение в научный оборот архивных документов ГАЗК о тунгусах и их родовом составе вносит определенный вклад в разрешение данного вопроса.

По архивным документам известно, что тунгусское население Урульгинской думы делилось в начале XVIII в. на 43 рода, но к началу XIX столетия оно вовсе исчезло вследствие процесса планомерного обращения тунгусов в православие путем крещения. Историк-исследователь Т.Б. Уварова в монографии «Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках» пишет, что «в XX в. каких-либо значительных перемещений коренного населения в Даурии не происходило, не отмечено здесь также событий, которые могли бы вызвать резкое сокращение численности жителей этих мест. Однако эвенкийское население “внезапно исчезло”» [1. С. 36].

Об этноязыковой неоднородности «тунгусского» населения Нерчинска можно судить и с позиций топонимики Забайкалья, обусловленной наличием разноязыких стратиграфических пластов – древнетюркского, палеоазиатского, самоедоязычного, обско-угорского, тунгусо-маньчжурского, монголоязычного и русского [2. С. 16]. Отметим, что в историко-этнографической литературе под этнонимом *тунгус* подразумевается обычно этноним *эвенк* / *эвен*, тогда как мы в своих работах понимаем под этими названиями разные в этноязыковом отношении народы / народности. *Тунгус* – это соционим, нежели этноним, объединяющий разноязыкие племена и народности исторического прошлого края. В.А. Туголуков, описывая прибайкальских эвенков (тунгусов), отмечает их ассимилляцию как в среде западных бурят, так и среди русского населения [3. С. 20–22]. Б.О. Долгих, В.А. Туголуков указывали на то, что тунгусы (под которыми подразумевали иногда эвенков) обитали чересполосно с другими народами, близкими им по хозяйственно-бытовому укладу, такими как остяки (селькупы), ненцы, ханты и манси, энцы, нганасаны, сибирские татары.

Известно, что это общее название всех «инородцев», под которым у разных исследователей подразумевались почти все сибирские племена, стало использоваться русскими с XVI в. В архивных документах встречаются названия типа «тунгус» и «тонгуска», тогда как именование «инородец» или «инородка» применялось по отношению к бурятам, отделившимся позже, в 1839 г., в отдельную Агинскую степную думу. Более подробное описание документов ГАЗК о тунгусах Урульгинской степной думы восполнит некую лакуну в определении их численно-родового состава, а также прояснит вопрос «исчезновения» так называемого эвенкийского населения Нерчинска к XIX в., точнее, очевидного его уменьшения в численном отношении.

Наряду с названием «тунгусы» в исторических анналах население описываемой территории прежде было известно под именем «дауры». Даурия, более известная по «Отпискам» первых русских как Даурская земля, представляет собой историко-географический регион в пределах современных Республики Бурятия, Забайкальского края и Амурской области. О народе под общим именованием «дауры», который населял регион до середины XVII в., впервые стало известно русским после экспедиции Еналея Бахтеярова в 1640 г. В Забайкалье от этого народа «остались» топонимы – ст. Даурия, Даурский хребет, а также многие другие топонимические названия, которые объясняются только из даурского языка.

В «Отписках» русских казаков, в частности в донесении Максима Перфильева, написано, что, следуя в 1639 и 1640 гг. вверх по Витиму и притоку его Ципиру, он узнал от тамошних тунгусов, что по верхнему Витиму,

начиная со впадения в него р. Карги до оз. Еравны, равно как и по Шилке до ее устья (т.е. по верхнему Амуру до Сунгари), живет народ «дауры». Четыре года спустя, во время похода Пояркова на Амур, произошла первая встреча с даурами на реке Зее. М.П. Алексеев пишет, что согласно донесениям Пояркова даурские поселения встречались у устья р. Умлекан (левый приток р. Зеи) до устья р. Зеи, вверх по Амуру, по Аргуни и Шилке, и в другую сторону, вниз по Амуру, почти до устья Буреи. Даурских городков, судя по донесениям казаков, было немало, некоторые из них имели значительное население в 500–1 000 человек, как, например, Гогударов городок. Из-за набегов русских казаков на эти городки жители их частью были истреблены, часть переселилась на территорию Маньчжурии, на берега р. Нонни.

М.П. Алексеев, ссылаясь на мнение А.Ю. Назарова, комментирует слова Доббина о том, что «на реке Даурской живут дауры», как указание на местожительство их по среднему течению р. Амур, впоследствии ими измененное, благодаря усилению русского влияния и отчасти благодаря колонизационной политике Цинской династии китайской империи [4]. По «прозванию» дауров в «Отписках» служивого казака Петра Бекетова новые земли за Байкалом получили название земли Даурской или, как отписывали царю Алексею Михайловичу, «в Дауры» [5. С. 67], известной под названием «Даурия».

Известно, что «слухи о богатствах даурской земли побудили якутского воеводу Петра Петровича Головина послать в 1643 г. отряд из 133 казаков с пушкой под началом Василия Даниловича Пояркова. Пояркову были выданы судовой инструмент, парусина, боеприпасы, пищали, медные котлы, тазы, сукно и бисер для подарков местным жителям. Целью похода были сбор ясака (дани), поиски серебра, меди и свинца.

Поярков за три года похода, сопровождавшиеся бесчинствами среди местного населения, собрал ценные сведения о народах, живущих по Амуру. Дело, начатое Поярковым, продолжил Ерофей Павлович Хабаров. Прослышав о приближении нового отряда казаков, дауры оставляли селения и уходили. Казаки находили брошенные селения в сотни домов и большие хлебные запасы. В результате похода русских землепроходцев весь левый берег Амура опустел: спасаясь от произвола, все дауры переселились на правый берег Амура под защиту маньчжурских властей» [6. С. 442–451].

Действительно, среди современного населения пограничной Забайкалью Маньчжурии находятся представители народности дауров, которые относят себя к этническим даурам, тогда как среди современных хори-бурят или эвенков севера Забайкалья уже нельзя найти людей, причисляющих себя к потомкам дауров XVI–XVII вв. Можно также утверждать, что, согласно первым «Отпискам», население Нерчинского уезда именовалось даурами, тогда как в документах ГАЗК это же население записано как тунгусы и инородцы. На основании данного наблюдения можно сделать предварительный вывод о необходимости тщательного анализа родового состава тунгусов Урульги, Нерчинска.

В географическом отношении различают несколько территорий: Байкальскую Даурию (территория от оз. Байкал до Яблонового хребта), Витимо-Олёкминскую Даурию (бассейн рек Витим и Олёкма – северная часть Забайкальского края, запад Амурской области), Селенгинскую Даурию (бассейн р. Селенги – юг Бурятии, юго-запад Забайкальского края) и Нерчинскую Даурию – территории к востоку от Яблонового хребта (юго-восточная часть Забайкальского края).

Исходя из этого факта, очевидно, что под соционимом (или политонимом) «дауры» были известны многие племена, обитавшие на этих бескрайних просторах не только Циркумбайкалья, но и всей Северной Азии.

Нерчинскую Даурию населяли разные племена и народы, часть которых под именованием «тунгусы» позже объединилась в Урульгинскую степную думу, а инородцы-буряты – в Агинскую степную думу, выделившуюся из Хоринской степной думы в 1839 г. Вероятно, что историографии так и остались неизвестными многие именования родов или более мелких племенных объединений, так как население Даурии ко времени присоединения к России представляло собой достаточно пестрое в этноязыковом отношении сообщество.

Б.Д. Цыбенов предлагает выделять три этнотерриториальные группы дауров, среди которых группа Лавкая [7. С. 241] занимала примерно именно ту территорию, которая позже стала именоваться Нерчинским уездом. Исследование даурских генонимов и патронимов (подродовых названий), мест их обитания в результате полевого сбора материала, позволило Б.Д. Цыбенову сделать заключение, что «предварительное изучение местообитания дауров в XVII в. выявляет обширную территорию – от восточной части современной Республики Бурятия до границы Амурской области с Хабаровским краем, от южной части Республики Саха до приамурских районов провинции Хэйлунцзян» [Там же. С. 245].

Таким образом, территориально Даурия и составляла прежде именно тот ареал обитания, который позже, уже в составе Российской империи, именовался Нерчинским уездом, куда, в свою очередь, входила Урульгинская степная дума. Поэтому под тунгусами Нерчинского уезда можно понимать насельников исторической Даурии, которые в своем недалеком историческом прошлом «прозывались» и никанами – обитателями загадочного Гоу-Го или «никанского царства», и даурами, которых относят к ветви монголоязычных номадов, этноязыковое происхождение которых неоднозначно и требует дальнейших исследований.

Подтверждением этого тезиса, по-видимому, является текст документа «Дополнительные сведения для составления военно-статистического описания Нерчинского округа Иркутской губернии (1850–1852 гг.)» [8].

«Все вообще Урульгинское ведомство состоит из тунгусов, из коих значительная часть постепенно приняла православие и проживает в селениях. Занимаясь свойственным крестьянам занятием (сохраняя между тем и прежние свойства зверопромышленности), идолопоклонники проводят жизнь кочевую. Занимаясь

исключительно скотоводством и зверопромышленностию и во всякое время года кочуют по разным отведенным им местам с юртами и стадами приискивая для скотоводства удобные пастбища… происхождения манджурского, но письмо имеют монгольское. Они в образе жизни просты, гостеприимны, друг к другу сострадательны, к Начальнику имеют без преданную покорность. В порок им ставят суеверие … они вверяются, безусловно, шаманству» [8. Л. 114].

В этом описании тунгусского населения Урульгинского ведомства можно усмотреть ряд схожих черт с даурами, маньчжурами, монголами и бурятами. Наличие кочевого, скотоводческого типа хозяйства – во-первых, во-вторых, наличие одинаковой с монголами, бурятами «шаманской» веры, в-третьих, культурная общность с маньчжурами и монголами – владение «монгольским письмом», являются теми скрепами, которыми были связаны между собой разные в этноязыковом отношении части населения исторической Даурии в дорусский период.

Однако при этом оговаривается, что эта часть населения занимается и звероловством, что сближает их с другими сибирскими народами. Нет сведений о занятии оленеводством, что воспринимается как досадное упущение, если под тунгусами Нерчинска подразумевать только эвенков. Поэтому очевидно, что к 1852 г. большая часть всего тунгусского населения Урульги, оставаясь охотниками и скотоводами, не занималась оленеводством как традиционным видом эвенкийского быта и к тому же, будучи приведенной в православие, стала жить почти оседло, т.е. в селениях. Возможен вывод, что тунгусы, по всей видимости, и раньше не занимались разведением оленей, если так скоро смогли отойти от этого типа хозяйствования.

Однако еще ранее, до обращения их в православие и учреждения Степной думы, когда тунгусы должны были продолжать беспрекословно подчиняться своему родоначальнику Гантимуру, по-новому – князю Гантимуру, они являли собой совершенно иную по своему этническому, а значит, и языковому составу и происхождению часть тунгусского населения Даурии.

В приведенном выше описании тунгусского населения Урульгинского ведомства прямо указывается на то, что в среде тунгусов присутствуют и маньчжурско-монгольские этнические компоненты. Очевидно, что именно эта часть тунгусов и было именована в «Указе об управлении инородцами» [9. Л. 1251] как та часть инородцев, которая «несовершенно зависит от Правительства», т.е. которая могла в любой момент покинуть пределы государства и перейти на соседние территории – Маньчжурию или Монголию. К таковым, по-видимому, возможно отнести «конных тунгусов» в силу их мобильности по причине коневодства.

Исследователями Б.О. Долгих, Г.М. Василевич, В.А. Туголуковым и другими в среде нерчинских тунгусов выделялась отдельная часть, так называемые «конные тунгусы» [10–12]. Эта часть народонаселения Нерчинска – тунгусы с кочевым образом жизни, славившиеся коневодством, – была отлична от другой, довольно немногочисленной части – оленных тунгусов, или орочон. Предположительно именно последние, будучи по своему этногенезу и языку народностями тунгусо-маньчжурской языковой семьи, т.е. эвенами и эвенками, и определили этноязыковой «облик» «нерчинских тунгусов» в отечественной историографии. Поэтому естественно возникает вопрос об этнической и языковой принадлежности конных тунгусов. Заметим, что под конными тунгусами нельзя понимать хори-бурят, которые также занимались коневодством, как писал об этом Ц.Б. Цыдендамбаев [13].

Однако ради справедливости следует отметить наличие так называемого «тунгусского» компонента в этнической среде агинской группы хори-бурят. Этот этнический компонент до недавнего времени признавался инородным в среде бурят и назывался хамниганами. Действительно, в селах Гунэй и Токчин Дульдургинского района бывшего Агинского Бурятского автономного округа проживают буряты, предков которых относят к тунгусам-хамниганам [14, 15]. Мы полагаем, что этими тунгусами-хамниганами могли быть те тунгусы, которые относились к Тукчинскому, Гуновскому родам Урульгинской степной думы, что позволило сопоставить этноним *самоед* и экзоним *хамниган* общим языковым происхождением [16]. Именно Кужертаевская и Онгоцонская инородные управы Урульгинской степной думы, в ведении которых и состояли вышеупомянутые роды тунгусов, по архивным документам, «ведали землями» Прионо́нья и приграничными с Монголией территориями современного Забайкалья. Заметим, что ойконимы Гунэй и Токчин – это этнотопонимы, и образованы они от родовых названий Тукчинский и Гуновский. Таким образом, более детальное изучение родового состава тунгусов Нерчинска позволит внести бóльшую ясность в вопрос как определения этноязыкового состава, так и их хозяйственной деятельности. Очевидна неоднозначность восприятия (а значит, и отнесения) тунгусов Гантимура как только эвенков, исходя из фактов наличия экзонима *хамниган*, соционимов *даур* или *тунгус* и территорий, занимаемых ими согласно историографии.

Второй вопрос – это вопрос об истории Урульгинской степной думы как административной единицы управления инородцами Сибири.

Центром Восточного Забайкалья в начале XVII в., во время появления государственности в крае, принято считать Нерчинский (Даурский) уезд, образованный в 1656 г. Первым острогом на территории Восточного Забайкалья был Иргенский острог (1653). Население Нерчинского уезда к концу XVII в. состояло из нерчинских тунгусов, телембинских и «ярапинских» (еравнинских. – *Р.Ж.*) тунгусов, аргунских тунгусов и «инородцев»-бурят.

Согласно «Уставу об управлении инородцами» М.М. Сперанского, в 1824–1825 гг. в Сибири было учреждено 18 степных дум, включая 12 степных дум у западных и восточных бурят, 1 степную думу у тунгусского населения – Урульгинскую. Первоначально Урульгинская степная дума была учреждена в составе Нерчинского округа Иркутской губернии, но с 1851 г., в связи с образованием Забайкальской области, стала относиться к последней. После 1901 г., в связи с упразднением системы управления инородцами, Урульгинская

степная дума, как и остальные степные думы, была ликвидирована [17. С. 205].

Заметим, что если документы по Баргузинской степной думе исследованы достаточно полно и основательно [18], то Урульгинская степная дума почти не изучена, за исключением ряда научных статей и тезисов.

В целях описания Урульгинской степной думы приведем полностью текст Предисловия, составленного архивистом 2-й категории Т.С. Ивановой, к описи фонда 55 «Урульгинская степная дума».

«В Забайкалье в начале XX в. проживало около 193 000 человек малых народностей. Доминирующая по количеству группа малых народностей – буряты. Эвенков (тунгусов), якутов, орочен было сравнительно немного (Памятная книжка Забайкальской области на 1912 г., отд. 2, с. 45, 46). Эти малые народности по степени их образования и образу жизни подразделялись на три группы: оседлые, кочевые, бродячие. К оседлым эвенкам (тунгусам. – *Р.Ж.*)[1] и бурятам относились те, которые имели постоянную оседлость, жили деревнями, вели хлебопашество. К кочевым относились те, которые не жили деревнями и меняли место жительства в зависимости от времени года. Бродячие буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) не имели никакой оседлости, переходили с одного места на другое. Они ходили по лесам, близ рек, занимались звероловством и рыболовством отдельными родами или семействами. При распределении бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) на группы запрещалось включать в разряд оседлых тех, которые, хотя и жили постоянно в построенных шалашах и землянках, по образу жизни и промыслу были кочевыми.

22 июня 1822 г. был учрежден Устав об управлении малыми народностями Сибирской губернии, в состав которой входило и Забайкалье. Согласно этому уставу система управления малыми народностями Забайкалья имела следующие звенья: степная дума, инородная управа, родовое управление. Степная дума являлась промежуточным звеном между инородной управой и окружным начальником. Буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) тех далеких времен жили родами. Многие роды, соединяясь в одну общую зависимость, образовывали степную думу.

На территории Забайкалья были сформированы следующие степные думы: Баргузинская, Агинская, Кударинская, Хоринская, Урульгинская (ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 13, л. 1)[2]. Урульгинская степная дума вошла в состав Нерчинского округа Иркутской губернии Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. В 1851 г. на территории Восточно-Сибирского генерал-губернаторства была создана новая административно-территориальная единица – Забайкальская область. Нерчинский округ вошел в ее состав.

С 1871 г. образуется Читинский округ, и территория Урульгинской степной думы попадает в его черту. В 1887 г. Забайкальская область, согласно административно-территориальному делению, входит в состав Иркутского генерал-губернаторства, с 1829 г. – Приамурского, с 1901 г. вновь в состав Иркутского генерал-губернаторства. Соответственно этому менялась и административная подчиненность Урульгинской степной думы.

Степная дума состояла из главного родоначальника, избранных заседателей, число которых зависело от принятого обычая или от надобности, голов инородных управ, которые являлись членами степной думы. Состав ее утверждался губернатором.

Урульгинскую степную думу возглавлял князь Николай Петрович Гантимуров. Все дела степная дума производила письменно и имела своих письмоводителей – двоих. Письмоводители не имели права голоса при обсуждении вопросов.

Урульгинская степная дума представляла собой общественное собрание и ведала одними хозяйственными вопросами. На степную думу возлагались следующие функции: “перепись населения, раскладка сборов, правильный учет всех сумм и имуществ, распределение земледелия и народной промышленности, ходатайства у высшего начальства о пользах родовичей”. Урульгинская степная дума исполняла свои функции посредством голов инородных управ. Подчинялась Нерчинскому окружному управлению с 1851 г., с 1871 г. – Читинскому окружному управлению, с 1901 г. – Читинскому уездному управлению.

Члены степной думы могли быть отстранены от своих должностей по приказу губернатора. Причины отстранения были следующие: уголовное преступление, злоупотребление властью, которое было доказано судом, просьба подведомственных родовичей, долги, если должник имел только одно средство к их оплате – поступление на работу. При этом уволенный не лишался права быть избранным на следующий год. Письмоводителей могла принимать на работу и увольнять сама степная дума.

Урульгинская степная дума как общественное собрание исполняла хозяйственные функции и действовала подобно городской думе. Без точного назначения степная дума не могла предписать никакой сбор податей и повинностей с бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*). В свою очередь, степная дума не назначала никакого сбора без точного предписания от правительства. Все внутренние расходы по степной думе регистрировались в специальной книге записи. По окончании года степной думой составлялся отчет о расходовании денежных сумм, и о произведенных за год расходах уведомлялись родовые управления.

Урульгинская степная дума следила за тем, чтобы вверенные ей буряты и эвенки (тунгусы. – *Р.Ж.*) не нуждались в продовольствии, чтобы они имели хороший промысел и сбыт своих товаров. Дума заключала контракты о поставке белки, соболей, о найме бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) на перевозку тяжестей, предварительно оговорив условия с родовыми управлениями через голов.

Дума четко следила за сбором податей. Это были следующие сборы:

1) подать (именуемая ясаком), поступающая в Кабинет императора;

2) земская повинность;

3) повинность (внутренняя) на содержание степного управления.

Сборы на внутренние повинности определялись самой думой. Прибавка к ним разрешалась только по новому положению думы (Свод законов Российской империи, издание 1857 г., книга 7, раздел I, с. 5–12).

По Уставу 1822 г. в ведение Урульгинской степной думы вошло 6 инородных управ: Урульгинская, Оловская, Шундуинская, Маньковская, Кужертаевская, Онгоцонская (ГАЧО, ф. 55, оп. 2, д. 146, л. 6). Позже была образована Улдургинская инородная управа.

Инородная управа состояла из головы, двух выборных и письмоводителя. Родовые управления получали свое звание наследственно или выборно. Выборные и письмоводители назначались всегда по выбору родовичей (членов родовых управ) на определенное или неопределенное время. Начальник инородных управлений и члены инородных управ утверждались губернатором.

Инородные управы Урульгинской степной думы несли функции:

А) по полиции: 1) обнародование и исполнение всех предписаний начальства; 2) меры предупреждения против повальных болезней и падежа скота; 3) противопожарные меры; 4) сведения о происшествиях.

Б) по хозяйству: 1) раскладка ясака и повинностей, сбор и взнос их в Казначейство, сбор недоимок; 2) развитие хлебопашества; 3) содержание хлебных (экономических) магазинов; 4) попечение о продовольствии хлебом и солью; 5) составление ведомостей по различным вопросам.

В) по суду: 1) исполнение определения высших властей по делам гражданским и уголовным; 2) суд по незначительным нарушениям закона и взыскания по особому положению.

Инородные управы объединяли родовые управления бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*). Подавляющее большинство тунгусов и бурят Урульгинской степной думы относилось к разряду кочевых и бродячих. Каждое стойбище или улус, в котором было не менее 15 семейств, образовывало свое родовое управление. Если в стойбище или улусе было менее 15 семейств, то оно причислялось к близлежащему родовому управлению.

Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников. Староста управления избирался. В некоторых родах это звание, согласно обычаям рода, было наследственным. Помощники старосты назначались всегда по выбору членов рода на определенное или неопределенное время. Стойбищу присваивалось определенное название, или оно называлось именем первого старосты. Родовые управления все свои дела вели словесно (Свод законов Российской империи, издание 1857 г., книга 7, раздел I, с. 1–4).

В ведение Урульгинской степной думы входило 7 родовых управ.

Губернатор обязан был лично или через доверенного чиновника по его выбору один раз в два года посещать стойбища бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) Урульгинской степной думы, подробно входить в их дела, обращать внимание на их жалобы и нужды.

В 1901 г. округа были заменены уездами (ГАЧО, ф. 23, оп. 2, д. 656, л. 118). Урульгинская степная дума вошла в состав Читинского уезда. 23 апреля 1901 г. Государственным Советом было утверждено временное положение об устройстве общественного управления и суда малых народностей Забайкальской области, согласно которому это население разделялось на волости и сельские общества. Каждая волость состояла из нескольких сельских общин (ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 5).

Согласно журналу № 192 Забайкальской области по крестьянским делам присутствия от 30 сентября 1902 г. реорганизация общественного управления и суда у бурят и эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*) Читинского уезда Урульгинской степной думы должна была произойти следующим образом. Территориально ведомство Урульгинской степной думы образовывало волости с сельскими обществами:

1. Урульгинская инородная управа образовывала Урульгинскую волость с волостным правлением в селе Князе-Урульга. В волостное правление вошли сельские общества: Урульгинское, Верхне-Талачинское, Байцетуевское, Береинское, Бургенское.

2. Оловская инородная управа образовывала Зюльзенскую волость с волостным правлением в селе Зюльзинском. Волость включала сельские общества: Зюльзинское, Илимское, Кокуйское, Цагакшинское, Наринзорское.

3. Маньковская инородная управа образовывала Маньковскую волость с правлением в селе Маньковском. Сельские общества: Маньковское, Кутугуйское, Акурайское, Олдондинское, Нижне-Гирюнинское, Барунь-Кондуевское.

4. Шундуинская инородная управа образовывала Шундуинскую волость. Волостное правление в селе Шундуинском объединяло сельские общества: Шундуинское, Шивиинское, Усть-Караксарское, Хара-Быркинское, Больше-Соктуевское, Быркинское, Эдартуйское.

5. Улдургинская инородная управа образовывала Улдургинское отдельное сельское общество.

6. Кужертаевская инородная управа образовывала Кужертаевскую волость. Волостное управление в селении Кужертаевском объединяло сельские общества Тулутаевское, Кужертаевское.

7. Онгоцонская инородная управа образовывала Онгоцонскую волость с волостным правлением в селении Бырцинском, объединяя сельские общества: Тарбальджейское, Бырцинское (ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 32–33).

По приказу № 1 военного губернатора Забайкальской области от 5 января 1903 г. с 1 января 1903 г. у тунгусов Урульгинской, Шундуинской и Оловской инородных управ Урульгинской степной думы входит в силу временное положение.

С 1 января 1903 г. были упразднены Урульгинская, Маньковская, Шундуинская, Оловская инородные управы. По приказу № 2 Управляющего Забайкальской областью от 29 января 1903 г. по 1 февраля 1903 г. была упразднена Кужертаевская инородная управа.

Улдургинская инородная управа упразднилась в декабре 1903 г. Согласно приказу № 84 военного губернатора Забайкальской области от 11 декабря 1903 г. к 31 декабря 1903 г. были ликвидированы все существующие степные думы, в том числе Урульгинская

(ГАЧО, ф. 29, оп. 1, д. 38, л. 66, 130, 148). Заведование инородными волостями было возложено на крестьянских начальников (ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 5553, л. 7)» [19].

Таковой была система структурного управления тунгуса князя Гантимура вплоть до 1900-х гг., когда степные думы стали расформировываться за их ненадобностью. Как пишет А. Литвинцев, в марте 1898 г. в Урульге состоялся очередной суглан (народное собрание) нерчинских тунгусов, на котором главным родоначальником и головой степной думы был избран И. Гантимуров. До этого место головы оставалось незамещенным, так как прежний родоначальник (Павел?) умер, старший брат Николай оставил урульгинское ведомство по причине своей непопулярности среди сородичей. Избранного на суглане нового князя Гантимурова генерал-губернатор несколько месяцев не утверждал, что служит доказательством предстоящего упразднения и этой должности, и самой думы. В 1900 г. Урульгинскую степную думу распустили, введя вместо нее волостное управление [20. С. 18].

Очевидно, что уже к 1900 г. намечалось упразднение степных дум и всего правления, чем и была обусловлена волокита по утверждению нового головы. Такова вкратце история Урульгинской степной думы, просуществовавшей с 1824–1825 по 1903 г. на территории, именуемой в прошлом Даурией, в настоящее время Восточным Забайкальем, Забайкальским краем.

В целом свод архивных документов фондов 1о, 55, 300, посвященных тунгусам Урульгинской степной думы, можно условно подразделить на несколько основных видов делопроизводительной документации:

1) документы распорядительного характера – указы, приказы, распоряжения, наставления, инструкции, предписания. Эти документы отражают определенный круг обязанностей Урульгинской степной думы, должностных лиц – предписания о сборе податей и повинностей, предоставлении отчетности о разного рода мероприятиях (оспопрививаниях, проведении и обеспечении ревизских описей населения), утверждении должностных лиц и пр.;

2) документы отчетно-исполнительного характера – отчеты и рапорты шуленг и зайсанов по всем инородным управам степной думы. Эти отчетные документы инородных управ составлялись от имени каждого шуленги или зайсана каждого из тунгусских родов, подписывались ими и скреплялись их личной печатью. Данные отчёты и рапорты содержат сведения о количестве населения (или ясачных душ), вероисповедании, количестве экономических магазинов, мельниц, поголовье скота, его разновидностях, количестве юрт с указанием материала, из которого эти строения были выполнены (например, войлочные или деревянные), о хозяйственно-бытовой деятельности тунгусского населения, о результатах миссионерской деятельности православных священников среди тунгусов и инородцев Урульгинской степной думы, о числе буддийских лам, хувараков и кумирен, о количестве тунгусов, придерживавшихся «шаманской веры»;

3) ревизские описи туземного населения Урульгинской степной думы, или так называемые «ревизские сказки».

Наиболее информативными являются дела, содержащие сведения о подушевом числе тунгусского населения по каждому родовому объединению, составленные переписчиками согласно указаниям по проведению и обеспечению очередной переписи населения.

Известно, что в Российской империи было проведено 10 ревизий: 1719 г., 1743 г. (или 1744–1745 гг.), 1762 г. (или 1763 г.), 1782 г., 1796 г. (или 1795 г.), 1811 г., 1816 г. (или 1815 г.), 1833 г. (или 1831 г.), 1851 г. (или 1850 г.), 1858 г. Одним из самых ранних документов по переписи туземного населения исторической Даурии, где более полно представлено число родов, является документ «Дело о переписи по Государству мужеска и женска полу людей», которое датировано 1816 г. В этом документе согласно данным о родах тунгусов записано всего 41 родовое сообщество с учетом трех так называемых «орочонских» родов [21. Л. 452, 452 об.] – Бултегерского, Эгдерельского и Чилчагирского[3]. Полагаем, что только эти три рода можно считать этническими эвенками, судя по предварительному ознакомлению с переписанными личными именами тунгусов этих родов. Даже сами переписчики отделяли собственно орочон от тунгусов. Лист, посвященный переписи Бултегерского рода, озаглавлен «Ревизская сказка 1816-го Года февраля 17 дня Иркутской губернии Нерчинского уезда заведывания тунгусскихъ родом Начальника князь 14 класса Гантимурова старшины Бакачия Мунгуепа о самом себе и о состоящих мужеска и женска пола оленных тунгусахъ», кочующих «по реке Олёкме, Каренге и других смежных урочищах», из чего видно, что оленных тунгусов относили к орочонам.

Третий вопрос связан с определением родового состава тунгусов Урульгинской степной думы. Этот вопрос органично связан с описанием быта, образа хозяйствования, а также описанием ясачного сбора. В этих целях следует проанализировать исторические документы, касающиеся тунгусского и инородческого населения Сибири.

Согласно фундаментальному труду Б.О. Долгих «Родоплеменной состав народов Сибири XVII в.» тунгусов Нерчинска примерное число 15 550 [11. С. 351]. Б.О. Долгих справедливо пишет о трудности определения точного числа тунгусов Нерчинска вследствие постоянного перемещения родовых объединений, переходов населения из Монголии и Китая. Об этой трудности упоминает также С.К. Патканов, справедливо отмечая то, что «после 10-й ревизии 1858–1859 гг. численность населения отдельных частей Сибири определялась, за исключением немногих частичных переписей и специальных исследований, местными статистическими комитетами, по большей части путем ежегодного прибавления к данным последней ревизии естественного прироста населения за истекшее время. Но, так как у бродячих и кочевых инородцев, в особенности у нехристиан, данные о движении населения или вовсе не собираются или отмечаются очень несовершенно, то понятно, что полученные указанным способом данные о численности отдельных групп инородцев далеко не соответствовали истинному положению дел» [22. С. 6–7].

В известном труде Г.М. Василевич приводятся данные об общем количестве всего тунгусского насе-

ления – эвенков и эвенов: «Для XVIII в. Ф. Страленберг определял численность в 70–80 тыс.; М. Кастрен в 40-х гг. XIX в. – 53 тыс., Гагемейстер в 50-х гг. 35–40 тыс., Риттих в 70-х гг. 68 тыс. Численность эвенков и эвенов по переписи 1897 г. – 62 068 человек (с поправкой – 54 500)… Бродячих (охотников) было 28 472 человека, кочевых (конных и скотоводов) – 29 737, оседлых 495, казаков (на границе) – 3 045, дворян (Гантимуровых) 319 человек» [10. С. 7]. При этом отмечается, что все эти цифры приблизительные.

Последние данные о численности эвенков как почти самых древних насельников Сибири дают следующие цифры. Считается, что самые древние обитатели Сибири – это эвены, по-другому увани. Всего в XX в. на территории Российской Федерации насчитывают 28 000 эвенков. Различают группы орочон (оленных эвенков), конных эвенков (хамныганы). В 1651 г. тунгусы перешли в российское подданство. Число этнических эвенков неуклонно уменьшалось, от 10 829 тыс. в 1930–1938 гг. до 1 200 человек в 1989 г. [23. С. 99–100].

Г.М. Василевич отмечает за тунгусами, или эвенками, большое число названий и самоназваний. Уже этот факт свидетельствует о том, что соционим *тунгус* объединял разные этноязыковые сообщества, обитавшие на просторах Сибири: «В Забайкалье – хамныганы, солоны и онгкоры», орочоны и т.д. Многие исследователи народов Сибири отмечали этническую неоднородность тунгусов, распределяя их по разным признакам. И.Г. Георги, например, выделял по «транспортному» признаку конных, собачьих и оленных [24].

Поэтому введение в научный оборот архивных документов ГАЗК по Урульгинской степной думе позволит приблизиться к примерной цифре по наличию родовых объединений нерчинских тунгусов в целом, а также к пониманию неоднородности их этноязыкового состава.

В отношении примерной численности тунгусского населения приведем документальные данные ГАЗК о сборе ясака в ведомстве Урульгинской степной думы. Согласно архивным документам количество «ясашных тунгусов» по ревизии 1823 г. составляло 5 586, из них «поборных» (т.е. плательщиков ясака) было 4 584 души. От платежей были «освобождены 1 002 души, в числе которых состоитъ умершихъ 481 душа, престарелых и дряхлых 285, бедных и неимущих 236 душ» [25. Л. 107]. Интересно, что количество бродячих оленных орочон – 30 душ – считается отдельно и входит только в общее число (5 616 душ). Из числа «поборных» эти 30 человек бродячих орочон исключены.

Сбор ясака с инородческого населения Даурии был делом непростым. Для решения этой задачи власти создали особый механизм – земские суды. В «Списке из окладной книги Нерчинского земского суда» от 1828 г. изложено решение суда о том, что «с тунгусов объясаченных с 5 615 душ положено взыскать по 44 копейки сбора». С тунгусов неясачных – «с бродячих оленных тунгусов 30-ти душ 5 585 душ земской повинности по 3 рубля 52, 5 копеек с души» [26].

Сравнение этих цифр позволяет сделать вывод по поводу суммы ясака, явно обременительной и тяжкой для оленных орочонов, которые были обязаны уплатить в 8 (!) раз больше, чем все остальное тунгусское население. Это явно не способствовало увеличению орочон, а, возможно, наоборот, явилось причиной уменьшения их численности.

В качестве иллюстрации этого положения приведем названия ряда документов ГАЗК о розыске бродячих тунгусов, переходящих с одного ведомства в другое: дела «о розыскании бродячих тунгусов Баунтовского ведомства удалившихся в Нерчинский округ 53 душъ» от 1848 г.; «Приказ о даче данных о бродячих тунгусах удалившихся в Нерчинский округ»; «Списокъ 20 душъ отошедших из Баунтовского Кондигирского рода тунгусах»; «Список отошедших из Баунтовского Чилчагирского рода тунгусов в Округъ всего 33 души обложенных ясаком, отошедших в 1844 году» и т.д.

Эти перемещения «неблагомыслящего» населения не могли остаться незамеченными властью, обеспокоенной прежде всего сбором ясака. Таким состоянием дел и обосновано появление Указа императора от 1828 г., который предписывал местным властям «…дабы восстановить совершенное спокойствие инородцевъ, нарушающееся от зловредных действий одних неблагомыслящих изъ среды их, предлагает Губернскому Правлению предписать всем Земским судам и инородным управлениям пяти уездов Иркутской Губернии, чтоб отнюдь никто из инородцев не осмеливался искать без законных причин переводовъ из одного рода или ведомства в другое, и что в противном случае, если кто из них будет просить о семъ, и просьбы их по точном удостоверении окажутся несправедливыми, виновные в семъ, или нарушители общественного спокойствия будут подвергнуты строгому законному взысканию…» [27. Л. 132].

Политика колонизации Сибири и Дальнего Востока, переселенческая политика государства привели к тому, что тунгусам повсеместно стало все труднее и труднее не только сдавать ясачную повинность, но и искать пропитание. В поисках незанятых мест они вынуждены были уходить в северные районы Забайкалья, на территорию современной Якутии. Часть тунгусов перешла в Агинскую степную думу, часть – телембинские и «яравненские» –в Хоринскую степную думу, растворившись среди бурят-инородцев, так как те платили ясак меньшего размера [28].

«…Появление русских в Забайкалье отразилось на тунгусах тем, что Нерчинские тунгусы ушли за Аргунь по реке Ганъ (кит. Ган – «река». – *Р.Ж.*). Вскоре примеру их последовали и часть Баргузинских тунгусов, удалившихся также за реку Аргунь. Хотя, часть тунгусов впоследствии вернулась к Нерчинску с князем Гантимуровым, но все-таки результатом передвижения было то, что к 1689 г. в Нерчинском уезде было только 788 ясачных тунгусов, живших около острогов Нерчинского, Телембинского и Ераввиского. Они разделялись на 12 родов: Баягирский, Жанжурова, Уляцкий, Дулигарский, Колтагирский, Почегорский, Луникарский, Баликагарский, Намясинский, Кучилицкий и Шунинский (в среднем по 65 человек в роду). Эти роды, насчитывавшие к 1700 г. 925 человек ясачных, и послужили основою тунгусского населения

Нерчинского края. Тунгусы не особенно признавали русское подданство и свободно уходили в Монголию» [29].

Такие разноречивые цифры о количественном составе тунгусского населения обусловлены рядом причин, среди которых следует учесть и несовершенство системы сбора и сдачи ясачной повинности, и относительно нестабильное положение власти в регионе, и сопротивление самих тунгусов поборам.

Наиболее информативным и относительно полным можно считать документ ГАЗК «Перепись инородцев Нерчинского уезда» [21. Л. 475] от 1816 г., где переписаны роды тунгусов числом в 43 родовых сообщества. Примерный подсчет ревизских душ по переписи 1816 г. позволяет определить 5 275 мужских душ и 4 406 женских душ с учетом умерших и новорожденных. Следует также оговорить, что знакомство с ревизиями некоторых родов тунгусов Гантимура дает основание предположить некорректный расчет общего числа ясачного населения: в начале «сказки» записано одно количество душ, тогда как простой подсчет переписанных людей определяет другое число, которое, как правило, меньше записанного.

Повторим, что численно-родовой состав тунгусов Гантимура установить сложно по ряду причин. К примеру, в «Энциклопедии Забайкалья: Читинская область» даются следующие сведения: «…в 1823 г. в ведомстве Урульгинской степной думы находилось 10 879 эвенков (тунгусов. – *Р.Ж.*); в 1831 г. в составе Урульгинской степной думы находилось шесть инородческих управ (Урульгинская, Оловская, Маньковская, Шундунская (Шундуинская. – *Р.Ж.*), Кумертаевская (Кужертаевская. – *Р.Ж.*), Оногоцонская), которым подчинялись 37 родов с численностью 8 084 эвенка (тунгуса. – *Р.Ж.*) [17. С. 205].

Сведения о более раннем периоде дают более скупые цифры. «Нерчинский уезд. Тунгусов со старшинами в разных родах: в улятском 240, в почегорском 240, в увакасильском 37, в картегирском 127, в луникирском 247, в чемчагирском 104, в кузнелюйском 14, в богикагирском 91, в намяцком 141, в намясинском 44, в долоцком 18, в чякагирском 152, в сортоцком 375, в гуновском соединенном с онзенским 442, итого 2 272 души… Доронинский уезд. Тунгусов разныя роды: в пачегорском 59, в луникирском 53, в шунинском 44, с ним в Боягирском 6, в Кизенском 54, в монгольском 23, в сортоцком 8, итого 249 душ мужеска пола, а женска 203 души. Стретенский уезд. Ясашные тунгусы, хотя кочуют, но платежем состоят в других уездах Нерчинской области» (Описание Иркутского наместничества 1792 г. – С. 116, 123, 141) [30. С. 105].

Более подробные сведения можно почерпнуть из документов ГАЗК. Так, в архивном документе «О собранном ясаке с урульгинского цуглана… за 1790 годъ с родовъ» записаны суммы ясачного сбора с тунгусского населения по родам [31. Л. 31–43] (табл. 1).

Документ более раннего года – 1785 – содержит перечисление тунгусских родов с указанием числа «душ ясачных и количество уплаченного ясака» [31], текст и данные которого приведены в табл. 2.

Таблица 1

Бурятские роды Урульгинского суглана в 1790 г.*

№	Название рода Тунгусы родов	Сумма ясака повинность
За 1790 годъ		
1	улятскаго	110 рублей
2	почегорского	51 рубль
3	вакасильскаго	21 рубль
4	келтегирскаго	27 рублей
5	1 луникирского	88 рублей
6	Чимчагирскаго	33 рубля
7	1 баягирскаго	56 рублей 76 копеекъ
9	намятского	30 рублей
10	долоцкого	10 рублей
11	челкагирскаго	125 рублей 50,5 копеекъ
12	сартоцкого	188 рублей
13	гуновскаго	185 рублей
14	тукчинскаго	126 рублей
15	узонского	462 рубля
За 1789 годъ		
1	1 луникирскаго	12 рублей
2	1 сартоцкого	6 рублей
3	гуновскаго	4 рубля 70 копеекъ
	итого	1548 рублей 51,5 копеекъ
Дороненскаго округу теленбинских родовъ за 1790 годъ		
1	шуняінскаго	15 рублей
2	почегорскаго	23 рубля
3	луникирскаго	24 рубля
4	мунгальского	29 рублей
5	казайского	15 рублей
6	сартоцкого	3 рубля
Баргузинскаго округа яравнинских родовъ за 1790 годъ		
1	почегорского	30 рублей
2	баликагирскаго	51 рубль

Окончание табл. 1

№	Название рода	Сумма ясака
	Тунгусы родов	повинность
3	тавангутскаго	48 рублей
	итого	129 рублей
Баргузинскаго округа курлыченского цуглана		
1	желтоцкаго роду за 1787 годъ	24 рубля
2	желтоцкаго роду за 1785 годъ	24 рубля
3	желтоцкаго роду за 1790 годъ	15 рублей
	итого	87 рублей
	А всего со всех родов	1873 рубля 51,5 копеекъ в том числе медною монетою тышеча 38 рублей 51,5 коп.
	Секлетаръ Сава Асламовъ	

* Орфография источника сохранена.

Таблица 2

Бурятские роды в 1785 г.*

№	Название рода		Сумма ясака
За 1785 годъ			
Нерчинской округи урулгинского шунгуд (зургана? – неразборчиво. – *Р.Ж.*)			
тунгусы		Число душ по прежней переписи	Рубли и копеекъ
1	Улятского роду	140 д.	192 рубля
2	Почегорского роду	278	408 рублей
3	уванаимского роду	42 д.	84 рубля
4	келтегирского роду	138 д.	144 рубля
5	1-го никигирского роду	304 д.	426 рублей
6	Чемчагирского роду	97 д.	153 рубля
7	кушелюцкого роду	14 д.	24 рубля
8	1-го баягирского роду	87 д.	141 рубль
9	намяцкого роду	184 д.	324 рубля
10	намясинского роду	103 д.	153 рубля
11	Долоцского роду	16 д.	21 рубль
12	чемагирского роду	139 д.	183 рубля
13	1-го Сортоульского роду	240 д.	312 рублей
14	Гуноевского и Тукчинского	258 д.	349 рублей
15	узонский	358 д.	549 рублей

* Орфография источника сохранена.

Подсчет душ, по-видимому, только ясачных мужского пола тунгусского населения, по данным 1785 г., сводится к цифре 2 398 душ. Любопытно отметить наличие «уванаимского» рода, который, полагаем, и является родом этнических эвенов, так как название может быть испорченным именованием апеллятивного «эвен» или «эвены». Встречаются такие именования эвенков, как «овоньки», в этнографических сведениях как искажённые русским языком при устном восприятии самоназвания эвенков.

В этом документе перечислены и другие роды тунгусов – Келтегирского рода бывшего Урулгинского суглана и 10 родов Курлыченского суглана: Дуликагирского нерчинского, 1-го Баягирского аргунского, Чепченботского, 2-го Дулигарского Аргунского, Дулигарского, 2-го Балягирского Нерчинского, Намясинского, Конурского и Долотского [32. Л. 162]. Всего родов по этому документу 25.

Одним из ранних документов от 1793 г. за подписью Гантимурова Николая, действительного статского советника и кавалера, в «Книге записи смотрителей экономических магазинов о расходовании хлеба» представлены списки родов, которых уже 38 (табл. 3).

Здесь же приписано, что «под названием Сухановой слободы новокрещеных тунгусов – 354 души, из которых 51 не платят ясак. В Нероновском селении – 110 душ. Из их числа платящих ясак и сколько приняло последнее крещение по причине недавно над ними [свершившегося] моему начальство сведения еще не имею» [33].

В другом документе с более ранней датировкой, в «Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову» от 1791 г., приведены цифры платежей ясака в денежном эквиваленте и, главное, названия родов (табл. 4).

За 1791 г. записано 29 родов тунгусов. В другом документе – от 1823 г. – в «Ведомости, учиненной при Урульгинском тунгусском зургане[4] о числе людей обоего пола» дан более полный список родов из 37 единиц (табл. 5).

Таблица 3

Бурятские роды в 1793 г.*

№	Урулгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещеных
1	Уляцком	54	144	198	138
2	Почегорском	54	87	141	51
3	Вакасильском	24	34	58	4
4	Кельтегирском	25	63	88	61

Окончание табл. 3

№	Урулгинского суглану	Платящих ясак	Не платящих ясак	Итого	Из числа оных крещеных
5	Луникирском	89	153	242	14
6	Чимчагирском	34	48	82	33
7	Кунцелицком	6	3	9	4
8	1 Баликагирском	21	48	69	13
9	Намятском	28	82	110	8
10	Намясинском	12	25	37	14
11	Долоцком	9	9	18	3
12	Челкагирском	46	92	138	10
13	Перво Сартоцком	165	227	392	72
14	Гуновском	92	99	191	22
15	Тупчинском	82	86	168	7
16	Мунгальском	13	17	30	14
17	Узонском	177	252	429	68
18	Желтоцком	8	9	17	–
	Яравинскихъ				
19	3 Почегорском	14	32	46	2
20	3 Шунинском	1	5	6	–
21	Второ Баягирском	18	25	43	2
22	Тавангутском	15	28	73	–
	Теленбинскихъ				
23	Второ Почегорском	18	17	35	–
24	Луникирском	18	23	41	2
25	Шунинском	9	13	22	2
26	Казейском	6	5	11	–
27	Мунгальском	18	20	38	–
28	Второ Сартоцком	2	–	2	–
	Курлыченского суглану				
29	1Дулигарском	126	264	390	199
30	1 Баягирском	26	84	110	17
31	Чипчинютском	30	96	126	42
32	3 Дулигарском	57	143	200	39
33	Дуларском	25	45	70	30
34	Второ Баягирском	102	209	311	136
35	Намятском	54	146	200	85
36	Конурском	28	66	94	5
37	Долотском	18	31	49	–
38	Дулигарский	не платит ясак по грамотству	63	63	63

* Орфография источника сохранена.

Таблица 4

Сбор ясака и недоимок с эвенков в 1891 г.*

О собранном ясаке с Урульгинского суглана за 1790 г. с родовъ:		Рублей и копеек	За 1789 г.	Рублей и копеек	За 1785 г., 1787 г.	Рублей и копеек
1	Улятский	110 р.	1 Луникирский	12 руб.	Баргузинского округа курлыченского суглана	
2	Почегорский	51 руб.	1 Сартоцкий	6 руб.		
3	Вакасильский	21 руб.	Гуновский	4 руб. 70 к.		
4	Келтегирский	27 руб.				
5	1 Луникирский	88 руб.	Теленбинских родов		Желтоцкий	24 руб.
6	Чимчагирский	33	за 1790 г.		Дулигарский	15 руб.
7	1 Баягирский	56 р.76 коп.	Шунинский	15 руб.		
8	Намятский	30 руб.	Почегорский	23 руб		
9	Долоцкий	10 руб.	Луникирский	24 руб.		
10	Челкагирский	125 руб. 50,5 коп	Мунгальский	29 руб.		
			Казейский	15 руб.		
11	Сартоцкий	18 руб.	Сартоцкий	3 руб.		
12	Гуновский	185 р.	Дулигарский	15 руб.		
13	Тукчинский	126 р.				
14	Узонский	426 р.				
	Баргузинского округа яравнинских родов					
15	Почегорский	30 руб.				
16	Баликагирский	51 руб.				
17	Тавангутский	4 руб.				
Всего со всех родов собрано 1 873 рубля 51,5 коп., в том числе медною монетою 1 038 рублей 51,5 коп.						

* Орфография источника сохранена.

Таблица 5

Численность бурятских родов в 1823 г.*

Звания родов		Мужского пола	Женского пола	Итого
1	Улятский род селений Шундуинского и Шивиинского	291	262	553
2	Почегорский	238	192	430
3	Вакасильский	69	50	119
4	Кельтегирский	117	89	206
5	Челкагирский	187	175	362
6	Желтоцкий	27	26	55
7	Сартоцкий	468	495	963
8	Гуновский	231	196	427
9	Мунгальский	54	42	96
10	Тукчинский	206	169	375
11	Луникирский	253	281	534
12	Чимчагирский	61	62	123
13	Концелютский	18	20	38
14	Нататском намясинском и долотском	259	191	444
15	Баликагирский	80	78	158
16	Узонский	559	561	1120
	Телембинских родов			
17 18 19 20 21	Почегорский Луникирский Шунинский Казейский Сартоцкий	121	118	239
	Яравинских (Еравнинских. – *Р.Ж.*) родов			
22 23 24 25	3-Почегорский 3-Шунинский Баликагирский Тавангутский	93	85	178
26	Гучитский	42	39	81
27	Перводулигарский	671	528	1202
28	Конурский	114	116	230
29	Первобаягирский	125	89	214
30	Чипчинутский	161	165	326
31	Второбаягирский	461	360	821
32	Втородулигарский	171	164	335
33	Намятский	258	204	462
34	Дуларский	94	79	173
35	Долотский	41	26	67
36	Князе-Дулигатский	92	87	179
37	Оленные тунгусы	25	25	50

* Орфография источника сохранена.

При подсчете оказалось мужского населения 5 584 человек, женского – 4 976 человек. Всего населения 37 родов нерчинских тунгусов по данным 1823 г., согласно табл. 5, – 10 560 человек.

В попытках определения численно-родового состава тунгусов Гантимура обратимся к анализу другого документа, где находим перечисление родов тунгусов, число которых составляет уже 39 родов. Такое увеличение численности родовых объединений тунгусов обусловлено в первую очередь их кочевым образом жизни, позволяющим им передвигаться по территориям Восточной Сибири, что затрудняло их опись, особенно в разное время года.

Во-вторых, следует учесть естественное деление на подродовые объединения, когда появляются 1-й Дулигатский или 2-й Балягирский, что также служило поводом для разного рода путаницы при ревизии.

Основной целью степной думы являлись, естественно, сбор и отправка ясачных поборов с тунгусского и инородческого населения. Этой основной деятельности думы новой администрацией уделялось большое внимание. Архивные дела состоят из рапортов, в которых приведены отчеты о сборе ясачной повинности с тунгусов.

В документе «Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову» находим: «Рапортъ от июля 2 дня 1791 года от сына боярскаго Якова Шемелина. Рапортъ. Приказъ вашъ от 21 июня № 121 коим предписывать мне равно и сыну боярскаму Иваны Пыхалову о приложении старания в зборе ясака ко протчемъ мною сего дня июня 30 числа получено, по которому в повеленной силе исполнение учинено быть имеетъ непременно а что потому окажется… (неразборчиво. – *Р.Ж.*) касательно баргузинскаго округа разных родовъ старшинами на курлыченскомъ цуглане сначала 1791 года заплачено ясака ведомства выше вышеописанных родовъ» [34. Л. 302] (табл. 6).

Из текста данного архивного документа, представляющего собой отчет в виде рапорта о суммах собранного стараниями Якова Шемелина, можно сделать вывод, что существовало несколько родов с одним и тем же именованием. Естественный прирост тунгусского

населения заставлял, по-видимому, сборщиков ясачной повинности делить родовые объединения на подроды и именовать последние как первобаягирский или втородулигарский.

Таблица 6

Сбор ясака и недоимок с эвенков в 1789-1790 гг.*

№	Название рода	Сумма ясака
За 1790 годъ		
1	перводулигарскихъ	242 рубля
2	первобаягирскихъ	109 рублей
3	второбаягирскихъ	188 рублей
4	втородулигарскихъ	126 рублей
5	намятскихъ	123 рубля
6	чипчинютскихъ	66 рублей
7	дуларскихъ	55 рублей
9	конурскихъ	51 рубль
10	долотцких	9 рублей
За 1789 годъ		
1	первобаягирскихъ	2,50 рублей
	итого	971 рубль 50 копеекъ

* Орфография источника сохранена.

К тому же следует учитывать и кочевой образ жизни некоторых родов тунгусов, что само по себе исключало точность учета народонаселения. Периодически проводимые ревизии населения Российской империи имели одной из задач учет ясачных душ. Сборщики сталкивались, по-видимому, и с такой проблемой, как часто случавшиеся переходы из одного рода в другой.

В архивных фондах имеются дела по «розыску» тунгусов, которые уходили из одного ведомства в другое в поисках лучшей доли. Тунгусы обычно из Баунтовского ведомства «удалялись» в Нерчинский округ. Этих тунгусов надлежало разыскать и обложить податью. Прочие архивные документы также позволяют предполагать о постоянных перемещениях тунгусского и инородческого населения.

В архивных документах ГАЗК встречаются документы «о постройке зимовий на землях по речкам Кадая, Олов, Курлыча по устью пади Куэнга государственным пашенным крестьянам», согласно Указу «Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Нерчинской Воеводской канцелярии от 29 сентября 1750 года» [35. Л. 5]. В итоге появились документы, в которых тунгусы пытались не дать захватить свои «породные» земли, по которым они привыкли перемещаться в разные времена года.

Бурят-инородцев также всячески притесняли. Так, в деле № 180 от 1881 г. имеется «Распоряжение Военного Губернатора Забайкальской области от 11 августа 1881 г. о срочном принятии мер по поводу немедленного выселения инородцев на выделенные им земли, не принимая от них никаких оговорок, с поймы реки Кручина» [36].

Подаются «челобитные» в управы о земельных спорах и войнах между тунгусами и государственными крестьянами. «Жалоба жителей (взаимно) Дылюнской и Кокуйского друг на друга о том, что они выкашивают пади Ширакундуй и продают сено казакам Богомяхковской станицы» [37]. Также следует учитывать и политический климат соседней Монголии, где в результате междоусобных войн многие монголоязычные племена переселялись на территорию Восточного Забайкалья, тесня слабо вооруженных и голодных пограничных тунгусов Гантимура.

Таким образом, обзор и сопоставление числа родов тунгусов Урульгинской степной думы разных лет – 1785, 1790, 1791, 1793, 1823 гг. – обнаруживают наличие основных родов тунгусского населения Нерчинска. Это родовые объединения, которые имели несколько подродов: Баягирский, Дулигарский / Дулигатский, Дуларский, Долотский / Долоцкий, Сартоцкий, а также так называемые телембинские и «яравинские» тунгусские роды Луникерский, Почегорский, Шунинский, записанные как 1-Шунинский или 3-е Почегорский. При этом некоторые роды записаны единично: Баликагирский, Гучитский, Гуновский, Вакасильский / Вакаройский, Казейский, Концелютский / Кушелютский, Кельтегирский, Мунгальский, Узонский / Узоновский, Улятский, Тавангутский, Челкагирский, Чимчагирский, Чипчинютский. При этом следует учесть и то, что родовые названия еравнинских и телембинских родов тунгусов представляют собой подроды от основных – Почегорского, Луникерского, Сартоцкого и Шунинского, увеличивая, таким образом, общее число переписанных родов.

Такие разноречивые данные о количественном и родовом составе тунгусского населения обусловлены рядом причин, среди которых следует учесть и несовершенство системы сбора и сдачи ясачной повинности, и относительно нестабильное положение власти в регионе, и сопротивление самих тунгусов поборам. Кочевой образ жизни тунгусов Урульгинской степной думы, включая и оленных орочон, и конных тунгусов, а также сезонные передвижения самих тунгусов по подобию инородцев-бурят, имевших определенные пастбищные места в разные времена года (зимники, весенники, летники и осенники), не позволявшие переписчикам отследить истинное число родов и их ответвлений, о чём и писали Б.О. Долгих, С. Патканов и другие исследователи, явились основными причинами сложности учета населения.

Однако краткий обзор архивных документов позволяет сделать вывод не только о неоднозначности тунгусов Гантимура, традиционно описываемых как только тунгусо-маньчжуроязычные племена эвенков и эвенов, но и выяснить сложность конкретного определения родового состава Урульгинской степной думы.

Очевидно наличие разного типа хозяйствования у тунгусов Нерчинска, обусловленного разным образом жизни – «оседлым, кочевым и бродячим», как и разного этноязыкового начала, обусловленного историческими фактами неоднородности данного «исчезнувшего» народа – тунгусов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В архивных документах тунгусы Урульгинской степной думы записаны специалистами ГАЗК как эвенки.
[2] Номера фондов, описей и дел, указанные в документе, являются ссылками автора Предисловия и отсутствуют в литературе данной статьи.
[3] В других делах фонда 55 не встречается упоминания этих трех родов орочон. По-видимому, эти родовые сообщества этнических эвенков оказались переписанными «случайно».
[4] Зурган, или суглан (от бур. суглаан – «собрание, сход»), – место общего сбора тунгусского населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. 2-е изд. доп. М. : ИНИОН РАН, 2006. 172 с.
2. Жамсаранова Р.Г., Шулунова Л.В. Топонимия Восточного Забайкалья. Чита, 2003. 128 с.
3. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М. : Наука, 1985. 284 с.
4. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск : КрайГИЗ, 1932. Т. 1. 368 с.
5. Балабанов В.Ф. История земли Даурской. Чита : Эффект, 2003. 400 с.
6. Магидович В.И., Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. Эпоха великих открытий. Курск : Центрполиграф, 2003. 639 с.
7. Цыбенов Б.Д. История и культура дауров Китая : историко-этнографические очерки. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2012. 252 с.
8. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 55. Оп. 2. Д. 48. (388 л.). Дело о земельных спорах между эвенками и русскими крестьянами. Материалы о перечислении эвенков в крестьян. Именной список дворян Гантимуровых. Материалы о розыске родившихся и умерших. Материалы о розыске бежавших каторжан, ссыльнопоселенцев, вещей. 1850–1852 годы.
9. Свод законов Российской империи, дополненный по приложениям 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и позднейшим узаконениям 1911 и 1912 гг. СПб, 1913. Кн. 1, т. I–IV.
10. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л. : Наука, 1969. 304 с.
11. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 622 с.
12. Туголуков В.А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
13. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). Улан-Удэ : Ин-т обществ. наук БФ СО АН СССР, 1972. 662 с.
14. Дамдинов Д.Г. Языковая принадлежность хамниган // Забайкалье. 2002. № 4. С. 44–45.
15. Жамсаранова Р.Г. Этноязыковая принадлежность генонима «забайкальский хамниган» // Вестник Читинского государственного университета. 2009. № 2 (53). С. 155–161.
16. Жамсаранова Р.Г. Экзонимно-этнонимные названия самоед и хамниган // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. Вып. № 3(21). С. 87–96.
17. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область : в 2 т. / гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. Новосибирск : Наука, 2000. Т. 1: Общий очерк. 302 с.
18. История Баргузинской степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.) : сб. и перечень документов / сост. Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас; науч. ред. Б.В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2012. 351 с.
19. ГАЗК. Ф. 55. Предисловие к описи фонда 55 «Урульгинская степная дума».
20. Литвинцев А. Сельские хроники. Урульга. // Земля. 2013. № 49. С. 18.
21. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1/5. Д. 17513. (475 л.). Общераспорядительный отдел. Перепись инородцев Нерчинского уезда. Ревизские сказки тунгусов Нерчинского уезда Иркутской губернии. 1816 год.
22. Патканов С. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. Книга по требованию, 2011. 216 с.
23. Янков А.Г. Эвенки Урульгинской степной думы // Молодая археология и этнология Сибири XXXIX РАЭСК. Чита : ЗГПУ, 1999. Ч. 21. С. 99–100.
24. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / предисл. и примеч. В.А. Дмитриева. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Русская симфония, 2007. 818 с.
25. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. (1107 л.). Кужертаевская. Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в Думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскание долгов. Материалы по уголовным преступлениям.
26. ГАЗК. Ф. 55. Оп 3. Д. 9. (64 л.). Урульгинская Степная дума. Перечневая ведомость о количестве земель, жителей, сборе повинностей, промыслов. Книга входящих и исходящих бумаг. Списки инородцев. 1828–1831 гг.
27. ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 56. (337 л.). Перепись 9-я народная. Документы о принятии эвенками христианства. Списки деревень по инородным управам с количеством жителей, скота, десятин земли и другие сведения для военно-статистического описания Нерчинского округа; ведомства о числе жителей в селениях Урульгинского ведомства по 9 народной переписи, материалы о принятии христианства эвенками.
28. ГАЗК. Ф. 284. Оп. 1. Д. 37. (98 л.). О причислении и исключении по распоряжению начальства инородцев по Агинскому ведомству в течение 1886 года.
29. ГАЗК. Ф. 239. Оп. 1. Д. 27. (144 л.). Материалы по изучению населения Забайкалья после Нерчинского договора. 1689–1725 годы.
30. Константинов А.В. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита : АНО ЦНОП ЗабГПУ, 2002. 248 с.
31. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 47. (598 л.) Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову.
32. ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 4. (431 л.). Рапорты шуленг и зайсанов о принятии христианства эвенками. Материалы об уплате ясака. Ведомости родившихся и умерших. Список шуленг и зайсанов. 1786 год.
33. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 48. (692 л.). Нерчинское горное правление. Книга записи смотрителей экономических магазинов и расходов хлеба. Сведения о количестве хлеба и скота по Урульгинскому ведомству. Списки жителей Урульгинской степной думы.
34. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 4. Д. 47. (598 л.). Указы императора. Ведомости о сборе ясака и недоимок, прошения тунгусов по различным вопросам тунгусскому начальнику князю Гантимурову.
35. ГАЗК. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. (11 л.) Сведения о выборе сугланного места, материалы по земельным спорам между русскими и эвенками. 1752–1779 гг.

36. ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 180. (2 л.). Предписание Военного губернатора Забайкальской области о выселении инородцев в предназначенные для них места. 1881 год.
37. ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 224. (19 л.). Документ о решении спорных земельных вопросов между казаками и инородцами деревни Бургенской и улуса Сахалтуевского. Жалобы жителей (взаимно) Дылюнской и Кокуйского друг на друга о выкашивании падей.

Raisa G. Zhamsaranova, Zabaykalsky State University (Chita, Russian Federation). E-mail: rebeca_zab@mail.ru

TRIBAL COMPLEMENT OF TUNGUS OF URUL'GA STEPPE DUMA

Keywords: Urul'ga Steppe Duma, the Tungus of Gantimur, "wandering Tungus", "nomadic and settled Tungus", the number of Tungus tribes.

The article is devoted to the interpretation of some issues. It's well-known that to the census of 1926 almost all Tungus population of the Nerchinsk Uezd suddenly "disappeared". The history of the Urul'ga Steppe Duma as an administrative board is not properly described in Russian and foreign science. It turned out to investigate this disappeared population through the interpretation and description of these archival documents of State Archive of Transbaikal Krai. Scientific introduction of the archival documents revealed fully unexplored for science the following questions. Firstly, to determine the preliminary ethnic and linguistic origin of the Nerchinsk Tungus in past. Secondly, to describe the facts on the history of Urul'ga Steppe Duma as the board of administration by the Tungus population of the Nerchinsk Uezd. Thirdly, to determine the tribal complement of Tungus of Urul'ga Steppe Duma.

The article is written on the basis of the analysis of the essence of 15 archival documents of the State Archive of Transbaikal Krai, funds № 1о, 29, 31, 55, 239, 284, 300, the documents of which describe different aspects of every-day life and of simple commodity economy of Tungus of Gantimur. Some documents dated by 1689-1725, 1786 years. Special attention is devoted to those where the tribal names of Tungus of the Urul'ga Steppe Duma are presented. The full number of the quoted sources apart from the archive sources is of 19 subjects, including works by Alexeyev M.P., Vasilevich G.M., Georgi I.G., Dolgykh B.O., Patkanov S.K., Tugolukov V.A., devoted to the description of number and generic complement of Tungus of Siberia and partly of the Nerchinsk Uezd.

The first part of the article compiles the historical issues, which can prove the ethnic and genetic connection of Tungus people of Nerchinsk with the Mongol-speaking Dauren. They are connected by "Manzhu letter", shaman and penetrated "lamaizm" as appointed believings. The second part describes the history of Urul'ga Steppe Duma with the detailed analysis of the archival documents. The third part is devoted to the attempt to establish the approximate number of Tungus tribes and their ethnic and linguistic origin. It turned out that all Tungus population of Urul'ga leaded by kn'yaz' Gantimur is of different origin as well in ethnic and linguistic relation, because they were divided into "wandering Tungus". These Tungus were, in our opinion, those the few tribes of the Evenks, who wander with their 30 deer's and were registered by accident to Urul'ga. The greater part of the tribes was "settled" ones, who like Dauren were grain farmers, cattle-breeders and hunters. "Nomadic" Tungus distinguished themselves by instability of location, having the habit of free motion to go to near-by Man'chzhu and Mongolia. "Riding" Tungus of Tukchinskiy, Uzonovskiy and Gunovskiy tribes were connected with khamnigan.

The analysis of the documents dealing with description of the tribes of different years and censuses in Russia, gives the approximate number of taxpayer Tungus of Nerchinsk. It was important to establish the number of these Tungus tribes, because of their decrease. At last, to the first part of the 20th century they disappear with the Urul'ga Steppe duma. The number of their tribes decreased from 43 to 34, then to 25, constantly disappearing from censuses of the last years of the 20th century.

REFERENCES

1. Uvarova, T.B. (2006) *Nerchinskie evenki v XVIII–XX vekakh* [Nerchinsk Evenks in the 18th – 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: INION RAS.
2. Zhamsaranova, R.G. & Shulunova, L.V. (2003) *Toponimiya Vostochnogo Zabaykal'ya* [Toponymy of Eastern Transbaikalia]. Chita: Transbaikal State Pedagogical University.
3. Tugolukov, V.A. (1985) *Tungusy (evenki i eveny) Sredney i Zapadnoy Sibiri* [Tunguses (Evenks and Evens) of Central and Western Siberia]. Moscow: Nauka.
4. Alekseev, M.P. (1932) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley XIII–XVII vv.* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of the 13th – 17th centuries]. Vol. 1. Irkutsk: KrayGIZ.
5. Balabanov, V.F. (2003) *Istoriya zemli Daurskoy* [History of the Daurian Land]. Chita: Effekt.
6. Magidovich, V.I. & Magidovich, I.P. (2003) *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy. Epokha velikikh otkrytiy* [Essays on the history of geographical discoveries. The era of great discoveries]. Kursk: Tsentrpoligraf.
7. Tsybenov, B.D. (2012) *Istoriya i kul'tura daurov Kitaya: istoriko-etnograficheskie ocherki* [History and culture of the Daurians of China: historical and ethnographic essays]. Ulan-Ude: East Siberian State University of Technology and Management.
8. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 48. *Delo o zemel'nykh sporakh mezhdu evenkami i russkimi krest'yanami. Materialy o perechislenii evenkov v krest'yan. Imennoy spisok dvoryan Gantimurovykh. Materialy o rozyske rodivshikhsya i umershikh. Materialy o rozyske bezhavshikh katorzhan, ssyl'noposelentsev, veshchey. 1850–1852 gody* [The case of land disputes between Evenks and Russian peasants. Materials about the transfer of Evenks to peasants. Name list of noblemen Gantimurovs. Materials about the search for those born and the dead. Materials about the search for escaped convicts, exiled settlers, things. 1850–1852].
9. Russia. (1913) *Svod zakonov Rossiyskoy imperii, dopolnennyy po prilozheniyam 1906, 1908, 1909 i 1910 gg. i pozdneyshim uzakoneniyam 1911 i 1912 gg.* [The Code of Laws of the Russian Empire, supplemented by applications of 1906, 1908, 1909 and 1910. and the later legalizations of 1911 and 1912]. Vol. 1 (1–4). St. Petersburg: [s.n.].
10. Vasilevich, G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX vv.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
11. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII veke* [The clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: USSR AS.
12. Tugolukov, V.A. (1975) Konnye tungusy (etnicheskaya istoriya i etnogenez) [Horse Tungus (ethnic history and ethnogenesis)]. In: Gurvich, I.S. (ed.) *Etnogenez i etnicheskaya istoriya narodov Severa* [Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North]. Moscow: Nauka. pp. 78–110.
13. Tsydendambaev, Ts.B. (1972) *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvisticheskoe issledovanie)* [Buryat historical chronicles and genealogies (historical and linguistic research)]. Ulan-Ude: SB RAS.
14. Damdinov, D.G. (2002) Yazykovaya prinadlezhnost' khamnigan [Language affiliation of the Khamnigans]. *Zabaykal'e*. 4. pp. 44–45.
15. Zhamsaranova, R.G. (2009) Ethnolinguistic attribute of genonymum Trans-Baikal Khamnigan. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(53). pp. 155–161.
16. Zhamsaranova, R.G. (2018) Onyms Khamnigan and Samoyed as alloethnonym and ethnonyms. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 3(21). pp. 87–96. (In Russian). DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-87-96

17. Geniatulin, R.F. (ed.) (2000) *Entsiklopediya Zabaykal'ya. Chitinskaya oblast'* [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region]. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka.
18. Zhalsanova, B.Ts. & Kuras, L.V. (2012) *Istoriya Barguzinskoy stepnoy dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1903 gg.)* [History of the Barguzin Steppe Duma in the documents of the State Archives of the Republic of Buryatia (1824–1903)]. Irkutsk: Ottisk.
19. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55.
20. Litvintsev, A. (2013) Sel'skie khroniki. Urul'ga [Rural chronicles. Urulga]. *Zemlya*. 49. p. 18.
21. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 1. List 1/5. File 17513. *Obshcherasporyaditel'nyy otdel. Perepis' inorodtsev Nerchinskogo uezda. Revizskie skazki tungusov Nerchinskogo uezda Irkutskoy gubernii. 1816 god* [General administrative department. Census of foreigners of the Nerchinsk district. Revision tales of the Tungus of the Nerchinsky district of the Irkutsk province. 1816].
22. Patkanov, S. (2011) *O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymiranii pervobytnykh plemen* [About the growth of the alien population of Siberia. Statistical materials to cover the issue of the extinction of primitive tribes]. Book on demand.
23. Yankov, A.G. (1999) Evenki Urul'ginskoy stepnoy dumy [Evenks of the Urulginsky Steppe Duma]. *Molodaya arkheologiya i etnologiya Sibiri* [Young archeology and ethnology of Siberia]. Proc. of the XXXIX RAESK. Chita: Trans-Baikalian State Pedagogical University. pp. 99–100.
24. Georgi, I.G. (2007) *Opisanie vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostoprimechatel'nostey* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, fun, religions and other attractions]. 2nd ed. St. Petersburg: Russkaya simfoniya.
25. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 4. *Kuzhertaevskaya. Nalogovye dokumenty. Svedeniya o rodivshikhsya i umershikh. Materialy ob izbranii zasedateley v Dumu. Vedomosti ob ospoprivivanii, sostoyanii khlebozapasnykh magazinov, vzyskanie dolgov. Materialy po ugolovnym prestupleniyam* [Kuzhertaevskaya. Tax documents. Information about the born and the dead. Materials on the election of assessors to the Duma. Vaccination records, condition of bakery stores, debt collection. Materials on criminal offenses].
26. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 3. File 9. *Urul'ginskaya Stepnaya duma. Perechnevaya vedomost' o kolichestve zemel', zhiteley, sbore povinnostey, promyslov. Kniga vkhodyashchikh i iskhodyashchikh bumag. Spiski inorodtsev. 1828–1831 gg.* [Urulginskaya Steppe Duma. A checklist of the number of lands, inhabitants, collection of duties, crafts. Book of incoming and outgoing papers. Lists of non-Russians. 1828–1831].
27. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 55. List 2. File 56. *Perepis' 9-ya narodnaya. Dokumenty o prinyatii evenkami khristianstva. Spiski dereven' po inorodnym upravam s kolichestvom zhiteley, skota, desyatin zemli i drugie svedeniya dlya voenno-statisticheskogo opisaniya Nerchinskogo okruga; vedomstva o chisle zhiteley v seleniyakh Urul'ginskogo vedomstva po 9 narodnoy perepisi, materialy o prinyatii khristianstva evenkami* [The 9th national census. Documents on the adoption of Christianity by the Evenks. Lists of villages by foreign governments with the number of inhabitants, livestock, tithes of land and other information for the military-statistical description of the Nerchinsk district; departments on the number of inhabitants in the villages of the Urulginsky department according to the 9th national census, materials on the adoption of Christianity by the Evenks].
28. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 284. List 1. File 37. *O prichislenii i isklyuchenii po rasporyazheniyu nachal'stva inorodtsev po Aginskomu vedomstvu v techenie 1886 goda* [About reckoning and exclusion by order of the heads of foreigners in the Aginsk department during 1886].
29. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 239. List 1. File 27. *Materialy po izucheniyu naseleniya Zabaykal'ya posle Nerchinskogo dogovora. 1689–1725 gody* [Materials for the study of the population of Transbaikalia after the Treaty of Nerchinsk. 1689–1725].
30. Konstantinov, A.V. (2002) *Istoriya Zabaykal'ya (s drevneyshikh vremen do 1917 goda)* [The history of Transbaikalia (from ancient times to 1917)]. Chita: Trans-Baikalian State Pedagogical University.
31. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 47. *Ukazy imperatora. Vedomosti o sbore yasaka i nedoimok, prosheniya tungusov po razlichnym voprosam tungusskomu nachal'niku knyazyu Gantimurovu* [Decrees of the emperor. Reports on the collection of yasak and arrears, petitions of the Tungus on various issues to the Tungus chief, Prince Gantimurov].
32. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 300. List 1. File 4. *Raporty shuleng i zaysanov o prinyatii khristianstva evenkami. Materialy ob uplate yasaka. Vedomosti rodivshikhsya i umershikh. Spisok shuleng i zaysanov. 1786 god* [Shuleng and Zaisan reports about the adoption of Christianity by the Evenks. Materials about the payment of yasak. Sheets of births and deaths. List of Shulengs and Zaisans. 1786].
33. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 48. *Nerchinskoe gornoe pravlenie. Kniga zapisi smotriteley ekonomicheskikh magazinov i raskhodov khleba. Svedeniya o kolichestve khleba i skota po Urul'ginskomu vedomstvu. Spiski zhiteley Urul'ginskoy stepnoy dumy* [Nerchinsk mining board. Book of records of caretakers of economic stores and bread expenses. Information about the amount of grain and livestock in the Uralga department. Lists of the inhabitants of the Urulginskaya steppe duma].
34. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 31. List 4. File 47. *Ukazy imperatora. Vedomosti o sbore yasaka i nedoimok, prosheniya tungusov po razlichnym voprosam tungusskomu nachal'niku knyazyu Gantimurovu* [Emperor's decrees. Reports on the collection of yasak and arrears, petitions of the Tungus on various issues to the Tungus chief, Prince Gantimurov].
35. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 300. List 1. File 1. *Svedeniya o vybore suglannogo mesta, materialy po zemel'nym sporam mezhdu russkimi i evenkami. 1752–1779 gg.* [Information about the choice of a suglan place, materials on land disputes between Russians and Evenks. 1752–1779].
36. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 29. List 1. File 180. *Predpisanie Voennogo gubernatora Zabaykal'skoy oblasti o vyselenii inorodtsev v prednaznachennye dlya nikh mesta. 1881 god* [Instruction of the Military Governor of the Trans-Baikal Region on the eviction of foreigners to the places designated for them. 1881].
37. The State Archives of the Trans-Baikal Territory (GAZK). Fund 29. List 1. File 224. *Dokument o reshenii spornykh zemel'nykh voprosov mezhdu kazakami i inorodtsami derevni Burgenskoy i ulusa Sakhaltuevskogo. Zhaloby zhiteley (vzaimno) Dylyunskoy i Kokuyskogo drug na druga o vykashivanii padey* [A document on the solution of controversial land issues between the Cossacks and foreigners of the village of Burgenskaya and the Sakhaltuevsky ulus. Complaints of residents (mutual) of Dylyunskaya and Kokuisky to each other about mowing paddy].

УДК 39(092)“1885/1903”
DOI: 10.17323/19988613/73/21

А.Е. Загребин, Р.В. Зворыгин

СТЕФАН КИРОВИЧ КУЗНЕЦОВ – ЭТНОГРАФ, АРХЕОЛОГ И БИБЛИОФИЛ: ТОМСКИЕ ГОДЫ

Пореформенные годы в России стали временем поколения, в котором внутренняя свобода соединилась с чувством ответственности и желанием деятельности на общее благо. С.К. Кузнецов был одним их ярких представителей генерации исследователей финно-угорских народов России, работавших на рубеже XIX–XX вв. Восемнадцать лет являясь библиотекарем Томского университета, он изучал духовную и материальную культуру марийского и удмуртского населения Камско-Вятского региона, руководствуясь здравым смыслом и гуманистическими принципами.

Ключевые слова: этнография, археология, С.К. Кузнецов, Томск, финно-угорские народы.

Стефан (Степан) Кирович Кузнецов (1854–1913) родился в русской крестьянской семье Пахотной слободы близ уездного г. Малмыжа Вятской губернии, где звуки иной – марийской, татарской и удмуртской – речи, крой и краски одежды соседей не казались чем-то необыкновенным и в то же время будили пытливый ум[1]. Умение слушать и запоминать услышанное пригодится подающему надежды юноше в Казани, куда он приедет в 1870 г., поступив на «казенный кошт» в третий класс I Казанской гимназии [2. С. 102]. Три года спустя С.К. Кузнецов стал студентом Императорского Казанского университета [3. С. 6]. Чем объясним выбор, сделанный им в пользу углубленного изучения классических языков, однозначно сказать сложно. Известно только, что, нуждаясь в средствах, он зарабатывал уроками древнегреческого языка [4. С. 257]. В 1877 г., окончив историко-филологический факультет в числе лучших, Кузнецов был оставлен при кафедре римской словесности для приготовления к профессорскому званию.

Однако в душе молодого человека уже зрел конфликт. Годом ранее его избрали в члены-сотрудники Отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) [5. С. 101–102]. На летних каникулах он пробует себя в качестве археолога, раскапывая могильник у с. Черемисский Малмыж [6]. Еще больше кандидата филологии растревожил IV археологический съезд, проходивший в начале августа 1877 г. в Казани. В 1879 г. С.К. Кузнецов принимает на себя обязанности хранителя университетского Музея этнографии, древностей и изящных искусств [7. С. 323]. В следующем году он проходит процедуры, необходимые для получения звания приват-доцента и вступает в Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете (ОАИЭ) [8. С. 12]. В новом статусе он совершает этнографические «экскурсии» в инородческие селения края, общаясь с языческими жрецами, муллами и православными миссионерами [9. С. 63]. Каждое лето он работает на памятниках археологии, местонахождение которых часто подсказывается народными преданиями [10]. Обладатель хорошего слога и навыка живого письма, Кузнецов продолжает начатые им в гимназические годы опыты этнографической журналистики [11–13]. На собраниях ОАИЭ он заявляет о себе как о самостоятельном и, что важно, критически мыслящем исследователе.

В 1883 г. коллеги избирают С.К. Кузнецова секретарем ОАИЭ, рассчитывая на его аккуратность и организаторские таланты [14. С. 137]. Расширяется круг его общения, так как Казань традиционно была «окном на Восток» для ориенталистов и финно-угроведов. В эти годы зримо проявляется его интерес к разработке темы дохристианских культов и связанных с ними форм социальной организации марийцев и удмуртов [15. С. 62–63]. Казалось, все у него складывалось в позитивном ключе, хотя было что-то, не позволявшее Кузнецову быть до конца уверенным в безошибочности избранного пути.

В августе 1885 г. С.К. Кузнецов переезжает в Томск, куда его, по всей видимости, пригласил В.М. Флоринский – профессор Казанского университета и попечитель Западно-Сибирского учебного округа [16. С. 140]. Ему нужны были доверенные люди, которым можно было поручить ту или иную институцию в создаваемом университете[2]. Таковым он, очевидно, посчитал секретаря ОАИЭ, чьи энергичные действия мог наблюдать как член Совета Общества, поручив коллеге создание университетской библиотеки.

По мысли попечителя, библиотека должна была стать сердцем всего университета, куда стекались бы передовые научные идеи, заключенные в книжный переплет, и откуда растекалось по умам знание, рождающее открытия и усовершенствования [18. С. 122]. Но обнаружились серьезные расхождения в подходах к библиотечному делу самих главных интересантов, усугубленные разницей в темпераментах[3]. Кузнецов писал: «…и тут же понял, что В.М. [Флоринский] любит скоро, как скоро – другой вопрос, с одним условием, чтобы по его было» [14. С. 138]. Споры и недовольство друг другом, однако, не помешали им организовать образцовый порядок в книгохранилище, каталогизируя и систематизируя собрание, только к моменту открытия насчитывавшее около ста тысяч томов [19. С. 76]. Вопрос тем не менее остается открытым: что

подвигло Кузнецова закапсулироваться в библиотеке, только ли любовь к книгам и / или желание обрести некую стабильность?

Впрочем, его деятельная натура недолго пребывала в самоизоляции[4]. Пространная статья С.К. Кузнецова, посвященная текущему состоянию марийской языческой веры, была отмечена серебряной медалью ИРГО [21; 22. С. 181]. Помня о навыках проведения раскопок и опираясь на контакты в археологических кругах, он пробует себя в «сибирском поле» [23. С. 38–39, 55, 57–59]. По поручению Совета университета летом 1889 г. Кузнецов обследует археологическое наследие окрестностей Томска. Убеждаясь в его богатстве и перспективах изучения, он негодует по поводу низкого качества ранее выполненных работ на открытом в 1887 г. Томском могильнике[5]. Продолжением стала неприятная история с третейским судом с археологом А.В. Адриановым в оспаривании первенства открытия и права на проведение натурных изысканий [25]. В сложившейся нервозной обстановке ухудшается состояние здоровья Кузнецова, слабеет зрение, мучает ревматизм. Несмотря на недуги, он ведет археологические поиски на широком горизонте, вплоть до Южной Сибири, заботясь в том числе о сохранении культурного наследия от расхитителей и недобросовестных исследователей [26, 27]. Выступая в томской печати как специалист по ранним периодам истории края, он не избегал острых полемических тем, придерживаясь редакционной политики «Сибирского вестника» [28. С. 95]. Остается неясным, почему состоявшийся этнограф, оказавшись в таком этнически благодатном месте, как Западная Сибирь, не занялся изучением народов региона?

Хотя кое-что из сибирской этнографии С.К. Кузнецова интриговало, например сюжет, связанный с погребальными масками, затем развитый им в специальной статье [29]. Небольшая заметка о сибирском русском фольклоре указывает на полиморфный характер его тогдашних интересов [30]. Тем не менее авторитет Кузнецова как знатока финно-угорской этнографии был по-прежнему высок. Неудивительно, что он был первым, к кому обратился приехавший в Томск летом 1898 г. в свою первую обско-угорскую экспедицию финский этнограф У.Т. Сирелиус, в будущем первый профессор финно-угорской этнографии Хельсинкского университета[6]. Он всегда выражал благодарность Кузнецову за помощь в знакомстве с обширнейшей этнографической литературой по интересующему предмету [32. S. 57]. В том же 1898 г. состоялась встреча Кузнецова с возвращавшимся из поездки к хантам и манси венгерским этнографом Я. Янко. Общение завершилось «удачной сделкой», в результате фонд Венгерского этнографического музея пополнился коллекцией из 34 марийских вещей и авторским описанием входящих в нее предметов [33].

Оставаясь благодарным ОАИЭ, Кузнецов передал его музею коллекцию из 27 хантыйских предметов с р. Вах, состоящую из модели чума, летней юрты, нарт, стрел, охотничьего снаряжения, элементов костюма, бытовой утвари и предметов культа. Также музею была передана небольшая коллекция из 6 вещей, приобретенных у хантов Березовского округа «одним купцом» и подаренных С.К. Кузнецову [34. С. 102].

Несколькими годами ранее его авторитет как финно-угроведа прошел жесткую проверку во время так называемого Мултанского судебного процесса, ставшего для отечественной этнографии одним из испытаний на научную зрелость. Драма, разыгравшаяся, точнее разыгранная, в 1892–1896 гг. в трех заседаниях суда в уездных городах Малмыже, Елабуге и Мамадыше, получила резонанс по всей России, писали о ней и за рубежом [35]. Шокирующая новость о том, что удмурты с. Старый Мултан Малмыжского уезда принесли в жертву языческим богам нищего К. Матюнина (русского) была тиражирована в прессе и обросла слухами, создав негативный фон еще до завершения следственных действий [36]. Важным было то, что в судебных разбирательствах весомая роль отводилась этнографическим экспертизам.

Экспертом стороны обвинения был определен профессор Казанского университета И.Н. Смирнов, автор ряда работ по этнографии восточно-финских народов [37, 38]. Ему неофициально оппонировал московский этнограф П.М. Богаевский, безусловно, честный ученый, но недостаточно знающий край и особенности взаимоотношений его жителей [39]. Многие понимали, что самым сведущим исследователем дохристианского культа удмуртов был С.К. Кузнецов. Он и сам стремился в родные места, но сдерживала однозначно обвинительная позиция попечителя учебного округа[7]. Выступая в печати и в научных обществах, Кузнецов говорил о безосновательности обвинений, выдвинутых против удмуртов (к тому же православных), о надуманности аргументации эксперта Смирнова [40, 41]. Он готовился прибыть по приглашению защиты на третье заседание суда, которое должно было состояться 28 мая 1896 г. в г. Мамадыше.

Суд отказал С.К. Кузнецову в допуске к экспертному свидетельствованию, что, наверняка, больно затронуло его профессиональное самолюбие, заставляя не раз обращаться к «мултанской теме» [42. С. 102–103]. Вот что писал ему общественный защитник удмуртов писатель В.Г. Короленко: «Многоуважаемый Степан Кирович. Вам, вероятно, уже известно из газет, что в просьбе защиты о вызове экспертов и свидетелей по мултанскому делу – вновь отказано. Это, разумеется, равносильно отказу в правосудии для бедных вотяков; еще неизвестно, чем это кончится, но все-таки делаем усилия, чтобы и при самых неблагоприятных условиях доказать невинность этих жертв полицейского усердия и псевдоученого профессорского честолюбия. Не будете ли добры дать защите несколько добрых советов по этнографической части. Что было бы важно прочитать и на что обратить особенное внимание? Я уже кое-что собрал, но, будучи уверен в Вашем участии, я не так заботился обо всем этом, как это необходимо теперь… Я глубоко убежден, что нам удастся спасти не только вотяков, но и суд от этой позорной травли заведомо для всякого образованного человека невинных людей» [43. С. 107]. По итогам восьмидневного заседания присяжные вынесли оправдательный приговор.

В причинах случившегося Кузнецов видел давнее печальное состояние миссионерского дела, кроме того, оставшегося без опеки директора Казанской учительской (инородческой) семинарии Н.И. Ильминского, и сугубо формальное, порой корыстное отношение чиновничества к нерусским народам края.

Выслужив в 1903 г. положенный срок и выйдя в отставку статским советником, С.К. Кузнецов передал в надежные руки университетскую библиотеку и переехал в Москву. Сохраняя теплое чувство к Томску и Сибири в целом, он ведет кружок сибирской библиографии при Русском Библиографическом Обществе Московского университета, где со студентами-сибиряками собирает историографический свод данных об истории края [4. С. 258]. За время, проведенное в археолого-этнографическом поле и библиотеке, им было накоплено много интересного материала, пришло время преподавать и публиковать.

В московский период жизни С.К. Кузнецов сблизился с этнографами, входившими в Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ). Неслучайно бóльшая часть его работ того периода выходила в журнале Этнографического отдела ИОЛЕАЭ «Этнографическое обозрение» [44–48]. В 1907 г. он вошел в число учредителей Московского археологического института, определяя образовательные стратегии будущих археологов и археографов. Курс, прочитанный в 1907/1908 учебном году, Кузнецов посвятил финноязычному населению северо-восточной Руси [49]. Чувствуя перспективы начатого, он шел дальше на восток, к мордве [50]. Возможно, в его планах был еще более широкий исследовательский горизонт, но продолжало подводить здоровье.

В 1912 г. ощущая, что силы его слабеют, С.К. Кузнецов покидает Москву. Он стремился в Малмыж, чьи пределы никогда не покидал надолго[8]. В родной город он перевез немалую часть своей библиотеки и этнографических собраний, надеясь, что накопленные «богатства» пригодятся землякам. Пройдет пять лет с его смерти, закончится одна война и начнется новая, и в Малмыже возникнет Историческое Общество[9]. Книги и мысли профессора Кузнецова еще долго будут служить его ученикам и продолжателям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] С.К. Кузнецов писал: «Еще в детстве, болтая у дедушки на пчельнике со сторожем Павлом (черемисином завятской стороны), я понемногу выспрашивал его о всякой всячине и учился у него по-черемисски» (т.е. марийскому языку). В своих воспоминаниях Кузнецов также упоминает волостного заседателя Филиппа Трифонова (природного вотяка. – *А.З., Р.З.*), учившего его в детстве удмуртскому языку [1. С. 29, 31].

[2] Профессор В.М. Флоринский (1834–1899) был известным врачом и высокопоставленным чиновником Министерства народного просвещения, а также археологом-любителем, придерживавшимся идеи существования «большого славянского мира» в древности. Еще в первые годы существования ОАИЭ он выступил с проектом создания в Казани публичного историко-этнографического музея [17].

[3] Описывая взаимоотношения с попечителем учебного округа, С.К. Кузнецов признавался: «Моя стрелецкая кровь частенько бурлит от таких фантазий… Душевно сознаю, что, может быть, не всегда умел соблюсти правила субординации: может, сгрубил иногда» [14. С. 139].

[4] Не имея возможности выехать из Томска на Общее собрание ИРГО, на котором должен был прозвучать его доклад, С.К. Кузнецов мог надеяться только на товарищей и не ошибался: «…Ф.М. Истомин, секретарь Отделения Этнографии, прочел выдержки из составленного членом сотрудником С.К. Кузнецовым описания остатков язычества черемис» [20. С. 555].

[5] С.К. Кузнецов писал: «Посетив заброшенные с 1887 г. раскопки г. Адрианова на правом мысу в первых числах июня прошлого года совместно с доцентом Гельсингфорского университета, д-ром филос. А.О. Гейкелем, мы невольно обратили внимание на это обстоятельство. Когда же мы принялись рассматривать и слегка разрывать руками отвал земли, вынутой г. Адриановым из центра малого кургана, то нашли бронзовую бусу, точильный брусок из песчаника и обломок кольцеобразного предмета из неизвестного твердого сплава (но не бронзы)…» [24. С. 58].

[6] У.Т. Сирелиус вспоминал, что по приезде в Томск он побывал в доме С.К. Кузнецова, и они весь вечер, почти до утра, проговорили о проблемах антропологии [31. S. 59].

[7] С.К. Кузнецов сожалел: «При участии некоторых лиц собрал я постепенно всю газетную и журнальную литературу о мултанском жертвоприношении, но по разным причинам не успел написать и опубликовать своей статьи ранее вторичного разбирательства. С моей стороны это было тяжкое этнографическое преступление, но совершено оно было в силу отдаленности моей службы от театра действий и еще – главным образом – потому, что тогдашний попечитель учебного округа Флоринский, сам семинарист… был за обвинение несчастных вотяков… Не мудрено, что я вынужден был молчать, хотя и мог сказать больше других» [1. С. 34–35].

[8] «Еще с 1873 года началось изучение древностей Малмыжского уезда и в течение 40 лет малмыжский уроженец, профессор Московского археологического института Степан Кирович Кузнецов собирал сведения о прошлом нашего родного края. Каждый год, приезжая летом в Малмыж, Степан Кирович совершал… поездки по уезду, собирал коллекции древностей и национальных костюмов, записывал предания и изучал язык, обычаи и верования местных вотяков и черемис. Население привыкло к тому, что есть человек, который интересуется стариной, собирает древности и предания. О старине начинали говорить, невольно припоминали забытые легенды и во многих, может быть, вспыхивал интерес к прошедшим векам, ярким светом разгоралась искра, тлевшая прежде в глубине души» [51].

[9] «Нам остается пожалеть, что Степану Кировичу не пришлось дожить до основания Исторического Общества и что мысль об открытии в Малмыже этого Общества возникла как раз в то время, когда он уже умирал. Впервые слова о том, что малмыжане должны изучать свою историю, в которой есть много интересного и поучительного, эти слова открыто раздались лишь над раскрытой могилой покойного профессора, во время его похорон 14 августа 1913 года. Но дело покойного Степана Кировича не умерло вместе с ним» [52. С. 2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов С.К. Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 68-69, № 1-2. С. 29–51.
2. Забудский О. Некоторые данные к биографии археолога Ст. Кир. Кузнецова // Труды Малмыжского музея местного края. 1925. Июль–сентябрь. Вып. 9. С. 101–103 / Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 7685. Рукопись.
3. Семибратов В.К. О жизни и творчестве С.К. Кузнецова // С.К. Кузнецов. Святыни. Культ предков. Древняя история. Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во, 2009. С. 5–15.
4. Иваск У.Г. Некролог С.К. Кузнецова // Библиографические известия. 1913. № 3. С. 257–258.
5. Журнал заседания Отделения этнографии – 22 апреля 1877 г. // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1877. Т. 13. С. 101–103.
6. Кузнецов С.К. Атамановы кости: Могильник бронзовой эпохи близ села Черемисского Малмыжа и деревни Ахпая, в Малмыжском уезде Вятской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 394–410.

7. Богданов В.В. С.К. Кузнецов // Этнографическое обозрение. 1913. Кн. 96-97, № 1-2. С. 323–324.
8. Протокол XVI заседания Совета, 1 апреля 1880 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1885. Т. 4. С. 11–12.
9. Протокол XIX Общего Собрания, 28 апреля 1881 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1885. Т. 4. С. 59–63.
10. Кузнецов С.К. Предварительное сообщение о результатах раскопок над Ройским истоком на границе Уржумского и Малмыжского уездов Вятской губернии, произведенных летом 1881 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1884. Т. 3. С. 326–329.
11. Кузнецов С.К. Черемисские мольбища, жреческая иерархия и жертвенные пиры // Вятские губернские ведомости. 1882. № 84.
12. Кузнецов С.К. Поминки у черемис // Вятские губернские ведомости. 1884. № 12.
13. Кузнецов С.К. Загробные верования черемис // Казанские губернские ведомости. 1884. № 24.
14. Смирнов А.С. Стефан Кирович Кузнецов – член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2017. Т. 37, № 4. С. 134–155.
15. Попов Н. Вклад С.К. Кузнецова в изучение традиций марийцев и удмуртов // Финно-угроведение. 2005. № 1. С. 58–78.
16. Сеченова А.А. Василий Маркович Флоринский – первый попечитель Западно-Сибирского учебного округа // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 12. С. 139–141.
17. Проект Публичного историко-этнографического музея, составлен проф. В.М. Флоринским // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1878. Т. 1. С. 126–140.
18. Коршунова (Толстова) А.А. Библиотека Императорского Томского университета в дореволюционный период // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 4. С. 121–126.
19. Есипова В.А. Кузнецов Степан (Стефан) Кирович // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области / ред. Э.И. Черняк. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 76–78.
20. Журнал Общего собрания Императорского РГО – 2 октября 1885 года // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1885. Т. 21. С. 555.
21. Кузнецов С.К. Остатки язычества у черемис (с рис. г. Рейнгольма и введением Ф.М. Истомина) // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1885. Т. 21. С. 449–479.
22. Алфавитный список лиц, удостоенных наград Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1905–1907.
23. Матющенко В.И. 300 лет сибирской археологии. Омск : Омский гос. ун-т., 2001. Т. 1. 179 с.
24. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 года: с картою, планом и четыремя таблицами рисунков и чертежей. Томск : Типо-лит. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1890. 78 с.
25. Смирнов А.С. Третейский суд о Томском могильнике // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 96–103.
26. Кузнецов С.К. К вопросу об охране древностей от истребления // Сибирский вестник. 1894. № 114.
27. Кузнецов С.К. Ложная ученость. Томск : Тип. «Сибирского вестника», 1888. 16 с.
28. Жилякова Н.В. Книжные проекты редакций сибирских газет (на примере томской «Сибирской газеты» 1880-е гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 89–97.
29. Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1906. Т. 22. С. 75–118.
30. Кузнецов С.К. Из сибирской народной сатиры // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 67, № 4. С. 118–119.
31. Lehtonen J.U.E. U.T. Sirelius ja kansatiede. Helsinki : Suomen muinaismuistoyhdistys, 1972. 303 s.
32. Sirelius U.T. S.K. Kuznecov // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1913. Bd. 13, Heft 1-3, Anzeiger. S. 57–58.
33. Kerezsi Á. A Kuznecov-gyujtemény. A Néprajzi Múzeum legrégebi mari tárgyai // Néprajzi Értesitő. 2006. Vol. 87. Ol. 99–116.
34. Гущина Е.Г. Этнографическое собрание Императорского Казанского университета: история формирования и развития. Казань : КФУ, 2019. 252 с.
35. Луппов П.Н. Библиография по Мултанскому делу // Записки УдНИИ. 1936. Вып. 5. С. 120–134.
36. Логинова И.В. Отношение российской общественности и власти к мултанскому делу в конце XIX века : дис. … канд. ист. наук. Н. Новгород, 2002. 251 с.
37. Смирнов И.Н. Следы человеческих жертвоприношений в поэзии и религиозных обрядов приволжских финнов : публичная лекция, читанная 31 марта 1889 года в пользу Общества археологии, истории и этнографии. Казань : тип. Казан. бирж. листка, 1889. 22 с.
38. Смирнов И.Н. Вотяки : историко-этнографический очерк. Казань : тип. Императорского университета, 1890. 356 с.
39. Богаевский П.М. Мултанское моление вотяков в свете этнографических данных. М. : Изд. кн. магазина Гросман и Кнебель, 1896. 112 с.
40. Кузнецов С.К. Мнимое человеческое жертвоприношение // Казанский биржевой листок. 1895. № 204.
41. Кузнецов С.К. О мултанском деле // Сибирский вестник. 1895. № 173, 175, 176.
42. Кузнецов С.К. Успехи этнологии в деле изучения финнов Поволжья за последние тридцать лет // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 84-85, № 1-2. С. 102–103.
43. Короленко В.Г. Кузнецову С.К., 30 апреля 1896 г. // Короленко В.Г. Собр. соч. М. : Гослитиздат, 1956. Т. 10.
44. Кузнецов С.К. Культ умерших и загробные верования луговых черемис // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 60. С. 67–90; Кн. 61. С. 56–109.
45. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. Кн. 63. С. 24–49.
46. Кузнецов С.К. Поездка к древней черемисской святыне, известной со времен Олеария // Этнографическое Обозрение. 1905. Кн. 64, № 1. С. 129–157.
47. Кузнецов С.К. К вопросу о Биармии. Обзор исторических, археологических и этнографических данных // Этнографическое обозрение. 1905. Кн. 65-66. С. 1–95.
48. Кузнецов С.К. Черемисская секта Кугу Сорта // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. 79, № 4. С. 1–59.
49. Кузнецов С.К. Русская историческая география : курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907–1908 г. М. : Моск. археологический ин-т, 1910. Вып. 1 (меря, мещера, мурома, весь). 202 с.
50. Кузнецов С.К. Русская историческая география : курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1908–1909 г. М. : Моск. археологический ин-т, 1912. Вып. 2 (мордва). 73 с.
51. Предшественник Малмыжского Исторического Общества // Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 308.
52. Возникновение Малмыжского Исторического Общества // Малмыжский краеведческий музей. Ед. хр. 308.

Aleksei E. Zagrebin, Komi Science Centre UB RAS (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: zagreb72@izh.com
Roman V. Zvorygin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vatmana3@inbox.ru

STEFAN KIROVICH KUZNETSOV – ETHNOGRAPHER, ARCHAEOLOGIST AND BIBLIOPHILE: THE TOMSK YEARS

Keywords: ethnography, archeology, S.K. Kuznetsov, Tomsk, Finno-Ugric people.

In the history of Russian ethnographic science, as well as archeology and related disciplines, many historiographic gaps remain to this day. The reason for this can be called the priority attention of researchers to the scientists of the “first plan”, whose discoveries for

decades to come have outlined the main paths for the development of vast areas of knowledge. At the same time, the works of numerous workers of science of the "second plan" often remained in the shadows, despite the significant value of their searches for one or another area of scientific activity. Without trying to find out the motives and circumstances of why Stefan Kirovich Kuznetsov (1859–1913), recognized in the professional community, did not become one of the leaders of Russian ethnography or archeology, we will focus on studying one of the key episodes of his scientific biography related to his service as a senior librarian of the Imperial Tomsk University in 1885–1903.

Having arrived in Western Siberia as an already established scientist, the author of numerous publications on ethnography and archeology of the Finno-Ugric peoples of the Kama-Vyatka Territory, S.K. Kuznetsov nonetheless focused on his commitment to compiling the university library. Despite some contradictions with the initiator of the creation of the university, he managed to organize an exemplary order in the book depository, cataloging and organizing the collection, which by that time numbered about one hundred thousand volumes. Simultaneously with scrupulous work in the library, Stefan Kirovich conducted field research, continued to study the features of the traditional beliefs of the Finno-Ugric peoples, and actively published in leading scientific journals. During his Tomsk years, there are numerous contacts of S.K. Kuznetsov with the leading ethnographers of that time, as well as famous Western Finno-Ugric scholars – W.T. Sirelius and J. Yanko, who later recalled the meetings that had taken place and thanked him for his help in getting acquainted with the vast ethnographic literature and museum exhibits on the subject of interest. A special event in his life was his introduction to the notorious Multan trial, which became for him a kind of test for civic maturity and professional integrity.

During the Moscow period of his scientific path, Stefan Kirovich repeatedly fondly recalled the years he spent in Siberia, and continued to research the vast ethnographic material presented to him by a distant land.

REFERENCES

1. Kuznetsov, S.K. (1906) Iz vospominaniy etnografa [From the memoirs of an ethnographer]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 68–69(1–2). pp. 29–51.
2. Zabudskiy, O. (1925) Nekotorye dannye k biografii arkheologa St. Kir. Kuznetsova [Some data on the biography of the archaeologist S.K. Kuznetsov]. *Trudy Malmyzhskogo muzeya mestnogo kraya*. 9. pp. 101–103.
3. Semibratov, V.K. (2009) *Svyatyni. Kul't predkov. Drevnyaya istoriya* [Shrines. Ancestor cult. Ancient history]. Yoshkar-Ola: Mariysk. kn. izd-vo. pp. 5–15.
4. Ivask, U.G. (1913) Nekrolog S.K. Kuznetsova [Obituary of S.K. Kuznetsov]. *Bibliograficheskie izvestiya*. 3. pp. 257–258.
5. Imperial Russian Geographical Society. (1877) *Zhurnal zasedaniya Otdeleniya etnografii – 22 aprelya 1877 g.* [Journal of the meeting of the Department of Ethnography – April 22, 1877]. Vol. 13. pp. 101–103.
6. Kuznetsov, S.K. (1884) Atamanovy kosti: Mogil'nik bronzovoy epokhi bliz sela Cheremisskogo Malmyzha i derevni Akhpaya, v Malmyzhskom uezde Vyatskoy gubernii [Ataman bones: Bronze Age burial ground near the village of Cheremissky Malmyzh and the village of Akhpaya, in the Malmyzh district of Vyatka province]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 3. pp. 394–410.
7. Bogdanov, V.V. (1913) S.K. Kuznetsov [S.K. Kuznetsov]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 96–97(1–2). pp. 323–324
8. Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. (1885) Protokol XVI zasedaniya Soveta, 1 aprelya 1880 goda [Protocol of the 16th Council meeting, April 1, 1880]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete.* 4. pp. 11–12.
9. Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University. (1885) Protokol XIX Obshchego Sobraniya, 28 aprelya 1881 goda [Minutes of the 19th General Assembly, April 28, 1881]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete.* 4. pp. 59–63.
10. Kuznetsov, S.K. (1884) Predvaritel'noe soobshchenie o rezul'tatakh raskopok nad Royskim istokom na granitse Urzhumskogo i Malmyzhskogo uezdov Vyatskoy gubernii, proizvedennykh letom 1881 g. [A preliminary report on the results of excavations over the Roysky source on the border of the Urzhum and Malmyzh districts of the Vyatka province, carried out in the summer of 1881]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 3. pp. 326–329.
11. Kuznetsov, S.K. (1882) Cheremisskie mol'bishcha, zhrecheskaya ierarkhiya i zhertvennye piry [Cheremis prayers, priestly hierarchy and sacrificial feasts]. *Vyatskie gubernskie vedomosti*. 84.
12. Kuznetsov, S.K. (1884) Pominki u cheremis [Cheremis funeral feast]. *Vyatskie gubernskie vedomosti.* 12.
13. Kuznetsov, S.K. (1884) Zagrobnye verovaniya cheremis [Afterlife Beliefs in Cheremis]. *Kazanskie gubernskie vedomosti.* 24.
14. Smirnov, A.P. (2017) Stefan Kirovich Kuznetsov – chlen Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete [Stefan Kirovich Kuznetsov – member of the Association of Archeology, History and Ethnography at Kazan University]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete.* 4(37). pp. 134–155.
15. Popov, N. (2005) Vklad S.K. Kuznetsova v izuchenie traditsii mariytsev i udmurtov [S.K. Kuznetsov's contribution to the study of the traditions of the Mari and Udmurts]. *Finno-ugrovedenie*. 1. pp. 58–78.
16. Sechenova, A.A. (2009) Vasiliy Markovich Florinskiy – pervyy popechitel' Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga [Vasily Markovich Florinsky – First Trustee of the West Siberian School District]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 12. pp. 139–141.
17. Florinskiy, V.M. (1878) Proekt Publichnogo istoriko-etnograficheskogo muzeya [A project of publich historical and ethnographic museum]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 1. pp. 126–140.
18. Korshunova (Tolstova), A.A. (2012) The library of Imperial Tomsk State University in the pre-revolutionary period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i Iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 4. pp. 121–126. (In Russian).
19. Esipova, V.A. (2001) Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich [Kuznetsov Stepan (Stefan) Kirovich]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. Materialy k entsiklopedii Tomskoi oblasti* [Peoples and cultures of the Tomsk-Narym Ob. Materials for the encyclopedia of the Tomsk region]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 76–78.
20. Imperial Russian Geographical Society. (1885) Zhurnal Obshchego sobraniya Imperatorskogo RGO – 2 oktyabrya 1885 goda [Journal of the General Meeting of the Imperial Russian Geographical Society – October 2, 1885]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 21. p. 555.
21. Kuznetsov, S.K. (1885) Ostatki yazychestva u cheremis [The remnants of paganism in Cheremis]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 21(6). pp. 449–479.
22. Imperial Russian Geographical Society. (1905–1907) *Alfavitnyy spisok lits, udostoennykh nagrad Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Alphabetical List of Persons Awarded by the Imperial Russian Geographical Association]. St. Petersburg: [s.n.].
23. Matyushchenko, V.I. (2001) *300 let sibirskoy arkheologii* [300 years of Siberian archeology]. Vol. 1. Omsk: Omsk State University.
24. Kuznetsov, S.K. (1890) *Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh g. Tomska, proizvedennykh letom 1889 goda: s kartoyu, planom i chetyremya tablitsami risunkov i chertezhey* [Report on archaeological searches in the vicinity of Tomsk, made in the summer of 1889: with a map, plan and four tables of drawings and drawings]. Tomsk: V.V. Mikhaylov i P.I. Makushin.

25. Smirnov, A.P. (2013) Arbitration court on Tomsk burial ground. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 369. pp. 96–103. (In Russian).
26. Kuznetsov, S.K. (1894) K voprosu ob okhrane drevnostey ot istrebleniya [On protection of antiquities from extermination]. *Sibirskiy vestnik*. 114.
27. Kuznetsov, S.K. (1888) *Lozhnaya uchenost'* [False scholarship]. Tomsk: Tip. “Sibirskogo vestnika”.
28. Zhilyakova, N.V. (2012) Book projects of editorial offices of siberian newspapers (by Tomsk “Sibirskaya Gazeta”, 1880s). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1. pp. 89–97. (In Russian).
29. Kuznetsov, S.K. (1906) Pogrebal'nye maski, ikh upotreblenie i znachenie [Funeral masks, their use and significance]. *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. 22. pp. 75–118.
30. Kuznetsov, S.K. (1906) Iz sibirskoy narodnoy satiry [From Siberian folk satire]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 4. pp. 118–119.
31. Lehtonen, J.U.E. (1972) *U.T. Sirelius and ethnology*. Helsinki: Suomen muinaismuistoyhdistys.
32. Sirelius, U.T. (1913) S.K. Kuznetsov [S.K. Kuznetsov]. *Finnisch-Ugrische Forschungen.* 13(1-3). pp. 57–58.
33. Kerezsi, Á. (2006) A Kuznecov-gyujtemény. A Néprajzi Múzeum legrégebi mari tárgyai. *Néprajzi Értesitő.* 87. pp. 99–116.
34. Gushchina, E.G. (2019) *Etnograficheskoe sobranie Imperatorskogo Kazanskogo universiteta: istoriya formirovaniya i razvitiya* [Ethnographic collection of the Imperial Kazan University: the history of formation and development]. Kazan: Kazan Federal University.
35. Luppov, P.N. (1936) Bibliografiya po Multanskomu delu [Bibliography on the Multan case]. *Zapiski UdNII*. 5. pp. 120–134.
36. Loginova, I.V. (2002) *Otnoshenie rossiyskoy obshchestvennosti i vlasti k multanskomu delu v kontse XIX veka* [The attitude of the Russian public and authorities towards the Multan case in the late 19th century]. History Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
37. Smirnov, I.N. (1889) *Sledy chelovecheskikh zhertvoprinosheniy v poezii i religioznykh obryadov privolzhskikh finnov: publichnaya lektsiya, chitannaya 31 marta 1889 goda v pol'zu Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii* [Traces of human sacrifice in poetry and religious rites of the Volga Finns: Public lecture delivered on March 31, 1889, in favor of the Society of Archeology, History and Ethnography]. Kazan: tip. Kazan. birzh. listka.
38. Smirnov, I.N. (1890) *Votyaki. Istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Votyaki. Historical and ethnographic essay]. Kazan: Imperial University.
39. Bogaevsky, P.M. (1896) *Multanskoe molenie votyakov v svete etnograficheskikh dannykh* [Votak multan prayer in the light of ethnographic data]. Moscow: Grosman & Knebel.
40. Kuznetsov, S.K. (1895a) Mnimoe chelovecheskoe zhertvoprinoshenie [Imaginary human sacrifice]. *Kazanskiy birzhevoy listok*. 204.
41. Kuznetsov, S.K. (1895b) O multanskom dele [About the Multan case]. *Sibirskiy vestnik*. 173, 175, 176.
42. Kuznetsov, S.K. (1910) Uspekhi etnologii v dele izucheniya finnov Povolzh'ya za poslednie tridtsat' let [The successes of ethnology in the study of the Volga Finns over the past thirty years]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 84(1). pp. 102–103.
43. Korolenko, V.G. (1956) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Goslitizdat. Vol. 10.
44. Kuznetsov, S.K. (1904) Kul't umershikh i zagrobnye verovaniya lugovykh cheremis [The cult of the dead and the afterlife beliefs of meadow Cheremis]. *Etnograficheskoe obozreni.* 60. pp. 67–90.
45. Kuznetsov, S.K. (1904) Obshchinnye poryadki u votyakov Mamadyshskogo uezda Kazanskoy gubernii [Community orders at the Votyaks of the Mamadysh district of the Kazan province]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 63. pp. 24–49.
46. Kuznetsov, S.K. (1905) Poezdka k drevney cheremisskoy svyatyne, izvestnoy so vremen Olearіya [A trip to the ancient Cheremis shrine, known since the time of Olearius]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 64(1). pp. 129–157.
47. Kuznetsov, S.K. (1905) K voprosu o Biarmii. Obzor istoricheskikh, arkheologicheskikh i etnograficheskikh dannykh [On Biarmia. Overview of historical, archaeological and ethnographic data]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 65–66. p. 1–95.
48. Kuznetsov, S.K. (1908) Cheremisskaya sekta Kugu Sorta [Cheremis Sect Kugu Varieties]. *Etnograficheskoe obozreni*. 79(4). pp. 1–59.
49. Kuznetsov, S.K. (1910) *Russkaya istoricheskaya geografiya : kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arkheologicheskom institute v 1907–1908 g.* [Russian historical geography: a course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1907–1908]. Moscow: Moscow Archaeological Institute.
50. Kuznetsov, S.K. (1912) *Russkaya istoricheskaya geografiya : kurs lektsiy, chitannykh v Moskovskom arkheologicheskom institute v 1908–1909 g.* [Russian historical geography: a course of lectures delivered at the Moscow Archaeological Institute in 1908–1909]. Moscow: Moscow Archaeological Institute.
51. Malmyzh Historical Society. (n.d.) *Predshestvennik Malmyzhskogo Istoricheskogo Obshhestva* [The predecessor of the Malmyzh Historical Society]. Malmyzh Museum of Local Lore. Fund 308.
52. Malmyzh Historical Society. (n.d.) *Vozniknovenie Malmyzhskogo Istoricheskogo Obshhestva* [The foundation of the Malmyzh Historical Society]. Malmyzh Museum of Local Lore. Fund 308.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРАКТИКИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 364.01
DOI: 10.17323/19988613/73/22

М.В. Берсенев, М.П. Шульмин

ЭМПАТИЯ КАК ФАКТОР БЕЗБАРЬЕРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВУЗЕ

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

Анализируется связь между инклюзивной культурой и уровнем эмпатии в обществе на примере технического вуза. Проведено исследование, в котором выявлены отличия по уровню эмпатии среди студентов различных факультетов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Были сформулированы выводы по формированию эмпатии у студентов тех факультетов, которые показали ее низкий уровень, а также даны рекомендации по развитию инклюзивной культуры и безбарьерной коммуникации в вузе.
Ключевые слова: инклюзивная культура, эмпатия, вузовская среда, безбарьерная коммуникация.

В российских вузах происходят изменения, связанные с созданием безбарьерной инфраструктурной среды, предоставлением специальных условий обучения, в соответствии с Федеральным Законом «Об образовании в Российской Федерации» учреждаются службы сопровождения студентов с ограниченными возможностями здоровья, хотя их институционализация еще далека от своего завершения. Эти процессы требуют значительных материальных затрат и времени, но этого недостаточно для изменения имеющихся стереотипов об инвалидах, которые складывались веками. Необходимо формирование новой социальной модели, культуры общественных отношений и позиций.

В дискурсе по проблемам инклюзии в высшей школе центр внимания постепенно перемещается на вопросы формирования инклюзивной культуры. Подчеркивая, что «одним из особо значимых направлений является исследование инклюзивной культуры образовательной организации», Н.В. Старовойт определяет ее как неосознаваемые правила поведения, социальные нормы, ценности и их иерархию, невербальную коммуникацию» [1. С. 31]. С.А. Бурилкина и А.С. Каминский, ссылаясь на результаты исследований, утверждают, что пятая часть опрошенных студентов академических групп относятся к инклюзии негативно [2]. В статьях В.И. Зиновьевой рассматривается опыт сопровождения студентов с инвалидностью на примере технического вуза и утверждается, что примерно у половины студентов ТУСУРа сформированы представления на уровне социальной модели инвалидности [3, 4]. Если в западных странах доля инвалидов, обучающихся в высшей школе, составляет 5% от числа обучающихся, то в России она не достигает и 1% [5. С. 13–14].

Отечественные авторы в последнее время также обращают внимание на социально-экологический подход. Так, Я.Н. Яницкий утверждает, что общество – это сложно организованный, эволюционирующий и саморазвивающийся конструкт, поэтому учет взаимодействия между его частями является необходимым в рамках целенаправленного преобразования [6].

Современное вузовское пространство с точки зрения экологической концепции рассматривается как экосоциальное, которое учитывает взаимодействие окружающей среды (ареала, неживой природы и пр.) и личностей, субъектов, занимающих различное положение в иерархии взаимоотношений. Согласно К. Левину, в каждом отдельном случае возникающие проблемы связаны с «жизненным пространством» конкретного человека, это «человек и психологическая среда как она существует для него» [7. С. 64]. Таким образом, экологический подход рассматриваетадаптацию индивида к окружающей среде в период его «жизненных переходов», в данном случае от школы к вузу, межличностные процессы и свойства окружающей среды. Взаимоотношения в этот период могут складываться позитивно, если процессы, свойства и события воспринимаются личностью как вызовы, есть «имеющиеся или осознаваемые возможности противостоять им» и студент с инвалидностью справляется с ними самостоятельно. В противоположном случае, если появляются стрессы, угрозы, снижается самооценка, то такая окружающая среда, не поддерживающая здоровье и социальную жизнь отдельных людей или групп, способствует «возникновению чувства изоляции, дезориентации и отчаяния» [8. С. 438].

С точки зрения экологического подхода необходимо актуализировать значение поддерживающих систем в целях «преобразования» окружающей среды, если данный студент не может сам к ней приспособиться [Там же]. Важную роль в этом играют межличностные процессы.

Межличностные процессы – это собственно взаимодействие людей и содержание «жизненного перехода». Формой межличностных процессов является социальная коммуникация. Она способствует выстраи-

ванию взаимодействия с окружающими, осознанию необходимости получения ресурсов извне посредством непрерывного взаимного обмена информацией, что позволяет формировать не только вертикальные, но и горизонтальные социальные связи.

Ведущее значение в системах поддержки студента с ограниченными возможностями в этот период имеет эмпатия. Этот термин ввел в научный оборот Э. Титченер еще в конце XIX в., но только сейчас он приобретает распространение в общественном сознании. Тем не менее далеко не все и не во всех университетах представляют его роль и значение. Эмпатию мы, вслед за К. Роджерсом, понимаем как осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека без потери ощущения происхождения этого переживания [9]. Эмпатия является полезным навыком для многих профессий, особенно для тех, что связаны с работой с людьми. С другой стороны, эмпатия является ценной общекультурной компетенцией, позволяющей построить безопасную по отношению ко всем членам, сберегающую социальную общность. Эмпатичные способности человека, вероятно, связаны с его профессиональной ориентацией (люди с меньшими способностями к эмпатии не стремятся приобрести профессию, где надо работать с людьми, а в дальнейшем профессия также способствует меньшему развитию этого качества).

Также уровень развития эмпатии тесно связан с уровнем инклюзивной культуры в определенном сообществе. Если большинство людей способно сопереживать другим, они способны понимать и разделять проблемы меньшинства, которым могут являться инвалиды, представители других культур или субкультур, приезжие из других городов и пр. Если большинство понимает чувства меньшинства, оно способно с большей толерантностью воспринимать это меньшинство, и в обществе возникает фундамент для создания разумных компромиссов. Конечно, это правило касается и меньшинства. Очевидно, что эмпатия тесно связана с уровнем инклюзии и инклюзивной культуры в обществе. Следовательно, установив уровень эмпатии в вузовской среде, мы сможем оценить и возможности инклюзии в данном вузе.

Сопереживание и эмпатия относятся к зоосоциальным потребностям человека, эмпатией в той или иной степени обладают все члены общества. Тем не менее эмпатию можно сознательно развивать как с помощью усилий самого человека, так и извне. Таким образом, воздействуя на уровень сопереживания в обществе, мы будем также способствовать и повышению инклюзивной культуры и толерантности.

Цель нашей работы – исследовать с помощью различных методик уровень эмпатии в студенческой среде ТУСУРа, выявить сходства и различия между факультетами, курсами, гендером, а также выработать рекомендации в соответствии с полученными данными.

Для выявления уровня эмпатии в экологической среде ТУСУРа весной 2021 г. было проведено исследование среди студентов. Был использован опросник способности к эмпатии А. Мехрабиана и Н. Эпштейна, в качестве вспомогательного опросника использовался тест диагностики социальной компетенции. В опроснике уровня эмпатии – 33 вопроса с закрытыми вариантами ответов. За совпадение с ключом респонденту начисляется 1 балл, за несовпадение – 0 баллов. В исследовании принял участие 101 студент всех факультетов вуза, 49,5% из них – девушки, 50,5% – юноши. 27% ответов дали студенты радиоконструкторского факультета (РКФ), 18,8% – радиотехнического (РТФ), 11,5% – экономического (ЭФ), 10,9% – факультета электронной техники (ФЭТ), по 7,9% – юридического (ЮФ) и факультета систем управления (ФСУ), 5% – факультета безопасности (ФБ), по 4% – факультета вычислительных систем (ФВС) и гуманитарного факультета (ГФ), 2% – факультета инновационной техники (ФИТ). 50,5% составили студенты 1-го курса, 13,9% – 2-го курса, 27,7% – 3-го курса, и 7,9% – 4-го курса. По всем трем тестам были определены основные процентные соотношения людей, склонных к тому или иному поведению. Кроме того, был проведен корреляционный анализ, демонстрирующий связь между полом респондентов, их возрастом (курсом обучения), факультетом, а также взаимосвязь между результатами этих тестов. Поскольку анализ продемонстрировал ненормальное распределение, мы использовали методику Спирмена для выявления корреляций между переменными, выявленными по результатам тестов. Для определения взаимосвязей между этими переменными и курсом, факультетом и полом респондентов мы использовали методику Манна–Уитни.

Максимальный балл, который можно было набрать по шкале эмпатии – 33. Общее количество баллов в среднем по вузу и по отдельным факультетам представлено в таблице.

Баллы по шкале эмпатии в ТУСУРе в целом и по факультетам

Факультет	Максимум	Минимум	Среднее	Мода	Медиана
Радиотехнический	28	16	23	24	23
Радиоконструкторский	31	6	22	27	24
Электронной техники	32	13	20	22	20
Систем управления	30	14	20	–	20
Вычислительных систем	28	19	23	–	23
Гуманитарный	31	25	28	–	28
Безопасности	26	9	19	–	20
Экономический	29	15	24	23	25
Юридический	30	13	23	22	22
Инновационной техники	27	22	25	–	22
В целом по вузу	32	6	22	27	23

Некоторые из факультетов отметились очень небольшим количеством участников, поэтому моду (наиболее часто встречающееся значение переменной) для таких факультетов нам установить не удалось. В целом, как мы видим, среднее значение этого показателя по вузу составляет 22, что достаточно низко, однако наиболее часто встречается показатель 27, а половина ответивших набрала не более 23 баллов. Также мы видим, что наименьшие средние показатели продемонстрировали ФБ, ФЭТ и ФСУ, на этих факультетах студенты склонны проявлять эмпатию хуже, чем на остальных. РТФ, РКФ, ФВС, ЭФ, ЮФ и ФИТ показывают средние показатели от 22 до 25, что равно или выше среднего по вузу. Выше остальных оказывается показатель у гуманитарного факультета, что, впрочем, предсказуемо и объясняется профессиональными особенностями этой группы (специальности, получаемые на гуманитарном факультете – социальная работа и организация работы с молодежью). Сравнение медианных показателей (т.е. показателей, максимальных для половины выборки) также демонстрирует нам отличия между факультетами. Всего по вузу половина ответивших не показала более 23 баллов. Ниже общеуниверситетских медианных показателей цифры у пяти факультетов (ФЭТ, ФСУ, ФБ, ЮФ, ФИТ). Равны или выше среднего медианные показатели еще у четырех факультетов (РТФ, РКФ, ФВС и ЭФ). Гуманитарный факультет и здесь демонстрирует максимальный для вуза, но не максимальный в этом опроснике балл – 28.

При сравнении с уровнем коммуникативной компетенции мы увидели следующую картину. Переменная эмпатии показывает положительные корреляции с переменными А (общительность) и К (чувствительность), а также отрицательную – с переменной С (эмоциональная устойчивость). Выявлены значимые различия гуманитарного факультета с радиотехническим (U-критерий 6,0, двусторонняя значимость 0,023, средние ранги – 7,46 для РТФ и 14,0 для ГФ), радиоконструкторским (U-критерий 13,0, двусторонняя значимость 0,018, средние ранги – 13,52 для РКФ и 24,25 для ГФ) и факультетом электронной техники (U-критерий 4,0, двусторонняя значимость 0,023, средние ранги – 5,90 для ФЭТ и 11,50 для ГФ). Таким образом, люди, проявляющие эмпатию, являются также чувствительными и импульсивными. Гуманитарный факультет больше склонен проявлять эмпатию, чем радиотехнический, радиоконструкторский и ФЭТ, что также объясняется некоторой профессиональной деформацией и фактором профессионального отбора на входе в учебную деятельность.

Таким образом, мы можем сформулировать основные выводы исследования.

Гуманитарный факультет является лидером по уровню эмпатии среди всех остальных факультетов ТУСУРа. Это объясняется прежде всего гендерным составом групп и профессиональной ориентацией студентов этого факультета. Не было выявлено значимых корреляций между различными курсами в ТУСУРе и на этом факультете, т.е. склонность к эмпатии учебным планом, скорее всего, не развивается. Чем общительнее и чувствительнее человек, тем он более склонен проявлять эмпатию, но также эмпатия коррелирует с эмоциональной неустойчивостью, что может осложнить работу будущим выпускникам.

Для некоторых факультетов можно сгенерировать «портрет» среднего студента с привязкой к эмпатическим способностям. Студенты радиотехнического факультета отличаются малой общительностью (в сравнении с тремя факультетами), развитым логическим мышлением (в сравнении с двумя факультетами), не слишком высокой эмпатией. Радиоконструкторский факультет отличается также низкой общительностью, развитым логическим мышлением, они менее эмпатичны, чем гуманитарии. Студенты факультета электронной техники эмоционально устойчивее, чем гуманитарии, склонны меньше проявлять эмпатию. Гуманитарии более общительны, проявляют больше эмпатии, чем студенты других факультетов, однако также более импульсивны (по сравнению с ФЭТ). Студенты факультета безопасности опережают студентов шести других факультетов по показателю самоконтроля, и это их главная отличительная черта, а также менее чувствительны, чем экономисты.

Мы видим три группы факультетов с различными рекомендациями по развитию эмпатии и инклюзивной культуры. Гуманитарии отобраны так, что у них уже есть высокий уровень эмпатии, однако им следует работать над повышением эмоциональной устойчивости. Эмпатия – осознанный акт, важно, чтобы она не превратилась в реактивную жалость, когда человек не может контролировать свои эмоции, чтобы она была проактивной.

Для студентов второй группы – РТФ, РКФ, ФВС и ЭФ – нет необходимости применять какие-либо меры по усилению эмпатии, однако следует работать над повышением их коммуникабельности, что, в свою очередь, повысит их показатели эмпатии. Возможно, есть смысл проводить для них лекции по риторике, сценической речи и тому подобному с тем, чтобы они могли косвенно повысить уровень эмпатии и инклюзивной культуры.

Для студентов ФЭТ, ФСУ, ФБ, ЮФ и ФИТ рекомендуется введение в учебный план специальных дисциплин, которые повышали бы их способности к эмпатии (возможно, этику, основы инклюзивной культуры или какую-либо дисциплину психологического профиля). Если учащиеся ФЭТа и ФИТа, возможно, и не будут работать в системе «человек–человек», для выпускников остальных факультетов данного списка это весьма вероятно, поэтому желательно усиливать их навыки эмпатии. Кроме того, наша главная задача – повышение уровня инклюзивной культуры, а без изменения уровня эмпатии об этом не может идти и речи. Мы полагаем, что эмпатия – это общекультурная компетенция, которую надо развивать у любого студента, поэтому руководству факультетов с наиболее низкими средними баллами по этому показателю стоит задуматься о введении в учебный план специальных дисциплин.

Помимо внедрения специальных дисциплин в учебные планы, мы можем предложить еще ряд рекомендаций. Так, расширение взаимодействия с Центром

доступности образования (ЦеДО), участие в его мероприятиях со стороны студентов «отстающих» по эмпатии факультетов помогут развивать эмпатию, особенно по отношению к студентам с ограниченными возможностями. Также полезной может быть и социальная реклама, которая будет обращать внимание студентов всех факультетов на социальные проблемы и частично расширять их способности к эмпатии. Если говорить о специальных дисциплинах, развивающих эмпатию, рекомендуется выстраивать их таким образом, чтобы студенты понимали ценность эмпатии в рамках собственного профессионального будущего.

Возможно, частично формирование эмпатии можно возложить на плечи кураторов, для которых в ТУСУРе выделен спецкурс Educational design. Кураторы могли бы, при взаимодействии с ЦеДО, больше внимания направлять на заботу на инвалидах, особенно на факультетах с низким уровнем эмпатии. Кураторы также могли бы привлекать студентов к кинолекториям ЦеДО, а возможно, и организовывать межфакультетские инклюзивные мероприятия.

В результате исследования мы выявили, что присутствуют «природные» очаги эмпатии, однако следует принимать меры по более проактивному, нацеленному в будущее формированию этого качества у студентов ТУСУРа, потому что это приведет к повышению некоторых их профессиональных компетенций, а также будет способствовать развитию инклюзивной среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Старовойт Н.В. Инклюзивная культура образовательной организации: подходы к пониманию и формированию // Концепт : научно-методический электронный журнал . 2016. Т. 8. С. 31–35.
2. Бурилкина С.А., Каминский А.С. Студенческая молодежь и инклюзивное образование // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 2. С. 24–29.
3. Зиновьева В.И. Инклюзия в вузе как фактор развития духовных ценностей в студенческой среде // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы : сб. науч. тр. XXXVII Междунар. Харакского форума, 5–7 ноября 2020 г., Симферополь : в 2 т. / под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; науч. ред. Е.А. Сенюшкин, А.А. Зоткин. Симферополь : Ариал, 2021. Т. 1. С. 296–301.
4. Зиновьева В.И. Опыт сопровождения студентов с инвалидностью в области профессиональной ориентации в техническом вузе // Профессиональная ориентация инвалидов и лиц с ОВЗ в системе многоуровневого образования: организационные и методические аспекты : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 18 ноября 2016 г. / сост.: В.Д. Байрамов, Н.А. Ореховская. М. : МГГЭУ, 2016. С. 272–280.
5. Герасимов А.В. Опыт организации и механизмы развития инклюзивного высшего образования в России // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4. С. 13–21.
6. Яницкий Я.Н. Экосоциология как перспектива // Россия реформирующаяся : ежегодник. М. : Ин-т социологии РАН, 2009. Вып. 8. С. 36–57.
7. Левин К. Теория поля в социальных науках / пер. с англ. Е. Сурпина. М. : Акад. проект, 2019. 313 с.
8. Энциклопедия социальной работы : в 3 т. : пер. с англ. / ред. Л.Э. Кунельский, М.С. Мацковский. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 1993. Т. 3. 498 с.
9. Rogers C. Empatic: an unappreciated way of being // The Counseling Psychologist. 1975. Vol. 5, № 2. P. 2–10.

Maxim V. Bersenev, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: m.bersenev@gmail.com
Maxim P. Shulmin, Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: scoobi@inbox.ru

EMPATHY AS A FACTOR OF BARRIER-FREE COMMUNICATION AND THE DEVELOPMENT OF AN INCLUSIVE CULTURE IN A UNIVERSITY

Keywords: inclusive culture, empathy, university environment, barrier-free communication.

The article is devoted to the processes of creating barrier-free communication and inclusive culture in the university in connection with the development of empathy as a general cultural competence. Empathy is important to build an inclusive environment, as it is a conscious experience of the emotional state of another person. For the formation of a society without communication barriers and a high inclusive culture, it is important that the majority could adequately perceive and interpret the feelings of a minority, for example, people with disabilities. Therefore, we consider the level of empathy to be one of the markers characterizing the level of development of inclusive culture in society.

To study empathy on the basis of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, we selected 101 students of all faculties. They filled out the questionnaire of A. Mehrabian and N. Epstein. The test of the level of communicative competence was used as an auxiliary questionnaire. In general, the average, modal and median indicators of empathy were calculated for the university and for all the faculties. Also we calculated correlations between faculties, the level of empathy and communicative competence of a particular faculty.

A correlation was established between empathy and communicative competence, on the one hand, and impulsivity, on the other. There was no connection between different courses and gender in terms of empathy, although girls are more sociable. We also found that there are three groups of faculties: with a high level of empathy, a level of empathy above the average for the university, and with a level below the average. We assume that such a result is a natural consequence of the previous professional orientation of the applicants upon entering the university. However, we also believe that in order to develop an inclusive culture, faculties with a low level of empathy need additional efforts to increase it.

One of the ways to make this process easier is the introduction of special courses on the development of empathic abilities into the curricula of such faculties. In addition, it is very important to make wider use of social advertising, to promote the participation of students from various faculties in the activities of the Center for Education Accessibility. This problem can also be solved with the help of faculty curators and the special course “Educational design” which is already introduced into the educational plans. Since empathy is closely related to the level of communication, we believe that it will be useful for graduates of any profile. It is also possible to hold their own inclusive events at each faculty. The implementation of these recommendations will lead to an increase in the level of empathy, and therefore to the development of an inclusive culture and barrier-free communication.

REFERENCES

1. Starovoyt, N.V. (2016) Inklyuzivnaya kul'tura obrazovatel'noy organizatsii: podkhody k ponimaniyu i formirovaniyu [Inclusive culture of an educational organization: approaches to understanding and formation]. *Kontsept*. 8. pp. 31–35.

2. Burilkina, S.A. & Kaminskiy, A.S. (2018) Studencheskaya molodezh' i inklyuzivnoe obrazovanie [Student youth and inclusive education]. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2(2). pp. 24–29.
3. Zinovieva, V.I. (2021) Inklyuziya v vuze kak faktor razvitiya dukhovnykh tsennostey v studencheskoy srede [Inclusion in the university as a factor in the development of spiritual values in the student environment]. In: Senyushkin, E.A. & Zotkin A.A. (eds) *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya: global'nye vyzovy i tsivilizatsionnye otvety* [Political space and social time: global challenges and civilizational responses]. Vol. 1. Simferopol: Arial, 2021. pp. 296–301.
4. Zinovieva, V.I. (2016) Opyt soprovozhdeniya studentov s invalidnost'yu v oblasti professional'noy orientatsii v tekhnicheskom vuze [On accompanying students with disabilities in the field of vocational guidance in a technical university]. In: Bayramov, V.D. & Orekhovskaya, N.A. (eds) *Professional'naya orientatsiya invalidov i lits s OVZ v sisteme mnogourovnevogo obrazovaniya: organizatsionnye i metodicheskie aspekty* [Professional orientation of disabled people and people with disabilities in the system of multilevel education: organizational and methodological aspects]. Moscow MGGEU. pp. 272–280.
5. Gerasimov, A.V. (2018) Opyt organizatsii i mekhanizmy razvitiya inklyuzivnogo vysshego obrazovaniya v Rossii [Organizing and developing inclusive higher education in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya – Human. Society. Inclusion*. 4. pp. 13–21.
6. Yanitskiy, Ya.N. (2009) Ekosotsiologiya kak perspektiva [Ecosociology as a perspective]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 8. pp. 36–57.
7. Levin, K. (2019) *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory of social sciences]. Translated from English by E. Surpin. Moscow: Akad. Proekt.
8. Kunelsky, L.E. & Matkovsky, M.S. (eds) (1993) *Entsiklopediya sotsial'noy raboty* [Encyclopedia of Social Work]. Vol. 3. Translated from English. Moscow: Tsentr obshchechelovecheskikh tsennostey.
9. Rogers, S. (1975) Empatic: an unappreciated way of being. *The Counseling Psychologist*. 5(2). pp. 2–10.

УДК 378.062.1(571.16)
DOI: 10.17323/19988613/73/23

Е.Ю. Кошелева, Е.И. Самофалова, Т.Л. Андреева, А.А. Мастрюкова

ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В СФЕРЕ ВНЕШНЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 18-49-700003 и проекта № 8.1.27.2018, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

Исследуется организация учебного процесса для образовательных мигрантов из-за рубежа, приехавших на учебу в Национальный исследовательский Томский государственный университет, сквозь призму процессов, проходящих в российском сегменте международного рынка образовательных услуг. Анализ анкетирования, проведенного среди иностранных студентов ТГУ, показал, что большинство опрошенных студентов довольны организацией и качеством учебной среды, что учебная деятельность образовательных мигрантов охватывает также основные аспекты жизнедеятельности и способствует всестороннему развитию личности студента.
Ключевые слова: образовательная миграция, интернационализация, управление высшим образованием.

Образовательная миграция – широкое понятие, включающее в себя как внутреннюю, так и внешнюю миграцию с целью получения образования. Внешняя образовательная миграция также часто называется трансграничной миграцией.

Цель данной работы – исследовать организационную модель обучения иностранных студентов в российском вузе на примере анализа организации учебной деятельности иностранцев, обучающихся на факультете исторических и политических наук Томского государственного университета (ФИПН ТГУ). Для раскрытия данной цели в статье поставлены задачи: представить краткий обзор истории обучения иностранцев в России, показать динамику интернационализации региональных вузов за последние десятилетия на примере Томска, рассмотреть организационную структуру ряда образовательных программ ТГУ и проанализировать мнение иностранных студентов о качестве учебного процесса на ФИПН ТГУ.

Для решения поставленных задач использовались методы контент-анализа документов и анкетного опроса респондентов.

В настоящее время образовательная миграция иностранных студентов является составной частью интернационализации высшего образования, которая, в свою очередь, стала возможной благодаря глобализации. Под интернационализацией понимается «процесс превращения национального вуза в интернациональный, что предполагает включение международного аспекта во все компоненты комплексного управления университетом с целью повышения качества преподавания и научно-исследовательской деятельности» [1. P. 29]. Получение высшего образования больше не ограничено рамками одной страны. Благодаря глобализации происходит размывание национальных, социокультурных, географических, лингвистических границ.

Российское образование на международном рынке образовательных услуг представлено весьма весомо и является преемником советского наследия: Советский Союз начал обучать представителей иностранных государств еще с 1920-х гг. Со второй половины 1940-х гг. основными иностранными студентами стали представители стран социалистического блока из Европы, Азии, Африки, Латинской Америки [2. С. 77–78]. За период с 1960 по 1990 г. советскими вузами было подготовлено свыше 450 тысяч иностранных специалистов [3]. Фактически СССР занимал второе место в мире по числу иностранных студентов. После распада СССР обучение иностранцев в стране не прекратилось, причем теперь основными иностранными потребителями образовательных услуг стали республики, ранее входившие в СССР. Однако система набора иностранных студентов из стран дальнего зарубежья на бюджетные места вузов по линии министерства образования или двусторонних соглашений между странами в 1990-е гг. практически не функционировала. В 1992 г. набор иностранцев на учебу в России по государственным программам был прекращен. Количество иностранных студентов в постсоветской России упало в несколько раз.

Сегодня Россия занимает шестое место в мире по количеству иностранных студентов. Чтобы выйти на данный уровень, Правительством РФ были предприняты меры значительной финансовой поддержки университетов, вошедших в программу «5-100», которая действовала в 2013–2020 гг. Целью данного проекта было усиление позиций 21 ведущего российского университета на глобальном рынке образовательных услуг. Данный проект получил свое продолжение в Программе стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030», целью которого является формирование около ста современных университетов, являющихся центрами научно-технологического и социально-экономического развития России [4].

Согласно данным проекта «Атлас», на 2019 г. в вузах РФ обучалось 4 245 906 человек, из них 334 497 иностранцев. Наибольшее количество иностранных сту-

дентов приехали из Казахстана (70 699 человек), Китая (29 950), Туркменистана (26 853), Узбекистана (26 628), Таджикистана (19 897), Индии (13 193), Беларуси (12 050), Азербайджана (11 521) [5]. Самыми популярными направлениями для иностранцев стали в 2019 г. инженерное, экономическое, медицинское и гуманитарное [Ibid.]. Как видно из приведенной статистики, большинство иностранных студентов приехали в РФ из азиатских стран. Здесь Россия не является исключением из общего тренда, хотя список азиатских стран, поставляющих абитуриентов в европейские и американские университеты, несколько отличается: здесь на первом месте Китай и Индия, – но тенденции остаются теми же. Вызваны они в первую очередь демографическим ростом в Азии и нехваткой качественных вузов в своих странах. Также экономический рост и резкое увеличение прослойки высшего и среднего класса позволили реализовать стремление получить платное образование на Западе представителям этих классов. Еще одним характерным явлением современного мира является «охота за талантами» в общемировом масштабе. Крупные вузы могут позволить себе выделить ряд стипендий для особо одаренных студентов.

Обратимся далее к региональным особенностям образовательной миграции в Российской Федерации. Одним из наглядных примеров является Томск, ставший на сегодняшний день одним из основных образовательных центров Сибири. В настоящее время в Томске действуют шесть государственных вузов. Все они вовлечены в процессы интернационализации образования и занимаются набором и обучением иностранных студентов. Исследованиям в сфере организации и эффективности учебного процесса иностранных студентов из дальнего зарубежья на примере томских вузов посвящены работы Н.И. Гузаровой и Т.С. Петровской [6, 7], Г.В. Кашкан [8], А.Н. Баловневой [9], Т.А. Булатовой и А.П. Глухова [10], Т.Р. Рахимова [11], С.В. Дементьевой [12], О.Г. Бересневой [13], Е.Ю. Кошелевой [14, 15] и Е.И. Самофаловой [16]. Темы, связанные с образовательными мигрантами из стран ближнего зарубежья, затрагиваются в работах Н.П. Погодаева [17], Э.И. Мещеряковой [18], Л.В. Ахметовой [19], А.А. Садырина [20] и др.

В 2017 г. Томск впервые попал в рейтинг лучших студенческих городов мира по версии агентства Quacquarelli Symonds (QS), а в 2018–2019 гг. улучшил свои позиции, поднявшись на 74-ю и 73-ю строки этого рейтинга соответственно. Из российских городов, кроме Томска, в этом списке находятся только три российских города – Москва (№ 34 рейтинга), Санкт-Петербург (№ 66) и Новосибирск (№ 92) [21]. Достижение таких высоких позиций в международном рейтинге подчеркивает роль руководства и сотрудников томских университетов в развитии международного образования, так как климатически и географически город не находится в выигрышном положении. Помимо того что Томск находится в Западной Сибири, регионе с континентальным климатом и долгой холодной зимой, он расположен далеко от транспортных магистралей – сюда трудно и дорого добираться, мало прямых самолетов и нет прямого железнодорожного сообщения. Однако эти негативные факторы не помешали городу занять почетное место в топе студенческих городов мира.

Рейтинг лучших студенческих городов складывается из шести категорий: рейтинга местных университетов, интернациональности студенческого состава, привлекательности города, активности работодателей, финансовой доступности и мнения студентов.

По мнению составителей рейтинга лучших студенческих городов мира, иностранные студенты тратят на обучение в Томске около 3,5 тысяч долларов в год, что говорит о доступности местного образования (Томск пятый в списке в этой категории) и привлекает в город зарубежных студентов.

Сегодня все государственные университеты Томска обучают иностранцев, однако процент граждан из дальнего и ближнего зарубежья очень отличается. Больше всего представителей дальнего зарубежья обучаются в ТПУ и ТГУ. Для качественной подготовки данной категории студентов практически все государственные вузы создали различные административные структуры, задача которых – работа с иностранным контингентом обучающихся, а также подготовительные факультеты или отделения. Рекрутинг и обучение иностранных студентов из дальнего зарубежья в томских университетах ведется с нулевых годов XXI в.

Характерной тенденцией последних лет стало увеличение числа иностранных обучающихся. Если 2008 г. общая численность иностранных студентов была менее 3,4 тыс. (в том числе 0,2 тыс. из стран дальнего зарубежья), то в 2013 г. их было уже более 7,2 тыс. (0,7 тыс. из стран дальнего зарубежья), а в 2018 г. – 10,1 тыс. (1,1 тыс. из стран дальнего зарубежья). Таким образом, за 10 лет доля иностранных студентов увеличилась с 3,8% в 2008 г. до 18,7% в 2018 г. (доля иностранных студентов по очной форме обучения находится на уровне 22%). В настоящее время в томских вузах обучаются студенты из 79 государств [22].

Томский государственный университет – первый университет императорской России, основанный за Уралом в 1878 г. В настоящее время ТГУ участвует в ключевых общероссийских программах по экспорту высшего образования и повышению его конкурентоспособности. Согласно итоговой презентации администрации вуза по проекту «5-100», доля иностранных студентов ТГУ, обучающихся по основным образовательным программам в 2020 г., в общем числе студентов составляет 23,6%. Всего в ТГУ в 2020 г. обучались студенты из 73 стран мира. Количество иностранных студентов возросло с 1 091 в 2013 г. до 2 943 в 2020 г. [23]

Студенты-иностранцы в основном попадают в университеты по направлению Министерства науки и высшего образования РФ, на основе межправительственных и межгосударственных соглашений (Китай, Казахстан, Узбекистан), межуниверситетских договоров и соглашений (Китай, Корея, Монголия и ряд стран ближнего зарубежья), а также на основе системы контрактов и грантов. Если рассматривать статистику по отдельным странам, то традиционно наибольшее количество образовательных мигрантов приезжает в Томск из Казахстана и Узбекистана [24]. Больше всего

из стран дальнего зарубежья приезжают представители Китая, Вьетнама, Монголии и Индии.

Основной причиной такого количества иностранцев, обучающихся в вузах Томска, является эффективность кампаний по брендированию, повышению узнаваемости и репутации томских университетов в мире – за счет участия администрации и профессорско-преподавательского состава вузов в международных конференциях, совместных проектах, международных олимпиадах для абитуриентов и т.д. Особое значение для иностранцев имеют высокие позиции местных университетов в общероссийских и международных рейтингах (относительно других российских университетов), а также работа выездных приемных комиссий в центральноазиатских странах.

Абитуриенты из стран ближнего зарубежья представляют для высшей школы Томска значительный интерес. Ежегодно вузы города сталкиваются с необходимостью набора «качественных» абитуриентов с высокими баллами по ЕГЭ или олимпиадам. Однако современные реалии таковы, что томские школьники с высокими баллами предпочитают поступать в университеты европейской части России или за рубежом. Поэтому эффективным выходом из создавшегося положения является прием на обучение студентов из государств Центральной Азии, многие из которых – этнические русские, связанные родственными или иными социальными сетями с Томском, и имеют представление от знакомых о качестве образования в городе. У них уже сформировано положительное мнение о городе. Часть этих абитуриентов связывают свою дальнейшую жизнь с Россией, и получение российского образования в вузах Томска кажется им удачным трамплином для начала карьеры в стране и получения впоследствии российского гражданства. Сегодня наибольший удельный вес среди иностранных студентов в Томске имеют выходцы из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана.

Обратимся далее к определению учебного процесса как одной из ключевых составляющих процесса образования. Обычно под этим термином понимают «целенаправленное взаимодействие преподавателя и учащихся, в ходе которого решаются задачи образования, развития и воспитания учащихся; организация обучения во взаимосвязи всех компонентов» [25. С. 80]. Известно также, что цель обучения всегда объективна по своей сути и обусловлена формой общественного заказа на право получать образование в рамках существующих педагогических технологий. При этом основная задача при подготовке специалиста состоит в усвоении им всего комплекса навыков и умений, характерных для данной области знания, в форме организованного процесса обучения (в системе высшего образования сюда можно включить лекции, семинары и практики).

Учебный процесс в вузе обычно кардиальным образом отличается от предыдущих ступеней подготовки учащегося. От того, «насколько информирован новоиспеченный студент об особенностях “вузовского” учебного процесса, насколько он к ним адаптировался, зависит успешность его обучения» [26]. В ТГУ формы и способы учебного процесса могут быть различными. Для обучения иностранных студентов в зависимости от факультета предусмотрен ряд специализированных курсов или учебных программ, направленных на повышение качества подготовки специалистов, для которых русский язык не является родным.

Чтобы наиболее полно представить организацию учебного процесса в ТГУ для образовательных мигрантов, рассмотрим учебный план подготовки специалистов по программе «Регионоведение России» на факультете исторических и политических наук Томского государственного университета с точки зрения организационной и административной составляющих, с позиции того, как программа подготовки реализуется на практике, а также каким видят учебный процесс сами его участники.

Программа существует с 2018 г. и направлена на получение междисциплинарного, комплексного высшего образования в рамках бакалавриата для иностранных граждан, стремящихся изучить и понять социально-культурные, государственно-политические, экономико-правовые особенности Российской Федерации. Ее особенностью является рассмотрение Российской Федерации и как единого историко-культурного, политического, хозяйственного объединения, и как совокупности регионов, обладающих собственными характеристиками и спецификой. В соответствии с программой обучения в модели бакалавриата по направлению «Регионоведение России» компетентность (как подтвержденная способность что-либо сделать в профессиональной сфере) предполагает эффективное (инициативное, творческое) участие в уже реализуемой деятельности, предметом которой является региональное развитие, и способность улучшать (оптимизировать) эту деятельность. В свою очередь, модель магистратуры предполагает эффективное управление деятельностью и создание новых форм деятельности, предметом которой является региональное развитие, исходя из текущих вызовов и трендов.

Таким образом, будущий специалист в сфере регионоведения России по окончании курса может работать в следующих сферах трудоустройства: органы государственной власти и местного самоуправления; экспертно-аналитические отделы и службы региональных учреждений организаций; структуры международного сотрудничества; средства массовой информации; консалтинговые агентства.

В соответствии с рабочим планом студентам предложен ряд курсов, среди которых, например, практика по речевой коммуникации, введение в регионоведение, основы информационной культуры и библиотековедение, межкультурная коммуникация, регионы России на современном этапе: власть, бизнес, общество, которые призваны обеспечить качественный учебный процесс подготовки будущего специалиста. Для иностранных студентов программа обеспечивает комплексную языковую и социокультурную подготовку, необходимую для адаптации иностранных граждан в русскоговорящей среде, и одновременно предоставляет необходимый академический и практический базис для успешного трудоустройства, ведения соб-

ственного дела и дальнейшей карьеры как в России, так и за рубежом.

С другой стороны, для достижения более высокой эффективности учебного процесса важно также определить его организационные и практические составляющие с точки зрения самих студентов. Для этого на ФИПН ТГУ в 2019 г. авторами методом анкетного опроса было проведено исследование иностранных студентов, в котором приняли участие 58 человек. Целью анкетирования было выяснение отношения студентов к различным аспектам учебного процесса в ТГУ; задачи ставились следующие: исследование причин и мотивов поступления на программы ФИПН ТГУ; выявление мнений студентов по поводу учебного процесса на факультете (качество обучения в целом, наличие или отсутствие необходимых образовательных курсов, нравственная составляющая учебного процесса); выяснение общего отношения иностранных студентов к учебе.

Опрошенные обучаются как на программах бакалавриата, так и в магистратуре факультета. Большинство студентов – жители Китая, Вьетнама и Лаоса; именно из этих азиатских стран в ТГУ традиционно поступают иностранные граждане. Также в анкетировании приняли участие студенты из Болгарии, Кипра, Турции, Индонезии, Колумбии, Узбекистана, Монголии и Палестины.

Полученные ответы позволяют проанализировать причины и мотивы поступления на программы ФИПН ТГУ, а также отношение иностранцев к учебе. Часть ответов на вопросы оказалась неожиданной. Например, среди ответов на вопрос, почему студент принял решение учиться именно в ТГУ, лидировали не качественные характеристики вуза, а тот факт, что поступить сюда было сравнительно легко – 67,2% от всего количества опрошенных, а также достаточно низкая оплата за обучение – 36,2%. Варианты о наличии в вузе необходимой студенту специальности или высокого качества образования получили самый низкий процент. Можно предположить, что на начальном этапе, зачастую в связи с рядом объективных факторов, иностранному студенту важен сам факт обучения за границей, в высокорейтинговом вузе, а не какие-либо качественные аспекты учебного процесса. К тому же в вышеперечисленных странах склонность студентов к каким-либо специальностям нередко определяется при прохождении школьных профориентационных тестов – на это при анкетировании указали 58,8% опрошенных, что, очевидно, указывает на некоторую объективную предопределенность при выборе будущей специальности. Впрочем, пункт «интерес к данной области знаний» занял второе место – 37,8%, что косвенно может свидетельствовать о том, что у иностранных студентов все же есть возможность для выбора понравившейся им специальности. В ответах также встречались следующие варианты: «Нашел в Интернете рейтинг университетов, сравнил», «ТГУ мне понравился своими общемировыми рейтингами», – что говорит об эффективности политики университета по его продвижению на мировой арене и значимости позиции вуза в мировых рейтингах.

Большинство образовательных мигрантов – 62% – считают, что качество обучения в ТГУ, и в частности на ФИПН, достаточно высокое. При этом следует отметить, что отношение к выбранной специальности у иностранных студентов за время обучения значительно улучшилось, это отметили 89,2% опрошенных.

К учебному процессу иностранные студенты в большинстве случаев относятся объективно. Набор предлагаемых курсов для изучения 47,3% считают абсолютно оправданным, а 19,8% – оправданным в достаточной степени, причем оценка не зависит от года обучения или варианта образовательной программы. Предложения исключить из программы некоторые базовые предметы – экономику, математику, теорию государства и права или физическую культуру – единичны. Также около четверти опрошенных – 22,4% – считают количество и качество курсов оптимальным для их обучения, а 23,4% отмечают, что было бы неплохо увеличить общее количество лекционных часов при освоении материала. Возможно, это связано со спецификой учебного процесса в их родных странах: известно, что подходы к обучению в Европе и Азии зачастую качественно различаются [27–30].

С другой стороны, 55,7% иностранных студентов считают, что количество часов, отведенных на практические занятия, оптимально, но при этом 44,4% отмечают, что объема преподавания русского языка им недостаточно (при том что в ТГУ в рабочих программах курсов на его изучение отводится в общем случае 10–12 часов в неделю), а 20,6% указывают также и на необходимость увеличения объема преподавания других иностранных языков (в основном английского). Какие-либо еще предложения по оптимизации учебного процесса отмечаются в единичных случаях, но, с другой стороны, их выбор достаточно разнообразен и зависит, возможно, от индивидуальных предпочтений студента: от практики по получению первичных профессиональных умений и навыков или базового курса регионоведения до делового этикета и углубленного курса китайской литературы. При этом 77,6% опрошенных отметили, что преподавателям удается связать собственные дисциплины с будущей специальностью выпускника, что благотворно сказывается на учебном процессе; подавляющее большинство также отдельно отмечает личную заинтересованность преподавателей в том, чтобы иностранные студенты получили качественное образование.

Отдельного упоминания заслуживает ответ на вопрос: «Как часто вы пропускаете занятия?» 62% опрошенных отметили, что они этого никогда не делают, 36,2% отметили вариант «от 25% до 50% от всего времени занятий». Однако реальное положение дел может существенно отличаться в зависимости от родной страны образовательного мигранта. Например, по результатам проверки журналов посещения занятий за 2019 г. на ФИПН в среднем около 45–50% студентов из Китая пропускают около 60–65% всех занятий на факультете без объяснения причин; однако студенты из Лаоса, Индонезии, Палестины и Монголии, напротив, демонстрируют от 88 до 92% посещения занятий.

Одна из важных составляющих учебного процесса – интеллектуальное и нравственно-этическое развитие личности. Для образовательного мигранта, особенно из стран Азии, данные аспекты важны также в связи с необходимостью адаптации к новым условиям жизни в кардинально отличающейся от привычной социально-культурной среде. Следует учитывать, что в ТГУ по отношению к мигрантам преимущественно практикуется европейский подход к преподаванию, при котором большее внимание уделяется индивидуальному подходу к работе со студентом, нежели занятиям, рассчитанным на огромные студенческие потоки. Тем не менее около половины из всех опрошенных студентов – 44,8% – отметили, что преподаватели ограничиваются только собственным курсом и не ведут никакой воспитательной или адаптационной работы.

Данный факт не означает, что нравственно-этический аспект в учебном процессе в вузе упущен. В ТГУ достаточно развита работа кураторов и волонтеров, которые помогают студентам успешно адаптироваться к новым реалиям. Также существуют специальные курсы, основная цель которых – помочь образовательному мигранту адаптироваться к новым условиям за максимально короткий промежуток времени. Эти курсы внесены в повседневное расписание и обязательны для посещения, однако форма оценивания результатов может значительно разниться в зависимости от целей предмета. Например, на ФИПН существует несколько курсов, связанных с профессиональной и межкультурной коммуникацией, при прохождении которых студенты погружаются в изучение повседневной социально-культурной среды Томска посредством посещения различных культурно-массовых заведений – театров, музеев, выставок, или просмотра фильмов, прослушивания музыки; по результатам посещения нужно составить отчет или эссе на русском языке. С другой стороны, в рамках подобных курсов существуют и лекционные занятия, в рамках которых студентам рассказывают основные, базовые понятия о географии, экономике, политике в Российской Федерации.

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Томск является популярным городом среди иностранных студентов благодаря высоким международным рейтингам, невысокой стоимости обучения, а также комфортной академической и городской среде. Большинство образовательных мигрантов руководствуется при поступлении не качественными характеристиками вуза, а другими аспектами, такими как плата за обучение или сравнительно легкие вступительные экзамены.

2. Учебный процесс в отношении иностранных студентов на ФИПН ТГУ организован в соответствии с основными требованиями образовательных программ в сфере высшего образования, также он в целом соответствует всем основным организационно-познавательным аспектам адаптации мигранта к новым условиям социокультурной реальности. Преодолеть сложности в адаптации помогают различные общевузовские службы, сотрудники деканата и кураторы иностранных студентов.

3. Образовательные мигранты в целом положительно оценивают основные аспекты учебного процесса на факультете, среди которых высокое качество получаемого образования, наличие достаточного числа лекционных и практических занятий, а также занятий, направленных на получение адаптационных навыков.

Учебный процесс в Томском государственном университете охватывает основные аспекты жизнедеятельности и способствует как успешному освоению академической программы, так и разностороннему развитию личности образовательного мигранта. Высокое качество обучения в ТГУ, которое отмечают большинство опрошенных иностранных студентов, способствует интернационализации вуза и расширению географии контингента студентов. Тем не менее для достижения более высоких результатов и дальнейшего улучшения учебного процесса для образовательных мигрантов можно посоветовать совмещение в преподавании европейского и восточного подходов к обучению, а также более тщательный контроль посещаемости студентов. Вовлеченность студентов в кампусные элективные курсы и языковые клубы также будет способствовать языковому и социокультурному погружению иностранных студентов в принимающее общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Soderqvist M. Internationalisation and its management at Higher Education Institutions. Applying conceptual, content and discourse analysis. Helsinki : Helsinki School of Economics Print, 2007. 285 p.
2. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (Вопросы теории и методики исследования) : дис. … д-ра социол. наук. М., 2009.
3. История обучения иностранных студентов в России. Иностранные студенты в России: 1950–1990 годы. URL: http://ru.education.mon.gov.ru/articles (дата обращения: 31.05.2021).
4. От Проекта 5-100 к Приоритету-2030 // Сайт Проекта 5-100. URL: https://www.5top100.ru/news/147715/ (дата обращения: 31.05.2021).
5. Project Atlas. Russia. URL: https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Russia (accessed: 20.12.2019).
6. Гузарова Н.И. Петровская Т.С. Риски интолерантности в международной академической среде российского университета // Формирование толерантности межэтнических отношений в процессе образовательного взаимодействия. Томск : Томский ЦНТИ, 2010. С. 209–213.
7. Гузарова Н.И., Петровская Т.С. Интернационализация высшего образования и региональные вузы России в конце XX – начале XXI вв. (на материалах г. Томска) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. : материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 289–294.
8. Гузарова Н.И., Кашкан Г.В. Становление и развитие программы предмагистерской подготовки выпускников зарубежных университетов: из опыта подготовительного отделения Томского политехнического университета // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4. С. 660–665.
9. Баловнева А.Н., Берестнева О.Г., Фисоченко О.Н. Влияние личностных особенностей иностранных и российских студентов на результаты обучения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17166 (дата обращения: 07.03.2020).
10. Булатова Т.А., Глухов А.П. Факторы привлечения образовательных мигрантов (на примере сибирских вузов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 40–52.

11. Рахимов Т.Р. Особенности организации обучения иностранных студентов в российском вузе и направление его развития // Вестник Томского государственного университета. Язык и культура. 2010. № 4 (12). С. 123–136.
12. Дементьева С.В., Гиниятова Е.В. Учебная миграция в Томский политехнический университет: механизмы и практики эффективной адаптации // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 187–190.
13. Марухина О.В., Берестнева О.Г., Мокина Е.Е. Прогнозирование оценки успешности обучения студентов как аспект адаптации к академической среде вуза // Математические методы в технике и технологиях (ММТТ). 2016. № 2 (84). С. 186–188.
14. Kosheleva E.Y., Samofalova E.I., Holtman C., Kopotilova Y.E. Chinese students in Russia: causes of migration and basic educational behavioral tenets // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 215. С. 38–42.
15. Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И. Обучающиеся из зарубежных стран в томских вузах: стратегии и практики адаптации. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2019. 88 с.
16. Кошелева Е.Ю., Самофалова Е.И., Пак И.Я., Шевель Е.А., Ишутина И.А. Миграционные установки китайских студентов // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 6. С. 14–16.
17. Погодаев Н.П. Формирование личного и социального капитала студентами из Таджикистана в Томске: возможности и барьеры // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 106–117.
18. Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Покровская Е.М. Особенности самореализации мигрантов в поликультурном пространстве города // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 398. С. 202–210.
19. Кужелева-Саган И.П., Глухов А.П., Ахметова Л.В. и др. Социальная сеть как пространство дискурса идентичности и квазиинститут этничности центральноазиатских мигрантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017.
20. Садырин А.А., Нам И.В. Из Казахстана в Томск: учебные мигранты на пути к знаниям // Образовательная миграция. Школы, вузы, музеи России как агенты адаптации и интеграции / под ред. Е.Ю. Кошелевой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. С. 169–193.
21. Best Student Cities 2019. URL: https://www.topuniversities.com/city-rankings/2019 (accessed: 25.09.2020).
22. Доклад о реализации государственной политики в сфере образования в Томской области (2018 г.) Томск : Администрация Томской области, 2019.
23. Итоги проекта «5-100». 2013-2020 гг. // Томский государственный университет. URL: http://www.tsu.ru/upload/medialibrary/fa3/TSU_презентация общ. итоги 5-100.pdf (дата обращения: 01.06.2021)
24. Эмбрехт Р.В. Роль образовательной миграции в демографическом развитии Томской области (2000–2009 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Демография. 2011. № 348. С. 76–79.
25. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь : для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2000. 176 с.
26. Организация учебного процесса в вузе. URL: https://studfile.net/preview/5866027/page:3/ (дата обращения: 17.01.2020).
27. Болонский процесс: результаты обучения и компетентностный подход : (книга-приложение 1) / под науч. ред. В.И. Байденко. М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 536 с.
28. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации / науч. ред. Е.Ю. Кошелева. Томск : РАУШ-МБХ, 2011. 204 с.
29. Система образования в разных странах мира: «календарь полдников» и отсутствие дневников. URL https://findmykids.org/blog/ru/sistema-obrazovaniya-v-raznykh-stranakh (дата обращения: 03.01.2020).
30. Kosheleva E.Yu., Pak I.Ya., Chernobilsky E. Learning in culture and culture of learning: socio-psychology of Chinese students' learning behaviours // The Online Journal of New Horizons in Education. 2014. Vol. 4, № 2. P. 68–71.

Elena Y. Kosheleva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: key7@mail.tsu.ru
Elena I. Samofalova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: alyonchik83@mail.ru
Tatiana L. Andreeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: interdeptsu@gmail.com
Anastasiya A. Mastryukova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: mastryukovaa@mail.ru

ORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE FIELD OF EXTERNAL EDUCATIONAL MIGRATION ON THE EXAMPLE OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Keywords: educational migration, internationalization, higher education management.

The main research field of this article is some key features of the organization of the educational process for educational migrants who came to study at the National Research Tomsk State University (TSU) through the prism of sociocultural processes in the Russian segment of the international educational services market. The paper briefly describes the main compliance parameters with international standards of educational migration for the Russian Federation and Tomsk in particular, as a local educational center. The historical and statistical justification of the vast external educational flows of Tomsk is also given, as well as the main characteristics of the social portrait of an educational migrant who want to study in Tomsk universities.

The second part of the paper consists of a questionnaire analysis conducted among foreign students of TSU about the educational process organization (for example of the faculty of historical and political sciences). The aim of the study was to elucidate the main aspects of the educational process that are significant for this category of students, as well as to identify the reasons and motives for their admission. It was also found that most surveyed students are satisfied with the organization and quality of the learning environment. Among the significant issues are the following: the set of offered courses, the optimal number of hours for learning the Russian language, as well as an individual approach to the learning process. On the other hand, the study showed that the educational activities of educational migrants are often not limited only to the academic field, it covers the main aspects of life and contributes to the comprehensive development of the student's personality. In this case, about half of the respondents noted that teachers are limited solely by their course and do not conduct any adaptation or educational work with students. Nevertheless, this fact does not mean that the moral and ethical aspect is missing in the educational process at the university: the work of curators and volunteers is quite developed in TSU, which helps students successfully adapt to new realities. The faculty itself also has several special courses closely related to professional and intercultural communication, where students are immersed in the study of everyday socio-cultural environment.

Thus, the educational process at TSU for educational migrants covers all the basic aspects of students' life and is generally aimed at the harmonious development of personality and professional growth of a future specialist.

REFERENCES

1. Soderqvist, M. (2007) *Internationalisation and its management at Higher Education Institutions. Applying conceptual, content and discourse analysis*. Helsinki: Helsinki School of Economics.
2. Pismennaya, E.E. (2009) *Sotsial'nye posledstviya uchebnoy immigratsii v Rossiyu (Voprosy teorii i metodiki issledovaniya)* [Social consequences of educational immigration to Russia (Questions of theory and research methods)]. Sociology Dr. Diss. Moscow.

3. Russia, (n.d.) *Istoriya obucheniya inostrannykh studentov v Rossii. Inostrannye studenty v Rossii: 1950–1990 gody* [The history of teaching foreign students in Russia. Foreign students in Russia: 1950–1990]. [Online] Available from: http://ru.education.mon.gov.ru/articles (Accessed: 31st May 2021).
4. *Project 5-100 website*. [Online] Available from: https://www.5top100.ru/news/147715/ (Accessed: 31st May 2021).
5. *Project Atlas. Russia*. [Online] Available from: https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Russia (Accessed: 20th December 2019).
6. Guzarova, N.I. & Petrovskaya, T.S. (2010) Riski intolerantnosti v mezhdunarodnoy akademicheskoy srede rossiyskogo universiteta [Risks of intolerance in the international academic environment of a Russian university]. In*: Formirovanie tolerantnosti mezhetnicheskikh otnosheniy v protsesse obrazovatel'nogo vzaimodeystviya* [Formation of Tolerance of Interethnic Relations in the Process of Educational Interaction]. Tomsk: TsNTI. pp. 209–213.
7. Guzarova, N.I. & Petrovskaya, T.S. (2007) Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya i regional'nye vuzy Rossii v kontse XX – nachale XXI vv.
(na materialakh g. Tomska) [. Internationalization of higher education and regional universities in Russia in the late 20th – early 21st centuries (the case of Tomsk)]. *Sibirskoe obshchestvo v period sotsial'nykh transformatsiy XX v.* [Siberian society in the period of social transformations of the 20th century]. Proc. of the Conference. Tomsk. pp. 289–294.
8. Guzarova, N.I. & Kashkan, G.V. (2015) Stanovlenie i razvitie programmy predmagisterskoy podgotovki vypusknikov zarubezhnykh universitetov: iz opyta podgotovitel'nogo otdeleniya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Formation and development of the pre-master training program for graduates of foreign universities: from the experience of the preparatory department of the Tomsk Polytechnic University]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5-4. pp. 660–665.
9. Balovneva, A.N., Berestneva, O.G. & Fisochenko, O.N. (2015) Influence of personal features of foreign and Russian students on learning outcomes. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*. 2-1. [Online] Available from: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=17166 (Accessed: 7th March 2020). (In Russian).
10. Bulatova, T.A. & Glukhov, A.P. (2019) Faktory privlecheniya obrazovatel'nykh migrantov (na primere sibirskikh vuzov) [Factors of attracting educational migrants (on the example of Siberian universities)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 19(1). pp. 40–52.
11. Rakhimov, T.R. (2010) Osobennosti organizatsii obucheniya inostrannykh studentov v rossiyskom vuze i napravlenie ego razvitiya [Organization of training for foreign students in a Russian university and the direction of its development]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk i kul'tura – Language and Culture*. 4(12). pp. 123–136.
12. Dementieva, S.V. & Giniyatova, E.V. (2012) Uchebnaya migratsiya v Tomskiy politekhnicheskiy universitet: mekhanizmy i praktiki effektivnoy adaptatsii [Educational migration to Tomsk Polytechnic University: mechanisms and practices of effective adaptation]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*. 321(6). pp. 187–190.
13. Marukhina, O.V., Berestneva, O.G. & Mokina, E.E. (2016) Prognozirovanie otsenki uspeshnosti obucheniya studentov kak aspekt adaptatsii k akademicheskoy srede vuza [Forecasting the assessment of student learning success as an aspect of adaptation to the academic environment of the university]. *Matematicheskie metody v tekhnike i tekhnologiyakh (MMTT)*. 2(84). pp. 186–188.
14. Kosheleva, E.Y., Samofalova, E.I., Holtman, C. & Kopotilova, Y.E. (2015) Chinese students in Russia: causes of migration and basic educational behavioral tenets. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 215. pp. 38–42. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.571
15. Kosheleva, E.Yu. & Samofalova, E.I. (2019) *Obuchayushchiesya iz zarubezhnykh stran v tomskikh vuzakh: strategii i praktiki adaptatsii*. [Students from foreign countries in Tomsk universities: strategies and practices of adaptation]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
16. Kosheleva, E.Yu., Samofalova, E.I., Pak, I.Ya., Shevel, E.A. & Ishutina, I.A. (2015) Migratsionnye ustanovki kitayskikh studentov [Migration attitudes of Chinese students]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 6. pp. 14–16.
17. Pogodaev, N.P. (2018) Formation of personal and social capital by students from Tajikistan in Tomsk: Opportunities and limitations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 436. pp. 106–117. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/436/12
18. Meshcheryakova, E.I., Larionova, A.V. & Pokrovskaya, E.M. (2015) Migrants' self-realization features in a polycultural city. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 398. pp. 202–210. (In Russian).
19. Kuzheleva-Sagan, I.P., Glukhov, A.P., Akhmetova, L.V. et al. (2017) *Sotsial'naya set' kak prostranstvo diskursa identichnosti i kvaziinstitut etnichnosti tsentral'noaziatskikh migrantov* [Social network as a space of identity discourse and quasi-institution of ethnicity of Central Asian migrants]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Sadyrin, A.A. & Nam, I.V. (2019) Iz Kazakhstana v Tomsk: uchebnye migranty na puti k znaniyam [From Kazakhstan to Tomsk: educational migrants on the way to knowledge]. In: Kosheleva, E.Yu. (ed.) *Obrazovatel'naya migratsiya. Shkoly, vuzy, muzei Rossii kak agenty adaptatsii i integratsii* [Educational migration. Schools, universities, museums of Russia as agents of adaptation and integration]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 169–193.
21. *Best Student Cities 2019*. [Online] Available from: https://www.topuniversities.com/city-rankings/2019 (Accessed: 25th September 2020).
22. Administration of Tomsk Region. (2019) *Doklad o realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere obrazovaniya v Tomskoy oblasti (2018 g.*) [Report on the implementation of state policy in the field of education in Tomsk region (2018)]. Tomsk: Administration of Tomsk Region.
23. Tomssk State University. (n.d.) *Itogi proekta "5-100". 2013-2020 gg*. [Results of the project "5-100". 2013–2020]. [Online] Available from: http://www.tsu.ru/upload/medialibrary/fa3/ TSU_prezentatsiya obshch. itogi 5-100.pdf (Accessed: 1st June 2021)
24. Embrekht, R.V. (2011) The meaning of educational migration for Tomsk oblast demography development in the years 2000-2009. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 348. pp. 76–79. (In Russian).
25. Kodzhaspirova, G.M. & Kodzhaspirov, A.Yu. (2000) *Pedagogicheskiy slovar'* [Pedagogical Dictionary]. Moscow: Akademiya.
26. Studfile.net. (n.d.) *Organizatsiya uchebnogo protsessa v vuze* [Organization of the educational process at the university]. [Online] Available from: https://studfile.net/preview/5866027/page:3/ (Accessed: 17th January 2020).
27. Baydenko, V.I. (2009) *Bolonskiy protsess: rezul'taty obucheniya i kompetentnostnyy podkhod* [Bologna Process: Learning Outcomes and Competence-Based Approach]. Moscow: Research Center for the Problems of the Quality of Training of Specialists.
28. Kosheleva, E.Yu. (2011) *Portret obrazovatel'nogo migranta. Osnovnye aspekty akademicheskoy, yazykovoy i sotsiokul'turnoy adaptatsii* [Portrait of an educational migrant. The main aspects of academic, linguistic and socio-cultural adaptation]. Tomsk: RAUSh-MBKh.
29. Fadeeva, E. (2019) *Sistema obrazovaniya v raznykh stranakh mira: "kalendar' poldnikov" i otsutstvie dnevnik*ov [The education system in different countries of the world: the "afternoon tea calendar" and no diaries]. [Online] Available from https://findmykids.org/blog/ru/sistema-obrazovaniya-v-raznykh-stranakh (Accessed: 3rd January 2020).
30. Kosheleva, E.Yu., Pak, I.Ya. & Chernobilsky, E. (2014) Learning in culture and culture of learning: socio-psychology of Chinese students' learning behaviours. *The Online Journal of New Horizons in Education*. 4(2). pp. 68–71.

УДК 141.2; 304.2
DOI: 10.17323/19988613/73/24

М.Ю. Раитина, Е.М. Покровская, В.И. Зиновьева

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И АЛГОРИТМЫ АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБМЕНА (НА ОПЫТЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ)

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

Рассматривается интернационализация высшего образования с точки зрения содержания, мотивов, алгоритмов академического обмена студентов на примере ТУСУРа. Этот процесс носит многосторонний характер, но наиболее активным его элементом выступает обучающийся. В связи с этим актуализируется значение ценностно-аксиологического аспекта, а также принципов межкультурного взаимодействия в принимающей стране. Этот подход определяет выбор учебного заведения и одновременно обязывает вузы в условиях конкуренции разработать четкие и последовательные действия в реализации запроса.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация, межкультурное взаимодействие, образовательное пространство, интернациональная среда.

Глобальное развитие мира сегодня требует расширения интернационализации в области высшего образования. Этот процесс направлен на создание общих элементов национально-образовательных практик различных стран и обусловлен сходством или выравниванием их технологического и социально-экономического развития. Вместе с тем это порождает актуальность вопросов межкультурного взаимодействия и выработки соответствующих норм, а также сохранения культурного разнообразия, от которого никто не собирается отказываться. Первоначальной стадией обобществления образования в рамках высшей школы является академический обмен, который, несмотря на обстоятельства пандемии, не прекратился и нашел новые формы выражения. В частности, было положено начало развитию сетевого международного взаимодействия, управлению рисками, включению новых методик, платформ и сервисов, распространению инноваций и лучших практик.

Тематика интернационализации как быстро растущей тенденции социума находится на стадии активной теоретической и научно-практической разработки и поставлена как фундаментальная задача управления социально-экономическими системами и процессами в области образования. Она имеет непосредственную связь с проблемами достижения благополучия в обществе. Эта проблематика отражена в работах таких авторов как Г. Леви, М. Коул, Й. Энгестром, Л. Маттсон, Дж. Даннинг, М. Форсман, М. Портер, Н.Н. Гасанов, М.Д. Магаррамов, А.И. Куропяник, М.С. Куропяник [1–8].

Импульс проблемам осмысления интернационализации как феномена социума, в том числе образовательной среды, был задан рядом исследователей, таких как Ю.В Попков, Ю.В Арутюнян, Л.М. Дробижева, Ю.В. Бромлей, Д.П. Гавра, С.Г. Ларченко, С.Н. Еремин, У. Опелло, С. Росоу, С. Уолтерс и др. [9–15]. Поискам новой идеологии межнационального взаимодействия посвящена работа А.И. Куропятник и М.С. Куропятник [7]. Авторы обращают внимание на перспективы интеркультурализма как модели интеграции в контекстах разнообразия.

В работах Х. Пол, Й. Машизуми, М. Ватанабе, Й. Фукаси, Й. Зенба, К. Такахаши, Х. Ву, Й. Чан, М. Хонг, Т. Люк-Мартинез, Н. Фараони и других исследователей акцент ставится на разделении понятий глобализации и интернационализации относительно высшего образования [16–20]. Рассмотрение глобализации как интеграции стран с учетом стирания национальных границ, а интернационализации как проникновения глобальных ценностей и идей с учетом сохранения культурной идентичности характерно для работ другого направления [21].

Вслед за Ю.В. Попковым мы также признаем наличие взаимосвязи между процессами глобализации и интернационализации [22]. Современная концепция интернационализации определена как системный интерсубъективный социальный процесс взаимодействия национальных общностей, который «ведет к становлению не унифицированного и однородного, а внутренне различного единства», отражает сложность изменений социальной среды.

Цель данной работы – изучение сущности и выделение алгоритмов интернационализации в рамках академического обмена на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР).

Основными подходами исследования являются трансакционная модель коммуникации, анкетный опрос иностранных студентов и опрос по адаптированному варианту методики «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой. Это позволяет в рамках процессно-информационного диалога, основанного на интерсубъективности, рассмотреть контексты, идентифицировать сущность интернационализации и выделить существенные алгоритмы этого процесса.

Создание комфортной безбарьерной интернациональной среды (нормативно-правовая база, инфраструктура, цифровые сервисы, социальные гарантии и пр.) способствует гармонизации процессов интернационализации. Напротив, негативные процессы в социо-экономической или геополитической сфере могут повлечь за собой деструктивные тенденции в области интернационализации образования.

Институту образования присуща дуальность: с одной стороны, открытость в плане сетевых взаимодействий, международного обмена и интеграции научных инновационных исследований, с другой стороны, закрытость, обусловленная сохранением и поддержанием национальной идентичности, а также защитой собственной безопасности государства.

Интернационализация связана с позиционированием университета, которое, в свою очередь, обосновано в коммуникации его научным и социально-культурным уровнем, рамками пространства лаборатории, ситуационными исследованиями.

Рассматривая интернационализацию в рамках ценностно-аксиологического направления, определим важность личностных смыслов и обоснования системы ценностей индивида в качестве предикторов межкультурного диалога, позитивного межэтнического взаимодействия. Найти себя в том, что не обозначено личностными смыслами, невозможно. В основе формирования личностных смыслов в контексте интернационализации лежат когнитивные априорные установки, предварительные представления о цели деятельности (образ будущего), должном (качество), желаемом и допустимом (среда) (рис. 1). Эти компоненты, в сущности, характеризуют основы профессионализации студента и находятся в центре внимания и дискуссий [23. С. 165].

Рис. 1. Компоненты ценностно-аксиологического аспекта интернационализации

Рисунок 1 обозначает профессиональное становление индивида как продукта интернационализации, принадлежащего пересекающимся множествам: «качество» – «среда» – «образ будущего». Эти параметры задаются как установками и стереотипами предшествующих поколений, так и принятием тех ценностей, которые выходят за рамки национальных границ. Одним из доминантных факторов интернационализации для студента является его выбор, вхождение в «среду», где ему предстоит получать образование. Например, поколение, появившееся на рубеже XX–XXI вв., как отмечают исследователи [24], вполне естественно и комфортно воспринимает вхождение в инокультурную общность.

Темпы внутренних и внешних изменений «среды» определены уровнем социальной устойчивости университета и его успешной конкуренцией в быстро меняющемся глобальном мире. Начиная с 50-х гг. XX в. экспорт образовательных услуг занимал значительную долю в деятельности советских, а далее российских университетов [25].

Сегодня данная тенденция сохраняется, и очевидно, что большинство иностранных студентов в России – представители стран СНГ. Вместе с тем условия глобального мира и региональные инициативы по позиционированию и брендированию вузов все больше привлекают представителей дальнего зарубежья – как в столичные, так и в периферийные вузы, как правило, обладающие определенными конкурентными преимуществами. Несомненно, Томск, являясь многонациональным студенческим городом, выступает центром интеграции молодежи, заинтересованной как в получении качественного образования, так и в расширении собственного культурного горизонта. В условиях реализации в Российской Федерации проекта повышения международной конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров развитие международного сотрудничества и повышение значений показателей, используемых мировыми рейтинговыми агентствами для оценки деятельности университетов, остаются в числе приоритетных направлений деятельности Томского

государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Развитие данного направления является результатом закономерного развертывания инновационных образовательных программ и применения новейших технологий, демонстрирующих высокий уровень качества образования и востребованность выпускников вуза на рынке труда. Так, сегодня в ТУСУРе 126 иностранных студентов трудоустроены как в университетской среде, так и на предприятиях наукоемких технологий, в числе которых стратегические партнеры ТУСУРа в рамках учебно-научно-инновационного комплекса.

В последние годы процессы интернационализации усилили тенденции прироста количества иностранных студентов в вузах РФ, в том числе в ТУСУРе, и относительно студентов из дальнего зарубежья (рис. 2).

Рис. 2. Динамика количества иностранных студентов в ТУСУРе

Данные показатели обусловлены системным взаимодействием ТУСУРа с рейтинговыми агентствами (например, QS (Великобритания)), рекрутинговыми агентствами (через создание цифрового рекрутинга, CRM-платформ) в ключевых регионах дальнего зарубежья – Азии (Монголия, Китай), Африке (Алжир, Тунис, Марокко, Камерун, Кот-д'Ивуар), реализацией совместных образовательных программ с вузами Франции, Индии, Белоруссии, Казахстана и др., программами двойных дипломов на английском языке, соглашениями о научно-образовательном сотрудничестве с зарубежными университетами и организациями (Кот-д'Ивуар, Китай, Камерун, Казахстан, Франция, Таджикистан). В перспективе планируется расширение географии и установление партнерства с организациями Латинской Америки.

Актуальность академического обмена подтверждается исследованиями, проведенными в осеннем семестре 2020 г. на базе ТУСУРа. Посредством Google-форм был проведен анкетный опрос представителей ближнего и дальнего зарубежья в онлайн-формате методом случайной выборки. В исследовании участвовал 71 человек, из них 47 представителей ближнего зарубежья, дальнего – 24. В анкете содержалось 12 вопросов, касающихся значимости высшего образования, причин, обусловивших выбор страны обучения и вуза (ТУСУРа), оценки качества обучения в вузе, уровня межкультурной коммуникации и трудоустройства по специальности.

Анализ показал, что подавляющее большинство респондентов из дальнего зарубежья являются представителями африканских стран (Кот-д’Ивуар, Камерун, Алжир), что подтверждает популярность России как страны, предоставляющей привлекательные условия для получения высшего образования. Ближнее зарубежье преимущественно представлено студентами из Казахстана, Узбекистана и Киргизии, что является закономерным, так как на протяжении многих лет ТУСУР сотрудничает со странами СНГ. Бренд ТУСУР известен как инновационный технический университет и дружелюбный многонациональный вуз, что также подтверждают ответы респондентов. Другим значимым инструментом влияния на формирование общественного мнения является рейтинг вуза, который содержит объективные измеримые сведения.

В вопросе о причинах выбора университета большинство респондентов в качестве ответа указали учет мнения знакомых, данные интернет-ресурсов. Авторитетными источниками в области принятия правильного решения об обучении остаются семья и советы знакомых.

Предоставляемая вузом информация о перспективах работы по специальности повышает осознанность студентов в своем выборе. Кроме того, и это отражается в ответах, применение рейтингов для планирования карьеры крайне востребовано в рамках интернационализации образования. Наиболее способные из числа иностранных студентов уже на этапе обучения привлекаются в научные коллективы кафедр для работы в групповом проектном обучении.

Согласно опросу, ожидания поступивших иностранных студентов оказались оправданы: удовлетворенность качеством обучения была оценена как хорошая и отличная, в этом уверены 89% респондентов (рис. 3).

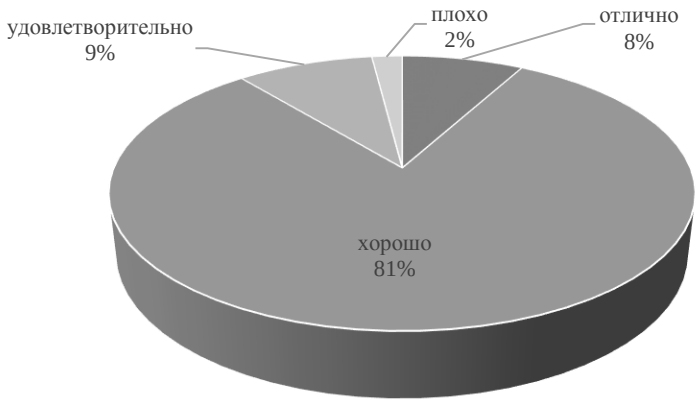

Рис. 3. Оценка удовлетворенности качеством обучения иностранными студентами ТУСУРа

Одна из миссий университета – способствовать успешной адаптации, социализации и самоактуализации молодежи. Указанные цели являются достижимыми на базе развития успешной межкультурной коммуникации.

По результатам опроса иностранных студентов ТУСУРа по адаптированному варианту методики «Типы этнической идентичности» Г.У. Солдатовой [26], С.В. Рыжовой [27], 91,7% респондентов определены в рамках этнической нормы. Это показывает достаточно высокий уровень этнотолерантности, принятия межкультурных различий, что рассматривается как условие комфортного безбарьерного межкультурного взаимодействия в образовательной среде.

Вместе с тем конфронтация по культурным основаниям не очень значительная и составляет не более 10%. Проблемы в бытовой сфере могут возникать из-за различий в предпочтениях национальных кухонь, обустройстве быта, жестикуляции, тональности речи (привычка громко разговаривать, употреблять определенные междометия и пр.) [28].

Большинство опрошенных респондентов в вопросах планировании карьеры намерены продолжать обучение в магистратуре, в особенности это касается студентов из ближнего зарубежья (67%). Вместе с тем студенты из дальнего зарубежья связывают свое будущее с продолжением карьеры в России. Таким образом, можно отметить определенные алгоритмы академического обмена.

Определение «среды» обучения. Прежде всего зарубежные студенты принимают решение относительно выбора страны для получения образования. В понятие «среды» они вкладывают как ценностные установки гражданского общества, сложившиеся дружественные отношения между странами, так и прагматические соображения: размер оплаты за обучение, возможность получения правительственных квот, грантов и пр.

Процессы адаптации и социализации иностранных студентов свойственны для всего периода обучения. Социокультурная адаптация иностранных граждан начинается с программ довузовской подготовки, при которой особое внимание уделяется вопросам мотивации иностранных граждан к обучению в ТУСУРе.

Межкультурное взаимодействие. Повышение мотивации иностранных студентов к внутрикультурному и межкультурному диалогу связано с готовностью делиться своими идеями, ценностями, социальным и культурным опытом. Это поддерживает атмосферу дружелюбия, взаимопонимания, устраняет коммуникативные барьеры в рамках учебного процесса. Следование дидактическим принципам системности, последовательности, наглядности способствует лучшему пониманию учебного материала.

Наряду с официальными контактами с административными службами вуза существенную роль играют общественные организации университета, центры внеучебной работы, различные клубы. Они укрепляют обратную связь и обращают внимания на важность двустороннего взаимодействия преподавателя и студента, а также российских и иностранных студентов. Важнейшими образовательными практиками выступают такие регулярные общеуниверситетские мероприятия, как «Фестиваль национальных культур», «Студенческая весна» и т.п.

Карьерный рост. Образовательные программы ориентируют студентов на саморазвитие, а участие в групповой проектной работе способствует продолжению их обучения на более высоких ступенях (магистратура, аспирантура) и карьерному росту в рамках полученной специальности. Опыт командной проектной работы актуализирует потенциал со-творчества и совместной деятельности. Развитие инфраструктуры, интернационализации вуза в рамках профильных летних и зимних школ в университете, реализующих программы по вовлечению и активному участию в мероприятиях культурно-образовательной направленности, также работают в данном направлении. Примером являются офлайн- и онлайн-занятия по русскому языку и академическому письму [29], тематические заседания разговорного клуба по английскому языку и др. [30, 31].

Таким образом, академический обмен как форма интернационализации имеет ценностный аспект расширения международных связей, усиления культурного обмена, подготовки специалистов и их ориентации на творческий рост. В своем практическом значении интернационализация образования способствует сближению стран, распространению передовых технологий в различных областях и усиливает гуманитарную направленность процессов глобализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Levey G.B. Interculturalism vs. Multiculturalism: a Distinction without a Difference? // Journal of Intercultural Studies. 2012. Vol. 33, is. 2. P. 217–224. DOI: 10.1080/07256868.2012.649529
2. Cole M., Engestrom Y. Cultural-historical approaches to designing for development // The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology. New York : Cambridge University Press. 2007. P. 484–507. DOI: 10.1017/CBO9780511611162.026
3. Johansson J., Mattsson L.G. Internationalization in Industrial Systems – a network approach // Strategies in Global Competition. New York : Croom Helm, 1988. P. 287–314.
4. Dunning J.H. Location and the Multinational Enterprise: a Neglected Factor? // Journal of International Business Studies. 1998. Vol. 29, № 1. P. 45–66.
5. Forsman M., Hinttu S., Kock S. Internationalization from a SME perspective // Industrial Marketing and Purchasing Group. 2011. URL: https://www.researchgate.net/publication/242515904 (accessed: 14.06.2021).
6. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
7. Куропятник А.И., Куропятник М.С. Интеркультурализм: постмультикультуральный дискурс социальной интеграции // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2018. Т. 18, № 2. С. 259–261.
8. Гасанов Н.Н., Магаррамов М.Д. Интернационализм: новое осмысление // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 1. С. 112–128.
9. Попков Ю.В. Мультикультурализм, интеркультурализм, интернационализация в социокультурной динамике // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 2. С. 49–50.
10. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 85–95.
11. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история и современность. М. : Наука, 1987. 333 с.
12. Гавра Д.П. Основы теории коммуникации : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 231 с.
13. Ларченко С.Г., Еремин С.Н. Межкультурные взаимодействия в историческом процессе. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 174 с.
14. Opello W.C., Rosow S. The nation-state and global order: a historical introduction to contemporary politics. Boulder : Lynne Rienner, 2004. 317 p.
15. Globalisation, adult education and training / ed. by S. Walters. London et al. : ICAE, 1997. 288 p.
16. Pohl H. Internationalisation, innovation, and academic–corporate co-publications. Scientometrics, 2021. DOI: 10.1007/s11192-020-03799-6
17. Mashizume Y., Watanabe M., Fukase Y., Zenba Y., Takahashi K. Experiences within a cross-cultural academic exchange programme and impacts on personal and professional development // British Journal of Occupational Therapy. 2020, Vol. 83, № 12. P. 741–751. DOI: 10.1177/0308022620929887
18. Wu X., Zhang Y. The motivation of internationalization, the heterogeneity of productivity and the mode of state-owned enterprises entering overseas market // System Engineering Theory and Practice. 2020. Vol. 40, № 10. P. 2581–2601. DOI: 10.12011/1000-6788-2019-1210-21
19. Hong M. A comparative study of the internationalization of higher education policy in australia and china (2008–2015) // Studies in Higher Education. 2020. Vol. 45, № 4. P. 768–779. DOI: 10.1080/03075079.2018.1553154
20. Luque-Martínez T., Faraoni N. Meta-ranking to position world universities // Studies in Higher Education. 2020. Vol. 45, № 4. P. 819–833. DOI: 10.1080/03075079.2018.1564260
21. Leask B., Jones E., de Wit H. Towards Inclusive Intercultural Learning for All // University World News. 2018. № 532. URL: http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20181205093157690 (accessed: 14.06.2021).
22. Попков Ю.В. Рефлексивная концепция интернационализации как методологическая основа национальной политики // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 35–41.
23. Глобальная геополитика / под ред. И.И. Абылгазиева, И.В.Ильина, И.Ф. Кефели. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2017. 280 с.
24. Шамис Е. Теория поколений в России. URL: www.rugenerations.su/ (дата обращения: 14.06.2021).
25. Арефьев А.Л. Экспорт российских образовательных услуг : стат. сб. / М-во науки и высш. образования РФ. М. : ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. Вып. 10. 557 с.
26. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М. : Смысл, 1998. 388 с.
27. Рыжова С.В. Этническая идентичность в контексте толерантности. М. : Альфа-М, 2011. 280 с.
28. Зиновьева В.И., Покровская Е.М., Раитина М.Ю. Международный обмен: особенности адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российской вузовской системе (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) // Русин. 2020. № 62. С. 235–249. DOI: 10.17223/18572685/62/13
29. Международная зимняя школа в онлайн-формате стартует в ТУСУРе. URL: https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-mezhdunarodnaya-zimnyaya-shkola-v-onlayn-formate-startuet-v-tusure (дата обращения: 14.06.2021).
30. Международная конкурентоспособность. URL: https://tusur.ru/ru/sotrudnichestvo/mezhdunarodnaya-konkurentosposobnost (дата обращения: 14.06.2021).
31. На зимнюю школу ТУСУРа по электронике записались уже более 50 магистрантов со всего мира. URL: https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-na-zimnyuyu-shkolu-tusura-po-elektronike-zapisalis-uzhe-bolee-50-magistrantov-so-vsego-mira (дата обращения: 14.06.2021).

Margarita Yu. Raitina, Tomsk State University of Control and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raitina@mail.ru
Elena M. Pokrovskaya, Tomsk State University of Control and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pemod@yandex.ru
Valentina I. Zinoviyeva, Tomsk State University of Control and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION AND ALGORITHMS FOR ACADEMIC EXCHANGE (ON THE EXPERIENCE OF TOMSK STATE UNIVERSITY OF CONTROL SYSTEMS AND RADIOELECTRONICS)

Keywords: globalization, internationalization, axiological approach, intercultural interaction, educational environment.

The article is devoted to one of the aspects of internationalization of education – the perception of a new environment by students on the example of the Tomsk University of Control Systems and Radio Electronics (TUSUR). Within the framework of the axiological-value approach, the formation of personal meanings in the context of internationalization is based on cognitive a priori attitudes, preliminary ideas about the goal of activity (image of the future), proper (quality), desired and acceptable (environment). The article examines the ratio of these components in relation to the motivation of foreign students in the educational environment.

In the process of internationalization, the individual's value system is relevant as predictors of intercultural dialogue. In Russia, respect for the rights of peoples and equality of national cultures were adopted back in the Soviet period, the principles of equality within the framework of civil society and interculturalism have become today the basis of interethnic communication. This is a good prospect for various forms of international cooperation, and TUSUR has a reputation as a friendly multinational university.

At the same time, in the period of increasing competition between educational institutions, the importance of positioning the university, its rating, which contains objective measurable information, grows. The TUSUR brand is known primarily as an innovative technical university that has close ties with new types of enterprises. In the fall semester of 2020, the university conducted a questionnaire survey of foreign students studying at TUSUR, representatives of the near and far abroad, in an online format using Google forms. The study involved a total of 71 people, of whom 47 were from the near abroad, and 24 from the non-CIS states.

According to the survey, the respondents' assessment of the satisfaction level with the quality of education was noted as good and high (89% of foreign students were sure of this). The most talented foreign students, already at the stage of study, are attracted to the research teams of departments to participate in group project training. So today more than 2,000 foreign students study at TUSUR, of which 126 people are employed, both in the university environment and at high-tech enterprises, including TUSUR's strategic partners within the educational-scientific-innovative complex. The most important algorithms for internationalization are: 1) The choice of the "environment" of learning; 2) positive intercultural interaction; 3) practical orientation, participation in projects, career growth.

REFERENCES

1. Levey, G.B. (2012) Interculturalism vs. Multiculturalism: A Distinction without a Difference? *Journal of Intercultural Studies*. 33(2). pp. 217–224. DOI: 10.1080/07256868.2012.649529
2. Cole, M. & Engestrom, Y. (2007) Cultural-historical approaches to designing for development. In: Rosa, A. (ed.) *The Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology*. New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511611162.026
3. Johansson, J. & Mattsson, L.G. (1988) Internationalization in Industrial Systems – a network approach. In: Hood, N. & Vahlne, J. (eds) *Strategies in Global Competition*. New York: Croom Helm.
4. Dunning, J.H. (1998) Location and the Multinational Enterprise: a Neglected Factor? *Journal of International Business Studies*. 29(1). pp. 45–66. DOI: 10.1057/palgrave.jibs.8490024
5. Forsman, M., Hinttu, S. & Kock, S. (2011) *Internationalization from a SME perspective. Industrial Marketing and Purchasing Group*. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/242515904 (Accessed: 14th June 2021).
6. Porter, M. (2005) *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrasley i konkurentov* [Competitive Strategy: A Methodology for Analyzing Responses and Competitors]. Moscow: Al'pina Biznes Buks.
7. Kuropyatnik, A.I. & Kuropyatnik, M.S. (2018) Interculturalism: A Post-Multicultural Discourse of Social Integration. *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya – RUDN Journal of Sociology*. 18(2). p. 259–261. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-250-261
8. Gasanov, N.N. & Magarramov, M.D. (2019) Internatsionalizm: novoe osmyslenie [Internationalism: a new understanding]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 1. pp. 112–128.
9. Popkov, Yu.V. (2015) Mul'tikul'turalizm, interkul'turalizm, internatsionalizatsiya v sotsiokul'turnoy dinamike [Multiculturalism, interculturalism, internationalization in socio-cultural dynamics]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*. 13(2). pp. 49–50.
10. Arutyunyan, Yu.V. & Drobizheva, L.M. (2008) Etnosotsiologiya pered vyzovami vremeni [Ethnosociology before the challenges of the time]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 85–95.
11. Bromley, Yu.V. (1987) *Etnosotsial'nye protsessy: teoriya, istoriya i sovremennost'* [Ethno-social processes: theory, history and modernity]. Moscow: Nauka.
12. Gavra, D.P. (2018) *Osnovy teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Communication Theory]. Moscow: Yurayt.
13. Larchenko, S.G. & Eremin, S.N. (1991) *Mezhkul'turnye vzaimodeystviya v istoricheskom protsesse* [Intercultural interactions in the historical process]. Novosibirsk: Nauka.
14. Opello, W.C. & Rosow, S. (2004) *The nation-state and global order: A historical introduction to contemporary politics*. Boulder: Lynne Rienner.
15. Walters, S. (ed.) (1997) *Globalisation, adult education and development*. London et al.: ICAE.
16. Pohl, H. (2021) Internationalisation, innovation, and academic–corporate co-publications. *Scientometrics*. 126(2). pp. 1329–1358. DOI: 10.1007/s11192-020-03799-6
17. Mashizume, Y., Watanabe, M., Fukase, Y., Zenba, Y. & Takahashi, K. (2020). Experiences within a cross-cultural academic exchange programme and impacts on personal and professional development. *British Journal of Occupational Therapy*. 83(12). pp. 741–751. DOI: 10.1177/0308022620929887
18. Wu, X. & Zhang, Y. (2020) The motivation of internationalization, the heterogeneity of productivity and the mode of state-owned enterprises entering overseas market. *System Engineering Theory and Practice*. 40(10). pp. 2581–2601. DOI: 10.12011/1000-6788-2019-1210-21
19. Hong, M.A (2020) Comparative study of the internationalization of higher education policy in Australia and China (2008–2015). *Studies in Higher Education*. 45(4). pp. 768–779. DOI:10.1080/03075079.2018.1553154
20. Luque-Martínez, T. &, Faraoni, N. (2020) Meta-ranking to position world universities. *Studies in Higher Education*. 45(4). pp. 819–833. DOI: 10.1080/03075079.2018.1564260
21. Leask, B., Jones, E. & de Wit, H. (2018) Towards Inclusive Intercultural Learning for All. *University World News*. 532. [Online] Available from: http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20181205093157690 (Accessed: 14th June 2021).
22. Popkov, Yu.V. (2013) The Reflexive Conception of Internationalization as a Methodological Foundation of Nationalities Policy. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 2. pp. 35–41. (In Russian).
23. Abylgaziev, I.I., Ilin, I.V. & Kefeli, I.F. (eds) (2017) *Global'naya geopolitik*a [Global geopolitics]. Moscow: Moscow State University.
24. Shamis, E. (n.d.) *Teoriya pokoleniy v Rossii* [Theory of generations in Russia]. [Online] Available from: www.rugenerations.su (Accessed: 14th June 2021).
25. Arefiev, A.L. (2020) *Eksport rossiyskikh obrazovatel'nykh uslug* [Export of Russian educational services]. Vol. 10. Moscow: GIRYA.
26. Soldatova, G.U. (1998) *Psikhologiya mezhetnicheskoy napryazhennosti* [Psychology of interethnic tension]. Moscow: Smysl.
27. Ryzhova, S.V. (2011) *Etnicheskaya identichnost' v kontekste tolerantnosti* [Ethnic identity in the context of tolerance]. Moscow: Al'fa-M.
28. Zinovieva, V.I., Pokrovskaya, E.M. & Raitina, M.Yu. (2020) International exchange: The adaptation of foreign students in the learning process in the Russian university system (a case study of Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics)]. *Rusin*. 62. pp. 235–249. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/62/13
29. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (2021) *Mezhdunarodnaya zimnyaya shkola v onlayn-formate startuet v TUSURe* [International winter school in online format starts at TUSUR]. [Online] Available from: https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-mezhdunarodnaya-zimnyaya-shkola-v-onlayn-formate-startuet-v-tusure (Accessed: 14th June 2021).
30. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (n.d.) *Mezhdunarodnaya konkurentosposobnost'* [International competitiveness]. [Online] Available from: https://tusur.ru/ru/sotrudnichestvo/mezhdunarodnaya-konkurentosposobnost. (Accessed: 14th June 2021).
31. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. (n.d.) *Na zimnyuyu shkolu TUSURa po elektronike zapisalis' uzhe bolee 50 magistrantov so vsego mira* [More than 50 undergraduates from all over the world have already signed up for the TUSUR winter school in electronics]. [Online] Available from: https://tusur.ru/ru/novosti-i-meropriyatiya/novosti/prosmotr/-/novost-na-zimnyuyu-shkolu-tusura-po-elektronike-zapisalis-uzhe-bolee-50-magistrantov-so-vsego-mira (Accessed: 14th June 202).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47)
DOI: 10.17323/19988613/73/25

Р.Р. Гильминтинов

РЕЦЕНЗИЯ: PLACE AND NATURE: ESSAYS IN RUSSIAN ENVIRONMENTAL HISTORY / ED. D. MOON, N.B. BREYFOGLE, A. BEKASOVA. KNAPWELL : WHITE HORSE PRESS, 2021. 343 p.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Публикация посвящена анализу недавно вышедшей коллективной монографии «Место и природа: эссе по российской экологической истории» под редакцией Д. Муна, Н.Б. Брейфогла и А.В. Бекасовой. Обобщается содержание всех статей и отмечаются удачный выбор исследовательских подходов и широта привлекаемых источников. Сильной стороной монографии нужно также признать внимание к локальному и конкретному, а также умение авторов помещать свои исследовательские кейсы в глобальный контекст.
Ключевые слова: экологическая история, заповедники, Русский Север, Сибирь, Дальний Восток.

Экологическая история становится одним из важнейших направлений в историографии XIX–XX вв. Исследования того, как менялись экосистемы Восточной Европы, Урала, Сибири и Дальнего Востока из-за развития современной индустрии и модерного государства, позволяют переосмыслить многие страницы истории Российской Империи и Советского Союза. Важной вехой в этом историографическом поле стала недавно вышедшая коллективная монография «Место и природа: эссе по российской экологической истории» под редакцией Д. Муна, Н.Б. Брейфогла и А.В. Бекасовой. Монография стала результатом работы исследовательской сети под названием «Исследуя экологическую историю и историю природных ресурсов России». Работа этого междисциплинарного коллектива ученых из России, США и Великобритании была поддержана Леверхульм трастом и включала в себя серию исследовательских поездок на Соловецкие острова, озеро Байкал, Урал, а также ряд мероприятий в Санкт-Петербурге в 2013–2016 гг.

Важной установкой, объединившей участников коллектива, стал следующий тезис: «Чтобы писать полноценную историю, историки должны интегрироваться в места и среды, которые они изучают… получить представление, как эти места выглядят, звучат, пахнут, какие они на вкус и на ощупь» [1. С. 1]. Соответственно, понятие «место» становится для авторов монографии одной из ключевых аналитических рамок. «Место» описывается как конкретное и культурно нагруженное и противопоставляется абстрактному, широкому и гомогенному «пространству». Похожим образом определяется вторая важнейшая для авторов дихотомия «природа – окружающая среда». Если природа не нуждается в человеке, то среда формируется там, где человек вступает в осознанные отношения с окружающим миром [Ibid. С. 2–3, 38]. Соответственно, авторы отдельных глав монографии прослеживают, как освоение Русского Севера, Урала, Сибири превращало пространства в конкретные места, а природу – в пригодную для проживания окружающую среду.

Основная часть монографии открывается разделом, посвященным Русскому Северу и Северо-Западу. Глава, написанная А.В. Крайковским и Ю.А. Лайус, демонстрирует сразу несколько воплощений Соловецких островов в российской культуре последних нескольких веков: как сакральное пространство в православной традиции, место паломничества и ссылки, а также как объект природного и культурного наследия одновременно. Э. Бруно в своем тексте, посвященном экологической истории озера Имандра на Кольском полуострове, доказывает, что фокус на конкретном природном объекте может разрешить конфликт между глобальным измерением эпохи антропоцена и вниманием к локальному и конкретному. Так, хотя глобальная экологическая нагрузка во второй половине XX в. росла по экспоненте, пример озера Имандра представляет более сложную картину: уровень его загрязнения рос до середины 1980-х, а потом стал сокращаться, во многом благодаря экономическому коллапсу из-за распада СССР. История Водлозерского национального парка, которую А. Ро рассказывает через призму биографии одного из его создателей – О.В. Червякова, – еще один важнейший сюжет для понимания судьбы Русского Севера во второй половине XX в. Ключевым отличием национальных парков от традиционных для отечественного природоохранного движения заповедников является их открытость для туристов. Если на заповедной территории была запрещена любая хозяйственная деятельность, то парки одновременно с защитой памятников природы обещали оживление

экономического климата в регионе и вписывались в концепцию устойчивого развития. «Однако парк не мог был быть создан в более неподходящее время – незадолго до распада СССР… [поэтому] лесная и деревообрабатывающая промышленность до сих пор остается крупнейшим сектором экономики Карелии» [1. С. 93, 115]. Петербургские наводнения 1824 и 1924 гг. находятся в фокусе статьи Р. Дэйла, которая закрывает собой первую часть монографии. Эти два крупнейших катаклизма позволили автору показать, как за сто лет изменились паттерны взаимодействия города с окружающей средой.

Вторая часть коллективной монографии представляет собой серию визуальных эссе, в которых исследователи осмысляют не только исторические материалы, но и свой собственный опыт пребывания в изучаемых ими местах. Первое из них возвращает нас на Соловецкие острова. Н.Б. Брейфогл, одна из замечательных фотографий которого помещена на обложку издания, повествует в своем эссе о взаимодействии со средой архипелага – как с природной (водой и лесом, воздухом и скалами), так и с искусственной (каналами и дорогами, лодками и пристанями, садами и лабиринтами). Также в этой части монографии перепечатывается заметка К. Евтуховой «Открытка с Уральских гор», в которой она рассказывает о своей поездке в 2016 г. по городам этого региона, выступавшего драйвером индустриального развития страны в XVIII–XX вв. Эссе Б. Стюарта показывает читателю озеро Байкал глазами специалиста по биологии моря. В нем он делится впечатлениями о посещении бани, красоте озера, хрупкости его экосистемы, а также некоторых уникальных видах животных. По его словам, «нерпы – единственные в мире пресноводные котики и, пожалуй, самые милые» [Ibid. С. 187]. Раздел завершается еще одним взглядом на озеро Байкал. Историк Д. Мун описывает поездку группы исследователей в Баргузинский заповедник – место настолько суровое, что «даже медведям там непросто выжить» [Ibid. С. 198]. Одновременно с опытом переживания величественной природной красоты Д. Мун и другие участники группы стали свидетелями удручающего зрелища: дым от лесных пожаров затянул небо над озером и стал напоминанием о том, какую угрозу несет глобальное изменение климата таким уникальным экосистемам? как прибайкальская тайга.

В заключительной части книги авторы возвращаются к более традиционному жанру исследовательских статей. Три из пяти текстов этого раздела так или иначе посвящены Байкалу, один представляет собой произведение в жанре истории мобильности и сфокусирован на дореволюционных путеводителях по Сибири, и еще один анализирует проблемы охоты и охраны животного мира на Дальнем Востоке.

А.В. Бекасова и Е.А. Калеменева в своей статье изучают ландшафты транспорта, возникшие с развитием современных средств передвижения в конце XIX в. Авторы вводят понятие «ландшафтов транспорта», чтобы показать, что железная дорога является средством конструирования определенного взгляда на окружающий мир, она определяет, что путешественники должны видеть и что не должны, а также постепенно превращает природные объекты из предметов восхищения в товар. Если Сибирь традиционно рассматривалась как суровый и неприветливый край и ассоциировалась с местом каторги и ссылки, то путеводители, которые стали массово публиковаться в первые годы XX в., постепенно создавали образ «страны чудес с множеством достопримечательностей, минеральных курортов и экскурсионных возможностей, ждущих открытия» [Ibid. С. 219]. Путеводители по Сибири ярко воплотили в себе процесс превращения природы в окружающую среду.

В следующем тексте А.Д. и Т.П. Калихман исследуют влияние хозяйственной деятельности человека на экосистемы Байкала, а также меры по их защите. Авторы показывают, что наибольший ущерб озеру нанесло сооружение в конце 1950-х гг. Иркутской ГЭС, которое вызвало подъем уровня воды в нем примерно на метр, а также деятельность Байкальского целлюлозно-бумажного комбината. Последний прекратил свою деятельность в 2013 г., однако до сих пор не решена проблема с утилизацией огромного количества токсичных отходов, хранящихся в шламонакопителях в непосредственной близи от озера. Глава, написанная А.Д. и Т.П. Калихманами, – это не только глубокая экологическая история озера Байкал. Авторы также дают возможность читателю познакомиться с интереснейшим проектом, который в начале 1990-х гг. объединил исследователей из СССР / России, США и Канады для экспедиций на байдарках вокруг озер Байкал и Верхнее в Северной Америке и изучения этих двух крупнейших пресноводных водоемов. Мы снова видим, какую важную роль придают авторы монографии физическому присутствию в исследуемых локусах, непосредственной причастности к судьбе исследуемых экосистем.

Развивая байкальскую тему, Н.Б. Брейфогл рассказывает в своей главе историю старейшего в России Баргузинского заповедника. Важным исследовательским подходом Н.Б. Брейфогла стало смещение фокуса с интеллектуальной истории заповедников к более пристальному вниманию к нечеловеческим акторам. Он показывает, что «местная топография, ландшафты, гидрология, флора, фауна и экология», а также поведение и физические характеристики соболя сыграли важную роль в принятии решения о создании заповедника и в его истории [Ibid. С. 269]. Байкал как место столкновения интересов и логик индустриальных и научных институтов в 1950–1990-е гг. стал темой статьи Е.А. Кочетковой. Для Госстроя, который ставил своей целью соорудить два крупных предприятия на берегах Байкала, огромные запасы чистой пресной воды были важным экономическим ресурсом. Внимание ученых, с самого начала игравших важнейшую роль в становлении системы заповедников и формировании природоохранного движения в стране, также было приковано к байкальским водам, но для них Байкал был ценен как «первозданное творение природы» [Ibid. С. 293].

Завершающей главой коллективной монографии стала статья М. Сокольски, переносящая читателя на

Дальний Восток. Важнейшей частью образа региона является тигр. По мнению автора, сохранившаяся до наших дней популяция амурского тигра может рассматриваться как одно из достижений советской системы охраны природы – по ту сторону границы с Китаем этих животных почти не осталось. Однако история, которую рассказывается М. Сокольски в своем тексте, показывает, что основой системы заповедников в регионе стал вовсе не интерес к тиграм или экосистемам в целом. Важнейшую роль сыграли охотничьи общества, в которые входили русские купцы, дворяне и представители колониальной администрации – их куда больше интересовали японский олень, изюбрь и амурский горал как объекты «благородной охоты». Они стремились защитить эти виды от китайских мигрантов и других «некультурных» поселенцев. Несмотря на то, что такие установки противоречили идеологии новой власти, М. Сокольски пишет, что в раннесоветский период старые подходы оставались актуальными и лишь значительно позднее сформировалась всесторонняя система заповедников.

Подводя итог, следует заметить, что «Место и природа» задает чрезвычайно высокую планку в области отечественной экологической истории. Будучи результатом хорошо организованного исследовательского проекта, этот коллективный труд опирается на глубокое осмысление теоретических понятий, широчайший набор исторических источников и делает важное высказывание в современной литературе. Однако, как и любое талантливое исследование, данная монография не ставит точку, а обозначает новые темы для изучения. Пожалуй, наиболее конструктивным шагом, который исследователи могли бы сделать, опираясь на наработки монографии «Место и природа», – это расширение спектра мест, пространств, экосистем, достойных изучения. Авторы пишут во введении: «Как экологические историки мы прежде всего изучаем места, известные своей особой природной ценностью: заповедники, где “дикая” природа или редкие виды находятся под защитой; места и регионы, природная красота которых приобрела культурную значимость в течение веков любования и присвоения… и где эта культурная и природная значимость считается находящейся под угрозой из-за экономической деятельности человека» [1. С. 3].

Представляется, что поле экологической истории могло бы сделать значительный шаг вперед за счет большего внимания к локусам, в которых преобразование природы в окружающую среду вполне завершилось, которые не имеют особого культурного или юридического статуса, но являются домом для человеческих и нечеловеческих сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Place and nature: essays in Russian environmental history / ed. by D. Moon, N.B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell : White Horse Press, 2021. 343 p.

Roman R. Gilmintinov, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: rg214@duke.edu

REVIEW: PLACE AND NATURE: ESSAYS IN RUSSIAN ENVIRONMENTAL HISTORY / ED. D. MOON., N.B. BREYFOGLE, A. BEKASOVA. KNAPWELL: WHITE HORSE PRESS, 2021. 343 P.

Keywords: environmental history, reserves, Russian North, Siberia, the Far East.

The publication is devoted to the analysis of the recently published collective monograph “Place and Nature: Essays in Russian Environmental History” edited by D. Moon, N.B. Breyfogle and A.V. Bekasova. The content of all articles is summarized, and a thoughtful choice of research approaches and the breadth of the sources involved are noted. Another strong side of the monograph is its authors’ attention to the local and the specific, as well as their ability to place their research cases in the global context. The concept of “place” is one of the key analytical frameworks for the authors of the monograph. It is described as concrete and culturally loaded and opposed to the abstract, broad, and homogeneous “space”. “Nature – environment,” the second most important dichotomy, is defined in a similar way. Nature itself does not need the human, while the environment is formed only where the human enters into a conscious relationship with the surrounding material world. The first part of the monograph is devoted to the Russian North and Northwest. Tracing the ecological history of the Solovetsky Islands, Lake Imandra on the Kola Peninsula, Vodlozersky National Park, as well as the Petersburg floods of 1824 and 1924, the authors offer a multifaceted image of the environmental problems of this region. The second part of the collective monograph is a series of the visual essays in which researchers not only analyze historical materials, but also share their own experience of being in the places they study. In the final third of the book, the authors return to the more traditional genre of research articles. Three out of five texts in this section are in one way or another devoted to Baikal; one is a work in the genre of the history of mobility and is focused on pre-revolutionary guidebooks to Siberia; and one analyzes the problems of hunting and protecting wildlife in the Far East. According to the author of the review, the monograph “Place and Nature: Essays in Russian Environmental History” is an important intervention into the modern literature; it is based on a deep understanding of theoretical concepts and a wide range of historical sources. The most promising direction, in which the field of Russian environmental history can develop in the light of the monograph is the expansion of the range of places, spaces, and ecosystems worthy of study. The authors of the monograph focus on places known for their special natural value; it seems that a big step forward for the historiography would be a more careful examination of the everyday spaces in which the majority of the population interacts with the environment.

REFERENCES

1. Moon, D., Breyfogle, N.B. & Bekasova, A. (ed.) (2021) *Place and nature: essays in Russian environmental history*. Knapwel: White Horse Press.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.17323/19988613/73/26

В.П. Зиновьев, А.В. Литвинов

ВЛАДИСЛАВ КУЛЕМЗИН – ЭТНОГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

Статья посвящена памяти Владислава Михайловича Кулемзина (05.05.1938 – Тогучин Новосибирской области – 30.08.2021 г. – Новосибирск), российского этнографа, профессора факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, автора более 250 научных работ, участника 20 этнографических экспедиций, специалиста по мировоззрению коренных народов Западной Сибири и Урала.
Ключевые слова: В.М. Кулемзин, этнограф, Сибирь, традиционное мировоззрение коренных народов.

Владислав Михайлович Кулемзин, профессор исторического факультета Томского государственного университета, редкий человек, который определил свою профессию с детства, заметив разницу в реакции людей разных национальностей на жизненные обстоятельства. Ответ на этот вопрос занял всю его долгую жизнь с 5 мая 1938 г. по 30 августа 2021 г. Наблюдательность, цепкая память и аналитический склад ума сделали его этнографом, бытописателем. В этом отношении он счастливый человек – предмет его исследований всегда перед глазами –люди. Ведь и обычная жизнь полна загадок, правда, заметить это может только острый ум этнографа, в голове которого складываются результаты многолетних наблюдений и ждут сопоставлений, сравнений и выводов.

В.М. Кулемзин написал более 250 научных трудов – монографий и статей, имеет высокий индекс Хирша, т.е. индекс цитируемости его сочинений в научной литературе.

Однако Владислав Михайлович не сразу стал этнографом, он прошел достаточно долгой и запутанной тропой к историко-филологическому факультету Томского университета, поучившись немного в ТИСИ, немного в горном техникуме в г. Осинники, послужив в Советской Армии, поработав лаборантом и худруком в школе и в доме культуры поселка Усть-Серта Чебулинского райна Кемеровской области, в котором учительствовали его родители, пока в 1961 г. не стал студентом. Учился он охотно и добросовестно, без происшествий, увлекся этнографией, ездил в экспедиции, защитил дипломную работу «Коренное население бассейна рек Кии и Чулыма» под руководством доцента Галины Ивановны Пелих, начал работать в 1966 г. преподавателем философии в Политехническом институте, но попал в политическую переделку, был уволен по 47-й статье за антисоветскую деятельность, начал работать в Томском областном краеведческом музее, снова был уволен как политически неблагонадежный [1. С. 179].

Возвращение в университет было долгим, и то смогло случиться только потому, что в 1968 г. в ТГУ открылась Проблемная научно-исследовательская ла-

боратории истории, археологии и этнографии Сибири. Владислав Михайлович вновь стал на тропу исследователя. Фактически лаборатория была институтом, с научными секторами и группами, со своей техникой для экспедиций. Гнездилась лаборатория в Музее археологии и этнографии Сибири, руководил ею профессор Александр Павлович Бородавкин, который и принял на работу в 1970 г. политически неблагонадежного Владислава Михайловича старшим лаборантом. До сентября 1973 г. В.М. Кулемзин обретался на технических ставках, участвовал в экспедициях, в обработке полученных в них материалов. 5 сентября 1973 г. он дослужился до «высокой» должности младшего научного сотрудника с окладом 105 рублей в месяц, в октябре того же года получил должность старшего научного сотрудника, а через 20 лет – должность ведущего научного сотрудника [2].

Эти 20 лет были годами интенсивной научно-исследовательской работы. Первоначально целью исследований В.М. Кулемзина была традиционная культура. Он искал нетронутые современной «цивилизацией» островки жизни коренных народов – карагасов, селькупов, хантов. Однако начавшаяся промышленная заготовка леса, нефти и газа постоянно отодвигала традиционную культуру дальше на север: с Чулыма и Кети на Тым и Васюган, затем – на Вах, Пим, Тром-Еган, Аган, Казым. Соответственно, на север смещались и экспедиции В.М. Кулемзина. Он участвовал в 19 этнографических экспедициях ТГУ или индивидуально в течение 1960–1980-х гг.

В ходе экспедиций он собирал материал по религиозным верованиям, мировоззрению хантов. Хорошая память, умение входить в доверие к людям и привычка вести дневник способствовали успеху его исследований. Главное, как говорил Владислав Михайлович, – не надо мешать людям вести обычную жизнь. Надо помогать объекту исследования в его обычных делах: он на охоте, и ты с ним, он рыбачит, и ты старайся это делать. Он мерз и мок вместе с охотниками и рыбаками, ночевал у костров и в нехитрых их жилищах, записывал и наблюдал. Богатые материалы просились к обобщению. В 1972–1974 гг. В.М. Кулемзин был прикреплен соискателем к сектору народов Сибири Ленинградского института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (в настоящее время – НИИ «Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого - кунсткамера»), где его научным руководителем стал Сергей Васильевич Иванов (1895–1986**)**, ученик известных этнографов Л.Я. Штернберга и В.Г. Богораз-Тана. 17 декабря 1974 г. в совете Института этнографии он защитил диссертацию «Шаманство васюганско-ваховских хантов (конец XIX – первая четверть XX в.)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Официальными оппонентами были доктор исторических наук С.М. Абрамзон и кандидат исторических наук З.П. Соколова; диссертация была утверждена ВАК 5 ноября 1975 г.

В 1984 и 1985 гг. Владислав Михайлович совместно с сотрудниками Московского института этнографии В.И. Васильевым и С.А Арутюновым предпринял экспедиции к селькупам р. Кеть. В ходе экспедиций выяснилось, что состояние культуры аборигенов в то время уже ничем не напоминало ситуацию 1960-х гг. Культура оказалась совершенно деформированной. Это и дало импульс к исследованию механизма изменчивости культур. Таким образом, научный интерес был смещен в сторону культурологии, а это, в свою очередь, уже вторично повысило интерес к коренному населению рек Чулыма, Кети, Шегарки.

В итоге был сделан методологически важный вывод о том, что не представляющих интереса для науки народов, культур, периодов истории нет. Нет так называемых чистых традиционных культур, они постоянно меняются То, что направлено на разрушение культуры как саморегулирующейся жизнеобеспечивающей системы, у всех этносов поразительно одинаково. Другой вывод, сделанный Кулемзиным, состоял в том, что человеческая среда и культурная среда, к которой он принадлежит, – это понятия не тождественные. Человек является разрушителем культурной среды, которую создает также человек, но другого поколения. Культура как нормативное явление имеет способность противостоять человеку, т.е. разрушителю; она более консервативна, чем сам человек, и представляется самостоятельной силой, существующей как бы без человека. В.М. Кулемзин, вслед за немецкими этнографами Херсковицем и Фробениусом, рассматривает новый тип отношений человек–культура. Он впервые исследовал этот тип отношений с помощью междисциплинарного подхода, применив достижения этнографии, культурологии, социальной психологии, религиоведения. 28 мая 1993 г. в совете Института археологии и этнографии СО РАН Владислав Михайлович защитил (по совокупности работ) диссертацию «Традиционное мировоззрение хантов» на соискание ученой степени доктора исторических наук (официальные оппоненты – профессора Н.А. Алексеев, Т.М. Михайлов и Ю.Б. Симченко; утверждена ВАК 15 октября 1993 г.). Отметим, что по совокупности трудов тогда были разрешены защиты только маститым ученым, заслуги которых перед наукой несомненны. Сейчас вновь вернулись к этой практике.

В.М. Кулемзин был участником ежегодных «Дульзоновских чтений» (начиная с 1972 г.), участником региональных Западно-Сибирских совещаний археологов и этнографов, проводимых на базе исторического факультета ТГУ и ПНИЛИАЭС каждые 3 года (с 1970 г.), неоднократно участвовал в сессиях «Полевые исследования Института этнографии» (Москва, Ленинград), фольклорных фестивалях (Якутск, 1989 г., Ханты-Мансийск, 1987 г., 1990 г.) и др. Выступал с докладами на Международных конгрессах финноугроведов (Дебрецен, 1990 г.; Тарту, 2000 г.), Международном семинаре финноугроведов (Мекриярви, 1994 г.), Международной конференции археологов и этнографов (Новосибирск, 1980 г., 1981 г., 1995 г., 1998 г.), Международной конференции «Россия и Восток: традиционные культуры, этнокультурные и этносоциальные процессы» (Омск, 26–29 мая 1997 г.) и ряде других.

В.М. Кулемзин оказывал помощь музеям Томска, Ханты-Мансийска, Колпашева в создании этнографи-

ческих экспозиций. Он активно занимался пропагандой этнографических знаний, являлся руководителем раздела темы «Этнокультурная история народов Западной Сибири», руководителем темы «Традиционные культуры Сибири» в программе «Народы Сибири», раздела программы «Экономика и культура народов Севера», автором программ по возрождению традиционных культур коренных народов Томской области, подготовленных по заданию Администрации Томской области.

В.М. Кулемзин являлся автором 11 монографий, он публиковался в Германии, Финляндии, Венгрии, Франции (см.: [1, 3]). Много знаний он передал своим ученикам, подготовил двух докторов и 11 кандидатов наук. С 1991 г. активно сотрудничал с НИИ возрождения обско-угорских народов (Ханты-Мансийск) и Институтом образования Сибири, Дальнего Востока и Севера РАО (Томск), был консультантом ассоциации «Колта-куп», ученым секретарем и членом докторского диссертационного совета (этнография, этнология и антропология; история науки и техники; музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов) в ТГУ. Он был руководителем авторского коллектива и автором словарных статей в монографии «Мифология хантов» (2000), части международного проекта «Мифология уральских народов», членом редакционной коллегии альманаха «Культурологические исследования в Сибири» (Томск, Сибирский филиал Российского института культурологии) с 1998 г., редактором 2-го тома «Мир реальный и потусторонний» 4-томного издания «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири» (Томск, 1995), членом редколлегий ряда региональных изданий, сборников материалов конференций. Являлся председателем совета Музея археологии и этнографии ТГУ.

Когда вузовская наука была брошена на произвол судьбы, сотрудники научных подразделений вузов обратились к преподавательской деятельности. Владислав Михайлович тоже стал профессором на кафедре археологии и исторического краеведения, на которой и работал до 2020 г. Он читал курсы «Этнография народов Сибири», «Этнографическое краеведение», руководил дипломными работами, кандидатскими диссертациями, консультировал соискателей докторских диссертаций.

Владислав Михайлович не гонялся за наградами, предпочитая официальным знакам внимания признание коллег и друзей. Но все же он – лауреат конкурса Томской области в сфере образования и науки (2000), почетный работник высшего профессионального образования РФ (2003), заслуженный ветеран труда Томского государственного университета, награжден медалями «За заслуги перед Томским государственным университетом» (1998), «Ветеран труда» (1999).

Параллельно с занятиями серьезной наукой В.М. Кулемзин всю жизнь вел записи разного рода курьезов, забавных и анекдотичных случаев. В итоге они составили большую книгу, которую опубликовали его друзья, – «Ни аршином, ни умом» [4]. К записанным Кулемзиным курьезам можно относится поразному, он относился к ним серьезно, задумывался над ними, анализировал. В предисловии к своей последней книге он писал: «Иные говорят: нет этнической психологии. Я им в ответ – пройдите пешком весь Китай и всю Германию. Вы не найдете человека, которому безразлично, посадят ли его в тюрьму или присвоят героя, лишь бы пролететь под мостом на самолете, а потом махнуть в Америку через Северный полюс без оглядки на мнение правительства. Когда я спрашивал информантов мнение о другом народе, то о русских мнение было поразительно одинаковым: “Не поймешь”, о бурятах – упрямый, о немцах – точный, о евреях – умный, об аборигенах Сибири – бесхитростный, о корейцах – хитрый, о китайцах – трудолюбивый.

Не хотелось бы только, чтобы написанное мною воспринималось как пасквиль. Полагаю, что на самом деле получилось несколько специфических этнографических срезов, позволяющих уловить некоторые особенности различных сословий современной Сибири, а значит – и России. Я убежден, что нельзя прерывать традицию поисков генератора мощного положительного заряда россиян, и сибиряков в особенности.

В данном случае, мне думается, любая отдельно взятая “картинка” мало что значит. Они дают представление о несгибаемости и одновременно пластичности нашего народа только все вместе. Точно так же, все вместе, они демонстрируют его оптимизм, оснований для которого сейчас почти нет.

Может быть, у меня не всегда достает языковых средств для расшифровки подсмотренных мною курьезов, передачи связанных с ними ощущений. Ведь многое логически просто необъяснимо. Пусть каждый упражняется в этом деле самостоятельно» [1. С. 7–8].

Владислав Михайлович, изучая мировоззрение других народов, всю жизнь пытался понять душу своего – русского народа. В том же предисловии он написал: «Почему курьезы? Потому что любопытные, забавные, смешные обстоятельства и происшествия только и могут иногда проявить скрытую суть некоторых явлений; только при благожелательном настрое, который они вызывают, и можно более справедливо оценить русский, а значит, и сибирский характер, нашу ментальность – ту самую, которую умом не понять, “аршином общим не измерить”» [1. С. 5].

Всем видам отдыха В.М. Кулемзин предпочитал отдых на природе, занимался ловлей рыбы, сбором ягод и грибов. Он признавался: «Люблю бродить по берегу реки с удочкой, а с корзиной по лесу. Люблю в глухом месте поставить палатку. Люблю собак и кошек, много сделал наблюдений, люблю болтать с девчонками 5–6 лет возраста. Терпеть не могу технику, машины, поэтому отмотал ноги довольно рано, чуть за 60» [Там же. С. 7].

Ушел человек большого ума и души, о нем будут сожалеть не только жена Валентина Ивановна, дочь Александра, внуки, брат Анатолий, сестры Нина и Лида, племянники, но и многие другие родные и близкие, друзья и коллеги, знакомые и малознакомые. Он оставил не только серьезные научные труды, но и знаменитую «Иконку» и много других историй. Неизвестно еще, что важнее, время покажет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулемзин В.М. Записки этнографа. Жизнь прожить – не поле перейти / ред.-сост. В.П. Зиновьев. Томск : Изд. дом Том. гос. ун-та, 2017. 236 с.
2. Литвинов А.В. Владислав Михайлович Кулемзин // Электронная энциклопедия ТГУ. URL: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php
3. Кулемзин Владислав Михайлович : библиографический указатель : [к 60-летию со дня рождения] / НИИ ВОУН; сост. С. Берендеева; ред. А. Каксин; биогр. справка Н. Лукиной. Ханты-Мансийск, 1998. 26 с.
4. Кулемзин В.М. Ни аршином, ни умом. Реальные сибирские картинки. Томск : Сибирика, 2005. 203 с.

Vasiliy P. Zinovyev, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru
Aleksandr V. Litvinov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: litvinovav77@yandex.ru

VLADISLAV KULEMZIN – ETHNOGRAPHER BY THE GRACE OF GOD

Keywords: V.M. Kulemzin, ethnographer, Siberia, traditional worldview of indigenous peoples.

It is dedicated to the memory of Vladislav Mikhailovich Kulemzin (5.05.1938-Toguchin, Novosibirsk region – 30.08.2021-Novosibirsk), a Russian ethnographer, professor of the Faculty of Historical and Political Sciences of Tomsk State University, author of more than 250 scientific papers, participant of 20 ethnographic expeditions, specialist in the worldview of the indigenous peoples of Western Siberia and the Urals.

REFERENCES

1. Kulemzin, V.M. (2017) *Zapiski etnografa. Zhizn' prozhit' – ne pole pereyti* [Ethnographer's notes. To live life is not a field to go]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Litvinov, A.V. (n.d.) *Vladislav Mikhaylovich Kulemzin*. [Online] Available from: http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php
3. Berendeeva, S. (1998) *Kulemzin, Vladislav Mikhaylovich: bibliograficheskiy ukazate*l' [Kulemzin Vladislav Mikhailovich: bibliographic index]. Khanty-Mansiys: [s.n.].
4. Kulemzin, V.M. (2005) *Ni arshinom, ni umom. Real'nye sibirskie kartinki* [Neither yardstick nor mind. Real Siberian pictures]. Tomsk: Sibirika.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЕЕВА Татьяна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: interdeptsu@gmail.com

АФОНЬШИНА Александра Ильинична, кандидат исторических наук, Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. E-mail: Aleksandra.inbox@mail.ru

БЕРСЕНЕВ Максим Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: m.bersenev@gmail.com

ВИНАРСКИЙ Петр Андреевич, майор в отставке, воспитатель Кадетской школы-интерната «Северский кадетский корпус». E-mail: oip71@mail.ru

ГИЛЬМИНТИНОВ Роман Радиевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник сетевого центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета, докторант факультета истории Дюкского университета (Дарем, США). E-mail: rg214@duke.edu

ГО Лицзюнь, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка Университета им. Сунь Ятсена (Чжухай, провинция Гуандун, КНР). E-mail: guolj5@mail.sysu.edu.cn

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник сетевого центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета E-mail: gololobov.eig@yandex.ru

ДАШИНАМЖИЛОВ Одон Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора аграрной и демографической истории Института истории СО РАН (Новосибирск). E-mail: Odon@bk.ru

ЖАМСАРАНОВА Раиса Гандыбаловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. E-mail: rebeca_zab@mail.ru

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович, доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар). E-mail: zagreb72@izh.com

ЗАРУБИН Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: zarkaman@mail.ru

ЗВОРЫГИН Роман Викторович, аспирант кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления факультета управления Московского финансово-промышленного университета «Синергия». E-mail: vatmana3@inbox.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национадьного исследовательского Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

ЗИНОВЬЕВА Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социальной работы, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра ИСР Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: valentina.zinoviyeva@gmail.com

ИВАНОВА Наталья Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул). E-mail: ivanovanp@gmail.com

КАРПОВА Эльвира Равильевна, ассистент кафедры документоведения и документационного обеспечения управления Тюменского государственного университета. E-mail: elle-d@mail.ru

КОШЕЛЕВА Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: key7@mail.tsu.ru

КРАСОВИТОВА Эльвира Сергеевна, учитель истории и обществознания средней школы № 9 г. Сургута. E-mail: KrasovitovaElvira@yandex.ru

ЛИТВИНОВ Александр Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: litvinovav77@yandex.ru

МАСТРЮКОВА Анастасия Александровна, преподаватель кафедры истории и документоведения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: mastryukovaa@mail.ru

МЕНЩИКОВА Юлия Валерьевна, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: menshchikova.yu@mail.ru

МОСТОВЕНКО Максим Станиславович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: reiseleiter@mail.ru

НАРОНСКАЯ Анна Гегамовна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: naronsk.an@mail.ru

НЕЧИПОРУК Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии» Тюменского государственного университета. E-mail: d.m.nechiporuk@utmn.ru

ПИСКУНОВ Михаил Олегович, кандидат исторических наук, доцент Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета. E-mail: m.o.piskunov@utmn.ru

ПОКРОВСКАЯ Елена Михайловна, кандидат философских наук, заведующая кафедрой иностранных языков, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: pemod@yandex.ru

ПОПОВ Юрий Павлович, аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: jasonic.popov@gmail.com

РАИТИНА Маргарита Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Томского университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: raitina@mail.ru

РАКОВ Тимофей Николаевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета. E-mail: timofey.rakov@gmail.com

РОГАЕВА Ирина Евгеньевна, аспирант кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: irina_rogaeva@mail.ru

САВКОВИЧ Евгений Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: savkovic@sibmail.com

САМОФАЛОВА Елена Игоревна, старший преподаватель кафедры международной деловой коммуникации факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: alyonchik83@mail.ru

СВИНЦОВА Марина Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва). E-mail: MNSvintsova@fa.ru

СОСКОВЕЦ Любовь Ивановна, доктор исторических наук, профессор отделения социально-гуманитарных наук наук Национального исследовательского Томского политехнического университета. Email: ivitca56@mail.ru

ТИМОФЕЕВА Олеся Алексеевна, главный архивист Государственного архива Тюменской области. E-mail: timofeewaolesya@yandex.ru

ТРОИЦКИЙ Евгений Флорентьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики факультета историческихи политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: eft@rambler.ru

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: troub@mail.ru

ЦЗЮЙ Чуанья, кандидат филологических наук, постдокторант факультета русского языка Университета им. Сунь Ятсена (Чжухай, провинция Гуандун, КНР). E-mail: 450076784@qq.com

ЦУРАНОВИЧ Алиция, доктор политических наук, доцент факультета политических наук и международных отношений Варшавского университета (Польша). E-mail: a.curanovic@uw.edu.pl

ЦЫБ Сергей Васильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) (Барнаул). E-mail: tsyb.ru@mail.ru

ЧЕРНЫШЕВА Наталья Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва). E-mail: natiche84@mail.ru

ЧМЫХАЛО Александр Юрьевич, кандидат философских наук, доцент Отделения социально-гуманитарных наук Национального исследовательского Томского политехнического университета. E-mail: sanichtom@inbox.ru

ШУЛЬМИН Максим Петрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры истории и социальной работы Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. E-mail: scoobi@inbox.ru

ЩЕРБИЧ Софья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований пространства Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола) Тюменского государственного университета. E-mail: sofia-sh@mail.ru

ЯКУБ Алексей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: avy59@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2021 № 73

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский
Главный редактор – В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь – Е.А. Федосов

Подписано к печати 03.10.2021 г. Формат 60x84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,5. Усл. печ. л. 22,8. Тираж 50 экз. Заказ № 4791. Цена свободная.

Дата выхода в свет 10.11.2021 г.

Редактор Е.Г. Шумская
Оригинал-макет Е.Г. Шумской
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редакторы-переводчики – А.А. Глущенко, В.Н. Горенинцева

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет
Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: **http://journals.tsu.ru/history**

Founder – Tomsk State University
Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.
Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history.
The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://journals.tsu.ru/history. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь Е.А. Федосов
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Издательство:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательство Томского государственного университета
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Egor Fedosov
E-mail: feavestnik@yandex.ru

Publisher:
Tomsk State University Press,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru